

РУССКАЯ
МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

ІЮНЬ.

МОСКВА.

Типо-литографія Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Цименовская улица, соб. домъ.

1889.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

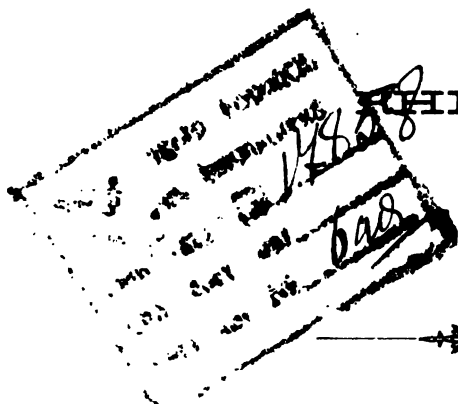
	<i>Стр.</i>
I. ГАРДЕНИНЫ, ИХЪ ДВОРНЯ, ПРИВЕРЖЕНЦЫ И ВРАГИ. (Романъ). Часть I, гл. V—VIII. <i>Продолженіе.</i> —А. И. Эртеля.	1
II. ДОКТОРЪ СЕВБЕРЪ. Романъ Джоржа Кэбла. Переводъ съ англійскаго А. С. П. <i>Окончаніе.</i>	78
III. ХАМЪ. Повѣсть Элизы Ожешковой. Переводъ съ польскаго В. М. Л. <i>Продолженіе.</i>	105
IV. СТИХОТВОРЕНІЕ.—С. Г. Фруга.	128
V. СВѢТСКАЯ ДАМА. Романъ Гектора Мало. Часть I, гл. IX; часть II, гл. I—IV. Переводъ съ французскаго В. М. Р. <i>Про- долженіе</i>	129
VI. СТИХОТВОРЕНІЕ.—П. А. Козлова.	166
VII. ИЗЪ МАТЕРІАЛОВЪ ДЛЯ БІОГРАФІИ А. И. ГЕРЦЕНА. <i>Окончаніе.</i> —В. И. Нуруты.	1
VIII. НАРОДНОЕ БОГАТСТВО И ТАМОЖЕННАЯ ПОЛИТИКА.— А. А. Исаева	20
IX. ВСЕВОЛОДЪ ГАРШИНЪ.—С. А. Андреевнаго.	46
X. БЕЗСИЛЬНАЯ ЗЛОБА АНТИДАРВИНИСТА. (По поводу статьи г. Страхова: <i>Всегдашняя ошибка дарвинистовъ</i>). <i>Продол- женіе.</i> —Н. А. Тимирязева.	65
XI. АНГЛІЙСКІЕ ИСТОРИКИ: II. Лекки.—М. С.	83
XII. ОЧЕРКИ ФРАНЦУЗСКОЙ ЖИЗНИ. (Письмо изъ Парижа).— Франко-Слава	113
XIII. ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ. XXXVI.—Н. В. Шелгунова.	125
XIV. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Гольцева.	147

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

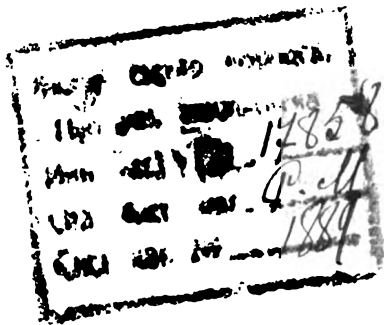
ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

МОСКВА.

1889.

PRESERVATION
REPLACEMENT
REVIEW ordered 3/29/84

VI

AP50
R875
v. 10:6
MAIN

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. ГАРДЕНИНЫ, ИХЪ ДВОРНЯ, ПРИВЕРЖЕНЦЫ И ВРАГИ. (Романъ). Часть I, гл. V—VIII. <i>Продолженіе</i> .—А. И. Эртеля.	1
II. ДОКТОРЪ СЕВЬЕРЪ. Романъ Джоржа Кэбля. Переводъ съ англійскаго А. С. П. <i>Окончаніе</i> .	78
III. ХАМЪ. Повѣсть Элизы Ожешковой. Переводъ съ польскаго В. М. Л. <i>Продолженіе</i> .	105
IV. СТИХОТВОРЕНІЕ.—С. Г. Фруга.	128
V. СВѢТСКАЯ ДАМА. Романъ Гектора Мало. Часть I, гл. IX; часть II, гл. I—IV. Переводъ съ французскаго В. М. Р. <i>Продолженіе</i> .	129
VI. СТИХОТВОРЕНІЕ.—П. А. Козлова.	166
VII. ИЗЪ МАТЕРІАЛОВЪ ДЛЯ БІОГРАФІИ А. И. ГЕРЦЕНА. <i>Окончаніе</i> .—В. И. Нуруты.	1
VIII. НАРОДНОЕ БОГАТСТВО И ТАМОЖЕННАЯ ПОЛИТИКА.—А. А. Исаева.	20
IX. ВСЕВОЛОДЪ ГАРШИНЪ.—С. А. Андреевскаго.	46
X. БЕЗСИЛЬНАЯ ЗЛОБА АНТИДАРВИНИСТА. (По поводу статьи г. Страхова: <i>Всегдашняя ошибка дарвинистовъ</i>). <i>Продолженіе</i> .—Н. А. Тимирязева.	65
XI. АНГЛІЙСКІЕ ИСТОРИИ: П. Лекки.—М. С.	83
XII. ОЧЕРКИ ФРАНЦУЗСКОЙ ЖИЗНИ. (Письмо изъ Парижа).—Франко-Слава.	113

	<i>Стр.</i>
XIII. ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ. XXXVI.—Н. В. Шелгунова . . .	125
XIV. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Гольцева	147
XV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Докладъ финляндскаго генералъ-губернатора.—Полемика о «русской партіи». — Чрезвычайное земское собраніе. — Прекращеніе судебного дѣла на курско-азовской дорогѣ.—Нормированіе военнаго бюджета.—Данныя внѣшней торговли.—Снабженіе юга рабочими.—Новые взгляды педагоговъ на преподаваніе древнихъ языковъ. — Наши общеобразовательныя училища.—Тарифное совѣщаніе.—О. Ѳ. Миллеръ †.— В. Брестовскій-псевдонимъ †.	155
XVI. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: Жизнь и сочиненія Вахофера.— Н. С. Русанова	180
XVII. СТРАШЕНЪ СОНЪ, ДА МИЛОСТИВЪ БОГЪ. — Н. Н. Михайловскаго	212
XVIII. БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книжки: Исторія. — Путешествія. — Статистика. — Юридическія книги. — Медицина. — Сельское хозяйство. — Языковѣдѣніе. — Учебники. — Справочныя книги. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», май. — «Русскій Вѣстникъ», апрѣль—май. — «Русская Старина», ноябрь 1888 г. — май 1889 г. — «Трудъ», кн. I—VI. — «Этнографическое Обозрѣніе», кн. I. — «Вѣстникъ археологій и исторій», августъ VII. — «Летописи Матице Српске», августъ I.	227

ГАРДЕНИНЫ, ИХЪ ДВОРНЯ, ПРИВЕРЖЕНЦЫ И ВРАГИ *).

(Романъ).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

У.

О Николаѣ.—Говѣніе.—Правда ли, что кобыла Отрадная „забалтывается“.—Стихотворство.—Потомственный почетный гражданинъ и кавалеръ.—О старикъ и новыхъ сюжетахъ XVIII и XIX вв. въ Гарденинѣ.—Страшный грѣхъ.—Мечты, страхи, вѣдьма и неудавшійся подвигъ мученичества.

Николаю, какъ и другимъ, случалось очень часто слышать отъ Агея Данилыча «продерзостныя слова». Но такъ какъ всё относилось къ этимъ словамъ не серьезно, то и онъ привыкъ мало обращать на нихъ вниманія. Рѣдко-рѣдко иное слово западало ему въ душу и вызывало тамъ что-то вроде вопросовъ и сомнѣній. Но и вопросы, и сомнѣнія какъ-то незамѣтно и неслышно затихали, производя лишь мимолетную рябь на гладкой поверхности дѣтскихъ вѣрованій и понятій. Да не могло и быть иначе, потому что всякій членораздѣльный звукъ, исходящій изъ устъ Агея Данилыча, рассматривался въ Гарденинѣ какъ несомнѣнное чудачество и шутовство, и Николаю тотчасъ же становилось стыдно, когда онъ примѣчалъ, что такое-то его «сомнѣніе» произошло изъ словъ столь смѣшнаго и неосновательнаго человѣка.

Вообще то, что Николай принялъ на вѣру отъ своей тетки, и то, что онъ рѣшительно безъ всякихъ размышленій перенялъ отъ тѣхъ людей, съ которыми жилъ, подвергалось очень незамѣтному и незначительному броженію. Въ его душѣ было какъ будто сложено извѣстное количество взглядовъ, понятій, вѣрова-

*) *Русская Мысль*, кн. V.

нѣй, и лежало тамъ не прибранное и не пересмотрѣнное, но въ покоѣ. Настоятельной нужды трогать *это* еще не встрѣчалось, — ни въ смыслѣ критики, ни въ смыслѣ того, чтобы жить *этимъ*. Жилось ему, въ сущности, вовсе не *этимъ*, а тѣмъ же самымъ, чѣмъ живетъ молодой, сильный и красивый дубокъ или молодое, сильное и красивое животное. Онъ безсознательно впитывалъ въ себя и претворялъ все, что казалось ему свѣтлымъ, радостнымъ, пріятнымъ, и веселился тѣмъ ощущеніемъ жизни, которое сопровождало эти безсознательныя впечатлѣнія. Онъ не задавался вопросами: для чего это? зачѣмъ? что изъ этого сходственно съ понятіемъ о добрѣ и что — съ понятіемъ о злѣ? Иногда то или иное огорчало его, причиняло ему чувство, похожее на чувство страданія, но это происходило отнюдь не изъ размышленія, а просто потому, что было непріятно, невесело. А отчего — онъ не зналъ, да и не любопытствовалъ узнавать. Сила непосредственной жизни прилиwała еще такимъ непрерывнымъ потокомъ, и такъ много было работы съ больше и больше наливающимися мускулами, съ напряженіемъ мышцъ, съ яркою и плѣнительною игрой воображенія, съ чисто-животною потребностью двигаться, быстро переходить изъ одного положенія въ другое, что рѣшительно некогда было думать и размышлять. Въ потемкахъ его души, въ той области, гдѣ надлежало бы возникать не чужимъ, а своимъ собственнымъ, самостоятельнымъ мыслямъ, только совсѣмъ недавно начинали вспыхивать — не мысли, а ключи, отрывки мыслей, вродѣ тѣхъ, которыя мелькали у него ночью, послѣ поѣздки съ отцомъ въ степь.

Кромѣ Агея Данилыча, на Николая могъ бы, казалось, повліять другой философъ гарденинской дворни — Иванъ Федотычъ. Но дѣло въ томъ, что Николай бывалъ у Ивана Федотыча вовсе не ради его огромной для двороваго человѣка начитанности въ «божественныхъ» книгахъ и склонности къ философическимъ соображеніямъ, а ради того, что Иванъ Федотычъ былъ превосходный рассказчикъ, зналъ множество любопытныхъ исторій. Къ тому же, онъ любилъ рассказывать и любилъ, чтобы его внимательно слушали и подзадоривали вопросами и напоминаніями. А лучшаго слушателя, какъ Николай, невозможно было сыскать. Зимой, и особенно въ непогоду, онъ готовъ былъ ночи на-пролетъ слушать мѣрную, неторопливую, выразительную рѣчь столяра. Въ теплой, уютной избѣ пахло свѣжимъ стружками, лакомъ, клеємъ, визжала пила, стругалъ рубанокъ, слышался однообразный гулъ прялки, за которой сидѣла красавица столярова жена... за окнами сердито шумѣла вьюга, потрясая и царапая плотно притворенныя ставни... И всѣ

эти звуки, запахъ лака и стружекъ, видъ погруженной въ вѣчное молчаніе красавицы, важное и неизмѣнно-ласковое лицо столяра какъ-то странно переплетались съ содержаніемъ разсказовъ, придавали этимъ разсказамъ какую-то особенную, фантастическую прелесть.

Какія же исторіи зналъ Иванъ Федотычъ? Да и не пересчитаешь. Отъ него слышалъ въ первый разъ Николай *Исторію двухъ калошъ, Капитанскую дочку*, про козака Биршу и Юрія Милославскаго, про Дубровскаго, *О двѣцѣ Антонионъ, дочери Эдипа царя, о Гамлетѣ, принцѣ датскомъ*, и т. д. Нужно добавить, что Иванъ Федотычъ распоряжался съ этими сюжетами весьма свободно: въ одной и той же исторіи у него сегодня оказывались такія событія, которыхъ не было вчера, прибавлялись и исчезали дѣйствующія лица, измѣнялось содержаніе. Кромѣ того, Иванъ Федотычъ зналъ были, легенды, житія святыхъ, говорилъ краткія повѣсти, иногда выдумывая ихъ изъ собственной головы... Все у него текло одинаково гладко, вдумчиво и красиво. Все заключало въ себѣ какую-нибудь «превозвышенную» мысль. Но для Николая мысли эти почти оказывались бездѣйственными, и только образы, лица, фигуры волновали его и, въ связи со всѣмъ, что онъ находилъ въ столяровой избѣ, доставляли ему истинное наслажденіе.

На шестой недѣлѣ поста отсѣяли овсы, а на страстной Николай удостоенъ былъ приглашенія отъ Капитона Аверьяныча вмѣстѣ говѣть. Едва свѣтало, говѣльщикамъ подавали въ шарабанѣ кобылу Отрадную, Николай бралъ возжи въ руки и въ какіе-нибудь полчаса они достигали приходской церкви, гдѣ къ тому времени только что начиналась заутреня. Необыкновенно бодрое и живое состояніе духа внушалось Николаю этими ранними поѣздками. Славный утренній холодокъ, заря на блѣдномъ небѣ, степь, выступающая мало-по-малу изъ сѣрой предразсвѣтной мглы, важно-унымый великопостный звонъ, — все это какъ нельзя лучше подготовляло къ тому, что совершалось въ церкви. Въ церкви бывалъ еще полумракъ во время заутрени. Горѣло нѣсколько огненныхъ точекъ передъ мѣстными иконами, видно было, какъ на окнахъ алтаря розовымъ свѣтомъ разгорался востокъ, видно было, какъ все болѣе и болѣе свѣтлѣло небо и одна за другою погасали звѣзды... Пахло воскомъ, ладаномъ, полушубками... И такъ трогательно раздавались въ звонкомъ просторѣ церкви слова отца Григорія: «Господи, Владыко живота моего, духъ праздности и унынія не даждь ми...» Капитонъ Аверьянычъ грузно опускался на колѣни, внятно и благоговѣнно повторяя: «Господи, Владыко живота моего...» Вся цер-

зовь наполнялась шорохомъ и молитвеннымъ шепотомъ. И Николай въ свою очередь повергался ницъ, стучался лбомъ о холодныя плиты, просилъ Владыку о духъ смиренномудрія, цѣломудрія, терпѣнія и любви. По правдѣ-то сказать, Николай хорошенько и не понималъ, что, напримѣръ, означается словомъ «смиренномудріе»; также и «духъ любоначалія» былъ для него невразумителенъ. Но это все равно. Пріятно было молиться и просить вмѣстѣ со всѣми и пріятно было чувствовать внутри себя какой-то сладкій приливъ умиленія и тихой радости.

Когда, отстоявши обѣдню въ «великую среду», говѣльщики возвращались въ Гарденино, въ поляхъ уже все линовало. Блистали чистыя небеса, заливались жаворонки, тянули къ битующимъ камышамъ дикіе гуси съ протяжнымъ крикомъ... Вмѣсто проникающей утренней прохлады, сдѣлалось тепло и сухо. Такая погода подмывала Николая: ему хотѣлось такъ пустить лошадь, чтобы захватывало духъ. Онъ искоса посмотрѣлъ на Капитона Аверьяныча, слегка и незамѣтно натянулъ возжи и съ наслажденіемъ почувствовалъ, что Отрадная рвется впередъ, все прибавляя рыси. Но Капитонъ Аверьянычъ внезапно вышелъ изъ своей сосредоточенной задумчивости и остановилъ Николая:

— Куда гонишь? Не на пожаръ. Эка зудъ-то у тебя.

Николай сконфузился и сдержалъ лошадь. Опять поѣхали легонькою рысцей. Капитонъ Аверьянычъ поднялъ къ небу свои огромныя очи, глубоко втянулъ въ себя степной воздухъ, сказалъ:

— Какая благодать, а ты гонишь, точно угорѣлый!—и замурлыкалъ въ бороду.

Николаю стало скучно. Послѣ долгаго молчанія онъ попытался завязать разговоръ съ своимъ важнымъ спутникомъ, вѣжливо кашлянулъ и спросилъ:

— Капитонъ Аверьянычъ, что значить «смиренномудріе»?

— Гм... Старшихъ слушайся, вотъ что значить. Ты вотъ младъ—будь въ смиреніи, потому въ этомъ и состоитъ мудрость вьюноши.

Разговоръ оборвался. Капитонъ Аверьянычъ опять что-то загудѣлъ про себя.

— Капитонъ Аверьянычъ, а «любоначаліе»?—съ особенно изысканною почтительностью спросилъ Николай спустя пять минутъ.

— Чего—любоначаліе?

— Вотъ отецъ Григорій читаетъ: духа праздности, любоначалія не даждь ми.

Но отвѣта не получилось. Капитонъ Аверьянычъ, попрежнему, принялся гудѣть, не обращая вниманія на Николая.

— Хорошо бѣжить Отрадная, однако же, собой дѣлаетъ не вполне, — какъ бы про себя замѣтилъ Николай, стораая желаніемъ погнать лошадь.

— Кто это тебѣ сказалъ? — спросилъ Капитонъ Аверьянычъ, насмѣшливо взглянувъ на Николая.

— Да вы посмотрите, Капитонъ Аверьянычъ! право же, на сбояхъ забалтывается.

— Ну-ва пусти, пусти.

Николай выткнулъ руки, шевельнулъ возжами... Отрадная крупною и машистою рысью бросилась впередъ, колеса шарабана слились отъ быстрой ѣзды въ какія-то круглыя пятна... Вдругъ—маленькая рытвинка на дорогѣ, шарабанъ съ мягкимъ трескомъ подскочилъ, Отрадная изъ рыси перешла вскачь, запрыгала, закусила удила...

— У, дурья голова! — крикнулъ Капитонъ Аверьянычъ и вырвалъ возжу у Николая. — Вотъ!... Вотъ какъ правятъ!... Вотъ какъ собой дѣлаютъ!... — говорилъ онъ, передергивая Отрадную. Почувствовавъ опытную руку, лошадь стремительно влегла правымъ плечомъ въ хомутъ и вступила въ рысь. Капитонъ Аверьянычъ заставлялъ ее опять и опять дѣлать «сбой», то-есть дѣлать нѣсколько сильныхъ порывистыхъ скачковъ и прямо съ послѣдняго вступать движеніемъ лѣвой задней ноги въ красивую и чрезвычайно быструю рысь. — Вотъ какъ возжи - то держать, дурья голова! — покрикивалъ Капитонъ Аверьянычъ съ видомъ затаеннаго торжества. Такимъ образомъ пролетѣли версты три и только въ виду Гарденина разгоряченную Отрадную заставили идти шагомъ.

— Отлично вы правите, Капитонъ Аверьянычъ, — льстиво воскликнулъ Николай, — вотъ бы вамъ самимъ на Броликѣ.

— Кабы съ костей долой лѣтъ двадцать, я бы имъ показалъ ѣзду, — сказалъ Капитонъ Аверьянычъ, вытирая клѣтчатымъ платкомъ вспотѣвшій лобъ.

— А Вареоломеичъ, вѣдь, плохъ, Капитонъ Аверьянычъ! Я на медни—выѣхалъ онъ на дистанцію, а я посмотрѣлъ: гуды плохъ. Броликъ на поворотѣ сдѣлалъ сбой, а онъ: тпру, тпру, самъ же ухватился за щитокъ и за щитокъ держится. Ну, думаю, наѣздишь! Недаромъ вы воейковскаго Ефима хотите нанять: говорятъ, ужасно ловокъ на сбояхъ.

— За то Вареоломеева и гонять, что плохъ. Ты вотъ спрашивалъ—любоначаліе. Онисимъ-то изъ эдакихъ. Востеръ покомандо-

вать. Воды на самоваръ принесть, это ужь онъ безпремѣнно конюха заставить. Или смотрю наемни: Федотка сапоги ему ваксой наводитъ. Вотъ и выходитъ—любоначальникъ. Сосеть трубчонку свою, только и дѣловъ... А ты самъ, поди, куришь украдкой отъ отца, а?—неожиданно закончилъ Капитонъ Аверьянычъ.

— Какъ можно-съ!—краснѣя, воскликнулъ Николай.

— Ну, рассказывай! Всѣ вы на одной колодкѣ сбиты. Ефремъ Капитонычъ тоже пишетъ—не курю. Но я не вѣрю, хотя-жь онъ и студентъ Императорской академіи.

Подѣхали къ усадьбѣ. Сутуловатая фигура Агея Данилыча показала околомъ конторы и двинулась имъ на встрѣчу. «Отдай Отрадную, да приходи чай пить: отецъ-то, небось, безъ тебя управился»,—сказалъ Капитонъ Аверьянычъ, окончательно приходя въ благодушное настроеніе, и затѣмъ кривнулъ конторщику: «Эй, аеиствъ, волокись чай пить! Ишь, все безбожничаетъ, а смотри—благодать какая стоитъ»,—и всѣ трое мирно направились къ флигельку конюшаго.

Однако, говѣніе, подобно другимъ, болѣе или менѣе значительнымъ ощущеніемъ Николая, отзывалось и на его способности воображать; временами оно двигало тѣ колеса въ его душѣ, которыя управляли мечтами о загробной жизни, о подвижничествѣ, о покаяніи. Правда, колеса эти не слишкомъ работали, часто останавливались, давали ходъ другимъ, совсѣмъ не о загробной жизни, тѣмъ не менѣе, онъ, напившись чаю у конюшаго и возвратившись домой (отца не было), вдругъ почувствовалъ это великопостное настроеніе, отчасти и потому, что рѣшительно не зналъ, чѣмъ заняться... Лѣнливо волоча ноги, побродилъ по комнатамъ, взялъ истрепанный томикъ Больцова, раскрылъ *Думы*, почиталъ... настроеніе усугубилось, неволью стало приноравливаться къ стихамъ. Тогда онъ положилъ передъ собою листокъ бумаги, взъерошилъ волосы и, съ видомъ вдохновенія, съ глазами, увлажненными слезою, написалъ «стихотвореніе». Оно начиналось такъ:

«Ахъ, ты, тучка, туча черная,
Да когда же ты пройдешь?
Ахъ, печаль, печаль ты сердцу сродная,
Да когда же ты пройдешь?...»

и, послѣ многихъ такого же рода обращеній, оканчивалось: «Въ блуждающихъ взорахъ, я лика Спаса искалъ, и одежду мою брениую я слезами орошалъ. Слезы, лейтесь потокомъ, и изъ устъ, молитва, несись, и тѣмъ молитвамъ Ты, Боже, внимай и слезамъ моимъ даромъ течь не давай!»

Когда «черновая» была готова, Николай съ наслаждениемъ прочиталъ стихи, — сначала шепотомъ, а потомъ громче и громче, упираясь звукомъ собственнаго голоса. Затѣмъ сходилъ въ контору, пробрался на цыпочкахъ мимо спины углубленнаго въ свое дѣло Агея Данилыча къ шкафу, похитилъ оттуда листъ такъ называемой «министерской» бумаги—гладкой, какъ атласъ—и, благополучно возвратясь, рачительно переписалъ стихи. Оставалось подписать, что сочинилъ Николай Рахманный, такого-то года, мѣсяца и числа, въ селѣцѣ Анненскомъ, Гарденино тожь. Но только что Николай приступилъ къ этому, только что подумалъ, какъ лучше расчеркнуться—съ завитушками или «крючкомъ», мимо оконъ промчалась тройка въ блестящей сбруѣ, загремѣли бубенчики. Сгорая отъ любопытства, Николай бросилъ стихи и стремглавъ вылетѣлъ на крыльцо. Взымленныя лошади стояли у подъѣзда.

Въ Гарденино такъ рѣдко заѣзжали посторонніе люди, гарденинская жизнь такъ была однообразна и тиха, что, обыкновенно, каждое появленіе новаго человѣка встрѣчалось Николаемъ какъ самый радостный праздникъ. Новый человѣкъ приносилъ съ собою какъ бы частичку иного, не гарденинскаго міра, и если Николаю казалось иногда, что жизнь того, неизвѣстнаго ему міра походить на шумное море, то съ новымъ человѣкомъ точно вѣгала волна въ мертвое гарденинское затишье.

На этотъ разъ «новый человѣкъ» внушилъ Николаю, вмѣстѣ съ жаднымъ любопытствомъ, и нѣкій трепеть. Тройкою правилъ «молодецъ», похожій на купеческаго прикащика, а въ тарантасѣ сидѣлъ плотный человѣкъ въ пальто и въ плюшевомъ картузѣ съ бобровымъ околышемъ. Какъ по этому картузу, такъ и по камышевой трости съ костянымъ набалдашникомъ, по прекрасной, выхоленной и расчесанной волосокъ къ волоску свѣтло-русой бородѣ и, особенно, по золотымъ очкамъ Николай сразу смѣтилъ, что это особа не маловажная. Онъ почтительно подошелъ къ тарантасу, низко поклонился... Вдругъ, къ его полнѣйшему и пріятнѣйшему изумленію, немаловажная особа съ отнѣнною вѣжливостью отвѣтила на поклонъ и, любезно улыбаясь, изысканно-благосклоннымъ голосомъ спросила:

— Позвольте узнать, здѣсь жительствоуетъ господинъ управляющій?

— Точно такъ-съ.

— Имя-отчество—Мартинъ Лукьянычъ, если не ошибаюсь?

— Точно такъ-съ,—Мартинъ Лукьянычъ.

— А вы, позвольте узнать?

— Я ихній сынъ, Николай-сь.

— Николай Мартынычъ, значить. Очень пріятно познакомиться. Рекомендуюсь: Косьма Васильевъ Рукодѣевъ. — Особа ловко выпрыгнула изъ тарантаса и бѣлою, пухлою рукой съ брилліантомъ на указательномъ пальцѣ крѣпко пожала трепещущую руку смущеннаго и повергнутаго въ рѣшительное блаженство Николая. Онъ слышалъ, что Рукодѣевъ — богатый купецъ, живетъ въ своемъ имѣніи верстъ за тридцать отъ Гарденина, но никогда его не видалъ, и теперь сразу былъ очарованъ. Еще бы! до сихъ поръ Николая величали «по отчеству» либо въ шутку, какъ иногда Капитонъ Аверьянычъ, либо въ весьма рѣдкихъ исключеніяхъ; дѣвки, напримеръ, иначе его и не звали, какъ «Микола» и «Миколка»; руку ему тоже не подавали важные-то люди: только Капитонъ Аверьянычъ удостоивалъ протягивать палець. А тутъ, такой богачъ, такой «франтъ», съ столь великолѣпною осанкой и въ золотыхъ очкахъ, не только пожимаетъ ему руку и называетъ полнымъ именемъ, но и говоритъ совершенно какъ съ равнымъ. Это кореннымъ образомъ противорѣчило всѣмъ гарденинскимъ обычаямъ и понятіямъ.

— А дома вашъ папа? — спросилъ Рукодѣевъ.

— Они пошли на кашары, но я сейчасъ пошлю-сь.

Николай пригласилъ Рукодѣева «въ горницы», побѣждалъ такъ, что подъ нимъ горѣла земля, на конный дворъ, приказалъ убрать рукодѣевскихъ лошадей и накормить гучера, послалъ за отцомъ, распорядился, чтобы поставили самоваръ... А сдѣлавши что надо по хозяйству, вошелъ въ комнату и, послѣ нѣкотораго колебанія, сѣлъ въ почтительномъ отдаленіи отъ Рукодѣева и вдругъ такъ и сгорѣлъ: Косьма Васильичъ, благодушно посмѣиваясь, читалъ его стихи. Не помня себя, Николай вскочилъ и коснѣющимъ языкомъ пролепеталъ:

— Это я по поводу говѣнья-сь... Мы говѣемъ съ господиномъ конюшимъ...

— Вотъ какъ! Ничего, ничего. Сюжетецъ отсталый... въ новѣйшемъ вѣкѣ подобныя сюжеты опровергнуты. И рѣмовка слабовата. Но разъ вы стремитесь сочинять, это дѣлаетъ вамъ честь, молодой человекъ. Извините, если спрошу: сколько вамъ отъ рожденія?

— Девятнадцать-сь.

— Извольте говѣть по собственному усердію?

— То-есть, какъ-сь? Я всякій годъ говѣю.

Косьма Васильичъ произнесъ «гм» и съ тонкою усмѣшкой по-

глядѣлъ на Николая. И Николаю вдругъ стало неловко отъ этой усмѣшки. Онъ съ ненавистью взглянулъ на свои, красиво и на великоблѣнной бумагѣ переписанные стихи, украдкой потянулъ къ себѣ листъ, спомкалъ его и сунулъ въ карманъ. Тѣмъ временемъ Косьма Васильичъ не спѣша посмотрѣлъ на свои массивные золотые часы, не спѣша вынулъ изъ одного кармана массивный серебряный портсигаръ, изъ другаго — массивный янтарный мундштукъ и приготовился закурить. Николай опростетью бросился зажигать спичку. Рукодѣвъ протянулъ ему раскрытый портсигаръ:

— Не угодно ли?

— Я не курю-сь, — отвѣтилъ Николай, еще болѣе влюбляясь въ гостя.

— Что такъ? Нонѣшнее развитое поколѣніе придерживается этой привычки. Существуютъ отсталые взгляды и въ отношеніи куренія, но нужно протестовать. Гдѣ изволили обучаться?

— Дома-сь. Домашнее образованіе.

— Почитываете что-нибудь? подумываете, эдакъ, о вопросахъ?

— О, я очень люблю читать. Но негдѣ доставать книги-сь. Вотъ у волостнаго писаря *Евелину де-Вальероль* выпросилъ, но, между прочимъ, безъ конца. Ужасно интересно, а все безъ конца какъ-то неловко-сь.

— Гм... — Косьма Васильичъ пыхнулъ папирской. — А журналовъ не читаете?

— *Журналъ Коннозаводства* получаемъ... Только рѣдко читаю. Еще *Сынъ Отечества*... Фельетонная часть бываетъ иной разъ ужасно интересная.

— Ну, а эдакіе серьезные журналы? Ежемѣсячные?

— Нѣтъ-сь, не случалось, — съ живѣйшимъ сожалѣніемъ отвѣтилъ Николай. До сихъ поръ онъ весьма смутно понималъ, что такое «журналы», и никогда не видалъ ихъ.

— Напрасно. Въ ваши годы непременно нужно развиваться. Вотъ есть стремленіе сочинять... Однако же, сюжетъ не соответствуетъ. Ріемовка не бѣда, но сюжетъ-то вашъ относится къ эстетикѣ. Въ нонѣшнемъ вѣкѣ сюжеты предпочитаютъ гражданскіе. Надо развиваться, молодой человекъ.

Николай молчалъ, жадно вслушиваясь въ каждое слово Косьмы Васильича.

— Если желаете, я могу васъ снабдить: у меня абонементъ въ бібліотекѣ, — продолжалъ тотъ. — Пріѣзжайте какъ-нибудь, буду радъ. Я молодое поколѣніе люблю. Слышали объ Ильѣ Фионогенычѣ? Бунецъ, но просвѣщенный субъектъ вполне, отличную

библиотеку завель. Будете въ городѣ, непременно познакомьтесь. Есть у меня и собственные книги: два шкапа-сь. Разумѣется, под-боръ не особенный, — есть, между прочимъ, и Вальероль.

Въ это время вошелъ Мартинъ Лукьянычъ и еще въ дверяхъ низко поклонился Рукодѣву. Рукодѣвъ всталъ, отрекомендовался. Николай вскочилъ со стула.

— Вотъ мы тутъ съ молодымъ человѣкомъ о литературѣ разсуждаемъ, — сказалъ Косьма Васильичъ, — прошу пріѣхать ко мнѣ. Въ нонѣшній вѣкъ вся надежда на молодое поколѣніе. Надо ихъ развивать, развивать.

— Очень благодарю-сь. Онъ у меня любить почитывать. Но негдѣ взять-сь... Изъ барской библиотеки, сами изволите знать, неловко. Я вотъ и самъ охотникъ до книгъ, а негдѣ. Ничего не подѣлаешь.

— Сдѣлайте милость, ко мнѣ. У меня много — таки, могу похвастаться.

— Очень благодарю-сь. Если есть историческіе романы — пре-много обяжете. Ужасно, признаться, люблю историческое чтеніе. Съ молодости Зотовымъ, бывало, зачитывался... *Таинственный монахъ*, напримѣръ! Теперь ужъ какъ-то и не пишутъ такихъ книгъ. До чего забывался — совѣстно вспомнить-сь: живши у хозяина въ мальчикахъ, свѣчи кралъ, чтобы читать. Ей-Богу-сь!

— Я вотъ совѣтовалъ Николаю Мартинычу. Книгъ много.

— Очень благодарю... Благодарю, Николай. Онъ у меня любознательный паренекъ. Вы напрасно его по отчеству, Косьма Васильичъ, — молодъ еще. Покорно прошу чайку... Вотъ, слышишь, Николай, какъ о тебѣ заботятся? Это надо чувствовать. Бери стаканъ. Вотъ на праздникахъ возьми лошадей и можешь съѣздить... Дадутъ — читай. Лучше, чѣмъ баглуши-то бить. Можете себѣ вообразить, до чего набаловался: изъ конюховъ пріятелей себѣ заводитъ-сь!... Я, братъ, смотрю, смотрю, да и взыщу.

— А не напрасно, Мартинъ Лукьянычъ? — снисходительно улыбаясь, возразилъ Рукодѣвъ. — Конечно, не слѣдуетъ опускаться себя, но въ нонѣшнемъ вѣкѣ, во всякомъ разѣ, гуманность требуется. Всѣ мы, такъ сказать, братья, и потому мужикъ входитъ въ то же число. Было время, его и продавали, а теперь всѣ — граждане. Вы какъ полагаете, Николай Мартинычъ?

— Я такъ полагаю, что ваши слова совершенно справедливы, — мужественно отвѣтилъ Николай.

— Ну, ужъ ты бы не совался, — сказалъ отецъ.

— Какъ же, папенька, Государь Императоръ освободилъ — и вдругъ вы противъ!

— Поди, поди, поговори еще.

— А почему же, молодой человекъ, вашему папѣ и не имѣть собственнаго мнѣнія касательно эмансипаціи?—посмѣиваясь, спросилъ Рукодѣевъ.

— Какъ же можно-съ!

— Ну, а почему?

— Потому, всѣ мы подданные.

— Но, во всякомъ разѣ, не рабы. Какъ вы руководствуетесь въ этомъ сюжетѣ?

— Сроду родясь рабами не были,—съ гордостью сказалъ Мартинъ Лукьянычъ.—Еще прадѣдъ мой, царство ему небесное, былъ мценскимъ мѣщаниномъ. Не высокое званіе, но, все-жь-таки, не хамъ.

— Читайте, читайте, молодой человекъ,—сказалъ Рукодѣевъ,—развивайтесь!... А я къ вамъ собственно по дѣлу, Мартинъ Лукьянычъ: у васъ, слышно, есть продажные валуха,—не продадите ли мнѣ? Хочу на нонѣшнее лѣто тысяченки двѣ набрать, для нагула.

Послѣ чаю пошли смотрѣть валуховъ. Тѣмъ временемъ Николай, бросивъ допивать свой стаканъ, отрѣзалъ большой ломоть бѣлаго хлѣба, спряталъ его въ карманъ и бѣгомъ направился въ конюшни. Оттуда всѣ уже ушли обѣдать и оставались одни дежурные. Въ «рысистомъ отдѣленіи» дежурнымъ опять былъ Фодотка. Растянувшись на ларѣ, онъ крѣпко спалъ, подложивъ кулакъ подъ голову.

— Фодоть! Фодоть! вставай!—громко закричалъ Николай.

Фодотка вскочилъ испуганный.

— О, чтобъ тебя!—воскликнулъ онъ, протирая глаза,—я думалъ, Капитонъ Аверьянычъ. Ты чего?

— Да такъ,—и Николай съ веселымъ хохотомъ принялся щекотать Фодотку.

Тотъ отбивался; затѣмъ они схватились и стали бороться. Николай одолѣлъ и смѣялся, какъ сумасшедшій.

— Ишь тебя съ бѣлаго хлѣба-то подмываетъ! — сказалъ Фодотка, вставая съ пола и отряхиваясь.

Николай вспомнилъ, вынулъ изъ кармана ломоть и подалъ Фодоткѣ.

— Ышь!—сказалъ онъ кратко.

Они сѣли рядомъ на ларь. Николай досталъ папиросу и сталъ курить. Ѳедотка ѡль хлѣбъ.

— Аль гости у отца?—спросилъ онъ.

— Рукодѣевъ, Косьма Васильичъ. Вотъ, братъ, человѣкъ-то!

— Рассейскій?

— Душа! Богачъ, но, между тѣмъ, очень ужъ образованный человѣкъ. Папиросница у него серебряная—вотъ эдакая! Часищи золотые—вò! Папаша сталъ жаловаться: такъ и такъ, моги, сынъ съ мужиками дружить,—это, должно быть, про тебя,— а Косьма Васильичъ: всѣ мы, говорить, братья, что мужикъ, что баринъ. Вотъ какія слова!

— Коренникъ у нихъ больно хорошъ,—сказалъ Ѳедотка, отряхая подошъ и подбирая крошки въ ротъ.

— Еще бы! у него, братъ, чего мунштукъ одинъ стòить!

— Нѣтъ, пристяжные-то такъ себѣ. Лѣвая здорово на ноги посажена. А коренникъ важный. Что-жь, говоришь, мужикъ: развѣ я тебя чему плохому учу? Да и какіе-жь мы мужики, коли матушка изъ дворовыхъ? Мы вовсе и не мужики.

— Толкуй еще. Стòить, чортъ-те, о чемъ толковать! Ты вотъ что лучше скажи: Грунька не то пойдетъ на Святую къ заутрени, не то—нѣтъ, а? Кабы, братъ, разузнать?

— Погоди, ужо пойду ко двору рубашку смѣнять, толкнусь къ Василисѣ. Чай, Василиса знаетъ. Да ты, парень, вотъ еще что: намеднисъ брехали—Алешка Козликовъ за Груньку-то свататься хочеть. Ты бы не упускалъ свою дѣла.

— Ну, это, братъ, пускай онъ погодить: можетъ, я и самъ женюсь,—съ шикомъ, отплеываясь, заявилъ Николай и придавилъ окурокъ папирасы о каблукъ сапога.—Я вотъ посмотрю, посмотрю, да и женюсь. Нонче, братъ, послушай-ка людей-то настоящихъ!

Ѳедотка опять неопредѣленно помычалъ.

— Нѣтъ, я что думаю,—сказалъ онъ, принимая мечтательный видъ.—Вотъ найдется воейковскій Ефимъ, поѣдемъ мы, Господи благослови, въ Хрѣновое на тотъ годъ... Все мнѣ за каждый призъ награжденіе какое будетъ. Говорять, купецъ Мальчиковъ поддужному по красненькой отъ приза выдаетъ. Тогда первымъ дѣломъ, Господи благослови, безрукавку плисовую (онъ пригнулъ палецъ), фуфайку, какъ у Варѳоломеева (пригнулъ другой палецъ), плисовые штаны, сапоги на высокихъ подборахъ... И ихъ, поживемъ, Миколашка!

— А часы-то?

— А что-жь, по прошествіи времени можно и чаю. Это, братъ, какъ задастся.

Оба помолчали, погруженные въ сладкую задумчивость.

— Можетъ, и мнѣ генеральша жалованье положить,—неувѣренно произнесъ Николай.

Опять помолчали, каждый думая о своемъ.

— А что, Николай, говорятъ, вѣдь, и вправду Науму Нефедову каверинскій колдунъ подсобляетъ, а?

— Ерунда. Никакихъ колдуновъ нѣту. Это, братъ, брехня одна.

— И вѣдьмовъ, скажешь, нѣту?

— Конечно, однѣ глупости.

— Ну, ужъ это ты погоди: поддужный Ларька своими глазами ее видѣлъ.

— Это оказываетъ будто вѣдьма. Фантазія такая.

— Толкуй! Бѣлая, говорить, какъ кипень. Вотъ какъ за нимъ гналась!... Козлиха, говорить, оборачивается—Алешкина мать. Прямо ударится ѓ-земь—во что захочешь оборотится. Въ позапрошломъ году ее у Гомозковыхъ чуть-чуть не прихватили: повадилась коровъ выдаивать. Гараська взялъ дубину, сѣлъ, и ну давай ее караулить. Двѣ ночи сидѣлъ, на третью глядитъ—пришла; онъ ва-а-акъ дубиной гвозданетъ!... Козлиха-то какъ шарахнется—только ее и видѣли. На утро посмотрѣли, а у пестрой коровы яшшка содрана.

— Ну, вотъ, вмѣсто вѣдьмы, онъ и саданулъ по коровѣ.

— Это вѣрно, да отчего? Вѣдьму-то онъ видѣлъ... такъ, говорить, махонькая изъ себя, востренькая. Опосля того дѣло-то разобрали: ему что надо было?—ему первымъ долгомъ надо было сорвать съ себя гашникъ, да гашникомъ-то и обрататъ окаянную, да тогда ужъ и молотить дубинкой. Она никакъ не можетъ себя оказать супротивъ гашника. Нечистъ, братъ... къ ней нужно подступать умѣючи.

Николай ничего не сказалъ, потому что не зналъ, что возразить противъ такой очевидности. Помолчали.

— Ну, что, говѣешь?—спросилъ Федотка.

Николай притворно зѣвнулъ.

— Ну ее!—сказалъ онъ, потягиваясь,—вонъ послушай, что образованные люди-то говорятъ. Пошли валуховъ смотрѣть, а папаша говорить: «Погушаете съ нами, Козьма Васильчъ!» А Козьма Васильчъ: «Съ удовольствіемъ, говорить, откушаю, но только прикажите яшницу». Вонъ что!

Федотка вдруг захохоталъ.

— Ты чего?

— Да мнѣ Агей Данилычъ вспомнился.

— Ну, вотъ сравнивай!—обиженно сказалъ Николай.—Всякій брешеть чортъ знаетъ что, а ты равняешь!

— Да я не къ тому... больно ужъ смѣшно.—И вдругъ съ оживленіемъ добавилъ:—Ты говоришь—нѣчисти нѣту: на первой недѣлѣ молодой Визапуръ заваливаться сталъ. Повалится вверхъ торманками, захрапять середь ночи... страсть! Я подумалъ, подумалъ, пошелъ въ денникъ, сталъ *его* честью просить...

— Бого?

— Извѣстно кого—хозяина *). Просилъ, просилъ, глядь—на другую ночь опять повалилъ онъ Визапур. Ну, думаю, погоди-жь ты! Пошелъ и такъ-таки его откозырялъ, такъ откозырялъ... хуже не надо. Что же, вѣдь, бросилъ,—пристыдилъ я его. Теперь вотъ Удалому гриву все путаешь. Надо съ нимъ потолковать какъ-нибудь.

Николай и на это не нашелъ что отвѣтить и, побарабанивъ пальцами, всталъ.

— Подтичь посмотришь,—сказалъ онъ,—не воротились ли съ овчарни.

Дома онъ засталъ отца и гостя за столомъ. Передъ ними стоялъ на половину уже опорожненный графинъ водки. Мартинъ Лукьянычъ, выпивая, закусывалъ рѣдкой съ коноплянымъ масломъ, Рукодѣвъ—яичницей. Лица у обоихъ были красныя и рѣчь не совсемъ твердая. Мартинъ Лукьянычъ безпрестанно гладилъ ладонью щеки, что у него было признакомъ начинающагося опьяненія. Косьма Васильичъ трепалъ и теребилъ свою великолѣпную бороду, неистово запуская въ нее бѣлые, выхоленные пальцы. Они торговались. Но Рукодѣвъ и торговался не похоже на другихъ купцовъ: онъ не божился, не упрашивалъ сбавить и пожалѣть, не хлопалъ съ ожесточеніемъ по рукамъ, а ссылался на положеніе рынка въ Лондонѣ, на чрезмѣрное развитіе овцеводства въ Австраліи, на то, что для суконъ стали предпочитать шерсть «камвольную», отчего шерсть чистыхъ «негретти» упала въ цѣнѣ. Выходило и вѣжливо, и чрезвычайно убѣдительно, и любопытно. Въ промежуткахъ же разговора объ овцахъ, какъ бы давая понять, что недостойно развитаго человека всецѣло уходить въ торговые дѣла, онъ безпрестанно заговаривалъ о другихъ предметахъ, «такъ сказать, не столь матеріаль-

*) Хозяиномъ называлъ «домового».

ныхъ, какъ валухи»: о Бисмаркѣ, о *Прекрасной Еленѣ*, которую видѣлъ недавно въ Москвѣ, о народномъ образованіи, о франко-прусской войнѣ. Все было ново для Николая и ужасно интересовало его.

— Ну, что ваши хозяева молодые, учатся?—спросилъ Рукодѣевъ, насмѣшливо улыбаясь и съ особымъ неистовствомъ теребя бороду.

— Какже-съ. Одинъ — въ кавалерійскомъ, другой—въ пажескій готовятся. Способные господа.

— Хе, хе, хе! Способны они денежки проживать. Что такое пажескій?—петлички, выпушки? Матушка умереть, поди загремѣть наследственные капиталы. Шаркуны! полотеры! герои паркетные!

— Мы генеральшей довольны,—пробормоталъ Мартинъ Лукьянычъ.

— Довольны? — иронически взглядывая на него, произнесъ Косьма Васильчъ,—довольны?... Ну, и слава Богу... Ну-съ, такъ какъ же, почтеннѣйшій Мартинъ Лукьянычъ, бери по три съ четвертью, а? Честью увѣряю, что покупка безъ интереса: Австрія подгадила.

Снова начали торговаться и пить. И рѣшительно запьянѣли, когда, наконецъ, сошлись на 3 р. 35 к. за голову. Рукодѣевъ вытащилъ изъ кармана брюкъ цѣлую кипу серій и отсчиталъ задатокъ; Мартинъ Лукьянычъ помуслилъ пальцы, тщательно провѣрилъ число бумажекъ и приказалъ Николаю «учесть проценты». Когда все было кончено, онъ колеблющимися шагами направился въ другую комнату, чтобы положить деньги въ кассу. Рукодѣевъ мутными глазами посмотрѣлъ на Николая.

— Смущаетесь, юноша? — сказалъ онъ съ пьяною улыбкой и вдругъ искривилъ ротъ и прослезился: — Пьемъ вотъ... А по-настоящему что сказано: «Отъ ликующихъ, праздно бодтающихъ, умывающихъ руки въ крови,—уведи меня въ станъ погибающихъ за великое дѣло любви»... Любви, молодой человекъ!... А мы—пьемъ! — и какъ бы въ подтвержденіе своихъ словъ онъ налилъ, выпилъ и закусилъ. И, прожевывая закуску, добавилъ: — потому и пьемъ, что свиньи...

— Вы мнѣ позвольте господина Некрасова, Косьма Васильчъ,—робко сказалъ Николай.

— Могу, могу. Все могу... Я радъ. Водку не пьешь? не хочешь рюмочку... безъ папаши, а? Ну, и отлично... Не пей. Скверно, братъ... голова болитъ, жена ругается... А Некрасова я тебѣ дамъ. Я уважаю молодое поколѣніе.

Мартинъ Лукьянычъ приказалъ позвать конторщика, чтобы написать росписку въ полученіи задатка. И когда Агей Данилычъ вошелъ и, поклонившись съ обычнымъ своимъ угрюмымъ достоинствомъ, остановился около притоки, послѣдовали слѣдующія рекомендаціи:

— Вотъ нашъ фармазонъ и аеистъ, Босьма Васильичъ!

Рукодѣевъ осовѣлыми глазами посмотрѣлъ на Агея Данилыча и съ трудомъ приподнялся.

— То - есть, въ какомъ смыслѣ?— спросилъ онъ.

— Я на сочиненіяхъ господина Вольтера основываюсь,— скромно отвѣтствовалъ Агей Данилычъ.

— А!... очень... очень пріятно. Садитесь, прошу покорно.

— Да онъ постоитъ, помилуйте,—сказалъ Мартинъ Лукьянычъ.

— Я постою-съ.

— Очень пріасходно... Но что же вы, такъ сказать, признаете?

— Я признаю натуру-съ.

— Въ какомъ отношеніи?

— Въ отношеніи разума-съ. Я разумъ признаю. И хотя же господинъ Лейбницъ и утверждаетъ, что сотворено все къ лучшему, но это суть неправильно. Господинъ Вольтеръ въ Бандитъ—сирѣчь *Приключенія простодушнаго*—изрядно доказалъ, что это нарочитая чепуха-съ.

— Но, однако же, есть матерія!

— Все суть одно—натура-съ, какъ ее ни назови.

— Выпиваете?—Рукодѣевъ подморгнулъ Агею Данилычу и щелкнулъ пальцемъ по графину.

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Онъ у насъ чудакъ,—сказалъ управитель, какъ бы извиняясь за Агея Данилыча.

— Уважаю!—внушительно заявилъ Босьма Васильичъ.— Ваше имя-отчество позвольте узнать?... Агей Данилычъ?... Я уважаю такихъ чудаковъ. Отсталость большая отъ нонѣшняго вѣку, но... вѣррно и правильно. Руку вашу, Агей Данилычъ... зачѣмъ же унижать себя?

— Сядь, Дымкинъ,—приказалъ Мартинъ Лукьянычъ.

Въ это время кухарка Матрена просунула голову въ дверь и сказала:

— Николай Мартиничъ, за тобой отъ конюшаго пришли.

— Это еще зачѣмъ?—строго спросилъ Мартинъ Лукьянычъ.

— А я почему знаю... канонъ, что-ль, покаянный читать.

— Какой канонъ?—спросилъ Мартинъ Лукьянычъ у Николая.

Николай такъ и сгорѣлъ и опустилъ глаза, чтобъ не смотрѣть на Рукодѣва.

— Это Андрея Бритскаго, — торопливо проговорилъ онъ, проглатывая слова, и умоляющимъ шепотомъ добавилъ:—Я, папенька, лучше ужь, на сонъ грядущій, его прочитаю.

— Вотъ молодежь-то какова, Косьма Васильичъ! Къ вечернѣ по-настоящему надо ему ѣхать, — ну, вотъ отецъ Григорій снисходить: управителевъ сынъ, то да сѣ... канонъ разрѣшаетъ, вмѣсто вечерни. Я въ приходѣ, можно сказать, лицо, а сынокъ и пользуется этимъ!... Ну, ужь, сиди, сиди, нечего съ тобой дѣлать. Матрена! скажи, что нельзя, молю, занять Николай Мартинычъ.

Агей Данилычъ хотѣлъ, по своему обыкновению, вставить язвительное слово, но вспомнилъ, въ какой находится компаніи, и только вскрикнулъ. Косьма Васильичъ съ усиленіемъ посмотрѣлъ на Николая, укоризненно покачалъ головою и пробормоталъ:

— Напрасно, напрасно, молодой человекъ!

Несвязная и безтолковая бесѣда кончилась только къ вечеру. Затѣмъ Рукодѣвъ такъ охмѣлѣлъ, что Николаю вмѣстѣ съ Агеемъ Данилычемъ пришлось на рукахъ вынести его изъ комнаты и, точно мертвое тѣло, положить въ тарантасъ. «Молодецъ» сидѣлъ теперь уже не на козлахъ, а на «господскомъ мѣстѣ»; внутренность тарантаса была набита сѣномъ.

— Готовъ?—сказалъ онъ, презрительно поворачивая хозяина на бокъ. — Что, смиренъ былъ?

— А что?

— Онъ у насъ страшный азарной во хмѣлю. Иной разъ разбѣдокурится—бѣда! Какъ найдеть: то разомлѣеть, а то—драться. И-и дымъ коромысломъ подыметъ! Особливо изъ-за бабъ.

«Молодецъ» усѣлся поплотнѣе, только что расправилъ возжи, какъ вдругъ Рукодѣвъ очнулся.

— Исѣйка!—заоралъ онъ дикимъ голосомъ, — пошелъ!... въ Бужновку!... къ Малашкѣ!... Раздѣлывай, стервецкій сынъ!...

На мгновеніе передъ глазами Николая поднялась, вся въ снѣгъ, растрепанная, съ изступленными глазами, фигура, съ бобровымъ картузомъ на затылкѣ, съ галстукомъ, съѣхавшимъ на бокъ, съ косматою грудью, засквозившею черезъ разстегнутую рубаху, и вдругъ сразу загремѣли колеса, забренчала наборная сбруя, неистово залились бубенчики и, что есть силы, закричалъ Исѣйка: «Эй, соколики, подхватывай!» — и не прошло десяти секундъ, какъ

Косьма Васильичъ Рукодѣевъ умчался за красный дворъ по дорогѣ въ село Кушновку.

Агей Данилычъ посмотрѣлъ въ слѣдъ, сожалительно чмокнулъ губами и запустилъ пальцы въ тавлинку.

— Что означаетъ—купецъ, сударь мой,—сказалъ онъ.

— Что-жь означаетъ?—грубо возразилъ Николай.—Во-первыхъ, и не купецъ,—вы, вѣдь, сами писали росписку,—а «потомственный почетный гражданинъ и кавалеръ». А потомъ—со всякимъ можетъ случиться. Вамъ-то онъ, *такъ сказать*, ничего не говорилъ, а со мной какъ остался одинъ-на-одинъ—прослезился... и такіе стихи произнесъ, прямо видно, какъ онъ мучается. А то—купецъ!

— Н-да,—пискнулъ Агей Данилычъ,—я и не оспариваю... понятіе у него есть: шибкія слова можетъ провозглашать. Ну, однако, далеко, сударь мой, до Вольтера! Отмѣнно далеко-сь.

Мартинъ Лукьянычъ сидѣлъ за столомъ, положивши на руки отяжелѣвшую голову. Когда вошелъ Николай, онъ съ усиліемъ приподнялся и посмотрѣлъ на него напряженнымъ и строгимъ взглядомъ.

— Понимаешь?—пробормоталъ онъ, едва поворачивая языкъ.

— Чего, папаша?

— Понимаешь, какой человекъ?... Я, можетъ, сколько годовъ передъ Гарденинымъ безъ шапки стою... Но вотъ богачъ... кавалеръ... и—уважаетъ! А почему?—потому, что образованность. Цѣни. Цѣни, да. Я, братъ, много претерпѣлъ... И ты терпи. А мы съ тобой вольные. И отецъ, и дѣдъ, и пра... пра... да, всѣ были вольные. Изъ Мценска. И ты это понимай. Почему я безъ шапки стою?—изъ-за тебя. И ты стой. Вотъ пріѣхалъ хорошій человекъ... прямо тебя обласкалъ. А почему?—потому, что ты сынъ мой. Понялъ? Чувствуй это. А увижу, къ Василискѣ пойдешь—изволючу... понялъ? Отведи меня на постель.

Въ комнатѣ стояли сумерки. Въ этомъ неясномъ и печальномъ свѣтѣ особенно неприятно было глядѣть, какъ все было разбросано и не прибрано. На полу, гдѣ ни попало, валялись окурки, ложка, запачканная въ ящикахъ, куски хлѣба; столъ былъ прилитъ водной; стояли недопитыя рюмки, недоѣденная яичница съ ветчиной; тоненькіе ломтики рѣдкы плавали въ коноплянномъ маслѣ; на засаленныхъ тарелкахъ лежали окурки, пепелъ, обожженные спички. Въ этомъ противномъ беспорядкѣ Николаю почудилось какое-то странное сходство съ тѣмъ, что происходило въ его душѣ. Что-то точно сдвинулось тамъ съ привычнаго мѣста и нагромоздилось какъ ни

попало. Онъ съ рѣшительнымъ видомъ подошелъ къ столу, оглянувшись на дверь, вышилъ подрюмки водки и, торопливо, ни о чемъ не думая, ощущая только вриятно-раздражающій вкусъ ветчины, доѣлъ яичницу, послѣ чего вытеръ губы концомъ скатерти, вышелъ на дворъ и долго сидѣлъ на крылечкѣ. Гдѣ-то за конюшными печально ухалъ филинъ. Вода на плотинѣ падала съ мѣрнымъ и что-то важнее рассказывающимъ шумомъ. Въ похолоднѣвшемъ небѣ одна за другою тихо загорались звѣзды и становились въ пары, въ ряды, въ фигуры, точно собираясь исполнять свое привычное, давнымъ-давно надѣвшее имъ дѣло. Николаю было хорошо, но еще болѣе грустно, нежели хорошо. Новое, загадочное и туманное открывалось передъ нимъ, манило его, до боли стѣсняло ему сердце. Куда манило—онъ и самъ не зналъ этого. Незнакомыя дотогѣ мысли робко и беспорядочно зачинали шевелиться... Ему и хотѣлось быть «образованнымъ», и уѣхать далеко, далеко... все узнать, все прочитать. И многое изъ прежняго стало ему казаться негѣпнымъ, таинимъ, на что онъ смотрѣлъ теперь какъ бы со стороны, и удивлялся, что можно было дѣлать такъ, думать такъ.

Вдругъ онъ вспомнилъ, что завтра «чистый четвергъ», что надо встать пораньше и ѣхать на исповѣдь. И какъ только вспомнилъ, мгновенно, забытыя впечатлѣнія великопостной службы, полумракъ въ церкви, запахъ ладана, мѣрное бряцанье кадила, гѣвуче-дребезжащій голосъ отца Григорія, трогательныя и важныя слова молитвы Ефрема Сирина — припомнились ему. И онъ испугался. Подъ ногами точно открылась пропасть. Какъ сказать отцу Григорію, что онъ поѣлъ скоромнаго въ «великую среду?» Какъ, какъ?... И все завертѣлось и замутилось въ его головѣ. Онъ не могъ доѣе сидѣть на крылечкѣ, мучительное безпокойство имъ овладѣло, душа терзалась раскаяніемъ. Быстрыми, торопливыми шагами онъ пошелъ за красный дворъ, по дорогѣ въ степь, и началъ ходить туда и сюда около молчаливаго сада, вдоль степи. И замѣтилъ, что какъ только наступала усталость отъ быстрой ходьбы, безпокойство мало-по-малу улегалось, на душѣ становилось яснѣе, опять возвращались новыя, привлекательныя мысли, опять манило въ какую-то загадочную даль, и какъ проходила усталость отъ ходьбы—возникала безпокойная сумятица въ головѣ, разгоралось чувство раскаянія. И онъ самъ, не думая о томъ, умѣрялъ и ускорялъ шаги, вызывая смѣну противоположныхъ другъ другу настроеній; стараясь поскорѣе уставать, и помедленнѣе отдыхать... Вдругъ отъ темноты сада оторвалось что-то бѣлое, исчезло въ канавѣ, вынырнуло и клубкомъ, съ необыкновенною быстротою, покатилося

въ степь, по направленію къ Николаю... «А!»—вырвалось у него жалкимъ, звенящимъ звукомъ, дыханіе перехватило, сердце упало... Не помня себя, онъ бросился бѣжать. Не успѣвъ подумать хорошо, онъ всѣмъ существомъ своимъ чувствовалъ, что это—вѣдьма, Козлиха. Земля убѣгала подъ нимъ; за спиною ясно раздавался спутанный, мелкій топотъ: то, что догоняло, несомнѣнно было на трехъ ногахъ и по временамъ мчалось какъ клубокъ—дѣтомъ.

Николай вскочилъ въ сѣни, хлопнулъ дверью, наложилъ дрожащею и прыгающею рукой крючокъ и перевелъ духъ. Въ груди саднило отъ непомярной быстроты бѣга, нижняя челюсть тряслась и подскакивала, спина, казалось, была опущена въ ледяную воду. Ощущью дошелъ онъ до своей кровати, сдернулъ сапоги, платье, легъ, закутался въ одѣяло и подумалъ, что теперь заснетъ... Но не могъ заснуть. Въ темной комнатѣ такъ и мерещилось что-то постороннее. Изъ - за большого шкафа слышны были шорохъ и шепотъ, гдѣ-то около кровати треснула половица. Маятникъ у часовъ двигался съ угрожающимъ стукомъ. Изъ спальни Мартина Лукьяныча доносилось задушенное, съ какими-то свистами и всхлипываніями, храпѣніе.

«Да воскреснетъ Богъ и расточатся враги его и да бѣжать отъ лица Его ненавидящіе Его, яко исчезаетъ дымъ...» — бормоталъ Николай, затыкая пальцами уши и натягивая на голову одѣяло.

Ночь проходила. Бѣлѣсоватый свѣтъ начиналъ проникать въ окна. Николай мало-по-малу успокоился и открылъ голову. Въ комнатѣ было видно, что посторонняго никого нѣтъ. За шкафомъ скреблись мыши. Маятникъ стучалъ лѣнливо и равнодушно; Мартинъ Лукьянычъ наладился и храпѣлъ ровно, внушительно, звонко. И опять, точно издалека, Николай почувствовалъ приближеніе мучительныхъ мыслей о завтрашней исповѣди; страстно желая ускользнуть отъ этихъ мыслей, не дать имъ овладѣть собою, онъ торопливо сталъ перебирать, о чемъ бы вспомнить, о чемъ бы подумать, что-нибудь такое выдернуть изъ памяти, что заглушило бы мучительное теченіе мыслей объ исповѣди и о страшномъ грѣхѣ. И вспомнилъ рассказъ Ивана Федотыча, какъ къ иноку пришла блудница и какъ, дабы отогнать грѣховное желаніе, инокъ сталъ жечь пальцы на огнѣ, и блудница ужаснулась и ушла изъ кельи. И когда вспомнилъ—почувствовалъ, что сладко и хорошо пострадать за свой грѣхъ, испытать какую-нибудь боль, помучиться, даже поплакать отъ боли. Онъ радостно сбросилъ одѣяло, всталъ, обвелъ глазами полутемную комнату и, замѣтивъ около печки брошенную сахарную бичевку, сразу сообразилъ, что надо дѣлать. Въ потолокъ

для какой-то надобности было ввинчено кольцо; Николай подставил стулъ, прикрутилъ бичевкой къ кольцу правую руку и остался стоять на стулъ, едва касаясь сидѣнья пальцами ногъ. Рука быстро онѣмѣла, бичевка впилась въ запястье, въ плечѣ сдѣлалась тупая, равномерно-ноющая боль. Эта боль прибывала, увеличивалась, точно наливалась въ плечо и въ руку. И по мѣрѣ того, какъ становилось больнѣе и больнѣе, вмѣсто безпокойства и тоски, восторгъ загораля въ Николаевой душѣ, представленіе о сдѣланномъ грѣхѣ смягчалось, таяло, пропадало... высказывали отсюда-то мысли о подвигѣ, о томъ, что не всякій-де вытерпитъ такую боль, о томъ, что стоить только захотѣть—и можно уйти въ пустыню и сдѣлаться великимъ подвижникомъ, и тогда далеко будутъ говорить: «Слышали? слышали? авва Николай объявился... сіяніе вокругъ него... исцѣляетъ... бѣсы его боятся...»

Вдругъ противъ окна обрисовалась темная фигура. Николай вскрикнулъ отъ неожиданности и весь похолодѣлъ. Наскоро онъ размоталъ бичевку, высвободилъ затекшую руку и, соскочивъ со стула, побѣжалъ и нырнулъ подъ одѣяло. Въ стекло едва слышно забарабанили... Николай притаялся и молчалъ. Еще стукъ... Затѣмъ шепотомъ: «Миколай... Миколай... спишь?»

Николай насторожилъ уши и дрожащимъ голосомъ отвѣтилъ:

— Кто тамъ?

— Это я, отвори.

— Кто ты?

— Я, Фодотка.

Николай радостно перевелъ дыханіе и бросился со всѣхъ ногъ отворять окно. Въ вискахъ у него стучало, голова горѣла какъ въ огнѣ. Послѣ нѣкоторыхъ усилій, еще недавно выставленное окно, наконецъ, растворилось.

— Ты чего?—спросилъ Николай, не попадая зубъ на зубъ и отъ волненія, и отъ холода, пахнувшего въ окно.

— Одѣвайся, побѣжимъ къ Василисѣ: у ней Грунька почуветь. Общались съ тобой погутарить *).

— Врешь?

— Ей-Богу, пра! Скорѣй. Я ходилъ рубашку смѣнять, да и зашелъ. Ну, она у ней. Мы живо слетаемъ. Отецъ-то, небось, вынимши? Бѣгъ, бѣгъ я, братецъ мой... Роса! всѣ сапоги вымочилъ... Ты чего трясешься, аль испужался?

— Вотъ еще! — съ пренебреженіемъ отвѣтилъ Николай, — какого тутъ чорта бояться! Одно—кабы мнѣ къ заутрени не опоздать.

*) Поговорить.

— Поспѣемъ, чать не поздно.

Захлебываясь отъ радостнаго волненія, Николай торопливо натянулъ одѣжу, надѣлъ сапоги, накинулъ на плечи полушубокъ, выпрыгнулъ въ окно и затворилъ его. Въ деревнѣ кричали пѣтухи.

— Айда!—прошенталъ онъ, бросаясь бѣжать подъ гору.

VI.

Праздникъ наѣздника Онисима Вареоламенча и его многочисленнаго семейства. — Фантастическія мечты о иллюзорныхъ шталазахъ, о гарнитурномъ платьѣ и о протемѣ.— Ударъ.— Наѣздникъ Ефимъ Цыганъ. — Отъѣздъ и бунтъ Онисима Вареоламенча и мужикъ Агапчъ.

О томъ, что Банитонъ Аверьянычъ хотѣлъ нанять бывшаго воейковского наѣздника Ефима и даже на страстной недѣлѣ посылалъ Гадея разыскивать его, а Онисима Вареоламенча готовился уволить, знали въ Гарденинѣ управитель, конторщикъ и Николай. Да Николай разсказалъ подъ великимъ секретомъ пріятелю своему Федоткѣ, да Федотка, чтобы придать себѣ важности и тоже подъ великимъ секретомъ, разсказалъ конюху Василию и маточнику Терентію Иванычу; да тѣ въ свою очередь разсказали двумъ-тремъ почетнымъ лицамъ изъ двора. Такимъ образомъ, освѣдомлено было почти все Гарденино. Тѣмъ не менѣе, извѣстіе не доходило до того, кого прямо касалось,—до Онисима Вареоламенча. Какъ это ни странно, но, несмотря на добродушіе и мягкость Онисима Вареоламенча, онъ не имѣлъ въ Гарденинѣ преданныхъ себѣ людей. Напротивъ, стоило ему годъ тому назадъ занять должность «перваго» наѣздника, какъ тотчасъ же у него явились не только недоброжелатели, но и враги. Врагомъ его сталъ кучеръ Никифоръ Агапычъ, врагомъ его сталъ и убѣленный сѣдланми старецъ Минъ Власовъ, давнишній гарденинскій наѣздникъ, теперь изъ единственнаго сдѣланннй «вторымъ». Дѣло въ томъ, что когда заѣздили трехлѣтняго Бролика и въ немъ обнаружилась необычайная для гарденинской лошади рысь, къ этой необыкновенной рыси сразу прилѣпились мечты и вождедвія гарденинскихъ обывателей, то-есть, конечно, тѣхъ, которые такъ или иначе имѣли касательство къ конному заводу. Минъ Власовъ надѣялся, что онъ поберетъ на Бролика пропасть призовъ, разбогатѣетъ и войдетъ въ славу; Никифоръ Агапычъ мечталъ, что когда обнаружится неумѣнье старика Мина какъ слѣдуетъ выѣздить Бролика, то это поручать ему, Никифору Агапычу, и ужъ тогда-то... онъ поберетъ пропасть призовъ, разбогатѣетъ и войдетъ въ славу. Объ этомъ же мечтали въ сокровенныхъ тайни-

какъ своей души колюхъ Полуектъ, колюхъ Василий, даже подданный Ларья. Всѣ они воображали, что вотъ Капитонъ Аверьянычъ посмотритъ, посмотритъ, да и скажетъ: «А ну-ка, малый, вобщи вывѣжай Кролика!»

И повятно явное и скрытое негодование всѣхъ этихъ претендентовъ на призы и на славу, когда вдругъ, послѣ таинственной поѣздки Капитонъ-Аверьянычева любимца, Гадея, въ Гарденинѣ появился смѣшной человѣчекъ въ голубомъ сюртукѣ съ буфами, съ вѣчною трубочкой въ зубахъ,—человѣчекъ только тѣмъ и извѣстный, что жилъ у кунца Пожидаева и взялъ на пожидаевскихъ лошадяхъ три-четыре приза. Вдобавокъ, онъ происходилъ изъ дворовыхъ какого-то мелкопомѣстнаго барина,—такого барина, котораго господа Гарденины и въ домъ - то къ себѣ не приняли бы и для котораго была бы великая честь, еслибъ его почтилъ своимъ знакомствомъ гарденинскій управитель. Аристократы гарденинской дворни никакъ не могли перенести этого. Когда вслѣдъ за самимъ смѣшнымъ человѣчкомъ въ голубомъ сюртукѣ появилось въ Гарденинѣ его многочисленное семейство: старушка маменька, испитая и молчаливая жена съ точно испуганными, кроткими и почти всегда опущенными глазами, шестеро оборванныхъ, хилыхъ ребятинекъ,—въ дворнѣ не было конца смѣху, язвительнымъ шуткамъ и пересудамъ. Въ новой наѣздничихъ, правда, съ перваго же раза пошли жены и дочери гарденинскихъ аристократовъ, но это только чтобы было о чемъ поспудачить за чаемъ или за сѣмечками, когда вечеромъ женское высокопоставленное общество собиралось посидѣть у горницы кучера Никифора Агапыча. Что же касается мужчинъ, они держали себя съ большимъ достоинствомъ: они выказывали свое презрѣніе къ «высочкѣ»,—какъ называли новаго наѣздника,—только тѣмъ, что не вступали съ нимъ въ мало-мальски серьезные разговоры и вообще не водились, а когда случалось говорить о какихъ-нибудь пустякахъ, никогда не покидали тона превосходства и особенной, чрезвычайно ядовитой и тонкой насмѣшливости.

Не лучше относились къ Онисиму Варезломеичу и другіе, не аристократы и не претенденты на призы и на славу. Но эти стали плохо относиться къ нему ужъ послѣ того, какъ увидали его на дѣлѣ. Тутъ не столько были замѣшаны личности, сколько идеалы. По поводу Кроликовой рыси, вѣдь, такъ много было торжествующихъ разговоровъ въ застольной! Вѣдь, занималась заря прославленія завода! Вѣдь, въ перспективѣ открывались безпрестанныя посрамленія воейговскихъ, ознобишинскихъ, циммермановскихъ и

другихъ лошадей, а также и наѣздниковъ, поддужныхъ, старшихъ и младшихъ конюховъ тѣхъ заводовъ! Вѣдь, скоро съ совѣмъ особеннымъ выраженіемъ будутъ говорить: «эта лошадь гарденинскаго завода», «это гарденинскій приплодъ», или: «онъ живеть у Гардениныхъ», «онъ гарденинскій конюхъ», не говоря уже о томъ, что лошади подымутся въ цѣнѣ и покупатели больше будутъ давать «на поводы». Кромѣ того, рѣшительно у всякаго человѣка, такъ или иначе прикосновеннаго къ заводу, мелькала болѣе или менѣе основательная надежда ѣздить съ Броликомъ въ Хрѣновое, въ Тамбовъ, въ Воронежъ, а, можетъ быть, Господь пошлетъ, въ Петербургъ и въ Москву. Обыкновенно съ призовою лошадыю посылались: наѣздникъ, поддужный, конюхъ и кузнецъ. Какой конюхъ, какой поддужный и, наконецъ, который изъ двухъ кузнецовъ, Ермиль или Егоръ?—этого никто не зналъ и выборъ Капитона Аверьяныча могъ пасть на любаго. Такая неизвѣстность ужасно разгорячала фантазію. Даже степенный и старый маточникъ Терентій Иванычъ иногда мечталъ о поѣздѣ на призы, хотя обыкновенно и отплевывался послѣ такихъ мечтаній; даже табунщикъ Ермолай, мальчишка лѣтъ четырнадцати, воображалъ иногда, что его послали съ Броликомъ и что Броликъ взялъ сто призовъ, а ему, Ермолаю, Капитонъ Аверьянычъ подарилъ плисовые штаны и шапку.

И вотъ всё увидали, что Онисимъ Вареоломенчъ плохой наѣздникъ и что Броликъ у него не совершенствуется, а бѣжить все тише и тише. Это былъ ударъ. Это было самое тяжкое оскорбленіе, которое только могло быть нанесено гарденинскому коннозаводскому населенію. Отсюда понятно, что у Онисима Вареоломенча не было, да и не могло быть преданныхъ людей въ Гарденинѣ.

И такъ, Онисимъ Вареоломенчъ ничего не зналъ.

Въ первый день Свѣтлаго Воскресенія онъ честь-честью съѣздивъ къ заутрени и къ обѣднѣ и въ самомъ счастливомъ расположеніи духа возвратился домой съ куличомъ и пасхой. Дома все было такъ по-праздничному, что отличное настроеніе Онисима Вареоломенча еще усугубилось. Ребята, начиная съ годовалаго Борьки и кончая восьмилѣтнею Марeutкой, были прибраны, умыты, расчесаны, одѣты въ самое лучшее. На мальчигахъ топорщились шерстяныя, малиноваго цвѣта, рубашечки, блестяли пряжки резиновыхъ поясковъ, бѣлѣлись воротнички и манжетки,—воротнички и манжетки, правда, не крахмальные и не изъ полотна, а изъ дешевенькаго коленкора, тѣмъ не менѣе, точь-въ-точь какъ у настоящихъ господскихъ дѣтей. Дѣвочки были въ «блузкахъ» съ «басочками»,—опять-таки, какъ у господъ. Волосики у всѣхъ были расчесаны «на

косой рядъ» и напозажены «серполетовою» помадой. Митревна, жена Онисима Вареоломенча, хотя и не спала всю ночь, хотя и замаялась передъ праздникомъ за стиркой, шитьемъ и приборкой дома, тоже принарядилась: надѣла шерстяное платье «цельфериннаго» цвѣта, накрыла жиденъкую прическу бисерною голубою сѣткой и выпустила «гофренный» воротничокъ. Маменька была въ чепцѣ и въ темненькомъ платьѣ необыкновенно солиднаго покроя, какъ и слѣдуетъ старушкѣ изъ почтеннаго и уважаемаго семейства. Въ большой горницѣ съ перегородкой, оклеенной картинками, опять-таки сразу было замѣтно, что наступилъ великій праздникъ. Это — во-первыхъ; а, во-вторыхъ, было замѣтно, что живутъ здѣсь «не какіе-нибудь», а наѣзникъ Онисимъ Вареоломенчъ съ своимъ многочисленнымъ и умѣющимъ наблюдать приличіе семействомъ. Часы съ кукушкой, горшки съ «еранью» и восковымъ плющемъ, картинки изъ модныхъ журналовъ и изъ *Сверснаго Свѣтля*, фотографическія карточки въ рамкахъ, вязанная скатерть на столѣгъ подъ образомъ, кресло, обитое полинялымъ и замасленнымъ ситцемъ, но, тѣмъ не менѣе, съ вязанною салфеточкой на спинкѣ, фарфоровая собачка и двѣ куколки на коммодѣ, — однимъ словомъ, все до послѣдней мелочи взывало о томъ, что здѣсь живутъ «не какіе-нибудь». Правда, если поглядѣть за перегородку, то выходило какъ будто и не совсемъ ладно: тамъ беспорядочно были нагромождены войлоки, тонкія и замасленные, какъ блинъ, подушки, всякая рвань и ветошь, служащая постелями для шестерыхъ ребятъ и маменьки. Но, все-жь-таки, и тамъ, въ этой вонючей и душной отъ спертаго воздуха комнатѣ, было нѣчто изобличающее, что семья Онисима Вареоломенча «не изъ таковскихъ». Тамъ возвышалась двухспальная кровать съ периной, съ цѣлою горой подушекъ, съ пестрымъ одѣяломъ изъ разноцвѣтныхъ ситцевыхъ клочковъ, а за кроватью, на особой подставочкѣ, стояло, хотя и съ сломанною ножкой, хотя и разбитое, но, все-таки, «туалетное» зеркальце съ остатками зеленоватой бронзы въ перекосившейся рамѣ.

— Христось воскресе, маменька! — торжественно сказалъ Онисимъ Вареоломенчъ и троекратно облобызался со старушкой.

— Христось воскресе, Анюса Митревна! — повторилъ онъ, подходя къ женѣ.

— Христось воскресе, Марѣутка! — сказалъ онъ, подставляя губы старшей дѣвочкѣ.

И долго слышались въ горницѣ звуки поцѣлуевъ и слова: «Христось воскресе! Христось воскресе!» — «Воистину воскресе, Онисимъ!» — «Воистину воскресе, Онисимъ Вареоломенчъ!» — «Воистину

воскресе, титенька!» Блистательно вычищенный самоваръ кипѣлъ изо всей силы и нускалъ къ потолку густые клубы пара. Онъ тоже словно радовался тому, что Христосъ воскресъ. Чинно сѣли, — Онисимъ Вареоламенчъ въ кресло съ салфеточкой на спинкѣ, — разговѣлись, стали пить чай съ молокомъ. Выпивъ два стакана, Онисимъ Вареоламенчъ закурилъ свою трубочку, осторожно прислонился затылкомъ на салфеточку кресла и счастливыми и торжественными глазами сталъ глядѣть на свое многочисленное семейство.

— Гдѣ утрению-то дожидались, Онисимъ Вареоламенчъ? — спросила Митревна, отирая лоснящееся отъ пота лицо перекинутымъ черезъ плечо полотенцемъ.

— У Власьевны, у просвири. Я, признаться, тово... думалъ-таки къ попу заѣхать... А вы не слышали: попъ мѣсто-то зятю передаетъ?... Какъ же, какъ же, передаетъ!... Ну, сказали: много народу у попа. Управитель тамъ, Капитонъ Аверьяновъ, визгундовскіе еще... Ну, чего, думаю, тѣсниться? Я тѣсноту не люблю.

— Да и на глазахъ-то у начальства... — сказала маменька, осторожно откусывая сахаръ и стрихивая крошки въ блюдечко.

— Вотъ вы, маменька, и тово... и неправильно разсуждаете. Что такое начальство? Моя часть — особая. Управитель по своему дѣлу, а я — по своему. И опять же у просвири я съ каверинскимъ прикащикомъ находился. Не какой-нибудь человѣкъ.

Минуть пять только и слышалось, какъ пыхтѣли, чмокали, откусывали сахаръ и отдувались.

— Житье имъ, этимъ прикащикамъ! — со вздохомъ сказала маменька.

— И опять, маменька, не точное ваше разсужденіе. Конечно, каверинскій прикащикъ получаетъ триста рѣбковыхъ жалованья и, окромѣ того, выговорныхъ, можетъ, на сотенный билетъ, но что касающе меня — я бы никогда не польстился. Что такое про него можно сказать? Живеть въ лѣсу, пенякамъ Богу молится, — вотъ и все, что про него можно сказать. Но, во всякомъ разѣ, у меня есть извѣстность. Вы тово, маменька... вы коннозаводскихъ журналовъ читать не можете, а, между прочимъ, въ коннозаводскихъ журналахъ прямо обозначено: кобыла Вордана, четырехъ лѣтъ, завода купца Пожидаева, наѣздникъ Онисимъ Стрекачевъ, взяла первый призъ. Вотъ оно въ чемъ отличіе! И это, маменька, лестно-съ.

— Извѣстно, маменька, Онисима Вареоламенича часть завсегда любопытнѣе, — сказала Митревна.

Маменька ничего не отвѣтила и только съ глубокимъ вздохомъ произнесла:

— Охо-хо-хо...

Вдруг Онисимъ Вареоломенчъ вынулъ трубку изъ рта и съ самодовольно-сіяющею усмѣшкой, ни къ кому въ отдѣльности не обращаясь, заговорилъ:

— Я, этта, подхожу, какъ отойти обѣднѣ, къ управителю и тово... а онъ съ вупцомъ Мягковымъ разговариваетъ. Я говорю, тово... Христось воскресе, говорю, Мартинъ Лукьянычъ,—и прямо руку ему и протягиваю губы. А онъ тово... пожимаетъ эдакъ руку, похристосовался и отвѣчаетъ: «Воистину воскресе, Онисимъ Вареоломенчъ». — Бакая, говорю, погодка для свѣтлаго празднича, Мартинъ Лукьянычъ! Говорю, того... и по хозяйству, примѣрно, къ статьѣ подходить, говорю. А онъ: «Да ужъ нечего сказать, говорить, Онисимъ Вареоломенчъ, погода на рѣдкость». И тово... Мягковъ купецъ стоитъ и говорить: «Сѣвъ очень превосходный». А я эдакъ къ нему: «Христось воскресе!»—незнакомы, но я вотъ господь Гардениныхъ, ихъ превосходительство, главный наѣздникъ. «Очень, говорить, тово... очень приятно, будемте знакомы»,—и съ эстими словами прямо протягиваетъ мнѣ руку и поцѣловался. Я эдакъ посмотрѣлъ—агромадный у него перстень на указательномъ перстѣ... Бралиантъ.

Произошло непродолжительное молчаніе въ знакъ особаго уваженія къ происшествію, рассказанному Онисимомъ Вареоломенчемъ.

— И богачи эти Мягковы!—съ благогоговѣніемъ воскликнула, наконецъ, Митревна.

— Еще бы!—сказалъ Онисимъ Вареоломенчъ, важно выправляя воротничекъ манишки.

— Ну, а нашъ-то Гордѣй Гордѣичъ склонилъ гнѣвъ на милость?—недоброжелательнымъ тономъ спросила маменька.—Какіе люди отличаютъ, а онъ какъ прынецъ какой-нибудь носъ воротить! Эга, посмотрю я, въ нонѣшнихъ людяхъ высокомордіе какое развилось... Видала я гордыхъ людей, видала. То ли гордѣе буржистра нашего покойника! А ужъ эдакаго, прости Господи, пса, какъ Аверьянычъ-конюшій, и не нахаживала.

— Капитонъ Аверьяновъ тоже ничего,—съ пренебреженіемъ сказавъ Онисимъ Вареоломенчъ.—Онъ тово... обмякъ. Этта, какъ мнѣ Мягковъ руку-то протянулъ и тово... А онъ тутъ стоитъ, подлѣ. И вдругъ, вижу, косить, косить на меня глазомъ. Ну, думаю, тово... смотри, коси попристальнѣй!... Достаточно знаемъ, какъ ихняго брата въ хомуть вводить. Вотъ только бы мнѣ въ Хрѣновое выѣхать и тово... и совсѣмъ обмякнетъ Капитонъ Аверьяновъ.

Тогда еще неизвѣстно, какой ему будетъ почетъ и какой мнѣ... Алешка, одерни костюмчикъ. Держись поаккуратнѣй. .

Митревна проворно подтянула Алешкины штанишки.

— Самоваръ-то Ѳедотка чистилъ?—спросилъ Онисимъ Варео-
ломеичъ.

— Я ужь сама, признаться, почистила, Онисимъ Варео-
ломеичъ... Мы съ маменькой,—робко и неохотно отвѣтила Митревна.

— Сколько я тебѣ говорилъ, Анеиса Митревна! Съ какой ста-
ти вы натруждаетесь? Я, вѣдь, тово... я приказалъ и вдругъ вы
сами. Такая черная работа и вдругъ вы не заставляете конюховъ!
Ѳедоткѣ прямо приказано.

— Народъ-то здѣсь оглашенный, Онисимъ Варео-
ломеичъ. Вы приказали, но мы, все-жь-таки, стѣсняемся съ ѣдимъ народомъ.

Онисимъ Варео-
ломеичъ промолчалъ на это и уже долго спустя,
выговорилъ:

— Вотъ, тово... погодите, подтяну, дайте срокъ. Я имъ сокомъ
достанусь: Хрѣновое не за горами.

Женщины долили самоваръ и опять стали пить и поить дѣтей.
Онисимъ Варео-
ломеичъ въ важной задумчивости сидѣлъ на креслѣ,
выпускалъ затѣйливыми колечками дымокъ и не спѣша прихлебывалъ
изъ своего синяго съ розовыми цвѣточками стакана.

— Не то снимете сертучекъ-то, Онисимъ Варео-
ломеичъ,—ска-
зала Митревна,—небось жметъ? Ужь это паратное платье завсегда
жметъ въ подмышкахъ. И сапожки-то не разуть ли съ васъ?

— Да, пожалуй, достань вендерку. Послободиѣ.

Митревна торопливо побѣжала къ сундуку, достала изъ него и
почтительно подала Онисиму Варео-
ломеичу платье, извѣстное въ
семьѣ подъ названіемъ «вендерки» —родъ какой-то кофты изъ лос-
нящейся матеріи съ порыжьлыми кистями и шнурками. Онисимъ
Варео-
ломеичъ пошелъ за перегородку, снялъ коричневый, необык-
новенно узкій въ плечахъ сюртукъ, снялъ манишку, галстухъ съ
зелеными крапинами, голубую атласную жилетку съ алыми разво-
дами. Ребятишки бросили пить чай и тѣсною гурьбой набились за
перегородку; даже Борька приползъ и, уцѣпившись ручонками за
притолку, стоялъ. Всѣ, разинувши рты, съ нѣмымъ благоговѣні-
емъ смотрѣли, какъ отецъ снималъ одну за другой принадлежности
своего параднаго костюма и подавалъ матери, а та любовно скла-
дывала ихъ на постель. Четырехлѣтній Никитка не утерпѣлъ и, под-
давшись приливу чрезвычайнаго восхищенія, потрогалъ пальчикомъ
атласную жилетку. Митревна крикнула на него, взяла жилетку, ос-
торожно дунула на то мѣсто, которое потрогалъ Никитка, и береж-

но, точно какой драгоценный и хрупкий сосудъ, отложила ее въ сторону. Наконецъ, Онисимъ Варεоломенчъ оглянулся... Митревна быстро сбросила съ сундука засаленныя подушки и дерюги, — Онисимъ Варεоломенчъ сѣлъ, протянулъ ноги; Митревна стала снимать съ него сапоги. Тѣмъ временемъ Онисимъ Варεоломенчъ опять что-то вспомнилъ и опять самодовольно усмѣхнулся.

— Вотъ, тоже живутъ, — сказалъ онъ, — просвирия эта! Сынъ — семинаристъ и вдругъ безъ галстука и... тово... сморкается — въ праздникъ — въ руку. Ужели, говорю, на праздникъ не полагается платочка? «У насъ, говорятъ, батюшка Онисимъ Варεоломенчъ, по простотѣ». — Но ужели, говорю, называется вы изъ духовныхъ и вдругъ тово... не понимаете благороднаго обхожденія? Это даже довольно странно.

— Ужь сказано — жеребьячья порода! — презрительно выговорила Митревна, отдуваясь отъ усилія стащить сапогъ.

— И вдругъ постлали, этта, скатерть и прямо безъ подноса ставить самоваръ! Ужели, спрашиваю, находитесь въ безъизвѣстности, какъ полагается производить сельвирѣвку? Но у нихъ тово... у нихъ одинъ отвѣтъ: «Батюшка Онисимъ Варεоломенчъ, не взыщите, мы по простотѣ». Ну, я бы, молъ, при такомъ вашемъ не-образованіи не стерпѣлъ...

Надѣвши кофту и туфли, Онисимъ Варεоломенчъ, сопутствуемый всѣмъ семействомъ, снова возсѣлъ за самоваръ и сталъ пускать дымокъ и прихлебывать изъ стакана. Долили самоваръ еще разъ. Глаза Онисима Варεоломенча становились все мечтательнѣе и благодушнѣе.

— Возьму призъ — прямо сотенный билетъ прибавки потребую, — изрекъ онъ съ обычною своею привычкою ни къ кому не обращаться.

— Кабы Господь-Батюшка... — выговорила маменька, съ сокрушеніемъ вздыхая.

— Я что вамъ хочу сказать, Онисимъ Варεоломенчъ, — робко произнесла Митревна, — возьмете, Господь пошлетъ, призъ, безпремѣнно надо намъ Марεутѣ да Зинаидѣ люстриновыя кофточки справить.

— Что-жь, буду въ Воронежѣ, — въ Воронежѣ и куплю. Надо бы тово... списочекъ эдакій составить.

— Да вотъ на панталончики ребятамъ...

— И на панталончики куплю.

— Миѣ, маменька, плюсовые, — вдругъ сказалъ Алешка, — а то

у кучерова Миголки пливовые, а у меня казньетовые. Меня Миголка дражитъ все.

Митревна такъ на него и зашиѣла.

— Ничего, ничего, пушай,—попровительственно сказалъ Онисимъ Вореоломеичъ,—нонче на пливъ мода вышла. Ты тово... будемъ списочекъ составлять, припомни. У купца Мягкова сынишка вотъ эдакій клопъ, но, между прочимъ, весь въ пливѣ.

— Тятенька!—доносительнымъ тономъ сказалъ ободренный Алешка,—а кучеровъ Миголка что говорить,—онъ говорить: батя твой на лошадяхъ не умѣеть ѣздить, пужается.

— Шш...—прошиѣла Митревна, толкая Алешку и со страхомъ взглядывая на Онисима Вореоломеича.

Но Онисимъ Вореоломеичъ только презрительно усмѣхнулся.

— Ты ему тово... скажи ему: не чета, мошь, отцу твоему, гужеѣду. Мой, мошь, папенька, какъ-никакъ, но, во всякомъ разѣ, имѣеть наградные часы. А ежели, мошь, что, такъ онъ еще и въ журналахъ пропечатанъ. Ты тово... скажи-ка ему.

— Я скажу,—съ достоинствомъ отвѣтилъ Алешка и, пользуясь благопріятнымъ случаемъ, попросилъ у матери пирога.

— И какіе ужъ ребятишки сорванцы въ здѣшней дворнѣ, уму непостижимо!—сунувши Алешѣ кусокъ, воскликнула Митревна.

— А Симка кузнецова говоритъ,—ты, тятка, дуакъ,—торопливо закартавила Зинаида, уязвленная успѣхомъ Алешки,—онъ говоритъ, батя-то твой поблушка, голь пеекатная, его, говоритъ, изъ миости дейжутъ. Мамка, дай пиожка!

— А вотъ я тово... я имъ покажу, какой я поблушка!—сказалъ Онисимъ Вореоломеичъ.—Ты, Митревна, уже отдохнемъ, поведи-ка ребятъ на прогулку, да серьги съ коралами подвѣсь. Пушай поскрыпять зубами!

— Одна сережка-то сломана, Онисимъ Вореоломеичъ, помните, какъ выпимши были—ударилъ меня,—тихо выговорила Митревна.—Вы общались, какъ въ Воронежѣ поѣдете, въ починку отдать.

— Мамонька, намедни кучериха говорить... —начала было Марѣутка, но Митревна цыкнула на нее и она замолчала, завистливо поглядывая на Алешку, уплетавшаго пирогъ.

— Охъ, Онисимъ, что я тебѣ хотѣла сказать,—вкрадливо вымолвила маменька,—пошлетъ тебѣ Создатель-Батюшка призь, купи ты мнѣ кофейку. Очень ужъ я до кофію охотница.

— Доставлю, маменька, будьте спокойны. Первѣйшаго сорта куплю. Митревна, напомни, какъ будемъ составлять списочекъ.

Развѣ я, маменька, не понимаю вашу охоту? Сколько, можетъ, годовъ жили въ первыхъ домахъ... Я это тово... я всегда могу понимать... Да вотъ что... я вижу, и платье тебѣ, Митревна, нужно обновить. У дьячковой дочери я посмотрѣлъ: что-жь это за платье такое... антикъ! Эдакое въ празелень.

— Гарнитуровое, надо полагать?

— Ужь не знаю. Отливаетъ изъ цвѣта въ цвѣтъ.

— Гарнитуровое,— авторитетно сказала маменька,— въ духовенствѣ обожаютъ гарнитуръ.

— Ну, вотъ и тово... и куплю тебѣ гарнитуровое платье. Припомни, какъ будемъ составлять списочекъ.

Митревна покраснѣла отъ удовольствія.

— А я что съ вами хотѣла поговорить, Онисимъ Вареоломенчъ,— сказала она.— Надо бы тепленькаго чего-нибудь дѣтишкамъ. Ужь такъ-то пообносились, такъ-то пооборвались... Придетъ зима—носу нельзя будетъ показать на улицу; какъ ужъ нонѣшнюю перезимовали... Да и моя-то, признаться, шубейка... не вполнѣ.

— Говорила, перемогитесь какъ-нибудь, не закладывайте сапога,—сказала маменька.

— Ахъ, маменька! ужли же Онисиму Вареоломенчу не имѣть костюма? Какой, скажутъ, это наѣздникъ и вдругъ безъ атласной жилетки и безъ сюртука? Во всякомъ же разѣ съ меня не взыщутъ... а они всегда на глазахъ, всегда съ хорошими людьми.

— Безъ костюма мнѣ никакъ невозможно,—подтвердилъ, сплевывая сквозь зубы, Онисимъ Вареоломенчъ,—вдругъ я ѣду на должность и тово... являюсь въ какомъ-то старѣ. Что скажутъ?

— Охъ, тошно безъ должности-то!—сказала маменька и лицо ея омрачилось.

Митревна глубоко вздохнула.

— Ужь такъ эти полгода бились, такъ бились,—продолжала маменька,—легкое ли дѣло: три серебряныхъ ложки... и ложки продали! Когда ихъ соберешься купить? Или, подумаешь, овладѣ съ матушки Тихвинской: тридцать четыре золотника серебра одного!

Митревна вздохнула еще глубже.

— Мнѣ пуще всего часовъ своихъ жалко,—сказалъ Онисимъ Вареоломенчъ.—Какъ, Господи благослови, возьму первый призъ, такъ безпремѣнно часы выкуплю.

На этотъ разъ вздохнули: восьмилѣтняя Марютка, шестилѣтній Алешка, пятилѣтняя Зинаидка и даже четырехлѣтній Никитка; только трехлѣтняя Машка не вздохнула, а провела пальцемъ по блю-

дечку и съ наслаждениемъ пососала, да годовалый Борька, безсмысленно улыбаясь, глядѣлъ на самоваръ.

— А какъ Броликъ насчетъ минутъ - то, Онисимъ Вареоломечъ?— послѣ нѣкотораго колебанія спросила Митревна.

Онисимъ Вареоломечъ помолчалъ и съ притворнымъ равнодушиемъ сплюнулъ. Вопросъ по разнымъ причинамъ былъ ему непріятенъ.

— Входить въ норму, — отвѣтилъ онъ. — Бабы моя заѣзда спервоначала, я бы его въ 6 мин. теперь поставилъ... Но Минъ Власовъ скрутилъ ходъ.

Митревна покраснѣла отъ негодованія.

— Тоже наѣзники называются! — воскликнула она и вслѣдъ за нею все семейство воспыало ненавистью къ Мину Власову, конечно, кромѣ Борьки и Машки.

Бончили чай, пообѣдали, легли спать. Но передъ спаньемъ Онисимъ Вареоломечъ отпустилъ ребятъ на улицу и произнесъ имъ слѣдующее напутствіе:

— Вы тово... не болтайте зря. Что говорено промезъ старшихъ—не ваше дѣло. Ступайте, тово... промезъ себя больше держитесь. А Миколкѣ такъ и скажи: у моего, молъ, папеньки тово... часы наградные есть. Отъ генерала Гринваля. Ежели, молъ, не надѣваетъ, такъ не хочеть показывать вамъ, дуракамъ. И листъ... скажи ему, что у папеньки, молъ, листъ такой есть. Скажи, молъ, тово... отъ царя! Пуцай поломають головы. А зря не болтайте.

Вечеромъ Зинаида, читая молитву на сонъ грядущій, подумала, подумала и, послѣ словъ: «Помилуй, Господи, тятеньку, помилуй, Господи, маменьку, помилуй, Господи, бабушку» — прокартавила: «помилуй, Господи, лошадку Бролика и всѣхъ сродниковъ». Митревна услышала и, легонечко толкнувъ маменьку, прошептала съ блаженною улыбкой: «Вѣдь, вотъ, ребенокъ, подумаешь, а какое понятіе у себя имѣть!... Молись, молись, голубушка!»— послѣ чего съ тяжкимъ и сокрушеннымъ вздохомъ полѣзла на перину, гдѣ уже сладко и съ торопливымъ присвистомъ храпѣлъ Онисимъ Вареоломечъ. Маменька тоже вздохнула на своей лежанкѣ.

На утро Онисима Вареоломеча совершенно неожиданно потревали въ контору. Все семейство ужасно обезпокоилось. Митревна даже смѣнилась съ лица и выронила чашку, которую въ то время вытирала. Но Онисимъ Вареоломечъ усиливался владѣть собою. Когда Митревна выронила чашку, онъ притворно-строгимъ голосомъ крикнулъ:

— Ты тово, Аненса... поаккуратиѣй бы, — и затѣмъ какъ бы про себя добавилъ: — Управитель что-то намекалъ вчерась... Вы, говорить, тово, Онисимъ Вареооломеичъ, ежели деньги, али что другое... не утѣсняйте себя. Въ конторѣ завсегда имѣется сумма. — Тѣмъ не менѣе, когда Онисимъ Вареооломеичъ застегивалъ пуговицы атласнаго своего жилета и натягивалъ праздничный коричневаго сукна сюртукъ, руки его замѣтно дрожали.

Только что онъ вышелъ, Митревна бросила мыть посуду и скользнула за перегородку. Маменька, тяжело охая, принялась за чашки. Ребятишки испуганно переглядывались и говорили шепотомъ. Алешка, по своему обыкновенію, не утерпѣлъ и, бокомъ приблизившись къ перегородкѣ, нашель щелку и принялъ къ ней глазомъ. «Лежить... — прошептала онъ ребятамъ, — на лежанкѣ, на бабушкиной постели лежить... ничкомъ!» Митревна, дѣйствительно, лежала, какъ пласть, уткнувши лицо въ подушку. Однако, минутъ черезъ десять она поднялась и съ опущенными глазами, съ красными пятнами на лицѣ принялась перетирать посуду.

— Вотъ оно... самоварь-то гудѣлъ въ субботу, — прошептала маменька, вытирая уголочкомъ платка набѣгавшія слезы, — ужъ чуяло мое сердце — не къ добру... чуяло — недаромъ гудить, проклятый! Тоже отъ Пожидаевыхъ сойти, такъ-то гудѣлъ... О, Матерь милосливая, помилуй насъ грѣшныхъ!

— Ахъ, маменька! ужъ вы-то хоть бы помолчали, — вырвалось у Митревны, — чтой-то на самомъ дѣлѣ! живешь, живешь... мучаешься, мучаешься... Господи Ты мой Батюшка! — и добавила: — А можетъ, Господь дастъ, вовсе не за худымъ потребовали...

Онисимъ Вареооломеичъ скоро вернулся. Преувеличенно-развязною походкой вошелъ онъ въ горницу, снялъ картузь, посмотрѣлъ на маменьку, на дѣтей, на Митревну, потупился подъ пристальнымъ и безпокойнымъ взглядомъ восьми паръ глазъ, на него устремленныхъ, съѣлъ и растерянно улыбнулся.

— Ну, что, Онисимъ Вареооломеичъ, зачѣмъ требовали? — прерывающимся голосомъ спросила Митревна.

— А?... да такъ больше... Вы, говорить, тово, Онисимъ Вареооломеичъ... и прямо руку мнѣ. А ежели, говорить, какая неприятность, мы, говорить, завсегда тово... Ну, и пошелъ, и пошелъ.

— Да не томите вы насъ, ради Христа Создателя! — вскрикнула Митревна, не сводя жадно-любопытствующихъ и расширенныхъ отъ страха глазъ съ Онисима Вареооломеича.

Онисимъ Вареооломеичъ засуетился, всталъ, порылся съ забот-

ливымъ видомъ въ карманахъ, вынулъ оттуда двѣ скомканныхъ бумажки и вдругъ закричалъ на Алешку:

— Долго я тебѣ, подлецу, говорить буду?... Одерни костюмъ!... Я, братъ, погляжу, погляжу, и тово... за виски!

— Разсчитать, что ли?—съ прискорбіемъ спросила маменька, все это время беззвучно шептавшая псаломъ царя Давида: «Живыи въ помощи Вышнѣго».

Онисимъ Вареоломеичъ быстро и съ величайшимъ оживленіемъ повернулся къ ней.

— Ходъ, маменька... ходъ, говорить, скрутилъ! Но какимъ же манеромъ, говорю, ходъ... и развѣ вамъ не видно, Мартинъ Лукьянычъ, что это тово... что это кляузы?... Вдругъ Капитонъ Аверьяновъ всталъ, стукнулъ эдакъ костьюемъ и тово... «Ты, говорить, тово... намъ не нуженъ!»—Но позвольте-сь, въ какомъ смыслѣ?... Сколько, можетъ, имѣю награды... листъ... часы... обозначенъ въ журналахъ... По какому случаю?... Ну, онъ тово... Анеиса Митревна, получите деньги, пятнадцать цѣлковыхъ!... Десять выдано не въ зачетъ... Въ награду мнѣ выдано. «Потому мы, говорить, понимаемъ вашу заслугу».—Но какъ же, говорю, семейство... и, притомъ, перина... сундуки... коммодъ?—«Это, говорить, тово,—во всякомъ разѣ, говорить, мы можемъ это мнить: сколько угодно берите подводъ, Онисимъ Вареоломеичъ, такъ какъ мы, говорить, знаемъ васъ и завсегда съ нашимъ удовольствіемъ».

Но дальше ужъ невозможно стало разобрать, что бормоталъ Онисимъ Вареоломеичъ. Митревна заголосила, дѣти бросились къ ней, заплакали, закричали изо всей мочи. «Господи! Господи! и когда же Ты нашьлешь часъ смертнѣй на меня грѣшную?» — воскликнула маменька, обращая взглядъ на икону Тихвинской Божіей Матери съ ободраннымъ оядомъ. «Маменька! Анеиса Митревна!—вскрикивалъ Онисимъ Вареоломеичъ, въ полнѣйшемъ отчаяніи бѣгая вокругъ рыдающаго, охающаго и воющаго семейства,—ужели я не понимаю?... Ужели я какой безсловесный столпъ?... Я итъ говорилъ, говорилъ... какъ же, говорю, такъ, подступаетъ Хрѣновое, лошадь готова и вдругъ вы лишаете судьбы?... Я маленький человекъ... я смиренный человекъ... И потомъ по какому случаю обижаете неповинное семейство? Какіе-нибудь кляузы, наговоры, спетни... лошадь готова, черезъ два мѣсяца бѣга, и вдругъ, ничего не говоря, разсчитать!... Вы тово, говорю... эдакъ, говорю, не дѣлаютъ настоящіе люди. Но что же подѣлаешь?... Сила, маменька!... Вѣдь, они—сила, Анеиса Митревна!... Не плачьте понапрасну!... Не утруждайтесь!... Ужели я не могу васъ успокоить?

Виѣто Онисима Варѣоломенча, явился въ Гарденино воейковскій Ефимъ, по прозванью Цыганъ. И дѣйствительно, въ немъ было что-то нерусское. Это былъ высокій, сутуловатый, нескладный человѣкъ, съ длинными и цѣпкими, какъ у обезьяны, руками, на длинныхъ ногахъ, съ горбатымъ носомъ, съ смѣлыми изжелта-кариими глазами, шафранно-смуглый, волосомъ черный, даже до снѣга отлива, и съ серьгой въ ухѣ. Голосъ у него былъ грубый, слова дерзкія, держался онъ гордо и самоувѣренно. Въ «рысистомъ отдѣленіи» сразу смѣтили, какая въ немъ разница отъ Онисима Варѣоломенча. Ефимъ, какъ только вошелъ къ Кролику, такъ и закричалъ на него съ необыкновенною строгостью, и Кроликъ былъ съ нимъ тихъ и смиренъ; Ѳедоткѣ, котораго сдѣлали поддужнымъ, онъ, при первой же пустой неисправности, «залѣпилъ здоровеннаго тумака»; на заслуженнаго Василья Иваныча заоралъ, какъ на пастуха какого-нибудь. Но когда сѣлъ на дрожки и выѣхалъ на дистанцію, тотъ же Ѳедотка сразу почувствовагъ въ немъ благоговѣніе, а Василій Иванычъ охотно простилъ свою обиду. Возжи у него въ рукахъ были точно струны подь смычкомъ искуснаго скрипача: малѣйшимъ движеніемъ пальцевъ, незамѣтнымъ натягиваніемъ и опусканіемъ, — на посторонній взглядъ казалось: однимъ дерзкимъ и напряженно-проницательнымъ выраженіемъ своихъ глазъ, — онъ заставлялъ лошадь идти какъ ему хотѣлось. А на Кролика такъ закричалъ при первомъ же неудачномъ «сбоѣ», такъ передернулъ ему губы, что тотъ со втораго же сбоя, сдѣлавши узаконенное и допустимое на бѣгахъ количество скачковъ, прямо вошелъ въ великолѣпную и еще невиданную за нимъ рысь. На узкихъ поворотахъ колеса вертѣлись въ воздухѣ, а Ефимъ и бровью не шевелилъ, и только наклонялся въ противную сторону, точно прилипая къ дрожкамъ. Нѣтъ, этотъ наѣздникъ былъ не чета жалкому и трусливому Онисиму Варѣоломенчу! Конюхамъ «рысистаго отдѣленія» онъ выставилъ четверть воды; почетныхъ конюховъ и наѣздника Мина Власова угостилъ чаемъ съ сантуринскимъ виномъ; Капитону Аверьянчу весьма свободно протягиваеъ руку; въ присутствіи управителя не вставалъ; жезлу свою держалъ въ безпримѣрной строгости и билъ до такой степени часто, что она непрерывно ходила съ синяками подь глазомъ и съ подвязанною щекой. Однимъ словомъ, это былъ человѣкъ властный, горячій, дерзкій и совершенно увѣренный, что наѣздниковъ лучше его не было, да и не можетъ быть. Съ нимъ кучеръ Никифоръ Агапычъ никакъ не осмѣливался взять свойственнаго ему тона высокомерной и язвительной шутильвости. И такъ какъ, въ довершеніе всего, Ефимъ происходилъ изъ

воейковской дворни, а господа Воейковы ни мало не уступали въ знатности господамъ Гарденинымъ, то самые высокопоставленные дворовые люди Гарденина относились къ нему съ почительностью и уваженіемъ. Ни надъ нимъ, ни надъ его женою, ни надъ ихъ семейною жизнью и обстановкой не насмѣхались и не шутили. Это были свои люди, съ которыми лестно было водить знакомство. Даже претенденты на Кролика, на его будущіе призы и славу, и тѣ почувствовали, что Ефимъ имѣеть преимущество надъ ними, потому что онъ настоящій мастеръ и рѣдкостный знатокъ своего дѣла. Развѣ одинъ Никифоръ Агапчычъ не оставлялъ своей сатанинской зависти. Но Никифоръ Агапчычъ былъ извѣстный самолюбецъ и гордецъ.

А семейство и имущество Онисима Вареоломеича повезли на трехъ подводахъ въ село, на квартиру къ просвирнѣ. Стояла грязная, пасмурная погода. Дѣти, маменька и Анѣиса Митревна сидѣла на возахъ, уцѣпившись за вещи и за веревки. Онисимъ Вареоломеичъ съ подводчикомъ, мужикомъ Агаѣономъ, шелъ сзади и, развязно размахивая руками, говорилъ Агаѣону:

— Нѣтъ, братъ, это они погодятъ! Я, братъ, прямо скажу—я слово знаю. Ежели теперь Ефимъ Цыганъ возьметъ призъ, я тово... прямо приходи ко мнѣ и говори: протягивай морду, Онисимъ Вареоломеичъ!—и бей по мордѣ. И Капитонъ Аверьяновъ сломить свою гордыню... Это я, братъ, тово... впередъ тебѣ говорю. А у насъ мѣстовъ хватить... у насъ, прямо надо говорить, отбою нѣтъ отъ мѣстовъ... Но Онисимъ Стрекачевъ не ко всякому пойдетъ... вотъ оно въ чемъ дѣло! Самъ ты, братецъ мой, посуди: съ чего мнѣ гадаться? Ужели у насъ имущества не хватить?... Вонъ видишь—тувалеть?—тридцать цѣлковыхъ!... коммодъ краснаго дерева?—пятьдесять цѣлковыхъ!... Эй, Анѣиса! почему полботинкомъ коммодъ запачкала?... Чтобъ я не видалъ эфтого!... Но я тебѣ, Агаѣонъ, прямо скажу: я имъ запретъ положилъ на призы. Можетъ, смилуюсь... не знаю. Поклонятся, ну, тово... смилуюсь, сниму. А Ефиму Цыгану призовъ не брать... Нѣ-э-эть!... И я такой человѣкъ—ты видишь семейство?... Маменька-старушка, жена, дѣти... Я жену нонче побилъ... это правда, побилъ. Но вотъ я тово... прямо, Господи благослови, поѣду въ Воронежъ и прямо ей гарнитуровое платье куплю. Ты пойми, какой я человѣкъ!... Они говорятъ то, другое, третье... Но я семейство свое содержу въ ба-а-альшомъ порядкѣ! Я побью, это правда... выпимши я завсегда могу побить... Но что касающе мѣстовъ—у насъ хватить!

— Ужь это знамо!—подтверждалъ мужикъ Агаѣонъ,—кто че-

го знает, тотъ знаетъ. Тотъ своего не упустишь, примѣрно сказать. А кто не знаетъ, тотъ, на примѣръ, упустишь и не соберешь. А тебѣ мѣстовъ не искать, Вареоломейчъ, — тебя сами мѣста сыщутъ... Ей-Богу! Потому ты, прямо надо говорить, орелъ!

Отъ обоихъ сильно разило водкой.

VII.

Новый Николаевъ гардеробъ.—Торжественный видъ Николая.—Краткое наставленіе о свѣтскихъ приличіяхъ.—Недовольный мужикъ Андронъ.—Базарный день.—Газришка—разудала голова и его соблазнъ.—„Въ козаки!“—Домашній совѣтъ.—Изъ-за самого и шалки.—Семейственное побовще.—Распаденіе дореформенныхъ вѣрней.

Еще на Святой Николай сталъ проситься съѣздить къ Рукодѣеву. Мартинъ Лукьянычъ принялъ эту просьбу благосклонно. Ему нравилось, что такой богачъ, какъ Рукодѣевъ, удостоиваетъ знакомствомъ его сына. Но такъ какъ, по мнѣнію Мартина Лукьяныча, у Николая не было для столь важнаго знакомства подходящей одежды, то былъ приглашенъ бродячій портной Фетюкъ, когда-то учившійся въ самомъ Петербургѣ, а теперь обшивавшій купцовъ, управителей, мелкихъ помѣщиковъ и духовенство окрестности. Фетюкъ приладилъ для Николая старый отцовскій темнозеленаго сукна сюртукъ, бархатную влѣтчатую жилетку и дымчатые штаны съ искрою. Все это было модное почти лѣтъ тридцать тому назадъ, почти новое, потому что лежало въ сундукѣ, все сильно пахло камфорою. Фетюкъ кое-гдѣ урѣзалъ, кое-гдѣ ушилъ, наставилъ, пріютюжилъ, отпарилъ, и вышло, по его словамъ, «хоть бы отъ Шармера». Пуговицы на сюртукѣ—деревянные, лакированные, величиною съ добрый пятакъ, по разсужденію Мартина Лукьяныча, были оставлены, да и самому Николаю онѣ чрезвычайно нравились своимъ зеркальнымъ блескомъ. Затѣмъ куплены были на базарѣ «крахмальная» рубашка и голубой шелковый галстучекъ. Но этимъ еще не ограничилось благоволеніе Мартина Лукьяныча: наканунѣ поѣздки, въ субботу, онъ порылся въ коммодѣ и торжественно вручилъ Николаю старинные серебряные часы-луковицу на бисерной цѣпочкѣ. Восторгу Николая не было предѣловъ. Онъ даже не утерпѣлъ и, украдкою отъ отца, побывалъ въ полномъ одѣяніи въ застольной, у Фелицаты Никаноровны, у Капитона Аверьяныча и у Ивана Федотыча за рѣкою.

Рано утромъ въ воскресенье Мартинъ Лукьянычъ разрѣшилъ Николаю запретъ въ легонькій тарантасикъ пару лошадей изъ своей тройки, а Капитонъ Аверьянычъ отпустилъ Федотку за кучера. Когда пришло время садиться, Мартинъ Лукьянычъ еще разъ съ ногъ

до головы осмотрѣлъ Николая, снялъ пушинку съ жилетки, велѣлъ Матренѣ почистить вѣничкомъ спину и, подавая сложенный въ четверо листъ бумаги, сказалъ:

— Безъ дѣла неловко въ домъ-то вламываться. Хотя же за валуховъ деньги всѣ отданы и валуха приняты, но вотъ на всякій случай я написалъ квитанцію отъ конторы, то-есть въ деньгахъ, — понимаешь? Тамъ и скажи: папаша, молъ, приказали влаться и вотъ вручить квитанцію, — вашему, молъ, прикащику позабыли. Да зря не ломись, разузнай, какъ и что; на парадное крыльцо не лѣзь; войдешь — не раздѣвайся, стой въ передней, подожди. Если будетъ приглашеніе въ горницы — иди, а не пригласитъ — отдай квитанцію, поклонись и назадъ. Въ этомъ стыда нѣту, ты вродѣ какъ посланный. И Ѳедотка пускай... не отъѣзжаетъ отъ крыльца. Въ комнатахъ какъ можно аккуратнѣй держись... Боже сохрани въ руку сморкаться. Матрена! не забыла носовой платочекъ. Николаю Мартинычу?... Садиться не сразу садись: раза два скажутъ, ну, сядь. Да смотри развалиться не вздумай, — за это, братъ, случается, и въ шею накладываютъ. Барыня или вообще женскій полъ войдетъ, — конечно, не считаю прислуживающихъ; — ты долженъ какъ на пружинахъ вскочить со стула. А тамъ ужъ ихъ дѣло, что тебѣ на это сказать. Супруга-то Босьмы Васильича изъ дворянъ, понимаетъ обхожденіе. Въ разговоры шибко не вступайся... а то, вѣдь, ты иной разъ заведешь, прямо тебѣ слѣдуетъ затрещину хорошую. Не вступайся. Руку протягивать никакъ не можешь; подадутъ, — ну, другое дѣло. Если онъ здѣсь былъ простъ, то, кто его знаетъ, можетъ изъ-за того, чтобъ валуховъ купить подешевле... Я изъ-за этой его простоты такъ и считаю, что продешевилъ пятакъ. Но завсѣмъ тѣмъ не унижай себя. Надобности не вижу. Пусть онъ и богачъ, однако же, управитель гарденинской вотчины кое-что значить. Ну, Богъ съ тобой, прощай!

— А ежели, папенька, ночевать стануть просить, — оставаться?

— Обдумалъ еще... просить! Да ты изъ какихъ-такихъ, чтобъ тебя просить-то? Вотъ то-то, говорю, на слова-то ты торопливъ. Сперва подумай, а потомъ скажи. Просить!... Ну, поѣзжай.

Воскресенье былъ базарный день въ большомъ селѣ, верстахъ въ семнадцати отъ Гарденина. Дорога къ Рукодѣву лежала какъ разъ черезъ это село. Не доѣзжая до него версты три, Николай нагналъ ѣдущаго верхомъ гарденинскаго мужика Андрона, средняго изъ трехъ сыновей сельскаго старосты. Лошадямъ нужно было дать немного отдохнуть и ихъ пустили шагомъ. Андронъ ѣхалъ сзади, около самаго тарантасика.

— Аль на базаръ, Андронъ?—спросилъ Николай, закуривая папиросу и вручая такую же Ѳедоткѣ.

— Да вотъ батюшка наказывалъ три косы купить. Покось подходитъ.

— А!... А я вотъ, Андронъ, къ Косъмъ Васильичу Рукодѣву въ гости ѣду. Знаешь?

— Чтой-то не слыхалъ.

— Ну, вотъ!... богачъ, потомственный почетный гражданинъ, сколько орденовъ имѣеть. Въ гости къ себѣ приглашалъ.

Андронъ ничего не сказалъ и только стегнулъ кобылу.

— Какъ думаешь, сколько теперь часовъ?—спросилъ Николай и съ важностью вынулъ свою луковичу и поднесъ ее къ самымъ глазамъ, чтобы Андронъ видѣлъ. Но Андронъ опять ничего не сказалъ.—У васъ гдѣ покось-то нынче?—спросилъ Николай, осторожно впихивая часы въ нѣсколько тѣсный для нихъ жилетный карманъ.

— Извѣстно гдѣ—у васъ. Тоже сказывали—воля...

— Нѣтъ, Андронъ, ты это не толкуй... ты удивительно какой недовольный мужикъ.

— А когда я ихъ, деньги-то твои, видалъ? Батюшка получить—батюшка отдасть куда ему слѣдуетъ, а наше дѣло одно—работай. Коѣ-дѣло придется сапоги справить—кланяешься, кланяешься, да и отѣдешь ни съ чѣмъ. Вотъ четвертый годъ ношу сапоги, а поди-ка, сунься, поговори, чтобы сшить... Заработки! нѣтъ, братъ, у насъ не балуйся... Извѣстно, у купцовъ на Графской не такія деньги, да поди-ка!

Поговорили еще о томъ, о семъ, Николай опять посмотрѣлъ на часы, сказалъ Ѳедоткѣ погонять, и тарантасикъ снова загремѣлъ рысцою по сухой дорогѣ. А Андронъ поѣхалъ шагомъ. Ъхалъ и думалъ, какъ еще нынче заговаривалъ съ отцомъ о сапогахъ и какъ старикъ замахнулся на него возжами. И, подѣ статью къ этому неприятному случаю, думалъ о томъ, что только работаешь, работаешь, а воли никакой нѣту; что бабъ изъ ихняго двора часто наряжаютъ мыть полы въ конторѣ, а управитель вдовый... кто ее знаетъ, что тамъ у нихъ,—болтають, вѣдь, люди, что его Игнатка схожъ на управителя; да и Николка, гляди, не зѣваетъ съ бабами. И эти раздражающія мысли заставляли Андрона съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ поглядывать вдаль, въ просторъ зеленѣющихъ полей, лежащихъ окрестъ, въ синіе извивы долины. «Тонсь убѣгъ бы куда глаза глядятъ!»—воскликнулъ онъ мысленно, вѣзжая въ село. Уже при самомъ вѣздѣ былъ слышенъ шумъ отъ середины села,

отъ площади, гдѣ стояла церковь и былъ базаръ. Немного погодя пошли встрѣчаться Андрону телѣги съ лошадьми, съ коровами, приведенными на продажу, дальше—возы съ хлѣбомъ, съ сѣномъ, еще дальше—сплошная толпа бабъ, мужиковъ, разряженныхъ дѣвокъ, мѣщане въ длинныхъ, лоснящихся сюртукахъ, лавки, кабаки, трактиры, лотки, балаганы, кучи колесъ, вороха посуды, лыки, дуги, оглобли, крендели, деготь, метлы, лопаты. Андронъ точно въѣхалъ въ середину огромнаго улья: говоръ походилъ на жужжанье, люди сновали, какъ пчелы; ругань, божба, хлопанье по рукамъ, пронзительный звукъ брошенной въ воздухъ пилы, звонъ косъ, ржаніе и мычаніе скота, пѣсни изъ распахнутыхъ настѣжъ кабаковъ, захватская музыка трактирной машины, трезвонъ колоколовъ «къ достойной», — все сливалось въ одинъ сплошной, оглушительный и веселящій шумъ. Андронъ, забывъ про свои неприятныя мысли, съ широкою улыбкой на лицѣ, съ разбѣгающимися глазами, осторожно пробирался въ толпѣ, присматриваясь, куда бы поставить кобылу. Вдругъ молодой малый, въ «касандрійской» рубахѣ, въ сапогахъ-вытяжкахъ, румяный, слегка на-веселѣ, ухватился за узду Андроновой кобылы и закричалъ:

— Другъ! Андронъ Веденеичъ! Вотъ, братъ, кстати: такія-то дѣла завязываются, такія-то дѣла... угоришь!... Ты что шныряешь глазами—ищешь гдѣ кобылу пристроить? Валяй за мной, елова голова: нашъ мужичокъ съ коровой стоитъ... онъ тебѣ съ великимъ удовольствіемъ!

— Я, признаться, посматриваю, нѣтъ ли изъ нашихъ кого, — сказалъ Андронъ, узнавши въ молодомъ маломъ жеватаго на Гараськиной сестрѣ парня изъ сосѣдней барской деревни, верстахъ въ десяти отъ Гарденина.

— Пойдемъ, чего тутъ толковать! Я тебѣ живо оборудую. Ахъ, братецъ ты мой, какъ я тебя опозналъ кстати! Такія-то дѣла... Ты зачѣмъ на базаръ?

Андронъ сказалъ.

— Косы? Ну, какъ разъ ихъ и надо. Слышишь?—ихъ и надо. Запиши, Гаврюшка сказалъ—ихъ надо! Ахъ, еловая твоя голова!

Гаврюшка, видимо, былъ въ восторгѣ отъ чего-то; онъ ухарски заломилъ шапку, распахнулъ кафтанъ и, идя впереди Андрона, бойко раздвигалъ толпу, пересмѣивался съ дѣвками и бабами, встрѣвалъ на ходу въ чужіе разговоры, безпричинно улыбался и радовался. Около телѣги съ привязанною мышастою коровою онъ оставался.

— Причаливай! Дядя Фролъ, можешь ты вотъ эфтого мужика

нобылу соблюсти? Прятель мой, гарденинского старосты сынъ. Можешь, елова голова? Ты прямо говори.

— Нѣтъ, нѣтъ, нечего и толковать, и не толкуй, Гаврила, — скороговоркой забормоталъ дядя Фролъ, маленький, тщедушный мужичонко, точно съ головы до ногъ обсыпанный толченымъ углемъ, — такъ онъ былъ грязень, смугль и черень.

— Борову продамъ, уйду отъ телѣги — какъ быть?

— Дядя Фролъ! дядя Фролъ! погоди ерепениться... Дѣвка съ тобой?

— Что-жь, что со мной? Дѣвку не привяжешь къ телѣгѣ, не привяжешь, не привяжешь. Вонъ сидитъ — зубы скалитъ, а чуть что, подалъ въ зубы, и поминай какъ звали. Что ты мнѣ дѣвкой суешь!

— Стой! Желаетъ косушку, елова голова? Запиши, Гаврюшка сказалъ — косушку!

Дядя Фролъ взметался:

— А ты думаешь что... ты думаешь, я твоей косушки не видалъ? Сдѣлай милость, привязывай. Пуцай сѣно жуеть, пуцай жуеть. Эй, Алѣнка! уйду лыки покупать — шагу не смѣй отходить отъ телѣги... шагу, шагу. Привязывай, привязывай, малый, я достаточно понимаю эфти дѣла.

— Андронъ привязалъ кобылу, захватилъ ей побольше и получше сѣна изъ вихря. Онъ былъ мужикъ хозяйственный и не любилъ упускать своего. Гаврюшка ударилъ его по плечу:

— Ну, а теперь заьемся мы, еловая голова, въ трактиръ, парочку пивца ковырнемъ.

Андронъ такъ и оторопѣлъ отъ этихъ словъ, даже оглянулся, не случился бы по близости кто-нибудь изъ гарденинскихъ и не услышалъ бы.

— Что ты, что ты, очумѣлъ, что ли?... — сказалъ онъ. — Батюшка узнаетъ, онъ те такіе трактиры покажетъ.

— Ловко! ай да сказалъ словечко! Стало быть, дядя Веденей за семнадцать верстъ видить? Ну-ка, ну-ка, нечего калянить, пойдемъ...

Гаврюшка ухватилъ Андрона подъ руку и поволокъ къ трактиру. Тотъ упирался, бормоталъ, что сроду и не былъ, и ходу не знаетъ, и пива не нивалъ, и, Боже избавь, родитель дознается... Но, упираясь и отговариваясь, ужасно желалъ побывать въ трактирѣ. Онъ былъ не особенный охотникъ до водки, но ему хотѣлось поболтать на народѣ, поглядѣть, послушать рѣчей, посмотреть на машину, которая отжаривала такъ, что ее было слышно и те-

пёръ, шаговъ за сто отъ трактира. Это было очень заманчиво и любопытно для Андрона. Бромъ того, отъ Гаврюшкиной бойности и восторга его точно подымало, и весело было ему съ такимъ бывалымъ и удалымъ парнемъ, какъ Гаврюшка. Однако, у самыхъ дверей трактира онъ испугался, что надо будетъ платить деньги, да еще кто ее знаетъ—сколько, и рѣшительно остановился.

— Очумѣлый!—сказалъ онъ,—у меня и денегъ-то всего на три копейки, да баба парнишкѣ на булочки дала пятакъ. Изъ чего я тебѣ буду расходоваться?

— Денегъ? У насъ, братъ, завсегда хватить. Понялъ? Запиши, Гаврюшка сказалъ—денегъ завсегда хватить. У, елова твоя голова!—и Гаврюшка потрясъ карманомъ, гдѣ звенѣла мелочь.

Въ трактирѣ голова закружилась у Андрона. У накрытыхъ прилтыми скатертями столовъ сидѣли, пили, курили цыгарки, кричали, заводили пѣсни. Проворные люди въ бѣлыхъ рубашкахъ сновали туда и сюда, ловко виляя между народомъ, звякая посудой, разнося чайники, чашки, графинчики, откупоривая бутылки съ медомъ и пивомъ. И, временами покрывая весь шумъ, гудѣла машина: «Не бѣлы - то снѣжки въ полѣ забѣлѣлися»... Гаврюшка занялъ столъ у самой машины и спросилъ пару пива. Андронъ уставилъ на мѣдныя трубы, на валы съ крючечками, на колесо, которое вертѣлъ вспотѣвшій, оборванный мальчишка. Уставилъ глаза, вслушивался въ хитрыя колѣна музыки и блаженно улыбался, приговаривая: «Ишь, ишь, окаянная, выводить»... «Ахъ, шутъ-те расшиби со всѣмъ съ потрохомъ!»

— Эка невидаль!—сказалъ Гаврюшка, презрительно кивнувъ на машину,—ты бы, голова еловая, въ городъ Ростовъ поглядѣлъ. Тамъ машины! Иная, дьяволъ, прямо съ избу. И тутъ вонъ колесо, а тамъ не балуйся, сама раздѣлываетъ. Велишь эдакъ, побѣжить половой, сунеть желѣзною штукой въ нутро, повертить, повертить... она и почнетъ откалывать.

— Сама собой?

— А то какъ же! прямо повертить и уйдетъ, а она и громыхаетъ въ свое удовольствіе. Забавно поглядѣть. Ну-ка, Андронъ Веденечъ, дѣйствуй... опомаскивай посуду!

— Охъ, малый, чтой-то кабыть не пригоже.

— Чего... не пригоже?

— Да какъ же: сидимъ мы съ тобой словно на свадьбѣ, а человекъ бѣгаетъ вокругъ насъ. Словно господа!

— У, посмотрю на тебя, какой ты мякинникъ... Вали! Эй, ма-

лый! прислуга! тащи-ка колбасы на закуску да кренделей фунтигъ. Пошатывайся, елова голова!

Выпили пару, еще спросили пару и выпили. Ъли колбасу, крендели, спросили чаю, въ чай подбивали сантуринскаго вина и потягивали себѣ не спѣша. Всѣмъ распорядился Гаврюшка. Андронъ разсолодѣлъ, забивалъ за обѣ щеки крендели и колбасу, отпустилъ украдкой поясъ, чтобы побольше воняло ѣды, утирался платкомъ и пристально слушалъ, что говорилъ Гаврюшка. А Гаврюшка говорилъ вотъ что:

— ... Изъ нашей деревни трое идутъ, изъ Прокуровки—двое, одинъ боровской обѣщался... Да сказать тебѣ на ушко—изъ вашихъ, шуринъ Гараська, должно, надумается. Ужь говорено. Коли ты соберешься, вотъ насъ и артель, елова голова. Эй, собирайся, Андронка! Мѣста—рай, умирать не захочешь. Запиши, Гаврюшка говорить — умирать не захочешь. Вотъ пойдемъ — все Русь, все Русь... А тамъ хохлы попрутъ, что ни яръ—слобода, что ни левада — хуторъ. Сялошной хохоль съ самаго Коротояка. Завалимся, Господи благослови, за хохловъ—козака пойдеть; ѣдакія села, станицами прозываются... а тамъ ужъ гуляй до синяго моря: все степь, да ковыль-трава шатается, да камышь шумить на Дону-рѣкѣ. Эй, собирайся, елова голова!... Я самъ впервой робѣлъ. То да сѣ, да оборки не свиты, да лапти разбились, да онучи не высохли... Такой же былъ мякинникъ. Но вотъ сходилъ... два раза, паря, отзваниваю: лапти расшибъ, въ Ростовѣ вытяжки сторговалъ: смотри, сафьяномъ оторочены. Чего пужаться? Артелью пойдемъ. А до чего дѣло коснется—я всѣ мѣста-притѣлины знаю: гдѣ ночь ночевать, гдѣ день скоротать, куда стать на работу. Судьбай милость! У хохловъ, можетъ, самую малость покосимся, и то ежели прохарчимся въ дорогѣ. Да гдѣ прохарчиться! Ежели по трѣшницѣ на рыло—смѣло хватить вплоть до Ростова. Ну, а какъ ввалимся въ козаки, сейчасъ я васъ на мѣсто ставлю. Запиши—ставлю на мѣсто. Гдѣ цѣна дороже, тамъ и поставлю. И вотъ какія дѣла, братецъ мой: придетъ суббота, подетавляй подоль—прямо тебѣ козака пригоршнями серебра насыпетъ... У нихъ не балуйся, у нихъ — все серебро. А въ воскресенье въ станицу, на базаръ, а съ понедѣльника опять идешь гдѣ лучше. И-ихъ, сторонушка разлюбезная... Харчи ли взять? Понимаешь ли, Веденеичъ, ржаного хлѣба званія не слышать. Все пирогъ, все пирогъ... каша съ саломъ, а ежели масло въ сухіе дни, такъ невироворотъ масла нальютъ, окромя того—ветчина, водкой поятъ которые... Одно слово—козака, въ ротъ ему дышло! Ну, скажешь, стой, Гаврюшка! Ну, сошла трава, стога пометали, убра-

лись, что тогда-то мы станемъ дѣлать?... Ахъ, разудалая твой голова! а пшеничка-то матушка? Мы траву подваливаемъ, а она зрѣеть, колышется, разбѣгается, конца-краю не видно. Жни, коси, молоти вплоть до самаго Успенья... да что до Успенья—хоть до заговѣнья работы найдется. Набивай кѣшель и шабашъ!

— Ана и на Графской случается хорошіе бывають заработки,—нерѣшительно возражалъ Андронъ.

— У, обдумалъ! у, еловая голова, слово высидѣлъ! Тамъ понимаешь ты кто? Тамъ ты прямо — баринъ. Ну-ка, скажи мнѣ козакъ грубое слово... я прямо, Господи благослови, наплюю ему въ морду и пойду себѣ въ другое мѣсто. Али хлѣбъ не хорошъ, али пшено не чистое... Да за всякій пустякъ я на него холоду нагоню. А что касательно, какъ въ нашихъ мѣстахъ, въ рыло залѣзать, да тамъ и не слыхано такого озорства. Тамъ прямо это считается за разбой.

— Купцы и у насъ мало дерутся,—сказалъ Андронъ,—это у господъ точно есть привычка: нашъ управитель первымъ долгомъ по зубамъ норовить... А купцы не такъ, чтобъ драчуны.

— Разказывай! Вотъ ты мнѣ будешь разказывать, елова голова, когда у меня и посейчасъ рубецъ на спинѣ: купца Мягкова прикащикъ нагайкой полыхнулъ. Ну, да что объ этомъ толковать!... Ну, ладно, будь по-твоему — выпадетъ урожайный годъ и здѣсь заработки найдутся. Такъ? Ладно. Но вотъ что я тебѣ, паря, скажу: и-ихъ, да и опостыѣла же своя сторона! Я правду скажу: меня тянетъ въ козаки. Воля, братецъ ты мой! Развязка!... И ты смежи, запиши—правду говорить Гаврюшка. Чтѣ набилось народу въ нашихъ мѣстахъ, чтѣ деревень, чтѣ тѣсноты... Куда ни повернись: чужое, да не твое, да господское, да сусѣдское... Ой, кабы кому на ногу не наступить! А какой ты есть человекъ въ своей деревнѣ? Захотѣли тебя выпоротъ — выпороли, захотѣли по мордѣ съѣздить — съѣздили, волостной катить — пужаешься, баринъ мчится—поджилки трясутся со страху. Ну, что за жисть? Братнинъ телокъ намени въ барскомъ пруду напился — штрахъ, рупь-цѣлковый! Да провались онъ съ цѣлковымъ,—скучно, елова голова! Вотъ я о чемъ говорю. И-и, такая-то, братецъ мой, скука — смерть!... Ну, поработалъ ты на Графской,—ну, хорошо... Да, вѣдь, поработалъ недѣлю—опять въ деревню воротиться... ну, домъ провѣдать, хлѣба взять... А тутъ волостные, а тутъ сборщики, сотскіе, десятскіе... Ахъ, тоска! ахъ, скука! Глянешь въ поле—межнички да межнички, да кабы, сохрани Господи, барскій овесъ не потравить...

— У насъ этого нѣту, у насъ вольготно насчетъ кормовъ.

— Погоди, нажмутъ и вамъ холку! Это вотъ пока управитель-то Бога помнитъ...

— Помнитъ онъ, разрази его душу! — внезапно озлобясь, сказалъ Андронъ.

— Ну, вотъ! ну, вотъ! о чемъ же я и говорю, елова твоя голова?... Но завались ты на низы—ты и думать забылъ, какой-такой баринъ и какая потрава. Шапки не ломаешь, колокольцевъ не слышишь. Ходи браво, добрый мододецъ, гляди весело! Коли хочешь—кланяйся, запретъ не положень, — кланяйся синему морю, бойся высокой травы, опасайся—камышъ шумить, гуси, утки гогочуть въ низинныхъ мѣстахъ. Эй, собирайся, елова голова, уламывай родителя! Принесешь къ Бузымъ-Демьянъ сотенный билетъ... Запиши, Гаврюшка сказалъ.

— Уломаешь его, дожидайся! У насъ въ дому—сапогъ не справишь, а не то что отпустить въ козаки. Вотъ четвертый годъ облодни-то ношу,—и Андронъ выставилъ изъ-подъ стола заплата-ный, порыжѣлый сапогъ и презрительно поглядѣлъ на него.

— Ой ли? строгъ родитель?... Ну, ужъ не знаю... Мой тоже куды быжъ строгъ покойникъ, но я по-свойски съ нимъ раздѣлался. Не хочешь отпущать по добру? — Нѣтъ. — Отдѣлай, коли такъ! Туда-сюда, иди, говорить, на всѣ четыре стороны въ чемъ изъ матери вылъзъ... Ой ли, старый песъ! а ну-ка, сбивай сходи,—ну-ка, старички, разсудите по-Божьему... Да прямо, елова голова, старикамъ ведро въ зубы. И разсудили: Гаврюшкѣ—клять рубленую, Гаврюшкѣ—мерина да стрыгуна, Гаврюшкѣ—пятокъ овецъ, ржи на посѣвъ, кладушку овса. Ничего, я по-свойски раздѣлался съ родителемъ.

— Ну, у насъ эдакъ не выгорить. У насъ и слухомъ не слышать, чтобъ отъ отца самовольно отдѣляться.

— А ты попытай. Отдѣлишься, вотъ и будетъ слышно. Выгонить, старики не возьмутъ твою руку — наплевать! — у тебя что: парнишка одинъ, говоришь?—бабу на хватеру своди, а самъ—айда въ козаки. Воротишься—сразу избу справишь. Запиши, Гаврюшка сказалъ—избу справишь. На дорогу-то наколотишь трѣшницу?

— Глядь наберется,—нехотя сказалъ Андронъ. —У меня, признаться, съ мясофда пятишница въ порткахъ зашита: отъ овса, признаться, утаилъ.

— Ну, вотъ и дуй, разудала голова! Развязывай свои дѣла, да ко мнѣ. Только какъ ни можно скорѣй: въ середу безпремѣнно выходить надо. И такъ, шутъ ее дери, къ поздней травѣ придемъ: заворошились у меня кое-какія дѣла — не послѣлъ я во-время артель

сбить. Ну, не бѣда, на пшеничкѣ заработаемъ... Такъ какъ, Андронъ Веденеевъ, говори толкомъ, идешь?

— Ты постой. Ты мнѣ расскажи все по порядку: какъ собираться, что брать, нужно ли билетъ выправить изъ волостной...

— А первое дѣло, слова голова, бери ты съ собой косу... — и Гаврюшка началъ обстоятельно, по пальцамъ, перечислять Андрону, что требуется, чтобы идти «въ возаки». Андронъ слушалъ, не отводя глазъ, разгоряченный пивомъ, чаемъ, ѣдою, а еще того больше рѣчами Гаврюшки, протяжнымъ завываньемъ машины, народомъ, снующимъ туда и сюда, и не яснымъ, но соблазнительнымъ привольемъ гдѣ-то далеко, далеко... у синего моря.

Передъ вечеромъ, купивши, вмѣсто трехъ, только одну, но за то удивительно хорошую косу, Андронъ воротился домой. Хмѣль отъ вина совершенно прошелъ въ немъ, но за то хмѣль того, о чемъ онъ думалъ и что собирался дѣлать, туманилъ и мутилъ его голову.

Веденей былъ поставленъ сельскимъ старостой еще съ того времени, какъ вводилось «Положеніе». Когда были крѣпостные, онъ находился въ милости у Мартина Лукьяныча, случалось и тогда хаживалъ въ старостахъ и барскіе интересы наблюдалъ строго. А съ виду казался ласковымъ, добродушнымъ старичкомъ, шамкалъ хорошія слова, пріятно улыбался. По старой памяти онъ и теперь чуть что — схватывалъ свой посошокъ и бѣжалъ торопливою рысцой за совѣтомъ къ управителю, и что управитель приказывалъ ему, то онъ и дѣлалъ.

Подѣхавъ къ воротамъ, Андронъ слѣзъ, ввелъ кобылу на дворъ, спуталъ ее и выпустилъ на гумно, на траву. Потомъ взялъ подмышку косу, взялъ связку кренделей и пошелъ къ себѣ въ клѣтъ. Дверь была отворена въ клѣтѣ, тамъ Андропова баба возилась въ сундукъ, перебирала холсты. Андронъ спряталъ косу, положилъ бублики на кровать, сѣлъ, началъ болтать ноги. Баба въ поль-оборота посмотрѣла на него.

— Что долго ѣздилъ? — спросила она.

— Не твоего ума дѣло, — сказалъ Андронъ и, помолчавши, спросилъ: — Гдѣ батюшка-то?

— А кто его знаетъ. Поди, съ стариками на бревнахъ сидить. Дѣловъ-то имъ не много.

— А братъ Агаеонъ?

— Къ сватамъ ушелъ съ невесткой. Повадились, пляжуются важный праздникъ.

— А Микитка гдѣ?

— На барскомъ выгонѣ, за телятами батюшка-свеноръ уелалъ.

Что я тебѣ хотѣла поговорить, Ведешечъ: ты погутарь съ батюшкой-свекромъ. Вотъ только что дядя Ивлій ушелъ: выдумали моду два раза на недѣлѣ полы мыть. Намъ это не переносно. Чтой-то на самомъ дѣлѣ?... И такъ загаяли, на улицу стало нельзя показаться. Нонче солдатка Василиса такъ прямо и обозвала управителевой сударкой... Ты, чать, мужъ.

— Ну, ты, помолчала бы. Вѣдь, только языкомъ виляешь, а сама небось до смерти рада.

Баба выпрямилась, стала креститься и клясться:

— Да разрази меня громъ... Да провалиться мнѣ въ тарь-тарары... Да чтобъ мнѣ не видать отца съ матерью...

— Ладно, ладно. Замолчи.

Но баба уже всхлипывала:

— Чтой-то на самомъ дѣлѣ?... Батюшка-свекоръ понуждаетъ, люди смѣются, Василиска проходу не даетъ—дается... а тутъ и ты взводишь напраслину.

— Замолчи, говорю.

— Чего молчать? Не стану молчать. Я за тебя изъ честной семьи шла. Я думала, ты путевый... А ты за жену заступиться не можешь. Какой ты мнѣ дьяволъ мужъ?... Старый чортъ распоряжается, а вы рта не смѣете разинуть... Аль я слѣпа... аль я не вижу—Агаошка глаза себѣ прикрываетъ, будто не видитъ,—беззубый шутъ къ Агулькѣ подлаживается...

Андронъ не спѣша всталъ и ударилъ жену по уху. Свалился по-войникъ, баба съ причитаніями нагнулась подымать его, другою рукой собирала растрепавшіяся косы. Андронъ сѣлъ и смотрѣлъ на бабу равнодушнымъ окомъ. Та оправилась и, всхлипывая, бормоча невнятные слова, принялась вновь перебирать холсты.

— Ты вотъ что, — сказалъ Андронъ, — завтра на барскій дворъ не ходи.

Баба такъ и выпрямилась и большими глазами посмотрѣла на мужа.

— Ты очумѣлъ?—выговорила она, —а батюшка-то?

— Это ужь не твое дѣло. Я сказалъ—и кончено. А тамъ не твое дѣло!—и, помолчавъ, добавилъ:—Завтра въ волостную пойду, билетъ надо выправить, —и, еще помолчавши, сказалъ:—въ козаки уйду, на заработки.

— Да ты во хмѣлю, Андронка!

— Ишь не во хмѣлю, а ты слушай, что говорятъ. Чтобъ прямо къ авторнику были бы чистые портки, рубаха, онучи... да лепешекъ наеки поболѣ. Въ среду, Господи благослови, выходить надо.

— Ей-Богу, ты натрескался! Да оиъ-те батюшка-свекоръ таііе козаки задасть—до ловыхъ вѣяиковъ не забудешь! Аль не знаешь его ухватку?

— Не отпустить, скажешь?

— Ну, посмотрю на тебя—дуракъ ты, Андронъ! Да какой же полоумный отпустить?

— А отчего, спросить у тебя?

— Оттого—отродясь не слыхано!—баба еще хотѣла прибавить отчего не отпустить, но разсердилась.—Тьфу, да оттого, что ты дуракъ!—крикнула она.

— Поговори, поговори, можетъ, я тебѣ еще слыгъ-то сшибу,—и Андронъ сдѣлалъ видъ, что приподымается. Тогда баба испугалась и опять захныкала.

— Чтой-то, Господи... аль я сиротинушкой на свѣтъ родилась!... На кого-жь ты меня покидаешь, Андронъ Веденеичъ?... Вѣдь, Акулька-то меня поѣдомъ съѣсть. Куда мнѣ притулиться? куда дѣться?... Занесетъ тебя въ дальнюю сторонущку—воротись-ся ли, нѣтъ ли... ни я—вдова, ни я—мужняя жена! Какъ мнѣ будетъ жить-то безъ тебя, какъ мнѣ горе-то горевать? И съ мужемъ тошнехонько, а ужъ одна останусь—прямо топиться въ пору.

— Овдотья!—строго сказалъ Андронъ,—ей-Богу, изволочу, какъ собаку. Замолчи.

Авдотья, подавляя охоту поголосить, опять наклонилась къ сундуку.

— Ты слушай, коли въ своемъ умѣ,—продолжалъ Андронъ,—я съ тобой не тогмо лаяться—совѣтъ жемаю держать. Я такъ по-рѣшилъ: идти на заработки. Гараська Арсюшинъ идетъ, зять его изъ Тягулина—чать, знаешь Гаврилу, двое прокуроровскихъ, боровской одинъ, тягулинскихъ еще трое, окромя Гаврилы,—артель человекъ десять. Поняла? Заработки, одно слово, вотъ какіе: подставишь подолъ, козакъ тебѣ полонъ подолъ серебра насыпетъ. Это ужъ вѣрно. Теперь что мы живемъ?—де то въ батракахъ, не то въ полону у родителя... А приду съ заработковъ—свой деньги, свой и разговоръ начнется.

— Это хоть такъ,—сказала Авдотья и закрыла сундукъ, съла, съ оживленнымъ и повеселѣвшимъ лицомъ стала слушать Андрона.

— А не отпустить—прямо отдѣляться. Нечего тутъ съ нимъ груши овалачивать!

— Охъ, Андроша, непутевое ты задумалъ! Отдѣлиться—это что говорить, это хорошо. Съ ними, чертями, жить только надо-

рвешься... А ужъ страшно что-то! Ну-кося, въ чемъ мать родила выгонить?

— Ну, это еще какъ старики, — и Андронъ разсказалъ ей случай съ Гаврюшкой. — А иное дѣло наплевать. Прямо ты ступай съ Игнаткой къ родительницѣ. Лѣто проживешь, а я ворочусь — избу справить.

Авдотья задумалась; мысль о томъ, чтобы жить своимъ хозяйствомъ, и ранѣ представлялась ей, но теперь соблазнила ее все болѣе и болѣе.

— Это хоть такъ, — роняла она по словечку, — я у мамушки сколько хочешь проживу... Братъ Андрей до меня желанень... Къ чему дѣло доведись, пожалуй, и пеструю телку отдадутъ... Буду наниматься вязать, на жнитво, можетъ, на Графскую уйду — все, глядишь, заработаю какую копѣйку, — и вдругъ рѣшительно закончила: — Охъ, Андронъ Веденечъ, и опостылѣла мнѣ жисть въ батюшкиномъ дому! Авось, Богъ дастъ, справимся. Все равно — ты уйдешь, мнѣ тутъ не жить... загаютъ, запрягутъ въ работу — доймутъ!

— Теперь вотъ какое дѣло, — сказалъ Андронъ, — надо будетъ стариковъ попоить. Гараська съ отцомъ, знаю, и безъ водки потянетъ на нашу руку... Ну, батюшка-тесть... Ну, ежели полежить Печаева Сидора — онъ за сестру, за Василису, здорово серчаетъ на родителя. А тѣхъ безпремѣнно надо попоить. У тебя есть деньги-то?

Авдотья потушилась.

— Какія же у меня деньги, Андронъ Веденечъ? Развѣ что за ярлыки?... Ярлыковъ-то, гляди, цѣлковыхъ на шесть наберется, да когда по нимъ расчетъ? Да ты никакъ былъ онѣмнись на-веселѣ, говорилъ, отъ продажнаго овса...

— Тсс! — цыкнулъ на нее Андронъ и боязливо посмотрѣлъ, нѣтъ ли кого около кѣтки. — Мало ли что во хмѣлю нахвастаешь! Ты вотъ что, дѣвка, не сходишь ли тебѣ нонѣ въ контору, не попросить ли расчету по ярлыкамъ? Ну, скажешь, нужда, то да сѣ, авось, разочтутъ. А то и такое еще дѣло: завозимся мы съ родителемъ, нажалуется онъ управителю, гляди, и совсѣмъ пропадутъ твои ярлыки. Имъ, вѣдь, чертямъ, это ничего не стоитъ.

— Я схожу... Я, пожалуй, схожу, Андронъ Веденечъ. Только я впередъ тебѣ говорю — напраслину не взводи. Я тебѣ чѣмъ хощу поклонусь... Лопни мои глаза... разрази мнѣ утробу... чтобъ мнѣ ни дна, ни покрышки не было, ежели я предъ тобой виновата. Чья душа чесноку не ѣла, та не воняетъ, Андронъ Веденечъ.

— Ну, да ладно, ладно. Смерть я не люблю, какъ ты почнешь языкомъ петли закидывать!

Заскрипѣли ворота, пришелъ младшій братъ, Никитка (еще холостой), пригналъ телятъ.

— Невѣстка Авдотья!... А невѣстка!—закричалъ онъ, — иди телятъ поить!—и подошелъ къ влѣти.—Аль пріѣхалъ,—сказалъ онъ Андрону, —косы купилъ? Пу-кось, покажи.

Андронъ лѣниво поднялся съ мѣста.

— Одною купилъ,—сказалъ онъ, почесываясь.

— Что такъ?

— Да чего зря тратиться? Старья послужать.

— Ну, малый, смотри, кабы тебя батя-то того... возжами!— Никитка присѣлъ на порогъ влѣти, оглянулся туда и сюда и закурилъ трубку. Авдотья пошла выносить пойло телятамъ. «Ты бы, братъ, уладилъ какъ-нибудь насчетъ бабы,—сказалъ Никитка,— давеча сцѣпились съ Василисой—стыда головушкѣ! Не ладно эдакъ-то. И Агульгу попрекаетъ, и твою. Да и взаправду, какую моду обдумали: только изъ нашего двора и гоняють управителю помы мыть. Бому ни доведись—не хорошо. Чать, я женихъ. Намедни на улицѣ ввернулъ было словечко Грунькѣ Нечаевой, а она, сводочъ, какъ меня опарашила: я, говорить, помы мыть не горазда, у насъ—земляные. Стыдобушка!

— Вѣдь, при тебѣ говорилъ батюшкѣ, аль не помнишь, что было?...

Никитка вздохнулъ и сказалъ севозъ зубов:

— Н-да, нравный старикъ,—и, помолчавши, сказалъ:— Меня давеча ни за что, ни про что за виски оттрепалъ. Посмынѣлся *) я было про шапку ему сказать, про крымскую. Ну, самъ посуди: собирается женить, а у меня крымской шапки нѣту. Гдѣ это видано? Ну, я и скажи. Чѣмъ бы, молъ, Агулинѣ новый полушубокъ справлять, ты бы мнѣ крымскую шапку купилъ. Авось, отъ двухъ цѣлковыхъ не пойдешь по міру... Только всего и словъ моихъ было. Какъ онъ вцѣпился въ виски... да, вѣдь, что—насилу отодрался. Эка, подумаешь, счастье наше какое! Вонъ у Гараськи отецъ—нухъ! Иного и слова не подберешь, что пухъ. Чего Гараськѣ захочется, то онъ и творить. А у насъ поди-ка...

— Что-жь Агаѳонъ-то, не вступился?

— Агаѳонъ-то? Я бы те рассказалъ объ Агаѳонѣ, да не хочется... Агаѳонъ вилать мастеръ, вотъ что. Онъ тебѣ такъ запута-

*) Посмынѣлся—возмѣлъ намѣреніе; крымская шапка—шапка изъ сизаго курьяна.

еть языкомъ; того наплететь, и не разберешь: то ли направо вложить, то ли налѣво... Самый скрозьземельный человекъ.

— Ты говоришь—шапку, —сказалъ Андронъ и, выставивъ ногу, презрительно посмотрѣлъ на саногъ, —вотъ четвертый годъ донашиваю... Сколько заплатъ! Сколько прорѣхъ на голенищахъ! Но у него на это одинъ отвѣтъ—возжи.

Никитка промолчалъ, крѣпко затянулся и сплюнулъ сквозь зубы.

— Ты вотъ что, Никитка, —вдругъ, рѣшительнымъ голосомъ выговорилъ Андронъ, — я отдѣляться хочу. Берешь мою руку, аль нѣтъ?

Но не успѣлъ Никитка опомниться отъ этихъ неожиданно ошеломившихъ его словъ, какъ скрипнула дверь съ улицы, и старческий голосъ Веденей задребезжалъ: «Приѣхалъ, что-ль, Андронушка? Ну-кося, покажи косы-то!» Никитка сунулъ трубку за голенище, вскопчалъ, закричалъ на телятъ, побѣжалъ къ Авдотѣ, сталъ помогать выносить пойло. Андронъ для чего-то подтянулъ поясъ, медлительно переступилъ черезъ высокій порогъ кѣтки, остановился, не подходя близко къ старику, и сказалъ:

— Косы я не купилъ.

— Какъ такъ не купилъ?

— Да такъ, не купилъ и все тутъ. Старья хороши.

— Э! да ты никакъ намопался? Подъ-ка сюды!

— А чего я тамъ позабылъ? Коли есть что говорить, говори: я отсюда услышу.

— Ахъ, идиловъ сынъ! Да ты что-жь это задумалъ?... —Тщедушный старичишка со всѣхъ ногъ бросился къ Андрону. Но тотъ только того и ждалъ: онъ оборотился спиною къ отцу и, громыхая сапожищами, мѣшиотно побѣжалъ въ отворенныя ворота, на гумно. Старикъ позеленѣлъ отъ злости. —«Подъ, говорятъ, сюды!—кричалъ онъ, —тебѣ говорить, аль нѣтъ?—и оборотился къ Никиткѣ: —Ты чего зѣнки выпялилъ?... Бѣги, волоки его сюды!» Никитка бросилъ выливать изъ лохани и съ дѣловымъ видомъ отправился на гумно. Веденей накинулся на Авдотью: «Это ты, паскудница, подбила Андрошку?... Это ты все смутьянничаешь, кобыла лупоглазая?... Говори, чего нашентала?... Сейчасъ у меня говори!...»

— Чтой-то, батюшка!... Да лопни мои глаза... да вывернись у меня утроба... да чтобъ мнѣ отца съ матерью не видать...

Никитка показался въ воротахъ.

— Развѣ съ нимъ совладаешь?—сказалъ онъ, не подходя къ

отцу и почесывая въ затылкѣ. — Онъ уперся, его народомъ не стащишь съ мѣста, — и добавляя, махнувъ рукою: — Э-эхъ, стыдобушка!

— Ты что сказалъ? Ты что, щенокъ, сказалъ? — заголосилъ старикъ и заметался. — Да вы что-жь это, душегубцы, задумали?... Гдѣ у меня тутъ возжи-то?... Дунька! подай возжи изъ амбара... Ахъ, ахъ... чего это песь Агаеонка запропастился!.. Веди, я тебѣ говорю! силкомъ тащи!.. Бей чѣмъ не попадя!..

— Чего меня тащить, я и самъ вотъ онъ, — сказалъ Андронъ, показываясь въ воротахъ. — Я тебѣ прямо, батюшка, говорю: Авдотья мыть полы не пойдетъ. Шабашъ!

Веденей взвизгнувъ и съ возжами въ рукахъ побѣжалъ къ Андрону. Андронъ опять повернулъ спину и мѣшкотно загромыхалъ сапожищами по направленію къ огородамъ. Никитка крикнувъ, еще разъ почесалъ въ затылкѣ, насупился и сталъ загонять телятъ въ закуту. «На всю деревню сраму надѣлаемъ, — прошепталъ онъ Авдотѣ, — какая теперь за меня пойдетъ?» Авдотья ничего не отвѣтила; каждая жилка въ ней дрожала; мигомъ она скользнула въ клѣтъ, схватила шуппанъ, схватила ярлыки, завязанные въ уголкѣ платка, и, не оборачиваясь на пронзительный Веденеевъ голосъ, перебѣжала сѣни, выскочила на улицу, потрусила рысцою на барскій дворъ. Веденей возвращался съ гумна самъ не свой, — Андрона онъ, конечно, не догналъ, и кашлялъ, брызгался слюнями, съ трудомъ переводилъ дыханіе. Никитка пасмурно, изподлобья посмотрѣлъ на него, стоя у закуты. Старикъ такъ и взбѣменился отъ этого взгляда. Онъ затопалъ ногами, закричалъ на Никитку: «Ты, щенокъ, за одно съ Андрешкой... Сговорились!... Порѣшить меня хотите... кхи, кхи... Не биты... не драты на барской конюшнѣ!... Погоди, погоди... узнаешь уже кузькину мать... кхи, кхи... узнаешь!... Дунька!... Гдѣ Дунька? Нырнула псица!... Ахти, живорѣзы окаянные... кхи, кхи, кхи... — Онъ совсѣмъ закашлялся и присѣлъ на опрокинутую вверхъ дномъ лохань. Въ это время въ воротахъ опять показался Андронъ; лицо его было озлоблено и налито кровью. «Боли на то пошло — отдѣляй, — заоралъ онъ грубымъ голосомъ, — подавай мою часть! Не хочу съ тобой жить... Достаточно на тебя хрипѣ-то гнули... Отдѣляй!»

Старикъ какъ уязвленный вскочилъ съ лохани. Андронъ снова застучалъ сапожищами, припускаясь бѣжать на огороды. Но съ улицы послышались голоса, воротился изъ гостей Агаеонъ съ женою. Старикъ пошелъ къ нимъ на встрѣчу. «Бьютъ, Агаеонушка, — зашамкалъ онъ плачущимъ голоскомъ, — убить сговори-

лись; разбойники... Вдвоемъ, Агаѳоноушка!...—и вдругъ, мимоходомъ, спишь съ Никитки шапку и ухватилъ его за волосы:—А!... убить... родителя убить?—визжалъ онъ, мотая туда и сюда Никиткину голову, — я тебѣ покажу!... я тебѣ задамъ... я тебѣ покажу!»—Агаѳонъ остановился въ дверяхъ, раздвинулъ ноги и улыбался: онъ былъ на-веселѣ. «Такъ его! эдакъ его!...—приговаривалъ онъ въ ладъ съ тѣмъ, какъ моталась Никиткина голова.—Какъ можно супротивъ родителя? Родитель, примѣрно, сказалъ,—ты завсегда должнъ повиноваться. Эдакъ-то!... Такъ-то!» Наконецъ, Никитка вырвался, поднялъ шапку и заплакалъ. Андронъ же тѣмъ временемъ пребывалъ у тестя и рассказывалъ охающей и негодующей Авдотьиной семьѣ, какъ произошло дѣло:

Вечеромъ, сначала въ старостиной избѣ, а потомъ и на улицѣ, на соблазнъ и потѣху всей деревни, случилась большая свара. Андронъ требовалъ отдѣла, старикъ выгонялъ его вонъ и грозился отдать «за непокорство» въ солдаты. Андронову руку держала Авдотьяна родня: старикъ отецъ, братъ Андрей. Они, впрочемъ, пока еще не особенно вступались и только осторожными, приличными словами урезонивали Веденя. Но Веденей окончательно впалъ въ бѣшенство; онъ во что бы то ни стало хотѣлъ побить Андрона и такъ и ходилъ вокругъ него, какъ разъяренный пѣтухъ. Однако, Андронъ, стоя посреди избы и зубъ-за-зубъ выкладывая свои претензіи, пристально слѣдилъ за старикомъ и всякій разъ успѣвалъ отводить его руки. Одинъ только разъ старику удалось прицѣлится въ Андронову бороду, подпрыгнуть и рвануть ее... Андронъ ухватилъ отцовскую руку и внушительно закричалъ: «Не тронь, батька, отойди отъ грѣха!» Тѣмъ не менѣе, въ крючковатыхъ пальцахъ Веденя очутился клокъ красно-рыжихъ Андроновыхъ волосъ. Видъ этихъ волосъ точно взорвалъ Авдотью. Съ бранью, съ влятвами, съ крикомъ: «Чтой-то такое? Ты, старый песъ, ужъ при людяхъ лѣзешь драться?»—она вмѣшалась въ ссору. И пошло. Агаѳонова жена заступилась за свекра. Авдотья накинулась на Агаѳонову жену. Бричали о полушубкѣ, о какихъ-то пояркахъ, о краснахъ, объ управителѣ, о томъ, что свекоръ «подлаживается» къ Агулинѣ, объ опоеной пестрой телушкѣ, о подковѣ, потерянной въ прошломъ году Андронимъ... Ребята плакали, хватались за матерей. «Бей ихъ, Агаѳоушка!—голосилъ старикъ,—колоти въ за-слонку, Агулька!... Провожай со срамомъ на всю деревню!» Напрасно въ общемъ шумѣ раздавалось трезвенное слово Авдотьи на отца: «Свать... а свать! Не ладно. Уймись. Не гнѣвайся. Брось, Дуняшка!... Потихе, Андронъ!»—его никто не слушалъ.

«Что-жь, — проговорилъ Агаеонъ на отцовскія слова, — коли чело-
вѣкъ, напримѣръ, стѣитъ, отчего его и не кобить? Кто чего стѣ-
итъ, тотъ стѣитъ», — и хладнокровно, съ обуманными заранѣе на-
мѣреніемъ, опустилъ овой волосатый кулакъ прямо въ лицо Андро-
ну. Андронъ отшатнулся, думалъ стерпѣть, — ему ужасно не хотѣ-
лось доводить дѣло до драки: онъ надѣялся, если не будетъ драки,
старини скорѣе стануть на его сторону. Но въ это время Авдотья
завизжала и какъ кошка прыгнула на Агаеона. Агулина сбила по-
войникъ съ Авдотьи... Этого нипакъ не могъ стерпѣть Андронъ.
Завязалась драка. Веденей бѣгалъ вокругъ сбѣлвившихся сыновей
и снохъ и совалъ своимъ костлявымъ кулачишкомъ то въ Ав-
дотью, то въ Андрона. Авдотинъ братъ посмотрѣлъ, посмотрѣлъ —
бросился и самъ въ драку. Всѣ сплетеною грудой вывалились снача-
ла въ темныя сѣни, потомъ на крыльцо, на улицу. Ребятишки дав-
но уже смотрѣли въ окна и оповѣстили на всѣ концы, что у старо-
стиныхъ драка. Теперь и взрослые сбѣжались на шумъ. Агулини-
на родня тотчасъ же вмѣшалась въ дѣло; у Авдотьи, кромѣ брата
Андрея, тоже нашлись заступники. Впрочемъ, драться скоро пере-
стали, а стояли другъ противъ друга въ разорванныхъ рубахахъ,
съ синяками, съ подтеками на лицахъ, съ разбитыми въ кровь
носами, бабы съ криво и наскоро повязанными повойниками, — сто-
яли и размахивали руками, горлачили, хватались «за-цельки», по-
прекали, ругали другъ друга всяческими словами. Кругомъ стоялъ
народъ, судили, дѣлали шутливыя замѣчанія, пересмѣивались. Мож-
но было примѣтить, что глумились больше надъ старостомъ, чѣмъ
надъ Андрономъ и Авдотьей: Веденей недолюбливали въ деревнѣ.
Забравшись въ самую тѣсноту толпы, стоялъ и Никитка. Дѣвки
смѣялись ему: «Ты чего-жь, Никитка, зѣваешь? Вонъ брательнику
твоему рожу-то какъ искровянили!» — «Пуцай, — говорилъ Никитка
съ видомъ посторонняго челоуѣка, — мы эфтимъ дѣламъ не при-
частны».

Поздно ночью Андронъ съ женою и парнишкой, захвативъ
кое-какую худобишку — дерюги, вишуну, ушелъ къ тестю.

VIII.

За чаемъ въ домѣ Руходѣва. — Стенной миллионеръ, исправникъ и Филиппъ Филиппичъ
Калужниковъ. — Невняныя бесѣды, въ томъ числѣ — о государственномъ преступникѣ
Мастаковѣ, и какъ строится земская дорога. — Постучимъ, господа! — Явленіе Никю-
лая. — „Прибѣжище горькихъ думъ“. — Стукова, Анна Едакимовна, таинственнымъ про-
гулки и скандалъ. — Исповѣдь. — Счастливый Николай и благополучный Федотка.

Въ столовой дома, по убранству и расположенію комнатъ схо-
жаго съ господскими домами средней руки, сидѣли и пили утренній

чай: Косьма Васильевичъ Рукодѣвъ; жена его—чопорная и некрасивая, съ пронизательнымъ выраженіемъ въ ушныхъ, узко-профъ-занныхъ глазахъ; исправникъ изъ сосѣдняго уѣзда, добродушный толстякъ, низенькій, коренастый, съ брюшкомъ, трясущимся отъ непрерывнаго смѣха, и въ разстегнутомъ мундирѣ; молодой человѣкъ съ прыщами на лицѣ, съ клокватою рыженькою бородкой—сынъ небогатаго помѣщика, и, широкій въ кости, обросшій волосомъ, арендаторъ съ Графской степи, въ поддевкѣ и въ сапогахъ бураками. Наливала чай гувернантка—долгоносая, долголицая, мучнисто-бѣлая особа съ таліей, какъ у осы. Поближе къ самовару сидѣли дѣти: три дѣвочки и мальчикъ. Взрослые, кромѣ гувернантки, недавно встали, потому что вчера поздно легли: до четырехъ часовъ утра играли въ стуколку. Говорили о Тьерѣ, о казняхъ коммунаровъ, о томъ, что лень поднялся въ цѣнѣ, о томъ, какъ наживается подрядчикъ недавно начатою желѣзною дорою и какая будетъ выгода земству, взявшему концессию на эту дорогу, а, главнымъ образомъ, о томъ, какъ вчера ловко подвелъ Исай Исаичъ, арендаторъ, исправника, Сергѣя Сергѣича. «Я вижу, у него, шельмы, тузъ и дама,—съ оживленіемъ разсказывалъ Косьма Васильичъ,—такъ сказать, по фізіономіи примѣчаю. Ужь въ этомъ случаѣ я—Лафатеръ! И вдругъ у тебя (къ исправнику) король и валетъ, и ты ходишь съ валета. Ну, думаю, съумѣетъ ли Исай произвести анализъ? А Филиппъ Филиппычъ (молодой человѣкъ съ прыщами) сидитъ въ трансѣ, трясется съ своими козыришками. Бацъ! Исай выкладываетъ даму и вамъ обоимъ ремизъ». — «Ха, ха, ха!»—раскатывался исправникъ, поддерживая руками животъ. — Именно—произвелъ анализъ! именно—химикъ Исай Исаичъ!» — «Хе, хе, хе!»—подвизгивалъ арендаторъ, плутовски подмигивая Сергѣю Сергѣичу на молодаго человѣка въ прыщахъ. Тотъ хмурился и презрительно кривилъ губы: онъ проигралъ тридцать два съ полтиной и теперь притворялся, что подобный разговоръ его ни мало не интересуетъ. Хозяйка любезно обратилась къ нему:

— Вы, Филиппъ Филиппычъ, вѣроятно, рѣдко играете въ стуколку? Вы очень горячитесь.

— Странно было бы, Анна Евдокимовна, ежели бы я игралъ часто,—язвительно отвѣтилъ молодой человѣкъ съ прыщами,—я, кажется, przygotowуюсь въ университетъ. Эксплуатировать чело-вѣчество посредствомъ картежной игры, кажется, не входитъ въ задачи высшаго образованія.

— Ну, не знаю, во что оно тамъ входитъ, но я отлично себя чувствую... Ха, ха, ха!—Исправникъ похлопалъ себя по карману.

— Надо полагать, полусотенный билетикъ заработали, Сергѣй Сергѣичъ?—умильно спросилъ Исай Исачъ.

— Въ деревнѣ, голубчикъ Филиппъ Филиппычъ, поневолѣ станешь играть,—какъ бы извиняясь и за себя, и за компанію, сказалъ Косьма Васильичъ,—конечно, я беру въ разсужденіе наши идеальныя порядки. Позвольте узнать, какъ тутъ будешь служить прогрессу вотъ съ эдакими, такъ сказать, баши-бузуками?—Онъ шутливо ткнулъ въ исправничій животъ. Исправникъ такъ и покатился.

— Ха, ха, ха... Именно—баши-бузуки, именно—ловко сказалъ! Я, батенька, сижу на-дняхъ въ клубѣ,—пулька долго не собирается,—дай, думаю, посмотрю *Голосъ*. У насъ въ полицейскомъ управленіи *Московскія* получаютъ... Ну, батенька, я тебѣ скажу—пальчики расцѣловалъ! Ахъ, разбойникъ, какъ онъ ловко подѣхалъ подѣ нашего брата. То-есть, съ грязью смѣшалъ! Именно—съ грязью... Ха, ха, ха!

— Какъ же вы... такъ критически относитесь къ полицейскому институту, а сами носите эти эмблемы?—и молодой человѣкъ кивнулъ на золотыя жгуты исправника. Но слова молодого человѣка ужъ были совершенно не переносны для толстика: онъ затрясся, заважлялся, замахалъ рукою на молодого человѣка. Всѣ поневолѣ расхохотались и даже самъ молодой человѣкъ не могъ сдержать самодовольной и снисходительной улыбки.

Отдохнувъ отъ смѣха, Сергѣй Сергѣичъ хлебнулъ изъ стакана и, наивно-хитрою улыбкой давая понять, что собирается уязвить молодого человѣка, сказалъ:

— А что, Филиппъ Филиппычъ, какіе вы имѣете доходы отъ вашего собственнаго труда?... Никакихъ? Чѣмъ же, осмѣлюсь полюбопытствовать, живете? Папенькинымъ?... А, тѣмъ не менѣе, презираете помѣщичій институтъ! Ай, ай, ай, какъ же это такъ?... Нехорошо, нехорошо-съ!—и вдругъ покинулъ притворно-серьезный тонъ и съ громкимъ хохотомъ воскликнулъ:—Что, ловко, батенька, подѣхалъ подѣ васъ? Уланомъ былъ-съ, понимаю развѣдочную службу! Ха, ха, ха!..

Молодой человѣкъ побагровѣлъ до самыхъ волосъ.

— Это, кажется, сюда не относится, Сергѣй Сергѣичъ,—сказалъ онъ оскорбленнымъ тономъ,—это личности. И я удивляюсь, какъ вы позволяете себѣ...

Исправникъ сконфуженно развелъ руками:

— Ну, вотъ... ну, вотъ... и — личности, и пошелъ! Эдакъ, батенька, слова съ вами сказать невозможно. Господа! разсудите, пожалуйста, чѣмъ я могъ оскорбить Филиппа Филиппыча?

Косьма Васильичъ торопливо вѣшался въ разговоръ.

— Ты всякаго можешь оскорбить, Сергѣй Сергѣичъ, — шутили-во сказали онъ, — такія ужъ у тебя прерогативы.

— Хе, хе, хе... руки за лопатки и маршъ безъ излишняго разговору, — вымолвилъ Исай Исайчъ съ тою же цѣлью переимѣнить предметъ бесѣды.

— Именно—за лопатки, именно—безъ лишняго разговора, — повторилъ исправникъ, по привычѣ соглашаясь съ тѣмъ, что казалось говорившему мѣткимъ и остроумнымъ, и съ виноватымъ видомъ обратился къ молодому человѣку: — Нельзя-съ, Филиппъ Филиппычъ: живи не такъ, какъ хочется, а какъ судьба велитъ. А затѣмъ, смѣю доложить, всякое мѣсто можно облагородить. — Онъ съ достоинствомъ тряхнулъ своими жгутами. — Прежде взятки брали, а я уклоняюсь отъ этой мерзости; прежде дрались, а же вотъ третій годъ исправникомъ и, благодарю моего Бога, ни разу рукъ не пачкалъ. Я, батенька, понимаю молодежь... во многомъ сочувствую, да! Былъ и самъ молодъ, и всякія тамъ идеи... съ благодарностью вспоминаю, батенька! Но вотъ третій годъ исправникомъ и горжусь, что облагородилъ. Это, осмѣлюсь вамъ доложить, прогрессъ!

— Прогрессъ-то прогрессъ, — посмѣиваясь и толкая подъ столъ молодого человѣка, сказалъ Косьма Васильичъ, — но ежели я, такъ сказать, распушу прокламацію насчетъ, едакъ, соціального переворота, ты, вѣдь, пожалуй, не усумнишься въ кутузку меня ввергнуть, а?

— Ну, ужъ, нельзя, батенька, — служба! И радъ бы, да не могу! Тутъ, братъ, инструкціи, циркуляры, строгости... Тутъ именно ничего не подѣлаешь. Ужъ это извини. Скручу, ввергну, не посмотрю, что пріятель. Я, батенька, присягу принималъ. — Вдругъ Сергѣю Сергѣичу представилось что-то смѣшное, онъ опять развеселился и захохоталъ: — Знаете Мастакова? Вѣдь, дуракъ? Уважаю нашихъ помѣщиковъ, но про него всегда скажу, что дуракъ. Смотрю, что это мой помощникъ на себя непохожъ?... Этакую таинственность напустилъ, шепчется съ приставомъ 2-го стана, въ уѣздъ зачѣмъ-то отпросился—пропадалъ три дня. Что, говорю, батенька, волнуетесь? Ну, наконецъ, признался. Мастаковъ, изволите ли видѣть, съ мужиками тамъ не ладитъ, вообще дуракъ, недоволенъ эмансипаціей. Ну, и какія-то тамъ глупости... при народѣ... дерзкія слова... однимъ словомъ, вздоръ! Онъ, говорить, нигилистъ, непременно надо, говорить, у него выемку сдѣлать. Это у насъ-то, въ едакомъ-то медвѣжьемъ углу нигилистовъ разъ-

искалъ... ха, ха, ха! Ну, говорю, батенька, извините меня, но подите проснитесь—и, признаюсь, разсердился: если, говорю, вамъ угодно карьеру себѣ сдѣлать, то это еще не причина ретрограда и дурака въ государственнаго преступника превращать!

Всѣ смѣялись, одинъ только молодой человѣкъ съ прыщами хранилъ на своемъ лицѣ загадочное и пренебрежительное выраженіе. Анна Евдокимовна подумала, что ему скучно, и съ своею притворно-любезною улыбкой спросила:

— Когда же предполагаете поступить, Филиппъ Филиппычъ?

— Зоологію теперь прохожу. Кажется, въ августѣ начну держать экзамены.

— Третій годъ ужъ слышу: кажется, въ августѣ начну держать экзамены, — прошептала исправникъ Космѣ Васильичу и прыснулъ, закрываясь салфеткой. Молодой человѣкъ побагровѣлъ. — Извините, Анна Евдокимовна, — сказалъ исправникъ, даваясь отъ усилія сдержатъ смѣхъ, — поперхнулся сухаремъ.

— Ничего, Сергѣй Сергѣичъ, запейте чаемъ, пройдетъ, — тонко и ужъ не притворно улыбаясь, отвѣтила Анна Евдокимовна, и еще съ болѣе преувеличенною внимательностью спросила: — Но съ какими же пособіями... зоологію?

Молодой человѣкъ пожалъ плечами.

— Что-жь подѣлаешь!... Говорилъ папá выписать нѣкоторые препараты, — не хочетъ. Приходится патриархальнымъ способомъ — лягушекъ рѣжу.

— Да? Но какія надо способности?

Молодой человѣкъ сдѣлалъ видъ, что это ему ничего не стѣдить.

— А я слышалъ: у лягушки на подобіе какъ у человѣка — невры есть, — вмѣшался Исай Исачъ, — тронешь ее, она и пошевелитъ неврой, тронешь — и шевельнется.

Всѣ засмѣялись.

— Ты слышалъ звонъ, да не знаешь гдѣ онъ, — покровительственно сказалъ Косма Васильичъ. — По лягушкамъ изучаютъ, такъ сказать, рефлексы.

— А шутъ ихъ... — сказалъ Исай, отмахиваясь рукою, — вотъ хочу Алешку своего за границу отправить. Пушай у нѣмцевъ ума набирается.

— А что-жь гимназія? — спросила Анна Евдокимовна.

— Ну, ужъ нѣтъ, сударыня, — вдругъ разсердившись, сказалъ Исай Исачъ, — я Алешку коверкать не намѣренъ. Прошелъ четыре класса, — шабашъ, будя! Помилуйте скажите: я — коммерческое лицо, фирма, поставляю сало въ Лондонъ и вдругъ должднъ съ

коммиссіонерами возжаться!... Почему съ коммиссіонерами? Потому родной сынъ на латынь да на греческій, а что нужно жо торговому дѣлу—ни въ зубъ. Нѣтъ, пушай къ нѣмцамъ ѣдетъ.

Всѣ съ живѣйшимъ согласіемъ поскорѣли о томъ, что, все-таки, придется отдавать сыновей въ классическія гимназіи. Особенно кипятится исправникъ:

— Некуда-съ! — кричалъ онъ, — единственная карьера, единственный путь для молодого человѣка!

— Хорошо вамъ съ такимъ состояніемъ, Исай Исачъ, — сказала Анна Евдокимовна и скользнула по волосатому лицу арендатора завистливымъ взглядомъ.

— И, сударыня, какое же наше состояніе! У васъ, по крайности, вѣчность, неотъемлемое, въ роды и роды, а мы нынче здѣсь, а завтра гдѣ будетъ угодно его графскому сіятельству.

— Ха, ха, ха! Каковъ! сиротой прикидывается!... А сколько у тебя, у сироты, земли графской въ арендѣ?—воскликнулъ исправникъ, подмигивая слушателямъ.

— Хе, хе, хе, да признаться побольше трехъ десятковъ тыщъ.

— Не угодно ли!... А бычковъ много ли отгуливаешь?

— Пять-шесть тыщъ переводимъ въ годъ.

— Не угодно ли!... Ха, ха, ха... А овечей, сиротинушка, сколько «тыщъ» переводите?

— Десятка три-четыре... хе, хе, хе... Ну, ужъ и насмѣшникъ вы, Сергѣй Сергѣичъ.

Но Сергѣй Сергѣичъ пришелъ въ неописанный восторгъ, вскопчилъ со стула и съ хохотомъ, съ крикомъ топтался около Анны Евдокимовны.

— Нѣтъ, можете вообразить, каковъ! Именно — сирота!... Именно—казанская сирота!... Полтораста тысячъ дохода, истину вамъ говорю—полтораста тысячъ. Ха, ха, ха! Смотрите-жь на него,—ну, похожъ ли? ну, похожъ ли на миллионера?... Ха, ха, ха!

На подтянутыхъ, сухихъ щекахъ Анны Евдокимовны проступили малиновыя пятна, ея губы начали вытягиваться въ ниточку, глаза на одно мгновеніе остро и злобно впелись въ Босьму Васильича. Тотъ завертѣлся на стулѣ.

— Женщинъ обыкновенно не имѣютъ привычки слушаться, Сергѣй Сергѣичъ, — съ удареніями на особыхъ словахъ сказала Анна Евдокимовна, — женщины—ретроградны, женщины—мелочны, наконецъ, женщины стѣсняють свободу, то-есть мѣшаютъ нѣкоторымъ про-грес-сив-нымъ... (опять острый и злобный взглядъ на Босьму Васильича) поступкамъ. Оттого и приходится ограничи-

ваться небольшими средствами... И приходится казнить Володю (она кивнула на внимательно слушающего мальчика) классическимъ образованіемъ.

— Анеть! неловко... — умоляющимъ полупшепотомъ сказалъ Косьма Васильчъ, показывая глазами на Володю.

Анна Евдокимовна вмигъ собрала въ порядокъ лицо и уже съ обычною своею улыбкой, продолжала:

— Разсудите, господа. Вотъ строится дорога. Сдаются великолѣпные подряды. У насъ есть нѣкоторая возможность. Твержу Косьмѣ: поѣзжай къ строителю, познакомься, тебѣ это ничего не стоитъ, у насъ дѣти, имѣніе даетъ доходъ все меньше... Мало этого, прямо писали ему, дѣлали намеки. Разсудите, пожалуйста.

Сергѣй Сергѣичъ, давно уже впавшій въ смущеніе отъ неожиданнаго тона Анны Евдокимовны и шумно, съ дѣловымъ видомъ, прочищавшій свой мундштукъ, теперь встрепенулся и забормоталъ:

— Да, да, братецъ, съѣзди, съѣзди. Какъ же это ты, батенька? Именно—съѣзди!—и вдругъ опять что-то вспомнилъ и съ оживленнымъ видомъ развелъ руками:—Ну, ужъ я вамъ доложу—граа-бежь! Были у меня кое-какія дѣла, прожилъ я тамъ недѣлю... Да-съ, могу сказать, наслушался, насмотрѣлся. Этотъ самый строитель, батенька, представьте, даетъ балъ господамъ дворянамъ. Зима, трескучіе морозы. Ну-съ, находятъ самый большой залъ въ городѣ, докладываютъ... какъ его тамъ звать?... строителю. Жалуется, осматриваетъ. Толпа инженеровъ за спиною. «Быдо тѣсновато»,—говорить... какъ его тамъ звать? Инженеры засуетились, размѣрили, смекнули въ записныхъ книжечкахъ: «Точно такъ-съ, оркестръ изъ Москвы помѣстить негдѣ-съ». Тѣмъ не менѣе, приглашенія разосланы назавтра. «А какъ бы вы, поштенные, обдумали эфто дѣло?»—говорить... какъ его тамъ звать? И обдумали-съ. Въ ночь, съ кострами, съ освѣщеніемъ, согналы рабочихъ съ желѣзной дороги, соединили залу съ холоднымъ помещеніемъ, обили войвожами, обставили тропическими растеніями. Сколько это стоило, можете вообразить... Ха, ха, ха!... На чей же счетъ? Ха, ха, ха!... Или представьте таковой казусъ: именинникъ одинъ изъ тамошнихъ воротилъ. Ну, пріемъ, поздравленія... Вдругъ приносятъ посылку въ рогожѣ. Отъ кого? Отъ... какъ его тамъ звать?... отъ строителя. Развернули, глядятъ—простое, желѣзное, изъ вороной жести, ведро. Именно—ничего болѣе, какъ ведро. Подходить, осматриваютъ—ведро! Ха, ха, ха!... Ну, кто-то догадался поднять, чувствуетъ—какая странность, тяжело. Разсматриваютъ опять,—жбанъ для женки, изъ чистаго серебра, подѣлка подъ ведро! Ум-

леньная птушка? Ха, ха, ха!... А, между тѣмъ, этотъ веротила такъ себя, изъ второстепенныхъ. Да что!... можете вообразить: весь городъ ополоумѣлъ. Именно—ополоумѣлъ! Шампанное, живые цвѣты, музыка изъ Москвы съ экстренными поѣздами. Не вѣришь глазамъ. Именно—не вѣришь глазамъ.

— Но какъ же вы странно судите, Сергѣй Сергѣичъ?—съ досадою сказала Анна Евдокимовна; она все время, пока онъ разсказывалъ, нетерпѣливо кусала себя губы.—Вѣдь, концессія получена законнымъ порядкомъ? подряды сданы по документамъ? А тамъ ужъ его добрая воля давать балы.

— Именно—по документамъ, именно—его добрая воля,—торопливо согласился исправникъ и, сообразивъ, отчего сердилась Анна Евдокимовна, съ живостью повернулся къ Босьмѣ Васильичу:—Да, да, батенька, съѣзди. Какъ же это ты? Именно—съѣзди. Можно славный эдакій подрядецъ ухватить.

— Такъ сказать, народное благо дуванить, расхищать?—отвѣтилъ Босьма Васильичъ, обращаясь къ исправнику, но, имѣя въ виду Анну Евдокимовну.—Можетъ, это и цѣлесообразно съ точки зрѣнія семейственной основы, но мы съ этимъ пока не согласны. Надѣюсь, не согласны будемъ и впредь!

Исай Исаичъ опрокинулъ стаканъ, всталъ, перекрестился на образъ, поблагодарилъ и сказалъ:

— Правильно, Босьма Васильичъ. Разбойники и грабители, одно слово! Чище нашего прасольскаго и посѣвнаго дѣла нѣтъ и не будетъ. Безъ обиды. Такъ, что-ль, сударыня? Хе, хе, хе!...

Анна Евдокимовна не рѣшилась противорѣчить миллионеру.

— Я не знала такихъ подробностей,—сказала она, натянуто улыбаясь.—Если это, дѣйствительно, такъ, то, конечно...

— Именно такъ, именно—разбойники!—съ радостью подхватилъ Сергѣй Сергѣичъ и, прислушавшись, неслышно захохоталъ:—Что онъ ходить?... что онъ свистить?...

Оказалось, молодому человѣку надоѣло слушать и онъ ушелъ на балконъ. Всѣ засмѣялись.

— Вотъ орепей,—проговорилъ Исай Исаичъ.

— Балбесъ!—шепотомъ сказалъ исправникъ.—Говорить—готовится, но самъ рѣшительно только за беласами, да за кунеческими дочерьми. Именно—балбесъ. Вы замѣтили—рожу-то скорчилъ, какъ я о нигилистахъ заговорилъ? Вѣдь, онъ себя первымъ заговорщикомъ считаетъ... Ха, ха, ха!...

— Ну, зачѣмъ же?—уклончиво замѣтилъ Босьма Васильичъ.—

Все же развитой человекъ. Почитывается, — и, поспѣваясь, добавилъ: — Зослѣю-то... по лягушкамъ...

Анна Ефимовна ничего не говорила и только пронидательно улыбадась.

— Ну, что-жь, господа! — громно и будто вспомнивъ что-то чрезвычайно важное и нетерпящее отлагательства, воскликнулъ исправникъ, — постучить?

— Ишь, разлакомился... хе, хе, хе!...

Козьева съ величайшею готовностью согласилась.

— Филиппъ Филиппычъ! — закричалъ Рукодѣевъ, — согласны стучать? Можеть, отыграеться.

— А то не хотите ли въ рамъ васъ научу? — предложилъ исправникъ. — Инженеры выдумали. Именно — любопытная игра. Сдаеться пять картъ...

— Ну, ладно, ладно, вы и въ старья игры ловко обчищаете... Какой тамъ еще ранць! Хе, хе, хе!...

Вошелъ молодой человекъ съ прыщами и, засунувъ руки въ карманы брюкъ, мрачно и презрительно посмотрѣлъ на сидѣвшихъ за столомъ.

— Ну, господа, что-нибудь одно, — сказалъ онъ, — или играть, или не играть. А то, вѣдь, первый часъ.

Задвигали стульями, стали подниматься. Въ это время въ двери просунулась горничная, — старая, некрасивая, подъ стать къ хозьяйкѣ и къ гувернанткѣ, — и сказала:

— Сударыня, тамъ какой-то человекъ Косьму Васильича спрашиваетъ.

— Кто такой? мужикъ? Скажи, чтобъ послѣ пришелъ. Теперь некогда.

— Никакъ нѣтъ, сударыня, прѣехалъ на парѣ съ кучеромъ, одѣтъ прилично, по-купечески.

— Да что-жь онъ не съ того крыльца? Кто такой?

— Не могу знать. Стоить, не раздѣвается, спрашиваетъ Косьму Васильича. Молодой паренекъ-съ.

— Ну, господа, идите пока, занимайте мѣста, а я пойду узнаю, кто такой, — сказалъ Косьма Васильичъ и направился въ такъ называемую черную переднюю. Спустя минуту изъ столовой можно было услышать любезное восклицаніе Косьмы Васильича: — Ба, ба! молодой человекъ! Очень радъ! Что же вы не раздѣваетесь? Отчего не черезъ парадный ходъ? Раздѣвайтесь, раздѣвайтесь!» — и другой, пресѣкающійся отъ волненія, очень молодой голосъ: — «Папенька приказали вамъ кланяться и вручить квитанцію... просили изви-

нить, что забыли...» — «Вамую ивтанцію?... а?... вздоръ. Раздѣвайтесь. Арина, прикажи, чтобъ лошадей убрали. Да самоваръ... Хотите чай?—ну, разумѣется. Какъ здоровье мамашеньки? Входите, входите сюда... э, да какими вы, такъ сказать, щеголомъ! Ну, очень радъ».

Въ столовой оставалась только одна гувернантка, въ недоумѣніи стоявшая около стола: она не знала, уходитъ ли ей, или еще нужно кому-нибудь налить чаю. Затѣмъ она увидала, что въ столовую, какъ-то бокомъ, слегка подтапливаемый Косьмой Васильичемъ, вошелъ красный, какъ кумачъ, юноша, въ нѣсколько странномъ костюмѣ. Онъ застѣнчиво улыбался трясущимися губами и смотрѣлъ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто ничего не видѣлъ передъ собою.

— Ну, и отлично, что собрались, молодой человекъ, — говорилъ Косьма Васильичъ. — Вотъ разрешите васъ отрекомендовать: это наша гувернантка Елена Спиридоновна. Дайте-ка чайку, Елена Спиридоновна... да и мнѣ за компанію.

Гувернантка церемонно присѣла, чуть-чуть улыбнулась на неуклюжій поклонъ юнаго человека и на его испуганно-любопытствующій, кинутый на нее изподлбья взглядъ, — она бы нисколько не улыбнулась, если бы юный человекъ не показался ей хорошенькимъ, — и съ подавленнымъ вздохомъ снова усѣлась за самоваръ. Отвернувши правъ, она сказала:

— Воды нѣтъ, Косьма Васильичъ.

— Нѣтъ? ну, подождемъ. Присаживайтесь... сюда, сюда, поближе. Не угодно ли... Мартиничъ... извините великодушно, забылъ.

— Николай-съ.

— Да, Николай Мартиничъ. Экая память дурацкая! Не угодно ли папирску, Николай Мартиничъ?

— Зачѣмъ же-съ?... Впрочемъ, позвольте...

— Ну, какъ?... почитываете? интересуетесь?

— Да-съ... попрежнему-съ.

— Хорошо, хорошо. Снабжу, книжками могу снабдить. Имѣю, такъ сказать, въ изрядномъ изобиліи... Ъхали черезъ Х***? Ну, какъ базаръ, великъ?

— Обширный-съ. Знаете, передъ погосомъ, свободное время. И, несмотря на ранній часъ, много прииѣтно пьяныхъ мужичковъ-съ.

— Пьютъ, пьютъ...

Косьма Васильичъ легонько вздохнулъ.

— Россійскій недугъ, въ зеленѣ-вишнѣ горе топить:

— Точно такъ-съ.

Немножко помолчали. Босьма Васильичъ побарабанилъ пальцами и спросилъ:

— Ну, какъ вы тамъ... почитываете? Что этотъ чудакъ... какъ бишь его... волтерьянецъ?

— Агей Данилычъ? Все попрежнему-съ.

— Да, да... Ну, и что-жь, прекрасно проводите время?

— Обыкновенно, какъ въ глуши... Случно-съ.

— Ничего, ничего, развивайтесь. Лишь бы охота—литературы достаточно. Вотъ познакомлю васъ... Знаете исправника Сергѣя Сергѣича?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Отличнѣйшій человекъ. Ну, потому Филиппъ Филиппычъ Каптюжниковъ... тоже изрядный господинъ. Молодъ, но эдакое, такъ сказать, солидное развитіе. Приготавливается въ университетъ. Еще Жеребцовъ Исая Исаичъ — купецъ, но взираетъ на многое— дай Богъ хорошему прогрессисту...

— Это тотъ самый Жеребцовъ, чьихъ степи на Графской?

— Да, да, тотъ. Извѣстный миллионеръ.

На лицѣ Николая изобразилось трепетное благоговѣніе.

— Съ женою васъ познакомлю...

И, вспомнивъ что-то важное на этомъ словѣ, Босьма Васильичъ вскочилъ, проговоривъ:

— Извините, на минуточку, я—сейчасъ,—и быстро прошелъ къ играющимъ:

— Что-жь ты, батенька? Насъ тутъ хозяйшка именно обобра-ла!—закричалъ ему на встрѣчу исправникъ.

— Играйте, играйте, господа, — маленькое дѣльце есть. Анеть, поди-ка, пожалуйста, на два слова.

Анна Евдокимовна вышла за нимъ въ сосѣдную комнату.

— Вотъ, видишь ли, Анеть,—заговорилъ Босьма Васильичъ, смущенно теребя бороду, — тамъ пріѣхалъ сынъ гарденинскаго управляющаго... Ну, мальчикъ еще... ужасно дикій... нѣсколько эксцентрикъ... Но эдакіе, такъ сказать, задатки. Пожалуйста, полюбезнѣе съ нимъ... а?... Ты понимаешь, валуха очень недорого куплены... и вообще надо его ободрить...

Анна Евдокимовна только что взяла подрядъ два ремиза; кромѣ того, соображеніе о валухахъ показалось ей резоннымъ.

— Ты меня, Босьма, удивляешь,—сказала она,—ты отлично знаешь, какъ я отношусь къ твоимъ гостямъ...

Какая-то двушмысленная тѣнь пробѣжала по лицу Косьмы Васильича.

— Ты предложилъ ему чаю? Потомъ приведенъ его къ намъ. Да не играетъ ли онъ въ стукулку?

Послѣ этого разговора Косьма Васильичъ возвратился въ столовую развязнѣе, чѣмъ прежде. Передъ Николаемъ стоялъ стананъ чаю, а самъ онъ съ ужасно озабоченнымъ видомъ смотрѣлъ на свои часы.

— Что смотрите? Времени еще достаточно, — весело проговорилъ Косьма Васильичъ и, скользя въ взглядомъ по столу, сказалъ гувернанткѣ: — А нельзя ли, Елена Спиридоновна, вареньица? — Та выразительно посмотрѣла на него, одѣлала нерѣшительное движеніе, какъ бы готовясь встать, и сказала:

— Прикажете спросить у Анны Евдокимовны?

— Нѣтъ, нѣтъ, не беспокойтесь, пожалуйста! — смущенно и торпливо остановилъ ее Рукодѣевъ. — Мы, такъ сказать, со сливочками... съ сухариками... Зачѣмъ же вамъ беспокоиться?

«Экая деликатная душа!» — подумалъ Николай и влюбленными глазами посмотрѣлъ на красивое и добродушное, какъ ему казалось, лицо Косьмы Васильича.

За чаемъ просидѣли минутъ двадцать. Косьмѣ Васильичу удалось за эти двадцать минутъ разговорить Николая и внушить ему даже нѣкоторую смѣлость. Дѣло дошло до того, что Николай разсмотрѣлъ, наконецъ, гдѣ онъ находится: желтоватыя подъ дубъ обои, желтый буфетъ, красивые стулья съ рѣзными спинками, высокая окна, выходящая въ садъ, бѣлыя двери, блестящія ручки на дверяхъ, круглыя, гулко ударяющіе каждую четверть часа часы... мало этого, лицо гувернантки, до сихъ поръ представлявшееся ему какимъ-то неяснымъ, расплывающимся пятномъ, теперь обрисовалось передъ нимъ почти съ тѣми же чертами, которые были и на самомъ дѣлѣ.

Тѣмъ не менѣе, Косьма Васильичъ не повелъ его къ играющимъ, шумные голоса которыхъ доносились за три комнаты, а предложилъ посмотреть библиотеку. Они прошли полутемнымъ корридормъ въ кабинетъ и тамъ у Николая сразу разбѣжались глаза на множество корешковъ съ золотыми надписями, видѣвшихся въ шкафахъ. На столѣ, рядомъ съ образцами льна и пшеницы въ тарелкахъ, лежала еще неразрѣзанная книжка въ сѣровато-пепельной обложкѣ.

— Вотъ-съ! — съ гордостью объявилъ Косьма Васильичъ, — приближите, такъ сказать, горькихъ думъ и высокихъ помысловъ. Смотрите и выбирайте, что вамъ потребуется. Подходите, подходите къ шкафамъ!...

Николай покраснѣлъ отъ удовольствія, читалъ надѣясь и не зналъ, за что ухватиться. Наконецъ, заглавіе привлекло его:

— Вотъ эту-бы, Босьма Васильичъ, если можно... *Съ петлей на шепъ-съ*.

— Эту? Не совѣтовалъ бы, Николай Мартыничъ. То-есть, оно отчего не прочесть, но для развитія бесполезно... Брунда.

— А вотъ *Жизню покойнику*, Босьма Васильичъ?

— Бсавье де-Монтепена? Занятно, спора нѣтъ, и даже, пожалуй, увлекательно; но... не совѣтую. Вамъ непремѣнно нужно начинать съ эдакихъ... съ эдакихъ, такъ сказать, прогрессивныхъ сочиненій.

— Такъ вамъ нельзя ли самимъ, Босьма Васильичъ?... Еще поэта Некрасова изволили обѣщать. Да я еще вотъ что хотѣлъ попросить: нѣтъ ли у васъ полныхъ сочиненій Пушкина? Мнѣ столяръ рассказывалъ очень любопытную исторію, — про Пугачева, — и говорить, что это сочиненіе Пушкина.

— Ну, батенька, вотъ ужъ охота! Пушкина давно ужъ въ кламъ сдали... Эти намерь-юнкеры, эстетика, шаркуны въ наше время презираются. Вотъ у столяра какого-нибудь самое для нихъ подходящее мѣсто. Нѣтъ, я вижу, надо мнѣ самому составить вамъ эдакій, такъ сказать, реестричь. Ну, что бы вамъ такое? — Босьма Васильичъ подошелъ къ книгамъ и вдохновенно посмотрѣлъ на нихъ: — ну, что бы вамъ? — и вдругъ вскрикнулъ: — Разъ! — выхватилъ два томика, хлопнулъ ими, чтобы выбить пыль, и отложилъ въ сторону и затѣмъ вскрикнулъ «два» и выхватилъ огромную книгу, хлопнулъ, отложилъ въ сторону и сказалъ: — Геніальное сочиненіе — Бомль-съ! — Такимъ образомъ набралось книгъ двадцать, когда Рукодѣвъ произнесъ: — Ухъ!... ну, на первый разъ достаточно, — и стеръ потъ со лба. Николай все время стоялъ раскрывши ротъ и съ радостнымъ волненіемъ слѣдилъ глазами, какъ за корешекъ книги хватывалась бѣлая, выхоленная рука Босьмы Васильича, какъ эта рука звонко хлопала книгой о выступъ шкафа и какъ, наконецъ, книга летѣла въ грудь другихъ книгъ, — въ грудь, которую можно было хоть сейчасъ взять и увезти съ собою въ Гарденино. Отдохнувши немного, Босьма Васильичъ еще досталъ нѣсколько книженъ и сказалъ Николаю «А это для панаша... въ его вкусъ».

— Что я хотѣлъ васъ спросить, Босьма Васильичъ, — робко и нерѣшительно выговаривалъ Николай. — Вотъ вы говорите — прогрессъ, эстетика, ретреградъ... А вотъ у насъ когда были, эдакое длинное слово выговаривали, на *цы* начинается... Но я этихъ словъ не понимаю-съ. Еще «прогрессъ» — и такъ, и сякъ; сло на *цы*... я вотъ

не смѣю его выговорить... тоже какъ будто не совсѣмъ страшно. А эстетика мнѣ совершенно не понятна.

— А! прекрасно, что напомнили. — Косьма Васильичъ выдвинулъ ящикъ письменнаго стола, досталъ оттуда отлично переплетенную книгу и, торжественно подавая ее Николаю, сказалъ: — Вотъ-съ! всякое непонятное слово здѣсь найдете, и, притомъ, съ подробнѣйшимъ наставленіемъ: *Сто тысячъ иностранныхъ словъ*.

Николай съ признательностью поклонился. Съѣли около стола и закурили. Николай жадными и любопытными глазами осматривалъ комнату и то, что находилось на столѣ. Ему ужасно хотѣлось спросить кое-о-чемъ, но онъ долго не осмѣливался. Наконецъ, не утерпѣлъ:

— Косьма Васильичъ! позвольте спросить: это и есть журналъ?

Онъ прикоснулся кончикомъ пальца къ неразрѣзанной книгѣ.

— Да, да, еженебоячкый журналъ. Могу снабдить, только пришлите, атакъ, недѣльки черезъ двѣ. Эти, — онъ указалъ на груды, — можете держать сколько угодно, а журналъ — недѣльки черезъ двѣ. Берите, берите, я радъ.

— Покорно благодарю-съ. Косьма Васильичъ, позвольте спросить, для какой надобности эта вещичка?

— Эта? Марши надлеивать. Вотъ такимъ манеромъ мѣтится марша и потомъ наклеиваютъ.

— Какъ интересно!... А это, Косьма Васильичъ?

— Прессъ. Видите, тамъ штемпель... недунечна... красна. Такъ нужно ударить... и видите: потомственный почетный гражданинъ и кавалеръ Б. В. Рукодѣевъ.

— Вотъ ловкая штука!... А это, позвольте спросить, стеклышко въ ножъ? Ножъ, вѣдь, для бумаги, но стеклышко?

— Хе-хе-хе... а вы приложите къ глазу, посмотрите... на свѣтъ, на свѣтъ!... Занятно?

Николай вспыхнулъ, застѣнчиво улыбнулся и теропливо отложилъ костяной ножичекъ.

Такъ провели они въ кабинетъ часа палтора, къ живѣйшему обоюдному удовольствію. Косьмѣ Васильичу чрезвычайно нравился Николай, то-есть, главнымъ образомъ, нравилось простодушное благоговѣніе Николая передъ его книгами и вещами и передъ тѣмъ, что онъ говорилъ ему. Наконецъ, Косьма Васильичъ смохватился и сказалъ:

— Да что-жь это я?... Пойдемъ, познакомя васъ. Отличнѣйшіе люди.

Николай явилъ видъ непреодолимаго смутенія.

— Нѣтъ, ужь увольте-сь, Босьма Васильичъ, — забормоталъ онъ, — позвольте мнѣ домой... пора-сь!

— Ну, вотъ ерунда! Надо васъ развивать, развивать... Вы не стѣсняйтесь, — чего тамъ стѣсняться? — люди, такъ сказать, свои. Пойдемъ-ка!

И Босьма Васильичъ взявъ Николая за рукавъ. Николай, съ трепетнымъ сознаниемъ страха, отдался во власть Босьмы Васильича. Но, не доходя до дверей, Босьма Васильичъ круто остановился, схватилъ за пуговицу Николая и, заикаясь отъ смущенія, прошепталъ:

— А вы того, Николай Мартинычъ... эдакъ, ежели коснется разговоръ... ну, жена тамъ что-нибудь... Образецъ передовой женщины... но, знаете, эдакіе, такъ сказать, женскіе взгляды... Вы того... *я у папашки вашего почевалъ*... понимаете? И насчетъ ежели тамъ водки, пожалуйста... понимаете? Иногда находятъ, такъ сказать, мизантропія, но женщины не хотятъ понять.

— Будьте спокойны, Босьма Васильичъ, ужели я дуракъ? — стремительно отвѣтилъ Николай и сознание, что отнынѣ важная тайна связываетъ его съ Босьмой Васильичемъ, переполнило все его существо какимъ-то сладостнымъ чувствомъ.

— Вотъ, Анетъ, рекомендую: сынокъ гардениискаго управляющаго, Николай Мартинычъ, — сказалъ Босьма Васильичъ, подходя къ столу. — Господа! рекомендую: мой юный другъ.

Анна Евдокимовна благосклонно улыбнулась Николаю и подала ему руку; исправникъ тоже потрясъ ему руку; Исая Исачъ привѣтливо сказалъ:

— Знаю, знаю твоего тятеньку: ха-а-ро-шій хозяинъ, старинный! Присаживайся-ка вотъ рядомъ. У меня у самого парнишка есть маленько помоложе тебя, Алешка.

Только одинъ молодой человекъ въ прыщахъ едва кивнулъ головой и, насмѣшливо посмотрѣвъ на Николая, въ полголоса сказалъ Аннѣ Евдокимовнѣ:

— Бель новетонъ!

Но Анна Евдокимовна сухо отвѣтила:

— Кажется, вашъ ремизъ, Филиппъ Филиппычъ. Ставьте, пожалуйста... Сядешь, Босьма? Вы не играете, Николай Мартинычъ?

— Никакъ нѣтъ-сь!

— Мы вотъ посидимъ съ нимъ, посмотримъ... такъ сказать, благородными свидѣтелями.

— Стучу, — сказалъ исправникъ и обратился къ Николаю: — Какой это Гарденинъ — Константинъ Ильичъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, они померли. Супруга ихняя, ея превосходительство Татьяна Ивановна.

— А!... Покупаю двухъ. Властный былъ дворянинъ, столбовой. Именно—столбовой... Исай Исачъ! ты что же это, батенька, одну только покупаешь? Ловокъ! Ха-ха-ха!... Я офицерикомъ былъ. Случилось, эдакъ, пойти въ дворянское собраніе... передъ эмансипаціей. Какъ же говорилъ, разбойникъ, какъ же говорилъ! Дворяне, эдакъ, кучкой около него, а онъ-то ораторствуетъ... Филиппъ Филиппычъ, вы въ ремизѣ, батенька!

— Знаю-съ.

— Убѣдительное краснорѣчіе, Пальмерстонъ. Помню, я—молоденькій офицерикъ, но именно слеза прошибала.

— Но какой же сюжетъ?—спросилъ Босьма Васильичъ.

— Какъ тебѣ сказать? Сюжетъ, батенька, если хочешь, не особенно... То - есть, если откровенно говорить, прямо скверный сюжетъ. Все хлопоталъ, чтобъ мужикамъ надѣла не давали, на аглицкій, значить, манеръ. Но именно слеза прошибала... Эге, Филиппъ Филиппычъ, да вамъ, батенька, опять ремизъ!

— Я, кажется, вижу, Сергѣй Сергѣичъ.

— Что, какъ пшеничка-то у васъ — рожается?—спросилъ у Николая Исай Исачъ.

— Да-съ... Въ прошломъ году самъ-пятнадцать-съ.

— Ну, обработка почему?

— У насъ свои-съ, дешево.

— Да ужь тятенька твой—чести приписать. Кому продали-то?

— Козловскому-съ... Балабину.

— Почему?... У меня двѣ взятки: пожалуйста три рубля тридцать копѣекъ.

— Шесть рублей семьдесятъ пять за четверть-съ.

— Ишь, вѣдь, какъ облимонилъ... Молодецъ твой тятя!

Босьма Васильичъ съ любопытствомъ слѣдилъ за игрою и, наконецъ, сказалъ:

— А давайте-ка, Николай Мартинычъ, пополамъ: вы играйте, а я васъ учить буду.

Николая точно въ кипятокъ опустили.

— Зачѣмъ же - съ? — пробормоталъ онъ. — Я сроду въ руки не бралъ... Увольте-съ.

Кромѣ того, что онъ не умѣлъ играть въ стучолку, ему до боли было стыдно сознаться, что у него нѣтъ денегъ.

— Садись, садись, парень!—повровительственно сказалъ Исай Исачъ, —ничего! Пожалуй, и я подержу четверть пая. Въ торго-

вошь быту самое разлюбезное развлечение эта ступка. У меня Алешка моложе тебя, но иногда дашь карты — ловко затваживаешь. Присаживайся!

— И отлично, батенька, — подтвердил исправник, — въ пятеромъ отличная ступка.

— Только не горячитесь, — сказала Анна Евдокимовна, смягчая угрожающее значеніе своихъ словъ преувеличенно-любезною улыбкой.

Косьма Васильичъ опять употребилъ нѣкоторое насиліе надъ Николаемъ и усадилъ его къ столу. Затѣмъ положилъ предъ нимъ кредитки и мелочь и усѣлся за его плечами, чтобы учить. У Николай сначала тряслись руки, въ глазахъ рябило, на лицѣ проступалъ потъ, но мало-по-малу, ободряемый снисходительными восклицаніями игроковъ, онъ освоился, уразумѣлъ, въ чемъ заключалась игра, и раза два даже не согласился съ указаніями Косьмы Васильича и приобрѣлъ черезъ то нѣкоторую выгоду. Часа черезъ два ему ужъ положительно везло: передъ нимъ лежало много денегъ. Анна Евдокимовна улыбалась ему съ искреннею пріятливостью... впрочемъ, не оттого только, что онъ выигрывалъ для Косьмы Васильича, а и оттого, что теперь она лучше рассмотрѣла его и онъ казался ей очень хорошенькимъ. Исправникъ хотя и былъ въ проигрышѣ, но съ удовольствіемъ хохоталъ, когда Николай тянулъ къ себѣ деньги. Исая Исачъ поощрительно приговаривалъ: «Такъ, такъ... волоки, волоки! Хе, хе, хе!... Самое, братецъ, любезное развлечение въ торговомъ быту». Очевидно, всѣмъ было пріятно, что такой застѣнчивый, немножко смѣшной, свѣженькій и почтительный юноша, едва умѣя держать карты въ рукахъ, тѣмъ не менѣе, выигрывалъ. Одинъ только Каптюжниковъ презрительно фыркалъ, передергивалъ губами и нетерпѣливо двигался на стулѣ. «Покорнѣйше прошу ходить-съ», — безпрестанно повторялъ онъ Николаю, — «не ваша очередь, вы изволите нарушать правила», «вы изволили не доложить патнадцати копѣекъ». Еслибъ у Николая былъ ножъ, онъ, кажется, зарѣзалъ бы молодого человѣка съ прыщами. Онъ даже остерегался поднимать на него глаза, потому что чувствовалъ, что будетъ не въ силахъ сдержать выраженія величайшей ненависти къ этому человѣку.

Когда пришло время обѣда, всѣ согласились, чтобы не прерывать игры, обѣдать безъ «горячаго» на маленькихъ столикахъ, которые можно было придвинуть каждому особо. Къ закускѣ, впрочемъ, на минутку оторвались и съ хохотомъ, съ веселыми разго-

верами, потягиваясь и разминаясь, окружили поднось съ винами, водками и наливками.

— Въ газетахъ пишутъ, какъ бы къ намъ холера не появилась, — сказалъ исправникъ, обращаясь къ Жеребцову. — Вотъ, батенька, трудно тебѣ будетъ съ напшталами-то разставаться... ха, ха, ха!

— Мы люди сухіе, постыме, — огрызнулся тотъ, — а вотъ ваше благородіе... вамъ напуть... хе, хе, хе!

Босьма Васильичъ налилъ рюмку, поднесъ къ носу, съ гримасой притворнаго отвращенія понюхалъ, и только что хотѣлъ опрокинуть въ ротъ, какъ вдругъ взглядъ его встрѣтился съ напряженно-выразительнымъ взглядомъ жены... Онъ торопливо отхлебнулъ, отставилъ рюмку и засуетился, угощая гостей.

Послѣ обѣда съ новымъ оживленіемъ стали стучать. Стемнѣло, подали свѣчи, съ самаго обѣда непрерывно разносили чай... Николаю везло попрежнему. Онъ уже почти совсѣмъ не испытывалъ смущенія, забывъ, что нужно ѣхать домой, и точно плавалъ въ волнахъ несказаннаго благополучія. Босьма Васильичъ уговорилъ его вынуть рюмку наливки, Исай Исанчъ «велѣлъ» отвѣдать полынной («Ничего, ничего... у меня Алешка моложе тебя, а и то дальнѣ иногда—ловко потягиваетъ»). Николай хотя и не запьянѣлъ отъ этого, но сразу почувствовалъ какую-то развязность въ словахъ и движеніяхъ. Босьма Васильичъ все сидѣлъ за его плечами и смотрѣлъ въ карты. Однако, ближе къ вечеру Николай замѣтилъ, что его компаньонъ началъ уходить куда-то, сначала рѣдко, потомъ все чаще и чаще. Ремизы какъ разъ подошли въ это время крупныя и Анна Евдоимовна, увлеченная игрой, не обращала вниманія на таинственныя прогулки Босьмы Васильича. Еще ближе къ вечеру Николай ясно ощутилъ за своими плечами запахъ водки, онъ оглянулся: Босьма Васильичъ щелкнулъ языкомъ и плутовски подмигнулъ; глаза у него сдѣлались странно-свѣлыми и мутными.

— Валяй ихъ, скотовъ!—вдругъ брякнулъ онъ громко.

Анна Евдоимовна съ угрозой взглянула на мужа. Но, вѣроятно, усмотрѣла что-нибудь выразительное, ибо, вмѣсто угрожающихъ, глаза ея стали безпокойны и губы внезапно сложились въ кислую и покорную улыбку. Босьма Васильичъ еще разъ совершилъ путешествіе и, возвратившись, сѣлъ такъ прочно, что подъ нимъ затрепало. Въ соотвѣтствіи съ этимъ трескомъ лицо Анны Евдоимовны дрогнуло... и, вслѣдъ затѣмъ, приняло самое беззаботное выраженіе.

— Покорнѣйше прошу освободить столь-съ, — извительно сказалъ Каптюжниковъ Николаю, за которымъ была очередь собирать карты.

— Ты, зоологъ! — неожиданно крикнулъ Косьма Васильичъ, — по лягушкамъ зоологію изучаешь, а не научишься, какъ держать себя въ приличномъ домѣ. Что ты, такъ сказать, фыркаешь?

Всѣ оглянулись на Косьму Васильича и увидали, что онъ пьянъ. Анна Евдокимовна съ внимательнымъ видомъ тасовала карты. Каптюжниковъ обидѣлся и всталъ.

— Въ такомъ случаѣ, — сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ, — я больше не играю. Я, кажется, не заслужилъ такого оригинальнаго обращенія.

— Ну, и чортъ съ тобой, — не унимался Косьма Васильичъ, — и убирайся. Эка, невидаль! Пять лѣтъ въ университетъ готовится, дармоѣдничаетъ, Базарова разыгрываетъ... Какой ты нигилистъ? Ты — прохвоеть!... Анна! сдавай, я самъ сяду.

Принялись уговаривать Косьму Васильича и просить Каптюжникова, чтобы онъ успокоился. Каптюжниковъ не заставилъ себя долго просить: онъ сдѣлалъ безгливый видъ, высокомерно пожалъ плечами и снова взялъ карты. «Арина, водки!» — закричалъ Косьма Васильичъ, неистово теребя бороду. Прибѣжала Арина, взглянула на барыню, — та едва замѣтно кивнула головою, — водка вмигъ появилась. Исправникъ началъ рассказывать что-то смѣшное и самъ хохоталъ громче обыкновеннаго. Всѣ наперерывъ старались смѣяться. Одинъ Косьма Васильичъ оставался серьезенъ и презрительными глазами посматривалъ на играющихъ.

— Н-да, — произнесъ онъ, когда исправникъ кончилъ и смѣхъ затихъ, — ужасно смѣшно. Какъ это ты, Сергѣй Сергѣичъ, въ шу-ты не поступишь? Прелюбопытная должность!... Вотъ, Николай Мартиновичъ, наблюдай: опора, такъ сказать... оплотъ!... Но не заблуждайся: друга-пріятеля за тридцать сребренниковъ въ кутузку ввергнуть!... Нельзя-съ — жена, дѣти-съ... Э-эхъ, вы...

Опять расхохотался исправникъ и засмѣялись всѣ остальные. И громче стали возглаголать: «Стучу!... Пасъ!... Пожалуйте за взяточку!... Вашъ ремизъ!»

— Анна! ты почему варенье замыкаешь? — неожиданно спросилъ Косьма Васильичъ.

Анна Евдокимовна такъ и затряслась отъ смѣха.

— Ахъ, Кося!... ахъ, какой ты шутникъ!... Что это тебѣ представилось? Я думаю, купить мнѣ или не купить, а ты вдругъ про варенье.

— Да, а я вдругъ про варенье.

— Экая придира! — сказалъ Исая Исаичъ, — вѣдь, это онъ, сударыня, въ отместку вамъ за давешніе подряды... хе, хе, хе!

Анна Евдокимовна съ нѣвымъ упрекомъ взметнула глазами на Исая Исаича. Но случилось такъ, что Рукодѣевъ пренебрегъ неосторожнымъ намекомъ.

— Что-жь ты кичишься? Подряды!... — сказалъ онъ. — Одинаковые съ тобой живорѣзы, я полагаю.

— Хе, хе, хе, такъ ужь и живорѣзы!

— А ты что-жь думалъ, ты во святыхъ? Николай Мартиничъ! вотъ рекомендую — святой... по міру братьевъ пустилъ, за быковъ фальшивую монетой расплачивался, два раза чуму разводилъ по губерніи... Эхъ ты!... телелюй!

— Кося! — жалобно протянула Анна Евдокимовна.

— Пуцай, — равнодушно сказалъ Исая Исаичъ и побилъ козырною семеркой исправникова туза, — мы его, сударыня, не со вчерашняго дня знаемъ. Пуцай его!

— Какъ вы думаете, Косьма Васильичъ, купить или нѣтъ? — спросилъ Николай, показывая Рукодѣеву карты и стараясь этимъ отвлечь его вниманіе. Уловка до нѣкоторой степени удалась. «Покупай, покупай! — сказалъ Косьма Васильичъ. — Карта идетъ?... Покупай!... Жарь ихъ!... Вонъ студента-то, зоолога-то... пускай его ремизится, ему ничего: папенька здорово повысосалъ мужичковъ въ дореформенное время!» Каптюжниковъ опять хотѣлъ было оскорбиться, но раздумалъ: ему начинало везти. Николай купилъ и заремизился, и еще купилъ, все продолжая совѣтоваться съ своимъ компаньономъ, и еще заремизился. Вдругъ Косьма Васильичъ всталъ и нетвердымъ языкомъ сказалъ ему: «Брось!... прячь деньги!... Ну ихъ къ чорту... выигралъ? — и довольно. Съ паршивой собачи хоть шерсти клокъ. Пойдемъ лучше побесѣдуемъ... Анна! пришли водку въ кабинетъ!... Пойдемъ, братъ... вѣдь, это пивки!... Чортъ съ ними!» Каптюжниковъ хотѣлъ было «протестовать», у него уже вертѣлось извительное замѣчаніе на языкъ: «Однако, это оригинально: выиграть и уйти!» — но исправникъ такъ моргнулъ ему, что онъ не сказалъ ни слова. Николаю ужасно не хотѣлось оставлять игру, но онъ безропотно послѣдовалъ за Косьмой Васильичемъ и былъ за то вознагражденъ признательнымъ взглядомъ Анны Евдокимовны.

Въ кабинетъ пришлось просидѣть, по крайней мѣрѣ, до двухъ часовъ ночи. Косьма Васильичъ безпрерывно пилъ маленькими глоточками водку, декламировалъ со слезами на глазахъ Некрасова,

громилъ Исаю Исаича, Сергѣя Сергѣича, Филиппа Филиппыча и, особенно, Анну Евдокимовну.

— Это, братъ, варррваръ, а не женщина!... Съ удовольствіемъ рубанку сниметь — изъ семейственныхъ соображеній... Не женись!... Ни за какія прельщенія, такъ сказать, не женись... Вотъ ты теперь порядочный человѣкъ... я тебя люблю! Но женишься на эдакой и... пропадешь!... Для всего пропадешь... для прогресса... для развитія... Эхъ, братъ! давно сказано: «жизнь есть мученье, семейство—тиранъ, отечество—колыбель бѣдствій»... Былъ такой философъ... Ярченко... въ Воронежѣ... въ тысячу-восемьсотъ-тридцать... Ну, чертъ его знаетъ въ какомъ году!...—Косьма Васильичъ рѣшительно впалъ въ лирическое настроеніе. —Я пьязъ?... Вѣррно!—говорилъ онъ пресѣкающимся голосомъ, —мало того, я и скотъ... Огромнѣйшая скотина... Ужели, думаешь, не понимаю моей мерзости?... Но искра... есть, братъ! Ты слышалъ про моихъ родителей?... Вотъ то-то, что не слышалъ!... Были Хрептюковы, мучники, —звѣри, кровососители и душегубы. Подъ видомъ благочестія, понимаешь?... Перенились, ополоумѣли, издохли. Осталась дѣвица, яблочко отъ яблони... моя всепьяннѣйшая и прелюбодѣйннѣйшая маманъ. Ваську-прикащика выволокла изъ убожества, сочетала съ собой законнымъ бракомъ... Открыли фирму: ве и пе Рукодѣны. Да, братъ, фирму!...—Косьма Васильичъ язвительно усмѣхнулся. —Маманъ была такихъ понятій: натрескается наливки, благовѣрнаго на замокъ, цымбалы, трепакъ, прикащики, кучера въ три объвата... Оргія! Паденіе Рима!... Чувствуешь?... Въ грязи, въ грязи валялась въ пьяномъ образѣ, а?... А я росъ подлѣ нея, впитывался, такъ сказать!... Прискорбно, братъ. Папа въ своемъ родѣ антикъ: «Кузька! всячески мужицковъ обмѣривай... Кузька, не зѣвай!... Кузька, дери шкуру!... лупи!... грабь!...» Принципы, братъ, не-да-го-ги-че-скіе, а?... И я росъ, впитывался, обмѣривалъ, дралъ. Мать няна, «тятенька» надъ двугривеннымъ дрожитъ, прикащики подговариваютъ въ конторку залѣзть, спиваютъ... Съ десяти лѣтъ по севернымъ домамъ шатался, можешь ты это понимать?... Нѣтъ! ты, братъ, не ком-нен-тен-тенъ... не можешь понимать. Душа была, горѣла... Были эдакіе помыслы... Ау, братъ! въ темномъ царствѣ нѣтъ имъ ходу... Рубль!... Сирадъ!... Благонѣнные разговоры... Болоколъ на поминъ души... У городничаго дозвольте ручку поцѣловать... Въ парадныхъ комнатахъ чистота... А душа-то изнаываетъ, изнаыва-а-аетъ! Разберемъ по совѣсти. Ну, ладно... вотъ я сижу—самъ видишь каковъ; вотъ нижки отобралъ для тебя... Ха-а-арошія, братецъ, книжки!... А тамъ—

живорѣзы, опричники, прохвосты, варваръ этотъ семейственный, — въ карты дуются, азартную игру... Какъ нравится тебѣ этотъ сюжетъ?... Но... не обращай вниманія! У Босьмы Рукодѣва искра есть... Зажжена... горитъ... иѣ-э-эть, не потушите, мрракобѣсы!... Будешь въ городѣ, побывай у Ильи Финогеныча. Ты знаешь какой это человѣкъ? Путями указчикъ, вотъ какой человѣкъ. Что я былъ? Двадцатилѣтній балбесъ, посуду въ трактирахъ колотилъ, на арфинкакъ катался, — приспѣшники запрягали въ сани и арфинки возили меня, подледа, по городу... Приятный сюжетъ?... Узналъ Илью — оттаялъ, образъ человѣческій принялъ, такъ сказать... «Читай, такой-осякой! долби! вотъ какъ пишутъ! вотъ о чемъ думаютъ въ конѣшнемъ вѣвѣ!... Уткнись носомъ-то въ книгу, очухайся... Прошло время въ помояхъ валяться... заря, заря, болванъ эдакій, зашмается!» И спасъ!... Маманъ — за волосы, благолѣпный «тятенька» — смертнымъ боемъ, книжки жгли, Ильѣ Финогенычу ворота дегтемъ мазали... Что вызвало? Отчего Бузька Рукодѣвъ пропойцей не сдѣлался, не полѣзъ въ петлю?... Огонь!... Жаръ!... Душа проснулась!... Чортъ съ вами, думаешь, тираньте... а, все-таки, вонъ какъ изъ столицъ-то гудитъ!... весной пахнетъ!... оттепелью!... Да, братъ, время было. Трупы смердащія шевелиться начинали... Лазарь воскресалъ!... Убѣжишь, бывало, изъ кашаръ-то родительскихъ, — что есть дореформенный купеческій домъ, какъ не кашары? — а у Ильи Финогеныча журналъ съ почты получался, *Искра* выходила... Прочитаетъ, разжуетъ, изругаетъ на всѣ корки... въ морду-то ткнетъ книгой, ошарашитъ по башкѣ-то, — у, заиграетъ сердце!... Ахъ, жизнь... Что смотришь?... Плачу, братъ... Не выпьешь... полрюмочки?... И какой же подлый оборотъ въ послѣдствіи времени!... Родители — въ елисейскія поля, сто тысячъ наслѣдства, Анна эта подвернулась — институточка, декольтировочка, то да сѣ... видишь, «кавалеромъ» сдѣлали, а?... все пошло къ чорту! Грабить не грабилъ, — цивилизація, молодой чеаэкъ!... Обвѣшивать — ни-ни, обману нѣтъ въ родительскомъ-то смыслѣ... Какъ можно!... Выпей рюмочку? Руси, братъ, веселіе пити...

Наконецъ, къ двумъ часамъ Босьма Васильичъ захрапѣлъ, положивши голову на столъ. Николай на цыпочкахъ вышелъ изъ кабинета и возвратился къ играющимъ.

— Что, утомился? — спросилъ исправникъ.

— Уснули-съ.

— Ахъ, это такой ужасный характеръ! — воскликнула Анна Ввдокииовна.

— Удивительная штука, судари вы мои, что хмѣль дѣлаетъ! — сказалъ Исай Исачъ. — Я про себя откроюсь: вѣдь, кажется, степенный человекъ, а, вѣдь, что-жь, единожды въ Москвѣ расшибъ зеркало въ эвдакомъ домѣ... Двѣсти цѣлковыхъ счистили! — и добавилъ: — Когда онъ нахвотался, уму непостижимо. ¶

— Съ этою прислугой истинное наказаніе, — проговорила Анна Евдокимовна, и ея лицо такъ и передернулось отъ злости.!

Николая опять усадили... Онъ выѣхалъ только утромъ. Несмотря на бессонную ночь, лицо его дышало свѣжестью и очастьемъ. Въ карманѣ у него лежали огромныя и еще небывалыя въ его распоряженіи деньги — двадцать три рубля съ мелочью. Рубль онъ пожертвовалъ изъ нихъ Ѳедоткѣ. Отъ этого рубля, а также и вообще отъ поѣздки Ѳедотка былъ тоже въ пріятномъ настроеніи. Они ѣхали не спѣша, легенькою рысцою и весело обмѣнивались впечатлѣніями.

— Тебя хорошо тамъ кормили? — спрашивалъ Николай, впередъ увѣренный, что хорошо.

— Ничего. Спервоначала-то я въ застольной пообѣдалъ. Ну, застольную ихнюю хвалить не полагается, дюже жидковато. А эдакъ къ вечеру самъ баринъ пришелъ... такой разбитной, куфарку къ стѣнѣ прижалъ, должно быть, выпимши. Туда-сюда, въ разъ велѣлъ мнѣ водки, жареную утку и супецъ. Должно быть, отъ васъ. Ну, я, признаться, здорово насадился.

— Вотъ добрякъ-то, Ѳедотикъ!

— Ужь чего! Ёшь, говорить, до отвала, — у Рукодѣева хватить. А вотъ, Миколай, барыня, — у, пи-и-ика! Какую штуку обдумала съ народомъ — штрафами донимать... Ёсть штрафами, какъ ржа, и шабашъ! Вотъ теперъ неизвѣстно, какъ Исѣй Матвѣичъ вернется, прикащикъ.

— А что?

— Да, вѣдь, она барину-то не даетъ водки. Строжайшій запретъ. Ну, и онъ ничего. Иной разъ, говорятъ, сколько мѣсяцевъ не пьетъ, а то найдетъ на него — требуетъ. Вотъ вчера онъ и пошли Исѣй Матвѣича въ кабакъ... Тотъ живо смахалъ. А вонче, гляди, переборка будетъ.

— Нѣтъ, Ѳедотикъ, ты не толкуй: и она прекрасная женщина.

— Да она, можетъ, и хороша, скаредъ только. А ты примѣтилъ, Миколай, бабы-то у нихъ въ домѣ? Морда на мордѣ! И куфарки подъ такую же масть подобраны. Страшная ревнивщица!.. И какъ, говорятъ, тверезый Босьма Васильичъ — тихъ, смиренъ,

словно ребенокъ. Но какъ только швырнетъ стаканчиковъ десять— бѣда, чистый Мамай! Барыня такъ ужь тогда и ходитъ на заднихъ ланкахъ. Вотъ хмѣль-то что дѣлаетъ!

— Что-жь хмѣль? Это, братъ, такой человекъ: другому какъ съ гуся вода, а онъ все къ сердцу принимаетъ... Онъ смотри какъ мучается... Ахъ, Ѳедотъ! вотъ, братъ, я у него любопытную штуку видѣлъ: устроень костяной ножичекъ...

Только къ десяти часамъ утра показалось Гарденино.

А. Эртель.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДОКТОРЪ СЕВЬЕРЪ *).

Романъ Джоржа Кэбля.

XXXIV.

В о й н а.

Въ томъ же году, около половины сентября, на фермѣ, стоящей на Индианскомъ берегу Огайо, гдѣ расположилась главная квартира сѣверной арміи, происходилъ разговоръ слѣдующаго содержания:

— Вы просите у меня пропускъ черезъ военную пограничную линію, сударыня, а зачѣмъ вамъ проходить черезъ нее?

— Мнѣ нужно ѣхать къ мужу въ Новый-Орлеанъ.

— Гораздо лучше, сударыня, если бы вы предоставили Новому-Орлеану перейти къ намъ: не пройдетъ и мѣсяца, какъ онъ, вѣроятно, будетъ нашъ!—и при этомъ офицеръ съ привѣтливою улыбкой взглянулъ на красивое личико молодой женщины, которая, къ тому же, просила у него пропуска такимъ мягкимъ, задушевнымъ голосомъ.

— Вы думаете?...—недовѣрчиво сказала молодая просительница.— Знакомые и родственники нѣсколько мѣсяцевъ уже удерживаютъ меня здѣсь въ силу именно этого предположенія, но мы еще далеки отъ его осуществленія. Если бы я только имѣла пропускъ, я бы добралась туда очень скоро и безъ всякихъ затрудненій.

— Ого!—воскликнулъ офицеръ сочувственно и, видимо, жалѣя ее.— Конечно, вы попытались бы это сдѣлать, но повѣрьте, вы скоро разочаровались бы. Предположимъ на минуту, что мы васъ пропустили бы черезъ нашу линію: вы очутились бы тогда между двумя огнями и вамъ пришлось бы проходить еще черезъ линію мятежниковъ. Нѣтъ, вы не знаете, что вы предпринимаете.

*) Русская Мысль, кн. V.

— Я знаю только, что мнѣ нужно ѣхать къ мужу, — твердо отвѣчала она.

— Да, да, — сказалъ офицеръ, вынимая платокъ изъ-за пазухи своего двубортнаго сюртука и обтирая имъ себѣ лобъ.

Молодая женщина не замѣтила, какимъ испуганнымъ взглядомъ онъ окинулъ ее съ ногъ до головы изъ-подъ платка, который и вынуть былъ имъ съ этою цѣлью.

— Да, — продолжалъ онъ, — но вы не знаете, что васъ ожидаютъ тамъ. Пробравшись и съвезъ ту линію, что тамъ пришлось бы вамъ испытать? По ту сторону границы царствуетъ терроръ въ полномъ смыслѣ этого слова. Я ни за что на свѣтѣ не позволилъ бы знакомой и близкой мнѣ леди рисковать собою такимъ образомъ и не думаю, чтобы вашъ мужъ поблагодарилъ меня, если бы я выдалъ вамъ пропускъ. Вы говорите, что онъ сторонникъ Союза, почему же бы ему не пріѣхать къ вамъ?

Слезы показались въ глазахъ молодой женщины.

— Онъ слишкомъ болѣнъ, чтобы путешествовать, — отвѣчала она.

— А давно онъ такъ болѣнъ?

— Нѣтъ, сэръ, недавно.

— Какже вы говорили мнѣ, что вы уже нѣсколько мѣсяцевъ не имѣете извѣстія о немъ? — и офицеръ прищурился, глядя на нее въ упоръ.

— Я говорила, что у меня не было давно писемъ отъ него, — возразила молодая женщина, краснѣя при такомъ сомнѣніи въ правдивости ея показаній. — Я недавно получила письмо отъ доктора, который лечитъ его, — договорила она дрожащимъ голосомъ.

— Какъ дошло до васъ это письмо?

— Что, сэръ?

— Зачѣмъ вы переспрашиваете меня, сударыня? Вѣдь, вы слышали и поняли мой вопросъ, не такъ ли?

— Да, сэръ.

— Въ такомъ случаѣ, извольте отвѣчать на мой вопросъ.

— Я нашла письмо три дня тому назадъ на порогѣ двери того дома, гдѣ я живу съ матерью и моею дѣвочкой.

— А кто оставилъ тамъ это письмо?

— Я не знаю.

Офицеръ пристально посмотрѣлъ ей прямо въ глаза. Глаза были такіе голубые, чистосердечные, и ему стало стыдно.

— Напрасно вы не принесли этого письма съ собой, судары-

ня, — сказалъ онъ немного погодя, — развѣ вы не видите, какое значеніе оно могло бы имѣть для васъ?

— Оно со мной, — съ живостью возразила она и, пошаривъ въ карманъ юбки, вытасила его.

Офицеръ взялъ письмо и громко прочелъ адресъ:

— Мистрисъ Джонъ Г... Вы и есть та самая мистрисъ Джонъ Г...?

— Письмо дошло до меня не въ этомъ конвертѣ и было безъ всякаго адреса, — отвѣчала она. — Я положила его въ этотъ конвертъ, чтобы сохранить его. Это конвертъ отъ другаго письма... письма матери ко мнѣ.

— Вы мистрисъ Джонъ Г...? — снова спросилъ офицеръ. Она стояла слегка отвернувшись и задумчиво глядѣла въ окно. — Это ваша фамилія? — повторилъ онъ еще разъ.

— Что, сэръ?

Недобрая улыбка появилась на его лицѣ, и онъ строго сказалъ:

— Прошу васъ, сударыня, къ такому способу больше не прибѣгать.

Молодая женщина вся вспыхнула.

— Да, это моя фамилія, сэръ.

Офицеръ приложилъ письмо къ носу, медленно понюхалъ его и, хотя видимо недовольный, добродушнымъ тономъ спросилъ:

— Мистрисъ Г..., не замѣтили ли вы, въ... этомъ письмѣ... легкій запахъ... чесноку?

— Замѣтила.

— Ну, такъ знайте, — продолжалъ онъ, улыбаясь, — что въ моихъ рукахъ находится три или четыре такихъ же письма, съ тѣмъ же запахомъ. Такъ что вы, да я, каждый про себя, должно быть, не сомнѣваемся, что человѣкъ, принесшій это письмо, былъ... кто онъ такой, мистрисъ Г...?

Молодая женщина прямо и честно взглянула на офицера, затѣмъ опустила глаза и, повертѣвъ кольцо на пальцѣ, рѣшилась сказать:

— Скажите мнѣ, сэръ, если бы вы были на моемъ мѣстѣ, неужели вы рѣшились бы выдать имя того человѣка, который рискнулъ бы своею жизнью, чтобы доставить вамъ извѣстіе объ опасной болѣзни вашего мужа... вашей жены... и сообщить вамъ, что ваше присутствіе необходимо? Скажите, неужели вы бы сдѣлали это?

Офицеръ строгими глазами посмотрѣлъ на нее.

— Вѣдь, вы прекрасно знаете, что доставленіе письма не бы-

лю ни его единственнымъ, ни важнейшимъ поручениемъ за предѣлами пограничной линіи нашихъ войскъ?

— Нѣтъ, не знаю.

— Нѣтъ, — повторилъ, передразнивая ее, офицеръ, — значить, и не знаете тоже, что въ него стрѣляли по всей нашей линіи такъ, что отъ страха онъ могъ уже не разъ посѣдѣть? и тоже не знаете, что вчера ночью онъ переправился въ третій разъ черезъ рѣку, нагруженный ружейными пистонами для мятежниковъ?

— Нѣтъ, не знаю.

— Однако, вы должны же признать, что знаете человѣка по имени Рафаиль Ристофало, все равно, гдѣ бы онъ тамъ ни былъ или чѣмъ бы ни занимался?

— Нѣтъ, не признаю.

— Да, понимаю теперь. Вы не хотите признать этого, но вы не можете и отрицать.

— Не могу, — медленно и неохотно отвѣчала она.

— Вотъ что я вамъ скажу, мистрисъ Г...: нашъ разговоръ занялъ уже достаточно времени и вотъ что я сдѣлаю. Прежде всего, однако, дайте мнѣ ваше честное слово, что ваша фамилія дѣйствительно мистрисъ Г..., что вы не шпионъ, ни съ кѣмъ сами сношеній не имѣли и что вы искренняя сторонница Союза.

— Даю вамъ честное слово, — все это дѣйствительно такъ.

— Ну, хорошо, приходите завтра утромъ въ томъ же часу, и если пропускъ можно будетъ вамъ выдать, то онъ завтра и будетъ вамъ выданъ. Вотъ ваше письмо.

Она устремила на офицера глаза, полные слезъ и благодарности, и проговорила:

— Да благословитъ васъ Богъ за ваше доброе дѣло!

Офицеръ разсмѣялся. Она сконфузилась, покраснѣла и молча направилась къ двери; вдругъ послышался ей громкій и отчетливый голосъ офицера:

— Мистрисъ Ричлингъ!

Она пошатнулась какъ бы отъ удара и отвѣтила:

— Что, сэръ? — но тутъ же страшно покраснѣла и воскликнула: «ахъ, сэръ, какъ это жестоко съ вашей стороны!» — закрыла лицо руками и громко зарыдала. Въ эту минуту она узнала въ офицерѣ остроглазаго негодянта, стоявшаго около нея въ Бродвѣ.

— Пойдите сюда, мистрисъ Ричлингъ.

Она повиновалась.

— Къ чему мы идемъ, скажите мнѣ, сударыня, если такая,

судя по всему, достойная, несомненная леди, какъ вы, унижаетъ себя, прибѣгая къ такимъ обманамъ?

— Сэръ! — сказала Мэри, смѣло и съ достоинствомъ глядя ему въ глаза, — увѣряю васъ: все, что я сказала вамъ, правда.

— Въ такомъ случаѣ, не объясните ли вы мнѣ, какимъ образомъ могло случиться, чтобы въ одной части страны вы были известны подъ одною фамиліей, а въ другой части подъ другою?

— Нѣтъ, — сказала она, съ трудомъ выговаривая слова отъ дрожанья губъ и голоса, — нѣтъ... я... не могу... объяснить.

— Какъ знаете, сударыня. Если вы не вернетесь съ первымъ же поѣздомъ въ Мильбуоки и не останетесь тамъ, я буду принужденъ...

— О, не говорите этого, сэръ! Я должна ѣхать къ мужу! Повѣрьте, это ничто иное, какъ глупѣйшая ошибка, которую мы сдѣлали нѣсколько лѣтъ тому назадъ и которая вреда никому не принесла, развѣ только намъ самимъ. Я готова нести на себѣ всѣ послѣдствія этой вины, но только дайте мнѣ пропускъ.

Офицеръ жестомъ приказалъ ей молчать.

— Извольте повиноваться сударыня; если вы не исполните того, что я отъ васъ требую, — мнѣ объ этомъ донесутъ, — вы будете арестованы и мнѣ придется выдать вамъ такого рода пропускъ, котораго вы не пожелали бы.

Взглянувъ на убитое горемъ лицо молодой женщины, онъ смягчился.

— Вѣроятно, все это вамъ кажется очень жестокииъ, сударыня, но, не забудьте, и война наша жестока. Я не хочу быть вашимъ судьей и не могу быть твердымъ до конца, иначе мнѣ бы надо было арестовать васъ сейчасъ же. Повторяю вамъ, послѣдуйте моему совѣту. Прощайте. Ни слова больше, сударыня! Довольно, идите! Прощайте!

XXXV.

Продолженіе.

Въ одинъ изъ февральскихъ дней 1862 года, послѣ полудня, въ центрѣ штата Бентуни медленно шелъ по направленію къ югу локомотивъ съ однимъ старымъ пассажирскимъ вагономъ. При выходѣ изъ глубокаго скалистаго ущелья, близъ покрытой снѣгомъ лѣсной роши, поѣздъ остановился по сигналу платкомъ, данному пассажирами, стоявшими на полотнѣ дороги. Пассажиры оказались Мэри Ричлингъ и маленькая Алиса. За исключеніемъ крыши ни-

чтожной хижины, выглядывающей за четверть мили оттуда на скло- нѣ большаго холма, и поднимающейся изъ нея тонкой струи синяго дыма, не было и признака человѣческой жизни кругомъ. Въ этотъ скоро убѣдились смотрящіе въ закрытыя окна остальные три или четыре пассажира, поѣхавшіеся въ вагонъ до прихода Мэри. Тро- нувшись дальше по глубокому снѣжному оврагу, поѣздъ прошелъ мимо молчаливой фигуры человѣка съ сѣрою козлиною бородой, по- крытаго высохшею грязью и стоявшаго на кучкѣ согнутыхъ рельсовъ у самаго рельсового пути. Въ ту минуту, когда поѣздъ поровнялся съ нимъ, онъ посмотрѣлъ вверхъ съ глупою, но преданною улыбкой въ торопливо поднятое окно и въ послѣдній разъ взглянулъ на улы- бающееся ему лицо Мэри и на серьезное, равнодушное личико ре- бенка; затѣмъ поѣздъ, ускоривъ ходъ, исчезъ за поворотомъ уз- ваго пути.

Вскорѣ вошелъ кондукторъ и потребовалъ съ нея плату. Сверху обычного вагоннаго запаха, отъ него сильно несло табакомъ.

— За дѣвочку нужно платить?

— Нѣтъ, сударыня, — отвѣчалъ кондукторъ, съ благодушнымъ сочувствіемъ глядя на жалкій и нетуго набитый кошелекъ въ ру- кахъ молодой женщины, затѣмъ онъ вышелъ на заднюю платфор- му, смахивая густую пыль съ плечъ и съ шапки. Послѣ этого онъ вернулся на свое обычное мѣсто у печки и возобновилъ прерван- ную бесѣду съ лейтенантомъ въ истасканномъ синемъ мундирѣ, который утверждалъ, что «никогда не слѣдовало допускать погра- ничную линію мятежниковъ отступить до Нашвиля» и что «Грантъ могъ взять фортъ Данельсонъ уже недѣлю тому назадъ, если бы онъ обладалъ малѣйшимъ смысломъ».

Въ вагонѣ было немного пассажировъ; въ одномъ углу сидѣлъ человѣкъ грубой наружности; около него была привязана дикая молодая козочка. Кондукторъ немного позднеѣ поднялъ Алису на руки и перенесъ ее къ бѣдному, осиротѣвшему животному, но дѣ- вочка, съжившись, какъ котенокъ, молча и семеня ножками, воз- вратилась къ матери.

— Она даже и не посмотрѣла на козу, — замѣтилъ кондукторъ, стоя около Мэри.

— Нѣтъ, она замѣтила ее, — отвѣчала Мэри, улыбаясь дѣвоч- кѣ и глядя ея золотыя кудри.

Кондукторъ постоялъ еще, какъ бы желая тоже погладить го- лову ребенка, но не рѣшился, увидѣвъ, что глаза другаго пасса- жира, сидящаго рядомъ, были пристально на него устремлены. Онъ вышелъ.

Фигура этого пассажира была стройная и внушительная; онъ былъ уже не молодъ. Рядомъ съ нимъ, у окна, сидѣла, повидѣнному, его жена, дама аристократической наружности. Алиса вскорѣ познакомилась съ дамой и къ заходу солнца дѣвочка уже сидѣла у нея на колѣняхъ. Между незнакомою дамой и Мэри завязался разговоръ. Наконецъ, Алиса, сначала боявшаяся мужа дамы, перелазала и къ нему на колѣни. Пассажиръ, внимательно вглядываясь въ лицо дѣвочки, воспользовался однимъ мгновениемъ, когда Мэри, отвернувшись, съ видомъ усталости облокотилась на край вагоннаго окна, и, кивая на малютку, шепнулъ своей спутницѣ: «Нельзя и сомнѣваться». Алиса, подъ вліяніемъ ласки, дѣлалась все смѣлѣе, смѣялась, визжала и болтала на весь вагонъ. Мэри собиралась уже остановить ея болтовню, какъ вдругъ дѣвочка, выпрямившись во весь ростъ и стоя на колѣняхъ пассажира, захлопала ручками и громогласно заявила всѣмъ въ вагонѣ, что ее зовутъ Алисой Севьеръ-Ричлингъ.

Пассажиръ бросилъ быстрый и многозначительный взглядъ на жену, между тѣмъ какъ Мэри, встревоженная, отозвала Алису и, успокоивъ ее, усадила около себя. Солнце уже начинало садиться.

— Мы теперь, должно быть, недалеко отъ станціи М...?—спросила Мэри немного погодя у своихъ спутниковъ, выглядывая въ окно.

— Какъ? станція М... въ Тенесси? Мы еще далеко отъ нея, — возразилъ пассажиръ. Рельсовый путь уничтоженъ здѣсь отступающими южанами и поѣздъ теперь идетъ такъ медленно, что мы не можемъ придерживаться обычнаго распisanія; кромѣ того, впереди насъ идутъ три поѣзда, нагруженные войсками. Раньше полуночи нельзя и думать вамъ добраться до станціи.

Мэри при этомъ извѣстїи отъ волненія даже привстала съ своего мѣста и потерянно оглянулась.

— Ахъ, — воскликнула она, — если бы я могла предвидѣть это, я бы выѣхала завтра утромъ.

— Васъ не встрѣтятъ на той станціи?—спросила дама.

— Я тамъ никого не знаю, и кондукторъ говоритъ, что негдѣ тамъ и остановиться.

— Вамъ придется высадиться вмѣстѣ съ нами, — рѣшительно и любезно проговорила дама, — тѣмъ болѣе, что если ваша фамилія Ричлингъ, вы не можете быть для насъ чужая.

Изъ дальнѣйшихъ объясненій Мэри узнала, что пассажиръ былъ никто иной, какъ мистеръ Торнтонъ, адвокатъ, завѣдующій дѣлами семьи Джона, тотъ самый, который обращался за свѣдѣні-

ями о немъ къ Сниту Изарду. Онъ бѣжалъ съ женой къ себѣ въ кибиткѣ; оба настоятельно начали просить Мэри захватить къ нимъ. Мистеръ Торнтонъ не хотѣлъ вѣрить своимъ ушамъ, узнавъ, что молодая женщина собирается пройти черезъ пограничную военную линію.

О жизни Джона въ Новомъ-Орлеанѣ они, повидимому, почти все знали. Разсказъ Мэри о своей жизни дополнилъ ихъ свѣдѣнія. Они узнали отъ нея, какъ болѣзнь матери долго задерживала ее вначалѣ, какъ затѣмъ объявленіе войны перевернуло всѣ ея планы; какъ, несмотря на всѣ опасности и непріятности путешествія для молодой женщины въ такія смутныя времена, ей, все-таки, удалось добраться до Нью-Йорка.

— Но я опоздала къ послѣдному пароходу, — добавила она, — и должна была вернуться домой: у меня не оставалось больше денегъ. Такъ прожила я до сентября, стараясь добыть средства на путешествіе; но скоро я получила изъ Новаго-Орлеана письмо съ деньгами на проѣздъ и съ извѣстіемъ объ опасной болѣзни мужа. — Затѣмъ она передала имъ подробности своей попытки получить пропускъ на берегу Огайо и какъ она послѣ того принуждена была опять возвратиться къ матери, зная, что за ней слѣдили, и жить тамъ, выжидая благопріятнаго случая, чтобы пробраться; она все время жила надеждой, что Новый-Орлеанъ будетъ скоро взятъ.

— Между тѣмъ, мать моя вдругъ умираетъ, — продолжала она свой разсказъ, — и я рѣшилась сдѣлать еще одну послѣднюю попытку. Я продала все, что имѣла, забрала Алису и отправилась въ путь. Подвигалась я медленно, зондируя каждый шагъ, такъ какъ вернуться я уже не хотѣла; путешествіе мое длится уже нѣсколько недѣль, а военная пограничная линія, отступая, все еще находится впереди. Какъ видите, однако, я иду впередъ и должна сказать, что всѣ, кого я встрѣчала, и бѣлые, и черные, рѣшительно всѣ, оказывали мнѣ много доброты, — добавила она со слезами на глазахъ.

— Успокойтесь, пожалуйста, мистрисъ Ричлингъ, — сказала жена адвоката. — Вѣдь, вы желаете, чтобы мы васъ называли мистрисъ Ричлингъ, не такъ ли?

— О, да, конечно, — отвѣтила Мэри.

— И такъ, мистрисъ Ричлингъ, — продолжала она, — мы васъ должны предупредить, что въ рукахъ мужа моего находятся деньги, принадлежащія мистеру Ричлингу. Младшая изъ двухъ сестеръ вашего мужа недавно умерла; она была замужемъ и богата. Почти все свое состояніе она оставила другой сестрѣ, но мужу моему удалось

убѣдить ее оставить кое-что и брату, — не много, правда, но, все-таки... двѣ тысячи долларовъ. Они находятся у мужа и онъ вамъ передастъ ихъ завтра утромъ; вѣдь, вы переночуете у насъ, милая мистрисъ Ричлингъ?

— Благодарю васъ.

— Будьте покойны, мы не будемъ отговаривать васъ отъ вашего путешествія въ Новый-Орлеанъ, а, напротивъ, вышдавъ случай, поможемъ вамъ перейти границу, снабдивъ рекомендательными письмами. Но теперь, все-таки, вы отдохнете у насъ недѣли двѣ, три или сколько угодно.

— Нѣтъ, я не могу оставаться, — тихо проговорила Мэри, пожимая руку доброй дамы.

— Вамъ нечего бояться посѣщенія родственниковъ Джона, — они живутъ совсѣмъ въ другой части штата; а если бы они и жили тутъ, то вы бы не встрѣчались съ ними, — мужъ не занимается болѣе ихъ дѣлами, и, къ тому же, онъ, какъ вы знаете, уніонистъ...

— Мнѣ надо ѣхать къ мужу, — перебила Мэри, не желая выслушивать до конца разсказъ о политическихъ симпатіяхъ адвоката.

— Да, я понимаю; мы васъ проведемъ черезъ границу при первомъ удобномъ случаѣ.

Вскорѣ поѣздъ остановился; они наскоро собрали свой багажъ и Мэри, положивъ свою утомленную голову рядомъ съ головкой Алисы, заснула крѣпкимъ сномъ подъ ихъ гостеприимнымъ кровомъ. На другой день получено было извѣстіе о взятіи форта Донельсона и объ отступленіи южной арміи. Пробраться дальше было невысказимо: что могла сдѣлать женщина при такихъ обстоятельствахъ?

Двѣ недѣли такимъ образомъ прошли, по окончаніи которыхъ мистеръ Торнтонъ сообщилъ Мэри, что Союзъ отправилъ противъ Новаго-Орлеана огромныя морскія силы.

— Если къ первому апрѣля, — поспѣшилъ онъ добавить, — городъ этотъ не будетъ взятъ, я васъ проведу черезъ границу, хотя бы мнѣ самому пришлось это сдѣлать.

Мэри слушала его молча.

— Согласитесь, однако, что всѣ отсрочки ваши происходили только въ силу неизбѣжности.

— Ахъ, право, не знаю! — съ отчаяніемъ въ голосѣ воскликнула Мэри. — Мнѣ кажется, что причина моихъ неудачъ должна быть во мнѣ, иначе я бы давно была уже по ту сторону границы. Я должна была, въ сущности, пробѣжать черезъ всю линію и брѣгъ все приступомъ по пути.

— Что вы говорите, истрисъ Ричлинъ?—изумился адвокатъ.— Это безумныя рѣчи.

— Вотъ увидите,—возразила Мэри какъ бы про себя.

XXXVI.

Продолженіе.

Для ближайшихъ событій, послѣдовавшихъ затѣмъ въ жизни Мэри, трудно было бы опредѣлить время. Она сама, вспоминая о нихъ позднѣе, совершенно отчетливо различала всѣ малѣйшія подробности ярко обрисованныхъ сценъ и картинъ, но мѣсяцы, недѣли, дни и мѣстности сжѣвались въ ея головѣ.

Она знала только, что она находилась гдѣ-то у соединенія границъ трехъ штатовъ: либо на южной сторонѣ Тенесси, либо въ сѣверо-восточномъ углу Миссиссипи, либо, наконецъ, на сѣверо-западѣ Алабамы. Помнила она тоже, что незадолго передъ тѣмъ она переправлялась черезъ рѣку Тенесси, что солнце сѣло направо отъ нея, что прелестный день переходилъ уже въ сумерки и незнакомая ей страна погружалась постепенно во мракъ. Она сидѣла въ легкомъ кабриолетѣ, запряженномъ въ одну лошадь, и рядомъ съ ней сидѣлъ и правилъ высокій человѣкъ среднихъ лѣтъ, загорѣлый, сутуловатый, одѣтый въ широкое синее фланелевое платье, которое носили обыкновенно конфедераты; изъ-подъ мягкой шляпы его весело мигала пара живыхъ глазъ. Между нимъ и Мэри торчала пара маленькихъ ногъ и сонно покачивалась знакомая намъ головка съ золотыми кудрями. Проѣзжіе были покрыты густою пылью; въвали они, однако, уже не по шоссе, съ котораго они свернули нѣсколькими часами раньше. Кабриолетъ подвигался проселкомъ мелкою рысцой вдоль необработанныхъ полей съ одной стороны и темнаго лѣса—съ другой. Судя по мягкости и свѣжести молодой зелени, можно было предполагать, что апрѣль уже начался; страна кругомъ отличалась видомъ опустошенія, которое сопутствуетъ всегда и всюду прохожденію войска.

Провожатый Мэри указалъ ей на странные, непонятныя сооруженія по обѣимъ сторонамъ дороги, состоящія изъ бревенъ разрушенныхъ изгородей, которыя давно уже обратили на себя ея вниманіе. Онъ объяснилъ ей, что эти бревна складывались для защиты стрѣлковъ, и, повидимому, тамъ, гдѣ они проѣзжали, сооруженія эти были сдѣланы очень недавно, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ тотъ же день. Пока онъ разъяснялъ это ей, лошадь ихъ вдругъ бросилась въ сторону отъ трупа убитой лошади.

— Эге!—проговорилъ спутникъ Мэри, успокоивая лошадь, — не знаю, кто убилъ ее, во всякомъ случаѣ, выстрѣлъ попалъ мѣтко, прямо въ голову!

При этомъ онъ привсталъ и взглянулъ сначала назадъ, затѣмъ на рядомъ сидящую Мэри, лицо которой было скрыто полями шляпы.

— Если вамъ страшно, вернуться еще можно.

— Нѣтъ, поѣдемъ дальше.

— Если мы не повернемъ назадъ теперь, то позже уже нельзя будетъ.

— Впередъ, — сказала Мэри. — Я возвращаться не могу.

— Вы, я вижу, солдатъ, на котораго можно рассчитывать, — шутя подхватилъ проводникъ, — не то что я, вашъ покорный слуга, которому приходилось не разъ пятки показывать.

Мэри взглянула на него удивленными глазами. Онъ усмѣхнулся.

— О, не бойтесь, вы-то на меня рассчитывать можете, отъ васъ я не удеру! Развѣ вы не слыхали, что я обѣщалъ мистеру Торнтону? Ну, а когда я общаю, такъ память мнѣ уже не измѣняетъ; и хотѣлъ бы, а ужъ забыть не могу, — такая ужъ северная привычка.

Помолчавъ немного, онъ опять заговорилъ, глядя впередъ черезъ уши лошади:

— Вотъ, право, чистая бѣда! Если бы вы были изъ сторонниковъ отдѣленія, то, пробравшись кое-какъ черезъ линію Союза, вамъ не о чемъ было бы больше заботиться; но такъ какъ вы уніониста, то чѣмъ дальше мы подвигаемся на Югъ, тѣмъ опаснѣе для васъ, и вы будете въ безопасности только тогда, когда мнѣ удастся доставить васъ къ поѣзду, отходящему на Югъ: тамъ уже никто бы и подозрѣвать не могъ, что вы пробрались черезъ границу.

— Да, но, вѣдь, вы этого сдѣлать не можете, — возразила опокойно Мэри. — Вы обѣщали мистеру Торнтону доставить меня въ безопасное мѣсто, вотъ и все...

— Да, да, я знаю, но объ этомъ именно и шла рѣчь; не пугайтесь...

Его лицо слегка измѣнилось; онъ подвинулъ бичъ и спросилъ:

— Вы слышите?

— Да, — сказала Мэри, понизивъ голосъ. Направо тянулись поля, налѣво — лѣса, откуда раздавалось воркованье дикаго голубя.

— Я не объ этомъ говорю.

— Я знаю, — подхватила Мэри, — вы говорите о другомъ, тамъ за полями, — и она указала пальцемъ.

— Оно не такъ далеко, какъ вы думаете, — пробормоталъ проводникъ и въ эту минуту вечерній вѣтерокъ еще яснѣе и ближе донесъ къ нимъ звукъ отдаленнаго барабана.

— Они идутъ сюда къ намъ? — спросила Мэри.

— Нѣтъ, это смотръ въ лагерь.

Проводникъ повернулъ лошадь по направленію къ лѣсу.

— Да тутъ нѣ видать и дороги, — замѣтила Мэри.

Въ лѣсу было такъ темно, что она едва различала своего ребенка, уснувшего у нея на рукахъ.

— Не беспокойтесь, — былъ отвѣтъ, — у меня чутье въ этомъ отношеніи хорошее, мы выберемъ на дорогу.

Вскорѣ, дѣйствительно, они выѣхали на лѣсную дорогу, изви- вающуюся между деревьями, вѣтви которыхъ хлестали ихъ по лицу. Проводникъ остановилъ кабриолетъ подъ одной изъ березъ и, отрѣ- завъ длинную вѣтку, передалъ Мэри, говоря:

— Возьмите это, но надѣюсь, что она окажется бесполезной.

— Для чего мнѣ эта вѣтка?

— Сейчасъ объясню вамъ. Намъ придется скоро ѣхать вер- хомъ, такъ вотъ что: если случится (мало ли что бываетъ?), что я вамъ крикну: «пускайте!» — вы хорошенько стегните свою лошадь и пустите во всю прыть.

— Непрежѣнно надо?

— Да это ужъ какъ знаете, но лучше будетъ, если вы такъ сдѣлаете. Не дѣлайте, если не хотите.

Немного дальше дорога исчезла въ чистомъ прозрачномъ ручьѣ, но каменистому дну котораго кабриолетъ съ визгомъ проѣхалъ нѣ- которое разстояніе, затѣмъ нырнулъ раза два, лошадь ихъ выка- рабкалась на противоположный вкрутой берегъ и направилась даль- ше на встрѣчу восходящей лунѣ. Наконецъ, обогнувъ небольшое поле, они покатали быстрою рысью по ровной дорогѣ и лошадь ихъ, какъ бы чуя близость жилья, заржала. Въ темнотѣ другая лошадь отвѣтила также ржаньемъ.

— Слышите? — шутливымъ тономъ спросилъ ее проводникъ. — На сегодняшній день дѣло въ шляпѣ, — въ этомъ-то все искусство и заключалось.

И онъ повернулся къ Мэри, ища ея одобренія.

— Привѣтствіе это, вѣроятно, многозначительно для насъ, да? — спросила она, улыбаясь.

— Да, вы угадали; оно означаетъ, прежде всего; смѣну лоша-

дей, затѣмъ домъ и людей, ожидающихъ насъ съ легкимъ подерѣвленіемъ для нашихъ силъ, въ видѣ ветчины, кофе, молока, часовой отдыхъ, а затѣмъ, дальше, верхомъ. Кабриолетъ придется оставить, дорогъ уже почти не будетъ. Не ожидали, небось?

— Мнѣ все равно, лишь бы добраться, — возразила она.

— Напередъ же могу ничего обѣщать, а стараться буду.

Тутъ онъ остановилъ лошадь. Мэри увидѣла передъ собою небольшую бревенчатую хижину и свѣтъ въ щели между порогами и дверью.

— Посмотрите, — сказала Мэри, передавая спящую Алису на руки проводника, — кажется, пожаръ въ лѣсу въ этомъ направленіи, да и не въ одномъ, а въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

— Это солдатскіе огни въ лагерѣ, — объяснилъ вышедшій изъ хижины человекъ, который, между тѣмъ, началъ распрягать лошадь.

— Если бы мы взобрались на ближайшій холмъ, мы, вѣроятно, увидѣли бы лагерь конфедеративной арміи, — замѣтилъ смуглый Мэри.

— Да, они тутъ близехонько; я слышалъ отсюда, какъ они сегодня встрѣчали кого-то криками «ура», — замѣтилъ хозяинъ хижины.

Въ полночь Мэри Ричлингъ сидѣла молча и выпрямившись на большой лошади темной масти, нетерпѣливо жуящей свой мексиканскій трензель въ тѣни большого дуба. Алиса спала у матери на колыбняхъ; у Мэри въ рукахъ находился поводъ другой лошади, — она ждала своего проводника. Дерево, прикрывавшее ее своею спасительною тѣнью, стояло у самаго выхода изъ темной чащи и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея полная луна обливала яркимъ свѣтомъ узкую извилистую дорогу, которая образовала здѣсь два развѣтвленія: одно — главное, ведущее къ лагерю, зарево котораго озаряло все небо съ этой стороны, и меньшее, исчезающее въ лѣсу.

Мэри прислушивалась и вдругъ съ живостью подняла голову. Послышался трескъ вѣтки и изъ кустовъ появился человекъ, который молча взялъ узду лошади изъ ея руки и въ одинъ мигъ очутился въ сѣдлѣ. Въ рукѣ у него былъ шестиствольный револьверъ, одѣтъ онъ былъ уже не въ синее, а въ сѣрое платье домашнего тканья. Онъ направилъ лошадей по дорожкѣ, ведущей къ лѣсу.

— Если бы мы прошли еще триста ярдовъ по тому направленію, — шепнулъ онъ, — мы бы въѣхали прямо въ ихъ передовые пикеты. Мы теперь ѣдемъ не по дорогѣ: эта тропа ведетъ къ поселку негровъ; одинъ изъ негровъ проведетъ насъ.

— А гдѣ онъ?—шепотомъ спросила Мэри, но, прежде чѣмъ проводникъ успѣлъ отвѣтить, оборванная черная фигура отделилась отъ куста и, не говоря ни слова, шмыгнула впередъ, дѣлая имъ знамя следовать за ней. Цѣлый часъ двигались они вслѣдъ за негромъ, который шелъ впереди быстрыми и размахистыми шагами. Они достигли, наконецъ, берега глубокаго, узкаго потока. Вслѣдъ за негромъ и они спустились въ воду. Проводникъ Мэри, который былъ никто иной, какъ шпионъ, взялъ Алису на руки и научилъ Мэри стать на колѣни на сѣдло, подобравъ юбки подъ себя. Молчаливое путешествіе возобновилось; они шли вдоль опушки лѣса, а на другой сторонѣ тянулось поле, засаженное молодыми хлопкомъ и освѣщенное луной; изрѣдка доносился до нихъ вой собакъ; иногда раздавался въ лѣсу тоскливый зовъ иволги, а одинъ разъ Мэри похолодѣла отъ неожиданнаго крика филина, раздававшегося надъ ея головою. Дошедши, наконецъ, до едва замѣтной тропинки, негръ остановился.

— Держитесь этой тропинки и въ полумили отсюда вы выѣдете на шоссе, тамъ повернете направо и съ Богомъ!

— Прощайте,—шепнула Мэри.

— Прощайте, миссъ,—тихо отвѣчалъ негръ,—до свиданія, кумъ; не забудь забрать и меня съ собой къ янки на возвратномъ пути, смотри—сдержи слово.

Шпионъ повторилъ обѣщаніе и негръ исчезъ. Полмили они скоро проѣхали, хотя она и превратилась въ полторы, и, наконецъ, проводникъ, повернувшись назадъ къ Мэри, негромко сказалъ, указывая револьверомъ на широкую линію, бѣлѣющую сквозь деревья:

— Вотъ шоссе.

Они выѣхали на дорогу. Повернувъ направо, Мэри съ Алисой на рукахъ, не умѣя хорошо управлять лошадыю, очутилась впереди проводника, который стегнулъ свою лошадь, чтобы нагнать ее. Въ эту минуту, съ другой стороны дороги, изъ-за кустовъ выскочила человѣческая фигура и, хватая ружье съ земли, крикнула:

— Стой!

Около восьми другихъ темныхъ фигуръ, закутанныхъ въ одѣяла, лежали тутъ же около кучки горящихъ угольевъ. Мэри испуганно посмотрѣла назадъ на своего спутника.

— Подвигайтесь впередъ и ускорьте шагъ,—сказалъ онъ не громко, но отчетливо.

Она повиновалась и слышала, какъ позади нея онъ отвѣчалъ на зовъ, не отставая отъ нея.

— Не задерживай мать; другъ, мы возьмемъ больного ребенка къ доктору.

— Стой, собака! — раздалось ему въ отвѣтъ и три-четыре человека выпрыгнули на дорогу. Мэри успѣла только взглянуть еще разъ на своего смутника и замѣтить его блѣдное, измѣнившееся лицо, какъ шпионъ; приподнявшись на стременахъ и выпрямившись, стегнулъ свою лошадь и дикимъ голосомъ крикнулъ Мэри:

— Пускайте!

Она сильно ударила лошадь хлыстомъ и помчалась. Алиса проснулась и подняла крикъ. Мэри успокаивала ее, какъ могла, но, видѣвъ съ тѣмъ, понукала лошадь во всю мочь.

Послышался выстрѣлъ изъ ружья, тысячу разъ повторенный лѣвымъ охомъ, затѣмъ второй, третій и пуля свистнула у самого уха Мэри. Шпионъ позади ихъ, на всемъ ходу, отстрѣливался своимъ револьверомъ.

— Пускайте! — крикнулъ онъ опять, — не жалѣйте! Покройте ребенка! — но Мэри не нуждалась въ его понуканіи: нагнувшись впередъ надъ плачущею, испуганною дѣвочкой, отпустивши поводья, съ развѣвающимся платьемъ, спавшею шляпой и распустившимися волосами, Мэри мчалась впередъ, спасая жизнь, свободу и ребенка.

— Мама, мама! — кричала обезумѣвшая дѣвочка.

— Впередъ, впередъ! — кричалъ шпионъ позади, — скорѣй, они сѣдлаютъ коней, хотятъ насъ догнать... мы умремъ! Впередъ!...

Полчаса спустя они ѣхали рядомъ уже болѣе умѣреннымъ шагомъ; крики Алисы утихли, хотя она еще вся дрожала и цѣплялась за мать. Мэри и проводникъ ея переговаривались въ полголоса.

— Не думаю, чтобы они за нами гнались далеко, — сказалъ шпионъ, — это развѣдчики и по всему видно, что на дѣло свое они не смотрятъ серьезно: валяются, да дрыхнуть, каналы, и даже лошади у нихъ не взнузданы; они, кажется, отчасти даже повѣрили моей баснѣ насчетъ доктора и больного ребенка. Мы теперь можемъ умѣрить шагъ, чтобы придать и нашимъ лошадямъ болѣе спокойный и приличный видъ, а то ихъ теперь и показать никому нельзя.

Съ этими словами, придерживая коня, онъ осмотрѣлъ револьверъ, который уже успѣлъ вновь зарядить.

— Славно пѣла птичка! слышали?

— Какже, — отвѣчала Мэри, — надѣюсь, однако, что вы ни въ кого не понали.

— Ну, я-то не могу желать давать промахи и быть дурнымъ стрѣльцомъ; но, въ виду васъ, лучше было бы не попасть въ нихъ, а то они еще разозлятся и мы не такъ легко отъ нихъ отдѣляемся.

Мэри продолжала ласкать и усмоновать ребенка.

Шпюнь молча ѣхалъ рядомъ съ ней и съ чувствомъ уваженія поглядывалъ на стройную женскую фигуру, сложившуюся надъ дѣвочкой; онъ вскорѣ замѣтилъ, что роли пережѣнились и что утѣшителемъ сталъ уже ребенокъ, который старался поцѣлуйми остановить слезы матери. Желая дать ей время оправиться, онъ предложилъ поддержать дѣвочку, чтобы Мэри могла привести свои расстриженные волосы и платье въ порядокъ. Онъ, между тѣмъ, болталъ и шутилъ, стараясь развлечь ее.

— Вы, я вижу, изъ смѣлыхъ и поплакать вамъ не стыдно. Я напередъ зналъ по глазамъ вашимъ, что солдатъ изъ васъ можетъ выйти хорошій. Не беспокойтесь, я вамъ комплиментовъ вовсе не намѣренъ преподнести. «Положи храненіе устамъ моимъ», — какъ говорили у насъ, нѣтъ поминется, въ школахъ. Вѣдь, вы знакомы съ этою вещью?

— Да, — отвѣчала Мэри.

— Это изъ посланія къ римлянамъ, не правда ли?

— Нѣтъ, — улыбаясь, сказала Мэри.

— Ну, все равно, я не ученый и немного уже успѣлъ позабыть все это, — съ шутивою скромностью возразилъ ей спутникъ. — Было время, когда я могъ наизусть сказать всѣ десять заповѣдей, — ну, а теперь я, все-таки, стараюсь придерживаться ихъ хоть на дѣлѣ. Вонъ, посмотрите, еще одинъ сожженный домъ: это уже третій на разстояніи одной мили. Намъ теперь уже недалеко: вотъ какъ взберемся на вершину этого холма, оттуда увидимъ селеніе, гдѣ найдемъ чѣмъ и подкрѣпитесь. Должно быть, вы порядкомъ устали.

— Ничуть, — твердымъ голосомъ отвѣтила Мэри, но проводникъ тряхнулъ головою въ знакъ недовѣрія.

На ярутомъ поворотѣ, къ неопisanному ужасу Мэри, они вдругъ увидѣли двухъ всадниковъ, медленно ѣдущихъ къ нимъ на встрѣчу. Оба были въ сѣромъ, на одномъ была надѣта шляпа съ широкими опущенными полями, на другомъ фуражка конфедератоваго офицера. Мэри еще никогда не встрѣчалась съ конфедератами.

— Отъѣзжайте впередъ и станьте тамъ, — шепнулъ ей проводникъ. Затѣмъ, перебросивъ одну ногу черезъ луку сѣдла, онъ подѣхалъ къ всадникамъ и остановился.

— Здравствуйте, господа!

Провѣзжающіе отвѣтили ему тѣмъ же и тоже придержали лошадей.

— Изъ какой вы команды? — спросилъ шпюнь.

— Батарея Симманса, — отвѣчалъ одинъ изъ всадниковъ.

— Миссиссипи?—продолжалъ спрашивать шпіонъ.

— Ракетзакъ, —отвѣчалъ офицеръ.

— Арканзасъ, — почти одновременно проговорилъ его товарищъ.

— А ваша?

— Сигналистъ, —отвѣчалъ шпіонъ.—Вѣдь, совсѣмъ похожъ на мирнаго гражданина, не правда ли?—и онъ разсѣялся прерывистымъ, негромкимъ смѣхомъ и взглянулъ впередъ на Мэри, стоящую немного поодаль.

— Не встрѣчали войска по пути?—спросилъ офицеръ.

— Нѣтъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ дураковъ, спавшихъ у дороги съ разнузданными конями, которые съ просонокъ опалѣли и бросились на насъ, какъ дикіе звѣри, да и давай стрѣлять. Мы съ испугу дали сдачи: число раненныхъ и убитыхъ осталось неизвѣстнымъ.

Всадники разсмѣялись.

— Если вы ихъ увидите, скажите имъ отъ меня, —продолжалъ шпіонъ, улыбаясь, —чтобы они другой разъ не стрѣляли въ женщину, везущую больнаго ребенка къ доктору, прежде чѣмъ убьются, мирные ли это граждане, или нѣтъ.

Съ этими словами проводникъ Мэри всунулъ ногу въ стремя и раскладывался съ проѣзжими.

— Лучше бы не встрѣчать намъ этихъ моговоососовъ, —сердито пробормоталъ шпіонъ.—Ну, ужъ нечего дѣлать, пришлось щегольнуть воѣмъ своимъ запасомъ.

Спустившись съ вершины холма, наши путешественники очутились въ селеніи, жители котораго еще спали. Начинало свѣтать, пѣтухи пѣли, вдали слышались рѣдкіе и одинокіе удары топора. Они проѣхали всю деревню, гдѣ повстрѣчался имъ одинъ только дряхлый, старый негръ. Перебравшись дальнѣе черезъ холмъ и убѣдившись, что кругомъ все было пусто, они круто повернули въ лѣсъ и подъ защитой его густой тѣни объѣхали назадъ почти все селеніе; наконецъ, они остановились у дверей сарая, находящагося на окраинѣ села у самой опушки лѣса. Шпіонъ, доставъ изъ кармана ключъ, отперъ сарай, вынесъ охапку сѣна и, разостлавъ ее подъ ногами лошадей, ввелъ ихъ безшумно въ сарай, потомъ опять стребъ сѣно и заперъ двери на ключъ. Затѣмъ они быстро обратились по садовой тропинкѣ къ заднему крыльцу небольшой хижины и шпіонъ осторожно постучалъ три раза. Алиса спала у него на рукахъ; дѣлалось уже совсѣмъ свѣтло.

Послышались шаги внутри.

— Томъ?—спросилъ тихій, осторожный голосъ за закрытою дверью.

— Я, сестра,—также тихо отвѣтила шпіонъ; дверь открылась и на порогъ показавась высокая, стройная женская фигура съ добрымъ лицомъ, слабо различаемымъ при свѣтѣ сальной свѣчки, которая освѣщала сосѣднюю комнату. Проводникъ познакомилъ Мэри съ сестрой и положилъ все еще спящую Алису на кровать въ другой комнатѣ въ виду ея матери.

— И такъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ Мэри,—вотъ вы перешли теперь линію конфедератовъ. Первымъ дѣломъ, надо подумать, какъ бы пробраться вамъ дальше къ югу. Такъ какъ у васъ странная и довольно упорная привычка говорить всѣмъ правду, намъ придется перебираться отъ одного сторонника Союза къ другому. Въ вашу пользу, однако, есть одно вѣрующее обстоятельство... вонъ оно тамъ лежитъ и спитъ,—добавилъ онъ, указывая на спящаго ребенка.—Всякому покажется неправдоподобнымъ, чтобы вы съ этою малюткой пришли изъ далекаго Сѣвера. Сестри, намъ нуженъ будетъ кабріолетъ.

— Ладно,—отвѣчала хозяйка.

— А я пойду наона и накормлю лошадей.—Онъ вышелъ. Мэри пошла и, слѣдуя совѣту хозяйки, не раздѣваясь, прилегла отдохнуть. Тревожные сны преслѣдовали ее. Внезапно пробужденная, она съ испугомъ вскочила и, ничего не понимая, увидѣла нагнувшуюся надъ ней высокую фигуру хозяйки, которая встревоженнымъ шепотомъ торопила ее въ дорогу. Пока Мэри наскоро переодѣвалась въ заготовленную для нея мужскую одежду, сестра шпіона объяснила ей, что незадолго передъ тѣмъ проѣхали по дорогѣ мимо ея хижины четверо изъ преслѣдовавшихъ ихъ разбѣдчиковъ, одинъ изъ которыхъ оказался смертельно раненымъ пулей изъ револьвера Тома. Надо было выѣхать изъ сала немедленно. По указаніямъ хозяйки, Мэри взяла на руки раздѣтую Алису и увезла съ женскимъ платьемъ и приготовилась пробраться по задворкамъ черезъ садъ въ лѣсъ, гдѣ уже Томъ ждалъ ее съ лошадьми. Въ послѣднюю минуту она горячо обвиняла добрую хозяйку: «Не теряйте времени, идите»,—торопила ее сестра Тома, застѣнчиво улыбаясь.

Полчаса спустя оба наши переодѣтые путешественника уже ѣхали быстрою рысью по глухой лѣсной тропинкѣ. Первую ночь они провели въ уединенной бревенчатой хижинѣ посреди лѣса, гдѣ скрывался дезертиръ-конфедератъ съ больною женой и бѣлокурными ребятишками. Шпіонъ и дезертиръ охраняли ихъ всю ночь.

Такъ подвигалась Мэри по безграничнымъ пространствамъ, от-

дѣляющимъ ее отъ мужа, по обработаннымъ полямъ и нескончаемымъ лѣсамъ. Передъ самымъ окончаніемъ ихъ опаснаго путешествія начались дожди; разлившіяся рѣки съ снесенными мостами, уже въ виду желѣзной дороги, задержали ихъ на два лишніе дня. Когда, наконецъ, они добрались до станціи, положеніе дѣлъ въ Новомъ-Орлеанѣ приняло такой оборотъ, что сообщеніе съ нимъ по желѣзной дорогѣ было прекращено.

XXXVII.

З а к а т ъ.

Докторъ Севьеръ и Ричлингъ относительно войны во многомъ расходились. Докторъ стоялъ за унию вплоть до объявленія войны, но затѣмъ онъ, какъ южанинъ, применилъ къ Югу. Онъ одинъ только въ Новомъ-Орлеанѣ и зналъ, что вся душа, всѣ сочувствія Ричлинга были на противной сторонѣ. Если бы Ричлингъ обладалъ всѣми своими физическими силами, такъ, чтобы хоть въ чемъ-нибудь проявить свое участіе въ великой борьбѣ, врядъ ли возможно было бы то тѣсное общеніе между обоими друзьями, какое установилось между ними съ того дня, какъ докторъ перевелъ къ себѣ больного Ричлинга. Они жили неразлучно и въ полной дружбѣ. Оба, хотя по различнымъ мотивамъ, но одинаково желали мира для страны, и эта общность чувства, которая побуждала ихъ къ терпимости относительно другъ друга, сдерживала, въ то же время, обостреніе ихъ отношенія и къ великому вопросу. Оба боялись тоже за участь Нового-Орлеана.

Когда, наконецъ, въ одно апрѣльское утро двѣнадцать зловѣщихъ ударовъ на всѣхъ колокольняхъ города возвѣстили его семидесяти тысячному населенію, что вся линія фортовъ, защищающихъ Новый-Орлеанъ, перешла въ руки сѣверянъ, все встрепенулось, и, въ ожиданіи бомбардировки, масса населенія, охваченная паническимъ страхомъ, бѣжала безъ оглядки.

Несмотря на свою слабость, Ричлингъ успѣшилъ одѣться и исчезъ изъ дому на цѣлый день. Онъ не могъ сидѣть и смотрѣть спокойно на обезумѣвшій кругомъ него народъ. Вернувшись домой поздно ночью, Ричлингъ, совсѣмъ разбитый, засталъ доктора въ совершенномъ уныніи.

— Гдѣ вы пропадали весь день? — спросилъ докторъ съ легкимъ раздраженіемъ въ голосѣ.

— Помогалъ Кетъ Ристофало собирать пожитки передъ отъѣздомъ изъ города.

— Вы не должны выходить и не должны такъ утомляться... но съ вами ничего не подѣлаетъ. А что, уѣхала она?

— Нѣтъ еще.

— Такъ когда же, наконецъ, она уѣдетъ? Совершенная бессмыслица для нея сидѣть здѣсь!

— Черезъ два или три дня, — возразилъ Ричлингъ нѣсколько холодно.

Докторъ нетерпѣливо пожалъ плечами.

— Если вы чувствуете малѣйшую отвѣтственность насчетъ ея отъѣзда, совѣтую вамъ отправить ее завтра же. — При этомъ онъ опустилъ голову на спинку кресла съ видомъ утомленія.

— Почему же? — спросилъ Ричлингъ. — Невѣроятно, чтобы флотъ подошелъ къ городу раньше недѣли: вѣдь, онъ на пути встрѣтитъ сильное сопротивленіе.

Докторъ помолчалъ съ минуту, затѣмъ медленно проговорилъ:

— Ну, Ричлингъ, ваше появленіе на землѣ сопровождалось, вѣроятно, какимъ-нибудь великимъ недоразумѣніемъ.

Впадыя щеки Ричлинга вспыхнули, между тѣмъ какъ докторъ съ горечью продолжалъ:

— Меня удивляетъ, какъ вы еще не знаете, что флотъ уже теперь въ восемнадцати миляхъ отъ города. — Онъ замолчалъ и затѣмъ вдругъ сказалъ съ величайшею мягкостью и добротой въ голосъ: — Сдѣлайте для меня то, о чемъ я васъ попрошу, Ричлингъ, хотите?

— Конечно.

— Идите и ложитесь спать, я тоже пойду. Завтра вамъ нужно будетъ собрать всѣ ваши силы, и я очень боюсь, что ихъ не хватитъ для всего, что предстоитъ намъ вынести, Ричлингъ.

Они пошли вмѣстѣ наверхъ. Расходясь наверху лѣстницы, Ричлингъ спросилъ:

— Нѣсколько дней тому назадъ, когда мы еще не думали, что городъ будетъ взятъ, вы говорили мнѣ...

— Что я не повиную Новый-Орлеанъ, — докончилъ докторъ, — да, я останусь здѣсь. У меня не хватаетъ духу биться противъ сѣверянъ, но я не хочу и бѣжать. Во всякомъ случаѣ, васъ бы я не могъ взять съ собой: вы не перенесли бы путешествія, а я ни за что не оставилъ бы васъ, другъ мой.

Съ этиими словами онъ положилъ руку на плечо больного и сердечно посмотрѣлъ на него. Ричлингъ молчалъ, боясь малѣйшимъ лишнимъ словомъ испортить одну изъ лучшихъ минутъ своей жизни.

Весь слѣдующій день Ричлингъ провелъ на улицахъ Нового-Орлеана подъ проливнымъ дождемъ и къ вечеру, промокнувъ до костей, проводилъ на вокзалъ Бетъ Ристофало и посадилъ ее въ вагонъ съ ея сундуками, корзинами, Майкомъ и двумя близнецами. Недѣлю спустя, когда союзная армія заняла городъ, Ричлингъ лежалъ прикованный къ постели и былъ уже не въ состояніи встать.

Докторъ Севьеръ молча сидѣлъ около него, терпѣливо прислушиваясь къ шагамъ проходящаго войска. Когда звуки барабана замерли, Ричлингъ тихо сказалъ:

— Я хотѣлъ бы написать Мэри.

Докторъ съ трудомъ отвѣчалъ:

— Я написалъ ей вчера, но я боюсь, Ричлингъ... что она не получитъ письма.

— Развѣ вы думаете, что она уже выѣхала? — радостно воскликнулъ больной.

— Ричлингъ, я сдѣлалъ все, что могъ, какъ умѣлъ...

— Все, что вы сдѣлали, — все хорошо, докторъ, я въ этомъ увѣренъ.

— Я написалъ ей нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ черезъ Ристофало. Онъ знаетъ, что письмо дошло по назначенію. Я боюсь, что она находится теперь гдѣ-нибудь среди конфедератовъ и пытается пробраться сюда. Мнѣ казалось, что такъ поступить было лучше.

— Да, тутъ нѣтъ ничего худаго, докторъ, — успокаивалъ его больной, но врачъ замѣтилъ, что извѣстіе потрясло его. — Докторъ, могу ли я попросить васъ объ одномъ одолженіи?

— Не объ одномъ, а о тысячѣ, Ричлингъ.

— Позвольте мадамъ Зенобіи за мной ухаживать.

— Развѣ я не могу самъ это сдѣлать, Ричлингъ? — сказалъ докторъ.

— Мое состояніе требуетъ много заботъ, — возразилъ Ричлингъ, — а она вчера сама просила объ этомъ и боялась васъ спросить.

Докторъ согласился.

Въ первыхъ числахъ мая докторъ Севьеръ вошелъ однажды въ комнату Ричлинга и передалъ ему замечатанное письмо. Марка была заначкана, но, все-таки, можно было прочесть сокращенное названіе штата Кентуки. Письмо дошло черезъ Нью-Йоркъ и моремъ. Больной жадно схватилъ его; онъ сидѣлъ на большой кровати, под-

пертый подушками. Дрожащими руками разорвавъ конвертъ, онъ посмотрѣлъ на надпись.

— Письмо отъ адвоката.

— Отъ вашего знакомаго?—спросилъ докторъ.

— Да,—отвѣчалъ Ричлингъ, быстро пробѣгая глазами письмомъ. — Онъ пишетъ, что Мэри уже пробралась черезъ границу конфедератовъ! Мэри и Алиса! — Рука больного опустилась съ письмомъ на одѣяло. — Ни слова о томъ, какъ удалось ей это сдѣлать!

— Но въ какомъ же мѣстѣ она пробралась, — спросилъ докторъ, — и гдѣ она находится теперь?

— Пробралась она недалеко отъ Биринга, въ Миссиссипи. Докторъ, она теперь, быть можетъ, уже недалеко отъ насъ, въ какихъ-нибудь пятидесяти миляхъ! Выдадутъ ли ей пропускъ, какъ вы думаете?

— Можетъ быть, Ричлингъ; я надѣюсь, что выдадутъ.

— Мнѣ кажется, что я могъ бы еще выздороветъ, если бы она пріѣхала ко мнѣ, — проговорилъ больной. Но отвѣта отъ друга не было.

Два дня спустя, къ исходу прекраснаго майскаго дня, передъ заходомъ солнца, въ комнату больного вошелъ докторъ Севьеръ и сталъ у окна. Мадамъ Зенобія сидѣла у кровати, обмахивая Ричлинга. Черезъ минуту, замѣтивъ по глазамъ больного, что онъ желаетъ остаться наединѣ съ докторомъ, она встала и безшумно, какъ тѣнь, исчезла за дверью.

Докторъ отошелъ отъ окна и сѣлъ около Ричлинга. Больной взглянулъ на него и слабымъ, еле слышимымъ голосомъ сказалъ:

— Мэри и Алиса...

— Да,—проговорилъ докторъ.

— Если онѣ сегодня ночью не пріѣдутъ, то уже поздно будетъ: и ихъ не увижу.

— Намъ не дано этого знать, другъ мой.

— Докторъ...

— Что, Ричлингъ?

— Я бы хотѣлъ понять...

— Что именно, Ричлингъ?

— Въ чемъ заключается предназначеніе моей жизни, т.-е. смыслъ ея?

— Да, другъ мой, и я пытался добиться разъясненія этого вопроса, но я только могу понять весь смыслъ, все значеніе, которое ваша жизнь имѣла для меня.

Глаза больного просіяли.

— Она для васъ имѣла значеніе?

Докторъ кивнулъ ему головою и взялъ его исхудалую, слабую руку въ свою.

— Я радъ, что вы мнѣ это сказали теперь...

— Если хотите, я могу вамъ еще подробнѣе объяснить.

— Да, да, — сдавленнымъ голосомъ отвѣчалъ больной, — говорите.

— Ну, такъ слушайте, Ричлингъ. Я вамъ скажу такую вещь, въ которой обыкновенно мы всё не любимъ и боимся признаваться другъ передъ другомъ, отчасти изъ недовѣрія къ людямъ и всёми намъ причастной человѣческой слабости, отчасти и изъ боязни словъ со всею ихъ пустотой. Встрѣча съ вами и вся жизнь ваша привели меня къ болѣе глубокому и вѣрному пониманію великаго ученія любви, и я самъ только очень недавно это созналъ. — Голосъ доктора былъ сдавленъ отъ волненія и рука его дрожала. Онъ замолчалъ и задумался, глядя на полъ. — Ричлингъ, — продолжалъ онъ, разсѣянно лаская его руку, — я убѣждаюсь, что природа устроила все къ лучшему: если неравенство имущественное и является источникомъ страданій для многихъ, съ другой стороны, оно поддерживаетъ среди людей ту заботу другъ о другѣ, то вниманіе къ другому, которыя уничтожаютъ эгоизмъ, порождаютъ любовь и снисходительность другъ къ другу и составляютъ корень истинной «соціальности». Я теперь ясно вижу, что если бы каждый изъ насъ имѣлъ возможность жить, рассчитывая только на себя безъ помощи другаго, мы бы всё душевно окаменѣли.

Наступило опять молчаніе.

— Говорите... — слабо произнесъ Ричлингъ.

— Но до полного равенства и въ этомъ отношеніи человѣчество никогда не дойдетъ. Богатство, какъ мы знаемъ изъ ежедневнаго опыта, часто обладателю своему не приноситъ личнаго счастья, въ то время какъ оно несомнѣнно является необходимостью для общества и способствуетъ его благополучію. Бѣдность же, причиняя личное страданіе и являясь несомнѣннымъ зломъ, до извѣстной степени въ массовой жизни общества служитъ стимуломъ живаго и братскаго чувства среди людей. Вотъ и мы съ вами, Ричлингъ, — добавилъ онъ, съ сердечностью смотря на него, — мы не сразу подружились и не сразу поняли другъ друга. По-моему, нѣтъ болѣе великой миссіи для человѣка на землѣ, какъ работать ради такого же примиренія и обоюднаго пониманія и среди общества.

Докторъ умолкъ.

— Теперь я хочу... сказать,—слабо и прерывисто заговорилъ больной.—Я долго не хотѣлъ вѣрить, что иду къ этому преждевременному концу... просто, не понималъ всей его неизбежности. Это было глупо, конечно, но я думалъ...—и онъ замолчалъ, чтобы собраться съ силами, затѣмъ продолжалъ:—Я думалъ, что испытанія, черезъ которыя я прошелъ, должны были служить мнѣ урокомъ и указаніемъ въ будущемъ, какъ помочь исправить то общественное зло, на которое до сихъ поръ такъ мало еще обращено вниманія...

Докторъ наклонилъ голову въ знакъ согласія. Послѣ минутнаго отдыха Ричлингъ продолжалъ:

— Но теперь я вижу... что не я былъ назначенъ для этой работы. Можетъ быть, ее исполнить Мэри, можетъ быть, дѣвочка...

— Можетъ быть, и я,—тихо проговорилъ докторъ.

— Я сегодня лежалъ и думалъ о такой сторонѣ жизни, о которой мнѣ не приходилось думать раньше. Мнѣ особенно ясно представилось, до какой степени условія человѣческаго прогресса тѣсно связаны съ несчастіями, ошибками, страданіями людей, и я только теперь понялъ все ихъ значеніе. Какъ, въ силу крушеній на морѣ, человѣкъ научается лучше и искуснѣе строить свой корабль, такъ и въ жизни часто человѣкъ научается лучшему черезъ несчастный опытъ и гибель другихъ. Прошу васъ, докторъ, возьмите на себя окончить мою миссію!—и при этихъ словахъ больной сдѣлалъ усиліе, чтобы схватить руку врача.

— Какъ же мнѣ это сдѣлать, Ричлингъ?

— Пускай другіе узнаютъ черезъ васъ о моихъ несчастіяхъ.

— Но я всей жизни вашей не знаю, Ричлингъ.

— Я вамъ расскажу въ двухъ словахъ то, чего вы не знаете. Я родомъ изъ Бентуки. Ричлингъ не моя фамилія. Я принадлежу къ одной изъ самыхъ гордыхъ семей и самыхъ значительныхъ по своему положенію во всемъ штатѣ, а, можетъ быть, даже и въ странѣ. До моей женитьбы я не встрѣчалъ отказа въ моихъ желаніяхъ. Воспитаніе, полученное мною, было, въ сущности, никуда негодное: въ основаніи его лежало фальшивое представленіе, что я всю жизнь проживу въ качествѣ господина и что служить я никому не долженъ. Жизнь готовили мнѣ легкую и пріятную: мнѣ надо было только знать, но ничего не умѣть дѣлать. По окончаніи ученія родители послали меня путешествовать: они соглашались на всѣ мои желанія, даже фантазіи, одну только вещь они не могли допустить для меня—трудъ. Путешествуя на западъ, въ Мильуоки, я встрѣ-

тился съ Мэри чисто случайно. Она была не богата, но образована и такъ же воспитана: ей тоже предназначалось знать и ничего не дѣлать. Мы полюбили другъ друга, въ полномъ убѣжденіи, что вопросъ этотъ, кромѣ насъ самихъ, никого не можетъ касаться, — при этомъ Ричлингъ слабо и грустно улыбнулся. — Я просилъ ее сдѣлаться моею женой, она согласилась; но когда я сообщилъ семьѣ о моей помолвкѣ, мнѣ объявили, что если я женюсь на ней, то меня лишатъ наслѣдства и семья отвернется отъ меня.

— Что за причина такого отношенія, Ричлингъ?

— Безъ всякой причины.

— Но, однако же, какая-нибудь причина была?

— Только та, что Мэри была сѣверянка и бѣдна, т. е. чисто-партийные и кастовые предразсудки. Я объ этомъ ничего не сказалъ Мэри до женитьбы. Хотя я думалъ, что они этого не выполнять, но зналъ, что Мэри не согласится быть причиной даже риска для меня. Мы поженились, а семья привела свою угрозу въ исполненіе.

У доктора вырвалось негромкое и неясное восклицаніе, и оба замолчали.

— Докторъ, — почти шепотомъ опять началъ больной, — я умираю подъ чужимъ именемъ, и хотя моя настоящая фамилія никому, даже вамъ неизвѣстна, но я знаю, что я ничѣмъ, даже тюрьмой, не опозорилъ своего имени. Оно сойдетъ со мной незапятнаннымъ въ могилу.

Больной умолкъ въ изнеможеніи. Докторъ, опершись локтемъ на коленно, закрылъ себѣ лицо рукой. Немного погодя Ричлингъ сдѣлалъ движеніе и докторъ поднялъ голову.

— Похороните меня здѣсь, въ Новомъ-Орлеанѣ, докторъ, прошу васъ.

— Почему, Ричлингъ?

— Просто потому, что... здѣсь было поле моей битвы. Мнѣ хочется лежать на этомъ полѣ... какъ солдату, убитому на войнѣ; не потому, что я считалъ себя хорошимъ солдатомъ, а такъ... вы укажете на мою могилу, передавая другимъ мою исторію. Если возможно, я бы хотѣлъ лежать въ виду той... старой тюрьмы.

Докторъ закрылъ глаза платкомъ и плакалъ, слушая его.

— Докторъ, — прерывающимся голосомъ шепталъ больной, — вы помните... какъ любила... Мэри... пѣть... старыя пѣсни?

— Да, конечно, помню.

— А вы когда-нибудь пѣли, докторъ?

— Нѣтъ, другъ мой, я никогда настоящимъ образомъ не пѣлъ, а теперь вотъ двадцать лѣтъ, какъ все это брошено и забыто.

— Не можете ли вы... все-таки... слѣть... негромко... какъ бы для себя... четыре строчки изъ пѣсни «Я пилигримъ»?

— Не могу, Ричлингъ, не могу... это невозможно, другъ мой. Я не знаю ни словъ, ни напѣва. Я не умѣю пѣть и никогда не пою.

— Ну, ничего,—прошепталъ Ричлингъ. Онъ лежалъ смирно нѣсколько мгновений съ закрытыми глазами, затѣмъ, раскрывъ ихъ, слабымъ, еле слышнымъ шепотомъ—не запѣлъ, а проговорилъ слова старой южной пѣсни, двигая рукою, насколько утасующія силы позволяли, въ ритмъ воображаемаго напѣва.

«Солнце свѣтитъ ясно въ старомъ кентукскомъ родномъ моемъ гнѣздѣ. Наступило лѣто и «чернушки» *) веселятся; колосья созрѣли, цвѣты на лугахъ и пѣсни птичекъ по цѣлымъ днямъ раздаются кругомъ».

Докторъ сидѣлъ, закрывъ лицо руками. Все стихло. Снова слышался шепотъ больного и докторъ прислушался:

— Докторъ, еще одну вещь... Я былъ плохой опорой, какъ мужъ... будьте другомъ... для Мэри.

Докторъ кивнулъ только головою; онъ не могъ говорить, — глаза его были полны слезъ.

Больной дрожащею рукою вынулъ изъ-за пазухи миниатюрный портретъ и прижалъ его къ губамъ своимъ: это былъ портретъ маленькой Алисы. Онъ взглянулъ на своего друга.

— Въ портретъ Мэри я не нуждался. Ребенка своего я такъ и не видѣлъ, и знаю его только по этому портрету. Завтра рано утромъ... когда меня уже не станетъ... положите его сюда мнѣ на грудь и сложите мои руки такъ, чтобы ими прикрыть его...

Онъ вдругъ остановился и, казалось, прислушивался къ чему-то.

— Докторъ,— сказалъ онъ съ возбужденнымъ взглядомъ и громче прежняго,—что это я слышу?

— Не знаю,—возразилъ его другъ,—кто-нибудь изъ прислуги, вѣроятно, разговариваетъ внизу, въ передней.

Но, говоря это, самъ докторъ казался спокойнымъ. Онъ поднялъ голову. На лѣстницѣ слышались торопливые шаги.

— Докторъ!

Врачъ уже всталъ съ своего мѣста.

— Лежите смирно, Ричлингъ.

Но больной вдругъ выпрямился и сѣлъ на постели.

*) Негры.

— Докторъ... это... ахъ! докторъ... я...

Дверь быстро отворилась. На порогъ послышался сдавленный крикъ, радостный стонъ умирающаго отвѣчалъ ему и Мэри бросилась къ постели Джона, а за ней и маленькая Алиса...

Докторъ молча вышелъ, безшумно закрывъ за собою дверь.

Джона Ричлинга къ утру не стало. Въ то время, какъ Мэри обливалась горькими вдовьими слезами, докторъ Севьеръ закрылъ глаза другу, преждевременная смерть котораго являлась результатомъ не какой-нибудь виновности его передъ человѣкомъ и передъ обществомъ, а послѣдствіемъ всей его природы, — природы тѣхъ людей, царство которыхъ еще не наступило на землѣ.

А. П.

Х А М Ъ *).

Повѣсть Элизы Ожешковой.

IV.

Прошло почти три года послѣ исчезновенія Франки, и Павелъ, по общему мнѣнію всѣхъ своихъ сосѣдей, началъ забывать о ней. Въ послѣднее время онъ даже повеселѣлъ. Повеселѣлъ, конечно, не въ томъ смыслѣ, чтобы сталъ принимать участіе въ разныхъ гулянкахъ, но меньше убѣгалъ людей, охотно разговаривалъ съ тѣми, кто спрашивалъ его о чемъ-нибудь, зимою ипогда заглядывалъ въ хату Филиппа и возился съ его дѣтьми. Правда, онъ сильно постарѣлъ; лысина его увеличилась, борода начинала все болѣе и болѣе бѣлѣть, спина сгорбилась, походка становилась все болѣе и болѣе тяжелою. Это не удивляло никого: какъ бы то ни было, лѣта Павла все прибывали, а работалъ онъ много, не покладая рукъ, даже больше, чѣмъ передъ своею женитьбой.

Въ одинъ изъ мартовскихъ дней онъ съ утра до ночи занимался исправленіемъ снастей для весенняго лова. Снѣгъ въ этомъ году стаялъ рано; Нѣманъ широко разлился и своими пѣнистыми, мутными волнами, казалось, хотѣлъ достать до вершины горы, на которой стояла маленькая деревушка.

Въ хатѣ Павла по всѣмъ стѣнамъ развѣшены сѣти всевозможныхъ размѣровъ, на столахъ и лавкахъ лежатъ связки веревокъ, багры и крючки. Данилка, теперь уже двадцатилѣтній, красивый парень, цѣлый день помогаетъ Павлу сучить веревки и сгибать крючки. Дѣлаетъ онъ все это тѣмъ съ болѣею охотою, что въ его душѣ живетъ страстная любовь къ рыболовству. Въ полдень пришла Уляна съ ребенкомъ на рукахъ. Этого ребенка крестили нынѣшнею зимой. На крестинахъ гостей было много и тутъ всѣ убѣдились, что Павелъ давно уже забылъ о своей негодницѣ-женѣ и

*) *Русская Мысль*, кн. V.

нисколько не горюетъ по ней. Да и понятно. Слава Богу, что онъ еще такъ дешево заплатилъ за свою глупость. На крестинахъ сына Филиппъ не мало подвыпилъ и рискнулъ даже пошутить съ Павломъ.

— А что, братъ, баба съ возу—возу легче, такъ, вѣдь?

Уляна уложила ребенка на постель брата и, болтая, принялась готовить ему обѣдъ. Говорила она обо всемъ: и о новыхъ доскахъ, которыхъ недостаетъ Филиппу для починки паромы, и о томъ, что у нихъ едва ли хватитъ хлѣба до новины, и о томъ, что старшій ея сынишка, Шимонекъ, не даетъ ей покою, все просить сапоги купить. Уляна при этомъ улыбается и думаетъ, что какъ было бы хорошо, еслибъ братъ устроилъ все это—и доски бы купилъ, и сапоги Шимонку, и хлѣба бы далъ...

Въ это время съ противоположнаго берега слышится громкій крикъ: «Паромъ! паромъ!»

Данило бросаетъ на половину скрученную веревку и бѣжитъ на помощь брату. Теперь не легко ладить съ бурною рѣкой. Кто знаетъ, справятся ли они вдвоемъ? Дѣйствительно, не проходитъ и минуты, какъ подъ окномъ Павловой хаты раздается крикъ Филиппа:

— Павелъ, приходи помочь, сдѣлай милость!

— А третье весло есть?—отвѣчаетъ Павелъ.

— Есть! какъ не быть!

Павелъ беретъ шапку и идетъ помогать зятю.

Уже стемнѣло, когда онъ возвратился домой. Въ хатѣ такъ тепло, тихо, а на дворѣ льетъ проливной дождь, воеетъ вѣтеръ, холодно...

Павелъ зажегъ лампочку, освободилъ одинъ уголъ стола отъ веревки и взялъ съ коммоды книжку. Книжка эта когда-то принадлежала Франкѣ. Въ первую зиму Павелъ прочиталъ страницъ шестьдесятъ, во вторую сто, въ третью еще больше, но, все-таки, не могъ одолѣть всей книжки. Молитвы, которыя ему нравились больше, онъ закладывалъ священными картинками. Этихъ картинокъ въ книгѣ было много. Тутъ находились и букеты цвѣтовъ, напечатанныхъ или наклеенныхъ на толстой бумагѣ, и красныя сердца, пронзенныя золотыми стрѣлами, и купидоны съ распущенными крыльями. Внизу или сбоку красовались надписи,—имена тѣхъ кавалеровъ, которые дарили картинки Франкѣ въ день именинъ или Нового года. Павелъ не умѣлъ разбирать писаннаго и принималъ купидоновъ за ангеловъ. И въ этотъ вечеръ, раскрывъ книжку, онъ набожно поцѣловалъ изображеніе купидона, держащаго красное сердце, и началъ читать въ полголоса, слегка замкаясь:

— «Ужась домъ твой, Сі... Сіо... Сіоне...»

Павель замолокъ, не спуская глазъ съ книжки. Кто это такой, Сіонъ? Должно быть, король какой-нибудь или панъ богатый.

— «И прими Царя—Христа...»

У воротъ послышался какой-то стукъ; собака Курта на сосѣднемъ дворѣ залаяла, ворота скрипнули. Павель поднялъ голову и началъ прислушиваться. Ничего; все тихо вокругъ. За окномъ темень страшная, хоть глазъ выколи, и вѣтеръ завываетъ все сильнѣе. Павель вновь взялся за книжку.

— «Возлюби Ма... Марію...» А! это какому-то Сіону, королю или пану богатому, святая книжка приказываетъ возлюбить Святую Дѣву...

Что это такое? Въ сѣняхъ точно скрипнуло, словно кто-то дверь отворилъ.

— Должно быть, Авдотья...—въ полголоса проговорилъ Павель, но тотчасъ же вздрогнулъ и выпрямился. Въ сѣняхъ послышались шаги, но не тяжелые шаги Авдотьи. Кто-то тихо, крадучись, несмѣло переступалъ съ ноги на ногу. Павель сидѣлъ неподвижно, не спуская глазъ съ двери. Но шаги смолкли, а дверь все не отворялась. Павлу показалось, что въ сѣняхъ кто-то тяжело дышетъ и при этомъ старается удержать свое дыханіе. Съ взволнованнымъ лицомъ и нахмуренными бровями онъ подошелъ къ двери и сильно толкнулъ ее.

— Кто тутъ?—окрикнулъ онъ.

Изъ мрака, наполняющаго сѣни, послышался несмѣлый голосъ:

— Это я.

— Кто?—повторилъ Павель и сдѣлалъ шагъ впередъ.

— Я... Франка!

Павель перескочилъ высокій порогъ и черезъ минуту втащилъ въ комнату невысокую, худощавую женщину въ грязномъ, насквозь промокшемъ пальто, съ головой, окутанной толстымъ, дырявымъ платкомъ. Когда скудное пламя лампы освѣтило ее, и она остановилась молча, опустивъ руки, Павель, не спуская съ нея взгляда, заикаясь проговорилъ:

— Это ты... ты...

Большіе черные глаза пришедшей сверкнули, а блѣдныя губы пролетали несмѣло, еле слышно:

— Я... не сердись...

Но Павель и не слыжалъ, что она говоритъ.

— Возвратилась-таки... а я ужъ и ждать пересталъ... сначала ждалъ было... а потомъ и пересталъ...

Онъ остановился, чтобы сдержать рыданія, которыя сдавливали его горло.

Женщина, неподвижно стоящая у порога, промолвила немного громче, но все такъ же робко:

— Если мнѣ можно остаться здѣсь, то хорошо, а нѣтъ, то я сейчасъ же уйду...

— Вотъ глупая!—громко разсмѣялся Павелъ.—Раздѣвайся, раздѣвайся, а то еще захвораетъ,—ишь промокла вся почти насквозь...

Отъ холода или еще отъ какой-нибудь причины женщина дрожала такъ, что у нея зубъ на зубъ не попадалъ. Она сказала, что пальто не сниметъ (дождь промочилъ его только сверху, а безъ пальто будетъ холодно), и сѣла на лавку съ поникшею головой и безсильно опущенными руками. Ея распущенные, растрепавшіеся волосы спадали въ беспорядкѣ на лобъ и на плечи и черною волной обрамляли желтое, страшно-измученное и исхудавшее лицо.

— Вернулась-таки...—опять заговорилъ Павелъ,—вырвалась-таки опять изъ дьявольскихъ когтей, вспомнила, гдѣ найти пріютъ и спасеніе... Охъ, бѣдная ты моя, несчастная!...

Онъ торопливо подошелъ къ печкѣ.

— Печку сейчасъ затоплю. Похлебки тебѣ горячей дамъ или чаю... согрѣешься, тебѣ и лучше станетъ...

Франка слѣдила за нимъ испуганными глазами и тихо вскрикнула.

Павелъ обернулся.

— Что ты? Больна, что ли? Внутри болитъ? Гора, должно быть, вынесла не мало... въ какую погоду пріѣхала... Погоди, погоди минутку. Сейчасъ огонь разведу.

Онъ въ нерѣшимости остановился посерединѣ комнаты.

— Щепокъ нѣтъ... о, чтобъ ихъ!... въ сѣняхъ остались. Погоди минутку!—Онъ хотѣлъ было отворить дверь, какъ Франка пронзительно закричала:

— Не ходи туда... не ходи...

Павелъ съ испугомъ посмотрѣлъ на нее.

— Отчего не ходить?

Франка затряслась, какъ въ лихорадкѣ, и, ломая руки, забормотала:

— Что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать? Что-то будетъ? Если пойдешь въ потемкахъ, то наступишь и раздавишь, а пойдешь со свѣтомъ... то увидишь и меня сейчасъ же прогонишь... Что мнѣ, го-

ремышной, дѣлать? О, Господи! о, Пресвятая Дѣва, спасите меня грѣшную!

— На кого я наступлю?—съ удивленіемъ спросилъ Павелъ, держась за щеколду двери.—Кто тамъ въ сѣняхъ?

Франка закрыла руками лицо и съ спазматическимъ рыданіемъ проговорила только одно слово:

— Ребенокъ!

Долго стоялъ Павелъ, какъ окаменѣлый, съ низко опущенною головой съ глубокими морщинами на лбу, наконецъ, медленно подошелъ къ столу, взялъ лампу и такъ же медленно пошелъ въ сѣни.

Черезъ минуту онъ вернулся съ чѣмъ-то, завернутымъ въ грубыя, сырыя лохмотья, и, не, говоря ни слова, положилъ свертокъ на лавку около Франки.

Франка слѣдила за нимъ своими горящими, встревоженными черными глазами; онъ, не смотря на нее, спросилъ, сильно понизивъ голосъ:

— Отчего ты прямо не принесла въ хату, а бросила, словно щенка, на холодъ?

Франка судорожно сжала руки.

— Боялась...

Павелъ подошелъ къ печкѣ и началъ разводить огонь. Та дикая, безумная радость, которая помимо воли проглядывала во всѣхъ его движеніяхъ, исчезла безъ слѣда. Теперь его лобъ былъ нахмуренъ и крѣпко стиснутыя губы придавали его лицу суровое, почти гнѣвное выраженіе. Онъ пододвинулъ поближе къ огню горшокъ съ похлебкой, заварилъ чай въ маленькомъ чайникѣ и положилъ на столъ большой каравай хлѣба.

— Иди ѣсть!

Это было первое слово, сказанное имъ за послѣднюю четверть часа, да и то проговорилъ онъ его, не смотря на Франку. Франка сидѣла не двигаясь, точно окостенѣла. Изъ лежащаго на лавкѣ свертка послышался пискливый голосъ:

— Ма-ма, ма-ма!

А Франка все не двигалась. Базалось, она не слышитъ и не видитъ ничего. Павелъ гнѣвнымъ движеніемъ обернулся къ ней. Морщины на его лбу сдѣлались еще глубже, а въ голосѣ явно звучали грозныя ноты:

— Отчего ты ребенка не раздѣнешь? Можеть, тебѣ хотѣлось бы, чтобъ онъ задохся, а?... Потаскушка!

Франка встала, какъ уюлотая, и дрожащими руками начала распутывать тряпки, укутывавшія ребенка. Вскорѣ на свѣтъ Бо-

жій появилось маленькое существо, босое, въ ярко-красной рубашкѣ, еле покрывающей худощавое, костлявое дѣтское тѣлце. Русые, густые и длинныя волосы, какъ растрепанная кудель, въ безпорядкѣ торчали во всѣ стороны, а черныя, какъ уголь, глаза ребенка такъ и впились въ лежащій на столѣ каравай хлѣба.

— Дай... дай!... — на всю комнату зазвенѣлъ тонкій голосокъ и къ столу потянулись маленькія, тонкія, какъ плети, ручонки.

— Чего же стоишь, какъ столбъ? — такимъ же рѣзкимъ голосомъ заговорилъ Павелъ. — Принеси его сюда и покорми. Слышишь, ну?

Послушная, какъ автоматъ, Франка поднесла ребенка къ столу и дала ему кусокъ хлѣба. Павелъ поставилъ передъ ними миску дымящейся похлебки.

— Ъшь сама и ребенка накорми, — сказалъ онъ и сѣлъ на лавку у стѣны.

Франка заставляла себя ѣсть, и не могла; пища не проходила въ ея горло, на глаза то и дѣло набѣгали непослушныя слезы. Въ комнатѣ царствовало молчаніе, прерываемое только тяжелымъ дыханіемъ Павла. Онъ долго смотрѣлъ на Франку и, наконецъ, спросилъ:

— Чего не ѣшь?

— Не хочу, — еле слышимымъ голосомъ отвѣтила Франка.

Павелъ всталъ, подошелъ къ печкѣ, поставилъ на столъ стаканъ чаю и снова сѣлъ на прежнее мѣсто. Ребенокъ отогрѣлся и, тяясь ручонкой къ стакану, запищалъ:

— Батъка! батъка!

Франка подносила къ его губамъ блюдо съ остывшимъ чаемъ, какъ вдругъ рука ея дрогнула, потому что изъ угла послышался низкій, хотя менѣе суровый, чѣмъ прежде, голосъ Павла:

— Крещеный?

— Какъ же, крещеный! — отвѣтила Франка.

— А какъ зовутъ его?

— Октавіанъ.

— *Хтавъанъ*, — повторилъ Павелъ и замолчалъ на минуту. —

А сколько ему?

— Годъ восемь мѣсяцевъ.

Ребенокъ проглотилъ нѣсколько глотковъ чаю, остальное съ жадностью допила Франка и сѣла при этомъ два кусна хлѣба.

— Еще хочешь? — спросилъ Павелъ.

Франка тихо отвѣтила, что больше чаю не хочетъ, и ребенокъ

заснулъ. Павелъ показалъ рукою на лавку съ разостланнымъ на ней войлокомъ.

— Ну, иди спать!... Ложись и ребенка съ собой положи...

Франка встала и молча остановилась передъ нимъ.

— Что тебѣ надо?

Она схватила его руку и поднесла къ своимъ губамъ. Павелъ вырвалъ руку и повернулся лицомъ къ стѣнѣ.

— Ну, иди спать... Бѣгъ съ тобой... — проговорилъ онъ и словно противъ воли провелъ рукою по ея волосамъ.

Павелъ погасилъ лампу и залилъ водою уголья въ печкѣ. Въ комнатѣ воцарились полнѣйшая тишина и мракъ. Франка сейчасъ же заснула, но Павлу было не до сна. Разнообразныя чувства вихремъ вставали въ его душѣ и рвали ее на части. Это маленькое существо, такъ неожиданно свалившееся въ его хату, прибавило ли хоть каплю горечи къ чашѣ его скорби? Конечно, нѣтъ; но видѣть каждый день, каждую минуту свой позоръ, не имѣть возможности хоть краткій мигъ позабыть о немъ... Павелъ до боли сжималъ руки и шепталъ: «О, Господи, Господи! Что дѣлать, что дѣлать?» Завтра, чуть свѣтъ, не отдать ли ей всѣ деньги, что спрятаны подъ печкой, всѣ, до послѣдней копейки, чтобы она, виѣстѣ со своимъ ребенкомъ шла куда глаза глядятъ на погибель? На погибель! А, вѣдь, онъ клялся передъ Богомъ и самимъ собой, что спасетъ ее отъ гибели. Она пришла къ нему за этимъ спасеніемъ; можетъ, теперь именно и настала такая минута, когда она отречется отъ дьявола и поведетъ добрую жизнь? Какъ бы не такъ! Надежды мало! Когда же это бывало, чтобы пьяница отказался отъ водки? А она хуже всякой пьяницы, хотя и не пьетъ водки. А вдобавокъ, чужаго ребенка придется навсегда взять къ себѣ въ хату и щеголять передъ добрыми людьми ея грѣхомъ и своимъ позоромъ. Вотъ поидетъ хохотъ по всей деревнѣ, когда узнаютъ, что Павелъ лакейскаго сына воспитываетъ! Стыдъ, срамъ! И жалость такая, что все сердце кровью обливается...

— Не хочу, — срывается съ устъ Павла, — ни за что, ни за что!

Но если онъ теперь выгонитъ Франку, она уже не вернется никогда, никогда не видать ему ея свѣтлыхъ глазъ, не гладить ея мягкихъ волосъ, не слышать ея веселаго, звонкаго смѣха, который ему нравился больше всего на свѣтѣ... И въ хатѣ слышались глухія рыданія.

— Не могу я! охъ, Господи Ты милостивый, не могу, не могу. Что мнѣ дѣлать?...

Когда тусклый разсвѣтъ мартовскаго дня заглянулъ въ хату,

Павелъ проснулся послѣ короткаго сна и, приподнявшись на локтѣ, долго смотрѣлъ на кровать, стоящую у противоположной стѣны. Полураздѣтая Франка спала мертвымъ сномъ. Страшная худоба ея плечь выказывалась со всею неприглядною яркостью, изъ-подъ подола обтрепаннаго платья видѣлись ноги въ забрызганныхъ грязью чулкахъ. Страшною нуждою и лишениями вѣяло отъ всей этой жалкой фигурки съ густыми прядями распущенныхъ черныхъ волосъ, сквозь которые проглядывала желтизна ея лица. Павелъ не спускалъ съ нея своихъ глазъ, а на его лобъ набѣгали все новыя и новыя морщины. Вдругъ, совершенно неожиданно для него самого, въ глазахъ его промелькнулъ свѣтлый лучъ, а по губамъ скользнула слабая улыбка. Красный комочекъ, до сихъ поръ неподвижно лежащій около Франки, вдругъ зашевелился. Изъ-подъ рваной рубашонки выставились сначала голыя руки, потомъ выглянула голова съ цѣлою копной свѣтлыхъ волосъ. Ребенокъ долго осматривался по сторонамъ, — видимо, его интересовала незнакомая обстановка, — наконецъ, приподнялся на постели и забормоталъ что-то невнятное.

Что говорилъ онъ, разобрать было невозможно, но улыбка на губахъ Павла становилась все шире, глаза потеряли свое угрюмое выраженіе и, наконецъ, встрѣтились съ глазами ребенка.

— Поди сюда... — шепотомъ проговорилъ Павелъ.

Ребенокъ испугался и съѣжился снова въ комочекъ, но Павелъ опять поманилъ его пальцемъ и повторилъ:

— Поди сюда, сахару дамъ...

Мальчикъ опустилъ ноги на полъ и въ ожидательной позѣ усѣлся на кровати. Павелъ пошелъ по направленію къ красному шкафу. Когда онъ обернулся назадъ, за нимъ стояло маленькое созданье и нетерпѣливо протягивало впередъ обѣ руки.

— Дай... дай... дай! — на всю комнату зазвенѣлъ тонкій голосокъ.

Красная рубашка ребенка, усѣянная черными горошинами, напомнила Павлу маленькое, безвредное насѣкомое, колышющееся на лѣсной былинкѣ. Павелъ взялъ его на руки.

— Охъ ты, Божья коровка крохотная! — зашепталъ онъ, — Божье творенье, ни въ чемъ неповинное.

Онъ сѣлъ на лавку у окна. Солнце уже всходило и своими золотистыми лучами пронизывало сивій предъутренній туманъ. На дворѣ Бозлюка весело бѣгалъ взадъ и впередъ желтый Бурта, размахивая хвостомъ изъ стороны въ сторону. Ребенокъ держалъ въ

одной ружь кусокъ хлѣба, въ другой сахаръ, не сводилъ съ Курты восхищенныхъ глазъ и, наконецъ, закричалъ:

— Тютя! тютя!

— Да, тютя... собачка!—подтвердилъ Павелъ.

Мальчикъ повернулъ къ нему голову и спросилъ:

— А ты кто?

Павелъ не отвѣчалъ и отвернулся въ сторону.

Когда Франка проснулась и открыла глаза, на лицѣ ея выразилось изумленіе, граничащее почти со страхомъ. Павелъ сидѣлъ у окна и держалъ на колѣняхъ ребенка, который запустилъ свои ручонки въ его короткіе, сѣдѣющіе волосы. Франка соскочила съ постели, тихо подошла къ лавкѣ и сдѣлала движеніе, какъ будто хотѣла взять ребенка. Павелъ обернулся, уловилъ ее перепуганный взглядъ и, прижимая къ себѣ ближе мальчика, коротко произнесъ:

— Ненужно!

— Наскучить!—тихо замѣтила Франка.

Онъ не отвѣчалъ ничего. Франка дрожала всѣмъ тѣломъ и куталась въ свое дырявое пальто, хотя въ комнатѣ не было холодно.

— Можетъ быть, огонь развести?—спросила она.

— Разведи.

Франка начала возиться около печи, и хотя нѣсколько разъ изъ ея груди вырывались стоны, скоро развела огонь.

— Можетъ быть, картофелю сварить?—опять спросила она, не поворачивая головы.

— Свари,—отвѣтилъ Павелъ, отрѣзалъ кусокъ хлѣба, опустилъ его въ карманъ и, взявъ шапку, пошелъ къ двери, но на порогѣ остановился и посмотрѣлъ на женщину, стоящую у печки.

— Все въ этой хатѣ на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ и прежде было,—началъ онъ тихимъ голосомъ.—Бери что нужно, готовь, сама ѣшь и ребенку дай. Дѣлай, что хочешь. Ты опять здѣсь такая же хозяйка, какъ была и прежде.

Франка слушала Павла съ тревогой въ глазахъ, но при послѣднихъ словахъ сдѣлала такое движеніе, какъ будто собиралась броситься къ нему на шею. Но Павелъ быстро сдѣлалъ шагъ впередъ и, не оборачиваясь, закончилъ:

— Вернись передъ вечеромъ... Если боишься одна оставаться, запри дверь на задвижку.

Рѣшеніе окончательно созрѣло въ головѣ Павла, но какая-то потребность, все-таки, влекла его на вольный воздухъ, къ быстрой, бурливой рѣкѣ,—рана въ душѣ была еще свѣжа и сочилась кровью. Спусти нѣсколько минутъ его челнокъ быстро мчался вдоль по те-

чѣнію. Быстрыя, мутныя волны пѣли Павлу нескончаемую пѣсню о мукахъ обманутой любви, о терніяхъ ревности, о сладостяхъ надежды, смѣшанныхъ съ отравою воспоминаній о прошломъ. Пѣли онѣ ему, можетъ быть, о святѣйшей изъ всѣхъ обязанностей чело-вѣка—спасать своего ближняго отъ гибели, о той обязанности, о которой онъ было забылъ и которая теперь вновь заговорила въ его душѣ и яркимъ свѣтомъ озарила его лицо.

Павель вернулся домой за часъ до сумерокъ. Франка лежала на кровати, но не спала. При видѣ мужа она быстро приподнялась и сорвала съ головы намоченный въ водѣ платокъ.

— Голова болитъ? — спросилъ Павель, ставя у стѣны весла.

Нѣтъ, голова у нея не болитъ, теперь ей гораздо легче, она отдохнула...

— Ну, и хорошо, что отдохнула...—Павель помолчалъ мину-ту и потомъ спросилъ:—А Хтавьянъ гдѣ?

— Заснулъ. Цѣлый день возился въ хатѣ такъ, что утѣшился Богъ. Все кричалъ, все спрашивалъ: это что? это что? и я такъ боялась, чтобы онъ чего-нибудь не сломалъ, не испортилъ. Но теперь, слава Богу, заснулъ...

Все это Франка говорила уже смѣлае и громче, но съ постели не вставала.

— Башу гречневую я сварила... въ печкѣ стоитъ... должно быть, не остыла.

Павель отрѣзалъ кусокъ хлѣба и вынулъ изъ печки горшокъ съ кашей. Вѣдь онъ медленно, не спѣша, стоя у печки, затѣмъ сѣлъ на лавку и обратился къ женщинѣ, неподвижно сидящей на кровати:

— Поди-ка сюда, потолкуемъ.

Голосъ его показался Франкѣ такимъ же мягкимъ и ласковымъ, какъ и прежде, но она не бросилась къ нему на шею. Хотя Павель сказалъ раньше, что все должно быть попрежнему, она еще сомнѣвалась, какъ онъ теперь поступитъ съ нею.

— Ну, — заговорилъ Павель, — много горя натерпѣлась или нѣтъ? Довольна, что отъ меня ушла по дорожкѣ, которая ведетъ къ гибели? Хороша, должно быть, эта дорожка, если ты вернулась назадъ, какъ измученная вляча, больная и ободранная, а?... Зачѣмъ уходила и зачѣмъ возвратилась?... Говори же!

О, только этого и нужно было, чтобы развязался ея языкъ, чтобы изъ ея устъ широкою рѣвой хлынулъ накопившійся въ ея груди за три года запасъ злобы, негодованія и горя. Быстрѣе молніи промелькнуло въ ея головѣ воспоминаніе о той минутѣ на остро-

вѣ, среди душистыхъ цвѣтовъ, когда она разсказала Павлу все свое прошедшее, а онъ обошелся съ нею какъ отецъ съ ребенкомъ, какъ исповѣдникъ съ кающеюся грѣшницей, и даже началъ любить ее съ тѣхъ поръ. Воспоминаніе это придало ей еще больше смѣлости и бросило еще болѣе мрачную тѣнь на послѣдніе три года ея жизни. Со всею рѣзкостью откровенности, не щадящей никого и ничего, Франка разсказала, что влюбилась въ лакея какъ сумасшедшая; она сама не знаетъ, когда это и какъ случилось, — просто-на-просто поняла, что жить безъ него не можетъ. Онъ тоже бо-жился, что будетъ всегда любить ее, не покинетъ, пока живъ. А говорилъ онъ такъ сладко, такой былъ деликатный, словно настоящий баринъ. Онъ тоже былъ изъ хорошаго семейства, — отецъ его былъ шляхтичъ, а дѣти пошлѣ въ услуженіе только по необходимости. Франка сразу поняла все это и почувствовала къ нему еще большее влеченіе. Сначала ей было хорошо и очень весело съ нимъ. Мѣсто она сразу нашла въ такомъ домѣ, гдѣ прислуги было много, а работы почти никакой. Бароль приходилъ къ ней почти каждый день, по воскресеньямъ и праздникамъ бралъ ее на гулянья, водилъ въ театръ. Такъ дѣло шло нѣсколько мѣсяцевъ, затѣмъ вдругъ — трах! — взялъ и уѣхалъ, — съ бариномъ своимъ уѣхалъ куда-то въ отдаленный городъ.

Прощаясь съ нею, онъ плакалъ, рѣкой разливался, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, говорилъ, что такого выгоднаго мѣста на всемъ свѣтѣ не сыщешь и что онъ былъ бы сумасшедшимъ, еслибъ отказался отъ него. Какъ она ни просила, какъ ни молила, чтобъ онъ ее взялъ съ собою, Бароль не соглашался, хотя не переставалъ плакать: «Что я съ тобой буду дѣлать? какъ я такую обузу навяжу себѣ на шею?» — и уѣхалъ, а она, спустя двѣ недѣли послѣ его отъѣзда, за нимъ помчалась. Думала, что успѣеть доѣхать до того самаго города, но несчастіе постигло ее раньше, чѣмъ она предполагала. Родился ребенокъ. Окрестила ее Франка Октавьяномъ, потому что это очень хорошее имя и въ простонародьѣ не употребляется. Она даже не могла писать къ Баролу, потому что не знала ни улицы, ни дома, гдѣ онъ со своимъ бариномъ проживаетъ. А Бароль или самъ не зналъ ничего, когда прощался съ ней, или притворялся, что не зналъ. Ужь и натерпѣлась же она горя, — такого горя, какого еще и не знала до сихъ поръ! Всѣ деньги, какія у ней были, пошли на наемъ угла у бѣдной-прѣбѣдной прачки, а для того, чтобъ не умереть съ голоду, пришлось продавать платья, бѣлье, — все, что было нажито на послѣднемъ мѣстѣ. Въ незнакомомъ городѣ не такъ-то легко найти какое-нибудь занятіе. Нѣсколько мѣся-

цевъ она занималась поденно бѣлье стирать, даже полы мыть, а тутъ еще ей приходилось самой кормить ребенка, силы ея истощались, а заработокъ все уменьшался и уменьшался. Въ счастію, вскорѣ она нашла мѣсто, ребенка оставила у прачки. Ей было бы хорошо, еслибъ не злоба на того мерзавца, который покинулъ ее въ такомъ безпомощномъ положеніи. По временамъ она въ клочки рвала свое платье, а въ головѣ у нея что-то кипѣло, точно вода въ котлѣ. Въ особенности ее раздражала злость, когда она вспоминала о Павлѣ, объ его добротѣ, о тихой хаткѣ,—такая злость, что, кажется, всякому, кто на глаза ни покажись, такъ бы и вцѣпилась въ горло. Въ одну изъ такихъ минутъ попалась ей на глаза кухарка, и Франка угодила ей прямо въ голову горшкомъ съ горячею водою. Въ домѣ поднялся страшный переполохъ; мировой присудилъ ее на три мѣсяца въ острогъ. Дѣлать нечего, пошла Франка въ острогъ. Чего ей наглядѣться пришлось тамъ, чего послушаться, Боже всемилостивый! Одна изъ женщинъ, съ которыми пришлось сидѣть Франкѣ, мужа своего отравила, другая ребенка задушила, были и поджигательницы, и воровки. Стыдно ей было сидѣть съ такими злодѣями, тѣмъ болѣе, что онѣ были простыя бабы и говорили по-мужицки. Голова у Франки начинала болѣть все больше и больше,—шумъ въ ушахъ; тяжесть невыносимая. По выходѣ изъ тюрьмы пришлось прямо ложиться въ больницу. Тамъ она пробыла нѣсколько мѣсяцевъ, и, странное дѣло, горячки у нея не было, а по временамъ находило на нее такое забытье,—и смѣяться хотѣлось, и плакать,—просто душа съ тѣломъ разстается. Когда находило на нее, Франка рвала въ клочки больничныя простыни и била стклянки съ лѣкарствами. Наконецъ, доктора вымечтали ее, головныя боли прошли, шумъ въ ушахъ унялся, и Франка почувствовала себя гораздо лучше. Вышла она изъ больницы и такъ ей захотѣлось идти къ Павлу, какъ хочется пить человѣку, которому три дня воды не давали. «Иди и иди!»—только и стояло у нея въ головѣ. Пробовала она заниматься опять на поденную работу, но охотниковъ нанимать ее было мало,—всѣ знали ея послѣднюю исторію. А, въ добавокъ ко всему, прачка не хотѣла больше держать у себя ни Франку, ни ея ребенка. Что тутъ дѣлать? Куда преклонить голову, да еще не одной, а съ ребенкомъ? Франка почувствовала, что силы вновь оставляютъ ее, въ головѣ снова начинается шумъ... Продала она все, что у нея было, взяла ребенка и поѣхала. Сначала по чугункѣ ѣхала, а отъ ближайшаго города мужикъ какой-то подвезъ (по дорогѣ ему было) за пятнал-

дарила его за то, что онъ не выгналъ ее изъ своей катъ и хочетъ быть отцомъ ея ребенка. Она и придумать не можетъ, какими словами выразить свою радость. Она клянется всемъ святымъ, что отнынѣ до самой смерти будетъ во всемъ слушаться его, любить и уважать; а когда перестанетъ, то сама себѣ петлю на шею накинеть или отравится, чтобы земля не носила на себѣ такого чудовища, каковымъ она будетъ тогда.

Павелъ поставилъ ребенка на землю, посадилъ на лавку ползающую у его ногъ женщину и тихо заговорилъ съ ней:

— Полно... ну, полно, бѣдная ты моя, несчастная ты моя! Ну, успокойся!

Франка осыпала поцѣлуйми его руки, но приблизиться къ нему, обнять его не смѣла. Изъ устъ ея лились горячіи рѣчи:

— Отъ смерти ты меня, милый, золотой, брилліантовый, спасъ, отъ лютой смерти... Я ужь такъ рѣшила, что если ты меня прогонишь, ребенка оставлю гдѣ-нибудь у порога, а сама отравлюсь...

Она вынула изъ кармана бумажку и показала щепотку бѣлаго порошка.

— Видишь?—отрава...

— Во имя Отца и Сына...—Павелъ перекрестился.—И на это тебя тоже натолкнула нечистая сила. Откуда ты взяла отраву?

— Откуда взяла?

О, она всегда добьется того, чего хочетъ. Женщина, которая сидѣла съ нею вмѣстѣ въ острогѣ за отравленіе мужа, рассказала, какъ и гдѣ можно достать яду. Франка, собираясь къ мужу, думала: если Павелъ прогонитъ, то ничего не остается дѣлать, какъ повѣситься или отравиться. Но повѣситься — это скверно. Вѣшаются только простые люди. Но теперь ядъ не нуженъ, потому что Павелъ простилъ ей все, и она снова будетъ любить и уважать его, и сидѣть себѣ смирно-пресмирно въ своей каткѣ, какъ у Христа за пазухой... При послѣднихъ словахъ она спрятала бумажку съ порошкомъ обратно въ карманъ, вскочила съ лавки и съ веселымъ смѣхомъ запрыгала по катѣ. Но Павлу было не до смѣха,—онъ чувствовалъ, что его разбираетъ какой-то безотчетный страхъ.

— Какъ темно сдѣлалось!—замѣтилъ онъ и поторопился засвѣтить лампу.

Франка принялась наставлять самоваръ и дѣлала это такъ самоувѣренно, что видно было, какъ она мало-по-малу входитъ въ прежнюю роль хозяйки. За чаемъ она подробно спрашивала о

всѣхъ деревенскихъ знакомыхъ. Павелъ отвѣчалъ охотно. Такъ прошелъ часъ, и когда Хтавьяна уложили въ постель, а Франка притихла и начала позѣвывать, Павелъ всталъ съ лавки и сказалъ:

— Ну, Франка, теперь почитаемъ вмѣстѣ молитвы.

Франка съ изумленіемъ посмотрѣла на него.

— Ну, да! До сихъ поръ ты безъ Бога жила, вотъ поѣтому нечистому и не трудно было подступиться къ тебѣ. И я тоже не хорошо поступалъ, что не училъ тебя молиться. Теперь ты опять сошла съ дороги, что ведетъ прямо въ адъ, и, можетъ быть, никогда не вернешься на нее, можетъ быть, опаматуешься, образумишься, и все пойдетъ какъ нужно... Вотъ въ этой святой книжкѣ пишутъ, чтобы Сіонъ возлюбилъ Пречистую Дѣву Марію... можетъ быть, и ты возлюбишь Ее, и Она спасетъ тебя отъ всего злаго... Становись на колѣни и повторяй за мною...

Павелъ прочиталъ нѣсколько молитвъ, набожно поцѣловалъ картинку съ изображеніемъ купидона, держащаго вѣнокъ изъ розъ, и всталъ съ колѣнъ. Лицо его было совершенно ясно, со лба сбѣжали всѣ морщины. Онъ ласково посмотрѣлъ на Франку, и какъ часъ тому назадъ всѣ его тревоги смолкли при видѣ яснаго взора ребенка, такъ теперь общая молитва съ этою женщиной, оказалось, совершенно очистила ее въ его глазахъ. Въ первый разъ послѣ долгой разлуки онъ обнялъ ее и припалъ къ ея устамъ долгимъ поцѣлуемъ, какъ истомившійся жаждой человекъ припадаетъ къ свѣжей и чистой струѣ родника.

— Охъ, Франка! — шепталъ онъ, — ужь и люблю же я тебя, страхъ какъ люблю! Господь Богъ дастъ, ты теперь будешь хорошо женщиной... я вижу, что тебѣ и самой хочется этого! Голубка ты моя! бѣдная ты моя!

На утро, вскорѣ послѣ разсвѣта, Павелъ обернулъ Хтавьяна платкомъ Франки и вынесъ въ сѣни. Долго простоялъ онъ у дверей сѣней. Видно было, что въ немъ борятся противоположныя чувства, что ему трудно показаться передъ людьми съ этимъ ребенкомъ на рукахъ. Лакейское отродье, съ конца свѣта сюда занесенное! Стыдь!... Но у Павла были свои соображенія, въ силу которыхъ онъ хотѣлъ заявить публично, что примирился съ женой и призналъ ея ребенка за своего. Этимъ онъ всѣмъ позаткнетъ рты и дастъ понять, что не позволить обижать ни Франку, ни ея ребенка. Но въ послѣднюю минуту отвага Павла ослабѣла и минуты двѣ онъ неподвижно простоялъ передъ дверью.

— Господу Богу въ жертву... за ея избавленіе, за спасеніе души грѣшной... — наконецъ, прошепталъ онъ, отворилъ дверь, бы-

стро перешелъ черезъ дворъ и остановился у воротъ. День былъ теплый, солнечный; съ крышъ падали на землю бриллиантовыя капли, на ближайшихъ деревьяхъ громко и весело щебетали воробьи. Мимо Павла проходили люди съ вилами, топорами, лопатами, и Павелъ ласково кивалъ всякому головой и встрѣчалъ какимъ-нибудь привѣтствіемъ. Изъ мужиковъ никто не обратилъ никакого вниманія на ребенка, — должно быть, Улянинъ, — а, впрочемъ, имъ дѣла никакого нѣтъ, у самихъ хлопотъ полонъ ротъ. Но мимо проходили двѣ бабы; одна изъ нихъ только широко выпучила глаза и пошла дальше, другая остановилась, покачала головою, пожевала губами и, наконецъ, спросила:

— Чей это?

— Мой, — отвѣтилъ Павелъ, улыбаясь.

Женщина полуконфузливо, полунасмѣшливо засмѣялась.

— Когда же это тебѣ Богъ далъ?

— Когда бы не далъ, все равно, только далъ.

Павелъ ласково поцѣловалъ Хтавьяна въ лобъ. Женщина еще разъ покивала головою и исчезла въ дверяхъ Бозлюковой хаты. Черезъ нѣсколько минутъ на порогъ появилась Уляна со всѣми своими ребятами. На влажной травѣ маленькаго дворика, освѣщенная яркими лучами весенняго солнца, въ короткой юбкѣ, доходящей только до щиколокъ, она казалась олицетвореніемъ силы и здоровья. Вслѣдъ за нею появился высокій, стройный Филиппъ, а изъ-за его спины показалось румяное, любопытное лицо Данилки.

Павелъ пошелъ на встрѣчу сестрѣ, остановился, не доходя до нея одного шага, и сказалъ своимъ медленнымъ голосомъ:

— Франка вернулась...

Уляна кивнула головою. Она еще вчера узнала объ этомъ отъ Данилки, который имѣлъ привилегію первымъ узнавать, гдѣ и что случилось, но что Франка привезла съ собою и ребенка — этого даже и Данилка никакъ не могъ разузнать. Теперь Уляна поняла все и смотрѣла на Хтавьяна съ нескрываемымъ презрѣніемъ. Филиппъ молчалъ, молчалъ, но подъ конецъ не могъ скрыть своего негодованія и громко сплюнулъ на сторону, а Данилка припалъ головою къ плечу брата, чтобы не расхохотаться вслухъ. На лобъ Павла опять набѣжали морщины, но онъ опустилъ глаза на ребенка и тихо проговорилъ:

— Ни въ чемъ онъ не повиненъ... Божіе твореніе.

— Да, вѣдь... — начала было Уляна, но Хтавьянъ въ эту минуту увидалъ пролетающаго мимо воробья и разразился громкимъ смѣхомъ.

Глаза Уляны смягчились, а Павелъ прибавилъ:

— Сирота... безпомощный...

— Да, все-таки...—Уляна послѣ нѣкотораго колебанія опустила грудь и руки ребенка.

— Ишь, бѣдняжка, только кости и кожа... Много ему?

— Годъ восемь мѣсяцевъ,—отвѣтилъ Павелъ.

— А-а!—изунилась Уляна и посмотрѣла на одного изъ своихъ дѣтей.—Моему годъ двѣнадцать недѣль, а посмотри какой!

Удовольствіе и гордость широкою волной разлились по ея румяному лицу. Потому она взглянула на Хтавьяна уже съ сожалѣніемъ, пожалуй, даже съ сочувствіемъ. За то Филиппъ не вытерпѣлъ:

— Павелъ, эй, Павелъ! на что тебѣ этотъ пащенокъ? Не стыдно тебѣ будетъ добрымъ людямъ въ глаза смотрѣть?

Глаза Павла вспыхнули.

— Стыдно? Грѣха стыдиться нужно, а надъ несчастнымъ сиротою сжалиться никакого стыда нѣтъ. Я Бога за него благодарю. При ребенкѣ и ей въ хатѣ веселѣе будетъ, дурныя мысли не такъ въ голову идти будутъ,—глядишь, она и исправится...

— О!—презрительно и грубо засмѣялся Филиппъ,—когда она исправится, то на всей землѣ рай воцарится. Только этого никогда не будетъ.

Въ эту самую минуту черезъ невысокій плетень, раздѣляющій сосѣдніе дворы, перескочила Франка и съ громкимъ смѣхомъ приближалась къ маленькой кучкѣ разговаривающихъ людей. Лицо ея поражало своею худобой и желтизной, но за то волоса были гладко причесаны и отливали синеватымъ отливомъ. Франка бросилась на шею Улянѣ, поцѣловала ее въ обѣ щеки, Филиппу подала руку, а Данилку потрепала по плечу.

— Какъ поживаете?—застрелотала она,—какъ поживаете, милые мои, золотые, брилліантовые? Давно я васъ не видала! Тебѣ, Уляна, за это время Богъ двоихъ дѣтокъ послалъ? А Данилка-то какъ выросъ! Теперь парень хоть куда! Вотъ, видите, и я вернулась, а Павелъ такой добрый, что ни одного слова худаго мнѣ не сказалъ. Вонъ онъ какой добрый! Такого добраго на семь свѣтъ не найдешь. Хату я подмела, огонь развела и сейчасъ же къ вамъ, милые мои, дорогіе, повидаться.

Базалось, она готова была отдать этимъ людямъ всю свою душу,—такъ сильно любила она ихъ. Да, въ эту минуту Франка любила рѣшительно всѣхъ; она была покойна за свое будущее, опять влюблена въ Павла, счастлива. И при этомъ ни капли стыда. Она

стыдилась Павла, когда возвращалась въ его хату, да еще съ чужимъ ребенкомъ на рукахъ, но чего ей стыдиться передъ посторонними людьми? Уляна отъ изумленія окаменѣла, Филиппъ презрительно улыбался. Павелъ приблизился къ Франкѣ и сказалъ оухо:

— Возьми ребенка и ступай въ хату. Подожми корову и обѣдь приготовишь, да скорѣе, а то мнѣ въ городъ ѣхать нужно.

Прошло два мѣсяца. Старая Авдотья сидѣла однажды на травѣ не далеко отъ своей хаты, отогрѣвала на солнышкѣ свои косточки и начинала было дремать, какъ вдругъ увидала Павла.

— Бумъ, а, кумъ! — кригнула она. — Слышишь, что ли? Подика сюда!

Павелъ повернулся въ ея сторону. Теперь держался онъ прямо, движения его были самоувѣренны. Словно онъ опять помолодѣлъ на нѣсколько лѣтъ.

— Здравствуй, Авдотья! — сказалъ онъ, подходя ближе.

— Ну, что, какъ ты? — спросила старуха.

Павелъ понялъ, о чемъ идетъ рѣчь, и, улыбаясь, отвѣтилъ:

— Ничего, хорошо. Все, слава Богу, хорошо. Хоть бы такъ до самой смерти дожить.

— А я вчера у васъ въ хатѣ была, хотѣлось посмотрѣть на васъ и на ваше житье-бытье... Тебя не видала, ты еще съ рѣки не вернулся, а хозяйку твою видѣла. Не такая она, какъ была прежде, измѣнилась теперь.

— А Хтавьяна видѣла? — спросилъ Павелъ.

— Еще бы нѣтъ! На руки брала... легонькій такой, словно перышко... А жена твоя въ огородѣ работаетъ.

— Работаетъ, — съ довольнымъ видомъ отвѣтилъ Павелъ, — весь огородъ вскопала. И все дѣлаетъ: обѣдь готовить, коровъ доить, хлѣбы печеть, — такъ ужъ приказано.

— Ты, что ли, приказываешь?

— А кто-жь другой? Утромъ я бужу ее рано, заставляю вѣсть со мною читать молитвы, а потомъ гоню на работу. Только на рѣку ее за водой не посылаю, потому что у ней силы для этого мало... а на что силы хватаютъ, все должна дѣлать.

— И слушаетъ она тебя?

Павелъ утвердительно кивнулъ головою.

— Слушаетъ. Бываетъ, иногда разсердится, а слушаться должна. Теперь ужъ ей ничего не поможетъ: никакой гнѣвъ, никакія ласки ея не помогутъ, — она свое, а я свое. Трудись, говорю, Богъ всякому человѣку повелѣлъ трудиться... Святою молитвой всякую нечистую силу отъ себя отогнать можно, а за работой ни-

жакія дурныя мысли въ голову тебѣ лѣзть не будутъ. Вотъ иди съ ней теперь дѣло веду!

— Хорошо, Павелъ, вотъ это хорошо! — энергично подтвердила Авдотья. — Я тебѣ и прежде говорила, что такъ нужно съ нею поступать, не давать ей барствовать...

— Мнѣ прежде сдавалось, — раздумчиво сказалъ Павелъ, — что если послѣ каторжнаго житья я дамъ ей волю и увидить она хорошее, то дурнаго ужъ и не захочетъ, а потомъ и самъ увидалъ, что нужно было не такъ дѣйствовать. Нужно было молитвой Господа Бога призывать, а работой отгонять нечистаго. Теперь я ужъ ей никакой поблажки не даю. Сдѣлаетъ что-нибудь дурное, сейчасъ я ее и проберу...

У Авдотьи отъ любопытства даже рѣсеницы замигали.

— А что она такое надѣлала? — поспѣшно зачастила старуха.

Но Павелъ только небрежно махнулъ рукою.

— Пустяки! — отвѣтилъ онъ, — носсорилась съ Уляной въ огородѣ; третьяго дня вставать рано не хотѣла, ребенка исколотила ни за что, ни про что. Ужъ у нея характеръ такой, — удержу нѣтъ. Я за все ее пробралъ... Она плакала такъ, что просто Боже упаси, а для меня хуже нѣтъ, какъ видѣть, что она плачетъ. Но теперь ужъ и это не поможетъ, — какъ бы ни плакала, а я все свое дѣло сдѣлаю... Да, впрочемъ, это ужъ недолго будетъ. Скоро на нее и кричать не за что будетъ..

— Почему такъ? — спросила Авдотья.

— Вотъ и умная баба, а спрашиваетъ: почему? — засмѣялся Павелъ. — А молитва святая, а работа? Если и работа, и молитва зла того не осилить, то скоро бы конецъ свѣту наступилъ. Да какъ не осилить? — осилить, какъ Богъ святъ...

Въ тотъ же самый день вечеромъ Франка сидѣла у дверей своей хаты, со Хтавьяномъ на колѣняхъ. Теперь она была одѣта снова въ крестьянскій костюмъ, но уже безъ всякихъ украшеній; и бусы, и ожерелье, и серьги, — все пропало во время ея послѣднихъ приключеній. За плетнемъ виднѣлась слабая и жалкая зелень огорода, вскопаннаго руками Франки. То ли дѣло огородъ Уляны! Тамъ всякое растеніе точно щеголяло своею силой и здоровьемъ, а здѣсь чахлая былинки еле-еле выглядывали надъ поверхностью земли. Занимаясь въ своихъ огородахъ, обѣ женщины видались каждый день и однажды Уляна, возмущенная небрежною работой Франки, называла ее «барыней». Франка подняла голову и ядовито отвѣтила:

— Конечно, не такая хамка, какъ ты!

Тогда Уляна прогнала со своей половины Хтавьяна, который

лѣпишь разныя фигурки съ трехлѣтнею Мариськой. Попросту говоря, она взяла и перебросила его черезъ низкій плетень, раздѣляющій оба огорода. Глаза ея горѣли болѣе презрѣніемъ, чѣмъ гнѣвомъ, но изъ устъ не вылетало ни одного слова, несмотря на градъ насмѣшекъ и ругательствъ Франки.

Франка сидѣла задумавшись и невольно вздрогнула, когда услышала за собой хриплый голосъ:

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа...

Она оглянулась и встрѣтилась съ опухшими, красными глазами старой нищенки.

— Марцела!—съ радостью крикнула она.

— А Павла нѣтъ дома? — хриплымъ шепотомъ спросила нищенка, выставляя изъ-за угла свою голову, повязанную рваными лохмотьями.

— Нѣту, нѣту! на три дня уѣхалъ на рѣку!—послѣшно заговорила Франка и побѣжала на встрѣчу нищенки. — А я-то такъ ждала тебя, спрашивала о тебѣ у всѣхъ... Всѣ говорятъ: нѣтъ Марцелы; какъ ушла передъ Пасхой, такъ и не возвращалась. Мы уже думали, что ты умерла.

Франка увела гостью въ хату, усадила на лавку и поставила на столъ миску съ картофелемъ, хлѣбъ и соль.

— Ышь, милая, ѣшь, — упрасивала она. — Какъ хорошо, что ты пришла, а то здѣсь словомъ перекинуться не съ кѣмъ.

Но нищая ѣсть ничего не хотѣла и только пытливымъ взоромъ слѣдила за всѣми движеніями Франки.

— А-а!—удивлялась она, — ты здѣсь такая же хозяйка, какъ и прежде была!

— Такая же!—самодовольно отвѣтила Франка. —Того, что было, и слѣдъ пропалъ, какъ будто бы ничего и не было!

— Ну, расскажи ты мнѣ, что съ тобой было, гдѣ ты жила, что дѣлала, какъ съ Павломъ помирилась, — упрасивала нищенка.

Франку нечего было просить дважды. Она тоже усѣлась на лавку и начала свой рассказъ. Когда дѣло дошло до Павла, то глаза ея наполнились слезами, губы дрожали. Марцела тоже сдѣлалась серьезна и какъ-то ушла въ себя, отъ чего ея фигура сдѣлалась еще болѣе неуклюжею и маленькою.

• — Добрый онъ!—тихо промолвила она.

— Добрый, — подтвердила Франка, — такого добраго во всемъ свѣтѣ не найдешь... — Она задумалась и вздохнула. — А знаешь что, Марцела?—все-таки, не такой добрый, какъ прежде былъ.

— Не можетъ быть!

— То-то и дѣло, что можетъ. Прежде, бывало, я все дѣлала, что хотѣла; захочу что-нибудь по хозяйству — сдѣлаю, а нѣтъ — слова отъ него не услышу. Бонфетъ онъ мнѣ изъ города привозилъ, на руки бралъ, какъ ребенка. Подъ конецъ, когда я возненавидѣла его, много ему отъ меня доставалось, а онъ хоть бы слово! Молчить, какъ убитый, или обвинить меня и начнетъ уговаривать: молчи, молчи! успокойся! А теперь гдѣ тебѣ! Встанетъ самъ ни свѣтъ, ни заря и меня подниметъ. Проси, не проси, за руки съ постели стащить. А потомъ за молитву на колѣни поставить. Молитвы самъ читаетъ... а что это за чтеніе? — просто Боже сохрани... самое мужицкое. Не прочтеть онъ одной молитвы, какъ у меня въ головѣ все вкругомъ пойдетъ. Послѣ молитвы прямо сейчасъ за работу: то огонь разведи, то корову подои, то хлѣбы пеки... Даже когда изъ хаты уходитъ, и то наказываетъ: смотри, Франка, сдѣлай безъ меня то-то и то-то! А не сдѣлаешь, да увидитъ онъ, сейчасъ выговоръ, а то и брань. Что-жъ дѣлать? за все приходится приниматься, хоть подчасъ мнѣ передъ собой стыдно, что я занимаюсь такими низкими работами. Кромѣ того, и слабость моя. Иногда ногъ подъ собой не чувствуешь, иногда, того гляди, свалишься. Ну, да это еще ничего. А вотъ бѣда, какъ заведетъ онъ о Богѣ, о дьяволѣ, о вѣчномъ мученіи и о разныхъ такихъ вещахъ... Раба я его теперь, тѣломъ и душою раба. Здоровье мое все пропало, ребенокъ на шеѣ, и нѣтъ мнѣ другаго выхода, другой жизни, какъ въ этой хатѣ и съ этимъ человѣкомъ. Вѣрно, ужъ судьба моя такая... вѣрно, я въ недобрую минуту на свѣтъ Божій родилась.

Марцела покачала головою.

— Гм... скажите, какой онъ строгій сдѣлался! А, все-таки, душенька, счастлива ты, что на такого человѣка напала! Какъ такъ — все простить, чужаго ребенка воспитывать, какъ своего роднаго? Это, милая, не шутка!

— Да я и сама знаю, что добрый онъ, — простонала Франка и схватилась руками за голову. — За эту-то доброту я и закабалала ему себя въ неволю.

— Охъ, ты, Господи, Боже мой! — прохрипѣла Марцела, — отчего въ молодости я не напала на такого человѣка? Отчего я увяла, какъ травинка въ полѣ, прожила всю жизнь безъ свѣта, безъ радости?...

— Да, тебѣ хорошо говорить такъ, — перебила Франка, — прожила жизнь — и кончено, а вотъ тому, кому еще жить хочется, повеселиться...

Марцела уставилась мутными глазами прямо въ лицо своей собесѣдницы.

— А тебѣ, миленькая, который годокъ пошелъ?

— На Срѣтенье тридцать восемь будетъ, — съ нѣкоторымъ отъѣнкомъ гордости произнесла Франка.

Марцела покачала головою.

— Охъ, ужъ и ты не дѣвчонка, и тебѣ скоро за сорокъ перевалить. А ты сама знаешь: сорокъ лѣтъ — бабій вѣкъ... Такъ-то, моя милая!

— Фу, какая скверная мужицкая пословица! Да неужели же это правда? А какъ бы еще за мной мужчины ухаживали, еслибъ я была здорова и не жила въ такой ямѣ!...

На дворѣ Козлюковъ послышались голоса. Франка подбѣжала къ окну и увидала Уляну, загоняющую корову въ коровникъ, Филиппа съ косой на плечѣ и Данилку, который переговаривался съ гѣмъ-то черезъ открытыя ворота.

— Посмотри-ка, Марцела, — поспѣшно зашептала Франка, — посмотри, милая... какимъ молодцомъ сдѣлался Данилка.

Все морщинистое лицо Марцелы озарилось плутовскою улыбкой.

— Мальчишка, что тутъ толковать... одно слово, мальчишка!

— Это ничего, что онъ молодъ, — такъ же возбужденно продолжала Франка, — но красивый какой... и стройный, точно паничъ. Скажите, пожалуйста, а я до сихъ поръ не обращала на него никакого вниманія!

Губы Марцелы складывались все въ болѣе и болѣе ядовитую улыбку, а голосъ становился мягкимъ и медоточивымъ.

— Такъ, можетъ быть, сказать этому мальчишкѣ, что ты о немъ говорила, а? Вотъ обрадуется! Госноди Ты Боже мой! Ему и въ голову не приходило, чтобъ на него кто-нибудь заглядывался.

— Скажи, миленькая моя, скажи, золотая, брилліантовая! Любопытно знать, что онъ объ этомъ подумаетъ и что обо мнѣ скажетъ.

Въ это время Уляна вышла изъ коровника съ подойникомъ въ одной рукѣ и маленькимъ горшечкомъ въ другой. На встрѣчу ей кинулись четверо дѣтей. Четвертымъ былъ Хтавьянъ. Уляна наполнила всѣхъ молокомъ, дала и Хтавьяну, можетъ быть, немного, но, все-таки, дала. Затѣмъ и Уляна, и всѣ дѣти скрылись за дверь хаты.

Франка не обратила вниманія на эту мелкую сцену, занятая новыми мыслями, такъ неожиданно нахлынувшими въ ея голову.

Но стало уже смеркаться, когда она поднесла руку ко лбу и тихо проговорила:

— Охъ, Марцела, милая ты моя! что-то недоброе творится со мною... плохо жить мнѣ на свѣтѣ.

— Отчего плохо?

— Да чему же быть хорошему? — Франка заломила руки. — Видишь ли ты, онъ хотя и добрый, да обращаться со мной не умѣетъ, какъ слѣдуетъ, ни поговорить со мной, какъ я люблю, ходить въ такомъ грубомъ платьѣ и вообще какой-то... ужъ я и сама не знаю, какой...

Она приостановилась на минуту.

— Ну, однимъ словомъ, хамъ, — какой ни будь онъ добрый, а, все-таки, хамъ.

И, уже совсѣмъ понизивъ голосъ, Франка добавила:

— И, притомъ, какой онъ теперь старый... старый!

В. Л.

(Продолженіе слѣдуетъ).

На кладбищѣ.

(Посвящается В. П. Острогорскому).

Я люблю иногда одиноко бродить
По кладбищу. Минувшаго темная нить
Обрывается здѣсь. Паутина и прахъ
Зыбкой сѣтью чернѣютъ на ветхихъ плитахъ,
И лежить краткихъ надписей рядъ предо мной
Оглавленьемъ отрывочнымъ книги большой, —
Мудрой книги, которой завѣтный конецъ
Не умѣетъ прочесть ни единый мудрецъ...

Мимо пышныхъ аркадъ, обелисковъ, колоннъ
Съ начертаньями громкихъ, почетныхъ именъ,
Гдѣ безсмертникъ и лавры гирляндой живой
Стройно вьются по гранямъ плиты гробовой
И вѣщаетъ о славныхъ дѣяньяхъ людскихъ
Позолотой на мраморѣ блестящій стихъ,
Чуть замѣтною, узкой тропинкой иду
Бѣ вамъ, курганы унылые въ заднемъ ряду,
Бѣ вамъ, могилки подъ сѣнью убогихъ крестовъ
Безъ рѣзбы, позолоты и пышныхъ вѣнковъ.

Миръ вамъ, блѣдныя тѣни минувшихъ временъ!
Вашихъ образовъ кроткихъ, безвѣстныхъ именъ
Не отмѣтила Слава, въ нетлѣнныхъ чертахъ,
На чарующихъ мраморахъ, дивныхъ холстахъ;
Въ темнотѣ и въ глуши, какъ могила, нѣмой
Въ одиночку несли вы свой крестъ роковой.
И не знаетъ никто, сколько крови и слезъ
Пролилъ въ жизни своей, сколько мукъ перенесъ,
Сколько горькихъ обидъ выпилъ каждый изъ васъ,
Какъ страдалъ и любилъ, отмерцалъ и угасъ...

Вамъ, страдальцы безвѣстные, чьи имена
Сохранила донинѣ могила одна, —
Вамъ несу я лампаду — мой тихій привѣтъ,
Братской памяти вѣчный, негаснущій свѣтъ;
Вамъ несу я вѣнокъ — даръ луговъ и полей
Безотрадной, убогой отчизны моей,
Породившей такъ мало прославленныхъ силъ
И такъ много нѣмыхъ, безыменныхъ могилъ...

С. Фругъ.

СВѢТСКАЯ ДАМА *).

Романъ Гектора Мало.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

IX.

Лотье рѣдко выходила изъ усадьбы и потому ее мало знали въ кварталѣ, но двѣ-три кумушки разговаривали съ ней въ сторожкѣ Трипа, когда она занималась тамъ дѣланьемъ обертокъ на тетрадки папиросной бумаги, а слесарь и его мастера видали ее иногда издали, когда она проходила черезъ дворъ въ мастерскую Жофруа или къ Трипу.

Какое же было удивленіе, когда, вмѣсто мальчишки, на котораго никто не обращалъ ни малѣйшаго вниманія, увидѣли молодую дѣвушку въ черномъ платьѣ: между обоими было такое поразительное сходство, что съ перваго взгляда ее приняли за сестру мальчика; но когда замѣтили, что мальчикъ никогда больше не показывается, тогда проснулось любопытство и на Трипа посыпались вопросы.

Онъ приготовилъ заранѣе отвѣтъ, который, по его мнѣнію, долженъ былъ сразу прекратить дальнѣйшіе разспросы и толки.

— Молодой человекъ вернулся на родину, — сказалъ онъ, — а его замѣнила сестра; у него не было никакихъ способностей къ эмали, тогда какъ она хорошая работница и отлично занимается у моего жильца.

Это объясненіе, принятое большинствомъ, опровергалось нѣкоторыми, говорившими, что дѣвушка Трипъ — старый дуракъ, котораго провель его жилецъ.

— Это — дѣвушка? Никогда въ жизни! Это мальчишка, котораго эмалировщикъ ради забавы переодѣваетъ дѣвочкой!

*) Русская Мысль, кн. V.

— А почему бы это не дѣвушка, которую онъ переодѣваетъ мальчишкою? — замѣтилъ Трипъ, не желая вступать въ пререканія.

— Очень можетъ быть! Эти артисты способны на все!

Правда, утверждавшихъ, что это мальчикъ, переодѣтый въ дѣвочку, было немного; достаточно было взглянуть на нее, чтобы понять всю нелѣпость этого предположенія. Съ тѣхъ поръ какъ она надѣла женское платье, во всей ея фигурѣ такъ ясно выказывалась женственность, что Жофруа, смотря на нее, говорилъ себѣ, что онъ былъ смѣшонъ, называя ее «страннымъ мальчишкою».

Мальчикъ! Да въ ней не было рѣшительно ничего мальчишескаго и надо было ослѣпить, чтобы не видѣть этого. Какъ бы женоподобенъ ни былъ мальчикъ, никогда онъ не могъ имѣть такой плавной походки, такихъ гибкихъ движеній, такого нѣжнаго взгляда и голоса; ея тонкая талія, округлыя плечи и руки, розовый цвѣтъ прозрачной кожи дѣлали всякое сомнѣніе невозможнымъ для того, кто не былъ слѣпъ. Особенно сердило Жофруа его упрямство, когда онъ вспоминалъ, какъ онъ, рисуя съ нея, удивлялся, какъ можетъ мальчикъ имѣть такое близкое сходство съ прекрасными блонкуриными фламандскими дѣвушками, съ благороднымъ и скромнымъ видомъ, которыхъ Мемлингъ нарисовалъ на ракъ св. Урсулы и о которыхъ Жофруа сохранилъ восторженное воспоминаніе.

Въ то время, когда Лотъё была мальчишкою и могла, слѣдовательно, позволять себѣ мальчишескія развлечения и занятія, она вздумала, пользуясь краткими минутами отдыха, окружить свою сторожку маленькимъ садикомъ. Лопатой и граблями, взятыми у Трипа, она вскопала передъ сторожкой двѣ грядки и, по мѣрѣ того, какъ Трипъ, во время утренняго обхода встрѣчавшійся съ садовниками тѣхъ домовъ, куда онъ носилъ газету, приносилъ ей то, что ему давали, она сѣяла и сажала. Результаты вышли самыя странныя: рядомъ съ рѣдисками, салатомъ, земляникой, двумя артишоками и самыми простыми овощами росли рѣдкія растенія, встрѣчающіяся только въ самыхъ богатыхъ садахъ: лилія, стоящія десять франковъ луковица, и амарилісы въ двадцать пять франковъ.

Несмотря на эту смѣсь, возбуждающую бы только жалость въ настоящемъ садовникѣ, эти грядки, обработанныя среди сорныхъ травъ, крапивы и чертополоха, представляли весною веселую картину. Запущенный дикій виноградъ густо разросся и обвивалъ своею свѣжею зеленью всю сторожку, закрывая некрасивыя смоленныя доски, а садикъ, идущій по обѣ стороны входа, пестрѣлъ цвѣ-

тущими левкоями, аметистовыми глазками, жемчужинами и незабудками; на два, обвитыя виноградными лозами окна Лотье повѣсила адрианопольскія занавѣси, и эта утопающая въ зелени крошечная сторожка казалась издали хорошенькою игрушкой, видѣть которую за полусгнившимъ заборомъ было очень странно. Внутренность сторожки также вмѣщалась и къ желѣзной кровати и соломенному стулу, составлявшимъ сначала все ея убранство, прибавилась, по мѣрѣ того, какъ Лотье зарабатывала деньги, и другая мебель. Помѣщеніе состояло изъ одной маленькой комнатки и немного большей прихожей, служившей одновременно и столовой, и кухней. Все было очень скромно и бѣдно, но она столько терла, столько мыла и плескала воды, какъ говорятъ въ Дюнкирхенѣ, что ея хижина приобрѣла фламандскую чистоту.

Эти занятія хозяйствомъ и садиномъ не мѣшали ей успѣхамъ въ эмали; въ короткое время, какъ это и предвидѣлъ Жофруа, она выучилась дѣлать ордена; какъ и лучшіе работники, она успѣвала дѣлать двадцать пять, а иногда даже тридцать въ день, и только когда слишкомъ сильный жаръ печи обжигалъ ей лицо и руки или когда недостатокъ заказовъ, не разъ случавшійся, оставлялъ ей много свободного времени, она отправлялась рыться въ своемъ садикѣ или мыть мебель.

Въ концѣ апрѣля произошла остановка не только въ производствѣ орденовъ, но и въ заказахъ мелкихъ золотыхъ бездѣлушекъ, накладываемыхъ на бомбоньерки, флаконы, футляры, которые давалъ ей одинъ золотыхъ дѣлъ мастеръ; согласно желанію Жофруа, во время этого перерыва она могла работать для себя—рисовать, дѣлать пробы цвѣтной эмали и возобновить сеансы позирования, болѣе интересные теперь, когда позировала настоящая молодая дѣвушка, а не фальшивый мальчикъ, не поддающійся характеристикѣ. Этимъ головкамъ молодой дѣвушки можно было давать невинное и наивное личико съ яснымъ и нѣжнымъ взглядомъ, съ вроткимъ и покойнымъ выраженіемъ, бывшимъ ея характеристичною чертой, и Жофруа сдѣлалъ съ нея нѣсколько эмалей, которыми, несмотря на всю свою требовательность, остался доволенъ.

Поэтому онъ прилежнѣе, чѣмъ когда-нибудь, занимался въ своей мастерской и рѣдки были тѣ дни, когда онъ не приходилъ, если не съ утра, то хоть на часъ, на два послѣ полудня.

Какъ-то въ маѣ онъ пришелъ рано утромъ и, противъ обыкновенія, не засталъ Лотье за работой, но изъ своей сторожки она услышала его шаги и сейчасъ же прибѣжала.

— Нѣтъ слѣшной работы?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ никакой работы.

— Ну, такъ мы воспользуемся этимъ временемъ для сеанса.

Къ его удивленію, вмѣсто обычной готовности и удовольствія, она выказала замѣшательство и недовольство. Съ тѣхъ поръ, какъ она надѣла женское платье, это замѣшательство, такъ часто повторявшееся прежде, появилось у нея на лицѣ въ первый разъ.

— Вамъ это неудобно?—спросилъ Жофруа, посмотрѣвъ на нее недовольнымъ взглядомъ.

— Вы позволите мнѣ отвѣтить откровенно?

— Я прошу объ этомъ.

— Въ такомъ случаѣ, могу вамъ сообщить: сегодня здѣсь праздникъ.

— А!... Да? Такъ ваше время отнято этимъ праздникомъ?

Она видѣла, что онъ недоволенъ, но не смутилась:

— Вы знаете, что жена Трипа поправляется, — продолжала она. — Уже около недѣли, какъ она встаетъ и ходитъ по своей комнаткѣ. Какъ счастлива бѣдная старушка, думавшая, что до конца жизни пролежитъ въ постели парализованная! Свои попытки ходить она дѣлала всегда утромъ, пока не возвращался Трипъ, и, когда ей удавалось передвинуть ногу, она говорила: «Какъ былъ бы радъ мой бѣдный старикъ, если бы видѣлъ меня!» Это подало намъ мысль, ей и мнѣ, сдѣлать сюрпризъ старику, устроивъ при этомъ маленькій праздникъ.

Хмурое сначала лицо Жофруа понемногу свѣтлѣло.

— Вы знаете, какъ они были добры ко мнѣ, и тотъ, и другой, — продолжала Лотъё, — и мнѣ уже давно хотѣлось какъ-нибудь показать, что они оказали услугу не благодарной. Я увидѣла тутъ случай, который давно искала, и мы рѣшили устроить сегодня у меня завтракъ.

— У васъ?—прервалъ Жофруа, никогда не входившій въ столовую Лотъё и не воображавшій, чтобы тамъ возможно было завтракать.

— Я понемногу увеличивала свое хозяйство; теперь у меня есть столъ, три стула, немного кухонной посуды, шесть тарелокъ и три стакана. Устраивая имъ праздникъ, я, въ то же время, дѣлаю его и для себя: я праздную свое новоселье. Когда я вспоминаю о тѣхъ ужасныхъ ночахъ, когда я, какъ воръ, пробиралась по этому, покрытому бѣлымъ снѣгомъ, двору, когда я сравниваю себя теперь съ тѣмъ жалкимъ созданиемъ, какимъ я была тогда, мое сердце не

можетъ не наполниться благодарностью къ тому, кто поддержалъ меня въ тяжелую минуту.

— Не будете говорить объ этомъ; расскажите мнѣ лучше, что за завтракъ будетъ у васъ.

— Не смѣйтесь, что я горжусь этимъ, такъ какъ эта гордость, наивная, конечно, происходитъ отъ воспоминанія о коркахъ, которыя я подбирала. Вы видѣли, съ какою жадностью я ихъ поѣдала. Прежде всего, будутъ рѣдиски изъ моего сада; свѣжія яйца, которыя Трипъ принесъ вчера изъ деревни, не подозрѣвая, что будетъ ихъ самъ ѣсть сегодня; кусокъ телятины, вареной въ кастрюлѣ по нашей модѣ, и салатъ изъ моего сада, можетъ быть, немного зеленый, но за то изъ моего сада. Для Трипа, его жены и для меня— это праздникъ. Но лучше всякаго праздника — сюрпризъ. Сегодня день выдачи жалобанья и Трипъ вернется позднѣ обыкновеннаго; за часъ до его прихода я помогу бѣдной старушкѣ подняться, одѣну ее; я приготовила ей для этого торжественнаго случая чепецъ съ лентами. Опираясь на меня, она доберется до моей сторожки, гдѣ я усажу ее за накрытый столъ. Трипъ вернется, войдетъ въ комнату и увидитъ пустую кровать. «Гдѣ она?» Чтобы избавить его отъ слишкомъ сильнаго волненія, мы приготовили его къ мысли, что, можетъ быть, она скоро встанетъ. Я зову его. Онъ бѣжитъ, какъ только позволяютъ уставшія ноги, отворяетъ дверь и видитъ за столомъ свою старуху въ чепцѣ съ лентами и улыбающуюся ему. Не думаете вы развѣ, что они оба будутъ счастливы и что я тоже буду рада?

— Какая вы славная дѣвушка! — произнесъ Жофруа, смотря на нее.

Она слегка отвернула голову.

— Значитъ, вы находите, что я не очень плохо придумала? — спросила она.

— Я думаю, что хорошо быть въ числѣ вашихъ друзей.

Вслѣдъ затѣмъ, точно не желая останавливаться на этомъ, онъ прибавилъ:

— Я думаю также, что хорошо сдѣлаю, если пойду сегодня завтракать къ винному торговцу, такъ какъ Трипу, по возвращеніи, конечно, некогда будетъ сходить за завтракомъ.

— Но я могла бы сходить...

Она остановилась на минуту.

— Или если бы я смѣла...

Она замолчала.

— Чего же вы не смѣете? — спросилъ онъ.

— Сказать вамъ неожиданно пришедшую мнѣ въ голову мысль.

— Развѣ вы можете бояться меня? Если вамъ пришла въ голову мысль и она касается меня, развѣ вы не должны сказать ее мнѣ?

— Это правда... мнѣ неожиданно, внезапно пришло въ голову попросить васъ... раздѣлить съ нами этотъ завтракъ.

— Вы хотите?

— Вы видите!

— Я вижу только, что вамъ хочется, чтобы я сказалъ—да.

— О! я была бы такъ счастлива...

— Такъ почему же вы думаете, что я могу отказать товарищу?

— Товарищу!

— Развѣ мы не товарищи?

— Мнѣ никогда не приходила въ голову подобная мысль.

— Кто же я тогда для васъ?

Она прямо взглянула ему въ лицо и отвѣтила глубоко тронутымъ голосомъ:

— Самъ Богъ.

— Неужели?—замѣтилъ онъ съ улыбкой.

— Когда я въ нуждѣ призывала Бога, вы явились ко мнѣ на помощь, вы услышали меня и съ тѣхъ поръ...

— Я могъ сдѣлаться для васъ товарищемъ, — прервалъ ее Жофруа, — хорошимъ товарищемъ, если вы хотите, и я очень радъ.

— Я никогда не буду въ состояніи смотрѣть на васъ, какъ на товарища, и поэтому-то я не рѣшилась пригласить васъ завтракать съ нами.

— Какое же представленіе составили вы, въ такомъ случаѣ, обо мнѣ?—спросилъ онъ съ настойчивостью.

— Вотъ что мнѣ трудно объяснить вамъ и даже самой себѣ.

— А если я попрошу васъ?

— Вы никогда ничего не должны просить у меня: я всегда хотѣла бы угадывать ваши желанія.

— И такъ?

Она колебалась минуту.

— Я не знаю, — отвѣтила она, наконецъ.

— Какъ! вы не знаете, что я для васъ?

— Нѣтъ, потому что сегодня я думаю не то, что думала вчера, а сейчасъ—не то, что думала пять минутъ назадъ. Когда вы отвѣчаете, какъ сейчасъ, когда я попросила васъ раздѣлить завтракъ— «вы хотите»...

Она представила удивленный жестъ, который онъ сдѣлалъ, и его высокоумный тонъ.

— Мнѣ кажется тогда, что вы господинъ изъ другаго міра, мнѣ незнакомаго; и эти жесты, эти взгляды, этотъ тонъ вы часто принимаете какъ въ пустякахъ, такъ и въ серьезныхъ вещахъ. Тогда я вижу между нами разстояніе, котораго я не должна переступать.

— Какое ребячество!

— Напротивъ, когда вы говорите со мной, какъ вотъ сію минуту, этимъ привѣтливымъ и откровеннымъ тономъ, мнѣ кажется, что вы артистъ, не гордый, несмотря на вашъ талантъ или благодаря вашему таланту, — артистъ, съ которымъ можно многое позволить, такъ какъ онъ выше предразсудковъ, и который ничѣмъ не оскорбится, такъ какъ онъ читаетъ въ глубинѣ сердца. Въ это-то артисту я обращала мою просьбу и если я не рѣшалась высказать ее прямо, то это потому, что за нимъ я видѣла господина.

— Артистъ услышалъ васъ и артистъ отвѣчаетъ: да, съ удовольствіемъ.

— Вы согласны?

— А почему бы я не согласилась завтракать съ товарищемъ и такими славными людьми, какъ Трипъ и его жена? Не будьте слишкомъ высокаго мнѣнія объ этомъ артистѣ... который во многихъ отношеніяхъ простой рабочій. Такъ идите готовить вашъ завтракъ.

— Какъ я буду теперь бояться, что не удастся моя телятина! Она направилась къ двери, когда ее останоилъ Жофруа.

— Но я вспомнилъ, — сказалъ онъ, — что вы говорили мнѣ, что у васъ три стула и три стакана; какъ вы накроете столъ теперь, когда насъ четверо?

— Это правда.

— Возьмите здѣсь все, что вамъ надо: стаканы, тарелки, вилки и все остальное; я принесу вамъ стулъ.

Онъ принесъ не стулъ, а кресло изъ мастерской.

— Это для бѣдной больной старухи, — сказалъ онъ, входя. — Послѣ такого долгаго лежанія въ постели ей неудобно будетъ на стулѣ. Вы поставите кресло на ея мѣсто; она будетъ предсѣдательницей.

Поставивъ кресло, онъ обвелъ глазами комнату. Столъ уже былъ накрытъ; на бѣломъ деревѣ, старательно вычищенномъ, стояли четыре прибора: фаянсовые тарелки съ розовыми цвѣтами, блестящіе ножи и чистыя салфетки.

— Здѣсь очень мило, — произнесъ онъ. — Какая чистота! Какъ вы съумѣли хорошо устроиться въ этой жалкой хижинѣ!

На маленькой печкѣ кипѣла кастрюля и, когда приподнималась немного ея жестяная крышка, изъ нея вырывались маленькіе клубы бѣлаго пара, наполнявшіе комнату запахомъ кушанья; важно сидя на стулѣ, Дьяволо дремалъ, глядя на кастрюлю.

— Я вижу, что приготовленіе нашего завтрака интересуеъ Дьяволо, — замѣтилъ Жофруа. — Вы позовете меня, когда пора будетъ садиться за столъ, не правда ли? Я пойду работать.

Но, вмѣсто того, чтобы пройти прямо въ мастерскую, онъ вышелъ на улицу и вернулся черезъ четверть часа.

Лотье не пришлось его звать, какъ онъ просилъ: услыхавъ восклицанія, громкій говоръ, взрывы хохота, онъ понялъ, что весь этотъ шумъ производитъ Трипъ отъ волненія и радостной неожиданности. Жофруа перешелъ дворъ и при его входѣ мгновенно водворилась тишина; никогда до этой минуты онъ не видалъ жены Трипа; онъ замѣтилъ старуху съ восковымъ цвѣтомъ лица, такую же бѣлую, какъ завязки ея батистоваго чепца. Она хотѣла встать съ кресла, въ которое ее усадили, но Жофруа попросилъ ее не беспокоиться, о чемъ она не заставила себя дольше просить.

— Мой жилецъ, — пробормоталъ Трипъ съ комическимъ замѣшательствомъ, — мой жилецъ.

— Пора бы за столъ, — сказалъ Жофруа, чтобы прекратить первую минуту стѣсненія, — я умираю отъ голода.

— И я тоже! — воскликнулъ Трипъ.

Всѣ накиннулись съ такимъ аппетитомъ на рѣдиси, что Лотье, замѣтивъ, что тарелка пустѣетъ, пошла въ садъ нарвать новый запасъ.

— Я никогда не ѣлъ такихъ вкусныхъ! — замѣтилъ Жофруа.

— Это оттого, что у васъ никогда не было сада, — произнесъ Трипъ глубокомысленно. — Овощи хороши только тогда, когда ихъ самъ рвешь.

Яйца были также лучше всѣхъ, которыя когда-либо ѣлъ Жофруа, а телятина, приготовленная по-дюнгирихенски, заслужила всеобщія похвалы.

— Я хотѣлъ бы знать, готовятъ ли такъ вкусно въ большихъ ресторанахъ на площади Блнши? — сказалъ Трипъ.

— Я не думаю, — отвѣтилъ Жофруа.

— Вы никогда тамъ не были? — спросилъ Трипъ.

— Никогда.

— Я тоже.

Мало-по-малу исчезла первоначальная натянутость; всякій говорилъ свободно все, что хотѣлъ, и Тригъ, державшійся сначала на почтительномъ разстояніи отъ стола, приблизился и ѣлъ теперь съ большимъ аппетитомъ. Жофруа попросили нарезать жареное, за что онъ охотно взялся, также какъ и за приготовленіе салата, тогда какъ Лотъё тихо, незамѣтно суежилась вокругъ стола, подавая и принимая тарелки. Приготовивъ салатъ, Жофруа вышелъ на минуту изъ-за стола и скоро вернулся, держа въ рукѣ бутылку, завернутую въ бумагу.

— Это мой сюрпризъ, — сказалъ онъ и, сломавъ проволоку, выпустилъ пробку, полетѣвшую къ потолку.

— Шампанское! — воскликнулъ Тригъ, слѣдившій съ жаднымъ любопытствомъ за всею этою операціей. — Старуха, это шампанское! Не правда ли, г. Жофруа, это шампанское?

— Вы никогда его не пили?

— Въ гаврскомъ гарнизонѣ я пилъ пуаре, которое уходило и пѣнилось, какъ это; но то не было шампанское.

Когда вышли изъ-за стола, Тригъ сказалъ фразу, выразившую все его довольство:

— Вотъ такъ славный завтракъ задали вы намъ, m-me Лотъё! Я съ удовольствіемъ абонировался бы на такой завтракъ разъ въ годъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Жофруа вышелъ изъ мастерской около трехъ часовъ и, достигнувъ Сентъ-Уэнскаго предмѣстья, остановилъ проѣзжавшую мимо карету.

— Бульваръ Османнъ, — сказалъ онъ кучеру.

Такъ какъ въ это время на тротуарѣ столпилось нѣсколько человекъ изъ обитателей квартала, то онъ не сказалъ нумера. Не зная всего, что говорилось на его счетъ, онъ не былъ настолько наивенъ, чтобы не видѣть, что имъ интересуются, что его преслѣдуетъ любопытство, что при его появленіи слышится шепотъ и считалъ излишнимъ точными указаніями давать пищу сплетнямъ.

— Повъжайте по бульвару, — приказалъ онъ, — я васъ останавлию.

Проѣхавъ Мессинское предмѣстье, Жофруа велѣлъ кучеру остановиться передъ роскошнымъ отелемъ, который, если не былъ од-

нимъ изъ красивѣйшихъ зданій Париза, то, во всякомъ случаѣ, однимъ изъ величайшихъ и роскошнѣйшихъ; здѣсь главную заботу составляла, очевидно, роскошь и его выстроили такимъ великолѣпнымъ, чтобы поражать прохожаго, и поражали. На узкой, продолговатой полосѣ земли возвышался этотъ отель, болѣе похожій на новый замокъ, чѣмъ на городской домъ. Выточенный, выскобленный, вырѣзанный, бѣлый камень широкаго фасада падалъ своею тяжестью. Въ этомъ безпорядкѣ глазъ не могъ схватить ни одной красивой линіи, полной стили и изящества: изумленный, сбитый съ толку, онъ терялся въ избыткѣ украшеній и мелочей.

Брыльцо было непропорціональныхъ размѣровъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, дворъ, выходящій на бульваръ, былъ узокъ и показался бы слишкомъ бѣднымъ, если бы въ ворота, находящіяся по обѣимъ сторонамъ идущей полукругомъ рѣшетки, не видна была величественная аллея, ведущая къ конюшнямъ. Положимъ, одно искупало другое: внутренній дворъ, службы, садъ, оранжереи, — все указывало на величайшее богатство и роскошь постройки.

Если она была лишена красоты и изящества, то давала, по крайней мѣрѣ, представленіе о массѣ денегъ, затраченныхъ на эти собранные въ кучу и выскобленные до нечѣлости камни, также какъ это можно было угадать, заглянувъ въ окна, въ которыя видна была необыкновенно роскошная обстановка. Проходя мимо швейцарской, Жофруа не остановился: торопливый звонокъ возвѣстилъ его прїѣздъ и лакей въ синей съ серебрянымъ голуномъ ливреѣ немедленно распахнулъ передъ нимъ двери прихожей.

Прихожая громаднхъ размѣровъ, выстроенная, какъ и фасадъ, съ цѣлю поразить, была очень высока и велика, со множествомъ колоннъ изъ разноцвѣтнаго мрамора, между которыми возвышались статуи съ пьедесталами, исчезающими въ цвѣтахъ, пальмахъ и декоративныхъ растеніяхъ, группировкой которыхъ были заняты въ эту минуту садовники.

— Графиня у себя? — спросилъ Жофруа.

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство; графиня въ засѣданіи академіи и вернется къ пятичасовому чаю.

— Я дома; когда придетъ архитекторъ, доложите мнѣ.

Миновавъ прихожую, Жофруа поднялся въ первый этажъ по великолѣпной лѣстницѣ, широкія ступени которой были покрыты краснымъ ковромъ, ярче выставлявшимъ бѣлизну мрамора. Предназначенный собственно для жилья, этотъ первый этажъ, менѣе великолѣпный, чѣмъ нижній, гдѣ помещались прїемныя комнаты, былъ, все-таки, роскошно украшенъ мраморомъ, рѣзбой, картина-

ми, обоями, кричащими о богатствѣ, причеиъ нигдѣ не было даже намека на дѣйствительное искусство. Изъ маленькаго салона, куда онъ вошелъ, Жофруа перешелъ въ уборную, гдѣ снялъ свою толстую шерстяную куртку, цвѣтную рубашку и зашнурованные башмаки, замѣнивъ ихъ менѣе небрежнымъ костюмомъ. Когда онъ кончалъ одѣваться, лакей подаль ему карточку: «Евгеній Сильва изъ *Кандида*». Сверху было написано карандашомъ: «Убѣдительно просить графа Бансель принять по важному и неотложному дѣлу».

— Этотъ господинъ хотѣлъ видѣть графиню, — отвѣтилъ лакей на нѣмой вопросъ Жофруа. — Когда ему объяснили, что графиня въ академіи, онъ настоялъ, чтобы его принялъ графъ.

Жофруа незнакомо было это имя — Евгеній Сильва и о *Кандидѣ* онъ зналъ только, что эта газета бульваровъ и свѣта или, вѣрнѣе, полусвѣта бывала часто замѣшана въ грязныхъ дѣлахъ. Если бы этотъ господинъ пожелалъ видѣть прямо его, онъ бы не принялъ его, не желая имѣть дѣла съ *Кандидомъ*. Но такъ какъ онъ хотѣлъ видѣть графиню, то дѣло принимало другой оборотъ и самымъ благоразумнымъ было узнать, что скрывалось подъ этимъ важнымъ и неотложнымъ дѣломъ.

— Просите, — сказалъ онъ.

Вошелъ совершенно лысый, но еще молодой мужчина; немногіе оставшіеся у него желтоватые волосы въ видѣ капуцинской бахромы вились такъ, что казались нагофренными; цвѣтъ лица былъ розовый, носъ набалдашникомъ; въ воротникѣ рубашки сверкалъ брилліантъ, вмѣсто запонки; букетикъ ландышей красовался на черномъ шелкѣ его сюртука, и его бѣлье, его платокъ распространяли запахъ всевозможныхъ парижскихъ духовъ.

— Смѣю надѣяться, — началъ онъ съ подобострастною улыбкой, — что мое имя не безъизвѣстно вамъ.

— Извините...

— Евгеній Сильва.

— Я прочелъ его на вашей карточкѣ.

— Я имѣлъ честь пользоваться довѣріемъ вашего батюшки въ его скаковыхъ пари въ послѣдніе годы его жизни.

— Я никогда не занимался спортомъ. — Это было сказано съ презрительнымъ высокоуміемъ, нисколько не походившимъ на простой и добродушный тонъ, которымъ отличался Жофруа въ улицѣ Шампіонетъ.

— Но это неважно, — продолжалъ Сильва, не переставая улыбаться. — Я припомнилъ это обстоятельство только для представле-

ня. Не прошедшее привело меня сюда, а будущее, т.-е. праздник, даваемый послѣ-завтра графиней Канюэль.

«Для кого этот писака хочет приглашенія?» — спросилъ себя Жофруа, и физиономія его, и такъ не очень ободряющая, сдѣлалась еще холоднѣе.

— Нѣтъ сомнѣнія, — продолжалъ Сильва, — что этотъ праздникъ составляетъ событіе, которое интересуется и будетъ интересовать весь Парижъ, всю Францію и тѣхъ, у кого, какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ, уши отверсты для отдаленныхъ отголосковъ, доходящихъ и въ ихъ уединеніе.

— Да нисколько, — этотъ праздникъ интересуется только насъ и нашихъ приглашенныхъ.

— Не удивительно ли, — воскликнулъ Сильва, — что никто никогда не отдаетъ себѣ отчета въ мѣстѣ, занимаемомъ имъ въ обществѣ? И это какъ въ высшихъ, такъ и низшихъ сферахъ; я вижу каждый день артистовъ, извѣстность которыхъ не простирается дальше порога того кафе, гдѣ они собираются, и которые задаютъ себѣ вопросъ, ставятъ ли ихъ въ Петербургѣ и Нью-Йоркѣ на высоту, которую они сами присвоили себѣ; и я вижу другихъ (рѣже, правда), значеніе и вліяніе которыхъ всюду признается безспорно, воображающихъ, что они извѣстны не болѣе, чѣмъ въ началѣ карьеры! Въ послѣднемъ принадлежите вы, графъ. Какъ! Вотъ отель, одно изъ нашихъ красивѣйшихъ зданій, одно изъ роскошнѣйшихъ, во всякомъ случаѣ, съ отпечаткомъ самой модной новизны; его владѣлецъ носить одно изъ величайшихъ именъ французскаго дворянства...

— Довольно, пожалуйста, — нетерпѣливо прервалъ его Жофруа.

— Позвольте мнѣ не послушаться васъ, графъ; я дошелъ какъ разъ до главной части моего сюжета и не говорю ничего лишняго, какъ вы сейчасъ увидите это. Всѣмъ, интересующимся исторіей нашей страны, извѣстно имя Канюэль, записанное на потолокъ въ залѣ крестоносцевъ въ Версали съ его золотымъ гербомъ на голубомъ полѣ и гордымъ девизомъ: «Qu'a Noël? Vaillance». Толпа, которая не проникаетъ такъ далеко и не задумывается такъ глубоко, тысячу разъ провозглашала его, сочувствуя славнымъ побѣдамъ, одержаннымъ вашимъ отцомъ на скачкахъ. Наконецъ, по красотѣ, богатству, хозяйка этого дома — одна изъ царицъ парижскаго свѣта, и вы не хотите, чтобы даваемый вами вечеръ былъ парижскимъ событіемъ, тогда какъ этотъ отель открываетъ въ первый разъ свои двери и предполагаетъ цѣлый рядъ празднествъ, о которыхъ уже полгода рассказываютъ чудеса?

— Однимъ словомъ, что вамъ угодно?

— Предложить вамъ напечатать отчетъ о вашемъ вечерѣ.

— Я васъ не понимаю.

— Я объясню вамъ.

И Сильва развалился въ креслѣ, на которомъ сидѣлъ до сихъ поръ въ неувѣренной позѣ человѣка, не знающаго, позволять ли ему договорить до конца то, что онъ хочетъ: теперь онъ овладѣлъ позиціей и не уступить ее.

— Несомнѣнно,—продолжалъ онъ,—что въ субботу, воскресенье и понедѣльникъ, всю эту недѣлю, газеты будутъ говорить о вашемъ вечерѣ. Вопросъ въ томъ, какъ и въ какихъ выраженіяхъ?

— Мнѣ какое дѣло!

— Не говорите этого, графъ: для чести вашего дома, для славы графини Кансель, для удовлетворенія вашихъ гостей, напротивъ, очень важно, чтобъ о вашемъ вечерѣ говорили только такъ, какъ это подобаетъ.

— Единственно, что подобаетъ, это—чтобы совсѣмъ не говорили.

— Безъ сомнѣнія; но такъ какъ это невозможно, то было бы благоразумно принять нѣкоторыя предосторожности. Съ нѣкоторыхъ поръ въ прессѣ установились прискорбные обычаи: люди, не понижающіе значенія прилагательныхъ, которыя они употребляютъ, вообразили себя журналистами и пишутъ такъ, что возбуждаютъ только жалость; они, наприимѣръ, называютъ Виктора Гюго «симпатичнымъ». И такимъ-то злодѣямъ или лѣнивымъ репортерамъ, которымъ надобно ихъ дѣло, вы хотите предоставить отчетъ о вашемъ праздникѣ? Если прилагательное, которымъ о характеризуютъ его, будетъ неудачно, то успѣхъ вашего бала будетъ испорченъ. Я допускаю, что для васъ это не важно; но увѣрены ли вы, что всѣ ваши приглашенные обладаютъ такимъ же гордымъ равнодушіемъ? Сколько людей, и изъ высшаго общества, появляются въ домъ, ѣдутъ на свадьбу, на похороны только для того, что видѣть свое имя напечатаннымъ въ газетахъ. Къ этому еще важно, чтобы имя не пострадало отъ того, какъ его упомянуть, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ истязать не неумѣлому журналисту, а тѣмъ, кто виноватъ въ разсердившемъ ихъ оскорбленіи.

Жофруа всталъ. Сильва не пошевелинулся въ креслѣ.

— Конечно,—продолжалъ онъ,—для такого бала, какъ вашъ, недостаточно краткаго отзыва. Для него нужна хроника въ четырехъ или пяти лучшихъ газетахъ; въ слѣдующихъ затѣмъ передовая

статья на первой и второй страницах и, наконецъ, въ остальныхъ нѣсколькихъ строкахъ, болѣе простыхъ, но характеристичныхъ.

— Но вы предлагаете мнѣ сдѣлку съ печатью?

— Совершенно вѣрно, и могу увѣрить васъ, что никто не предложитъ вамъ такихъ преимуществъ.

Жюфруа перебилъ его:

— Я не вступаю ни въ какія сдѣлки.

Сильва растерялся на минуту, а, между тѣмъ, не легко было смутить этого писака, которому его мажорское посредничество во всемъ, что продается и покупается, придало большой апломбъ. Но онъ скоро оправился и въ его подобострастной улыбкѣ мелькнула дерзость.

— Я позволилъ себѣ обратиться къ вамъ съ этимъ предложениемъ только, потому, что, какъ человекъ, знающій свое дѣло, я былъ возмущенъ тѣмъ, какъ были написаны появившіяся до сихъ поръ статьи.

Жюфруа, направлявшійся къ двери, остановился.

— Развѣ замѣтка, сообщающая о вашей женитьбѣ, отчеты о вашей свадьбѣ не были жалки, спрашиваю я васъ? Какъ разъ сейчасъ я описывалъ женитьбу принца Рено на дѣвицѣ Дюранъ. Посмотрите, какая разница. А, между тѣмъ, мы могли со всѣхъ сторонъ ожидать враждебности и недоброжелательства, но я дѣйствовалъ такъ, что не прозвучало ни одной фальшивой ноты; тамъ, гдѣ я не могъ помѣстить статьи, я добился молчанія, и, прославляя всюду богатство невѣсты, никто не сдѣлалъ ни одного намека на то, какими путями добыто оно, въ какихъ трущобахъ приобрѣтено.

— Какое отношеніе видите вы между этою свадьбой и моею?

— Никакого, кромѣ того, что подозрительная свадьба встрѣтила благоприятный отзывъ печати, а почтенная, ваша—отвратительный. Видите ли, графъ, гласностью нельзя играть, не учась, какъ и на роялѣ, и на корнетъ-а-пистонѣ; глядя со стороны на искусныхъ исполнителей, кажется нетруднымъ сдѣлать такъ же, какъ они дѣлаютъ; затрудненіе наступаетъ только когда положишь руку на инструментъ, что и случилось съ прикащикомъ г. Лешаркуа, посылающимъ въ газеты замѣтки о графинѣ Баносель.

— Съ чего вы взяли, что прикащикъ моего тестя посылаетъ замѣтки въ газеты о графинѣ Баносель? Какія замѣтки, о чемъ?

Сильва, начинавшій догадываться, что онъ сдѣлалъ промахъ, обратившись къ мужу, вмѣсто жены, убѣдился въ своей глупости при его вопросахъ, особенно услышавъ тонъ, которымъ они были

заданы. Но такъ какъ онъ зашелъ слишкомъ далеко, то лучше было храбро дойти до конца.

— Да обо всемъ, — отвѣтилъ онъ, — о собраніяхъ, гдѣ она появляется и производитъ фуроръ; объ устроенномъ, наприжнѣрь, ею благотворительномъ базарѣ. Я напечаталъ эту замѣтку въ *Кандидъ* и самъ получилъ вознагражденіе изъ кассы г. Лепаркуа, а за то, что я пополнилъ статью нѣсколькими строками, такъ какъ принащикъ, составляющій эти замѣтки, отличный, можетъ быть, въ публикаціяхъ финансовыхъ дѣлъ г. Лепаркуа, весьма мало свѣдущъ въ свѣтскихъ дѣлахъ, — за это я получилъ отъ графини Бансель карточку, которую принялъ за выраженіе благодарности за то, какъ я отозвался объ ея восхитительномъ туалетѣ. Эта-то карточка и дала мнѣ мысль явиться сюда.

— Ну, такъ вы ошибаетесь относительно причинъ, вызвавшихъ присылку этой карточки. Я не знаю соображеній, которыми руководствовалась моя жена, но увѣрю васъ, что она, какъ и я, не допускаетъ, чтобы ея личность или даваемые ею правдики служили матеріаломъ для печати.

Сильва поднялся, дошелъ до двери и остановился на порогѣ.

— Я могу быть настолько глупъ, чтобы сдѣлать глупость, — сказалъ онъ, — но, во крайней мѣрѣ, не настолько, чтобы не замѣтить этого. Позвольте мнѣ сказать одно слово, послѣднее, чтобы объясниться, оправдаться. Этой гласности, которую вы презираете, женщины изъ высшаго общества добиваются всѣми средствами и часто платятъ за нее. Если бы я сказалъ вамъ, сколько тратитъ одна очень высокопоставленная особа за то, чтобы говорили объ ея охотѣ, вы бы удивились; не менѣе удивились бы вы, если бы я сказалъ вамъ цифру, которую она платитъ въ агентство, сообщающее ей газеты, гдѣ напечатано ея имя. Этотъ прижнѣрь и многіе другіе, которые я могъ бы привести, послужатъ, надѣюсь, обстоятельствомъ, смягчающимъ мою вину.

II.

Когда Сильва удалился, Жофруа прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ неровными шагами, затѣмъ нетерпѣливо позвонилъ.

— Графиня вернулась?—спросилъ онъ у лакея, показавшагося въ дверяхъ.

— Нѣтъ, графъ.

— Какъ только она вернется, доложите мнѣ.

Онъ опустился на кресло и долго просидѣлъ, опершись головою

на руку, устремивъ взглядъ въ пространство, съ измученнымъ выраженіемъ лица, охваченный, повидимому, тяжелыми думами; кто видѣлъ его утромъ въ мастерской и посмотрѣлъ бы на него теперь, конечно, не узналъ бы его. Время шло, а онъ все сидѣлъ въ креслѣ и взглядъ его не прояснился; только когда ему доложили о приходѣ архитектора, онъ заставилъ свое лицо принять обычное выраженіе спокойствія и равнодушія.

Хотя этотъ отель былъ однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ зданій Парижа, — какъ говорилъ Сильва, — въ немъ не доставало балльной залы, когда Лепаркуа, отецъ графини, приобрѣлъ его. Мѣсто, гдѣ, согласно первоначальному плану, она должна была воздвигнуться, было оставлено въ саду; но такъ какъ, истративъ на этотъ отель пять или шесть милліоновъ, первый владѣлецъ нашель, что этой суммы достаточно для его славы финансиста, то она такъ и осталась въ проектѣ. Потомъ, послѣ троекратнаго назначенія аукціона съ пониженіемъ цѣны, этотъ отель купилъ Лепаркуа, накинувъ пятьдесятъ франковъ на назначенную цѣну въ милліонъ сто тысячъ франковъ; онъ не имѣлъ, слѣдовательно, основаній быть экономнымъ и, кромѣ того, не умѣя ни въ чемъ отказать дочери, желавшей имѣть балльную залу, соответствующую тому положенію, которое она рассчитывала занять въ парижскомъ свѣтѣ, Лепаркуа распорядился постройкой ея. Начатая съ годъ тому назадъ, т. - е. на другой же день послѣ свадьбы мадемуазель Лепаркуа съ графомъ Баноель, эта зала, постройка которой должна была окончиться въ январѣ, но съ мѣсяца на мѣсяць, съ недѣли на недѣлю затянулась до мая, была, наконецъ, готова и Жофруа собирался теперь съ архитекторомъ сдѣлать послѣдній осмотръ.

Если не онъ самъ придумалъ планъ, за то онъ подалъ мысль выстроить точное воспроизведеніе залы Каррачи во дворцѣ Фарнезе и строго слѣдилъ за исполненіемъ, чтобы архитекторъ не внесъ отъ себя никакихъ украшеній. Благодаря его руководству, которое онъ имѣлъ терпѣніе и силу довести до самаго конца, вышло то, что въ то время, какъ во всемъ отелѣ било въ глаза безвкусіе роскоши, доведенное до крайности, въ этой залѣ нельзя было встрѣтить ни одной фальшивой нотки какъ въ орнаментаци, такъ и въ декораци, исполненіе которыхъ было возложено на талантливыхъ артистовъ, приглашенныхъ по его настоянію.

Войдя въ залу черезъ боковую дверь, Жофруа неожиданно увидѣлъ Сильву, разговаривавшаго съ архитекторомъ и записывавшаго что-то карандашомъ. Онъ быстро направился къ нимъ, но Сильва сократилъ ему половину дороги.

— Надѣюсь, графъ, что вы не найдете дурнымъ, — заговорилъ онъ съ своею вѣчною улыбкой, — что я воспользовался представившимся мнѣ случаемъ, чтобы бросить взглядъ на эту галерею. Настоящее чудо! Для насъ первенство имѣеть большое значеніе, такъ какъ, безъ сомнѣнія, мы будемъ первыми.

— Но, милостивый государь...

— Если вы не желаете, чтобы говорили о хозяевахъ дома, то не запретите же вы отдать справедливость вашимъ сотрудникамъ?

Онъ почтительно поклонился, сдѣлавъ архитектору покровительственный знакъ рукою и спокойно направился въ прихожую.

— Не вы, — спросилъ Жофруа архитектора, — привели сюда эту странную личность?

— Нѣтъ, я встрѣтилъ его прогуливающимся здѣсь; онъ набросился на меня и, не приди вы, я бы не зналъ, какъ избавиться отъ него.

Что зала была достойна восторженнаго отзыва Сильвы, не было ничего удивительнаго, такъ какъ въ архитектурномъ отношеніи она была воспроизведеніемъ; но живопись на потологѣ не была копіей: художники и артисты, расписывавшіе его, создали оригинальное произведеніе, — и теперь, послѣ снятія лѣсовъ, будетъ ли произведенъ желанный эффектъ?

Какъ это часто бываетъ съ людьми, дѣйствовавшими подъ стороннимъ руководствомъ, архитекторъ совершенно забылъ объ участіи, которое принималъ Жофруа въ ихъ общемъ трудѣ, и это произведеніе считалъ своимъ собственнымъ, принадлежащимъ исключительно ему одному.

— Вы видите, — сказала онъ, — что этотъ господинъ вѣрно выразился! А сознайтесь, васъ беспокоило немного соотвѣтствіе между поблекшими тѣнями стѣнъ и яркими тонами картинъ на потологѣ и фризахъ?

Жофруа могъ тѣмъ охотнѣе сознаться, что въ продолженіе года это соотвѣтствіе было предметомъ его постоянной заботы, и чтобы достигнуть его, онъ неустанно слѣдилъ за художниками, которымъ заказаны были эти картины, и не ослаблялъ надзора надъ артистами, украшавшими панели.

— Вы видите, — продолжалъ архитекторъ, — какъ, благодаря матовому, свѣтлому, нѣжному и воздушному тону, аллегорическія изображенія на потологѣ и мифологическіе сюжеты на фризахъ гармонически сливаются съ фигурами на панеляхъ.

— Это надо будетъ посмотрѣть при свѣтѣ, — я боюсь золота.

— Я обещаю, что завтра можно будетъ зажечь люстры.

Дѣйствительно, электро-техники кончали разставлять свои лампы и соединять нити, тогда какъ полотерамъ, обнаженнымъ поясомъ и обливающимся потомъ, оставалось натереть только одинъ уголь паркета.

Въ это время лакей доложилъ Жофруа, что графиня вернулась и находится въ желтой гостиной.

— Одна?

— Графъ и графиня де-Линьи прѣехали съ графиней, а сейчасъ прѣехала и г-жа де-Бодемонъ.

Онъ колебался одну минуту, такъ какъ то, что онъ долженъ былъ сказать женѣ, требовало разговора наединѣ, но затѣмъ, оставивъ архитектора одного продолжать свой осмотръ, черезъ длинную амфиладу приемныхъ комнатъ, отданныхъ въ распоряженіе садовникамъ, достигъ гостиной, гдѣ графиня де-Кансель принимала своихъ друзей.

— Вотъ любезный сюрпризъ!— воскликнула графиня при видѣ его.

— Вотъ любезное замѣчаніе!— замѣтилъ де-Линьи.

Жофруа пожалъ протянутыя ему руки, причемъ ничто въ его лицѣ и манерахъ не выдавало его недовольства; а, между тѣмъ, оно было сильно, такъ какъ изъ всѣхъ лицъ, которыхъ онъ могъ бы случайно встрѣтить здѣсь! въ эту минуту, ни одно не было бы не-приятнѣе этихъ, вслѣдствіе вліянія, которое они имѣли на его жену.

Госпожа де-Линьи и графиня де-Кансель познакомились еще въ монастырѣ, и съ тѣхъ поръ ихъ дѣтская привязанность приняла характеръ горячей и тѣсной дружбы.

Въ то время та, которая должна была позднѣе выйти за графа де-Линьи, была хотя и кровною принцессой, но бѣдною неаполитанкой, которую французскіе родственники помѣстили въ этотъ монастырь, гдѣ никто ее не навѣщалъ и откуда она выѣзжала только на вакаціи, чтобы похоронить себя въ замкѣ въ Пуату. Довольно красивая брюнетка съ правильными чертами, придававшими ей энергію, умная, своевольная, уже тщеславная столько же, сколько гордая, она требовала, чтобы ей воздавали то, что, по ея мнѣнію, слѣдовало ей по положенію. Ея претензіи встрѣчались вообще несочувственно, такъ какъ ея подруги, принадлежа къ французскому дворянству, хотя бы только баронессы, считали себя выше этой неаполитанской принцессы; но Габріэль Лепаркуа, дочь выскочки, приняла ихъ безъ разсужденій, гордясь возможностью провозносить въ своемъ буржуазномъ мирѣ: «моя подруга принцесса Теодолин-

да». Начавшіяся такимъ образомъ хорошія отношенія продолжались такъ, что ничто ихъ не нарушило и не порвало. Выйдя изъ монастыря, Теодоланда, бывшая на три года старше своей подруги, не имѣла глупости ждать, чтобы случай или справедливость судьбы послали ей богатаго мужа, рассчитывать на котораго ей давали право ея происхождение и красота. Уже давно, черезъ стѣны монастыря, она бросила трезвый взглядъ на жизнь и поняла, какая опасная иллюзія рассчитывать на случай или справедливость судьбы, когда не въ состояніи помочь имъ. Поэтому она такъ крѣпко ухватила за пераго представившагося, что не выпустила его. Конечно, онъ не олицетворялъ всего, чего она желала и о чемъ мечтала, но, за неизмѣнимъ лучшимъ, осторожность совѣтовала принять его такимъ, какъ онъ есть. Онъ былъ художникъ, скульпторъ, но не изъ тѣхъ многихъ, которые, поддерживаемые надеждой на успѣхъ въ пятьдесятъ лѣтъ, довольствуются трудовою и нищенскою жизнью. Онъ хотѣлъ успѣха въ двадцать пять лѣтъ, безъ труда и особенно безъ нищеты, и такъ удачно повелъ свои дѣла, что добился того, что было въ его глазахъ равносильно успѣху—денегъ. Родившись въ благородномъ семействѣ, что давало ему право на титулъ графа, онъ шестнадцати лѣтъ пріѣхалъ въ Парижъ и, благодаря счастливымъ природнымъ дарованіямъ, быстро пріобрѣлъ легкость исполненія, которая при серьезной работѣ могла перейти въ талантъ. Но ни къ работѣ, ни къ серьезности онъ не былъ способенъ. Въмѣсто того, чтобы, подобно товарищамъ, трудиться и работать для полученія римской преміи, онъ отправился прямо въ Римъ на собственные средства и открылъ мастерскую, обратившуюся скоро въ фабрику бюстовъ для путешествующихъ англичанокъ и американокъ. Красивый, хорошо одѣтый юноша съ изящными манерами, всегда готовымъ комплиментомъ и графскимъ титуломъ, предоставивъ скучную работу своимъ мастерамъ, могъ отдаться свѣту, каждый вечеръ показываться въ Сассія, галантно проигрывать тамъ нѣсколько золотыхъ, усердно посѣщать посольскія празднества, бывать у знатныхъ лицъ, пробѣжающихъ черезъ Римъ, и свѣтъ, не будучи неблагодарнымъ, отдался ему. Установилась мода не покидать Рима, не пріобрѣсти бюста графа де-Линьи, такъ тонко отдѣланнаго, выточеннаго и выскобленнаго искусными итальянскими мастерами, этими знатоками въ искусствѣ прекраснаго, что эти ослѣпительныя мраморныя статуи покрывались стекляннымъ колпакомъ. Эта торговля принесла ему большіе доходы; за прибылью послѣдовала извѣстность, если не артистическая, то свѣтская. Въ то время, какъ члены жюри говорили: «Не мо-

жешь же мы дать третьей медали этому бѣдному де-Линьи! — свѣтскіе люди, толпясь вокругъ присланныхъ имъ статуй, удивлялись, отчего уже давно ему не дали почетной медали. Не оставляя Рима, онъ открылъ мастерскую въ Парижѣ, вслѣдъ затѣмъ другую въ Вѣнѣ, дѣля время между этими тремя городами, идя на встрѣчу тѣмъ, которые не побезпокоились бы доѣхать до него: американецъ по-матери, французъ по рожденію, римлянинъ по воспитанію, австріецъ по вкусу, онъ былъ соотечественникомъ всѣхъ тѣхъ, кто уступалъ желанію видѣть себя увѣковѣченнымъ статуей изъ бѣлаго мрамора. Этотъ — то космополитизмъ заставилъ Теодолинду рѣшиться на выборъ: какъ ни скромно было для ея тщеславія положеніе мужа, живущаго работой рукъ своихъ, какъ ни скуденъ былъ для ея аппетитовъ бюджетъ, который онъ могъ ей предложить, перспектива имѣть театромъ Парижъ, Римъ и Вѣну рѣшила ея колебанія. Бракъ не есть ли ассоціація? Онъ сдѣлаетъ сноснымъ это положеніе, если не улучшить его. Послѣ четырехъ лѣтъ супружества она была одной изъ самыхъ видныхъ женщинъ изъ выдвигающихся впередъ: говорили объ ея брилліантахъ, лошадяхъ, объ ея отелѣ на бульварѣ Малербъ; въ Римѣ газеты возвѣщали о ея прибытіи, въ Вѣнѣ ее ждали. Какимъ образомъ то, что зарабатывалъ де-Линьи, могло хватать на подобное существованіе, это была тайна. Завистники говорили, что въ Вѣнѣ она была хороша съ однимъ эрцгерцогомъ; что въ Римѣ на нее разорился какой-то римскій князь; въ Парижѣ, наконецъ, ее окружала толпа богатыхъ американцевъ, ухаживавшихъ за ней не изъ одного удовольствія пожимать руку своего соотечественника де-Линьи. Хотя эти исторіи были очень возможны и даже правдоподобны, но онѣ не подтверждались никакимъ шумомъ, никакимъ скандаломъ, позволившимъ бы Жофруа порвать неправившуюся ему дружбу. Всѣ знали, что госпожа де-Линьи тратитъ вдесятеро больше, чѣмъ зарабатываетъ ея мужъ, но никто не могъ съ достовѣрностью указать на источникъ, откуда доставала она эти деньги.

Его неприязнь къ г-жѣ де-Бодемонъ, хотя и менѣе сильная, была, все-таки, достаточна, чтобы находить присутствіе этой подружки жены стѣснительнымъ для себя въ данный моментъ. Не будучи вдовой, г-жа де-Бодемонъ, еще очень молодая женщина, не имѣла мужа, и условія, при которыхъ произошло это добровольное вдовство, дѣлали ея положеніе очень щекотливымъ. Бывши въ продолженіе шести лѣтъ, съ шестнадцати до двадцати двухъ, одной изъ царицъ баловъ, гдѣ ея красота производила фуроръ своею оригинальностью, она рѣшилась, наконецъ, выйти замужъ за милаго,

умнаго человѣка, хорошей фамиліи, а черезъ мѣсяць они разстались по взаимному соглашенію, приче́мъ никто не зналъ истинной причины этого разрыва, надѣлавшаго, несмотря на таинственность, которой старались его окружить, много шума въ Парижѣ. Въ то время какъ мужъ исчезъ, жена, не задумываясь надъ затруднительностью своего положенія, продолжала всюду показываться, днемъ въ сопровожденіи отца, вечеромъ—матери, которые, послѣ обманутой надежды на вполне, впрочемъ, заслуженный покой, мѣнялись этими тяжелыми обязанностями.

— Вы много потеряли, что не поѣхали съ нами въ академію, — сказала Теодолинда, обращаясь къ Жофруа.

— Рѣчи были интересны?

— Я не слыхала ни слова.

— Вы знаете, — прервала г-жа де-Бодемонъ, — какъ скучны академическія рѣчи.

— Это зависитъ отъ дней.

— Дѣйствительно, — замѣтилъ де-Линьи, — это дѣло вкуса. Сколько нанизываютъ они словъ, не спутавшись! Повидимому, чѣмъ больше, тѣмъ лучше.

— И что же? — спросилъ Жофруа.

— Что насъ развлекало, — сказала г-жа де-Линьи, — такъ это идея Габріэли.

— Васъ это удивляетъ? — спросила графиня, отвѣчая на взглядъ мужа.

— То, что говорить м-ше де-Линьи, возбуждаетъ любопытство, а не удивленіе, — отвѣтилъ Жофруа, нисколько на видъ не оскорбленный нелюбезнымъ тономъ этого вопроса.

— Если вы читаете когда-нибудь газеты, — продолжала г-жа де-Линьи, — то вы должны были, какъ Габріэль, замѣтить, что въ отчетахъ объ академическихъ засѣданіяхъ говорится всегда о шляпахъ, надѣваемыхъ для этихъ церемоній женами академическихъ кандидатовъ. Почему шляпы пользуются такимъ преимуществомъ, я не знаю. Но это такъ. Только что мы почувствовали скуку...

— И ужаснѣйшую! — встала г-жа де-Бодемонъ.

— Какъ Габріэли пришла въ голову мысль узнать женъ кандидатовъ по шляпамъ.

— Загадка! — замѣтилъ де-Линьи.

— И мы начали разсматривать, къ величайшему изумленію...

— Скажите — скандалу.

— Нашихъ сосѣдей и сосѣдокъ, которые никакъ не могли понять нашего непочтительнаго поведенія. Какая коллекція...

— Сосѣдей?

— Шляпъ: и благородныя, и скромныя, и занесивающія, и вызывающія, и слезливыя, и веселыя,—шляпа говорила о талантъ и претензіяхъ мужа. Наконецъ, мы остановились на семи доказанныхъ кандидаткахъ; робія и стыдливыя не считались.

— Почему узнается доказанная кандидатка?

— По шляпѣ же.

— А доказательство, что шляпа не обманула...

— Это доказательство, — продолжала Габріэль, — далъ намъ г. де-Линья; рядомъ съ нимъ сидѣлъ его знакомый журналистъ, и на его вопросъ тотъ отвѣтилъ, что изъ семи указанныхъ нами пять были вѣрны. Онъ расскажетъ это въ своей газетѣ.

— Это будетъ очень забавно, — замѣтилъ де-Линья.

— Особенно, — сказалъ Жофруа, — если онъ скажетъ, что эти замѣчательными фізіономистками были г-жи де-Линья, де-Бодемонъ и де-Банюель.

— Вы опять съ вашимъ вѣчнымъ страхомъ газетъ, — замѣтила Габріэль.

— Такъ это болѣзнь, — воскликнула г-жа де-Линья, — надо будетъ излечить ее.

Жофруа подумалъ, не воспользоваться ли этимъ вступленіемъ, но, поразмысливъ, воздержался: замѣчаніе, какъ бы осторожно и рассчитано ни было, могло быть только опаснымъ въ присутствіи этихъ женщинъ, вліяніе которыхъ было часто противоположно его вліянію. Къ тому же, оно было бы уже не у мѣста въ этомъ разговорѣ, перескочившемъ на дамскіе туалеты, замѣченные въ академіи: на платьѣ «vert Nil» такой-то, туалетъ «bleu Sévres», вышитый жемчугами, другой, носятъ ли высокія шляпы, или низкія. Де-Линья приводилъ эстетическія основанія, чтобы поддержать то или другое рѣшеніе, и дѣлалъ это съ важностью артиста, сознающаго свой авторитетъ.

Между тѣмъ, величественный метръ-д'отель подавалъ чай на столъ, поставленный въ углу гостиной; не произнося ни слова, онъ знаками распорядился своими подчиненными, разставившими въ глубокомъ молчаніи: серебряный самоваръ, тарелки съ тартинками и пирожками и, по-англійски, вазы со льдомъ, въ которыхъ полулежали бутылки шампанскаго.

Пріѣзжали новые гости, мужчины цѣловали руку у хозяйки, брали стулъ или кресло и разговоръ продолжался о пустякахъ, объ объявленной свадьбѣ, разѣхавшихся супругахъ, намѣреющихся разѣхаться, о модномъ романѣ, причѣмъ вноль пришед-

шій повторялъ часто въ тѣхъ же выраженіяхъ то, что уже разска- залъ прибывшій ранѣе его гость. Жофруа мало вмѣшивался въ этотъ разговоръ, ровно настолько, насколько этого требовало при- личіе. Въ томъ настроеніи, въ какомъ онъ вошелъ въ гостиную, эта болтовня раздражала его: неужто они никогда не кончатъ? Между тѣмъ, недовольство на жену, вызванное предложеніемъ Сильвы, начало понемногу ослабѣвать. Не было ли вліяніе этихъ друзей причиной ея желанія, чтобы о ней говорили? Если бы она управляла своими желаніями и руководила своею жизнью, ей, ко- нечно, не пришла бы въ голову подобная мысль, — виноваты ея по- други, онъ одинъ.

Сидя передъ окномъ съ опущенною отъ солнечнаго свѣта сто- рой, придававшей ея лицу розовый отбѣнокъ, она показалась ему красивѣе, чѣмъ когда-либо: она была высока, стройна, съ широ- кими плечами, полною грудью и тонкою таліей и при этомъ замѣ- чательно красивымъ лицомъ; тонкій орлиный носъ спускался съ низкаго лба, закрытаго густыми бѣловурными въющимися волоса- ми; верхняя губа въ почти постоянной улыбкѣ открывала вели- козубные бѣлые зубы. Щеки были полны и блѣдны, глаза свѣтло- коричневые, продолговатой формы, съ рѣсницами гораздо болѣе тем- ными, чѣмъ волосы. Цвѣтъ кожи, матовый, прозрачный, былъ не- обыкновенно эффектенъ. Такимъ образомъ, никто не находилъ уди- вительнымъ, что ее включали въ число первыхъ красавицъ Парижа.

Не ужасно ли, что эта прелестная женщина, на которой онъ женился за ея красоту, а не за богатство, такъ мало принадлежа- ла ему и такъ всецѣло — другимъ, свѣту, друзьямъ, первому по- навшемуся, каждому неизвѣстному человѣку?

Чье-то восклицаніе прервало его размышленія.

— Готовьте трауръ, — говорилъ кто-то, — г-жа де-Префаль утрачена на годъ, по крайней мѣрѣ, а, можетъ быть, и навсегда; кто можетъ предвидѣть ущербы, которые нанесетъ материнство ея красотѣ?

— Но это ужасно! — воскликнула г-жа де-Бодемонъ.

— Что ужасно? — спросилъ Жофруа.

— Чтобы такая женщина, какъ г-жа де-Префаль, имѣла дѣ- тей, — отвѣтила Теодолинда.

— Такъ зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, она выходила замужъ?

— Ахъ, милый мой, не говорите же такихъ вещей! — восклик- нула Габріэль.

— Дѣйствительно, — продолжалъ де-Линьи, — для истинно-кра- сивой женщины материнство неочастіе...

— Конечно!—подтвердила г-жа де-Будемонъ.

— И даже чудовищность, — продолжалъ де-Линьи, — разумеется, съ точки зрѣнія эстетической. Красивая, дѣйствительно красивая женщина не должна принадлежать ни къ какому полу.

— Это идея!—замѣтилъ Жофруа съ насмѣшливою улыбкой.

— Совершенно вѣрно! Какъ вы хотите, чтобы у такой женщины были дѣти? Ея чистое совершенство испортится материнствомъ. Я, впрочемъ, иду дальше и утверждаю, что красота создана не для того, чтобы возбуждать любовь...

— Внушать любовь одно, а раздѣлять ее—другое,—замѣтила Габриэль.

— Живость, грація, пикантность, оригинальность возбуждаютъ любовь, а не правильная красота; вздернутый носъ привлекаетъ сердца, а не прямой. Съ точки зрѣнія эстетической, — онъ любилъ вмѣшивать въ свои разговоры эстетику, этотъ скульпторъ, такъ мало вносившій ее въ свои произведения, — съ точки зрѣнія эстетической, парижанка хороша развѣ? Нѣтъ, — по крайней мѣрѣ, въ общемъ. Любима ли она? Я васъ не спрашиваю объ этомъ. И такъ, въ заключеніе я скажу, что женщина, одаренная божественнымъ даромъ красоты, должна благоговѣнно беречь себя и предаваться не чувственнымъ удовольствіямъ, а умственнымъ радостямъ.

Жофруа всталъ съ своего мѣста и направился къ де-Линьи, чтобы отвѣтить ему, но жена предупредила его.

— Отлично, — воскликнула она, — вотъ это хорошо сказано!

Онъ остановился на секунду, затѣмъ направился къ двери.

— Вы покидаете насъ?—спросила Теодолинда.

— Меня ждетъ архитекторъ, чтобы сдѣлать послѣдній осмотръ.

— Въ особенности обратите вниманіе на подставку для аксессуаровъ котильона.

— Она готова; осталось только поставить ее на мѣсто.

— Правда ли то, что говорятъ объ этихъ аксессуарахъ?—спросилъ кто-то. — Рассказываютъ удивительныя вещи.

Жофруа хотѣлъ отвѣтить, но жена перебила его.

— Не будемъ касаться сюрпризовъ!—сказала она.

— Такъ будутъ сюрпризы?

III.

Не встрѣтивъ архитектора, давно уже уѣхавшаго, Жофруа не захотѣлъ вернуться въ гостиную, откуда вывела его вспышка раздраженія; очевидно, онъ до обѣда не найдетъ случая поговорить

наединѣ съ женой; при такихъ условіяхъ лучше всего было бы подготвить этотъ разговоръ такъ, чтобы его поддержалъ союзникъ, и этимъ союзникомъ могъ быть только его тесть: такъ какъ касса Лепаркуа платила за печатаніе статей *Кандиду* и редакціямъ другихъ газетъ, то будетъ вполне естественно, если онъ объяснится съ тестемъ относительно предложеній Сильвы и выскажетъ ему свой взглядъ по этому поводу. На улицѣ Россини помѣщались конторы Лепаркуа; въ первомъ этажѣ на мѣдныхъ дощечкахъ, вѣланныхъ въ обѣ половинки двери, было написано — на одной: «Лепаркуа. Металлы. Мины въ Монтана (Соединенные Штаты); Атакама (Чили); Гвадалаяра (Испанія); Іо (Японія)»; на другой: «Фабрики въ Обервиллѣ (Сена); Гравиллѣ (Нижняя Сена); Тибувиллѣ (Эрв); Меанв (Нижняя Луара); Ле Буко (Нижніе Пириней); Брансв (Гаронна); Эстажв (Устье Роны)». Какъ ни рѣдко бывалъ здѣсь Жофруа, его, все-таки, знали, и все взоры обратились къ нему. Онъ направился въ кабинетъ своего тестя, когда главный прикащикъ, выйдя изъ-за рѣшетки, поспѣшилъ ему на встрѣчу.

— Вамъ угодно видѣть г. Лепаркуа? Его нѣтъ здѣсь.

— Прійдетъ онъ сюда вечеромъ?

— Не думаю. Онъ на улицѣ Сентъ-Мargarиты, по случаю посвященія комиссіи объ оздоровленіи квартиръ. Онъ проѣдетъ отсюда прямо въ отель, и довольно поздно, должно быть.

— Въ такомъ случаѣ, я, вѣроятно, застану его въ улицѣ Сентъ-Мargarиты?

Прикащикъ вынулъ изъ кармана часы и посмотрѣлъ.

— Да, конечно, еще часа полтора, по крайней мѣрѣ. Вы знаете, г. Лепаркуа любитъ бывать на улицѣ Сентъ-Мargarиты: какъ ни высоко то положеніе, котораго онъ достигъ, онъ не забываетъ, что онъ оттуда вышелъ, и любитъ этотъ старый отцовскій домъ. На его мѣсть другіе краснѣли бы, онъ же гордится настолько, что въ прошломъ году приказалъ нарисовать заново стершееся отъ времени имя Лепаркуа на вывѣскѣ старой лавочки.

Жофруа довольно часто слышалъ рассказы тестя объ его происхожденіи, чтобы имѣть понятіе объ этой лавочкѣ, торгующей старымъ желѣзомъ, но самъ онъ никогда не былъ въ ней. Нарисованное имя на вывѣскѣ поможетъ ему найти ее и безъ болѣе точныхъ указаній, которыя ему неприятно было спрашивать у прикащика.

Онъ остановилъ экипажъ въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ и иѣшкомъ направился по улицѣ Сентъ-Мargarиты, и, къ его удивленію, она оказалась мощенной и съ тротуарами, тогда какъ онъ зналъ, что она считается одной изъ самыхъ нездоровыхъ улицъ

Парижа, и ожидалъ встрѣтить ямы и клоаки, которыхъ еще такъ много на нѣкоторыхъ улицахъ. Но, подвигаясь впередъ и загадывая внутрь узкихъ, кривыхъ дворовъ, онъ понялъ, что она не несправедливо заслужила свою дурную репутацію; такъ, то, что онъ замѣтилъ въ полуирагѣ, было грязно и издавало зловоніе: невольно возникалъ вопросъ, не были ли эти полуразваленные и грязные дома мѣстомъ изслѣдованія для науки человѣческаго гніенія и развитія его зародышей? Когда, во время эпидеміи, свирѣпствовавшей здѣсь сильнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, городъ захотѣлъ оздоровить эти дома, онъ сдѣлалъ ихъ еще болѣе зловредными: такъ какъ, вслѣдствіе поднятія мостовой, дома оказались значительно ниже ея уровня, то вода не могла стекать и оставалась во дворахъ, мѣшаясь съ нечистотами и образуя гучи навоза. Изъ воротъ вырывался удушливый воздухъ, сжимавшій горло Жофруа. Какими смрадными ремеслами, какими вредными промыслами занимаются въ этихъ домахъ? Нѣкоторые были заняты магазинами старьевщиковъ, другіе мастерскими для распарыванія старой обуви; но большая часть винными лавочками, молочными, ночлежными домами, названія которыхъ казались насмѣшкой въ этомъ мерзкомъ кварталѣ: «отель Богоматери, отель прекрасная Италія, отель маленькій замокъ». Что можетъ напоминать прекрасную Италію въ этомъ мрачномъ домѣ? Какія помѣщенія могъ предложить своимъ гостямъ этотъ маленький замокъ?

Жофруа дошелъ до лавочки со старымъ желѣзомъ, занимающей нижній этажъ одного изъ самыхъ ветхихъ домовъ на всей улицѣ и въ которую можно было войти только согнувшись. Надъ дверями красовалась вывѣска желтыми буквами: «Лепаркуа». Идя по этой улицѣ, Жофруа не ожидалъ, что увидитъ лавочку, откуда вышелъ его тестъ, роскошно обставленною, но дѣйствительность значительно превзошла то, что онъ смутно представлялъ себѣ. Такъ какъ подъемъ мостовой уменьшилъ высоту нижняго этажа, то, естественно, онъ уменьшилъ и высоту двери и оконъ. Надо было спуститься на нѣсколько ступеней, чтобы попасть въ эту лавочку, обратившуюся въ подвалъ, куда чуть-чуть проникалъ свѣтъ и гдѣ все было черно: полъ, стѣны, потолокъ, котлы, кастрюли, машины, инструменты; черна была и старуха, которую онъ замѣтилъ въ углу на скамейкѣ, прямая и неподвижная, какъ статуя, въ черномъ шелковомъ чепцѣ и черномъ шерстяномъ платкѣ, надѣтомъ сверхъ чернаго ситцеваго платья и завязанномъ вокругъ талии. Онъ нигдѣ не видѣлъ тестя. Нагибаясь, чтобы не прошибить головы о притолку, оцупывая ногой скользкія ступень-

ки, чтобы не упасть, онъ спустился въ лавочку и спросилъ господина Лепаркуа.

— Онъ въ домѣ съ комиссіей; скоро вернется, — отвѣтила черная старуха. — Можете подождать, если вамъ надо его видѣть.

И больше ничего; она не предложила ему даже стула, потому, можетъ быть, что его не было въ лавочкѣ.

Не долго пришлось ему ждать; раздался шумъ шаговъ и голосовъ, отворилась дверь и въ лавочку вошло нѣсколько мужчинъ съ бумагами и портфелями, въ сопровожденіи высокаго господина лѣтъ пятидесяти, немного согбеннаго, но свѣжаго и бедраго, украшеннаго орденомъ Почетнаго Легіона. Это былъ Лепаркуа. Начатый разговоръ продолжался и Жофруа, котораго никто не замѣтилъ, остался въ своемъ темномъ углу, полузакрытый листами стараго желѣза, привѣшанными къ потолку.

— Чтобы закончить, — говорилъ одинъ изъ мужчинъ, — мы предупреждаемъ васъ, что потребуемъ строгаго исполненія закона 1883 года, сообразно съ которымъ префектура полиціи закроетъ, конечно, ваши меблированныя комнаты. Не забудьте, что изъ сорока семи случаевъ холеры во время послѣдней эпидеміи семь покойниковъ было въ этомъ домѣ. И развѣ можетъ быть иначе въ этихъ чуланахъ, какіе у васъ въ глубинѣ двора, гдѣ спятъ двѣнадцать или пятнадцать бѣднягъ? Вѣдь, это не выходитъ восьми кубическихъ метровъ на человѣка.

— Что же я-то могу сдѣлать? — отвѣтилъ Лепаркуа. — Неужели вы думаете, что тѣ, кто соглашается жить въ этихъ чуланахъ, были бы въ состояніи платить за помѣщеніе въ грандъ-отелѣ?

— Отчего не разрушите вы этотъ старый домъ, совершенно разваливающійся?

— Требуите отчужденія собственности; статья тринадцатая закона отъ 13 апрѣля 1850 года позволяетъ вамъ это.

— Это предложеніе мы внесемъ.

— Тогда я общаю вамъ скупить сосѣднія мѣста и выстроить тамъ мастерскія; у меня уже готовъ планъ.

— Вы были бы благодѣтелемъ квартала.

— Очень желалъ бы этого.

Члены комиссіи объ оздоровленіи домовъ вышли, нагнувшись въ дверяхъ, и когда Лепаркуа спустился съ ступенекъ, на послѣдней онъ увидалъ передъ собой своего зятя.

— Вы? Что случилось? Габріэль...

— Габріэль здорова, успокойтесь.

— Какъ вы испугали меня!

— Я хотѣлъ поговорить съ вами до обѣда и, не заставши васъ въ улицѣ Россини, пріѣхалъ сюда.

— Вы видите, гдѣ я родился, мой милый Жофруа, и откуда вышелъ.

Глядя на глиняный полъ лавочки, онъ смиренно произнесъ первыя слова этой фразы и, возведя очи къ небу, съ гордостью договорилъ фразу.

Затѣмъ онъ почтительнымъ тономъ позвалъ старуху:

— Розалія.

Она встала и важно, медленными шагами, съ видомъ сивиллы, подошла къ нимъ.

— Кузина, — сказалъ Лепаркуа, — тебѣ давно хочется видѣть мужа Габріэли: вотъ онъ.

Она поклонилась и отвѣтила съ сильнымъ ниже-нормандскимъ акцентомъ:

— Я очень рада.

Кузина!... Эта старуха — кузина!... Взглянувъ на нее, Жофруа понялъ, почему онъ раньше не видалъ ее: какой презрительный видъ приняла бы графиня Канюель, увидѣвъ ее у себя за столомъ!

— Такъ какъ вамъ надо со мной говорить, — сказалъ Лепаркуа, — то поѣдете.

— Я оставилъ экипажъ въ предмѣстьѣ, — замѣтилъ Жофруа.

— А, вы пріѣхали въ экипажѣ, тѣмъ лучше; я же пріѣзжаю сюда всегда въ омнибусѣ и даже на площадкѣ; это молодитъ меня.

Идя по улицѣ Сентъ-Маргариты, они говорили о пустякахъ, — Жофруа потому, что находилъ, что здѣсь не мѣсто начинать серьезный разговоръ, Лепаркуа — потому, что у него была привычка выжидать, притворяясь откровеннымъ.

— Я хочу съ вами говорить о Габріэли, — сказалъ Жофруа, когда они сѣли въ карету.

— Я догадываюсь отчасти, — отвѣтилъ Лепаркуа съ довольною улыбкой.

— А-а!...

— Надѣюсь, что вы не собираетесь жаловаться на нее или жалѣть себя?

— Напротивъ, чтобы жаловаться на нее и жалѣть себя, я подвергаю васъ скукѣ этого разговора.

— Неужели?... Я не ожидалъ этого.

— Вѣрьте, что рѣшиться на это мнѣ стоило большаго труда, и я поступаю такъ только потому, что вы нужны мнѣ, чтобы положить конецъ невыносимому положенію.

Ленаркуа не хотѣлъ бы начинать разговора, угрожающаго быть неприятнымъ, такъ какъ онъ нѣжно любилъ дочь; онъ попробовалъ поэтому обратить его въ шутку.

— Такъ вы пріѣхали попросить меня лишить ее наслѣдства?

Но Жофруа отвѣтилъ очень серьезно:

— Можетъ быть, это было бы самое лучшее; если бы Габріэль была бѣдна, я думаю, мнѣ не пришлось бы сдѣлать ей ни одного упрека.

— Знаете, мой милый Жофруа, вы преоригинальный зять.

— Я говорю серьезно.

— Это-то я и называю оригинальностью. Какъ, у васъ красивая, молодая, умная, богатая жена, которая любитъ васъ...

— Любить.

— Надѣюсь, что вы не скажете, что она не любитъ васъ; ваша женитьба не доказываетъ развѣ ея любви? Случайно изъ окна своей комнаты она увидѣла васъ проѣзжающимъ верхомъ на лошади и замѣтила, что вы самый изящный, самый представительный изъ всѣхъ кавалеровъ; на другой день и на слѣдующіе она находится у того же окна, когда вы проѣзжаете мимо, и впечатлѣніе, которое вы въ первый разъ произвели на нее, все усиливается. Въ воскресенье въ Лоншанѣ ей называютъ васъ и она узнаетъ, такимъ образомъ, кто вы, какого рода, какъ протекала ваша юность около нѣжно любимой матери, въ серьезныхъ и глубокихъ занятіяхъ. Ея умъ работаетъ, восхищается, сердце воспламеняется и въ одинъ прекрасный день она объявляетъ мнѣ, что не выйдетъ замужъ ни за кого, кромѣ графа Жофруа де - Канюель. Если это не любовь, что это?

— Какъ и вы, я повѣрилъ этой любви и потому женился; но немного надо было мнѣ времени, чтобы узнать, что моя жена не только не любитъ меня, но и неспособна любить.

— Что вы говорите?

— Истину, къ несчастью. Вы поймете мое горе. Я женился не потому, что Габріэль была богата, а я разоренъ, но потому, что ея красота очаровала меня, а также и въ особенности потому, что я надѣялся найти въ ней тѣ же чувства, которыя были во мнѣ.

— Вѣдь, сказала же она мнѣ, что не выйдетъ ни за кого, кромѣ васъ?

Не отвѣчая на этотъ доводъ, Жофруа продолжалъ:

— Вы знаете, въ какихъ нравственныхъ условіяхъ я находился тогда: потрясенный внезапною кончиной матери, я нуждался въ любви, привязанности и воображалъ, что Габріэль можетъ ихъ дать

миѣ. Дѣйствительность была жестока, очень жестока, но, тѣмъ не менѣе, я не отчаявался. Потому, что Габріэль не такая, какъ я ожидалъ, я не долженъ былъ думать, что не пробужу въ ней тѣхъ чувствъ, которыхъ ей недоставало: есть женщины, и даже очень хорошія, которыхъ создали ихъ мужья. Вы были свидѣтелемъ первыхъ мѣсяцевъ нашего брака, вы видѣли, какъ окружалъ я ее нѣжностью...

— Это правда.

— Какъ во всемъ, въ серьезныхъ вещахъ и въ пустякахъ, въ жизни матеріальной и въ жизни ума и сердца, я всецѣло отдался ей. Въ жизни матеріальной я достигъ успѣха; знакомя ее съ обычаями, которыхъ она не знала, я заинтересовалъ ее; съ этой стороны я былъ именно тотъ мужъ, котораго она желала, искала. Но во всемъ, что касается ума и сердца, было обратное: я надобѣлъ ей. Когда я пробовалъ заставить ее читать или читалъ самъ вслухъ то, что могло ее взволновать, вызвать искру, которую я ожидалъ, она зѣвала, и мы закрыли книги, чтобы никогда не раскрывать ихъ. Для нея существуетъ только два театра: французскій во вторникъ, а не въ четвергъ, и опера въ понедѣльникъ, а не въ пятницу, — и, сидя въ ложѣ, она видитъ только туалеты дамъ и бинокли, направленные на нее, и слышитъ только свѣтскія сплетни, которыя передаютъ ей или о которыхъ разговариваютъ сидящіе тутъ мужчины и дамы: страсть, выраженная на сценѣ въ поэзіи или музыкѣ, ничего не говоритъ ей. Когда мы путешествовали, искусство на памятникахъ, картинахъ, статуяхъ также ничего не говорило ей, какъ и красота природы, когда мы гуляли вдвоемъ: она свѣтская женщина, только свѣтская; появиться, заставить говорить о себѣ, о своихъ туалетахъ, богатствѣ, отелѣ, экипажахъ, собирать поклоненіе, откуда бы оно ни приходило, имѣть толпу ухаживателей, показываться всюду, гдѣ считается шикомъ бывать днемъ и вечеромъ, въ этомъ заключается вся жизнь ея.

— Развѣ это не естественно въ ея годы?

— Можетъ быть, но въ томъ случаѣ, если не жертвуютъ при этомъ своимъ достоинствомъ, достоинствомъ своего имени и положенія.

— Достоинство—вотъ громкое слово!

— Вѣрное, къ несчастью; вы увидите это.

Карета быстро проѣхала улицу Сентъ-Антуана и Риволи и хотѣла повернуть въ предмѣстье Оперы, когда Жофруа, опустивъ стекло, приказалъ шагомъ проѣхать по предмѣстью Елисейскихъ

полей и вернуться въ отель; затѣмъ, поднявъ стекло, онъ разска-
залъ о посѣщеніи и предложеніяхъ Сильвы.

Все время, пока Жофруа объяснялъ характеръ жены, Лепар-
гуа казался озабоченнымъ; исторія же о посѣщеніи Сильвы оста-
вила его, напротивъ, совершенно спокойнымъ.

— Такъ это важно?—спросилъ онъ, когда Жофруа окончили
разсказъ.

— Какъ важно?

— И это-то васъ сердить?

— Конечно.

— Ну, такъ, мой милый Жофруа, вы на меня должны сер-
диться гораздо больше, чѣмъ на вашу жену, такъ какъ я истинный
виновникъ, единственный виновникъ. Замѣтивъ, что Габріель лю-
бить видѣть напечатаннымъ въ газетахъ свое имя, съ прибавлені-
емъ нѣсколькихъ любезныхъ словъ, я захотѣлъ доставлять ей ак-
куратно это удовольствіе, которое случилось изрѣдка, какъ, впро-
чемъ, все, что предоставляютъ случаю, и я поручилъ Гаскину, зани-
мающемуся въ моемъ домѣ публикаціями, составлять эти краткія
замѣтки и печатать въ газетахъ; онъ, конечно, вошелъ въ согла-
шеніе съ Сильвой или, вѣрнѣе, Сильва съ нимъ; вотъ зло, если
только оно есть.

— Конечно.

— Да неужели же преступленіе со стороны свѣтской женщины
заставитъ говорить о себѣ въ газетахъ? Во вчерашнемъ *Канди-
дъ* было напечатано три столбца на первой страницѣ о балѣ гер-
цогини де-Шармонтъ. *Бульваръ* нѣсколько дней тому назадъ на-
печаталъ также три столбца о карагенскомъ праздникѣ...

— Данномъ въ ея замкѣ Людовика XV, — перебилъ Жофруа.

— Принцессой д'Оссонъ. Развѣ де-Шармонтъ и д'Оссонъ не
знатныя дамы, не очень знатныя дамы?

— По имени, которое онѣ носятъ, — да, но только по имени.
Отецъ г-жи де-Шармонтъ обанкротился, и скандально обанкротился;
отецъ принцессы д'Оссонъ сидѣлъ въ Мазасѣ. И вотъ собственно
почему онѣ стремятся, чтобы говорили о нихъ; онѣ важничаютъ
и безстыдно воображаютъ, что прибрѣтенная извѣстность замѣ-
нить имъ потерянное уваженіе. Посмотрите, развѣ дѣйствительно
громкія имена фобурга прибѣгаютъ къ этому приему, который,
за рѣдкими исключеніями, есть признакъ пятна или буржуазна-
го происхожденія? Это къ вамъ не относится, такъ какъ нѣтъ
состоянія, прибрѣтеннаго честиѣ вашего, только силой труда и
ума. Но буржуазное происхожденіе Габріели налагаетъ на нее безу-

коризненность поведения, которой она не соблюдаетъ, добиваясь вульгарныхъ рекламъ, годныхъ для госпожъ де-Шармонтъ, д'Оссонъ и для другихъ старыхъ шарлатанокъ. Этой роли я не позволю играть графинѣ Канюель и поэтому-то, послѣ посѣщенія этого печатальщика, я хотѣлъ поговорить съ вами, чтобы вы поддержали меня въ разговорѣ, который я буду сегодня же вечеромъ имѣть съ женою. Нашъ праздникъ не долженъ послужить матеріаломъ для печати и я надѣюсь на вашу поддержку. Согласны вы?

Лепаркуа колебался минуту.

— Конечно,—сказалъ онъ, наконецъ,—я понимаю всю силу основаній, изложенныхъ вами сейчасъ и о которыхъ, сознаюсь, я не подумалъ раньше, но, между тѣмъ, мнѣ бы не хотѣлось огорчать Габріэль... сегодня.

— Праздникъ не позволяетъ намъ выбрать другое время.

— Такъ какъ вы прибѣгли къ моему содѣйствію, вы, значить, чувствовали, что ваши замѣчанія могутъ вызвать споръ, не правда ли?

— Я хотѣлъ, чтобы Габріэль увидѣла отца и мужа соединенными противъ ея подругъ де-Линьи и де-Бодемонъ.

— Я понимаю и повторяю: я съ вами, весь съ вами, такъ какъ г-жа де-Линьи и г-жа де-Бодемонъ стѣсняють меня такъ же, какъ и васъ, только я прошу васъ избавить Габріэль отъ спора.... сегодня.

— Сегодня? Вы два раза повторили это слово съ многозначительнымъ удареніемъ. Объяснитесь.

— Когда вы сказали мнѣ сейчасъ, что будете говорить со мной о Габріэли, я отвѣтилъ вамъ, что надѣюсь, что вы не будете жаловаться на нее,—вотъ объясненіе моихъ словъ и, въ то же время, слова «сегодня». Сегодня утромъ, послѣ вашего отъѣзда, Габріэль почувствовала себя нехорошо и я послалъ за Проби...

— Она ничего не сказала мнѣ, когда я вернулся.

— Потому что ея дурнота не имѣла послѣдствій и особенно потому, что Проби не былъ съ ней такъ откровененъ, какъ со мной. Однимъ словомъ, мой дорогой, онъ предполагаетъ беременность....

— Предполагаетъ?

— Т.-е. онъ констатировалъ всѣ симптомы беременности.

— И вы не сказали мнѣ!

— Вы не дали мнѣ времени сказать. Вы видите теперь, почему я просилъ васъ не дѣлать замѣчаній Габріэли сегодня.

— Ни сегодня, ни завтра!—воскликнулъ Жофруа дрожащимъ

голосомъ.—Габріэль—мать... всѣ мои недовольства исчезли, какъ исчезъ страхъ за будущее.

Лепаркуа, взявъ его за руки и, пожимая ихъ, взволнованно произнесъ:

— Ахъ, мой дорогой Жофруа, какъ вы обрадовали меня; я опять нахожу того человѣка, котораго шесть мѣсяцевъ считалъ потеряннымъ! Теперь надо думать только о ребенкѣ и я уже занялся этимъ. Сегодня же я затѣялъ такое предпріятіе, которое къ концу мѣсяца дастъ мнѣ большой барышъ. Это будетъ приданнымъ ребенка. Пять или шесть милліоновъ, положенные на имя новорожденного младенца, составятъ хорошенькій капиталецъ къ двадцати годамъ.

IV.

Они оба были счастливы и улыбались, смотря другъ на друга съ сиюющими, взволнованными лицами и дрожащими руками, мужъ—потому, что ему возвращалась его жена и вмѣстѣ съ ней достоинство и благосостояніе семьи; отецъ—потому, что отнынѣ окончательно заключался миръ между дочерью и зятемъ въ тѣсной близости надъ колыбелью; наконецъ, оба—потому, что навѣки разсѣвались мучившія ихъ безпокойства и возвращались радужныя надежды первыхъ дней брака.

— Вы ничего не предчувствовали?—спросилъ Лепаркуа.

— Ничего.

— Мнѣ слѣдовало бы предоставить Габріэли сообщить вамъ эту радость.

— Сообщила ли бы она ее?

— Не сомнѣвайтесь.

— Всего нѣсколько минутъ тому назадъ я слышалъ, какъ она одобряла де-Линьи, утверждавшаго, что истинно-прекрасная женщина не должна имѣть дѣтей.

— Разговорное мнѣніе, будьте увѣрены, котораго, я пари держу, она не поддержала бы, если бы г-жа де-Бодемонъ или Теодолinda не раздѣляли его. Я увѣрю васъ, что вы не знаете Габріэли. Вы увидите, когда ее понемногу охватитъ чувство материнства, какія сокровища нѣжности скрываются подъ ея холодною оболочкой и свѣтскимъ лоскомъ: она считаетъ неприличнымъ нѣжничать, вотъ истина. Изъ гордости вы не настаивали, чтобы заставить ее выказать эту нѣжность,—ребенокъ не будетъ такъ сдержанъ.

— Прошлое умерло, не будем больше говорить о немъ; наша жизнь начинается сегодня.

— И я желаю, чтобы она началась для всѣхъ трехъ.

— Въ какомъ смыслѣ?

— Вы хотѣли объясняться съ Габріэлю. Я хочу тоже имѣть объясненіе, но въ другомъ родѣ, какъ только мы останемся втроемъ, я объявлю ей то, что сказалъ Проби, и вы увидите, вы увидите!

Они подѣхали къ отелю, такъ что Жофруа не успѣлъ сказать, что подобная проба можетъ оказаться неосторожной, да и какія, впрочемъ, могъ онъ привести доказательства, чтобы причинить это горе отцу, полному вѣры въ свою дочь? Они всѣ въ прошломъ, а оно не существуетъ.

— Если мы застанемъ ее одну, — сказалъ Лепаркуа, поднимаясь по лѣстницѣ, — я сейчасъ же объявлю ей надежды Проби; обѣдъ будетъ веселѣе!

Но они совсѣмъ не застали ее дома; лавей, отворившій дверь, подалъ Жофруа карточку, которую тотъ, прочитавши, передалъ тестю.

«Вдемъ съ Теодолиной, де-Бодемонъ и де-Линьи обѣдать въ Сентъ-Жермень».

«Габи».

Лепаркуа растерялся.

— Правда, она, вѣдь, не могла знать, — произнесъ онъ.

Это объясненіе не вернуло ему веселости и обѣдъ вдвоемъ въ огромной столовой, гдѣ они часто сидѣли другъ противъ друга одни, потому что Габріэль обѣдала то тамъ, то здѣсь, прошелъ совсѣмъ не такъ, какъ воображалъ Лепаркуа.

Конечно, она не могла знать, а, между тѣмъ, ни тотъ, ни другой не могли вернуть счастливаго и откровеннаго настроенія, бывшаго до ихъ пріѣзда; они медленно ѣли подъ бдительнымъ окомъ дворецкаго, изрѣдка перекидываясь ничего незначащими фразами для того только, чтобы сказать что-нибудь.

— Вы собираетесь куда-нибудь? — спросилъ Лепаркуа, когда они вышли изъ-за стола.

— Нигуда.

— Не хотите ли прокатиться въ лѣсъ?

— Съ удовольствіемъ.

— Вы не находите, что я эксплуатирую васъ?

— Что за идея!

— Я никогда не бываю настолько счастливъ, какъ когда я съ

зани или съ Габріэлю, а этимъ удовольствіемъ я не такъ часто пользуюсь, какъ хотѣлъ бы.

— Но...

— Не думайте только, что это упрекъ, — если бы я хотѣлъ васъ упрекать, я выбралъ бы другое время. Очень естественно, что вы ѣздите въ ваше имѣніе, чтобы наблюдать за происходящими тамъ передѣлками; не я буду васъ порицать за это. Такъ же естественно, что, любя живопись, вы ѣздите работать въ мастерскія вашихъ друзей, хотя могли бы выстроить собственную мастерскую въ саду.

— Какъ и вы, мой дорогой тесть, я не хочу, чтобы въ моихъ словахъ вы замѣтили хоть тѣнь упрека, который, обращенный къ вамъ, не имѣлъ бы, впрочемъ, смысла. Но, тѣмъ не менѣе, вѣрно, что фантазіи Габріэли виною моихъ отлучекъ. Если бы Габріэль согласилась сопровождать меня въ Каноель, наши путешествія тогда были бы не очень часты, безъ ущерба въ управленіи работами; если бы она признала мои работы, мои манеры, если хотите, вмѣсто того, чтобы находить ихъ вульгарными и смѣшными, тогда я приказалъ бы выстроить мастерскую въ саду.

— Я знаю это, и не менѣе вашего страдаю отъ этихъ фантазій, такъ непріятно портившихъ жизнь, которую я себѣ устроилъ и которую должна была мнѣ дать ваша женитьба; мои требованія были не велики: дружеская бесѣда за вашимъ обѣдомъ раза три или четыре въ недѣлю; проводить по понедѣльникамъ часъ въ вашей ложѣ въ оперѣ, по вторникамъ — во французскомъ; вернуться, лечь спать въ десять и на другой день, уходя въ свои конторы, поцѣловать дочь. Но теперь, разъ вы со мной, я пользуюсь этимъ. Габріэль не можетъ вернуться изъ Сентъ-Жермена раньше десяти, одиннадцати часовъ. Мы приѣдемъ раньше и подождемъ ее, чтобы объявить ей этотъ сюрпризъ.

Какъ приметъ она его, этотъ сюрпризъ, Жофруа не хотѣлъ задавать этого вопроса тестю, но самъ не могъ не думать объ этомъ.

Габріэль вернулась не въ десять часовъ, а послѣ двѣнадцати, и эти два часа ожиданія показались безконечными отцу и мужу, сидѣвшимъ вдвоемъ въ желтой гостиной нижняго этажа. Лепаркуа мучился нетерпѣніемъ, Жофруа безпокойствомъ и размышленіями о томъ, дѣйствительно ли материнство произведетъ въ его женѣ тѣ перемѣны, которымъ онъ, можетъ быть, слишкомъ скоро и легко повѣрилъ.

Такъ какъ ей доложили, что ее ждуть, она съ удивленіемъ вошла въ гостиную и еще въ дверяхъ окинула ихъ взглядомъ, полнымъ любопытства.

— Ты видишь, мы ждемъ тебя,—сказаль Лепаркуа, стара-
ясь говорить спокойнымъ тономъ, чтобы не взволновать ее.

— Передъ судьями я являюсь?—спросила она тономъ, уже вы-
дававшимъ сопротивленіе.

— О, нисколько, нисколько.

— Въ такомъ случаѣ...

— Я не хочу томить тебя, поди сюда и выслушай.

Онъ посмотрѣлъ на нее съ выраженіемъ счастливой гордости.

— Я слушаю,—отвѣтила она, бросивъ шляпу на столъ, и
удобно усядась на креслѣ противъ отца, не произнося ни слова,
точно приготовляясь слушать длинную и скучную исторію.

Но при первыхъ же словахъ отца она выпрямилась и сдѣлалась
внимательной.

— Сегодня я встрѣтилъ Проби, когда онъ выходилъ отъ тебя.

— А!

Жофруа, наблюдавшій за женой, замѣтилъ, что она осталась
недовольна вырвавшимся у нея восклицаніемъ.

— Я вижу, ты догадываешься, что онъ сказалъ мнѣ.

— То же, что онъ сказалъ мнѣ, конечно.

— А что онъ сказалъ тебѣ?

— Что мое нездоровье не опасно, что оно само собой пройдетъ.

Лепаркуа бросилъ на Жофруа многозначительный взглядъ.

— Именно это?—сказаль онъ.

— Что это?—спросила она съ слишкомъ невиннымъ видомъ,
чтобы онъ не былъ притворнымъ.

— Что намъ нечего беспокоиться.

— Я и не беспокоюсь, какъ ты это видишь, такъ какъ докон-
чила день въ Сентъ-Жерменѣ.

— Это-то, можетъ быть, и было неосторожностью,—замѣтилъ
Жофруа.

— Неосторожность ѣхать въ Сентъ-Жерменъ въ это время
года?—отвѣтила она.

— Конечно,—продолжалъ Лепаркуа,—съ такимъ хорошимъ
здоровьемъ, какъ твое, тебѣ не надо такъ беречься, какъ другимъ,
но, все-таки, тебѣ придется взять нѣкоторыя предосторожности, и
чѣмъ раньше, тѣмъ лучше.

— Беречься? Предосторожности? Да почему?

— Повидимому, мы не понимаемъ другъ друга,—прервалъ
Жофруа.

— Конечно, не по моей винѣ,—отвѣтила Габриэль съ увѣрен-
ностью.

— По моей,—заговорилъ Лепаргуа.—Мнѣ бы слѣдовало прямо сказать; но радуйся, мое дорогое дитя, и раздѣли нашу радость: Проби думаетъ, что ты беременна.

Не радость, которую онъ ожидалъ, выразило лицо его дочери.

— Не можетъ быть!—воскликнула она.

— Онъ констатировалъ въ тебѣ признаки беременности.

— Это невозможно.

— Онъ сказалъ мнѣ это.

— Почему онъ не сказалъ мнѣ этого самой?

— Вѣроятно, потому, что у него еще только подозрѣнія и онъ не хотѣлъ компрометировать науки, давъ тебѣ ложную радость.

— Ты видишь, значить,—быстро воскликнула она,—что я была права, говоря, что это невозможно.

— Неужели ты имѣешь претензіи думать, что ты знаешь лучше Проби признаки беременности?

— Когда дѣло касается меня, да.

— Проби извѣстный авторитетъ.

Всѣ, кого выбиралъ Лепаргуа, становились сейчасъ же извѣстными: извѣстны были художники и скульпторы, произведенія которыхъ онъ покупалъ; извѣстны его адвокатъ, его докторъ, его химики, его инженеры, его архитекторъ; извѣстна также знатность его зятя; она такова, что равной онъ не зналъ во Франціи.

— Какой бы извѣстный авторитетъ онъ ни былъ,—отвѣтила Габріэль,—онъ не непогрѣшимъ, не правда ли? Да, къ тому же, его авторитетъ и не затронуть, такъ какъ онъ не утверждаетъ беременности; ты самъ сказалъ, что у него только подозрѣнія.

— Не достаточно ли этого, чтобы намъ радоваться? Подозрѣнія такого человѣка, какъ Проби, позволяютъ это, мнѣ кажется. Наконецъ, мое дорогое дитя, мы ждали тебя, чтобы объявить тебѣ эти подозрѣнія, обрадовать тебя этою великою новостью: знаешь ли, это становилось тревожнымъ...

— Не для меня.

— Ну, не говори этого, и самое лучшее остаться на этомъ сегодня; скоро мы узнаемъ, чего держаться.

И такъ, Жофруа не ошибся, предвидя, что Габріэль приметъ эту неожиданность не съ радостью, какъ воображалъ его тесть. Но чего онъ не понималъ, это упорства, съ которымъ она отталивала возможность этой беременности. Почему?

В. Р.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Несется жизнь, тревогъ полна,
Съ безстрашьемъ лицедѣя,
Грядущихъ пѣсень сѣмена
Въ душѣ поэта сѣя!

Хоть ложь и зло царятъ кругомъ,
Хоть всюду гниль и плѣсень,
Тѣ сѣмена, созрѣвши въ немъ
Приносятъ жатву пѣсень.

Дѣлами правъ и чистъ душой,
Онъ въ нихъ о слабыхъ стонетъ
И предъ лукавою толпой
Какъ рабъ чела не клонить.

Пускай, сраженный, онъ падеть,
Нося вѣнецъ терновый, —
Все-жь гордо шествуетъ впередъ,
За мысль страдать готовый.

Не ищетъ онъ пустыхъ похвалъ,
Незваннымъ гостемъ бродить,
Но, вѣря въ свѣтлый идеаль,
Очей съ небесъ не сводить.

И радъ, когда на скорбный стонъ,
Средь брани, свиста, смѣха,
Въ душѣ родной находить онъ
Сочувственное эхо.

Павель Козловъ.

Изъ матеріаловъ для біографіи Александра Ивановича Герцена *).

II.

По прибытіи въ Петербургъ, Герценъ поступилъ на службу въ канцелярію министра внутреннихъ дѣлъ, къ которой былъ причисленъ безъ опредѣленной должности. Въ припискѣ къ письму жены отъ 20 мая 1840 г., помѣченной 22-мъ мая, онъ говоритъ:

«Я былъ, милостивая государыня Юлія Θεодоровна, у г-жи Евреиновой, но она нездорова и я не видалъ ее, а потому поѣду на-дняхъ опять. Ивану Емануйловичу доношу, что министръ меня принялъ хорошо, званія никакого у меня нѣтъ, просто причисленъ, а чиновникомъ особыхъ порученій—сдѣлать общаются. Ф.-Поль весьма благосклоненъ.

«Вчера мы ѣздили въ лодкѣ до взморья, чтобъ тоже сказать: «и я плавалъ по широкому морю», а моря надлежащимъ образомъ не видали за лѣсомъ мачтъ и парусовъ; надобно будетъ ѣхать въ Бронштадтъ, чтобы поближе познакомиться съ водою...

«А что мое фортепіано? И что Поквисневы? *) (filiation des idées: отъ фортепіано до Прасковьи Николаевны одинъ шагъ!). Сарнецкому позвольте черезъ васъ послать поклонъ».

С.-Петербургъ, 1840 г., мая 20.

«Милый, неоцѣненный другъ татап!

«Вотъ мы и въ Петербургѣ! Мнѣ попеременно, смотря по погодѣ, дѣлается то грустно, то весело. Какъ проглянетъ солнышко, мы, какъ узники изъ тюрьмы, бѣжимъ съ Александромъ на воздухъ, на волю... Много новыхъ ощущеній сладкихъ и пріятныхъ наполняютъ душу. При въѣздѣ тѣсно и душно стало мнѣ отъ высокихъ стѣнъ Петербурга, но Зимній дворецъ, Нева, катанье въ лодкѣ и на кораблѣ примирили меня совершенно съ здѣшнимъ городомъ; мнѣ *хочется* здѣсь жить, но не всегда. Путешествіе

*) *Русская Мысль*, кн. V.

***) Поквисневъ—владимірскій вице-губернаторъ, а Прасковья Николаевна — его дочь, отличная пианистка.

наше совершилось очень благополучно, всё мы вели себя превосходно, чего я особенно от себя никакъ не ожидала; Саша утѣшалъ насъ всю дорогу. Теперь живемъ пока въ трактирѣ у Демута; тѣснота и дороговизна; сегодня переѣзжаемъ къ сестрѣ *), пока найдется хорошая, годовая квартира. Болѣзнь Александра—мотовство—усилилась здѣсь еще болѣе; онъ уже успѣлъ потратить на меня около тысячи рублей. Кромѣ сестры, я ни у кого не бываю; какъ устроюсь, я постараюсь воспользоваться знакомствомъ Александры Григорьевны **); теперь Александръ поѣхалъ къ ней съ вашимъ письмомъ. Ахъ, мамаша, когда же мы дождемся васъ сюда? Я сойду съ ума тогда отъ радости. Далеко, далеко нашъ милый Владиміръ... но, вѣдь, и сердце видитъ далеко, о, я ясно вижу васъ, моя душечка, и все, все, что мило по Владиміръ. Напишите мнѣ поскорѣй, мамаша, смертельно хочется имѣть вѣсточку объ васъ. Крестникъ вашъ цѣлуетъ ваши ручки и обнимаетъ брата...

«Всею душой любящая васъ Н. Герценъ».

На первой страницѣ этого письма сдѣлана поперегъ приписка: «Мамаша, здѣсь Витбергъ; вы можете себѣ представить, что для насъ его присутствіе?»

Само собою разумѣется, что служба въ министерствѣ не могла нравиться Герцену,—онъ служилъ по необходимости и, какъ самъ сознается въ своихъ запискахъ, всячески лынялъ отъ дѣла. Непрестанное писаніе, которымъ по нѣскольکو часовъ въ день занимались чиновники канцеляріи, навело на него нестерпимую скуку. Ему поручили, какъ человѣку, свободно владѣвшему перомъ, составленіе общаго отчета по министерству изъ частныхъ губернскихъ. Но и этого отчета Герцену не пришлось написать.

По приѣздѣ въ Петербургъ, Герценъ не шелъ къ Бѣлинскому; ссора ихъ была очень прискорбна Огареву, который понималъ, что нелѣпое воззрѣніе у Бѣлинскаго было временнымъ и, притомъ, совершенно искреннимъ и безкорыстнымъ заблужденіемъ. Понималъ это, конечно, и Герценъ, но не рѣшался сдѣлать первый шагъ къ примиренію. Своими письмами Огаревъ натянулъ, наконецъ, между ними свиданіе. Ихъ встрѣча сначала была холодна, но когда въ разговорѣ Герценъ помянулъ статью о «бородинской годовщинѣ», Бѣлинскій вскочилъ съ своего мѣста и, вспыхнувъ въ лицѣ, сказалъ: «Ну, слава Богу; договорились же, а то я съ моимъ глупымъ правомъ не зналъ, какъ начать... Ваша взяла: три-четыре мѣсяца въ Петербургѣ меня лучше убѣдили, нежели всѣ доводы. Забудемте этотъ вздоръ. Довольно вамъ сказать, что на-дняхъ я обѣдалъ у одного знакомаго; тамъ былъ инженерный офицеръ; хозяинъ спросилъ его, хочетъ ли онъ со мной познакомиться? «Это авторъ статьи «о бородинской годовщинѣ»? — спросилъ его на ухо офицеръ.—«Да».—«Нѣтъ, покорно благодарю»,—сухо отвѣтилъ онъ. Я слышалъ все и не могъ вытерпѣть,—я горячо пожалъ ру-

*) Анна Александровна Орлова—сестра Натальи Александровны Герценъ.

***) А. Г. Евреинова.

ку офицера и сказалъ ему: «Вы—благородный человѣкъ, я васъ уважаю». Чего же вамъ больше?»

Съ этой минуты и до конца жизни Бѣлинскаго дружескія отношенія между нимъ и Герценомъ не прекращались. Вокругъ нихъ образовался избранный кругъ мыслящихъ людей. Вращаясь преимущественно въ кругу молодыхъ писателей и ученыхъ, Герценъ, однако, долго не рѣшался ничего печатать. 1840-й и начало 1841-го года были и для него, какъ для Бѣлинскаго, годами умственного броженія и жгучихъ сомнѣній; но въ то время, какъ Бѣлинскій принужденъ былъ жить перомъ, Герценъ имѣлъ возможность не торопиться печатнымъ выраженіемъ своихъ еще не установившихся взглядовъ. Въ тому же, въ первые мѣсяцы пребыванія своего въ Петербургъ у него уходило много времени на устройство обстановки и на прогулки по Петербургу и его окрестностямъ. Только въ декабрьской книжки *Отечественныхъ Записокъ* 1840 г. появилось начало его первой статьи подъ заглавіемъ: *Записки одного молодого человѣка*, подписанной псевдонимомъ «Искандеръ» и помѣченной 1838 годомъ.

Записки эти представляютъ его автобіографію за первые двадцать пять лѣтъ его жизни.

Наконецъ, Герценъ успѣлъ устроиться въ Петербургъ съ нѣкоторымъ комфортомъ. Изъ письма Натальи Александровны отъ 11 іюня 1840 года видно, что изъ гостиницы Демута они переѣхали сначала къ ея сестрѣ, потомъ, послѣ болѣе чѣмъ двухнедѣльныхъ поисковъ, наняли квартиру на углу Гороховой и Морской за 2,500 руб. Мебель и всѣ домашнія принадлежности имъ пришлось купить. Пожаловавшись на хлопоты и расходы, она прибавляетъ: «Но, несмотря на это, хорошъ Петербургъ, хороша его Нева! Для отдыха мы ходимъ гулять, катаемся на лодкѣ, разъ ѣздили на взморье—за Лисій носъ; поздно вечеромъ тамъ съ нами были приключенія: наша маленькая лодочка стала на мель; гребець сбивался съ дороги и мы возвратились домой въ 12-мъ часу; вечеръ былъ чудный, небо ясно и что за прелесть картина: кругомъ берега исчезли, впереди синѣется море, бѣлѣютъ паруса и лѣсъ мачтъ движется, направо—солнце, яркое, пышное, опускается въ воду и тамъ другое солнце, такое же пышное, ему на встрѣчу... Незабвенный вечеръ: въ первый разъ я видѣла море! Много, много новыхъ ощущеній для души. Картина Брюлова *) (она въ академіи,—Эрмитажъ передѣлываютъ)—долго стояли мы передъ ней, наконецъ, кажется, громъ и весь этотъ шумъ и трескъ слышны; кажется, насъ самихъ сейчасъ ожидаетъ гибель и смерть. Была я въ лютеранской церкви, тамъ Распятіе Брюлова, дивное произведеніе, тишина и благоговѣніе, а звуки органа поразили меня. Въ нашей церкви душа не поднимается такъ высоко, не забудешь такъ все земное, какъ тамъ...

«О, Боже мой, какъ часто и съ какимъ наслажденіемъ я воскрешаю прошедшее, полное вами... Милый, милый Владиміръ, да будетъ надъ тобой благословеніе Божіе!

*) Послѣдній левъ Помпеи.

«Сейчасъ бы побѣжала по этой лѣсенкѣ вверхъ, расцѣловала бы васъ всѣхъ, мой дорогіе, и Ивана Емануиловича расцѣловала бы. Мамаша, другъ мой, умоляю васъ, напишите поскорѣе.

«Саха цѣлуетъ ваши ручки. Я продолжаю еще кормить его, съ этими переѣздами возможности не было перестать, только еще теперь у него идутъ вторые зубы. А вспомнить ли завтра моя милая тетенька *)), что она въ первый разъ увидѣла Сашу? Да, вотъ жизнь: тогда мы были во Владимірѣ, а вы—въ Петербургѣ.

«Александръ былъ два раза у Александры Григорьевны, но она не приняла его, нездорова, потому и я не смѣла ѣхать къ ней.

«Прощайте, папаша! Не забывайте же свою дочку; она васъ любитъ много, истинно...

«Мы были въ театрѣ, слышали *Фенеллу* и *Роберта*; я оба раза думала объ Ольгѣ Ивановнѣ и жалѣла, что нѣтъ ея съ нами».

Того же числа пишетъ Александръ Ивановичъ:

«Болтливость моей жены заставила меня приняться за другой листокъ, чтобы повторить вамъ, милостивая государыня Юлія Теодоровна, давно извѣстную преданность нашу. Отъѣздъ нашъ удвоилъ это чувство, набросивъ на всѣ воспоминанія владимірской жизни неуловимую прелесть, которая принадлежитъ всему милому въ прошедшемъ. Если сравнить прошлогодній июнь и нынѣшній, то разница огромна. Гдѣ тихій Владиміръ съ своею скромненькою Вязьмой, съ своими помороженными вишнями? Онъ исчезъ и изъ него сдѣлалась въ памяти прелестная рамка, въ которой намъ видѣются ваши черты и вы сами, т.-е. не однѣ черты лица, какъ на портретѣ, а черты души. Въмѣсто Владимира, Петербургъ, городъ шеститетяжныхъ домовъ, шестимачтовыхъ кораблей, мельница, въ которой толкутъ страсти, деньги, подчасъ воду, но, главное, безпрестанно толкутъ, съ шумомъ, трескомъ. Что сказалъ бы Соломонъ, который, спокойно сядя въ Іерусалимѣ, находилъ, что тамъ «суета-суетствій и всяческая суета»? Домъ, въ которомъ мы живемъ, отъ души петербургскій домъ,—во-первыхъ, шеститетяжный; во-вторыхъ, въ немъ нѣтъ секунды, когда бы не звонили бы, не звонили бы въ колокольчикъ, не играли бы на гитарѣ и проч. Желѣцовъ малымъ чѣмъ меньше, нежели въ Новомъ ковчегѣ, да и составъ похожъ, т.-е. нѣсколько человѣкъ и потомъ отъ наждаго рода птицъ, рыбъ, животныхъ—пара. Въ числу людей я присчитываю m-me Аллап **)», нашу ближайшую сосѣдку.

«Я увѣренъ, что въ годъ мнѣ Петербургъ такъ надоѣстъ, что я буду проситься въ Судогду или куда угодно, только вонъ отсюда; хорошіе тротуары никакъ не удовлетворяютъ всѣхъ потребностей души. Когда-то сбудутся мои мечты о путешествіи?... Вотъ оно, море: можетъ, зоветъ, пар-

*) Старшая сестра моей матери С. Ф. Капель была при рожденіи Ал. Ал. Герценъ 13 іюня 1839 года.

**) Извѣстная французская актриса.

ходъ ждетъ, кажется, только насъ, куря свою огромную сигару отъ Петербурга до Любека.

«Haben sie warten gelernt?»—говаривала мнѣ m-me Proveau *).—«Ja, ja, liebe Lisaweta Iwanowna, aber doch nicht ganz aus gelernt, blieben stehen am 4 Capitel», а эта 4 глава, подъ заглавіемъ: «man will was man kan?»

«Получили ли вы наше первое письмо? Я теперь вспомнилъ, что оно было послано съ Лонъ-Лакимъ изъ трактира Демута.

«Въ заключеніе прошу васъ передать мое глубочайшее почтеніе Ивану Емануйловичу. По службѣ еще ничего нѣтъ дурнаго, что не мѣшаетъ никакъ и тому, что нѣтъ ничего и хорошаго. Подождемъ, да посмотримъ, что будетъ.

«Усерднѣйшее почтеніе Софіи Θεодоровнѣ; послѣ завтра рожденіе Сашки; этотъ день невольно приведетъ на память все то дружеское вниманіе, всѣ одолженія, которыми въ это время насъ наградила такъ щедро Софья Θεодоровна.

«Ольгѣ Ивановнѣ и моимъ ученицамъ тоже прошу меня напомнить. Гдѣ Евгенія Ивановна? «Маленькая собаца» кланяется вамъ.

«Однако, большая собаца должна честь знать.

«Душевно преданный вамъ А. Герценъ».

«P.S. Совсѣмъ забылъ написать очень интересное панданъ къ «аллегоріи» и «филадельфіи» **). Наши люди, видя статую Барклая и Кутузова, замѣтили, «что и въ Петербургѣ есть Мининъ и Пожарскій, только стоятъ врозь».

Изъ этого письма, а также изъ слѣдующаго письма Натальи Александровны, съ припиской Александра Ивановича отъ 21 и 22 іюня 1840 года, видно, что, несмотря на развлеченія и эстетическія наслажденія, представляемыя Петербургомъ, тамошняя жизнь была имъ не по сердцу, и что Герценъ тогда уже мечталъ о путешествіи за границу.

Послѣ выраженія сожалѣнія по поводу болѣзни моей матери, Наталья Александровна пишетъ отъ 21 іюня: «Зачѣмъ же вы насъ заставляете плакать надъ каждымъ письмомъ вашимъ? Да, право, мы еще не можемъ все привыкнуть къ тому вниманію, которымъ вы дарите насъ. Воспоминаніе ваше 9 мая ***) тронуло насъ до глубины души! Да благословить васъ Богъ, мамаша!

«Сколько вопросовъ надѣлали вы мнѣ, душечка моя! Начну съ самаго ближайшаго моему сердцу.

«Саша дѣлаетъ зубки и уже болѣе недѣли все хвораетъ немножко. Няня у него есть, и прекрасная; бывши въ Москвѣ, мы взяли ее только для то-

*) Елизавета Ивановна Прово—первая воспитательница А. И. Герцена.

***) Во Владимірѣ жилъ старикъ Ляпуновъ съ семействомъ, имѣвшій страсть къ употребленію французскихъ словъ, не зналъ этого языка. Такъ, однажды онъ разсказывалъ, что ходилъ по своей „аллегоріи“ (т.-е. галлерей) и увидалъ на улицѣ „филадельфію“, что должно было означать драку двухъ пьяныхъ мужиковъ.

***) День свадьбы Герценихъ.

го, чтобы проводить насъ до Петербурга, думая искать здѣсь иностранку, но она вышла такъ хороша, такъ Саша полюбилъ ее, что мы оставили ее на годъ,—простая русская дѣвушка. Онъ начинаетъ самъ вставать на ножки, держась за стулъ, и говорить по-своему почти все...

«Къ Евреинной черезъ часъ ѣду; дурная погода. Сашина болѣзнь и всѣ хлопоты до сихъ поръ не позволяли мнѣ исполнить свои желанія. Но, наконецъ, слава Богу, мы немножко устроились. Я жду съ нетерпѣніемъ того времени, когда наша жизнь полетится опять тихо, стройно...

«Въ прошломъ письмѣ, кажется, я описала вамъ довольно подробно о себѣ, послѣ того мы были еще въ домикѣ Петра Перваго. Боже мой, сколько думъ и думъ является на этомъ мѣстѣ!...

«Теперь мы часто пользуемся посѣщеніями Витберга, но скоро онъ оставяетъ Петербургъ, чтобы переселиться сюда совсѣмъ. Повторю и повторю опять: хорошъ Петербургъ, хорошо *жить* въ немъ, но не всегда здѣсь оставаться,—все-таки, климатъ для меня—одно изъ важнѣйшихъ условій».

Въ этомъ мѣстѣ рукой Александра Ивановича сдѣлана въ скобкахъ приписка: «да и кромѣ климата есть многое».

«Вы спрашиваете о Катенькѣ *): она пока осталась въ Москвѣ, но скоро переселится сюда,—сестра Орлова желаетъ ее имѣть у себя».

22 іюня.

«Вчера не удалось мнѣ продолжать. Наконецъ, я видѣла милую, почтенную Александру Григорьевну. Еслибъ я не боялась обезпокоить ее, осталась бы на цѣлый день у нея,—такъ хотѣлось мнѣ поговорить съ ней о васъ, милая шатап; она васъ такъ любитъ, такъ понимаетъ васъ. Дружочекъ мой, я съ большимъ наслажденіемъ провела у нея цѣлый часъ.

«Она нашла въ выраженіи моего лица что-то общее съ вами; болѣе комплимента она не могла мнѣ сдѣлать. Прощайте, голубчикъ мой, обнимаю васъ».

Къ этому письму Александръ Ивановичъ прибавляетъ слѣдующія строки:

«Весьма много благодарю васъ, милостивая государыня Юлія Θεодоровна, за трудъ вашъ или болѣе за скуку, которую вы имѣли при продажѣ моего скромнаго фортепіано. Деньги потрудитесь прислать сюда, адресъ я послалъ въ прошедшемъ письмѣ **): на углу Гороховой и Морской, домъ Лерхе, кв. № 21. Я имѣю самыя вѣрныя свѣдѣнія, что во Владимірѣ послано въ мартѣ изъ Вятки письмо на мое имя. Нельзя ли вамъ сдѣлать мнѣ огромное одолженіе, приказавши кому-нибудь выправить по картѣ, куда оно дѣлось?...

«Ивану Емануйловичу и Софьѣ Θεодоровнѣ мое глубочайшее почтеніе, равно всѣмъ вашимъ

«Душевно преданный А Герценъ».

*) Екатерина Александровна—младшая сестра Натальи Александровны, вышедшая вдовствующей за профессора Кіевскаго университета Силана.

***) Письма этого не сохранилось.

Въ письмѣ отъ 14 августа Наталья Александровна описываетъ болѣзнь Саши и ту тревогу, которую они изъ-за нея вынесли.

«Бажется, мы всё трое страдали ровно; бѣдный Александръ такъ поху-дѣлъ въ это время, что на него жалко было смотрѣть, и мы почти три недѣли не выходили изъ комнаты; было нѣсколько дней, въ которые мы ожидали непременно близкаго конца страданіямъ малютки, но, слава Богу, теперь онъ начинаетъ оправляться; мученія наши сначала были увеличены. Докторомъ къ намъ ѣздилъ Adam, гомеопатъ, и больному безпрестанно становилось хуже, но Деппъ спасъ его».

Въ томъ же письмѣ Наталья Александровна говоритъ о своемъ посѣщеніи Александры Григорьевны Евреиновой и выражается о ней такъ: «Я съ наслажденіемъ провела съ нею часа два; она истинная отрада въ разлугѣ съ вами; я полюбила ее искренно; какъ жаль, что такая даль раздѣляетъ насъ».

Вотъ приписка къ этому письму Александра Ивановича:

«Я думаю, милостивая государыня, Юлія Θεодоровна, что Софья Θεодоровна съ досадой услышитъ, что гомеопатія чуть-чуть не лишила насъ Саши и что аллопатія рѣшительно тутъ восторжествовала надъ гомеопатизмомъ *). Что дѣлать, истина впередъ всего. Здѣсь начинается холодная осень, взаимнѣ мокрой осени, что довольно скучно. Петербургъ — городъ стѣнъ и улицъ; осмотрѣвши его разъ, останется, можетъ, одна Нева, а остальное надобѣсть».

«Служба моя идетъ обыкновеннымъ, прескучнымъ образомъ. Новостей здѣсь много; о томъ, что Араратъ въ половину провалился, вы, вѣрно, слышали, но за то, вѣрно, не знаете, что третьяго дня здѣсь на Волковомъ полѣ при артиллерійскихъ опытахъ убить генералъ Ботай, ранены генералы Берхманъ и Моллеръ и нѣсколько рядовыхъ...»

Въ письмѣ отъ 3 сентября Наталья Александровна, между прочимъ, говоритъ: «Наконецъ, побывавши въ Петергофѣ, въ Парголовѣ, нагулявши до сыта, мы сѣли дома и забываемъ, что мы въ Петербургѣ: опять тихая, уединенная, трудолюбивая жизнь... А Петербургъ въ ожиданіи невѣсты Наслѣдника хлопочетъ, суетится, приготовляетъ удивительную иллюминацію».

Осенью 1840 года Герценъ получилъ чинъ коллежскаго асессора, какъ видно изъ приписки его къ письму жены отъ 19 октября. Увѣдомля объ этомъ въ своемъ всегдашнемъ шутовскомъ тонѣ, онъ пишетъ:

«Мнѣ пріятно, милостивая государыня Юлія Θεодоровна, быть вѣстникомъ веселой новости для подчиненныхъ Ивана Емануиловича, а именно: оба Томасовы **) произведены и, конечно, въ ускореніи дѣла должны сказать мнѣ спасибо. И я—Божію, Ивана Емануиловичиною и сенатскою милостію—ассессоръ. Для меня чинъ этотъ важенъ... Мы не успѣли писать

*) С. Θ. Капель была горячею сторонницей гомеопатическаго леченія.

**) Одинъ изъ Томасовыхъ былъ правителемъ канцеляріи владимірскаго губернатора.

съ Павломъ Сергѣевичемъ *); онъ едва мелькнулъ у насъ и уѣхалъ... Вспоминаетъ ли Людмила Ивановна наши уроки **)?

«Истинно уважающій васъ А. Герценъ».

Въ томъ же письмѣ Наталья Александровна говоритъ: «Я очень сожалѣю, что мнѣ не только не удалось разспросить о васъ Павла Сергѣевича, но даже и видѣть его; онъ былъ у насъ рано утромъ, а такъ какъ я занимаю теперь и должность нянюшки, то и не успѣла выйти къ нему. Вотъ какъ мудрено за деньги найти то, чего бы мы желали въ нянѣ! Сколько времени мучились съ перемѣнными, наконецъ, я рѣшилась, *пока возможно*, исполнять все самой. Теперь не вижу какъ время проходить, не успѣваю даже исполнять другихъ обязанностей».

Письмо отъ 26 ноября, написанное на половину Натальей Александровной, на половину Александромъ Ивановичемъ, интересно вдвойнѣ. Въ немъ находятся свѣдѣнія о первой статьѣ Герцена, напечатанной въ послѣдней книжкѣ *Отечественныхъ Записокъ* 1840 года, и сообщаются петербургскіе толки объ убійствѣ, совершенномъ будочникомъ у Синяго моста, — толки, по поводу которыхъ на Герцена обрушилась серьезная невзгода.

Относительно статьи Герцена пишетъ его жена: «Вы спрашивали о занятіяхъ Александра: Липиній ***) его такъ и остался неоконченнымъ; въ *Отечественныхъ Запискахъ* скоро будетъ статья, знакомая вамъ, отрывокъ изъ *О себѣ* ****); мнѣ страшно жаль, что въ печати она потеряетъ много *****).

«Благодарю васъ, душечка моя, что вспомнили моихъ племянниковъ; мы прелестно провели этотъ день: у Саши были маленькіе гости, въ числѣ ихъ и Витберговы дѣти; изъ Москвы ему прислали много подарковъ. Глядя на этихъ крошекъ, расположившихся на полу, я думала о Володичкѣ и Палеологахъ,— зачѣмъ ихъ нѣтъ тутъ? Когда же придетъ то время, какъ мы опять будемъ вмѣстѣ?»

Письмо Александра Ивановича привожу цѣликомъ:

*) П. С. Кожинъ былъ въ то время владимірскимъ вице-губернаторомъ и посѣтилъ Герцена въ Петербургѣ.

**) Людмила Ивановна, моя сестра, вышедшая вѣнчанъ за М. П. Шульгина, въ письмѣ къ мнѣ такъ отзывается объ урокахъ Герцена: „Онъ училъ меня древней исторіи и литературѣ и такъ интересно и хорошо занимался этимъ, что я ни прежде, ни послѣ ни съ кѣмъ не училась такъ охотно и съ пользой“.

***) Отрывокъ изъ этого неоконченнаго произведенія, въ духѣ религіознаго мистицизма, напечатанъ въ запискахъ Т. П. Пассекъ *Изъ дальнихъ мѣтъ*, т. II, стр. 71—86.

****) Статья появилась, подъ заглавіемъ *Записки одного молодого человека*, въ декабрьской книжкѣ *Отечественныхъ Записокъ* 1840 года, слѣдующій затѣмъ отрывокъ, подъ заглавіемъ *Еще изъ записокъ одного молодого человека*, былъ напечатанъ въ августовской книжкѣ *Отечественныхъ Записокъ* 1841 г.

*****) Повидимому, изъ статьи дѣйствительно пришлось выпустить нѣсколько страницъ; авторъ говоритъ, что ихъ выдрала изъ тетради „молодого человека“ черная квані-датская собака.

«Скоро настанетъ и январь, милостивая государыня Юлія Теодоровна, а носился слухъ, что въ январѣ Иванъ Емануйловичъ будетъ здѣсь. Съ какииъ истиннымъ удовольствіемъ увидимъ мы васъ здѣсь, среди этого непривѣтнаго, отталкивающего общества! Нѣтъ, я остаюсь москвичъ—au fon de l'âme и тамъ скучно, но здѣсь скучнѣе.

«Наста здѣсь и весьма недовольна приеомъ; я слышалъ ее—это не *бархатное* пѣніе, какъ вы выражались, а крикъ уязвленной львицы. Ужасный голосъ—Богъ знаетъ, граціи столько ли, сколько силъ. Я слышалъ извѣстную Гейнефетеръ въ *Нормъ*, на *casta diva* вспомнилъ Ольгу Ивановну. Жду теперь *Донъ-Жуана*, въ которомъ, говорятъ, будутъ участвовать, сверхъ Гейнефетеръ, Гюмберъ (теноръ) и другіе. Ферзингъ здѣшній истинно отличный пѣвецъ. Я еще *Донъ-Жуана* не слыхалъ никогда. Теперь кричатъ о бенефисѣ Тальеши, который будетъ на-дняхъ. На прошлой недѣлѣ кричали о томъ, что будочникъ у Синяго моста зарѣзалъ и ограбилъ какого-то купца и, пойманный, повинился, что это уже пятое душегубство въ этой будкѣ. Вотъ наши новости. Засимъ снова и снова отъ души свидѣтельствую мое глубокое почтеніе и т. д.

«Покорнѣйшій слуга А. Герценъ».

«P. S. Не знаю, какъ благодарить васъ за вашу память о такихъ бездѣлицахъ, какъ 23 ноября» *).

Сообщеніе въ письмѣ къ отцу своему тѣхъ же толковъ объ убійствахъ въ полицейской будкѣ, съ добавленіемъ словъ: «по этому вы можете судить, какова здѣсь полиція», подняло цѣлую бурю. Письмо это было вскрыто на почтѣ и едва не привело Герцена опять въ Вятку. Приведу здѣсь еще одно письмо его, безъ обозначенія мѣсяца и числа, написанное, повидимому, въ началѣ декабря 1840 г. **), до катастрофы, вызванной письмомъ о будочникѣ:

«Одно изъ самыхъ полныхъ, самыхъ святыхъ наслажденій въ жизни людей, это—мысль, что пространство не дѣлитъ людей и что время не въ силахъ своею гумиластиковою лапой стереть память о прекрасныхъ мгновеніяхъ. Мы забываемъ только то, къ чему совершенно равнодушны, чего не любимъ. Чего не любимъ, то будто не существуетъ. Напротивъ, то, что человекъ любитъ, почитаетъ—то вѣчно съ нимъ, въ немъ. Такъ и вы часто бываете съ нами и мы тогда нѣсколько юнѣемъ, возвращаемся къ нашимъ прекраснымъ *Freiwochen* и благословляемъ тысячу разъ встрѣчу съ вами.

«Послѣ того, какъ я не имѣлъ чести васъ видѣть, я, въ самомъ дѣлѣ, состарился; я ежедневно проживаю лѣтъ пять и увѣренъ, что если вы встрѣтите меня черезъ годъ, то спросите: «Кто этотъ старичокъ? Не смотритель ли владимірской библіотеки, который вѣчно удитъ рыбу?» Да, я буду похожъ на него.

*) День именинъ Александра Ивановича.

**) Это можно заключить изъ того, что часть письма, писанная Натальей Александровной, заключаетъ въ себѣ поздравленіе моеи матери со днемъ ея рожденія 20 декабря.

«Но я неизлечимый болтуны: взял перо, чтобы принести вамъ и Ивану Емануиловичу усердныя и искреннія поздравленія, и этого именно не сдѣлалъ»...

Вотъ выдержка изъ письма Натальи Александровны отъ 18 декабря 1840 года:

«На-дняхъ я была у почтенной Александры Григорьевны и простилась уже съ нею надолго. Можетъ быть, въ концѣ января число вашихъ ввучать прибавится. Всѣ праздники я просижу дома, да, видно, мнѣ и никогда не суждено вкусить удовольствій шумной, разсѣянной жизни, и Богъ съ ней: въ замѣну ихъ дано столько истиннаго счастья. Да, милая мамаша, конечно, теперь меня лелѣять и холить такъ некому, какъ, бывало, вы, *tout passe avec le temps*; впрочемъ, я совершенно здорова.

«Крестникъ вашъ приводитъ въ удивленіе всѣхъ своими разговорами и понятіемъ; скоро ли-то вы увидите его?»

Въ этомъ же письмѣ Александръ Ивановичъ вскользь упоминаетъ о постигшей его невзгодѣ:

«Позвольте и мнѣ, милостивая государыня Юлія Θεодоровна, поздравить васъ съ милостью, полученною Иваномъ Емануиловичемъ *), и ему передать и мое поздравленіе, и усердное желаніе скораго перемѣщенія. Ольгѣ Александровнѣ **) передали все, что вы изволите писать; я и Наташа бываемъ у нея довольно часто. Вы, вѣроятно, услышите отъ нашихъ не совсѣмъ радостную вѣсть объ насъ. Провидѣніе знаетъ, какими путями оно ведетъ.

«Поздравляю васъ и съ новымъ годомъ. Чудеса! Въ прошлый новый годъ, т. е. 1 января 1840 г., я пріѣхалъ изъ Петербурга въ нашъ мирный Владиміръ и впереди предстояло такъ много «и мѣсяцъ съ правой стороны» свѣтилъ. Вотъ опять новый годъ—«и мѣсяцъ съ лѣвой стороны»...

«Въ заключеніе я попрошу васъ передать Ольгѣ Ивановнѣ мое почтеніе и сказать Софіи Θεодоровнѣ, что чѣмъ ближе подходитъ время для Наташи, тѣмъ чаще вспоминаемъ мы всю безсчетность ея одолженій.

«Душевно преданный А. Герценъ».

19 декабря 1840 года.

С.-Петербургъ.

Второе письмо отъ 17 января:

«Милая моя, неоцѣненная татапа, послѣднее ваше письмо мы получили; я виновата, что долго не писала къ вамъ. Добрая моя мамаша, мы читали и перечитывали ваши строки. Какое счастье видѣть къ себѣ такое живое, истинное участіе, какое счастье встрѣтить родную, близкую душу въ такой душѣ, какъ ваша!

«Не суждено намъ было видѣться съ вами въ Петербургѣ, — не забудьте проѣздомъ завернуть въ тотъ уголокъ Новгорода, гдѣ васъ встрѣтитъ безпредѣльная любовь и истинное уваженіе.

*) 5 декабря отецъ мой получилъ чинъ тайнаго совѣтника.

**) Жеребцова.

«Мы всё здоровы. Крестникъ вашъ развивается съ необыкновенною быстротой; онъ много разъ цѣлуетъ ваши ручки и брата своего обнимаетъ.

«Я буду васъ просить, милая мамаша, быть воспріемницей будущаго малютки; я вѣрую, что черезъ таинство крещенія будетъ имѣть вліяніе на младешца ваша добродѣтель. Я еще не знаю вѣрно время пришествія новаго жителя, также и нашего переселенія въ Новгородъ.

«Будьте здоровы вы и всё близкіе вашему сердцу; благословеніе Божіе да будетъ надъ всѣми вами!

«Ваша Н. Герценъ».

А вотъ что въ томъ же письмѣ пишетъ самъ Александръ Ивановичъ:

«Мнѣ очень хотѣлось въ Одессу, самый новый городъ въ Россіи, а меня перевели въ Новгородъ, самый старый городъ. Судьба не перестала тѣшиться мною; дай Богъ, чтобы въ тундрахъ новгородскихъ я нашелъ долю того привѣта, какъ въ миломъ Владимірѣ, и ежели Владиміръ радъ, что мы его поминаемъ съ любовью, онъ долженъ Золотыми воротами своими поклониться вамъ, милостивая государыня Юлія Θεодоровна.

«Что будетъ, то будетъ; я употреблю всё силы не заживаться въ Новгородъ; хочется въ Тверь; тамъ нѣкогда расцвѣталъ Дмитрій Небаба *)», а какъ расцвѣлъ—изволите сами знать.

«Признаюсь, нѣсколько я усталъ отъ кочевой жизни, но я безропотно вручаю *внѣшнее* моей жизни судьбѣ, внутреннее—дѣло независимое отъ нея.

«Засвидѣтельствуйте мое почтеніе Ивану Емануѣловичу... ахъ, ежели бы поцалъ опять подъ его начальство, а, можетъ, это и возможно, ежели Ивану Емануѣловичу, вмѣсто сенаторскихъ кресель, дадутъ нѣсколько губерній.

«Напомните обо мнѣ Софіи Θεодоровнѣ и всѣмъ членамъ вашего семейства.

«Истинно преданный вамъ А. Герценъ».

«Просьба, съ которою Наташа обращается къ вамъ, такъ глубоко вышла изъ нашей души, что намъ кажется не можетъ даже иначе быть, что и малютка будетъ не въ малютку, ежели не вы, Юлія Θεодоровна, сдѣлаете намъ милость и новый знакъ вашего расположенія. Впрочемъ, позвольте объ этомъ написать къ вамъ особое письмо въ началѣ февраля».

Слѣдующее письмо написано отъ 8 марта:

«Милостивая государыня Юлія Θεодоровна!

«Мы такъ смутно и безпокойно провели послѣднее время, что я даже хорошенько не помню, когда именно я писалъ вамъ. Обстоятельства оправ-

*) Небаба, учитель физики владимірской гимназій, былъ большой чудакъ, жившій во Владимірѣ одновременно съ Герценомъ и окончившій жизнь самоубійствомъ. Находитъ, что одному жить неудобно и дорого, онъ женился на молодой и милой дѣвушкѣ и имѣлъ отъ нея ребенка, но вскорѣ по его рожденіи убѣдился, что съ женой и ребенкомъ жилось еще дороже, и лишилъ себя жизни.

дываютъ меня въ молчаніи послѣ послѣдняго письма. Малютка Ваня,—черезъ три дня послѣ того, какъ былъ окрещенъ отъ вашего имени,—скончался. Мнѣ нечего рассказывать вамъ, что происходило въ душѣ отъ удара, такъ безумно, внезапно отнявшаго новую свѣтлую надежду. Наташа, слабая еще и въ постели, была сильно потрясена кончиной, и мы въ двѣ недѣли прожили два тяжелыхъ года, отъ которыхъ останутся горькія воспоминанія на душѣ и морщины на тѣлѣ. Вскорѣ послѣ кончины его получили ваше письмо, исполненное той любви и того участія, которыя грѣли насъ два года, и мы горячо благодаримъ васъ за письмо.

«Я еще здѣсь. Вѣроятно, до конца апрѣля не выѣду: здоровье Наташи далеко не въ томъ положеніи, чтобы рисковать вешнимъ путемъ подъ 59 градусомъ сѣверной широты. Je suis dans les bonnes grâces du C-te Stroganoff и увѣренъ, что онъ не поторопитъ меня.

«Одна жертва тяжелаго времени есть.

«Меня назначаютъ совѣтникомъ губернскаго правленія; это почти также идетъ вмѣстѣ, какъ Небаба и финалъ, о которомъ вы пишете *). И это лучшее изъ возможнаго.

«Передайте мое глубочайшее почтеніе и т. д.

«А. Герценъ».

8 марта 1841 г.
С.-Петербургъ.

Въ томъ же письмѣ приписываетъ Наталья Александровна:

«Александръ сказалъ вамъ все, бездѣнный другъ мамаша! Давно хотѣлось мнѣ писать къ вамъ, но плохо поправляюсь и глаза такъ слабы... да, все сказалъ Александръ... мнѣ только крестникъ остался на память; тяжело, мамаша, вы знаете.. Поцѣдуйте за меня ангела Володичку, здоровъ ли оцъ? О, сохрани его Богъ! Напишите мнѣ, мамаша. Я буду писать вамъ много, только послѣ. Да хранить васъ всѣхъ сила небесная! Мое душевное почтеніе всему семейству вашему. Какъ пусто, какъ много недостаетъ; вѣдь, онъ не недѣлю жилъ, 9 мѣсяцевъ, — 9 мѣсяцевъ съ нимъ вмѣстѣ росли попеченія, любовь, куда же все это дѣтъ теперь?... Послѣ, мамаша, я буду писать вамъ...»

За послѣднее время, проведенное Герценомъ въ Петербургѣ до отъѣзда въ Новгородъ, я имѣю еще два письма—отъ 16 мая и 16 июня 1841 г.

Въ первомъ письмѣ Наталья Александровна пишетъ:

«Часто, часто душа переносится въ прежнюю, тихую, безоблачную жизнь Владиміра, часто бесѣдуетъ съ вами; съ тѣхъ поръ мы не встрѣчали еще такого существа. Какъ вы утѣшили меня, голубчикъ мой, поздравленіемъ съ 9-мъ мая, вы вспомнили этотъ день,—у меня навернулись слезы, когда я читала: три года!... Пусть вся жизнь протечетъ такъ свѣтло, такъ хорошо! Мы еще не знаемъ, когда оставимъ Петербургъ; утвержденіе въ совѣтники еще не получено, а прежде ѣхать, говорить, не нужно. Подчасъ бываетъ скучно и грустно отъ этихъ неожиданныхъ путеше-

*) Самоубійство Небабы.

ствій, но часто забывается внѣшнее и живешь любовью, счастьемъ. Меня огорчаетъ мой Саша: ему скоро два года, а онъ еще не ходитъ, на ручкахъ и ножкахъ малеькіе признаки англійской болѣзни; доктора увѣряютъ, что это ничего не значить и скоро пройдетъ. Странно: кажется, нельзя быть внимательнымъ въ содержаніи ребенка, — откуда же эта болѣзнь?... Ольга Александровна теперь въ Москвѣ; я ходила къ ней прощаться и нарочно сказала поклонъ отъ Ивана Емануйловича; она подтвердила еще надежду на исполненіе его желанія (дѣло уже въ ходу). Готовясь оставить Петербургъ, я пустилась въ роскоши, слышала Росси *); нечего и говорить о ея пѣніи, бываемъ часто въ театрѣ, въ Эрмитажѣ, и еще нигдѣ не бываю...»

«И такъ, вы вспомнили, милостивая государыня Юлія Теодоровна, 9 мая, — пишетъ Герценъ. — Для этого надобно имѣть высокую душу: чтобы вспомнить день, счастливый для другаго, принять истинное участіе въ блаженствѣ чьемъ-нибудь — несравненно выше, нежели сострадать несчастью. Обыкновенно мы отъликаемся на стонъ, но остаемся нѣмы къ счастью. Да благословить же васъ Богъ за вашу высокочеловѣческую симпатію. Между прочимъ, самая возможность такой симпатіи есть благословеніе Его.

«Дѣло, извѣстное вамъ, теперь у министра юстиціи, куда оно отослано съ согласія Государя, и посему, во всякомъ случаѣ, можно надѣяться на скорый успѣхъ.

«Въ началѣ іюня мы оставимъ Петербургъ; опять скитаться, опять кругъ занятій, чуждый мнѣ, чужіе люди. Но нѣтъ такихъ непріятныхъ, даже темныхъ положеній, въ которыя бы подчасъ не прорѣзывался солнечный лучъ...

«Вамъ преданный отъ всей души А. Герценъ».

6 іюня Наталья Александровна извѣщаетъ, что «предписанія все еще нѣтъ **), и продолжаетъ: «Третьяго дня пріѣхала Ольга Александровна, сегодня я буду у нея, — вотъ удивительное соединеніе ума съ добротой!

«Вы можете представить, какъ бы хотѣлось намъ въ Москву, тѣмъ болѣе, что и вы теперь тамъ. Саша мой все еще не ходитъ, однако же, ножки его стали поврѣиче и онъ можетъ приступать на нихъ, и это уже насъ радуетъ; впрочемъ, онъ чрезвычайно живъ и здоровъ. Вы можете увидѣть его рожницу у папеньки: мы посылаемъ ему его портретъ, разительного похожія».

«Дней черезъ десять, думаемъ мы, милостивая государыня Юлія Теодоровна, — прибавляетъ Александръ Ивановичъ, — оставить Петербургъ, и врядъ буду ли я въ Москвѣ или Петербургѣ въ 1841 г. Вчера видѣлся я съ Ольгой Александровной: она, пріѣхавши сюда, прислала за мной, сказывала, что видѣлась съ Иваномъ Емануйловичемъ» и пр.

*) Знаменитая пѣвица, урожденная Зонтагъ. Была замужемъ за Росси, итальянскимъ посланникомъ при русскомъ дворѣ.

***) О назначеніи Герцена въ совѣтники губернскаго правленія въ Новгородѣ.

«Я нѣсколько разъ встрѣчала здѣсь Шамбелана *); онъ какъ-то и здѣсь нашелъ средство драматически и поразительно одѣться: носить картузь су-жонный и пальто изъ картузной матеріи, что придаетъ ему видъ ежели не m-eug Сталь, то m-eug Besoumny...

«Ивана Емануйловича душевно благодарю за приписку».

Въ Новгородѣ Герцену не суждено было встрѣтить такого теплаго привѣта, какъ во Владимірѣ. Передъ отъѣздомъ его изъ Петербурга графъ Строгановъ сказалъ ему, что новгородскій военный губернаторъ Зуровъ въ Петербургѣ, и совѣтовалъ ему съѣздить къ нему. Онъ показался Герцену довольно простымъ и добродушнымъ генераломъ, обще-армейской наружности, но, пріѣхавши въ Новгородъ, Герценъ вскорѣ убѣдился, что всякое сближеніе съ его новымъ начальникомъ для него невозможно. Между ними установились холодныя, почти непріязненныя отношенія. Несмотря на это, Александру Ивановичу еще въ началѣ сентября 1841 г. удалось побывать въ Москвѣ,—конечно, не безъ вѣдома Зурова.

Изъ письма Натальи Александровны изъ Новгорода отъ 27 іюля видно, что они тогда уже думали о поѣздкѣ въ Москву: «Нѣтъ, не хочетъ судьба, чтобы мы увидѣлись, — пишетъ она. — Намъ пишутъ, что вы ѣдете изъ Москвы 18 августа, а мы ранѣе конца этого мѣсяца или начала сентября не можемъ быть въ Москвѣ, а еслибъ вы знали, моя душечка, какъ бы хотѣлось, какъ бы хотѣлось! Не встрѣчали такого привѣта, да и не встрѣтить,—я увѣрена. Вотъ здѣсь ужъ мы три недѣли, а я не могу рѣшиться начать знакомство,—кажется, еслибъ можно, прожила бы все время такъ; мы же нашли прекрасную квартиру, на берегу Волхова, съ большимъ садомъ, въ уединеніи, ни прохода, ни проѣзда нѣтъ мимо насъ, точно деревня, только жаль, что пользоваться всѣмъ этимъ нельзя: почти мѣсяцъ здѣсь непрерывные проливные дожди. Вы давно не давали о себѣ вѣсточки; что ваши больные, что сами вы—не разлюбили ли вы насъ, мамашенька? Ахъ, нѣтъ, любите насъ, не забывайте; испрениѣе и полнѣе отголоска не можетъ быть, какой въ нашихъ сердцахъ... Саша мой поправляется, и я надѣюсь, что съ помощью чистаго воздуха скоро не будетъ и слѣдовъ его болѣзни. Теперь меня занимаетъ болѣе моральная сторона его воспитанія и я трепещу, думая, что уже и теперешнее будетъ имѣть вліяніе на его будущность. Читали ли вы *Эмиля Руссо*? Какъ думаете о его методѣ? Не возможно же, чтобы у великаго чловѣка было все нелѣпо: иное невозможно физически исполнить, иные совѣты спасительны; я читаю его и въ иномъ слѣдую ему,—мнѣ страшно на себя принять всю отвѣтственность».

Послѣднія строки особенно интересны, какъ бросающія нѣкоторый свѣтъ на тогдашніе взгляды Герцена и его жены на воспитаніе.

Слѣдующее письмо, отъ 22 сентября 1841 года, уже изъ Москвы:

«Милый, неоцѣненный другъ мамаша!

«Сколько я виновата передъ вами и сколько вы снисходительны... но

*) Шамбеланомъ Герценъ называлъ, кажется, владимірскаго помѣщика Аляпинова.

вотъ уже мы здѣсь двѣ недѣли, а все еще не успѣли опомниться. Я хотѣла писать къ вамъ и получаю отъ васъ письмо, за которое цѣлую васъ, дружочекъ мой,—въ немъ столько теплаго, роднаго. Вы хотите знать подробности о нашемъ путешествіи. Это было первое, исполненное происшествій; насъ опрокинули, и ночью мы должны были идти до гостиницы пѣшкомъ въ ужасную стужу, темноту и грязь, но это не имѣло никакихъ дурныхъ послѣдствій, кромѣ того, что мы ночевали не дома, а въ черной грязи. Потомъ на дилижансѣ у насъ разрѣзали кожу и вынули многое, но не все; говорить, что это нерѣдко случается по этой дорогѣ. О Новгородѣ что вамъ сказать? О службѣ Александра я ужъ ничего не скажу; если вы только имѣете понятіе о должности совѣтника, то знаете, какво ему; я по необходимости сдѣлала знакомства и вижу, что не надо убѣгать отъ людей, всегда между ними можно встрѣтить хорошихъ и добрыхъ, но я не надѣюсь никогда и нигдѣ встрѣтить то, что встрѣтила во Владимірѣ. Вы спрашиваете о надеждахъ насчетъ будущей службы Александра. Во всякомъ случаѣ, въ Новгородѣ мы будемъ недолго, то дѣло хотѣлось бы провести въ деревнѣ... Не знаю навѣрное, много ли мы пробудемъ здѣсь, только уже недолго. Александръ все не совершенно здоровъ...»

Въ небольшой припискѣ Александра Ивановича къ этому письму находятся слѣдующія строки:

«Мы ужасно часто вспоминаемъ Владимірѣ. Если бы можно было много предвидѣть, я не лишился бы такого начальника, какъ Иванъ Емануиловичъ».

Тяжела и непріятна была Александру Ивановичу служба въ Новгородѣ. Положеніе его въ качествѣ совѣтника губернскаго правленія было не только непріятно, но даже опасно. Каждый совѣтникъ отвѣчалъ за свое отдѣленіе и дѣлилъ отвѣтственность за всѣ остальные. Читать бумаги по всѣмъ отдѣленіямъ было рѣшительно невозможно, надобно было подписывать на вѣру, т. е. довѣряя тому изъ совѣтниковъ, по отдѣленію котораго была бумага. Между тѣмъ, сослуживцы Герцена были чиновники стараго закала. Получая 1,200 руб. ассигн. въ годъ и не имѣя, кромѣ службы, другихъ средствъ къ существованію, они жили взятками. Убѣдившись, что Герценъ взятокъ не беретъ, они стали смотрѣть на него какъ на опаснаго свидѣтеля, предостерегали и берегли другъ друга отъ него. Герценъ искалъ поддержки въ столоначальникахъ своего отдѣленія, старался привязать ихъ къ себѣ учтивымъ обращеніемъ, помогалъ имъ деньгами и достигъ только того, что они перестали его слушаться и стали въ пьяномъ видѣ приходять на службу. По своему отдѣленію, стало быть, приходилось тоже быть насторожѣ.

Сначала Герцену было поручено IV отдѣленіе, въ которомъ были сосредоточены всякія депешныя, въ томъ числѣ и откупныя дѣла, но онъ вскорѣ, съ согласія совѣтника II отдѣленія и губернатора, помѣнялся съ первымъ отдѣленіемъ и получилъ въ свое завѣдываніе дѣла о злоупотребле-

нѣхъ помѣщичьей власти, о раскольникахъ, фальшивыхъ монетчикахъ въ лицахъ, находящихся подъ полицейскимъ надзоромъ.

Въ теченіе полугодичной своей службы Александръ Ивановичъ имѣлъ случай освободить горничную, которую держала у себя одна барыня, не имѣя на нее никакихъ документовъ, и отдать въ опекуновское управленіе имѣніе одного отставнаго моряка, а его самого подъ надзоръ полиціи за разныя неистовства, которыя онъ творилъ надъ своими дворовыми и крестьянами. Дѣло это долго лежало подъ спудомъ и морякъ былъ вполне увѣренъ, что оно уже кончено; узнавъ, кто былъ виновникомъ его неблагопріятнаго, по отношенію къ нему, исхода, онъ собирался подкупить бурлаковъ и сдѣлать засаду, но «непривычный къ сухопутнымъ кампаніямъ,—говорить Герценъ,—мирно скрылся въ какой-то уѣздный городъ».

28 ноября 1841 г. Наталья Александровна пишетъ опять изъ Новгорода:

«Милый, неоцѣненный другъ татап!

«Давича получила ваше письмо. Я не могу выразить, сколько оно принесло намъ радости, только дай Богъ, чтобы это исполнилось! Истинно, минута свиданія съ вами будетъ исполнена для насъ счастья, только мнѣ хотѣлось бы знать подробнѣе, какъ и съ кѣмъ вы поѣдете,—во всякомъ случаѣ, вы будете столь добры, что подарите намъ хоть нѣсколько часовъ... Я уже воображаю себя все такъ живо и восхищаюсь... Боже мой, это будутъ истинно блаженные часы! Найти насъ очень легко, на берегу Волхова, да, впрочемъ, вы знаете адресъ... Я не знаю, что же прибавить? Саша здоровъ, рѣзвъ и большой болтунъ; право, еслибъ онъ продолжалъ свое развитіе такъ, какъ началъ, то изъ него долженъ бы былъ выйти гений, но, къ сожалѣнію, большею частью бываетъ наоборотъ; пусть будетъ, что Богу угодно, только я трепещу при каждомъ прикосновеніи къ его душѣ, вѣрно ли направленіе и какой будетъ слѣдъ? Мнѣ все что - то плохо здоровится; послѣдній несчастный случай *) разливааетъ какую - то мрачность на ожидаемый и я, несмотря на все прекрасное, которымъ такъ полно настоящее моей жизни, не могу разсвѣять невольной грусти, а, можетъ быть, это и предчувствія; если вы поѣдете въ февраль, милая мамаша, вы не откажетесь породниться съ нами въ третій разъ? Вы спрашиваете, съ кѣмъ мы познакомились. Образъ здѣшней жизни нашей весьма сходенъ съ владимірской (да, вѣроятно, и вездѣ будетъ одинаковъ); нѣкоторыя знакомства сдѣланы по необходимости, объ нихъ нечего и говорить, но вотъ недавно,—и я очень сожалѣю, что этого не случилось ранѣе,—мы познакомились съ Филипповичемъ; это—люди, поставленные образованіемъ и чувствами много выше другихъ; одна эта встрѣча выкупаетъ для меня много новгородскаго холода и пустоты; а потомъ сосѣдъ нашъ Рейхель, — неоцѣненный человекъ, — художникъ, юноша въ 50 лѣтъ, неограниченной доброты, путешествовавшій лѣтъ 20 и нестоимый въ разсказахъ, съ большимъ образованіемъ и познаніями; онъ посѣщаетъ

*) Смерть втораго сына.

насъ почти ежедневно и для бѣднаго Александра это истинный кладъ... Не знаю, успѣеть ли Александръ нисыменно принести вамъ и всему семейству почтеніе, — пока поручилъ мнѣ передать оное; онъ, бѣдный, мучается отъ своей службы, и когда этому будетъ конецъ?... Саша обнимаетъ своего крестнаго брата.

«Преданная всею душой Н. Герценъ».

Въ письмѣ своемъ Наталья Александровна упоминаетъ, какъ о единственныхъ симпатичныхъ людяхъ, съ которыми имъ удалось позакомиться въ Новгородѣ, о Рейхелѣ и Филипповичахъ *), не о послѣднихъ ли говорить Герценъ въ своихъ запискахъ, рассказывая, какъ споръ съ дамой излечилъ его отъ увлеченія метафизическими и діалектическими построениями?

Мѣсяца два спустя вернувшійся изъ поѣздки за границу Н. П. Огаревъ былъ проездомъ въ Новгородѣ и привезъ Герцену *Wesen des Christenthums* Фейербаха. Прочтеніе этой книги окончательно укрѣпило Герцена въ его новыхъ убѣжденіяхъ и онъ тогда же началъ рядъ статей своихъ *О дуллетантизмѣ въ наукѣ*.

Въ декабрѣ 1841 года Герценыхъ опять постигло несчастіе: родившаяся у нихъ 22 декабря дочь черезъ двое сутокъ умерла.

«Неоцѣненный другъ мамаша, — пишетъ Наталья Александровна отъ 13 января 1842 года, — тороплюсь писать къ вамъ, несмотря на то, что силы мои едва это позволяютъ. Чувствовало ли ваше сердце, что происходило съ нами это время?... Я ожидала умноженія семейства своего въ февралѣ и ошиблась двумя мѣсяцами, вдругъ неожиданно 22 декабря Богъ далъ намъ дочку, — Боже мой, до сихъ поръ сама не вѣрю тому, что говорю... безмѣрна была наша радость, намъ такъ хотѣлось дочь, но Богу не угодно было продлить эту радость: черезъ двое сутокъ Онъ взялъ ее назадъ... Не скажу болѣе ни слова объ этомъ, тяжело, слишкомъ тяжело; сама яправляюсь. Какая пустота!...

«Вы пишете, милая мамаша, что не получали до сего времени отъ насъ писемъ, — куда же они дѣвались? Я писала вамъ два, одно предлинное въ началѣ декабря, другимъ поздравляла васъ съ днемъ вашего рожденія и съ праздниками, — жаль, если пропали». Въ скобкахъ рукой Александра Ивановича написано: «посл. 17 декабря».

«И меня поразила кончина Ивана Петровича **). Боже мой! какъ грустно! Куда ни оглянись, едва радость просвѣчиваетъ сквозь мракъ и тучи — жаль его, — вотъ и воспоминаніе 9 мая смѣшалось съ грустнымъ воспоминаніемъ, — вотъ жизнь... и въ нашемъ сердцѣ съ тѣхъ поръ ужъ вырыты двѣ могилки... глубоки и больны удары заступа... но да будетъ Его воля!...

«Устала, другъ мой, прощайте».

«Мало могу я прибавить, милостивая государыня Юлія Теодоровна, — говорить въ томъ же письмѣ Александръ Ивановичъ, — кромѣ повторенія словъ

*) Хотя она и говоритъ: „мы познакомились съ Филипповичемъ“, но вслѣдъ затѣмъ прибавляетъ: „это — люди, поставленные образованіемъ“ и т. д.

***) Модзелевскаго, бывшаго у нихъ шаферомъ.

Гамлета: «несчастія рѣдко ходять въ одиночку, а всегда толпою». И, между тѣмъ, доколѣ человекъ живъ, онъ все надѣется, все чего-то ждетъ отъ будущаго. Последнее время было для насъ нелегко.

«Неужели въ февралѣ мы увидимъ васъ? Дай Богъ! Какъ искренно хочется мнѣ лично высказать еще разъ благодарность и уваженіе Ивану Емануиловичу и вамъ. Пока дѣлаю это письменно и остаюсь покорный слуга
«А. Герценъ».

Однако, служба въ Новгородѣ становилась для Герцена съ каждымъ днемъ тяжелѣе и нестерпимѣе. Онъ искалъ предлога, какъ бы отдѣлаться отъ нея.

Разъ въ холодное, зимнее утро, пріѣхавъ въ правленіе, онъ увидѣлъ въ передней лѣтъ тридцати крестьянку, которая бросилась передъ нимъ на колѣни и, обливаясь слезами, просила его заступиться. Баринъ ея, Мусинъ-Пушкинъ, ссылалъ ее съ мужемъ на поселеніе, а, между тѣмъ, ихъ сынъ, лѣтъ 10, оставался, и она умоляла дозволить ей взять съ собой мальчика. Пока она рассказывала ему, въ чемъ дѣло, вошелъ военный губернаторъ; Герценъ указалъ ей на него и передалъ губернатору ея просьбу. Последній объяснилъ ей, что дѣти старше десяти лѣтъ оставляются у помѣщика. Мать продолжала просить, ему было скучно, женщина, рыдая, цѣплялась за его ноги, и онъ сказалъ, грубо отталкивая ее отъ себя: «Да что ты за дура такая? Вѣдь, по-русски тебѣ говорить, что я ничего не могу сдѣлать, что же ты пристаешь?» Послѣ этого онъ пошелъ твердымъ и рѣшительнымъ шагомъ въ уголь, гдѣ ставилъ саблю.

Эта сцена такъ потрясла Герцена, что онъ немедленно вышелъ изъ правленія, уѣхалъ домой и въ тотъ же день подалъ рапортъ о болѣзни, а затѣмъ и просьбу объ отставкѣ «по болѣзни». Отставку онъ получилъ и получилъ даже чинъ надворнаго совѣтника; но графъ Бенкендорфъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, сообщилъ новгородскому губернатору, что вѣздъ въ столицу ему воспрещенъ и что для жительства ему назначенъ Новгородъ.

Тѣмъ временемъ Н. П. Огаревъ принялся энергически хлопотать въ Петербургѣ, чтобы Герцену было разрѣшено переѣхать въ Москву. Герценъ мало вѣрилъ въ успѣхъ такого ходатайства. Однако же, Огареву удалось все устроить. 1 іюля 1842 года Императрица, пользуясь семейнымъ праздникомъ, просила Государя разрѣшить Герцену жить въ Москвѣ, взявъ во вниманіе болѣзнь его жены и ея желаніе переѣхать туда. Государь согласился и черезъ три дня Наталья Александровна получила отъ графа Бенкендорфа письмо, въ которомъ онъ сообщалъ, что, вслѣдствіе предательства Государыни Императрицы, ея мужу разрѣшено сопровождать ее въ Москву.

Несмотря на разрѣшеніе Герцену жить въ Москвѣ, полицейскій надзоръ не былъ съ него снятъ и продолжался вплоть до отъѣзда его за границу въ 1847 году.

Само собою разумѣется, что онъ поспѣшилъ оставить Новгородъ и переѣхалъ въ Москву. Время его переѣзда въ столицу мнѣ въ точности

неизвѣстно, такъ какъ писемъ за это время къ моей матери разыскать не удалось, хотя переписка ихъ несомнѣнно продолжалась, потому что есть у меня письмо болѣе поздняго времени — отъ 12 сентября 1843 г. изъ Москвы. Въ запискахъ Т. П. Пассежъ есть письмо Герцена къ А. Л. Витбергу, помѣченное 16 іюля 1842 г., изъ Новгорода *). Изъ письма этого видно, что онъ собирался выѣхать въ Москву въ слѣдующее воскресенье или понедѣльникъ, т. е. 12 или 13 іюля.

Въ Москвѣ ждалъ Герцена кругъ друзей, изъ которыхъ нѣкоторые занимали кафедры въ университетѣ, другіе писали въ журналахъ, занимались исторіей и пр. На этотъ разъ его приняли горячѣе и радушнѣе, нежели два года тому назадъ.

«Такого круга людей талантливыхъ, развитыхъ, многостороннихъ и чистыхъ,—говоритъ Герценъ,—я не встрѣчалъ потомъ нигдѣ, ни на высшихъ вершинахъ политическаго міра, ни на послѣднихъ маковкахъ литературнаго и артистическаго **). «Нашъ небольшой кружокъ,—прибавляетъ онъ,—собирался часто то у того, то у другаго, чаще всего у меня. Рядомъ съ болтовней, шуткой,ужиномъ и виномъ, шель самый дѣятельный, самый быстрый обмѣнъ мыслей, новостей и знаній; каждый передавалъ прочтенное и узнанное, споры обобщали взглядъ и выработанное каждымъ дѣлалось достояніемъ всѣхъ. Ни въ одной области вѣдѣнія, ни въ одной литературѣ, ни въ одномъ искусствѣ не было значительнаго явленія, которое не попалось бы кому-нибудь изъ насъ и не было бы тотчасъ сообщено всѣмъ» ***).

Въ этомъ сочувственномъ кругу замѣчательныя литературныя дарованія Герцена разцвѣли и дали тѣ замѣчательныя произведенія ****), которыя еще до отъѣзда его за границу поставили его въ ряду нашихъ лучшихъ писателей.

В. Куруга.

*) Изъ данныхъ мнѣ, т. II, стр. 178.

**) *Иб.*, т. II, стр. 315.

***) *Иб.*, т. II, стр. 316.

****) *Письма объ изученіи природы, Диллетантства съ науки, романъ Кто виноватъ, повѣсть Сорока-Ворожка, Записки доктора Крутова, Капризы и Раздумье, Об историческомъ развитіи чести.*

Народное богатство и таможенная политика.

I.

Возьмите большинство русских, немецких, французских, итальянских или американских промышленниковъ, спросите ихъ о вліяніи, которое оказываютъ охранительные тарифы на экономическій бытъ, и вы получите отвѣтъ, что они благотворно дѣйствуютъ на все народное хозяйство. Перелистайте сотню, другую, третью русскихъ и иностранныхъ учебниковъ, курсовъ, монографій по хозяйственнымъ вопросамъ, — и вы въ доброй половинѣ ихъ прочтаете положенія, что почти невозможно безъ покровительственной политики поднять народное хозяйство для успѣшнаго соперничества съ иноземными народами. Обратите, наконецъ, свое вниманіе на законодательства: и въ нашемъ отечествѣ, которое еще не достигло высокой ступени культуры, и въ иноземныхъ государствахъ, далеко опередившихъ насъ, въ Германіи и Австріи, Италіи и Франціи, Испаніи и Америкѣ, мы находимъ пространныя таблицы товаровъ, обложенныхъ таможенными податями, и длинный списокъ производствъ, которыя правительство хочетъ оградить отъ иностраннаго соперничества. Послушаемъ государственныхъ мужей, не тѣхъ, о которыхъ въ высокопарныхъ надгробныхъ рѣчахъ есть только одна истина, что они управляли такимъ-то вѣдомствомъ, но тѣхъ, которые заняли нѣсколько видныхъ страницъ въ исторіи своего народа, — послушаемъ Кольбера, Канкрена, Гамильтона, Бисмарка, и мы услышимъ, какъ недопускающее спора положеніе, что государственная власть, затрудняя ввозъ въ страну иноземныхъ товаровъ, можетъ развить многія отрасли туземнаго производства и содѣйствовать росту народнаго богатства.

И, утверждая все это, васъ погружаютъ въ цѣлое море «убѣдительныхъ, неопровержимыхъ доказательствъ». Кожевникъ, суконщикъ, сахароваръ, машиностроитель, работая подъ охраной высокихъ таможенныхъ налоговъ, съ гордостью указываютъ на монументальныя зданія своихъ фабрикъ, на циклопическія машины, на миллионы произведенныхъ аршинъ, пудовъ, какъ на ближайшія послѣдствія мудрой покровительственной политики. «Посмотрите, — говорятъ намъ, — на все это, и вы признаете, что тарифъ не только поднялъ нашу прибыль, далъ намъ возможность достигнуть благосостоянія

и даже богатства, но и открывъ обширное поле для заработковъ бѣднѣйшихъ людей, ввелъ ихъ въ благоуханную атмосферу фабрики, приучилъ къ правильной трудовой дисциплинѣ; и все это приобретено цѣною какихъ-нибудь 10—20—50 коп., переплачиваемыхъ нашими гражданами на ситцѣ, сукнѣ, желѣзѣ». Профессоръ съ основательностью, которою отличается это почтенное сословіе, назоветъ доводы промышленниковъ будничными, банальными, поверхностными; онъ соберетъ цѣлый обозъ историческихъ и статистическихъ указаній, которыя уже ни въ комъ не могутъ оставить и тѣни сомнѣнія относительно благодѣтельнаго вліянія протекціонизма. «Познакомьтесь хотя немного съ исторіей Франціи за послѣднія 200 лѣтъ,—скажетъ онъ,—и вы будете горячо-убѣжденнымъ сторонникомъ протекціонизма; развѣ дивные лионскіе шелки и бархаты, несравненный севрскій фарфоръ, изящныя издѣлія Парижа, альбѣфскія сукна и многое другое, такъ выгодно выдѣляющее французовъ изъ массы ихъ соперниковъ на всемірномъ рынкѣ,—развѣ все это не есть ближайшее, необходимое послѣдствіе политики Кольбера и дальнѣйшихъ правителей и министровъ? Развѣ Америка, почти не умѣвшая 100 лѣтъ тому назадъ сдѣлать пару шерстяныхъ чулокъ или простѣйшую машину, не обязана ростомъ своей промышленности послѣдовательной таможенной политикѣ? Развѣ, наконецъ, Россія не умѣетъ теперь, благодаря тѣмъ же мѣропріятіямъ, производить ивановскіе ситцы, мальцевскіе плуги или паровыя машины, московскія и бѣлостокскія сукна?» Въ аргументахъ этого рода обращается и законодатель; онъ развертываетъ таблицы производствъ въ странѣ, и если окажется, что 10 лѣтъ тому назадъ страна производила машинъ на 30 мил. рублей, а теперь, по окончательномъ устраненіи иноземныхъ издѣлій со внутренняго рынка высокими таможенными налогами, производитъ уже на 50 миллионѣвъ, то онъ не допускаетъ критики: обороты отечественныхъ заводовъ увеличились на 60%,—скажетъ онъ,—а, стало быть, созданъ новый источникъ доходовъ для населенія.

Умъ человѣка всего легче достигаетъ состоянія блаженнаго покоя, если удовлетворяется этими обычными доказательствами, наполняющими всю духовную атмосферу, которая насъ окружаетъ. Ближайшій анализъ покажетъ, однако, что ни одинъ изъ приводимыхъ аргументовъ не разрушаетъ сомнѣній, которыя поднимаются въ практикѣ и наукѣ.

Оцѣнка покровительственной политики со стороны практиковъ имѣетъ, конечно, всего менѣе значенія. Сужденія людей практики имѣютъ одну отличительную черту: практики изучаютъ данное явленіе въ мелочахъ, до самыхъ крохотныхъ подробностей, но никогда не приводятъ его въ связь съ миллионами явленій, которыя его окружаютъ и на него дѣйствуютъ. Если бы хотя одна статья таможеннаго устава дѣйствовала только на извѣстную отрасль производства, то люди, занятые въ этой отрасли, были бы наиболѣе свѣдущими судьями при оцѣнѣ даннаго мѣропріятія. Если бы, напри- мѣръ, налогъ на иностранныя машины оказывалъ вліяніе только на туземное машиностроеніе, то заводчики были бы вполне компетентны въ вопро-

сахъ о полезности или вредѣ этого налога. Но эта подать имѣеть значеніе не для однихъ машиностроителей: она затрогиваетъ интересы миллионнвъ сельскихъ хозяевъ, такъ какъ удорожаетъ имъ машины, необходимыя для земледѣльческаго труда; она удорожаетъ производство для всѣхъ промышленниковъ, применяющихъ иностранныя машины; она имѣеть, наконецъ, значеніе для всѣхъ гражданъ, какъ потребителей, потому что заставляетъ ихъ платить за товары, приготовленные съ помощью болѣе дорогихъ машинъ, 1¼ руб., вмѣсто одного рубля. Такимъ образомъ, статья таможеннаго закона, занимающая только 5—10 печатныхъ строкъ, соприсасается съ интересами всего населенія. Умъ промышленника, обыкновенно воспитанный для замкнутаго круга извѣстной промысловой дѣятельности и, къ тому же, часто зараженный корыстными побужденіями, рѣшительно не въ силахъ обнять все множество вліяній, которое оказываетъ данный законъ. Поэтому все, что бы ни говорили промышленники въ пользу охранительныхъ тарифовъ, представляется необудительнымъ.

Исторія и статистика, откуда ученые и законодатели почерпаютъ свои доказательства, часто также не въ силахъ сослужить ту службу, которой отъ нихъ ожидаютъ. Умъ, даже обогащенный массой свѣдѣній, но поспѣшный въ обобщеніяхъ, неправильно пользуется данными исторіи и статистики. Въ однихъ случаяхъ онъ приписываетъ явленіе одной или нѣсколькимъ причинамъ и оставляетъ безъ вниманія множество силъ, которыя дѣйствовали совмѣстно и, быть можетъ, произвели данный результатъ. Въ другихъ же случаяхъ, говоря о рядѣ фактовъ, какъ послѣдствійхъ какихъ-либо предъидущихъ явленій, онъ забываетъ, что сходные факты совершились и тамъ, гдѣ предъидущія условія были рѣзко отличны, даже противоположны. Намъ говорятъ, напримѣръ, что Соединенные Штаты Сѣверной Америки развили свою промышленность вслѣдствіе охранительной политики. Въ отвѣтъ на это мы задаемъ такіе вопросы: развѣ за 50, 60 или 100 лѣтъ дѣйствія американскихъ таможенныхъ тарифовъ не было въ жизни Соединенныхъ Штатовъ условій, которыя могли и должны были двинуть впередъ многія отрасли производства? Развѣ въ Соединенные Штаты не вселилось, преимущественно изъ Европы, 13 миллионнвъ людей, которые принесли съ собою разнообразныя научныя и техническія знанія и широко развили ихъ во всемъ американскомъ народѣ? Развѣ законодательство не предоставляло гражданамъ широкой свободы передвиженія изъ конца въ конецъ страны въ поискахъ за наиболѣе благоприятными естественными условіями? Развѣ не были затрачены огромные капиталы для улучшенія водныхъ путей, столь важныхъ народному хозяйству? Развѣ народное образованіе, общее и специальное, не сдѣлалось доступнымъ даже для бѣднѣйшаго гражданина? Въ этихъ вопросахъ мы выдвигаемъ цѣлый рядъ условій, которыя могущественно вліяютъ на хозяйственный бытъ и оставляютъ далеко позади себя предписанія таможенныхъ законовъ. Но пойдѣмъ далѣе: положимъ, насъ убѣдили, что всѣ эти факты имѣютъ лишь второстепенное значеніе и все азвитіе промышленности въ Америкѣ должно быть сведено, какъ къ при-

чнѣ, къ высотѣ охранительныхъ тарифовъ. Если такъ, то мы ставимъ общій вопросъ уже иного порядка. Допустимъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ 10,000 отраслей промышленности, изъ которыхъ 1—2 тысячи держатся только охранительными тарифами. Быть можетъ, благосостояніе было бы выше, если бы всѣхъ отраслей промышленности было не 10, а только 8 тысячъ. Этого сомнѣнія не разрѣшаютъ всѣ доводы протекціонистовъ. Но ученые и политики дѣлаютъ часто и другую ошибку: ссылаясь на быстрые успѣхи народнаго хозяйства въ странахъ, которыя имѣютъ охранительныя таможенныя налоги, они забываютъ объ Англіи. Англія, отказавшись отъ этой политики, чрезвычайно увеличила свое благосостояніе за послѣднее время. Съ 1870 до 1880 народное имущество на 1 жителя возросло въ Англіи съ 220 на 242, на 10%, а въ Соединенныхъ Штатахъ—съ 185 на 190, только на 3% *).

Такимъ образомъ, эти оба способа аргументированія неудовлетворительны.

По нашему убѣжденію, только одинъ путь приводитъ къ цѣли: дедуктивная оцѣнка условій, отъ которыхъ зависитъ ростъ народнаго богатства, и изслѣдованіе того, имѣетъ ли таможенная политика какое-либо вліяніе на эти условія. Такой приѣмъ доказательства станетъ понятенъ, если мы вникнемъ въ существо таможеннаго закона. Онъ выражаетъ волю законодателя, но самъ по себѣ не поднимаетъ производительности труда. Если законъ увеличиваетъ налогъ на иностранныя ситцы x копѣйками, то этимъ лишь повышается прибыль въ данной отрасли промышленности и создается условіе, которое привлекаетъ въ нее капиталъ изъ другихъ отраслей; но это еще не дѣлаетъ народнаго труда болѣе успѣшнымъ и не увеличиваетъ народнаго богатства.

II.

Попытаемся же изслѣдовать условія, которыя прямо вліяютъ на ростъ народнаго богатства. Каждый учебникъ политической экономіи подробно перечисляетъ условія, возвышающія производительность труда. Сводя воедино множество частныхъ, мы видимъ, что производительность труда зависитъ отъ условій трехъ разрядовъ: отъ характера внѣшней природы, отъ отношенія человѣка къ природѣ и отношенія его къ самому себѣ, иначе, къ труду.

Первое условіе, обратившее на себя вниманіе еще Фукидида, было многократно и въ подробностяхъ оцѣнено и историками, и экономистами, а потому оно не нуждается въ разъясненіяхъ. Скажемъ только, что вліяніе этого условія слабѣе, нежели двухъ остальныхъ. Мы знаемъ, что народное хозяйство имѣетъ важныя данныя для процвѣтанія при умѣренно-тепломъ климатѣ, плодородной почвѣ, близости моря, обиліи водныхъ путей; но мы имѣемъ множество фактовъ и изъ отдаленнаго прошлаго, и изъ новѣйшаго

*) *Mulhall*: „History of prices“. 1885, 110.

времени, что страны, умѣренно или скудно надѣленные дарами природы, достигли и достигаютъ высокаго процвѣтанія и даже богатства. Сошлемся на Финикію въ древности, на современную Швецію, Швейцарію, Канаду.

Не таково значеніе втораго условія. Находя извѣстныя группы людей въ опредѣленной внѣшней обстановкѣ, мы говоримъ, что какіе-нибудь самоѣды или тунгусы, кочуя со стадами оленей на суровомъ сѣверѣ, никогда не достигнуть высокихъ ступеней культуры, или что племена, живущія подъ экваторомъ, осуждены на низкій уровень развитія, такъ какъ самый климатъ мѣшаетъ имъ проявлять ту рабочую энергію, которая отличаетъ народы умѣренныхъ поясовъ. Научная мысль, произнося такой приговоръ, ожидаетъ, однако, что каждый народъ извлечетъ изъ внѣшней природы всѣ выгоды, которыя она ему можетъ доставить. Если немногочисленное племя заключено, какъ въ кольцо, на своей территоріи, если могущественные сосѣди не дадутъ ему выйти за ея предѣлы, то приходится лишь пожалѣть о немъ и признать его положеніе безвыходнымъ. Если же народу принадлежитъ обширная страна, то желательно, чтобы онъ заселилъ предпочтительно тѣ мѣстности, которыя обставляютъ его хозяйственную жизнь наиболѣе благоприятными условіями: народъ, имѣющій къ своимъ услугамъ обширныя пустующія площади чернозема, дѣйствуетъ неразумно, если тѣснится на тощихъ глинистыхъ или песчаныхъ участкахъ; онъ дѣйствуетъ неразумно, если, имѣя многіе милліоны десятинъ, гдѣ успѣшно произрастаютъ пшеница и виноградъ, сучивается въ мѣстностяхъ съ суровымъ климатомъ, гдѣ земледѣлецъ воздѣлываетъ только рожь и овесъ; если есть рѣки, ручьи, озера, то естественно отдавать предпочтеніе этимъ мѣстностямъ передъ маловодною равниной.

Но, стоя лицомъ къ лицу съ разнообразными дарами природы, человѣкъ обязанъ ихъ хранить, дабы обезпечить себѣ и будущимъ поколѣніямъ благоприятныя условія хозяйства.

На низшихъ ступеняхъ общественной жизни человѣку совершенно чуждо бережное отношеніе къ внѣшней природѣ; при рѣдкомъ населеніи раннихъ историческихъ періодовъ передъ человѣкомъ развертывается огромный и для того времени неисчерпаемый міръ матеріальныхъ богатствъ: лѣсамъ, звѣрямъ, птицамъ, рыбамъ, металламъ, повидимому, нѣтъ конца. Какія могутъ быть разумныя побужденія беречь эти богатства, когда человѣкъ почти безсиленъ, чтобы пользоваться небольшою частицей ихъ, чтобы отвоевать отъ лѣса небольшіе клочки пашни? Но, не имѣя побужденій беречь дары природы, человѣкъ, уже при младенческомъ состояніи гражданственности, познаетъ тѣ свойства природы, которыя особенно выгодны для хозяйственныхъ цѣлей, и старается приблизиться къ нимъ. Расселеніе людей на зарѣ исторіи служитъ живѣйшимъ тому доказательствомъ: понимая важность водныхъ путей, люди расселяются по берегамъ морей, рѣкъ, озеръ и тѣмъ создаютъ себѣ первое условіе культуры—удобство взаимныхъ сношеній. Въ эти же ранніе періоды человѣкъ познаетъ и свойства почвы, которыя особенно важны для его цѣлей. Наши предки, раз-

селяясь по обширной русской равнинѣ и пролагая путь въ лѣса, вырубали, выжигали и засѣвали тѣ участки, которые уже характеромъ лѣснаго насажденія обѣщаютъ обильно вознаграждать трудъ земледѣльца. Не менѣе разумное и цѣлесообразное отношеніе человѣка къ внѣшней природѣ видимъ мы и при зачаткахъ разныхъ отраслей обрабатывающей промышленности: отдѣльныя производства по переработкѣ металловъ, дерева, глины возникли тамъ, гдѣ для этого былъ подъ рукою нужный матеріалъ.

Но безостановочные успѣхи знанія, изученіе свойствъ внѣшней природы, которыя не были извѣстны предкамъ, позволяютъ людямъ съ неизмѣримо болѣею выгодною пользою пользоваться окружающими естественными условіями. Многие недостатки внѣшней природы могутъ быть исправлены, а наиболѣе драгоцѣнныя свойства ея сохранены. Если мы съ этихъ точекъ зрѣнія сравнимъ государства цивилизованнаго міра, то увидимъ такую отличительную черту: страны старой культуры сдѣлали много усилій и успѣховъ для сохраненія естественныхъ богатствъ, а страны культуры новой, часто пренебрегая первыми, направляли всѣ силы на отысканіе новыхъ богатствъ, которыя еще не были извѣстны предкамъ.

Множество примѣровъ, подрѣпляющихъ первое положеніе, дадутъ отдѣльныя страны Европы; онѣ стараются уже издавна разнообразными мѣропріятіями сохранить основы народнаго богатства. Прежде всего обращаютъ на себя вниманіе старинныя мѣропріятія, направленные на сохраненіе лѣсовъ. Въ Западной Европѣ законъ уже съ начала XVI вѣка ограничивалъ частныхъ владѣльцевъ въ нехозяйственномъ пользованіи лѣсомъ, въ Баденѣ ограниченія восходятъ даже къ половинѣ XV столѣтія *). Развиваясь въ теченіе трехъ-четырехъ столѣтій, лѣсные законы и точно исполнялись; населеніе воспитало въ себѣ привычки, которыя дѣлаютъ теперь исполненіе закона очень легкимъ. Эти привычки бросаются въ глаза путешественникамъ, посѣщающимъ Германію, Швейцарію, Францію; они видятъ дороги, усаженныя яблонями, грушевыми, вишневыми деревьями; плоды дозреваютъ, никто не срываетъ ихъ несвоевременно, никто не ломаетъ сучьевъ. Привычка сберегать лѣсъ такъ упрочилась въ Западной Европѣ, что нѣмецкому или французскому землевладѣльцу и въ голову бы не могло придти вырубить въ 2—3 года $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{4}$ своей лѣсной дачи. Такую же бережливость замѣчаемъ мы по отношенію къ рыбному царству. Во всѣхъ европейскихъ государствахъ выработаны подробныя законоположенія, опредѣляющія ловъ рыбы: запрещеніе лова во время метанія икры, запрещеніе продажи рыбокъ, не достигшихъ опредѣленнаго возраста и не могущихъ оставить потомство, запрещеніе примѣнять орудія, которыя вредно дѣйствуютъ на рыбъ,—вотъ ограниченія, установленныя закономъ всѣхъ странъ Европы. За послѣднія десятилѣтія эти ограниченія обработаны въ законченныя и подробныя уставы, но начало имъ было положено въ прошлыхъ столѣтіяхъ: въ Англій, напримѣръ, еще въ средніе вѣка, въ Германіи въ

*) Pfeil: „Forstpolizei gesetzte“.

XVI вѣкѣ. И эти законы не остаются мертвою буквой: повсемѣстно дѣйствуютъ комиссія изъ надзирателей надъ рыболовнымъ промысломъ и постепенно воспитываютъ въ гражданахъ нужныя для этого привычки. Совершенно то же находимъ мы въ прижизненіи и къ лѣсному царству: съ половины прошлаго вѣка (въ Германіи даже съ конца XVII столѣтія) въ Европѣ вырабатывались законы, ограничивающіе право охоты въ то время, когда звѣри *) и птицы размножаются; въ то же время принимались усиленныя мѣры для истребленія вредныхъ животныхъ, напримѣръ, волковъ, которые уже давно перевелись во многихъ странахъ Европы. Упомянемъ, наконецъ, о тѣхъ правилахъ, которыя уже давно выработались для разумнаго пользованія почвой. Они получили наиболѣе законченную форму въ Англіи, гдѣ арендаторъ обязуется держаться извѣстныхъ хозяйственныхъ системъ, извѣстныхъ приемовъ удобренія земли и т. п. **).

Имѣя къ своимъ услугамъ цѣлую систему мѣропріятій по охраненію даровъ природы, государства Западной Европы въ теченіе послѣдняго столѣтія не могли дать намъ картину того, какъ нужно приспособляться къ своей внѣшней обстановкѣ, отыскивать въ своей странѣ тѣ естественныя условія, которыя наиболѣе благоприятны для хозяйственныхъ цѣлей. И это понятно: населеніе уже давно достигло значительной плотности, самыя отдаленныя уголки территорій извѣстны и заселены и многимъ странамъ приходится съ конца прошлаго вѣка отдавать Америкѣ и Австраліи довольно большое число своихъ сыновъ.

Совсѣмъ иную картину даетъ намъ Сѣверная Америка. Населеніе, не превышающее 15 душъ на англійскую милю, сознаетъ или хотя безотчетно чувствуетъ чрезвычайное обиліе земли, воды, минераловъ и не принимаетъ никакихъ усилій для сохраненія этихъ богатствъ: они представляются неистощимыми. Этимъ объясняются, напримѣръ, отсутствіе лѣсоохранительнаго законодательства, полная свобода для землевладѣльцевъ пользоваться своими дачами и истребленіе лѣса въ огромныхъ размѣрахъ. Казенныя лѣса рубятся промышленниками. Лѣсныя кражи такъ велики, что въ 1881 г. было воровски вырублено болѣе 100,000 акровъ. Въ посланіи, поданномъ президенту министромъ Шурцемъ въ 1877 г., было указано, что весь древесный запасъ Соединенныхъ Штатовъ черезъ 20 лѣтъ будетъ ниже потребностей населенія ***). Такое же явленіе замѣчаемъ мы и относительно рыбнаго царства; только въ послѣдніе годы изданы законы, регулирующіе ловъ рыбы. Наконецъ, такое же отношеніе къ внѣшней природѣ проявляется и въ нерасчетливомъ пользованіи землей. Янки собираетъ жатву до тѣхъ поръ, пока не истощитъ участка, часто вовсе не удобряетъ его, воздѣлываетъ пшеницу или маисъ, а потомъ забрасываетъ и переходитъ хозяйничать на новое мѣсто. Легкомысленное отношеніе парода къ

*) Roscher: „Nationalökonomik des Akersbaues“, II, изд. 1885, 618.

**) Macdonell: „The Landquestion“, 1873, 108—74.

***) Schring: „Die landwirthschaftliche Konkurrenz Nordamerikas“. 1887, 123.

землѣ особенно ярко выразилось въ раздачѣ огромныхъ земельныхъ участковъ компаниямъ желѣзныхъ дорогъ.

Но если, имѣя передъ собой огромный запасъ даровъ природы, американцы еще не видятъ надобности сберегать ихъ, то они широко пользуются своею гражданскою свободой для передвиженія въ предѣлахъ страны, для отысканія возможно лучшихъ условій хозяйства. Исторія Сѣверной Америки есть исторія постепеннаго расселенія по материкъ въ направленіи отъ востока на западъ. По мѣрѣ того, какъ въ восточныхъ штатахъ населеніе становилось болѣе плотнымъ, участки земли болѣе дорогими и менѣе производительными, предприимчивые янки подвигались далѣе на западъ, захватывали дѣвственныя земли и оттѣсняли индѣйскія племена въ степную область, за 100-мъ меридіаномъ, въ область Кордильеровъ. Подвижность рельефно обнаруживается при вычисленіи той части населенія отдѣльныхъ штатовъ, которое родилось въ другихъ штатахъ или за предѣлами Америки. Населеніе старыхъ штатовъ, наиболѣе промышленныхъ и цивилизованныхъ, отличается довольно большою устойчивостью: число гражданъ, родившихся внѣ своего мѣстожительства, не превышаетъ 20—25%. Но чѣмъ далѣе подвигаемся мы на западъ, тѣмъ болѣе находимъ процентъ жителей, родившихся внѣ даннаго штата: въ Канзасѣ, Небраскѣ, Дакотѣ, Колорадо, Монтанѣ изъ всего населенія 70—84% родилось внѣ данныхъ штатовъ или даже за предѣлами республики. Передвиженія достигаютъ особенно значительныхъ размѣровъ въ годы кризисовъ: такъ было въ 1837, 1857 и 1873 — 79 г. Въ эти годы угнетенное состояніе дѣлало ослабляло притокъ переселенцевъ изъ Европы; но внутреннія переселенія совершались усиленно; въ старѣйшихъ штатахъ множество землевладѣльцевъ продавали свои участки, торговцы и промышленники собирали остатки отъ прежнихъ значительныхъ богатствъ, ремесленники и работники—свои сбереженія,—и всѣ эти массы двигались на дальній западъ, чтобы тамъ свить себѣ новое гнѣздо. Движенія эти такъ велики, что изъ всего населенія государства по переписи 1880 года болѣе 9¹/₂ милліоновъ (22%) оставили родныя мѣста и выселились далеко, часто за многія сотни верстъ отъ своей родины. Условія, въ которыхъ находятся выселяющіеся, чрезвычайно различны; ближайшая цѣль, которую они преслѣдуютъ, не одна и та же; но всѣ эти движенія могутъ быть обобщены, какъ процессъ, въ которомъ сказывается стремленіе людей создать лучшую обстановку для хозяйства. Получены свѣдѣнія объ огромныхъ площадяхъ дѣвственной плодородной земли гдѣ-нибудь въ Техасѣ, о вновь открытыхъ обильныхъ рудникахъ въ Дакотѣ или Монтанѣ, и цѣлыя толпы устремляются къ новымъ богатствамъ; эти толпы уже своимъ составомъ даютъ залогъ того, что новая колонія будетъ имѣть довольно большія удобства жизни: оставляютъ старое пепелище земледѣльцы; въ нимъ примыкаютъ кузнецъ, столяръ, сапожникъ, портной, врачъ, учитель, и зачатки старой цивилизаціи съ одного удара переносятся въ отдаленную пустыню. Этому безостановочному движенію въ поискахъ за новыми дарами природы соответствуетъ и американская политика относительно

путей сообщенія. Въ дѣлѣ примѣненія техники американцы всегда стараются усвоить послѣднее слово промышленной изобрѣтательности, а не проходить ряда посредствующихъ ступеней. Грунтовыя дороги Соединенныхъ Штатовъ были въ концѣ прошлаго вѣка (когда Англія и другія страны имѣли уже много шоссированныхъ дорогъ) очень неудовлетворительны, а мѣстами даже не проѣзжны; во многихъ мѣстахъ онѣ остались такими донынѣ. Однимъ изъ важныхъ условий, которымъ объясняется ихъ дурное состояніе, служитъ принятая въ Сѣверной Америкѣ система прямолинейнаго измѣренія земли, которая препятствуетъ прокладывать дороги кривыми линиями, сообразно съ характеромъ поверхности. Эти недостатки были съ избыткомъ восполнены быстрымъ сооруженіемъ желѣзныхъ дорогъ, главныхъ путей и побочныхъ линий; при сооруженіи, американцы заботились не о томъ только, чтобы связать мѣстности, уже достигшія высокой ступени культуры, но и о томъ, чтобы облегчить передвиженіе всѣхъ желающихъ на дальній западъ, въ дѣвственную и богатую природу. Въ результатѣ явилось нѣсколько вѣтвей, соединяющихъ Атлантическій океанъ съ Восточнымъ; получилась такая густота желѣзно-дорожной сѣти, что во многихъ штатахъ на 1 версту желѣзнаго пути приходится площадь въ 10—11 кв. версть. Съ неменьшею заботливостью относятся американцы и къ каналамъ еще съ первыхъ годовъ настоящаго вѣка. Уже въ 1808 г. былъ выработанъ планъ цѣлой сѣти каналовъ, который и начали быстро приводить въ исполненіе, и теперь американцы ежегодно затрачиваютъ около одного миліона долларовъ только на то, чтобы разслѣдовать водныя пути и намѣтить тѣ, которые требуютъ улучшеній.

Съ грустью надо сознаться, что наше отечество въ этихъ обоихъ отношеніяхъ стоитъ очень далеко отъ требованій, которыя могутъ быть предъявлены научною мыслью и неотложными нуждами дѣйствительности. Въ дѣлѣ охраненія естественныхъ богатствъ мы напоминаемъ того домохозяина, который, не задумываясь о будущности своей и членовъ семьи, беззаботно проживаетъ отцовское достояніе. Прежде всего, небрежное отношеніе къ землѣ. Хозяйство ведется такимъ образомъ, что силы почвы истощаются и производительность земледѣльческаго труда понижается все болѣе и болѣе. Напрасно было бы думать, что крестьянинъ, имѣя небольшую сумму знаній, истощаетъ свою землю: изслѣдованія общины познакомили со многими случаями того, какъ сельскія общества принимаютъ мѣры, охраняющія землю отъ истощенія; общинники обязываются удобрять и засѣвать надѣлы подъ страхомъ получить при передѣлѣ истощенный участокъ; они обязываются вывозить свой навозъ на надѣльную землю прежде, чѣмъ удобрять землю, приобрѣтенную на правѣ частной собственности. Нѣтъ, особенно небрежное отношеніе къ почвѣ находимъ мы у крупныхъ и среднихъ владѣльцевъ, которые не ведутъ хозяйства сами, а сдаютъ землю въ аренду или исключительно подъ хлѣбныя злаки, безъ достаточнаго отдыха участковъ, или даже подъ ленъ, который въ такой мѣрѣ истощаетъ почву. Въ земскихъ статистическихъ изданіяхъ и текущей печати нако-

пилося множество указаний на истощение почвы во многих благодатных мѣстностях малороссійскихъ, новороссійскихъ, юго - западныхъ и низовыхъ губерній. То же можетъ быть сказано о всѣхъ другихъ дарахъ природы. Законодательство не забывало выработать нормы, которыя охраняли бы естественныя богатства: отъ временъ Петра Великаго появляются цѣлыя своды законовъ, ограничивающихъ истребленіе лѣса, несвоевременную охоту или рыбную ловлю. Но эти законы оставались и остаются мертвою буквою, такъ какъ не было довольно многочисленнаго персонала, который могъ бы блюсти за ихъ исполненіемъ, и не было распространено знаній, которыя привили бы народу новыя и добрыя привычки. Всѣмъ извѣстно, что истребленіе лѣсовъ практикуется въ чрезвычайныхъ размѣрахъ, что въ мѣстностяхъ наиболѣе густо населенныхъ лѣса вырублены, что картину полной безлѣсности представляютъ линіи желѣзныхъ дорогъ, берега судоходныхъ и даже сплавныхъ рѣкъ; всѣмъ извѣстно, что наиболѣе цѣнныя породы—ясень, дубъ—становятся въ средней Россіи большою рѣдкостью. Подобныя же явленія замѣчаются относительно царствъ пернатого и воднаго. Несвоевременная охота, истребленіе множества птицъ для украшенія женскихъ шляпъ уменьшаютъ птичье царство и способствуютъ размноженію вредныхъ насѣкомыхъ. То же и въ мѣрѣ рыбы: и на моряхъ, озерахъ и рѣкахъ предписанія закона о времени лова рыбы не соблюдаются, рыбное богатство уменьшается (припомнимъ, наприм., указанное недавно почти полное исчезновеніе переяславской сельди *), и эти продукты стоятъ въ чрезмѣрно высокой цѣнѣ, дѣлающей большую часть ихъ недоступною для небогатаго люда.

Но, быть можетъ, представляя въ этомъ отношеніи черты, напоминающія жизнь американскаго народа, Россія съ успѣхомъ пользуется новыми, еще не истощенными дарами природы; быть можетъ, не сберегая старыхъ богатствъ, она имѣетъ еще на долгое время доступъ къ огромному запасу новыхъ сокровищъ? И здѣсь наше отечество представляетъ рѣзкую противоположность огромному американскому государству.

Въ соотвѣтствіе съ огромными площадями пустующихъ плодородныхъ земель въ Дакотѣ, Монтанѣ, Техасѣ и другихъ штатахъ Сѣверной Америки, мы имѣемъ гораздо большія пространства въ Тобольской, Томской, Енисейской губерніяхъ, на Кавказѣ и восточныхъ губерніяхъ Европейской Россіи. Никто не измѣрялъ этихъ земель, никто не знаетъ истинной величины этой площади; песомѣнно одно, что площадь эта огромна и свободный земельный фондъ болѣе великъ, нежели тотъ, который находится къ услугамъ предприимчивыхъ янки. Но для русскихъ людей, которые особенно нуждаются въ этомъ фондѣ, онъ является кладомъ, запертымъ за семью замками.

*) См., наприм., данныя о неправильномъ ловѣ рыбъ въ Каспійскомъ морѣ и другихъ мѣстахъ у *Данилевскаго*: „Исслѣдованія о состояніи рыболовства въ Россіи“, т. I, стр. 61 и дал.; II, стр. 164 и далѣе.

Ограниченіе свободы передвиженія русскихъ людей восходитъ ко временахъ *Судебниковъ* и окончательнаго закрѣпощенія крестьянъ. Крѣпостное право мѣшало правильному расселенію народа по всей территоріи, преграждало доступъ къ наиболѣе благоприятнымъ условіямъ внѣшней природы и тѣмъ парализовало ростъ производительности труда. Но до настоящаго вѣка это вліяніе крѣпостничества не могло особенно вредно отзываться на нашей экономической жизни: населеніе было рѣдко, почва и въ мѣстностяхъ съ бѣдною природою мало истощена; наконецъ, кромѣ крѣпостныхъ крестьянъ, были крестьяне другихъ разрядовъ, которые пользовались значительною свободою передвиженія. Но за послѣднія 50—60 лѣтъ настоящая нужда въ переселеніяхъ начала обнаруживаться все болѣе и болѣе, что и нашло выраженіе въ законѣ, выработанномъ гр. Киселевымъ. Этотъ истинно-государственный умъ создалъ начала политики переселеній, которыя и для настоящаго времени могли бы считаться образцовыми. Но законы шли однимъ путемъ, а жизнь—совершенно инымъ. Законодательство гр. Киселева примѣнялось мало, равно какъ мало примѣнялись и нормы, выработанныя *Положеніемъ* 19 февраля, предусматривающія и облегчающія переселенія крестьянъ извѣстныхъ группъ. Острая и настоящая нужда въ переселеніяхъ наступила только послѣ освобожденія крѣпостныхъ: проведена была опредѣленная пограничная черта между владѣніями крестьянъ и помѣщиковъ; первые получили во многихъ мѣстностяхъ малые надѣлы или надѣлы очень дурнаго качества и, не имѣя къ своимъ услугамъ сколько-нибудь улучшенныхъ сельско-хозяйственныхъ приѣмовъ, могли восполнить пробѣлы только съ отысканіемъ болѣе благоприятныхъ условій внѣшней природы. Въ концѣ 60-хъ гг. повсемѣстно въ Европейской Россіи начинается броженіе, которое, повидимому, обѣщало массовое движеніе на Востокъ за лучшею «землицей» *). Но движеніе это могло совершаться только въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Что сдѣлала для упорядоченія этого движенія частная благотворительность? Устроили нѣсколько пріютовъ для переселенцевъ въ Тюмени и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Что сдѣлали города, земства, государство? На все это можно отвѣчать почти полнымъ отрицаніемъ. Нельзя же называть достаточными мѣрами открытіе переселенческой конторы въ Батракахъ, пониженіе тарифа за провозъ переселенцевъ или передвиженіе съ помощью государства нѣсколькихъ тысячъ семей на Амуръ. Дорога въ Сибирь будетъ сооружена еще не въ близкомъ будущемъ; площадь земель, пригодныхъ для переселенцевъ, не приведена въ извѣстность, а на мѣстахъ, откуда двигаются переселенцы, ихъ удерживаетъ множество финансовыхъ связей. Этимъ недостаткомъ первоначальныхъ облегчительныхъ мѣръ и объясняется совершенная стихійность движенія тѣхъ группъ, которыя, не взирая на всѣ невыгодныя условія, все-таки, не остаются на старомъ пепелищѣ. И эти группы, осно-

*) Ср. Яковъ: «Опытъ о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ», съ приложеніемъ статьи о переселеніяхъ, изд. 2-е, 1881 г.

вываясь на отъездах ходоковъ, бредутъ на ура, въ невѣдомыя пустыни Сибири, переносятъ страшныя трудности, погибаютъ въ пути, возвращаются назадъ, прося милостыню; далеко не все кладутъ основаніе для новой и лучшей жизни. Изъ этого же неумѣлаго пользованія дарами природы протекаетъ и полное запущеніе нашихъ рѣкъ, быстрое ихъ обмелѣніе и отсутствіе мѣропріятій, которыя поставили бы водные пути къ услугамъ народнаго хозяйства: такія рѣки, какъ Десна, Сожъ, Березина и многія другія, пригодны для судоходства только часть лѣта; быстро мелѣетъ даже Волга и, притомъ, въ нижнемъ своемъ теченіи.

Различіями въ отношеніяхъ людей къ внѣшней природѣ обуславливаются и различія между отдѣльными странами въ ростѣ производительности труда. Но не одно и то же отношеніе находимъ мы къ самому труду. Рабочая сила, въ обширномъ смыслѣ слова, т. е. каждый гражданинъ, занятый полезнымъ для общества трудомъ, можетъ быть разсматриваемъ съ трехъ точекъ зрѣнія: 1) съ точки зрѣнія своей тѣлесной пригодности къ труду, 2) съ точки зрѣнія умственнаго развитія и приуроченности къ разнообразнымъ работамъ и 3) съ точки зрѣнія нравственныхъ качествъ, преданности дѣлу, добросовѣстности въ его исполненіи.

Вопросъ о физической пригодности населенія къ труду просто и легко разрѣшается въ раннюю пору общежитія. Въ производствѣ не произошло еще значительнаго расчлененія; главная масса труда затрачивается въ добывающей промышленности, охотѣ, рыбной ловлѣ, скотоводствѣ и земледѣліи. Обрабатывающая промышленность ничтожна; тѣ отрасли, которыя уже успѣли развиться, имѣютъ видъ ремесла и не дошли до мануфактуры, усиленно развивающей нѣкоторые органы работника въ ущербъ остальнымъ частямъ его тѣла. При такомъ состояніи общества въ условіяхъ труда нѣтъ обстоятельствъ, которыя вредно вліяли бы на развитіе рабочей силы, а рѣдкость населенія и изобиліе такихъ даровъ природы, какъ рыба, дичь, позволяютъ даже бѣднѣйшимъ людямъ имѣть пищу, часто грубую, но достаточную для правильнаго роста и поддержанія тѣлесной силы. Культура, какъ она развивалась до сихъ поръ, приноситъ цѣлый рядъ условій, неблагоприятныхъ для тѣлеснаго здоровья работающихъ. 1) Густое населеніе не имѣетъ тѣхъ даровъ природы, которые были доступны предкамъ, и принуждено затрачивать на добычаніе пищи главную массу своего труда. 2) Трудъ этотъ, конечно, былъ бы достаточенъ для снабженія пищей въ избыткѣ и бѣднѣйшихъ слоевъ народа, если бы длинный рядъ исторически сложившихся причинъ не произвелъ огромнаго неравенства въ распредѣленіи богатства и если бы податныя тягости равномерно распредѣлялись въ населеніи или хотя бы не угнетали бѣднѣйшихъ классовъ. 3) Возникло машинное производство, которое дѣлаетъ работника придаткомъ механизма, совершенно парализуетъ его рабочую силу и, помѣщая его на большую часть жизни въ закрытое зданіе, еще болѣе препятствуетъ развитію его тѣлесныхъ способностей. 4) Въ каждой странѣ есть, однако, слои населенія, которые и родомъ занятій, и другими условіями имѣ-

ють возможность развивать свою рабочую силу. Но эту физически лучшую часть народа захватывает все болѣе развивающаяся воинская повинность, и для производительнаго труда остаются люди уже менѣе пригодные. Государственная власть можетъ препятствовать тѣлесному вырожденію гражданъ мѣрами, дѣйствующими на одно изъ указанныхъ условій. Государство противодействуетъ первому условію, если дѣлаетъ доступными населенію дары природы; это возможно только въ странахъ съ обильнымъ запасомъ незанятыхъ земель; оно противодействуетъ условію подъ № 4, если выгодное изолированное (Соединенные Штаты) или островное (Великобританія) положеніе позволяетъ ему содержать небольшое постоянное войско и тѣмъ отвлекать меньше силъ изъ лучшей части населенія. Но всѣ государства имѣютъ широкое поле для противодействія условіямъ, означеннымъ подъ пунктами 2 и 3. Государство можетъ противодействовать возрастающему неравенству состояній посредствомъ податной системы, которая возлагаетъ прогрессивно болѣе бремя на плечи болѣе сильные, оставляетъ извѣстную низшую норму доходовъ свободною отъ обложенія. Наконецъ, фабричное законодательство есть та форма, въ которую облекается прямое воздѣйствіе государства на здоровье работника посредствомъ уменьшенія длины рабочаго дня, облегченія работы малолѣтнихъ и женщинъ и т. п.

Сопоставляя страны цивилизованнаго міра, мы видимъ, что государственная власть только слабо проявляетъ дѣятельность, которая въ этомъ направленіи можетъ принести обильные плоды. Англія, Канада, Соединенные Штаты, Австралія могутъ имѣть подъ ружьемъ не 1% населенія, какъ большая часть европейскихъ государствъ, а $\frac{1}{2}$ % или и гораздо меньше *). Въ дѣлѣ приноровленія податныхъ системъ къ требованіямъ справедливости мы находимъ повсемѣстно чрезвычайные недостатки: почти повсюду центромъ тяжести налоговъ служатъ подати на предметы потребленія, уплачиваемыя, главнымъ образомъ, бѣднѣйшими классами; прямые налоги только въ очень слабой степени приняли въ себя прогрессивное начало; тамъ, гдѣ малые доходы освобождаются отъ платежей, это освобожденіе теряетъ большую часть цѣны потому, что главную тягость причиняютъ налоги косвенные, отъ которыхъ истинный плательщикъ освобожденъ быть не можетъ. Въ этомъ отношеніи всего дальше ушли нѣкоторые кантоны Швейцаріи и штаты Сѣверной Америки съ прогрессивностью налоговъ подоходныхъ и съ наслѣдствъ и дареній. Всего менѣе благоприятно положеніе Россіи. Прежде всего, общая цифра податей. Вся сумма податей въ государственныхъ финансахъ, земскихъ, городскихъ и волостныхъ, составляетъ не менѣе 750 милліоновъ, т. е. болѣе 7 рублей на 1 жителя въ годъ. Если согласиться съ Мейголомъ, что въ Россіи доходъ на 1 жителя составляетъ 55 рублей въ годъ, то окажется, что налоги поглощаютъ

*) Соединенные Штаты имѣютъ въ войскѣ и во флотѣ до 35,000 человекъ, т. е. меньше $\frac{1}{16}$ % населенія.

**) Изъ швейцарскихъ кантоновъ мы отмѣтимъ особенно Цюрихъ, Базель и Тессино.

больше $\frac{1}{3}$ — 13%. Сравнение будетъ для насъ особенно неблагопріятно, если вспомнить, что въ Великобританіи и Ирландіи центральные и мѣстные налоги составляютъ 120 милл. фунтовъ, по $3\frac{1}{2}$ ф., т.-е. по 33—34 руб. на 1 жителя; при среднемъ доходѣ на 1 душу въ 37 фунтовъ ежегодно, налоги поглощаютъ только 9%. Но, вѣдь, взять изъ 370 рублей 33 рубля гораздо легче, чѣмъ 7 рублей изъ 55. Прибавимъ къ этому, что въ Россіи главною статьею податной системы служить налогъ на вино, имѣющій, по характеру потребителей, значеніе подушной подати. Припомнимъ, что за 1887 годъ этотъ налогъ составлялъ въ Россіи 272 милліона—60% налоговъ на потребление и почти половину всей суммы податей. 3) Остановимся на 3-й формѣ вліянія государства на физическое здоровье населенія, — на формѣ, которая парализуетъ вредныя послѣдствія чрезмѣрнаго развитія машиннаго труда. Извѣстно, что съ конца XVIII вѣка возникли и особыя категоріи болѣзней, и особенныя отрасли знаній, носящія имя промышленныхъ патологій и гигиены. Англія даетъ особенно обильный матеріалъ для оцѣнки этихъ явленій. Лудло и Джонсъ и Энгельсъ, описавшіе положеніе рабочихъ классовъ Англіи въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, до введенія фабричныхъ законовъ, привели множество фактовъ, свидѣтельствующихъ о физическомъ вырожденіи фабричныхъ работниковъ, объ искривленіи ногъ, неправильностяхъ позвоночнаго столба и т. п. Англія первая обратила вниманіе на эту сторону дѣла, первая стала на путь ограниченія физическаго труда (еще съ начала 30-хъ годовъ) и увлекла своимъ примѣромъ другія страны. Но всѣ онѣ, за исключеніемъ Швейцаріи, отстали отъ Англіи на этомъ пути *). Писатели, изслѣдовавшіе положеніе рабочихъ классовъ, единогласно утверждаютъ, что фабричныя законы оказали большое вліяніе на сохраненіе физическихъ силъ населенія и на предотвращеніе многихъ болѣзней, которыя имѣли ранѣе большое распространеніе. Особенно обильныя доказательства даетъ та же Англія. И наше отечество, 7 лѣтъ тому назадъ, ступило на путь развитія фабричныхъ законовъ и создало инспекторатъ, который проявилъ полное знаніе своихъ обязанностей и большую преданность дѣлу. Прошло еще слишкомъ мало времени, чтобъ эти плодотворныя мѣропріятія государства принесли всю сумму выгоды, которыхъ можно отъ нихъ ожидать. Если дѣло разовьется дальше, то, конечно, и у насъ фабричныя законы окажутъ вліяніе на здоровье населенія. Но до сихъ поръ тѣлесное здоровье народа стоитъ всего выше въ Англіи. Это станетъ понятнымъ, если мы знаемъ, что англичанинъ имѣетъ лучшую пищу, нежели всѣ другіе народы. По вычисленіямъ Мѣлголла, въ Англіи на 1 жителя приходится въ годъ 105 ф. мяса, 72 ф. сахару, тогда какъ нѣмцы, напримѣръ, имѣютъ только 69 фунтовъ мяса и 27 ф. сахара, французы—74 и 21. Лучшею пищей обуславливаются и меньшая смертность, и то, что меньшее число дней уходитъ на болѣзни: англича-

*) Въ дѣлѣ развитія фабричныхъ законовъ особенно далеко ушли нѣкоторые штаты Сѣверной Америки, установившіе *10-ты часовой рабочий день для мужчинъ* (Небраска, Пенсильванія и нѣкот. др.).

нанъ хвораетъ, въ среднемъ, 11 дней ежегодно, нѣмецъ—13, итальянецъ—15, а австріецъ—17 *). Лучшая пища заявляетъ о себѣ и въ большей производительности англійскаго труда. На ряду съ англичанами лучшихъ работниковъ имѣетъ Голландія; но и они уступаютъ первымъ: 4 англійскихъ плотника могутъ исполнить столько же работы, сколько 5 голландскихъ. Въ гораздо большей степени превосходятъ англійскіе работники французскихъ: въ чугуно-плавильной промышленности 25 англичанъ выполняютъ столько работы, сколько 42 французъ **).

Остановимся на условіяхъ, которыя даютъ человѣку умственную пригодность къ труду. Дабы трудъ былъ усиленъ, необходимо познаніе законовъ вѣшной природы и приурочивленіе рабочей силы—отъ сложныхъ отраслей и до наиболѣе простыхъ—къ этимъ законамъ.

Проходятъ цѣлыя тысячелѣтія, прежде чѣмъ человѣкъ усвоитъ соананіе необходимости и возможности систематически воспитывать свою рабочую силу; но и на самыхъ раннихъ ступеняхъ обществнаго бытія, въ періодъ какихъ-нибудь свайныхъ построекъ, человѣкъ ощущаетъ изучаетъ нѣкоторыя явленія природы и приурочивается къ нимъ въ своемъ трудѣ. Онъ наблюдаетъ, что камень тверже другихъ предметовъ, его окружающихъ, и дѣлаетъ изъ него орудіе, онъ познаетъ свойство нѣкоторыхъ животныхъ и борется съ одними, старается приручить другихъ. Самовоспитаніе изъ опыта есть тотъ путь, которымъ и до сихъ поръ идетъ огромная масса населенія во многихъ странахъ; знанія, пріобрѣтенныя дѣдами, передаются отцамъ, закрѣпляются въ дѣтахъ и внукахъ и нерѣдко въ извѣстномъ направленіи развиваютъ чрезвычайную техническую ловкость: вспомните, напримѣръ, о томъ, съ какою правильностью наши крестьяне, при передѣлахъ общинныхъ земель, наръзываютъ доли участникамъ, хотя незнакомы съ началами землеѣрнаго искусства. Совершенно подобное же усвоеніе техническихъ приемовъ можемъ мы наблюдать въ обширной отрасли кустарнаго производства. Кустаря никогда и никто систематически не училъ, но, родившись въ кругу, который цѣлыя поколѣнія посвящаетъ себя одному и тому же труду, онъ развиваетъ замѣчательную вѣрность глаза, ловкость рукъ и даже извѣстное чувство изящнаго. Доказательствомъ этому служатъ какъ кустарныя издѣлія русскихъ поселенцевъ, такъ и многія произведенія дикарей и полудикихъ народовъ Остъ-Индіи, побережій Африки, азіатскихъ и австралійскихъ острововъ.

Но, овладѣвъ, въ силу присущей страсти къ знанію и безкорыстной, неустанной работы теоретической мысли, нѣкоторыми законами природы, человѣкъ хочетъ привлечь эти знанія на службу своимъ хозяйственнымъ цѣлямъ. Первоначально этими услугами пользуются единичные, наиболѣе предприимчивые люди, стремящіеся выйти изъ старой, давно проторенной колеи. Сила вѣтра, пара, газа, электричества, болѣе совершенныя маши-

*) *Muthall*: „History of prices“. 1885, 99.

***) *Brassey*: „Foreign work and english. wages“. 1879, 157—97.

ны для разнообразных производств применяются отдельными промышленниками. Постепенно, благодаря недремлющей наклонности къ подражанію, эти изобрѣтенія становятся достояніемъ и менѣе предприимчивыхъ людей. Но общество уже не довольствуется этимъ медленнымъ движеніемъ, оно хочетъ дать возможно болѣе широкому кругу систематическое знаніе законовъ природы, на открытія которыхъ пошли тысячелѣтія. Дать цѣлую систему знаній въ теченіе немногихъ лѣтъ можно только посредствомъ техническаго образованія въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова.

Техническое образованіе, обнимающее всѣ учрежденія и всѣ знанія, которыя прямо направлены къ воспитанію рабочей силы, является дѣтищемъ нашего вѣка. Какъ въ дѣлѣ общаго образованія университеты Павія, Болоньи, Саламанки, Парижа привлекали тысячи учениковъ въ то время, когда самое слово «народная школа» не было довольно понятно, такъ и въ области образованія техническаго высшіе техническія институты или коммерческія училища предшествуютъ школамъ для ткачей, слесарей, столяровъ. Но теперь, къ концу вѣка, уже не спорятъ о томъ, что техническое образованіе должно составлять цѣльную систему; одни учрежденія должны быть приурочены къ воспитанію рабочаго искусства въ простѣйшихъ промыслахъ; другія, высшія земледѣльческія, инженерныя и другія училища, выпускаютъ своихъ питомцевъ подготовленными къ руководству самыми сложными и технически-трудными предпріятіями. Но XIX-й вѣкъ, создавъ цѣлую лѣстницу школъ для техническаго воспитанія населенія, выработалъ еще двѣ формы, которыя дополняютъ это воспитаніе. Юноша, съ успѣхомъ закончивъ техническое образованіе, стоитъ, такъ сказать, на высотѣ, которой достигли знанія человѣка въ примѣненіи къ цѣлямъ промышленности. Но работа мысли не останавливается ни на одинъ мигъ, и уровень знаній вообще, а техническихъ въ частности непрерывно возвышается: едва молодой человѣкъ вступилъ въ практическую жизнь, какъ уже отсталъ отъ новѣйшихъ успѣховъ знанія. И вотъ выработываются общія и спеціальныя выставки, музеи орудій и образцовъ, организуются публичныя чтенія, возникаютъ общества специалистовъ для совѣстнаго обсужденія общихъ интересовъ, — словомъ, развиваются многочисленныя и цѣлесообразныя формы, которыя позволяютъ человѣку, имѣющему уже далеко за собой школьное воспитаніе, слѣдить за успѣхами техники и пользоваться ими для хозяйственныхъ цѣлей. Наконецъ, есть и форма, въ которой наука непосредственно ставится къ услугамъ хозяйства. Въ разныхъ отрасляхъ очень часто возникаютъ такіе вопросы, которые неразрѣшимы просто образованными людьми съ помощью знаній, вынесенныхъ изъ школы или пріобрѣтенныхъ другими способами: эти вопросы требуютъ наблюденія или опыта при помощи тончайшихъ научныхъ приемовъ. Землевладѣлецъ имѣетъ на глазахъ десятки различныхъ почвъ и не знаетъ, какъ лучше пользоваться тою или другою. Въ торговый оборотъ поступаютъ новыя искусственныя удобрения, гдѣ только анализъ химика можетъ опредѣлить составныя части и открыть поддѣлку. Своеобразный цвѣтъ, вкусъ и запахъ воды застав-

леть предполагать въ ней необычныя составныя части и ждать отъ нея особеннаго вліянія на организмъ человѣка. Неизвѣстный врагъ уничтожаетъ хлѣбныя посѣвы, плоды на фруктовыхъ деревьяхъ и т. д. Для удовлетворенія этихъ нуждъ создаются лабораторіи, опытыя станціи, приглашаются агрономическіе, смотрители, энтомологи. Словомъ, задача воспитанія рабочаго искусства сводится къ тому, чтобы, при всѣхъ условіяхъ хозяйственной дѣятельности, дѣлать доступно людямъ ту или другую форму, въ которой знанія могутъ служить производству.

Состояніе техническаго образованія въ различныхъ странахъ Европы и въ Америкѣ даетъ возможность на примѣрахъ провѣрить эти апіорныя положенія. Въ каждой странѣ, не исключая и нашего отечества, мы находимъ учрежденія всѣхъ трехъ разрядовъ; но между отдѣльными странами чрезвычайно велика разница относительно числа и разнообразія этихъ учреждений. Германія, развившая всего ранѣе общее образованіе, сдѣлала очень много для поставленія и техническаго на высоту, которой требуютъ интересы хозяйства. Прусскій городъ Брефельдъ служитъ отличнымъ примѣромъ того, какъ много дѣлаютъ нѣмцы въ этомъ направленіи. Имѣя только 83,000 жителей, Брефельдъ затратилъ на профессиональныя школы 5½ милліоновъ; одна школа ткачества стоила ему цѣлаго милліона. Многія другія страны Европы—Швейцарія, Бельгія, Скандинавскія земли—не отстаютъ въ этомъ отношеніи отъ нѣмцевъ. Соединенные Штаты даютъ также поучительный примѣръ. Извѣстно всѣмъ, какъ далеко отстало наше отечество въ дѣлѣ развитія техническаго образованія: мы имѣемъ нѣсколько высшихъ учебныхъ заведеній, среднихъ почти нѣтъ, а низшихъ нѣтъ вовсе. Страшно подумать, что въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи, на населеніе въ 82 милл., только 15 сельско-хозяйственныхъ и лѣсныхъ училищъ съ числомъ учащихся менѣе 2,000 (въ 1885 г. 1,908 учащихся). Въ Привислянскомъ краѣ только 1 училище. Въ Пруссіи же въ началѣ 1887 г. на 28 милл. жителей была 551 школа для сельскаго хозяйства. Вся обширная область кустарной промышленности, которая имѣетъ такое огромное значеніе въ нашемъ хозяйствѣ, является убѣдительное свидѣтельство того, какъ мало сдѣлано и дѣлается для усовершенствованія рабочей силы. И до сихъ поръ, какъ въ сѣдую старину, кустари доходятъ самоучкой, путемъ наблюденій вокругъ себя и въ городѣ, къ приобрѣтенію отрывочныхъ свѣдѣній и нѣкоторому улучшенію своего рабочаго искусства: нѣсколько школъ, разбѣянныхъ по необъятному пространству Русской земли,—вотъ всѣ учрежденія, гдѣ могутъ обучаться милліоны русскихъ кустарей; 3—4 склада издѣлій и орудій въ крупныхъ центрахъ—вотъ всѣ мѣста, гдѣ взрослые сельскіе промышленники могутъ дополнять свое техническое образованіе. Къ чести нашихъ земствъ нужно сказать, что то немногое, что сдѣлано, сдѣлано именно ими.

Обратимся, наконецъ, въ область нравственности. Преданность дѣлу, сознаніе долга, честность въ отношеніяхъ къ сосѣдямъ имѣютъ большое значеніе на всѣхъ сторонахъ жизни, въ частности, и въ сферѣ хозяйства.

Если человек, поставленный къ определенному дѣлу, даже грубому и мало привлекательному, сознает свой долгъ, исполняетъ его по мѣрѣ силъ и умѣнья, не теряетъ времени даромъ, то онъ въ данный срокъ и производитъ большую массу работы, и поставяетъ продукты лучшаго качества. Если онъ приготовляетъ товары для обширнаго, тѣмъ болѣе, международнаго рынка, то пріобрѣтенное и упрочившееся довѣріе покупателей облегчаетъ ему соперничество съ другими торговцами. Многочисленные наблюдения показываютъ, что народы грубые, дикіе, вовсе незнакомые со складомъ цивилизованной жизни, отличаются правдивостью, вѣрностью данному слову, что они не умѣютъ лгать. Такою славой пользуются, наприм., многія племена Кавказа. Сошлюсь при этомъ на привлекательныя черты нашихъ поселенъ на отдаленномъ суровомъ сѣверѣ,—черты, которыя получаютъ въ многочисленныхъ артеляхъ свое высшее выраженіе и даже характеръ чего-то трогательнаго. Извѣстно также, что, при широкомъ развитіи политической жизни, печати, гласности, устанавливается тотъ благодѣтельный надзоръ общества за отдѣльными членами, который поддерживаетъ колеблющихся и нестойкихъ въ исполненіи обязанностей и еще болѣе укрѣпляетъ тѣхъ, которые глубоко дорожатъ достоинствомъ человека. Полуцивилизация представляетъ въ этомъ отношеніи условія особенно неблагоприятныя: суровая простота жизни и прямота исчезли, но просвѣщеніе не успѣло еще воспитать сознательное отношеніе къ долгу, и вотъ ложь проникаетъ въ жизненныя сферы. Сравнивая съ этой стороны различныя общества, нельзя примѣнять тотъ масштабъ, который былъ пригоденъ при изученіи предъидущихъ условій: тамъ можно было многое точно измѣрить и вычислить; здѣсь же можно дать только общую характеристику тому или другому народу. Англичане стоятъ впереди всѣхъ по энергіи труда и добросовѣстности, которая изстари упрочилась въ ихъ экономической жизни. Каждому извѣстно, что англійскіе товары всѣхъ родовъ имѣютъ репутацію первоклассныхъ. Другіе народы занимаютъ не одинаковое положеніе. Но всего менѣе благоприятно стоитъ наше отечество. Мы имѣемъ каждый день случай наблюдать, какъ у насъ вообще недобросовѣстно относятся къ своимъ обязанностямъ, уклоняются отъ исполненія долга, затягиваютъ до безконечности работу, которая могла бы быть выполнена въ короткое время. Эта несчастная склонность обнаруживается въ простѣйшихъ работахъ и бѣднѣйшихъ классахъ и доходитъ до общественныхъ слоевъ, несущихъ весьма сложныя обязанности, исполненіе которыхъ обыкновенно связывается съ большимъ довѣріемъ. Подъ влияніемъ этого свойства чиновники уклоняются отъ своихъ обязанностей и откладываютъ дѣло до послѣдней возможности, заводчики и ремесленники снабжаютъ рынки недоброкачественными издѣліями, рабочіе требуютъ неослабнаго надзора, дабы трудъ ихъ былъ не совсѣмъ безрезультатнымъ. За этою недобросовѣстностью можно прослѣдить во всѣхъ сферахъ нашей жизни; послѣдніе годы она такъ рѣзко проявилась въ хлѣбной торговлѣ, что повела къ отказу многихъ иностранныхъ торговыхъ фирмъ покупать нѣкоторые сорта нашего хлѣба.

Всеу сказанному можно подвести такіе итоги: среди многих второстепенныхъ условій главными силами, влияющими на ростъ народнаго богатства, служить отношеніе человѣка къ внѣшней природѣ и воспитаніе тѣлесныхъ и умственныхъ силъ населенія. Чѣмъ болѣе благоприятно поставленъ народъ въ этихъ отношеніяхъ, тѣмъ быстрѣе растетъ производительность его труда и увеличивается его богатство.

III.

Если теперь намъ скажутъ, что охранительные тарифы способны увеличивать народное богатство, то мы постараемся отыскать тѣ условія общественной жизни, на которыя они дѣйствуютъ непосредственно.

Таможенный налогъ непосредственно только поднимаетъ цѣну даннаго товара внутри страны и, дѣлая, по крайней мѣрѣ, временно веденіе даннаго промысла болѣе выгоднымъ, привлекаетъ къ нему капиталы изъ многихъ другихъ отраслей производства. Но вызвать къ жизни новую отрасль промышленности еще не значитъ создать новое богатство: быть можетъ, капиталы, оставаясь въ прежнемъ положеніи, дѣйствовали бы болѣе успѣшно и народное богатство возросло бы быстрѣе.

1) Охранительные тарифы не побуждаютъ населенія болѣе цѣлесообразно пользоваться внѣшнею природою. Что касается охраненія даровъ природы, то эта политика не стоитъ ни въ какой связи съ таможенными налогами; послѣдніе какъ своимъ возникновеніемъ, такъ и отиѣной не могутъ имѣть на нее какое-либо вліяніе: вслѣдъ за установленіемъ налоговъ на хлопокъ, сукно, сахаръ, машины и т. п. нельзя ожидать изданія законовъ, которые ограничивали бы истребленіе лѣсовъ или несвоевременный ловъ рыбы. И практика не даетъ фактовъ, которые подрывали бы наше предположеніе. Но представляется возможнымъ вліяніе таможенныхъ налоговъ на болѣе широкое пользованіе естественными богатствами, на эксплуатацию тѣхъ даровъ природы, которые ранѣе не были извѣстны. Есть, повидимому, причины, позволяющія установить связь между этими явленіями, и факты, доказывающіе это положеніе. Априорное разсужденіе будетъ высказано въ такой формѣ: если нѣкоторые товары, особенно сырье, удорожаются на туземномъ рынкѣ таможенными налогами, то большая масса труда и капитала будутъ затрачены на то, чтобы добывать это сырье внутри страны: при установленіи, напримѣръ, налоговъ на желѣзо, мѣдь, нефть, можетъ начаться усиленная разработка соответствующихъ мѣсторожденій минераловъ. Факты, добытые изъ исторіи Россіи, Соединенныхъ Штатовъ и другихъ странъ, подкрѣпляютъ это положеніе: съ обложеніемъ высокою таможенною податью чугуна и разныхъ сортовъ желѣза въ нашемъ отечествѣ и Америкѣ началась усиленная разработка рудниковъ. Приведемъ и факты. Въ Россіи отъ 1861 до 1880 г. добываніе чугуна увеличилось съ 19½ на 27½ милл. пудовъ. И такъ, таможенные налоги способствуютъ усиленному пользованію естественными богатствами. Но сейчасъ же возник-

каетъ вопросъ: какими естественными богатствами? Тѣми ли, которыми всего выгоднѣе пользоваться въ настоящее время? Возьмемъ хозяйство частного лица. У него превосходный черноземъ, есть обширныя дачи строеваго и дровянаго лѣса, есть прекрасныя заливныя луга. Съ тѣмъ вмѣстѣ, у него есть тощая залежь глины и небольшое торфяное болотце. Приступая хозяйничать въ своемъ имѣніи, владѣлецъ начинаетъ съ постройки усадьбы. Онъ не велитъ сложить срубъ изъ крупнаго лѣса, который тутъ же подъ рукой, а выписываетъ глинокоповъ и кирпичниковъ, чтобы съ большими расходами добывать глину изъ тощаго, глубоко лежащаго слоя и дѣлать кирпичъ. Вмѣсто того, чтобы приказать нарубить себѣ дровъ,—это потребовало бы не многихъ дней труда,—онъ выпишетъ торфяниковъ и будетъ заготавливать себѣ на зиму торфяное топливо. Если онъ признаетъ, что эти затраты невыгодны, но что онѣ—только барская затѣя, то ему отвѣтятъ: «всякій воленъ въ своемъ добрѣ». Если же онъ будетъ утверждать, что эти работы выгодны, то ему докажутъ, что онъ получилъ бы на свой капиталъ гораздо бѣльшій доходъ, если бы употребилъ его на покупку скота, расчистку луговъ, поднятіе черноземной нови. Разработка новыхъ естественныхъ богатствъ подъ вліяніемъ таможенныхъ налоговъ часто является также только «барскою затѣей» для народа, что бы ни говорили объ этомъ практики и какъ бы ни прославляли это авторы многихъ толстыхъ книгъ. Естественныя богатства почти каждой, даже бѣдной страны очень разнообразны какъ по своимъ физическимъ свойствамъ, такъ и по своему хозяйственному значенію. Въ послѣднемъ отношеніи они представляютъ длинную цѣпь, отдѣльныя звенья которой располагаются по своей бѣльшей и меньшей важности для народа. Наибольше важны тѣ, пользование которыми доступно, требуетъ наименьшаго труда и капитала и работа человѣка вознаграждается всего болѣе обильно. Только исчерпавъ эти богатства, человѣкъ долженъ переходить къ тѣмъ, которыя болѣе скудно вознаграждаютъ его трудъ. Таможенный налогъ не нуженъ для того, чтобы населеніе добывало естественныя богатства, которыя стоятъ на очереди; это дѣлается помимо всякой охранительной политики: американцамъ не нужно было протекціонизма, чтобы населеніе безостановочно подвигалось на западъ и захватывало все новыя площади плодородной земли. Русскому народу не нужно было охранительныхъ тарифовъ, чтобы заселить черноземныя степи Новороссіи и нижняго Поволжья или чтобы съ огромнымъ успѣхомъ добывать кавказскую нефть и снабжать ею западно-европейскіе рынки. Напротивъ, таможенная политика, дѣлая искусственно выгодною разработку естественныхъ богатствъ, до которыхъ еще не дошелъ чередъ, отвлекаетъ часть труда и капитала отъ того направленія, гдѣ дѣятельность ихъ была бы болѣе производительна, не съ точки зрѣнія предпринимателей, получающихъ теперь, быть можетъ, крупныя барыши, но—что особенно важно—съ точки зрѣнія всего народнаго хозяйства.

2) Но, быть можетъ, не имѣя значенія для отысканія новыхъ естественныхъ богатствъ, таможенные налоги оказываютъ воспитательное влі-

яніе на тѣлесныя силы населенія? Были указаны 4 группы условій, которыя имѣютъ такое вліяніе. Таможенные налоги не усиливаютъ дѣйствія ни одного изъ нихъ. Наблюденіе и дедуктивное мышленіе приводятъ къ заключенію, что никакая таможенная политика не уменьшаетъ постоянного войска, т.-е. не съуживаетъ размѣровъ, въ которыхъ для непроезводительныхъ цѣлей пользуются тѣлесными силами населенія. Напротивъ, защита страны отъ сосѣдей таможенными заставами, вызывая однородный образъ дѣйствія другихъ народовъ, поддерживаетъ неудовольствіе въ обширномъ кругѣ промышленниковъ и дѣлаетъ почву болѣе воспримчивой и для политическихъ разногласій. Въ этомъ направленіи охранительные тарифы не имѣютъ благотворнаго дѣйствія, но они не ставятъ и противовѣса вредному вліянію машиннаго производства. Таможенные налоги способствуютъ искусственному развитію фабрикъ, такъ какъ поддерживаютъ въ широкихъ размѣрахъ многія отрасли, которыя безъ того или вовсе не существовали бы, или переживали бы ремесленный или мануфактурный періодъ производства. Наше отечество всего лучше оправдываетъ это положеніе: почти все фабричное производство Россіи развилось подъ воздѣйствіемъ таможеннаго законодательства; не будь охранительныхъ тарифовъ, у насъ было бы меньше фабрикъ и заводовъ, т.-е. условій, которыя ослабляютъ тѣлесную силу населенія. Но, развивая это условіе, таможенная политика не вырабатываетъ для него противовѣса въ видѣ фабричныхъ законовъ, которые имѣютъ своимъ источникомъ побужденія гуманности и широко понятыхъ государственныхъ интересовъ, рѣзко отличныхъ отъ узкихъ, корыстныхъ расчетовъ, вызывающихъ къ жизни охранительные тарифы. Наконецъ, таможенные налоги оказываютъ и третье неблагоприятное вліяніе: они прямо способствуютъ неравенству состояній. Неравенству они содѣйствуютъ въ двоякомъ отношеніи: 1) поддерживая отдѣльныя отрасли производства и увеличивая въ нихъ прибыль сравнительно съ другими отраслями, они облегчаютъ образованіе въ этихъ предпріятіяхъ огромныхъ состояній, увеличиваютъ имущественныя различія между классами; 2) падая на предметы первой необходимости или всеобщаго употребленія, тяжело ложатся на бѣдныхъ гражданъ, чѣмъ на богатыхъ или зажиточныхъ.

3) Всѣмъ извѣстно, какъ неблагоприятны охранительные тарифы для техническаго воспитанія рабочей силы. Высокое умственное развитіе и большая энергія населенія могутъ быть источникомъ промышленнаго усовершенствованія и тамъ, гдѣ примѣняется широко развѣтвленная таможенная система. Примѣрами этого служатъ Сѣверная Америка и (хотя въ меньшей степени) нѣкоторыя страны Европы. Но наше отечество даетъ примѣръ прямо противоположный. Если же мы попытаемся связать таможенные налоги, въ ихъ существенныхъ особенностяхъ, съ промышленнымъ развитіемъ страны, то увидимъ, что эти явленія исключаютъ другъ друга. Когда производитель вводитъ въ свой промыселъ новую машину, усваиваетъ еще неизвѣстные приемы труда, то руководствуется не идеальными побужденіями, а надеждой извлечь изъ своего занятія большія выгоды. Этотъ путь,

соответствующий интересам и всего народного хозяйства, приводит промышленниковъ къ дѣлу; но онъ требуетъ напряженія ума, часто крупныхъ одновременныхъ затратъ и нерѣдко довольно большаго риска (если такое нововведеніе совершается наканунѣ еще болѣе совершенствованій въ данной отрасли, которыя могутъ сдѣлать невѣрными всѣ доселѣшніе расчеты). Вотъ почему промышленникъ, становясь на этотъ путь, всегда готовъ сойти съ него, если есть болѣе легкій способъ обогащенія. Что же можетъ быть легче и соблазнительнѣе защиты со стороны охранительнаго тарифа? Если удобопонятными словами выразить ту защиту, которую покровительственная система оказываетъ туземной промышленности, то нужно будетъ сказать такъ: «соперничество иностранной, болѣе преуспѣвшей промышленности умаляетъ твою прибыль, но ты можешь спать спокойно и не заботиться ни о какихъ усовершенствованіяхъ въ своемъ производствѣ: таможенный налогъ подниметъ цѣну иностранныхъ издѣлій на 50%, а съ тѣмъ вмѣстѣ удорожитъ и твои товары, изготовленные съ помощью допотопныхъ орудій и приемовъ труда». Промышленникъ слѣдуетъ этому знающему ласкающему голосу и остается при стародавнихъ орудіяхъ и приемахъ. Самымъ вѣснымъ доказательствомъ этого служитъ состояніе дѣлъ въ нашемъ отечествѣ: таможенная политика усердно охраняетъ всѣ отрасли производства, которыя подають хотя слабую надежду на развитіе, а производительность труда совершенно ничтожна. Довольно сослаться на бумагопрядильную промышленность: въ Англіи на 1 работника приходится 74 веретена, въ Швейцаріи—55, въ Австріи—42, а въ Россіи—только 28 *). Можно, пожалуй, возразить, что внутренній рынокъ открываетъ довольно обширное поле для соперничества и вызываетъ въ туземныхъ производителяхъ стремленіе усовершенствовать промышленность, чтобы побѣдить сосѣдей. Конечно, и при ограниченіи конкуренціи внутреннимъ рынкомъ остаются побужденія улучшать производство, но они тѣмъ слабѣе, чѣмъ уже поле состязанія. Гдѣ товару извѣстной страны приходится соперничать съ товарами пяти, шести, десяти иноземныхъ народовъ, тамъ необходимо гораздо большее изощреніе ума и напряженіе воли со стороны промышленниковъ, нежели тамъ, гдѣ соперниками выступаютъ только ближайшіе сосѣди. Изъ наблюденія извѣстно, что чѣмъ шире становится всемірный рынокъ, тѣмъ быстрѣе совершаются промышленныя успѣхи у народовъ, которые служатъ главными его поставщиками: Англія, снабжающая весь міръ своими издѣліями, всего быстрѣе развиваетъ свою промышленность; главный толчокъ для систематическаго усовершенствованія хлопчатой торговли дало Америкѣ сознаніе, что ей необходимо соперничать съ русскимъ и другими производителями на всемірномъ рынкѣ.

4) Понятно, что охранительные тарифы не могутъ способствовать развитію добрыхъ нравовъ, проникновенію хозяйственной дѣятельности въ торжественныхъ началами нравственности. И въ хозяйственныхъ отношеніяхъ между

*) *Brassey*, назв. соч., 176.

людьми добрые нравы ирѣкнуть только тогда, когда правильно понимается личный интересъ. Если человѣкъ увѣренъ, что несетъ на себѣ отвѣтственность за нарушение въ своей дѣятельности правилъ морали, что его хозяйство потеряетъ кредитъ, то онъ постарается усвоить опредѣленный образъ дѣйствій, свыннуться съ нимъ и не нарушать его. Если производитель знаетъ, что, при дурномъ качествѣ издѣлій, будетъ побѣжденъ соперниками, то старается поддерживать достоинство своихъ товаровъ на извѣстной высотѣ. Нѣтъ этой опасности, и онъ относится къ своему промыслу небрежно. Таможенный налогъ совершенно уничтожаетъ эту опасность: онъ обязываетъ огромное большинство туземцевъ довольствоваться товарами невысокаго достоинства и открываетъ полную возможность для производителей сбывать недоброкачественные продукты. Приведемъ здѣсь слѣдующія прекрасныя слова американца Сомнера: «Протекціонизмъ развращаетъ народъ и лишаетъ его правильнаго воспитанія; онъ отучаетъ людей отъ личной отвѣтственности и побуждаетъ ихъ искать неправильныхъ выгодъ; онъ внушаетъ вѣру въ монополію, плутовскія комбинаціи и запрещенія, вмѣсто того, чтобы укрѣплять предпримчивость, чистоту нравовъ и свободу» *). Если мы сравнимъ отдѣльныя страны въ этомъ отношеніи, то получимъ такую картину: Англія, отказавшаяся отъ таможеннаго покровительства промышленности, снабжаетъ рынки наилучшими товарами и добросовѣстность англійскихъ производителей можетъ служить примѣромъ, а московскіе сятцы, сукна и другія издѣлія въ значительной степени потому и гнилы, что производители имѣютъ обезпеченнымъ огромный кругъ покупателей въ лицѣ почти всего многомилліоннаго русскаго народа.

IV.

И такъ, мы считаемъ доказаннымъ, что охранительные тарифы, хотя пасаждаютъ отрасли промышленности, не имѣютъ вліянія на условія, которыя увеличиваютъ производительность труда, а потому и не способствуютъ росту народнаго богатства. Попробуемъ же въ самомъ краткомъ очеркѣ отвѣтить на три вопроса: 1) Можетъ ли безъ участія охранительныхъ тарифовъ явиться разнообразіе отраслей промышленности? 2) Какъ должно дѣйствовать государство, еще не ступившее на путь покровительственной таможенной политики? 3) Если государство уже давно идетъ по этому пути, то какія измѣненія оно должно внести въ свою политику?

1) Довольно распространено мнѣніе, что охранительные тарифы необходимы для развитія разныхъ отраслей промышленности. Это мнѣніе подкрѣпляется ссылкой на то, что возвышеніе таможенныхъ налоговъ или приостановка ввоза товаровъ изъ-за границы, въ силу, наприм., политическихъ причинъ, способствуетъ развитію въ странѣ разныхъ отраслей производства. Наши протекціонисты ссылаются особенно охотно на континенталь-

*) *Sumner: „Protectionism“, 1887, p. 146.*

ную систему, къ которой должно быть отнесено возникновеніе многихъ мануфактуръ московскаго округа. Эти приемы доказательства заставляютъ предполагать, что безъ такихъ мѣропріятій страна осталась бы только при отрасляхъ, направленныхъ на добываніе сырья. Не было бы бѣды, если бы промышленность ограничивалась только этимъ и если бы за вывозимое сырье можно было выгодно покупать иностранные фабрикаты. Въ дѣйствительности такой порядокъ былъ бы невозможенъ: гдѣ есть много сырья, и, притомъ, сырья разнообразнаго, тамъ естественно должны развиваться различныя отрасли обрабатывающей промышленности. Въ ихъ ряду первыя мѣста принадлежатъ тѣмъ производствамъ, которыя тѣсно примыкаютъ къ добывающей промышленности; таковы, наприм., винокуреніе, изготовленіе крахмала, сахаровареніе и т. д. Другимъ условіемъ, облегчающимъ развитіе промышленности, служатъ запасы дешеваго топлива, наприм., богатые залежи каменнаго угля, обильные лѣса. Наконецъ, промышленность должна постепенно примкнуть къ рудникамъ желѣза, мѣди и другимъ. Если есть естественныя богатства, то на ихъ основаніи понемногу развивается обрабатывающее производство. Но исключительное господство земледѣлія обыкновенно сопряжено съ недостаткомъ капиталовъ и неподготовленностью рабочихъ рукъ. Эти пробѣлы были бы восполняемы—даже при пассивномъ положеніи правительства—приливомъ иностранныхъ капиталовъ и иноземныхъ мастеровъ для извлеченія выгодъ изъ естественныхъ богатствъ данной страны. По мѣрѣ развитія промышленности и роста богатства, въ наиболѣе преуспѣвшихъ странахъ освобождаются капиталы, а уменьшающаяся выгодность приложенія ихъ на родинѣ побуждаетъ передвигать часть этихъ капиталовъ въ страны менѣе культурныя для разработки источниковъ естественныхъ богатствъ. Этотъ процессъ совершается и теперь. Возьмемъ желѣзно-дорожное дѣло: англійскіе, голландскіе, бельгійскіе и французскіе капиталы передвигаются изъ отечества въ Турцію, Персію, Египеть, Бразилію для сооруженія желѣзныхъ дорогъ; нѣмецкіе и англійскіе капиталисты разрабатываютъ рудники ртути въ Испаніи, нѣмецкіе капиталисты эксплуатируютъ лѣса во многихъ русскихъ губерніяхъ. Теперь таможенная политика затуманиваетъ этотъ процессъ: когда иностранные капиталы переходятъ въ страну съ мало развитою промышленностью (наприм., нѣмецкіе капиталы, передвинувшіеся въ лодзинскій и сосновицкій округа), то многіе склонны приписывать переходъ только повышенію прибыли, которое искусственно создается таможенными налогами. Подобный процессъ, не затѣняемый ничѣмъ, совершался бы и при полномъ отсутствіи таможенныхъ налоговъ, такъ какъ избыточные капиталы болѣе богатыхъ странъ всегда находили бы выгодное помѣщеніе у народовъ съ мало-развитою промышленностью. Возникновеніе разныхъ производствъ съ помощью иностранныхъ капиталовъ ставило бы передъ туземцами примѣръ выгодности новыхъ предпріятій и вызывало бы съ ихъ стороны подражаніе. Въ сферѣ промышленности происходило бы то же, что совершается въ военномъ дѣлѣ: турецкія, персидскія, японскія войска обучаются нѣмцами, англійскими, фран-

цувскими офицерами; но это не исключает возможности появления многих искусных турецких и японских офицеровъ. Такъ было бы при пассивномъ отношеніи государства. Но государство могло бы ускорить этотъ процессъ цѣлою системой мѣропріятій, направленныхъ на повышение производительности труда въ туземномъ населеніи и развитіе въ немъ навыка пользоваться новыми естественными богатствами. Приглашеніе иностранныхъ мастеровъ, образованіе техническихъ училищъ, изслѣдованіе естественныхъ богатствъ на казенный счетъ,—всѣ эти и другія подобныя имъ мѣры могутъ быть вполне оправданы. Но, идя дальше этого, мы оправдываемъ со стороны государства ежегодныя затраты на опыты съ новыми и неизвѣстными отраслями промышленности, которыя подають надежду на успешное развитіе. Даже безслѣдная потеря нѣсколькихъ милліоновъ ежегодно, затрачиваемыхъ съ этою цѣлью, была бы гораздо болѣе легкой для народа, нежели убытки, которые онъ косвенно несетъ отъ таможенныхъ налоговъ.

2) Послѣ изложеннаго, отвѣтъ на второй вопросъ ясенъ самъ собою. Если государство, переживая періодъ добывающей промышленности, еще не ступило на путь охранительныхъ тарифовъ, то оно должно удержаться отъ этого пути. Самою нормальною политикою въ такомъ случаѣ было бы направленіе всѣхъ силъ на развитіе и усовершенствованіе добывающей промышленности, которая составляетъ главное занятіе населенія, служить почти исключительнымъ источникомъ дохода и снабжаетъ своими произведеніями иноземные рынки. На ряду съ этимъ является цѣлесообразнымъ пользованіе иностранными капиталами для созданія тѣхъ отраслей промышленности, которымъ благоприятствуютъ естественныя условія, а также примѣненіе всѣхъ мѣръ, способныхъ поднять рабочее искусство населенія. Двигаясь по этому пути, государство не разовьетъ такъ скоро и такъ много разнообразныхъ отраслей промышленности, какъ то нерѣдко совершается нынѣ, но всѣ отрасли, которыя возникнутъ, будутъ развиты къ выгодѣ для народнаго хозяйства, будутъ требовать отъ него всего менѣе приплатъ.

3) Большое практическое значеніе представляетъ третій вопросъ: что дѣлать государству, которое уже давно слѣдуетъ завѣтамъ протекціонистовъ? Именно въ такомъ положеніи находится наше отечество.

Въ теченіе полутора вѣка лѣтъ усердно насаждали разнообразныя отрасли производства, но дѣлали слишкомъ мало для того, чтобы улучшить условія, которыя ускоряютъ ростъ народнаго богатства. Явилось много разныхъ заведеній и фабрикъ, многочисленныя группы населенія воспитались для различныхъ отраслей труда, но большая часть, держась искусственно, не служитъ къ выгодѣ народа. Отмѣна всѣхъ охранительныхъ таможенныхъ налоговъ уничтожила бы многія изъ этихъ отраслей. Мы далеки отъ мысли считать исчезновеніе многихъ производствъ равносильнымъ полному разоренію для народнаго хозяйства. Несомнѣнно, однако, что оно будетъ связано съ крупными потерями для многихъ капиталистовъ и предпринимателей и затруднительнымъ положеніемъ для довольно многочисленной группы рабочихъ. Желая избѣгнуть этого потрясенія, мы не рекомендуемъ единовременной от-

нѣны таможенныхъ налоговъ. Но, удерживаясь отъ единовременной отміны, законодательство сдѣлало бы большой шагъ впередъ, если бы принципиально осудило таможенную политику и рѣшилось не вводить новыхъ таможенныхъ налоговъ и не возвышать окладовъ старыхъ. Положительныя же мѣропріятія, которыя мы считаемъ настоятельно необходимыми, могутъ быть сведены къ 3 группамъ: 1) законодатель долженъ понижать тарифы таможенныхъ податей, чтобы постоянно держать промышленниковъ подъ страхомъ и тѣмъ самымъ побуждать ихъ къ техническому усовершенствованію производства; тарифы должны быть низведены до того уровня, при которомъ едва-едва возможно соперничество туземныхъ издѣлій съ иностранными; 2) государству уже давно пора обратиться отъ усиленныхъ насажденій разныхъ отраслей обрабатывающей промышленности къ поддержанію нашего исконнаго промысла, земледѣлія, на которомъ и зиждется благосостояніе Россіи. Мы зашли бы далеко за поставленные предѣлы, если бы намѣчали необходимыя для этого мѣропріятія. Укажемъ только на первостепенную важность переселеній въ широкихъ размѣрахъ, дабы дать народу доступъ къ условіямъ внѣшней природы, наиболѣе благоприятнымъ для земледѣлія, а также на повсемѣстное устройство образцовыхъ фермъ и развитіе сельско-хозяйственнаго образованія; 3) по отношенію къ отраслямъ промышленности, которыя поддерживаются охранительными тарифами, государство будетъ дѣйствовать наиболѣе благотворно въ томъ случаѣ, если направитъ свои силы для поднятія промышленнаго образованія и повышенія производительности труда. Успѣхи въ этомъ направленіи будутъ увеличивать жизнеспособность нашего производства и облегчать тягости, которыя охранительные тарифы причиняютъ народному хозяйству.

А. Исаевъ.

Всеволодъ Гаршинъ.

Среди литературныхъ именъ нашего времени имя Всеволода Гаршина получило довольно широкую извѣстность. Прирожденная меланхолическая придала его таланту своеобразную окраску, а гуманныя начала, которымъ Гаршинъ служилъ и своею жизнью, и своимъ перомъ, сообщали ему оттънокъ либерала и прогрессиста. Благодаря этому, успѣхъ, достигнутый Гаршинымъ сразу при появленіи его перваго замѣчательнаго очерка *Четыре дня*, остался за нимъ навсегда, несмотря на то, что послѣдующіе его рассказы уже не дѣлали такого шума и что самое творчество его, угнетенное недугомъ, проявлялось довольно скупо, на большихъ промежуткахъ времени и, притомъ, выливалось, по преимуществу, въ тѣ же миниатюрныя формы. Чѣмъ-то мучительнымъ и, въ то же время, привлекательнымъ вѣяло отъ этихъ рѣдкихъ, небольшихъ очерковъ. Нѣкоторыя страницы, по своей патологической красотѣ, будто обѣщали въ Гаршинѣ новаго Достоевскаго, — разумѣется, не по направленію, а по свойству дарованія. Эта новая литературная сила была встрѣчена и пригрѣта большимъ вниманіемъ: на Гаршина возлагали надежды и Левъ Толстой, и Тургеневъ: послѣдній, наблюдавшій всѣхъ подвизающихся теперь литературныхъ дѣятелей на первыхъ ихъ шагахъ, отзывался объ одномъ Гаршинѣ: «вотъ развѣ изъ Гаршина что-нибудь выйдетъ». Рѣпкинъ далъ, на передвижной выставкѣ, чудесный, глубокий и поэтический портретъ Гаршина: худощавый, красивый брюнетъ, съ пушистыми, беспорядочными волосами, мягкою бородкой и тонкими, вскинутыми бровями, съ какою-то болѣзненною и безпокойною думой, смотрѣлъ на зрителя своими воспаленными и туманными глазами. Такъ обозначалась на первыхъ порахъ и затѣмъ упрочивалась эта молодая, симпатичная слава. Но, какъ мы уже сказали, Гаршинъ не перешелъ за предѣлы рассказовъ, написалъ ихъ всего 17 и умеръ 33 лѣтъ, всѣмъ извѣстною страшною смертью, послѣ паденія съ лѣстницы въ припадкѣ своей безжалостной болѣзни.

Разберемся теперь въ наслѣдствѣ писателя. Мы намѣрены пересмотрѣть всѣ его рассказы, каждый порознь, потому что полагаемся въ этомъ слу-

чаѣ на память читателей невозможно, да и, быть можетъ, вниманіе читателей обращалось къ этимъ очеркамъ совсѣмъ подъ инымъ угломъ зрѣнія, чѣмъ тотъ, подъ которымъ мы ихъ усвоили. Всѣ рассказы Гаршина могутъ быть раздѣлены на три категоріи: *военные* (*Четыре дня, Трусъ, Демщикъ и офицеръ, Изъ воспоминаній рядового Иванова*), *психиатрическіе* (*Ночь и Красный цыптокъ*) и *наблюдательные*, переходящіе даже въ басни и параболы (*Встрѣча, Художники, Синаль, Attalea princeps, Сказка о жабѣ и рогѣ, То, чего не было*). Подъ эти дѣленія не подходятъ только *Медвѣди*, гдѣ трогательно и художественно описывается избиеніе, въ распоряженію начальства, ручныхъ медвѣдей, водимыхъ цыганами, и два разсказа, составляющіе одно цѣлое—*Происшествіе* и *Надежда Николаевна*, посвященные идеализаціи падшей женщины.

Начнемъ съ военныхъ разсказовъ.

Четыре дня считаются самою сильною вещью Гаршина. Тяжело раненый, забытый своими войсками вблизи трупа убитаго имъ врага, проводить четыре дня въ борьбѣ со смертью. Затѣмъ его случайно находятъ и спасаютъ. Двѣ причины помогли успѣху этого разсказа: во-первыхъ, онъ появился въ горячую минуту—въ самый разгаръ войны, и потому сильнѣе «ударилъ по сердцамъ»: появившись онъ теперь, впечатлѣніе было бы совсѣмъ не то; во-вторыхъ, тема разсказа—удачная, счастливая. Конечно, мастерство передачи имѣетъ громадное значеніе, но, помимо его, есть такія темы, которыя сами по себѣ остаются «приснопамятными». Ихъ всегда есть множество подъ рукою, и, тѣмъ не менѣе, на нихъ нападаютъ только особые счастливицы. Мы говоримъ о темахъ, имѣющихъ предметомъ большія страданія. Возьмите: *Les derniers jours d'un condamné* Виктора Гюго. Какой сюжетъ! Одно избраніе этого сюжета есть уже событіе,—тутъ можно забыть и объ исполненіи, потому что самая тема останется бессмертною. Вспомните также недавнюю *Смерть Ивана Ильича*,—чего проще, какъ описать шагъ за шагомъ, умираеніе обыкновеннаго человѣка отъ обыкновенной болѣзни, одинъ только этотъ процессъ, но, занявшись имъ исключительно, сдѣлавъ его цѣлымъ, громаднымъ событіемъ, единственною фавулою повѣсти, и, однако, никто раньше гр. Толстаго не догадался этого сдѣлать. Это повседневное страданіе никогда не выйдетъ изъ моды и никогда не перестанетъ потрясать. Такъ и въ разсказѣ Гаршина. Мученіе этого раненаго, хотя бы самая войны исчезли съ лица земли, останется историческимъ фактомъ, доступнымъ пониманію и глубокому сочувствію самыхъ отдаленныхъ будущихъ читателей. Повторяемъ, тема простая и тема вѣчная. Она обезпечитъ этому разсказу долгую, если не безконечную жизнь въ литературѣ. Она же выдвигаетъ этотъ очеркъ изъ всѣхъ произведеній Гаршина и заставляетъ сходиться всѣ вкусы въ его признаніи и оцѣнкѣ. Но для знатоковъ дѣла, помимо содержанія очерка, тогда же, при самомъ его появленіи, выдвинулось умѣнье начинающаго автора владѣть своимъ предметомъ, его вкусъ, тонкая простота изложенія, достигаемая только зрѣлыми талантами, чуткій

выборъ яркихъ штриховъ, замѣняющихъ длинныя описанія, и даже новизна всей постройки разсказа, сдѣланнаго въ видѣ какихъ-то небольшихъ строфъ или стансовъ въ прозѣ, необыкновенно удачно выбранныхъ для передачи отрывочныхъ и переменчивыхъ впечатлѣній челоука, у котораго слабо свѣтится сознание въ промежуткахъ бреда и сначки. Передача такого состоянія и вообще психологической монологахъ или изложеніе одинокихъ мыслей вслухъ принадлежать къ самымъ рискованнымъ задачамъ въ беллетристикѣ. Лучшіе, самые смѣлые и разнородные образцы подобныхъ страницъ даны у насъ впервые Львомъ Толстымъ. Онъ первый сталъ излагать бесѣду дѣйствующаго лица съ самимъ собою такъ часто, что она у него сдѣлалась какъ бы неизбѣжнымъ аккомпаниментомъ всего разсказа на всемъ его протяженіи. Поневоля каждый, писавшій послѣ гр. Толстаго, заимствовалъ его приемы. То же случилось и съ Гаршиннымъ. Наприм., въ самомъ началѣ: «Что-то хлопнуло, что-то, какъ мнѣ показалось, пролетѣло мимо; въ ухахъ зазвенѣло. «Это онъ въ меня выстрѣлилъ»,—подумалъ я, и т. д. Въ концѣ разсказа, пробужденіе раненаго прямо взято съ пробужденія Пьера Безухова въ дорогѣ, во время поѣздки изъ Москвы въ Петербургъ. Въ просонкахъ Пьеръ додумался до разгадки мучившихъ его философскихъ вопросовъ и какъ будто нашелъ истину въ формулѣ: «сопрягать надо». И онъ сталъ повторять себѣ эту фразу: «сопрягать надо». И вдругъ онъ проснулся въ своемъ экипажѣ отъ криковъ: «запрягать надо!» То же у Гаршина.

«Кусты шевелятся и шелестятъ, точно тихо разговариваютъ». — «Вотъ ты умрешь, умрешь, умрешь», — шепчутъ они. — «Не увидишь, не увидишь, не увидишь», — отвѣчаютъ кусты съ другой стороны.

«— Да тутъ ихъ и не увидишь!» — громко раздастся около меня. Я вздрагиваю и разомъ прихожу въ себя. Изъ кустовъ глядятъ на меня добрые голубые глаза Яковлева, нашего ефрейтора».

Впрочемъ, едва ли не больше гр. Толстаго вліялъ на Гаршина другой великій мастеръ—Тургеневъ. Какъ психологическій монологъ настойчиво введенъ гр. Толстымъ, такъ Тургеневымъ созданъ другой литературный приемъ, также сдѣлавшійся теперь обыденнымъ. Это—особая пунктуация, расстановка знаковъ препинанія, выразительная и тонкая, дающая читателю ноты для текста, помогающая ему прочесть фразу именно въ томъ смыслѣ и съ тѣмъ выраженіемъ, какое желательно автору. Тургеневъ первый ввелъ частыя многоточія, иногда пересѣкающія предложенія въ трехъ-четырехъ мѣстахъ, оставляющія на островкѣ одно слово, даже одну букву, и это у него выходило чрезвычайно мягко и живо. Эти многоточія дѣлались имъ не только въ торопливыхъ разговорахъ дѣйствующихъ лицъ или въ случаяхъ, гдѣ рѣчь или мысль обрывается, но и въ описаніяхъ, и въ спокойной экспозиціи фабулы, и въ самыхъ обыденныхъ рѣчахъ. Гаршинъ всегда и очень умѣло пользовался этою пунктуациею. Затѣмъ вкрадчивая простота Тургеневской фразы служила ему очевиднымъ образцомъ и въ значительной степени облагородила и украсила языкъ его разсказовъ. Объ этомъ, впрочемъ, рѣчь будетъ еще впереди.

Драматизмъ *Четырехъ дней* заключается не только въ физическихъ мученіяхъ и въ побитости несчастнаго раненаго, — драматизмъ этотъ преимущественно въ томъ, что страдалецъ имѣеть нѣжную, проткую, голубиную душу; что онъ, вспоминаящій съ болью въ сердцѣ даже собачку, раздавленную конной въ Петербургѣ, теперь самъ сдѣлался убійцей и поставленъ судьбою лицомъ къ лицу съ трупомъ своей жертвы; что съ тѣла этой жертвы онъ крадетъ фляжку съ водой для продланія своей собственной жизни, и что объ этомъ драгѣ своемъ онъ говоритъ и думаетъ съ глубокимъ состраданіемъ. «Ему велѣли идти и онъ пошелъ. Если бы онъ не пошелъ, его бы стали бить палками, а то, быть можетъ, какой-нибудь папаша всадила бы въ него нулю изъ револьвера. Онъ шелъ длиннымъ, труднымъ походомъ отъ Стамбула до Рунука. Мы напали, онъ защищался. Но, видя, что мы, страшные люди, не боимся его патентованной английской винтовки Либоди и Мартина, все хъземъ и хъземъ впередъ, онъ пришелъ въ ужасъ. Когда онъ хотѣлъ уйти, какой-то маленькій человекъ, котораго онъ могъ бы убить однимъ ударомъ своего чернаго кулака, подскочилъ и воткнулъ ему штыкъ въ сердце. Чѣмъ же онъ виноватъ? И чѣмъ виноватъ я, хотя я и убилъ его? За что меня мучить жажда?» Трупъ феллаха изображенъ Гаршинимъ съ такою силой, что его запоминаешь навсегда: «Его волосы начали выпадать. Его кожа, черная отъ природы, поблѣднѣла и пожелтѣла; раздутое лицо натянуло ее до того, что она лопнула за ухомъ. Тамъ коношились черви. Ноги, затанутыя въ штыклеты, раздулись и между прючками штыклеты вытѣлали огромные пузыри. И весь онъ раздулся горою... Что сдѣлаетъ съ нимъ солнце сегодня?» Далѣе: «Сосѣдъ сдѣлался въ этотъ день страшнѣе всякаго описанія. Разъ, когда я открылъ глаза, чтобы взглянуть на него, я умаснулся. Лица у него уже не было. Оно сползло съ костей. Страшная костяная улыбка, вѣчная улыбка, показалась мнѣ такою отвратительной, такою ужасной, какъ никогда, хотя мнѣ случалось не разъ держать черепа въ рукахъ и препарировать чѣлныя головы. *Этотъ скелетъ съ мундиръ со сѣтлыками пуговицами привелъ меня въ содроганіе. «Это война, — подумалъ я. — Вотъ ея изображение».*

Эти два яркіе образа — уродливый мертвецъ и его полуживой убійца — освѣщаютъ собою затанную идею перваго разсказа Гаршина, — идею выстрадааннаго сомнѣнія въ необходимости войны.

Та же идея, но съ гораздо меньшею силой, вслѣдствіе обилія разсужденій, трактуется и въ другомъ разсказѣ Гаршина — *Трусъ*. Заглавіе это поставлено авторомъ съ ироніей. Разсказъ ведется отъ имени студента, который, «припоминая всю свою жизнь, всё тѣ случаи, въ которыхъ ему приходилось стоять лицомъ къ лицу съ опасностью, не можетъ обвинить себя въ трусости». «Стало быть, — говорилъ онъ, — не смерть пугаетъ меня» (на войнѣ). — «Ты всёхъ своимъ существомъ протестуешь противъ войны, а, все-таки, война заставитъ тебя взять на плечи ружье, идти умирать и убивать. Да нѣтъ, это невозможно!... И никакое развитіе, никакое позна-

ние себя и мира, никакая духовная свобода не дадут мгѣ малой физической свободы — свободы располагать своимъ тѣломъ». Довольно вѣжливое содержание этого разсказа, по отсутствію образовъ и движенія, состоитъ въ томъ, что авторъ занисокъ попадаетъ въ ополченіе и долженъ идти сражаться. Его сомнѣнія не разрѣшены, но все его подталкиваетъ жертвовать жизнью — и страданіе отъ извѣстій о нашихъ потеряхъ на нѣтъ битвы, и то обстоятельство, что его товарищъ тутъ же, въ Петербургѣ, безъ всякой пользы для человечества, умираетъ въ жестокихъ мучахъ отъ гангрены, и, наконецъ, слова одной дѣвушки, любимой этихъ товарищамъ: «По-моему, война есть *общее* горе, *общее* страданіе, и уклоняться отъ нея, быть можетъ, и позволительно, но мнѣ это не нравится». Съ отъѣздомъ на войну, записки студента прерываются, и затѣмъ къ нимъ прибавлять эпилогъ, изъ котораго оказывается, что въ первой же схваткѣ онъ былъ убитъ. «Шальная пуля пробилла ему надъ правымъ глазомъ огромное черное отверстіе. Онъ лежалъ, раскинувъ руки и неестественно изогнувъ шею». По правдѣ сказать, эта смерть производитъ слабое впечатлѣніе. Чувствуешь, такъ сказать, ея теоретичность. Это не то, что смерть юнаго Пети Ростова въ первой стычкѣ съ неприятелемъ, описанная въ *Войнѣ и мирѣ*. Тамъ читатель, задолго до катастрофы, живетъ съ Петей его развѣтшающею, здоровою внутреннею жизнью, знаетъ его восторженную душу, его дѣтскіе смѣхъ, его молодую удалъ, его жизнерадостное настроеніе, его очарованный взглядъ на міръ, свойственный первому пробужденію жизненныхъ силъ, и когда Петя, кинувшись впередъ, пьяный отъ храбрости, падаетъ сразу отъ «шальной пули», жалость, содроганіе и думы самыя безотрадныя угнетаютъ читателя. Слѣдуетъ, однако, сказать, что *Трусъ*, неудачный въ художественномъ отношеніи, поддугаетъ нѣсколькоими горячими страницами, въ которыя чувствуетъ любвеобильное сердце писателя, — сердце, способное, до самозабвенія, замучиваться чужими страданіями. «Выбыло изъ строя двѣнадцать тысячъ однихъ русскихъ и румынъ, не считая турокъ... Двѣнадцать тысячъ... эта цифра то носится передо мною въ видѣ знаменъ, то растягивается безконечною лентой лежащихъ рядомъ труповъ... Если ихъ положить плечо съ плечомъ, то составитъ дорога въ восемь верстъ... Что же это такое?.. Быкъ, на глазахъ котораго убиваютъ podobныхъ ему быковъ, чувствуетъ, вѣроятно, что-нибудь похожее... Онъ не понимаетъ, чему его смерть послужитъ, и только съ ужасомъ смотритъ выкатившимися глазами на вровъ и реветъ отчаяннымъ, надрывающимъ душу голосомъ» и т. д.

Разсказъ *Денщикъ и офицеръ* представляетъ картинку двухъ совершенно бесполезныхъ военныкъ существованій въ мирное время — денщика, почти идиота, оторваннаго отъ убогой крестьянской семьи, гдѣ онъ составлялъ цѣнную рабочую силу, и скудоумнаго, недоучившагося офицера, который большею частью спитъ или ругаетъ денщика за недостаточно скорое соблюденіе разныхъ вадорныхъ услугъ, вроде подавля синичекъ, справокъ о погодѣ и т. п. Повѣствованіе не лишено юмора, которымъ

вообще Гаршинъ обладалъ несомнѣнно, и можно только пожалѣть, что, въ-противу, подъ влияніемъ своей краткой болѣзни, онъ такъ рано надѣлилъ шпъ свои произведенія.

Безуморноеннымъ въ художественномъ отношеніи и едва ли не самымъ капитальнымъ произведеніемъ Гаршина слѣдуетъ назвать его очеркъ *Изъ воспоминаній рядового Иванова*. По этому поводу, кажется, не было разногласія и въ критикѣ. Дѣйствительно, хотя Гаршинъ, какъ вѣчно и мучительно размышляющій гуманистъ и меланхоликъ, почти отсутствуетъ въ этомъ очеркѣ и съ этой стороны индивидуальныя особенности автора не такъ рельефно запечатлѣлись въ этомъ произведеніи, но ни въ какой другой вещи Гаршинъ не достигалъ такой зрѣлости таланта и совершенства исполненія. Въ разсказѣ нѣтъ ни завязки, ни вѣшняго интереса, ни притягательной идеи. Здѣсь просто передается длинный переходъ одного рядового, изъ студентовъ, отъ Блинова за Дунай, въ Турцію, среди массы войска, въ неизвѣданныхъ для новобранца условіяхъ походной жизни. Но съ перваго же слова васъ увлекаетъ живенность и яркость повѣствованія. Нѣтъ лишней фразы, нѣтъ расплывчатого образа, нѣтъ шаблонности и литературнаго гарнира.

Раскащикъ сразу заставляетъ васъ жить общою съ нимъ жизнью: вы вступаете въ новыя для васъ мѣста, попадаете въ самую середину строй солдатской массы, перевозите вмѣстѣ съ ней дожди, зной, жажду, тяжелую ходьбу, двигаетесь за ней къ смутной и трагической цѣли, начинаете различать въ ней рельефы лица, заинтересовываетесь всѣмъ, что окружаетъ автора, и, проходя мимо забавныхъ, тяжелыхъ и мучительныхъ, или безразличныхъ и возвышающихъ душу, картинъ, добраваетесь, наконецъ, до перваго сраженія. Каждая фигура, попадающаяся въ разсказѣ, отъ бригаднаго генерала до мелкихъ типовъ солдатъ изъ простонародья, нарисована ярко, съ трезвымъ реализмомъ, нѣсколькими интрижками. Будучи поставленъ въ ближайшее соприкосновеніе съ народомъ—плече къ плечу съ своими товарищами-солдатами, авторъ не знаетъ въ сантиментальности и не изурочивалъ своей картины фальшью: въ его правдивомъ изображеніи народныхъ типовъ чувствуется лишь та любовь къ простому человѣку, къ его силѣ, здоровому смыслу, терпѣливости, широту, къ его свѣжей и живучей рѣчи, которая отличала всѣхъ нашихъ лучшихъ писателей. Между эскизными и неизменными, хотя всегда живыми, типами этого очерка любопытство читателя невольно сосредоточивается на офицерѣ Венцелѣ. Этотъ Венцель, человѣкъ молодой, литературно-образованный и даже не чуждый любви къ поэзии, съ невѣроятною жестокостью обращается съ солдатами при надѣйшемъ ихъ отступленіи отъ дисциплины. Солдаты съ трепетомъ и ненавистью произносили его имя, и однажды въ толпѣ раздается даже нѣчто вродѣ загадочной угрозы: «Погоди, найдутъ и на него управу... Въ *дѣлѣ* тоже будешь». Жестокость Венцеля непостижима: напримеръ, задремавшаго солдата онъ безощадно бьетъ по плечамъ желѣзными козлами своей сабли; другаго, позволившаго себѣ курить во фронтѣ, онъ съ

остервенѣніемъ бьетъ по лицу, до крови, обѣими руками. Систему свою Венцель объясняетъ немногими словами: «Я дѣлаю это не изъ жестокости: во мнѣ ея нѣтъ. Нужно поддерживать спайку, дисциплину. Еслибъ съ ними можно было говорить, я бы дѣйствовалъ словомъ. Слово для нихъ—ничто. Они чувствуютъ только физическую боль». Однако, въ первомъ опасномъ дѣлѣ этотъ Венцель, увѣренный въ безукоризненную дисциплинированности своихъ солдатъ и ни чуть не боясь ихъ ненависти, ведетъ свою роту въ самый огонь; его отбиваютъ три раза, онъ ведетъ въ четвертый. Затѣмъ, послѣ большаго урона, онъ ведетъ остатки своей роты въ пятый разъ и, наконецъ, отбиваетъ у турокъ позицію. Раздается «ура». Оказывается, что турокъ было втрое больше, чѣмъ нашихъ. Такъ восторжествовала система Венцеля—этого, повидному, бездушнаго фанатика дисциплины.

«Вечеромъ,—заканчиваетъ Гаршинъ,—мы были уже на старомъ мѣстѣ. Иванъ Платонычъ (ротный командиръ) позвалъ меня пить чай.

«— Венцеля видѣли?—спросилъ онъ.

«— Нѣтъ еще.

«— Подите къ нему въ палатку, позовите къ намъ. Убивается человѣкъ... «Пятьдесятъ два, пятьдесятъ два!»—только и слышно. Подите къ нему!...

«Тонкій огарокъ слабо освѣщалъ палатку Венцеля. Прижавшись въ уголокъ палатки и опустивъ голову на какой-то ящикъ, онъ глухо рыдалъ».

Эта заключительная сцена одна изъ самыхъ сильныхъ во всѣхъ разсказахъ Гаршина. *Воспоминанія рядового Иванова*, по нашему мнѣнію, должны быть приписаны къ безусловно-лучшимъ образцамъ русской прозы.

Психіатрическими разсказами Гаршина мы назвали: *Ночь и Красный чептокъ*. Собственно, вообще наше дѣленіе разсказовъ Гаршина сдѣлано больше для удобства изложенія, и мы за него не стоимъ, потому что и психіатрическій, и назидательный элементы болѣе или менѣе свойственны почти всѣмъ произведеніямъ Гаршина. Но въ этихъ двухъ очеркахъ авторъ, очевидно, изображаетъ душевно-больныхъ.

Ночь знакомитъ насъ съ послѣдними думами человѣка, рѣшившагося на самоубійство. Алексѣя Петровича (такъ зовутъ героя разсказа) Гаршинъ нигдѣ не называетъ сумасшедшимъ и даже, быть можетъ, въ глубинѣ души, считаетъ его высшимъ существомъ, да и самая близость гениальности и сумасшествія, какъ извѣстно, всегда допускалась; но такъ какъ вѣшняго повода для роковаго исхода у Алексѣя Петровича нѣтъ, и его рѣшимость покончить съ собою оказывается принципиальною, какъ выводъ ума изъ всей жизни, то мы вправѣ считать, что авторъ рисуетъ намъ ненормальнаго, больнаго человѣка. Алексѣй Петровичъ пришелъ къ самымъ безотраднымъ выводамъ и о себѣ, и о жизни. «Буда впередъ—не знаю, но только вонъ изъ этого заколдованнаго круга. Въ прошломъ нѣтъ опоры, потому что все ложь, все обманъ...» «Онъ понялъ себя, понялъ, что»

въ немъ, кромѣ жи, ничего нѣтъ и не было; что если онъ сдѣлалъ что-нибудь въ своей жизни, то не изъ желанія добра, а изъ тщеславія; что онъ не дѣлалъ злыхъ и нечестныхъ поступковъ не по неизмѣннѣю злыхъ качествъ, а изъ малодушнаго страха передъ людьми». Эти мрачныя думы прерывается, какъ въ Фаустѣ, звукъ колокола. Вспоминается дѣтство, религія. «Да, тогда все казалось тѣмъ, какъ оно казалось. Красное такъ и было красное, а не отражающее красныя лучи». Захотѣлось той чистой любви, которую знаютъ только дѣти. «Господи, хотъ бы какого-нибудь настоящаго, неподдѣльнаго чувства, не умирающаго внутри моего я! Вѣдь, есть же мѣръ! Колоколъ напомнилъ мнѣ про него. Когда онъ прозвучалъ, я вспомнилъ церковь, вспомнилъ толпу, вспомнилъ огромную человѣческую массу, вспомнилъ настоящую жизнь. Вотъ куда нужно уйти отъ себя и вотъ гдѣ нужно любить... Вырвать изъ сердца этого сквернаго божка, уродца съ огромнымъ брюхомъ, это отвратительное я, которое, какъ глисть, сосетъ душу и требуетъ себѣ все новой и новой пищи...» Нужно «отвергнуть себя» (какъ сказано въ св. писаніи), убить свое я, бросить на дорогу...

Алексѣй Петровичъ приходитъ въ торжественное состояніе отъ этого открытія и, повидимому, умираетъ отъ наплыва радостныхъ чувствъ, потому что послѣ многоточія авторъ отъ себя прибавляетъ, что къ утру возлѣ трупа найдено было заряженное, попрежнему, оружіе. Болѣзненный экстазъ задушилъ Алексѣя Петровича, замѣнивъ собою выстрѣлъ, на который онъ уже рѣшился. Финалъ теменъ, какъ заглавіе очерка.

И такъ, влеченіе къ самоубійству было безумное, но, въ то же время, идейное, порожденное муками альтруизма. Не знаешь, куда отнести Алексѣя Петровича: къ благороднымъ ли, но несчастнымъ, заблуждающимся философамъ, или къ душевно-больнымъ, потому что физическій способъ истребленія эгоизма посредствомъ истребленія самой жизни, очевидно, не разрѣшалъ тѣхъ вопросовъ, которые замучили этого трагическаго идеалиста. И вотъ его страданія, благодаря своей отвлеченности, какъ-то мало западаютъ въ душу. Тамъ, гдѣ тяжелая тоска Алексѣя Петровича имѣетъ неопредѣленный болѣзненный характеръ, гдѣ, напримѣръ, прислушиваясь къ постукиванію часовъ, онъ доходитъ до галлюцинаціи слуха и слышитъ монотонное: «помни, помни, помни», или тамъ, гдѣ описывается его поѣздка къ знакомому доктору съ цѣлью похитить револьверъ для самоубійства и его хитрое обхожденіе съ прислугой для завладѣнія оружіемъ, — рассказъ силенъ, онъ захватываетъ, тревожитъ читателя; но какъ только Гаршинъ начинаетъ группировать въ головѣ Алексѣя Петровича такія размышленія, которыя должны показать намъ соціальныя мотивы его расчетовъ съ жизнью, — художественный интересъ исчезаетъ, впечатлѣніе слабѣетъ и патологическій очеркъ начинаетъ сбиваться на диссертацию. Впрочемъ, ужъ такова личность Гаршина, что подъ его перомъ эти отвлеченныя мученія кажутся вполне искренними: поневолѣ съ довѣріемъ продолжаешь выслушивать самого автора, хотя иллюзія въ правдивости изображаемаго имъ Алексѣя Петровича уже совершенно утрачивается.

То же замѣчаніе вполне пригодно къ другому очерку этой категоріи: *Красный цѣттокъ*. Разсказъ этотъ произвелъ большую сенсацию, преимущественно между юными поклонниками Гаршина, и ставится имъ чуть ли не превыше всего, что онъ сдѣлалъ. Въ память этого произведенія, были изъ краснаго мака возлагались на гробъ Гаршина, и теперь вышелъ литературный сборникъ, подъ заглавіемъ *Красной Цѣттокъ*. Увлеченіе это вполне объяснимо. Здѣсь изображенъ умирающій сумасшедшій, который принимаетъ алый цѣттокъ въ палисадникѣ больницы за обликъ злаго духа, за олицетвореніе зла во всемъ мірѣ, и съ немовѣрными страданіями срываетъ его, чтобы послѣ этого усилія умереть съ нематымъ цѣтткомъ въ рукѣ, прижатой ко впадой груди... Въ этой картинѣ есть несомнѣнная эффектность, въ особенности для молодого воображенія, для юныхъ, великодушныхъ сердець. Но раздвоеніе, на которое мы указали въ разсказѣ *Ночь*, выступаетъ здѣсь еще рельефнѣе. Правда, что исторія знаетъ не одного гениальнаго идеалиста, который жертвовалъ жизнью за истину, за общее благо, и котораго толпа считала безумцемъ, но это были, во всякомъ случаѣ, не такіе безумцы, которые, по доставленіи въ больницу, дебутировали съ высокоумѣнной фразы:

«Именемъ его императорскаго величества государя императора Петра Перваго объявляю ревнью сему сумасшедшему дому!»

Ясно, что это сумасшедшій въ самомъ узкомъ смыслѣ слова. Дѣйствіямъ такого сумасшедшаго не имѣютъ ровно никакой цѣны. Онъ такъ же легко можетъ увлечься ролью мученика за правду, какъ и ролью важнаго и строгаго ревизора. И фальшь разсказа состоитъ именно въ томъ, что этому сумасшедшему подслазывается бредъ, въ тонкомъ литературномъ вкусѣ, бредъ съ тенденціей. Поэтому, не отрицая вѣдшей, театральной красоты подобнаго замысла, мы думаемъ, что тѣ части разсказа, гдѣ описывается пріѣздъ сумасшедшаго въ больницу, самая больница, въ особенности первая ванна и мученія въ ней больнаго, его разговоры съ докторами, его блужданіе среди другикъ сумасшедшихъ, постепенное ухудшеніе его недуга и т. п. — гораздо выше въ художественномъ отношеніи. Здѣсь видна правда, сила, мастерство; здѣсь чувствуется дѣйствительное, пережитое и выстраданное авторомъ — и трудно пробѣгать эти тяжкія страницы безъ содроганія и безъ угнетенія мысли чѣмъ-то чуждымъ, страшнымъ для нормальнаго человека.

Слѣдуетъ серія разсказовъ, которые мы назвали назидательными, включеніемъ сюда сказокъ и параболъ.

Встрѣча изображаетъ намъ, какъ въ одномъ больномъ южномъ городѣ (повидимому, въ Одессѣ) встрѣтились бывшіе школьные товарищи: одинъ, назначенный туда учителемъ гимназій, и другой, служившій тамъ инженеромъ. Учитель озадаченъ внезапнымъ разбогатѣніемъ инженера и за ужиномъ, въ его роскошной квартирѣ, узнаетъ, что онъ разигрался на обирадываніи казны. Инженеръ защищаетъ теорію наживы, ссылался на то, что понятія о честномъ и нечестномъ зависятъ отъ взгляда, отъ извѣстной

точки зрѣнія, и соблазняетъ своего друга не быть «телятницей». Учитель негодуетъ, предостерегаетъ товарища, не сдастся на его софизмы и, въ концѣ-концовъ, остается при убѣжденіи, что «вольному воля». Этого очеркъ, какъ видите, отвѣчаетъ на живой современный вопросъ, который и разрѣшается авторомъ съ яркостью, свойственною его сердцу.

Въ рассказѣ *Художники* представлены два живописца: Дѣдовъ, разсуждающій, что «пока ты пишешь картину—ты художникъ, творецъ; написана она—ты торгашъ», и Рябининъ, который желалъ бы «взлѣтъ» картинами на публку, проводить свои идеи. «Другіе, — говоритъ онъ, — называютъ карьеру академика художественною дѣятельностью; что это нѣчто художественное — спора нѣтъ, но что это дѣятельность...» Рябининъ пронизируетъ и сомнѣвается. Однажды онъ отправляется съ Дѣдовымъ на котельный заводъ и видитъ тамъ, какъ дѣлаютъ заклепки на швахъ котловъ. «Человѣкъ садится въ котель и держитъ заклепку изнутри клещами, что есть силы напирая на нихъ грудью, а снаружи мастеръ колотитъ по заклепкѣ молотомъ и выдѣлываетъ шляпку. Рабочіе мрутъ, какъ мухи: годъ-два вынесетъ, а потомъ, если и живъ, то рѣдко куда-нибудь годенъ. Имъ приходится грудью выносить удары молота, да еще въ котлѣ, въ духотѣ, согнувшись въ три погибели». Ихъ зовутъ «глухарями», потому что они часто гмохнутъ отъ трезвона. И вотъ Рябининъ задумываетъ написать такого глухаря. Композиція картины прекрасна. «Вотъ онъ сидитъ передо мною, — пишетъ Рябининъ, — въ темномъ углу котла, скорчившійся, одѣтый въ лохмотья. Его совсѣмъ не было бы видно, если бы не свѣтъ, проходящій въ круглыя дыры, просверленные для заклепокъ. Кружки этого просвѣта пестрятъ его одежду и лицо, свѣтятся золотыми пятнами на его лохмотьяхъ, на включенной и закопченной бородѣ и волосахъ, на багрово-красномъ лицѣ, по которому струится потъ, смѣшанный съ грязью, на жилистикъ надорванныхъ рукахъ и на измученной широкой и впалой груди. Пестоянно повторяющійся страшный ударъ обрушивается на котель и заставляетъ несчастнаго напрягать всѣ свои силы, чтобы удержаться въ своей невѣроятной позѣ. Наслошко можно было выразить это напряженное усміе, я выразилъ». Надъ этою картиною Рябининъ чуть не сходитъ съ ума, переноситъ нервную горячку и по выздоровленіи бросаетъ живопись. Онъ поступаетъ въ учительскую семинарію. Тенденція разсказа понятна. Однако, помимо наизбрѣній автора, оба художника отступаютъ здѣсь на задній планъ и дѣйствительнымъ героемъ выдѣляется одинъ «глухарь» — этотъ образъ невозможнаго труженника, нартееванный съ мастерствомъ и съ пламеннымъ состраданіемъ.

Въ скатомъ и сильномъ рассказѣ *Смисалъ* изображены два желѣзно-дорежонныхъ сторожа: добрый и смиренный Семень и строптивый, завистливый и истительный Василій. Василій рѣшчетъ на скудное содержаніе, ненавидитъ барствующее начальство дороги и однажды, получивъ ударъ по лицу отъ начальника дистанціи, задумываетъ устроить на его участкѣ катастрофу. Онъ снимаетъ съ пути рельсъ передъ самымъ прибытіемъ по-

ѣзда. По счастью, Семенъ подстерегъ Василю Василю, завидя Семена, убѣгаетъ. Растерявшійся Семенъ, не имѣя подъ рукой сигнальнаго краснаго флага, прорѣзываетъ себѣ руку, намачиваетъ кровью платокъ и подымаетъ его на палкѣ. Въ виду поѣзда, Семенъ начинаетъ слабѣть отъ потери крови и готовъ уже уронить флагъ, когда вдругъ подбѣжавшій Василій, растроганный его подвигомъ, подхватываетъ сигналъ и останавливаетъ поѣздъ. «Обвелъ Василій всѣхъ глазами, опустивши голову.

«— Вяжите меня, — говорить, — я рельсъ отворотилъ».

Это покаянiе, вызванное энтузіазмомъ къ чужой душевной красотѣ, исполнено глубокой драматической силы.

Маленькая граціозная поэма въ прозѣ *Attalea princeps* воспѣваетъ чудную пальму, которая задумала своимъ ростомъ достигнуть потолка теплицы и разрушить его, чтобы увидать вольное небо. Другія растенія надъ ней подтрунивали, но ей удивлялась и сочувствовала мелкая, блѣдная ползучая травка. Когда же посыпались стекла крыши и надъ нею возвысилась зеленая корона пальмы, *Attalea* почувствовала острое прикосновенiе снѣжинокъ, увидала грязное небо и готова была снова спрятаться подъ крышу отъ холоднаго вѣтра. Къ тому же, директоръ ботаническаго сада приказалъ спилить ее у самаго корня, чтобы она вновь не надѣлала бѣды. Пальму спилили. Маленькая травка, обвившая ее стволъ, тоже попала подъ пилу. «Вырвать эту дрянъ и выбросить, — сказалъ директоръ. И траву выбросили на задній дворъ, прямо на мертвую пальму...»

Нужно сознаться, что это одна изъ самыхъ изящныхъ аллегорій для воплощенiя идеи о тяжелой расплатѣ стараго порядка со всякимъ смѣлчачкомъ, поднимающимъ на него руку, и о неизбежномъ разочарованiи идеалиста при встрѣчѣ съ дѣйствительностью.

Сказка о жабѣ и розѣ была, очевидно, приготовлена Гаршинымъ для дѣтскаго журнала и написана дѣтскимъ языкомъ. Замыселъ ея неудаченъ. Прожорливая жаба, пріютившаяся въ одномъ цвѣтникѣ, пожелала «слопать» прекрасную розу. Но въ ту минуту, когда жаба, обдирая себѣ лапки и брюхо объ шипы, уже добиралась до цвѣтка, его сорвала одна дѣвушка для своего умирающаго маленькаго брата. Потомъ розу поставили въ отдельномъ бокалѣ у гробика. Молодая дѣвушка, когда ставила ее на столъ, поднесла къ губамъ, поцѣловала и уронила на нее слезинку. Прикосновенiе этой слезинки было лучшимъ происшествiемъ въ жизни розы. Сказка неинтересна и смыслъ ея очень теменъ. Ужь нѣтъ ли тутъ намекъ на то, что поэзія должна утешать несчастныхъ, а не лакомить пресыщенныхъ?

Гораздо удачнѣе другая басня для дѣтей, напечатанная въ журналѣ *Родникъ: Лягушка путешественница*, гдѣ осмѣивается хвостотство лягушки, придумавшей путешествовать съ помощью перелетныхъ утокъ. Она держалась стиснутыми челюстями за прутикъ, который несли въ своихъ клювахъ попеременно двѣ утки изъ стаи. Когда же она услышала съ земли мужиковъ, восклицавшихъ: «Бто бы это придумалъ?» — она не вытерпѣла

и квантула: «Эте я, я!»—и свалилась. Басенка эта художественно обработана и, конечно, сохранится въ дѣтской литературѣ.

Но выше всѣхъ произведеній въ этомъ родѣ басня *То, чего не было*. Въ ней съ очень милымъ и тонкимъ юморомъ пародируются различные взгляды на задачи жизни. Тутъ легко узнать нѣкоторыя модныя общественныя теоріи. Споръ ведутъ между собою навозный жукъ, муравей, кузнечикъ, лошадь, удатка, гусеница, мухи и ящерица. Всѣ типы соблюдены со вкусомъ и мастерствомъ. Рассказъ такъ веселъ и забавенъ, что въ немъ даже трудно узнать Гаршина. Въ символическомъ родѣ эту вещь можно назвать образцовой, достойною, по своей отдѣлкѣ и содержательности, перевода на всѣ языки. Она, вѣроятно, относится къ самому здоровому періоду творчества Гаршина.

Наконецъ, *Сказаніе о гордомъ Аггей* есть искусное подражаніе послѣднимъ сказкамъ для народа гр. А. Толстаго. Особый стиль повѣствованія соблюденъ съ безупречною техникой. Гордый и богатый правитель Аггей, пройдя черезъ различные испытанія судьбы, дѣлается поводыремъ слѣпыхъ и такъ привязывается къ новымъ обязанностямъ, что когда ангелъ Божій предлагаетъ ему вернуться къ прежней жизни, то Аггей отвѣчаетъ:

«Нѣтъ, господинъ мой, ослушаюсь я твоего велѣнія, не возьму ни меча, ни жезла, ни шапки, ни мантия. Не оставлю я слѣпыхъ братій своихъ: я имъ и свѣтъ, и пища, и другъ, и братъ. Прости ты меня и отпусти въ миръ къ людямъ: долго я стоялъ одинъ среди народа, какъ на каменномъ столпѣ, высоко мнѣ было, но одиноко; ожесточилось сердце мое, исчезла любовь къ людямъ. Отпусти меня!—И отпустилъ его ангелъ. И работалъ Аггей всю жизнь на бѣдныхъ, слабыхъ и угнетенныхъ».

Остаются затѣмъ рассказы, не относимые нами ни къ какимъ категоріямъ: рассказъ *Медведи*, сущность котораго мы уже передали, и еще два, составляющихъ одно цѣлое: *Происшествіе* и *Надежда Николаевна*.

Происшествіе состоитъ въ томъ, что нѣкій Иванъ Ивановичъ, влюбившись въ проститутку Надежду Николаевну (по ходячему имени—Евгенію) и убѣдившись, что она не можетъ ни полюбить его, ни вернуться къ порядочной жизни, съ отчаянія застрѣливается. Надежда Николаевна нарисована нѣсколько по-книжному, съ примѣненіемъ давнишняго способа идеализаціи падшей женщины. Способъ очень простъ: такой женщинѣ обыкновенно приписываются горькія, обличительныя размышленія о мужчинахъ, а ея дальнѣйшее пребываніе, несмотря на такое воззрѣніе, въ той же профессіи объясняется истерическимъ равнодушіемъ къ будущему. Такъ сдѣлана и Надежда Николаевна. Она не рѣшается на сближеніе съ Иваномъ Ивановичемъ, между прочимъ, и потому, что боится отъ него впоследствии упрековъ за свое прошлое. Обыденность замысла и построения не мѣшаетъ рассказу отличаться чувствомъ и драматизмомъ. Сердечность автора и здѣсь подкупаетъ. Особенно сильна послѣдняя сцена «происшествія»: отвергнувъ окончательно любовь Ивана Ивановича, Надежда Николаевна лишь по выходѣ изъ его квартиры, уже на улицѣ, начинаетъ со-

обращать и ясно чувствовать, что теперь, в эту минуту, онъ долженъ застрѣливаться. Опрямлено бѣжить она назадъ и въ то мгновеніе, когда она скватывается за ручку двери, за дверью раздается выстрѣлъ.

Незадолго до смерти Гаршина вздумалось вернуться къ Надеждѣ Николаевнѣ и дорисовать ее въ цѣлой повѣсти, озаглавленной ея именемъ. Но повѣсть эта оказалась слабѣе всего, что онъ сдѣлалъ. Мы застаемъ здѣсь Надежду Николаевну, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ «происшествія», все въ той же профессіи, соединяемой, притомъ, съ болѣе или менѣе постояннымъ сожителствомъ съ литераторомъ Безсоновымъ. Въ нее же влюбляется и молодой живописецъ Лопатинъ, нашедшій въ ней идеальную модель для задуманной имъ картины *Шарлотта Корде*. Къ этимъ лицамъ припутаны еще двѣ совершенно лишніе и неинтересныя фигуры: другъ Лопатина, Гельфрейхъ—специалистъ по изображенію кошель, и содержатель неблрванннхъ комнатъ, капитанъ Грумъ-Скжебицкій—полякъ, занимающійся какими-то темными дѣлами. Рядъ безвѣстныхъ сценъ и растинутыхъ разговоровъ между этими лицами заканчивается совершеннымъ сумбуромъ: Безсоновъ изъ ревности убиваетъ Надежду Николаевну, смертельно ранитъ Лопатина и самъ застрѣливается. Весь рассказъ точно происходитъ подъ небослономъ Достоевскаго, въ его атмосферѣ, въ тѣхъ особенныхъ сумеркахъ, которые даютъ чувствовать болѣеменное настроеніе писателя; но ни силы, ни глубины, ни энергіи Достоевскаго тутъ нѣтъ и слѣда. Въ этой предпоследней вещи, написанной Гаршинымъ, дарованіе замѣтно нмѣнилось ему...

Гаршинъ оставилъ еще фельетоны: *Подлинная исторія одного земснаго собранія*—первая печатная вещь Гаршина, имѣющая, вѣроятно, жѣстный интересъ, но ничѣмъ не превышающая обыкновенныя удачныя сатиры въ легкомъ родѣ; *Очень короткій романъ*—набросокъ въ такомъ же вкусѣ для *Стрелковъ*—настишка надъ рыцаремъ, который отправился на войну, чтобы повернуть сердце возлюбленной, но потерялъ на войнѣ ногу и прозвалъ свою невесту; *Алхорское дѣло*—автобиографическое сообщеніе о сраженіи, въ которомъ самъ Гаршинъ былъ раненъ въ ногу; *Письма о передвижныхъ выставкахъ*, полныя цѣнныхъ характеристикъ нашихъ художниковъ и живыхъ описаній самихъ картинъ; и, наконецъ, *Петербургскія письма* (въ газету *Южный Край*), гдѣ встрѣчаются художественныя описанія Петергофа и того самаго Волкова владѣнца, на которомъ срытылись останки нашего писателя.

Замечивъ обзоръ произведеній Гаршина, мы, прежде всего, остановимся на его писательской техникѣ. Гаршинъ умѣлъ писать вполнѣ свободно только отъ перваго лица. Въ этой любимой формѣ написаны имъ лучшіе рассказы. Когда встрѣчалась необходимость завязать дѣйствіе между нѣсколькими лицами, Гаршинъ затруднялся и всегда сбивался на дневникъ. Такъ, дневники отъ разныхъ дѣйствующихъ лицъ введены въ изложеніе *Проис-*

шестомъ и Надежды Николасьны и весь рассказъ *Художники* сдѣланъ помощью параллельныхъ дневниковъ Дѣдова и Рябинина. Но развитіемъ темы Гаршинъ владѣлъ легко, никогда не распылялся и до такой степени отличалъ свою работу отъ праздныхъ разглагольствованій, что въ одной реченіи рассказы его были названы «вылизанными». Не думаемъ, чтобы здѣсь имѣло мѣсто вылизываніе: писателю, одаренному вѣрнымъ вкусомъ, соразмѣрность частей дается сама собою, при самой концепціи и планировкѣ его работы.

Въ слогѣ и языкѣ Гаршинъ былъ болыпимъ пуристомъ—воспитаннымъ, какъ намъ кажется, на образцахъ Тургенева. Тургеневъ считалъ своимъ кумиромъ Пушкина; Гаршинъ учился у Тургенева, и, такимъ образомъ, пушкинскій трезвый языкъ по завѣту передается теперь его младшимъ литературнымъ внукамъ. Гаршинъ отличался самымъ простымъ и, въ то же время, содержательнымъ языкомъ; пуще всего онъ остерегался отъ банальностей и отъ чужихъ готовыхъ оборотовъ и выраженій. Эти готовые литературныя формы рѣчи—самый тлетворный грибокъ для писательской работы; не пройдетъ пяти-семи лѣтъ, какъ эти, ходившіе въ извѣстный періодъ, эпитеты, метафоры и словечки начинаютъ издавать запахъ плѣсени, отдають стариною. Возьмите пушкинскую прозу и теперь: тамъ все просто и все свое; нѣтъ мудреватостей и нѣтъ затхлости; все интересно и все молодо. Такова сила снатои и содержательной простоты изложенія. Можно и слѣдуетъ искать новыхъ формъ для мысли, свѣжихъ эпитетовъ и уподобленій, но гдѣ нѣтъ въ нихъ надобности, тамъ всегда спасаетъ одна простота, и надо соблюдать ее во что бы то ни стало, сколько бы ни жужжало въ ушахъ готовыхъ украшеній для описанія, вроде «свинцовыя тучи», «сердитыя волны», «угрюмыя скалы», «причудливая бахрома листьевъ» и т. д. Кто-нибудь сказалъ первый «свинцовая туча»—и прекрасно,—это его собственное уподобленіе: пусть оно за нимъ и останется. Вѣдь, это не то, что сѣрая туча или черная,—иначе и сказать нельзя, цвѣтъ передать необходимо. Нѣтъ, «свинцовая туча» есть приправа, облепженіе съ металломъ, своего рода открытіе, которымъ нелегко пользоваться, по меньшей мѣрѣ, безъ новычекъ. Вотъ этихъ-то свинцовыхъ тучъ вы нигдѣ не найдете у Гаршина. До какой степени онъ былъ щепетливъ въ отношеніи этихъ чужихъ клише, лучше всего покажетъ намъ одна цитата изъ его рассказа *Встрѣча*. Учитель гимназій задумывается надъ своею будущаю дѣятельностью,—Гаршинъ пишетъ:

«Онъ думалъ, какъ онъ будетъ съ первыхъ классовъ угадывать «искру Божию» (ковычки) въ мальчикахъ; какъ будетъ поддерживать натуры, «отрѣзнявшіяся сбросить съ себя всю тьму» (все вводное предложеніе въ конюшкахъ); какъ подъ его надзоромъ будутъ развиваться молодые, свѣжія силы, «чуждыя житейской грязи» (блгать ковычки).

Мы думаемъ, что огромное большинство пишущихъ просто, безъ всякихъ ковычекъ, поставили бы прямо отъ себя искру Божию, стремленіе сбросить всю тьму и отчужденіе отъ житейской грязи, да и еще были бы

при этомъ убѣждены, что они прекрасно «владѣютъ перомъ» и пишутъ блестящимъ слогомъ.

Но лучшую сторону техники Гаршина составляютъ описанія: здѣсь онъ—настоящій живописецъ. Недаромъ его всегда тянуло въ кружокъ художниковъ, гдѣ очень цѣнились его сужденія. Выставки были для него праздникомъ: онъ на нихъ суетился, волновался и блаженствовалъ по поводу какой-нибудь художественной находки или мѣтко и добродушно трунилъ надъ фальшивыми приемами. Приемы самого Гаршина въ его словесной живописи достойны изученія: онъ сразу широко захватывалъ предметъ и давалъ только его выдающіяся черты, хорошо помня, что въ длинныхъ описаніяхъ части цѣлаго исчезаютъ въ памяти. Онъ умѣлъ угадывать, какая именно подробность (какъ, наприм., штилеты убитаго турка) выведетъ описываемый образъ изъ тумана и закрѣпитъ его у читателя. Слова у него всегда выбираются самыя точныя: деревья и травы называются своимъ именемъ, какъ у Тургенева, и это гораздо сильнѣе ничего неговорящихъ метафоръ; инструментъ, мелкая вещица всегда описываются наглядно, какъ на чертежѣ; никогда не разбавляетъ онъ своего ландшафта чувствами, потому что хорошо написанный ландшафтъ самъ по себѣ сообщаетъ читателю требуемое настроеніе, освѣтъ толкованій автора. У среднихъ дарованій сопровожденіе пейзажа изліяніями чувствъ всегда влечетъ за собою ординарность, избытокъ описанія и отучаетъ начинающихъ авторовъ отъ красокъ. Вообще, лиризмъ, юморъ, олицетвореніе, фигуральность въ прозаическихъ описаніяхъ доступны только лучшимъ мастерамъ слова, да и у нихъ оправдываются исключительнымъ складомъ ихъ генія, особымъ богатствомъ поэзіи въ ихъ натурѣ. Таковы: Тургеневъ, Гоголь, Диккенсъ, Гюго, Гейне. Но гр. Толстой, который, въ сущности, не поэтъ, а первостепенный живописецъ и психологъ,—гр. Толстой никогда не вноситъ лиризма въ описаніе природы; а Лермонтовъ, имѣвшій исходъ для своего кипучаго лиризма въ стихахъ, оставилъ намъ въ *Герое нашего времени* образцы самыхъ рельефныхъ описаній въ прозѣ, гдѣ вы очень-очень рѣдко встрѣтите небольшой, но всегда глубокой штрихъ, передающій душевное состояніе, но гдѣ вся сила таланта Лермонтова направлена на выпуклое, сильное и простое изображеніе самой природы.

Гаршиновскія описанія не длинны, а иногда такъ сжаты, что ихъ едва можно отиѣтить, но ихъ разбросано у него множество—въ *Воспоминаніяхъ рядового Иванова*: утро въ Кишиневѣ передъ отходомъ дивизіи; дороги, проходимыя войсками; дожди и жары; переправа черезъ лужу по командѣ генерала; ночь и разсвѣтъ въ лагерѣ; въ разсказѣ *Встрѣча: въ морье*; квартира инженера Кудряшева и его акварій; въ *Медведяхъ*: видъ съ обрыва; въ *Художникахъ*: разные этюды и темы картинъ и т. д.

По сущности своей, произведенія Гаршина всего менѣе могутъ быть названы разсказами. Разсказъ, прежде всего, долженъ быть занимательнымъ: въ немъ предполагается интересное событіе, съ быстрою развязкой, сжатая бытовая картинка, анекдотъ, сюрпризъ, маленькая драма или комедія,—

словомъ, дѣйствіе, движеніе, ускоренное и сконцентрированное на маломъ пространствѣ, или характерный, животрепещущій отрывокъ изъ дѣйствительности. У Гаршина только *Четыре дня*, *Сигналъ* и, пожалуй, *Происшествіе* соотвѣтствуютъ типу разсказа. Въ остальныхъ преобладаютъ картины, чувства, идеи; завязки почти нѣтъ—и, въ общемъ, эти очерки скорѣе можно назвать идейными стихотвореніями въ прозѣ, чѣмъ разсказами. Ни одного характера Гаршинъ не создалъ; дѣйствующія лица очерчивались имъ всегда съ одной какой-нибудь стороны, нужной для его темы: мы знаемъ, напримѣръ, какъ его художникъ, учитель, инженеръ, волонтеръ смотрѣли на свои обязанности и профессію, но какіе они были люди, какова была ихъ индивидуальность—мы не видимъ. Все это—фигуры безъ плоти и безъ наружностей, аллегорическіе символы въ маленькихъ поэмкахъ. Исключеніе составляютъ *Воспоминанія ряд. Иванова*, гдѣ Гаршинъ писалъ чудесные, живые эскизы съ натуры. Но если Гаршинъ не владѣлъ главнымъ орудіемъ расклатки, т. е. умѣемъ подстрекать любопытство читателя самою фабулой своихъ очерковъ, за то у него былъ гораздо болѣе цѣнный и рѣдкій даръ—способность комбинировать ситуаціи, полныя потрясающаго внутренняго трагизма. Правда, такихъ ситуацій не много, но, вѣдь, много ли ихъ есть и вообще въ громадномъ и чудесномъ царствѣ вымысла? Трагическія положенія, чужды фальшиваго эффекта, принадлежатъ къ очень рѣдкимъ цѣнностямъ въ поэзіи. У Гаршина мы назовемъ три такихъ ситуаціи, неотразимо волнующихъ читателя: 1) столкновеніе тяжело-раненаго съ трупомъ убитаго имъ врага и ограбленіе имъ этого же самаго трупа для поддержанія своей жизни; 2) запоздалую догадку Надежды Николаевны на улицѣ, что въ эту самую минуту оставленный ею въ квартирѣ Ивацъ Ивановичъ долженъ застрѣливаться, и 3) внезапное раскаяніе въ своемъ злодѣяніи Василія, при видѣ изнемогающаго Семена, который, не щадя своей жизни, явился предупредить вредъ отъ его преступленія. Всѣ эти комбинаціи хватаютъ насъ за сердце, и сколько бы ни стало для насъ очевиднымъ, что авторъ ихъ нашелъ, выдумалъ,—онѣ не потеряютъ своей власти надъ нами, и въ этомъ признакъ выдающейся творческой фантазіи. Добавимъ еще, что измышленіе и разработка такихъ положеній доступны только писателямъ съ глубокою и сильною душой.

Заключаемъ наши выводы.

Если Гаршинъ, несмотря на свои счастливыя вдохновенія, художественный вкусъ, наблюдательность и прекрасно выработанный языкъ, не оставилъ въ своихъ твореніяхъ памятныхъ человѣческихъ образовъ, живыхъ дѣтей своей фантазіи, за то онъ съ удивительною прозрачностью отразилъ въ своей книгѣ свой собственный образъ. А этотъ образъ очень знаменателенъ. Личность Гаршина была замѣчательно полнымъ, типическимъ выраженіемъ извѣстнаго умственнаго теченія: Гаршинъ виталъ въ себя и съ глубокою страстностью выразилъ въ своей книгѣ весь культъ лучшей части того поколѣнія, съ которымъ онъ выросъ. Первые впечатлѣнія юности

и затѣвъ развитіе полнаго самосознанія Гаршина совпадаютъ съ періодомъ отъ сербской войны до катастрофы 1 марта 1881 года. Это былъ второй, самый напряженный послѣ-реформенный періодъ: народничество въ литературѣ и общій подъемъ національнаго чувства передъ разразившеюся войной. Россія воевала внутри и снаружи; и тамъ, и здѣсь падали жертвы. Молодая натура не могла, не сознавая за собою права оставаться равнодушнымъ, — надо было такъ или иначе служить этой заблужденной общественной массѣ. Но какъ служить? Герой предшествующаго періода, Базаревъ, уже отжил свое время и во многомъ вышелъ изъ моды, скомпрометированный своими преемниками. Эстетика, которую онъ отвергъ, пошемному, еще скомфуженная и болышею частью подъ контрабандой, но неудержимо возвращалась; нервы, истрепанные ужасными зрѣлищами, уже не могли идти въ сравненіе со свѣжими, базаровскими нервами, а, между тѣмъ, задачи стояли еще болѣе сложныя, вопіющія, неотразимыя. Вопросъ, какъ служить общественной массѣ, сдѣлался настоящимъ мученіемъ. Уроженецъ Малороссіи, выросшій среди племени, удивительно сочетавшаго чувствительность и смелость, одаренный чистымъ и любящимъ сердцемъ и головой, воспаленной наследственнымъ недугомъ, т.-е. повышенно-восприимчивой, Гаршинъ представлялъ изъ себя организмъ въ высшей степени приспособленный къ тому, чтобы сдѣлаться самымъ типическимъ souffre-douleur'омъ этой эпохи. Трагизмъ его положенія осложнялся тѣмъ, что разсудкомъ онъ понималъ безплодность насилія, а сердцемъ отворачивался отъ него. Но онъ не оставался неподвижнымъ, — онъ прямо жертвовалъ — не душою, а всѣмъ тѣломъ своимъ, на полѣ битвы, гдѣ и былъ раненъ. Правда, и война есть насиліе, но Гаршинъ оправдывалъ свое участіе въ ней тѣмъ, что здѣсь обязанность причинять насиліе можетъ пасть, какъ жребій, на долю каждаго, самаго нелюбимаго человѣка, что здѣсь это насиліе не есть актъ индивидуальнаго сознанія, и потому шелъ на него, чтобы избавить отъ него другихъ. И въ мирное время Гаршинъ страдалъ неразрѣшимыми вопросами общаго горя — не риторически, не для фразы, а самымъ реальнымъ образомъ. Его Алексѣй Петровичъ, готовый лишиться себя жизни за то, что не съумѣлъ жить общими интересами всего человѣчества, его сторожъ Семень, истекающій кровью, чтобы спасти поѣздъ, его безумецъ, срывающій ядовитый цвѣтокъ, чтобы избавить міръ отъ зла, его художникъ Рябининъ, чуть не поѣшавшійся отъ невозможности просвѣтить толпу изображеніемъ страдающаго глухаря, — все это, очевидно, самъ Гаршинъ; все это его собственная неотступная манія самопожертвованія и страданія за чужое горе, возвращавшаяся къ нему въ постоянно новыхъ и новыхъ образахъ фантазій. Потребность выводить и рисовать эти образы была у Гаршина неудержима: онъ иллюстрировалъ ими свою горячую проповѣдь, которой всегда самъ слѣдовалъ въ своей жизни, считая ее единственно-возможнымъ принципомъ существованія. Несмотря, напримѣръ, на какинъ пламеннымъ состраданіемъ, какинъ горькимъ самобичеваніемъ за невозможность оказать помощь проникнуты эти строки, обращенныя къ

образу труженника-глухаря въ рассказѣ *Художники* (стр. 144, 150, 151; ч. I). «Что поволаѣ тебя? Я, я самъ создаѣ тебя здѣсь. Я вызываѣ тебя, только не изъ какой-нибудь «сферы», а изъ душнаго, темнаго котла, чтобы ты ужаснуѣ своимъ видомъ эту чистую, прилежанную, ненавистную толпу. Приѣди, силой моей власти приговоранный въ полотну, смотри съ него на эти фразы и трюмы, трюмы ить: я — лъва рогущая! Ударь ихъ въ сердце, лъви ихъ сна, стань передъ ихъ глазами призракомъ! Убей ихъ спокойствіемъ, какъ ты убилъ мое...»

«...Удары приближаются и бьютъ виѣтъ съ моимъ пульсомъ. Во ить они, въ моей головѣ, или виѣ меня? Звонко, рѣзко, четко... разъ - два, разъ-два... Бьютъ по металлу и еще не чему-то. Я слышу ясно удары по чугуну, чугунъ гудитъ и дрожитъ. Молотъ сначала туно звенитъ, какъ будто падаетъ въ вязкую массу, а потомъ бьютъ звонче и звонче, и, наконецъ, какъ колоколъ гудитъ огромный котелъ. Потомъ остановка, потомъ снова тихо; громче и громче, и опять нестерпимый, оглушительный звонъ. Да, это такъ: сначала бьютъ не вязкому, раскаленному желѣзу, а потомъ оно застываетъ. И котелъ гудитъ, когда головна заклени уже затвердѣла. Понялъ. Но тѣ, другіе звуки... Что это такое? Я стараюсь понять, что это такое, но дымка застилаетъ мнѣ мозгъ. Кажется, что такъ легко припомнить, такъ и вертится въ головѣ, мучительно близко вертится, а что именно — не знаю. Никакъ не схватишь... Пусть стучитъ, оставимъ это. Я знаю, но только не помню... «И вотъ все сливается въ ревъ и я вижу... Вижу: странное, безобразное существо корчится на землѣ отъ ударовъ, сыплющихся на него со всѣхъ сторонъ. Цѣлая толпа бьютъ, кто чѣмъ понало. Тутъ всѣ мои знакомые съ остервенѣлыми лицами колотятъ молотами, ломами, палками, кудалами это существо, которому я не прибралъ названія. Я знаю, что это — все онъ же... Я кидаюсь впередъ, хочу крикнуть: «перестаньте! за что?» и вдругъ вижу блѣдное, искаженное, необыкновенно страшное лицо, — страшное потому, что это мое собственное лицо. Я вижу, какъ я самъ — другой я самъ — замахивается молотомъ, чтобы нанести неистовый ударь...» (*Рассказы. Первая книжка, стр. 144, 150 и 151*).

Читая этотъ глубоко-страстный монологъ, встрѣчая другія мѣста въ сочиненіяхъ Гаршина, гдѣ, наприм., онъ такъ мучительно скорбитъ о всѣхъ, убитыхъ на войнѣ, или съ такою жалостью вспоминаетъ даже собачку, раздавленную конкой, или съ умиленіемъ подозрѣваетъ цѣлыя соковыща любви въ душѣ падшей женщины, или такъ мягко пристыжаетъ своего товарища, узнавъ, что тотъ разбогатѣлъ отъ нечестной наживы, вы мало-по-малу открываете во всей книгѣ всегда одно и то же: любящее, нѣжное, чистое, благородное и безконечно-великодушное лицо — лицо самого автора. Вы невольно начинаете его любить, потому что онъ самъ одна любовь, одно страданіе ко всему живущему. Искренность его рѣчей такъ доказательна, что на его книгѣ, нигдѣ не встрѣтивъ его самого, вы уже можете поглядѣться, что онъ вамъ заочный другъ въ каждой горѣ и что онъ олажется таимъ же на дѣлѣ, если вы къ нему обратитесь. Такой выводъ объ авторѣ

въ настоящее время вполне подтверждается восторженными воспоминаниями о его личности всѣхъ тѣхъ, кому довелось встрѣчать его въ жизни и знать ближе. Этотъ свѣтъ всеобъемлющей любви, исходящей изъ книги Гаршина, и объясняетъ, почему имя его напумѣло, быть можетъ, гораздо болѣе, чѣмъ онъ того заслуживалъ съ точки зрѣнія одной литературной оцѣнки. Вотъ почему и такая толпа молодежи провожала гробъ Гаршина. Она хоронила въ Гаршинѣ благороднѣйшаго изъ идеалистовъ, когда-либо появлявшагося въ ея рядахъ, идеалиста безъ насилія, безъ крови, завѣщавшаго жертвовать человечеству только собой, безъ посягательства на личность другаго. Поэтому всѣ партіи безъ различія могутъ съ одинаковымъ сочувствіемъ почитать память этого чистѣйшаго человѣка; въ сердцахъ же юности онъ навсегда останется печальною, милою тѣнью. Образъ Гаршина былъ слишкомъ цѣльнымъ, слишкомъ зависимымъ отъ его исключительнаго темперамента и отъ современной ему эпохи, чтобы онъ могъ повториться. Онъ отошелъ въ вѣчность безвозвратно. И если къ такому простому, сердечному, безыскусственному писателю, каковымъ былъ Гаршинъ, было дозвоительно примѣнить поэтическую аллегорію, мы бы назвали его рама-йога, цвѣткомъ страданія, выросшимъ на почвѣ, обгащенной кровью, подъ темными небесами смутнаго времени.

С. Андреевскій.

Безсильная злоба антидарвиниста *)).

(По поводу статьи г. Страхова: «Всегдашняя ошибка дарвинистовъ».)

ХІ.

Всегдашняя ошибка.

Нисколько не подвинувшись въ своей задачѣ на пятидесяти страницахъ своей первой статьи, г. Страховъ, приступая ко второй, очевидно, спохватился, что его терпѣливый читатель, переведа духъ, успѣлъ одуматься и сообразить, что ему такъ и осталось неизвѣстнымъ, гдѣ же, въ этомъ темномъ лабиринтѣ діалектическихъ ухищреній и не относящихся къ дѣлу отступленій, кроется «всегдашняя ошибка» дарвинистовъ? Сознавъ этотъ коренной недостатокъ своего расплывчатого многословія, г. Страховъ съ первой же главы спѣшитъ его исправить и повторяетъ свое обѣщаніе показать, въ чемъ заключается главный «вывихъ мысли» дарвинистовъ. Въ этой главѣ, какъ указываетъ самое названіе, очевидно, лежитъ ядро всей аргументаціи; остановимся же на ней поподробнѣе.

Очевидно, подозрѣвая, что «болото» Агасиза мало кого убѣдило, г. Страховъ преподноситъ своему читателю цѣлый наборъ, правда, менѣе бранчевыхъ, но столь же *бездоказательныхъ; голословныхъ отзывовъ* Негели. Г. Страховъ упорно не хочетъ знать, что *мнѣніе* одного человѣка не доказательство, особенно, когда сивозящій на каждомъ шагу мотивъ этого человѣка выражается извѣстною фразой: *Ote toi de là que je m'y mette.*

Къ чему же сводятся эти голословныя обвиненія Негели? Онъ говоритъ, что теорія подбора получила «слишкомъ неопредѣленное выраженіе», что она не выяснила «процесса (отбора) въ его частностяхъ», что «онъ (т. - е. Дарвинъ) повторяетъ только извѣстныя общія положенія, которыя, по моему мнѣнію (т. - е. мнѣнію Негели), какъ скоро мы вздумаемъ дать имъ *конкретную* и опредѣленную форму, приводятъ къ невозможностямъ».

И это говорится о дарвинизмѣ, въ которомъ каждая посылка, каждый доводъ — наблюденный фактъ. И рѣшается говорить это человѣкъ, всѣ

*) Русская Мысль, кн. V.

теоріи котораго отличаются именно полною оторванностью отъ конкретной почвы; человекъ необузданно смѣлый въ своихъ заоблачныхъ построеніяхъ, рушащихся при первомъ столкновеніи съ наблюдаемою дѣйствительностью; человекъ, напримѣръ, подробно изобразившій молекулярное строеніе кѣлочной стѣнки, но недосмотрѣвшій, что одного поворота микрометрическаго винта его микроскопа достаточно, чтобъ опровергнуть всю хитросплетенную теорію; человекъ, скривившій свою выѣпытную теорію идиоплазмы изъ локутовъ единственной умозрительной гипотезы Дарвина (его пангенезиса); человекъ, придумавшій свои *мицеллы*, потому что молекулы химиковъ казались ему слишкомъ малы, а теперь, наоборотъ, утверждающій, что молекулы химиковъ слишкомъ велики, т. - е. смѣло отрицающій такой *конкретный* фактъ, каковъ химическій анализъ, для того, чтобы спасти незримое бытіе своихъ мицеллей и какихъ-то еще тамъ балокъ своей фантастической, трансцендентальной идиоплазмы *).

Нѣтъ, г. Страховъ, поищите авторитета поудачнѣе, а когда вы намъ его предъявите, мы вамъ отвѣтимъ, какъ и ранѣе: magister dixit уже отжило свой вѣкъ; въ наукѣ авторитетны только факты да логическіе доводы.

Если бездоказательныя *слова*, прикрытыя сомнительнымъ авторитетомъ Негели, не достигаютъ цѣли, то что же сказать о подобномъ наборѣ *словъ*, которыя г. Страховъ заимствуетъ у Данилевскаго?

Тѣмъ не менѣе, на основаніи этихъ словъ, г. Страховъ полагаетъ возможнымъ формулировать главное осужденіе противъ дарвинизма въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «И такъ, бѣда и прелесть теоріи заключается въ *общихъ принципахъ* и *общихъ* изъ нихъ *выводахъ*, въ *неопредѣленности* формулъ и приемовъ. Бѣда именно въ томъ, что дарвинисты довольствуются общими положеніями, не заботясь о проведеніи ихъ по всѣмъ частностямъ, и употребляютъ неопредѣленные приемы, не замѣчая ихъ неопредѣленности и не стараясь устранить ее». Но гдѣ же хоть тѣнь доказательства этого голословнаго обвиненія? Гдѣ же примѣры несостоятельности дарвинизма въ приименіи къ частностямъ? Почему же именно такіе ученые, какъ Гукеръ, какъ Декандоль, какъ Аза-Грей, дѣятельность которыхъ уже никакъ не отличалась «неопредѣленностью» или недостаткомъ «частностей», особенно горячо привѣтствовали дарвинизмъ, а послѣдній изъ нихъ мѣтко назвалъ его «рабочею гипотезой», т. - е. именно такимъ ученіемъ, которое является могучимъ орудіемъ при изслѣдованіи «частностей», — орудіемъ, которымъ, дѣйствительно, вотъ уже четверть вѣка, пользуются именно натуралисты, двигающіе науку впередъ? И, наоборотъ, гдѣ тѣ «частности», о которыхъ раз-

*) Припомню судьбу и другихъ теорій Негели, еще недавно гремѣвшихъ; напримѣръ, его теорію зараженія бактеріями исключительно черезъ дыхательные пути, — теорію, приведшую его къ блестящимъ и многимъ соблазненнымъ выводамъ, что зловонный воздухъ здоровѣе незловоннаго и что сырая квартира здоровѣе сухой. И самый приемъ Негели вездѣ тотъ же схоластически-диалектическій — *entweder, oder; tertia non datur; ergo...* Какъ будто живую природу такъ легко защемять между этими *entweder, oder!*

Бился дарвинизм? Вот г. Страховъ на восьмидесяти, а г. Данилевскій 1 а сотняхъ страницъ пытались уловить противорѣчіе дарвинизма съ одною только частностью, съ однимъ фактомъ—фактомъ существованія скрещиванія, но весь ихъ трудъ пропалъ втунѣ.

Подобно Данилевскому, видя безплодность своихъ попытокъ доказать несостоятельность дарвинизма по существу, г. Страховъ пытается увѣрить своего читателя, что это ученіе не можетъ и не быть слабымъ, потому что... потому что оно произведеніе англичанина. А англичане, извѣстно (г. Страховъ это считаетъ, кажется, аксіомой), неспособны къ здравому мышленію. Г. Страховъ, повидимому, считаетъ это настолько очевиднымъ, что на полустраничкѣ развиваетъ какую-то темную теорію, на основаніи которой выходитъ, что англичане, какъ эмпирики, питаютъ отвращеніе къ отвлеченному мышленію и, въ то же время, какою-то роковою силой толкаются въ эту, антипатичную имъ, область, вслѣдствіе чего и городятъ невозможныя теоріи. Такимъ образомъ, на долю англійскаго ума сердитый г. Страховъ выбрасываетъ только два, правда, трудно совмѣстимые, но за то одинаково нелестные недостатка: грубый, не разсуждающій эмпиризмъ и безтолковую, беспочвенную отвлеченность. Насколько такое, очевидно, вызванное капризомъ, представленіе соответствуетъ дѣйствительности, т. е. тому представленію объ особенностяхъ англійскаго ума, которое долженъ былъ себѣ составить всякій, знакомый съ исторіей и современнымъ состояніемъ положительныхъ наукъ, не стану распространяться,—это отвлекло бы слишкомъ далеко отъ сущности спора,—и перейду къ непосредственному обвиненію Дарвина, какъ и всегда, на основаніи одной выхваченной у него фразы. Вотъ она: «Всякій, чей умственный складъ заставляеть приписывать большее значеніе необъясненнымъ трудностямъ, чѣмъ объясненію извѣстнаго числа фактовъ, конечно, отвергнетъ мою теорію». По поводу этой фразы г. Страховъ, и вмѣстѣ съ Данилевскимъ, и за свой счетъ, глумится надъ Дарвиномъ. «Съ дѣтскимъ простодушіемъ Дарвинъ тутъ говоритъ такъ, какъ будто точнаго мѣрила истины никакого нѣтъ, какъ будто все зависитъ отъ умственнаго склада (disposition)». И далѣе: «*Необъяснимыя трудности*,—говоритъ Дарвинъ. Подъ такимъ неопредѣленнымъ выраженіемъ можетъ только скрываться настоящее положеніе вопроса. Если это факты, которые только не изслѣдованы, не разобраны въ отношеніи къ теоріи, то никто не имѣетъ права ставить ихъ ей въ упрекъ; но если это факты, противорѣчащія теоріи, несогласныя съ ея несомнѣнными требованіями, то всякій на основаніи ихъ долженъ ее отвергать. А у Дарвина выходитъ какъ будто, что мы должны принимать или отвергать теорію, смотря по отношенію между числомъ объясненныхъ и числомъ необъясненныхъ фактовъ!» Стоитъ ли пояснять, что ни того, ни другаго изъ выдуманныхъ г. Страховымъ абсурдовъ у Дарвина вовсе не «выходитъ»? Не выходитъ ни того, что истина зависитъ отъ умственнаго склада, ни того, что истина—только ариѳметическая разность, выведенная изъ противорѣчивыхъ фактовъ. И если кто-нибудь проявляетъ «дѣтское простодушіе», то ужъ, конечно, не Дарвинъ, а г. Страховъ, вообразившій, что

его читатели забыли русскую грамоту и не понимают, что *необъяснимая* значить тѣ, которыя не объяснены, а *необъяснимыя* — тѣ, которыя не могутъ быть объяснены. Въ словахъ Дарвина заключается только совершенно вѣрное психологическое наблюдение, что умственный складъ ученыхъ бываетъ двухъ родовъ: одни придаютъ болѣе вѣса совокупному свидѣтельству цѣлыхъ категорій фактовъ и не отвергаютъ теоріи, допускающей широкое обобщение, при первой встрѣчѣ съ ничтожнымъ и *еще необъяснимымъ* фактомъ; другіе, наоборотъ, готовы остановиться передъ каждою песчинкой, передъ каждою соломенкой на пути самой плодотворной теоріи, не дѣлая даже попытки устранить препятствіе, разъяснить кажущееся противорѣчіе. Замѣчу еще, что эти послѣдніе нередко любятъ величать себя скептиками, когда, на дѣлѣ, только произвольно придаютъ несообразное значеніе ничтожному факту и такъ же произвольно умаляютъ значеніе крупныхъ фактовъ, изъ скрытаго желанія затормазить движеніе несимпатичнаго имъ ученія. Г. Страховъ, конечно, не преминетъ обвинить меня въ томъ, что я проповѣдую презрѣніе къ фактамъ, во имя теорій. Ни мало: я только говорю, что здравый, широкій умъ долженъ прежде напречъ всѣхъ усилій, чтобы устранить *необъяснимое*, кажущееся противорѣчіе и, только когда всѣ усилія примиренія окажутся безплодными, признать вопросъ открытымъ, потому что если научная истина не лежитъ необходимо на сторонѣ большинства фактовъ, то ужъ, конечно, и не на сторонѣ меньшинства *). Прекрасною иллюстраціей мысли, высказанной въ этой фразѣ Дарвина, можетъ служить слѣдующее мѣсто изъ *Leçons sur la Philosophie chimique* Дюма. Рѣчь идетъ о первомъ классическомъ изслѣдованіи Лавуазье, по вопросу «превращается ли вода въ землю?» Задача Лавуазье—доказать, что твердый осадокъ, остающійся при перегонкѣ чистой воды, происходитъ не вслѣдствіе превращенія воды въ землю, а вслѣдствіе растворенія стѣнокъ сосуда. Но вода оставляетъ по себѣ 20 гранъ твердыхъ веществъ, а сосудъ потерялъ всего 17. Предоставляемъ далѣе говорить самому Дюма, съ его обычнымъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ. «Очевидно, что часть воды превратилась въ землю. Но Лавуазье не останавливается передъ этимъ фактомъ (*пasse outre*), для него эта прибыль въ 3 грана ничего не доказываетъ; это только случайная подробность опыта; и въ этомъ смѣломъ сужденіи онъ выступаетъ передъ нами таинъ, какимъ мы увидимъ его и впредь, всегда схватывающимъ, благодаря какому-то чудному инстинкту, главную сущность дѣла, никогда не задерживаясь надъ случайными подробностями, въ которыхъ мелкій умъ (*un esprit mé-*

*) Я полагаю, каждый ученый, даже изъ своей сферы дѣятельности, можетъ привести примѣры устраненія кажущихся фактическихъ препятствій на пути той или другой теоріи. Я могу привести такой примѣръ и изъ своей личной опытности. Когда, въ 1869 году, я высказалъ мысль, что извѣстная функція растительной жизни зависитъ не отъ солнечнаго свѣта (т.-е. не пропорціональна его дѣйствию на зрительный нервъ), а отъ его теплоты (т.-е. энергіи), противъ этой теоріи были рѣшительно всѣ сюда относящіеся факты физики и физиологіи; но прошло пятнадцать лѣтъ, и факты оказались невѣрными толкованіями, а теорія оказалась фактомъ (См. мои *Публичныя лекціи и рѣчи*, стр. 279).

«diocre) не преминулъ бы заблудиться». Гений «*passé outre*» тамъ, гдѣ «*il écrit médiocre ne manque pas de s'égarer*»,—вотъ что означаетъ та скромная фраза Дарвина, надъ которой г. Страховъ позволяетъ себѣ такъ неудачно глумиться. Геніальные умы только знаютъ относительную цѣну фактамъ, умѣютъ различать крупное отъ мелкаго *). Но это не значить, чтобы геній, наравнѣ съ простымъ смертнымъ, не находилъ нужнымъ на досугѣ доискаться или поручить другимъ доискаться до происхожденія тѣхъ трехъ грановъ, которые, по счастью, не остановили Лавуазье на первыхъ шагахъ его реформаторской дѣятельности.

Но г. Страховъ не унимается и, все на основаніи этой совершенно произвольно и невѣрно перетолкованной мысли Дарвина, спѣшитъ обобщить свое обвиненіе и говорить: «И *всегда* (!) у Дарвина встрѣчаются подобныя уклончивыя выраженія или же оговорки, отнимающія у рѣчи строго определенный смыслъ». «Для доказательства» этого огульного обвиненія г. Страховъ смѣло приводитъ то самое мѣсто изъ книги Данилевскаго, на которое указывалъ и я, какъ на образецъ возмутительнаго обращенія съ текстомъ Дарвина, т.-е. ссылки на фразу, начало которой умышленно урѣзано. Поясню, въ чемъ дѣло. Данилевскій увѣрялъ, будто Дарвинъ, въ послѣдующихъ изданіяхъ своей книги, вынужденъ былъ кореннымъ образомъ измѣнить [свои] воззрѣнія; именно будто бы вначалѣ онъ утверждалъ, что измѣненныя формы возникаютъ всегда отъ одного недѣлимаго, и только позднѣе допустилъ, что измѣненіе охватываетъ, съ перваго раза, болѣе или менѣе значительное число недѣлимыхъ. Для подтвержденія этого неосновательнаго обвиненія, Данилевскій привелъ фразу Дарвина, у которой было обрублено начало, а изъ этого начала читателю было бы ясно, что въ такъ развязно приводимой цитатѣ Дарвинъ говоритъ *діаметрально противоположно* тому, что ему приписываетъ Данилевскій. Именно, Дарвинъ говоритъ въ этомъ мѣстѣ, что *всегда, съ самаго перваго своего примѣра борьбы* (примѣра быстроногихъ волковъ) указывалъ на измѣненія, *охватывающія многочисленныхъ представителей вида*, хотя рядомъ съ этимъ считалъ возможнымъ происхожденіе новыхъ разновидностей и отъ случайныхъ единичныхъ уклоненій, о которыхъ *иногда говорилъ*, какъ будто эти случаи встрѣчаются часто, а въ другихъ мѣстахъ оговаривался, что они будутъ рѣдки. Только прочтя статью въ *Сѣверномъ британскомъ обозрѣніи*,—продолжалъ Дарвинъ,—убѣдился онъ, какъ рѣдко будетъ этотъ второй случай. Такимъ образомъ, Данилевскій утверждалъ, будто Дарвинъ только въ шестомъ изданіи заговорилъ о возможности одновременнаго измѣненія, въ известномъ направленіи, не одного, а многочисленныхъ недѣлимыхъ, и при этомъ приводилъ обрывокъ фразы, при восстановленіи которой во всей ея цѣлости оказывается, что въ ней Дарвинъ доказываетъ именно обратное. Бездоказательность нападки Данилевскаго, основанная на искаженіи тек-

*) Этою способностью отличались и всѣ геніальные классификаторы; этому такъ называемому „такту“ мы обязаны, наприм., нашими естественными системами.

ста Дарвина, ясна до очевидности. Г. Страховъ ничего не можетъ сказать въ оправданіе Данилевскаго; но сознаться въ томъ или хоть промолчать — не въ его правахъ. Если не могу отвѣтить на спорный вопросъ, то поговорю о другомъ, рядомъ стоящемъ, — разсуждаетъ онъ. Если нельзя возражать противъ печатнаго текста, нельзя утверждать вмѣстѣ съ Данилевскимъ, что Дарвинъ измѣнилъ свои воззрѣнія въ указанномъ направленіи, то стѣитъ поговорить о томъ, что онъ измѣнилъ ихъ въ другомъ направленіи (благо онъ самъ на то указываетъ), и дѣло въ шляпѣ: читатель останется подъ смутнымъ впечатлѣніемъ, что Данилевскій правъ, а Дарвинъ и его защитникъ Тимирязевъ виноваты. У Данилевскаго, какъ мы видимъ, рѣчь идетъ о томъ, допускалъ или не допускалъ Дарвинъ вначалѣ одновременность измѣненія нѣсколькихъ или многихъ недѣлимыхъ, а г. Страховъ заводитъ рѣчь о возможности происхожденія измѣненій отъ единичныхъ уклоненій и доказываетъ, что Дарвинъ совершенно измѣнилъ свои воззрѣнія на эту сторону вопроса; достигаетъ же этого г. Страховъ слѣдующимъ крайне элементарнымъ приемомъ. Дарвинъ, какъ мы видѣли, говоритъ, что и ранѣе указывалъ, но позднѣе еще болѣе убѣдился, какъ рѣдко будутъ встрѣчаться эти случаи. Г. Страховъ, повторяя уже отъ себя эту фразу, подставляетъ вмѣсто «рѣдко» — «*чрезвычайно рѣдко*», и, не удовольствовавшись этимъ, въ скобкахъ еще поясняетъ: «т. е., просто говоря, *никогда*». Такимъ образомъ, стѣитъ вмѣсто «рѣдко» подставить «чрезвычайно рѣдко», вмѣсто *чрезвычайно рѣдко* — «*никогда*» и *совершенно* противорѣчіе Дарвина съ самимъ собою доказано, а встаетъ можно пристегнуть и такой, уже ни съ чѣмъ несообразный выводъ: «Дарвинъ отступаетъ отъ одного начала и признаетъ другое, *совершенно противоположное и уничтожающее всю теорію*» (?!) *). Какой простой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какой дѣйствительный приемъ! Кажется, Талейранъ сказалъ: «дайте мнѣ два слова, написанныя рукою человѣка, и я найду улики, чтобы его повѣсить». Но то ли еще можно сдѣлать съ человѣкомъ, если его слова подмѣнить другими, да еще въ два приема? Г. Страховъ забылъ только, что дѣлать такія превращенія на глазахъ у читателя, на той же страницѣ, на той же строгѣ — приемъ ужъ черезъ-чуръ наивный. Вѣдь, и фокусникъ, причушій въ одинъ рукавъ часы, а изъ другаго неуклюже вытаскивающей канарейку, едва ли можетъ разсчитывать на аплодисменты самыхъ снисходительныхъ зрителей.

Раздѣлавшись такъ легко съ Дарвиномъ, г. Страховъ набрасывается на меня, съ цѣлью доказать, что я оказываюсь «*plus royaliste que le roi*», что бывшее для Дарвина только «вопросомъ» для меня «непреложная истина». Сущность дѣла вотъ въ чемъ. Данилевскій пытался доказать, что, по Дарвину, для того, чтобы извѣстное, вновь возникшее измѣненіе сохранилось, оно необходимо должно охватить $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$ и даже $\frac{1}{4}$ всѣхъ представителей данной формы, а такъ какъ допустить, чтобы это всегда или

*) Не стѣитъ и пояснять, что даже еслибъ вмѣсто «рѣдко» пришлось сказать «*никогда*», то теорія отъ этого не только не *уничтожилась* бы, но и не *измѣнилась* бы.

хоть часто случалось, въ высшей степени невѣроятно, то и выводъ Данилевскаго понятенъ: дарвинизмъ, основанный на такой невозможности, невозможенъ, нелѣпыъ. Я на это возражаю, что возникновеніе такого громаднаго процента измѣненныхъ существъ не составляетъ *необходимаго* условія дарвинизма и что Дарвинъ никогда такой *необходимости* не допускалъ. Что же дѣлаетъ г. Страховъ? Онъ обращается въ поискахъ за опроверженіемъ меня къ самому Дарвину и продуцируетъ передъ удивленнымъ читателемъ подлинный текстъ, сопровождаая свое торжество приличествующими, по его мнѣнію, ужасами и прибаутками. Вотъ это мѣсто его статьи: «Нотутъ г. Тимирязева постигла странная неудача. Вопреки всякому ожиданію, оказалось, что Дарвинъ самъ сдѣлалъ этотъ *безчестный* *) расчесть, столь возмущающій г. Тимирязева. Черезъ страницу послѣ знаменитой 126 стр. приводятся у Н. Я. Данилевскаго слѣдующія слова Дарвина:

«Или только третья, пятая доля, десятая доля индивидуумовъ могла подвергнуться такому воздѣйствію, чему могли бы быть представлены примѣры». «Въ случаяхъ такого рода, еслибъ измѣненіе было благоприятнаго свойства, коренная форма была бы *скоро* **) замѣнена посредствомъ переживанія приспособленнѣйшихъ (*Orig. of species*, VI ed., p. 72).

«И Н. Я. Данилевскій замѣчаетъ: «Значить, Дарвинъ идетъ въ своихъ *требованіяхъ* ***) такъ же далеко, какъ и я.

«Вотъ какъ жестоко Дарвинъ измѣнилъ г. Тимирязеву!»—воскликаетъ торжествующій г. Страховъ.

Точно такъ ли, г. Страховъ? А я такъ полагаю, что для всякаго человѣка, не утратившаго способности логически разсуждать (или не желающаго прикидываться таковымъ), не только Дарвинъ *не измѣнилъ* мнѣ, но между тѣмъ, что я говорю, и приведенною фразой *нѣтъ и тѣни противорѣчія*. Разъяснимъ дѣло обстоятельно.

Прежде всего, я удивляюсь ненаходчивости г. Страхова; зачѣмъ не пошелъ онъ далѣе Данилевскаго. Нѣсколькими строками выше приведеннаго мѣста Дарвинъ говоритъ, что *тогда* измѣненіе можетъ охватывать *всѣхъ* представителей данной формы и въ такомъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи объ отборѣ. Вотъ фраза, которую можно было бы выгодно эксплуатировать. Можно было бы сказать (по примѣру Данилевскаго): Дарвинъ *требуетъ*, чтобы *всѣ* представители измѣнялись, и самъ же при этомъ сознается, что въ такомъ случаѣ отбора уже не будетъ,—Дарвинъ *требуетъ* упраздненія дарвинизма,—что и доказать надлежало! Упустилъ, упустилъ г. Страховъ обнаружить обычную свою аргументацію во всемъ ея неподрожжаемомъ блескѣ. Читатель, привышій къ этой аргументаціи Данилевскаго и г. Страхова, уже догадывается, что дѣло кончится знаменитымъ умозаключеніемъ: «не все—значить ничего»; «рѣдко — значить никогда»; теперь онъ явится въ новомъ вариантѣ: «иногда—значить всегда». Поясню

*) Курсивъ г. Страхова.

**) Мой курсивъ.

***) Мой курсивъ.

дѣло сначала болѣе простымъ сравненіемъ, а затѣмъ перейду къ ближайшему анализу даннаго случая. Положимъ, въ разговорѣ, я сказалъ бы, что между гвардейскими солдатами попадаютъ саженные молодцы; имѣлъ ли бы право, на основаніи этой фразы, г. Страховъ заиричать: «слушайте, слушайте, вотъ Тимирязевъ *требуетъ*, чтобы въ гвардію набирали только саженныхъ молодцов!»? Полагаю, что не имѣлъ бы. Точно также для существованія естественнаго отбора Дарвинъ не *требуетъ*, чтобы измѣненія *всегда* охватывали $\frac{1}{2}$ или, по меньшей мѣрѣ, $\frac{1}{3}$ всѣхъ недѣльныхъ данной формы; такое требованіе, по своей невозможности, граничило бы съ нелѣпостью. Потому-то его именно и требуютъ за Дарвина Данилевскій и г. Страховъ и съ обычною развязностью хотятъ увѣрить, что ихъ голосъ *учитъ* самъ Дарвинъ. Дарвинъ просто *заявляетъ фактъ*, что бывають *даже* и такіе случаи, и тогда результаты отбора должны обнаруживаться *скоро*. Между тѣмъ, всегда они обнаруживаются *не скоро* и, следовательно, не охватываютъ такого большаго числа. Сказать просто о чемъ-нибудь, что оно *бываетъ*—не значить сказать, что оно *должно быть*. Заявлять о наблюдаемомъ *фактѣ*—не значить *требовать*, чтобы онъ неизмѣнно повторялся всегда и вездѣ. Когда г. Страховъ пойметъ эту простую истину, то, въ то же время, пойметъ, что не Дарвинъ *измѣнилъ* мнѣ, а ему, г. Страхову, окончательно измѣняетъ здравая логика. Не потому ли одно упоминаніе о ней приводитъ его въ раздраженіе *)?

Далѣе г. Страховъ, послѣ лицемернаго заявленія: «Не ради погони за недосмотрами г. Тимирязева, а ради самаго предмета, укажемъ, что въ тѣхъ же его строкахъ есть еще другое уклоненіе въ неопредѣленность»,—обличаетъ эту мою неопредѣленность въ слѣдующей тирадѣ: «Н. Я. Данилевскій говоритъ, что предполагать большое число измѣняющихся особей значить *противорѣчить теоріи*; г. Тимирязевъ возражаетъ, что въ предположеніи большаго числа никакого противорѣчія съ основаніями теоріи, ничего *несогласнаго съ природой* не существуетъ». «Тутъ смѣшаны,—поясняетъ г. Страховъ,—слиты въ одно двѣ разнородныя вещи. Именно то, что несогласно съ природой, можетъ ничуть не противорѣчить теоріи, и, наоборотъ, то, что противорѣчить теоріи, можетъ быть вполне согласно съ природой. Такъ какъ рѣчь у насъ идетъ о теоріи, то природу нужно бы тщательнѣе отличать отъ нея. Въ томъ все и дѣло, что разсмотрѣніе природы вынудило Дарвина сдѣлать предположеніе, противное началамъ его теоріи». Здѣсь я позволю себѣ высказать мнѣніе, диаметрально противоположное мнѣнію г. Страхова. Можетъ быть, о вѣрности какой-нибудь трансцендентальной, метафизической теоріи, не имѣющей никакихъ точек соприкосновенія съ дѣйствительностью, и можно рассуждать безотносительно, но для натуралиста всякая теорія есть только сопоставленіе реальныхъ фактовъ; следовательно, если я допускаю, что теорія вѣрна (что я и дѣлаю неизмѣнно во всей своей статьѣ), то тѣмъ самымъ заявляю, что она со-

*) Наприм., въ главѣ VIII.

гласна съ подлинникомъ, т.-е. природой, и, наоборотъ, опровержаніе ея могу видѣть только въ ея несогласіи съ этимъ подлинникомъ. Вѣрность теоріи и согласіе ея съ природой для натуралиста—одно и то же: говоря объ одномъ, говоришь и о другомъ. А что, защищая теорію отъ нападеній, я различаю обвиненіе во внутреннемъ противорѣчій (т.-е. автора съ самимъ собою) отъ обвиненій во вѣннемъ противорѣчій, т.-е. съ природой, то это ясно изъ того, что, доказавъ на одной страницѣ, что Дарвинъ не противорѣчитъ себѣ, 'я послѣ словъ: «Но, можетъ быть, возражать... тѣмъ хуже для него»—перехожу къ доказательству, что, оставаясь послѣдовательнымъ, т.-е. вѣрнымъ себѣ, онъ остается вѣренъ и дѣйствительности, т.-е. природѣ. Слѣдовательно, я впередъ опровергъ то, что голословно утверждаетъ г. Страховъ, а именно, будто «разсмотрѣніе природы вынудило Дарвина сдѣлать предположеніе, противное началамъ его теоріи». Противорѣчія эти сочинилъ Данилевскій; а повторилъ г. Страховъ,—Дарвинъ тутъ не причемъ *). Значить, не только «ради предмета», но и въ смыслѣ «погони за недосмотрами г. Тимирязева», какъ мы видимъ, не существующими, г. Страховъ сдѣлалъ бы лучше, еслибъ свои правоученія оставилъ при себѣ.

Въ концѣ этой главы, въ которой обѣщано окончательное, конденсированное разоблаченіе всегдашней ошибки дарвинистовъ,—обѣщаніе пока, какъ видитъ читатель, вторично не исполненное, г. Страховымъ приводится длинная-предлинная выписка изъ книги Данилевскаго. Въ этой выпискѣ г. Страховъ, очевидно, усматриваетъ корень всего разоблаченія. Это, очевидно, кульминаціонной пунктъ всей полемики **). Смыслъ этой цитаты слѣдующій. Данилевскій, отправляясь все отъ того же положенія, совершенную невозможность котораго мы показали, т.-е. отъ предположенія, что Дарвинъ *требуетъ*, чтобы измѣненія зарождались въ громадномъ ($\frac{1}{8}$ — $\frac{1}{2}$) числѣ представителей данной формы, рассуждаетъ далѣе слѣдующимъ образомъ: органическія существа, животныя и растенія, представляютъ намъ ту особенность, которую короче всего выражаютъ словомъ цѣлесообразность. Въ этомъ всѣ согласны, и прежде эту цѣлесообразность считали предустановленной, предопредѣленной. Но, по Дарвину, измѣнчивость есть вообще результатъ вліянія среды,—значить, рассуждаетъ Данилевскій, «предустановленная, предопредѣляющая цѣлесообразность» только переносится съ одного мѣсто на другое—съ самого организма на среду: прежде говорили, что существа созданы цѣлесообразно, а дарвинизмъ учить,

*) Во изъбжаніе недоразумѣній повторяю: Дарвинъ допускаетъ, что измѣненіе можетъ начинаться не съ одной, а съ нѣсколькихъ или многихъ особей, и это вполне согласно и съ теоріей, и съ природой, но онъ не *требуетъ*, чтобы измѣненіе *всегда* охватывало съ $\frac{1}{8}$ до $\frac{1}{2}$ всѣхъ представителей данной формы, что было бы невозможно и, слѣдовательно, несогласно съ природой. Это послѣднее предположеніе для теоріи не нужно и выдуманно Данилевскимъ.

***) Такъ смотритъ на дѣло самъ г. Страховъ, заявляющій, что могъ бы на этомъ закончить съ Дарвиномъ и со мной.

что целесообразно дѣйствуетъ среда. Слѣдовательно, образованіе органическихъ формъ остается «тайною непостижимой» и, во всякомъ случаѣ, свидѣтельствуетъ о «цѣлесообразной разумности» этого процесса, а это уже, по мнѣнію г. Страхова, равносильно отказу самого Дарвина отъ своей теоріи.

Приведа длинную выписку, содержаніе которой мы могли передать въ нѣсколькихъ словахъ, нисколько не ослабляя ея смысла, г. Страховъ приходитъ въ восторгъ и восклицаетъ: «Вотъ ясная и опредѣленная рѣчь, съ которой *всякій долженъ согласиться*, какихъ бы онъ возрѣній ни держался! Ибо это есть чистый анализъ: тутъ взяты известныя понятія и сдѣланъ изъ нихъ правильный выводъ». Вопреки г. Страхову, я утверждаю, что не мало — такъ *не долженъ согласиться* съ этою рѣчью не только, напримѣръ, я, человѣкъ иныхъ возрѣній, но даже самъ г. Страховъ, человѣкъ одинаковыхъ съ Данилевскимъ возрѣній, разумѣется, подъ условіемъ, что для него истина дороже другихъ соображеній. Что рассужденіе Данилевскаго есть *чистый анализъ*, я согласенъ; что онъ взялъ за исходную точку *известныя понятія*, также вполне вѣрно. Вся бѣда въ томъ, что взялъ — то онъ для анализа «известныя понятія», да *не тѣ*, которыя долженъ былъ взять. Это «всегдашняя ошибка» диалектиковъ, забывающихъ, что ихъ анализъ — только механизмъ, одинаково успѣшно обрабатывающій и верно, и труху, и тѣ, и *не тѣ* послыши, которыя требуется взять. Анализъ можетъ быть и очень «чистъ», но бѣда, если аналитикъ, желая анализировать муку, возьметъ для анализа за песокъ. Такой-то обидный случай и приключился съ Данилевскимъ. Онъ отирается отъ того положенія, что дарвинизмъ вынужденъ будто бы допустить цѣлесообразность воздѣйствія условій на организмъ. Но откуда онъ это взялъ? Что дарвинизмъ не дѣлаетъ такой послышки, должно быть известно, я полагаю, всякому, кто рѣшается говорить, тѣмъ болѣе писать объ этомъ ученіи. Воздѣйствіе условій можетъ быть полезно, совершенно безразлично и даже вредно, — слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ не цѣлесообразно. Цѣлесообразность, по дарвинизму, является только результатомъ отбора, т. е. многочисленности попытокъ и малочисленности удачъ. Да и можетъ ли воздѣйствіе среды быть само въ себѣ признано цѣлесообразно-разумнымъ актомъ, когда большинство результатовъ этого акта бываетъ неудачно и только ничтожное число удачно? Представимъ себѣ, что какой-нибудь рабочій, на спичечной фабрикѣ, выдѣлывалъ бы такія спички, изъ которыхъ миллионъ пришлось бы бросить и сохранить одну. Назвали ли бы мы дѣятельность этого рабочаго разумно-цѣлесообразной, и, въ конечномъ результатѣ, зависѣло ли бы совершенство спичекъ отъ дѣятельности этого рабочаго или отъ дѣятельности браковщика, отбрасывающаго миллионъ и сохраняющую одну? Такъ и дѣйствіе условій само въ себѣ не можетъ быть названо разумно-цѣлесообразнымъ, потому что большая часть существъ, подвергающихся этому воздѣйствію, по своему несовершенству, погибаетъ и только малая часть сохраняется. Слѣдовательно, цѣлесообразность организаціи не есть непосредственный результатъ воз-

дѣйствія среды, не первичный фактъ, а вторичный результатъ сложнаго процесса, слагающагося изъ обширнаго производства и строгой браковки, т.-е. результатъ выживанія наиболѣе приспособленнаго, какъ объясняетъ это настоящий дарвинизмъ, а не тотъ, который опять ad hoc придумалъ Данилевскій. Обыкновенно предполагается, что, опровергая какое-нибудь учене, прежде всего, дають себѣ трудъ съ нимъ основательно ознакомиться, но г. Страховъ считаетъ себя совершенно свободнымъ отъ этого требованія.

Таковъ плачевный исходъ приводящаго г. Страхова въ восторгъ «чистаго анализа» не относящихся къ дѣлу «извѣстныхъ понятій». Впрочемъ, къ обсужденію этого вопроса мы будемъ вынуждены вскорѣ вернуться; такова уже своеобразная манера изложенія у г. Страхова, не извѣстно почему втиснуваемаго этотъ вопросъ въ настоящую главу, тогда какъ далѣе онъ посвящаетъ ему цѣлую спеціальную главу.

А пока оглянемся назадъ, поинтересуемъ, гдѣ, въ настоящей главѣ, скрывается обѣщанное раскрытіе «всегдашней ошибки»: въ голословномъ брюзжаніи Негели или Данилевскаго? Въ огульномъ признаніи неспособности англійской націи къ здравому мышленію? Въ неудачныхъ придирахъ г. Страхова къ двумъ фразамъ Дарвина, —придирахъ, обратившихся на голову самого обвинителя? Въ еще менѣе удачномъ открытіи какой-то измѣны Дарвина мнѣ? Или, наконецъ, въ восторгахъ по поводу длинной тирады Данилевскаго, заключающей «чистый анализъ» «извѣстныхъ понятій», съ дарвинизмомъ не имѣющихъ ничего общаго?

Г. Страховъ такъ и остался въ долгу у своихъ читателей; несмотря на повторенное въ заголовкѣ главы обѣщаніе раскрыть «всегдашнюю ошибку», онъ продолжаетъ хранить свое открытіе при себѣ.

Это, впрочемъ, нисколько не мѣшаетъ ему съ обычною развязностью, на этотъ разъ рассчитанною развѣ на читателей, которые прочтутъ только агодovou и заключительныя строки, закончить эту главу словами: «Повторимъ, вся сила дарвинизма—въ неопредѣленности посылокъ и въ неправильномъ обобщеніи выводовъ; при точномъ анализѣ, при отчетливомъ вниманіи въ сложный ходъ предполагаемаго процесса, эта сила исчезаетъ безъ остатка».

Но гдѣ же хоть тѣнь доказательства этого смѣлаго заявленія? Гдѣ же «точный анализъ» или «отчетливое вниманіе»? Ихъ-то и забылъ сообщить читателямъ г. Страховъ.

Такимъ образомъ, въ концѣ главы г. Страховъ остается при своей точкѣ отпращиванія въ ея началѣ. Взявшись *доказать*, что всегдашняя ошибка дарвинизма заключается въ увлеченіи «общими неопредѣленными положеніями», онъ въ заключительныхъ словахъ проситъ повѣрять ему на слово (такъ какъ не привелъ тому доказательствъ), что «въ неопредѣленности посылокъ и неправильномъ обобщеніи выводовъ» и заключается всегдашняя ошибка дарвинизма. Я полагаю, каждому гимназисту извѣстно, что такой приемъ доказательства давно предусмотрѣнъ и называется *petitio principii*.

Да, жестоко мститъ за себя логика!

XII.

Значеніе численности.

Базалось бы, что въ предшествующей главѣ, судя по ея заголовку, задача г. Страхова исчерпана, но онъ вдругъ спохватывается и говоритъ: постойте, постойте,—забылъ еще одно обстоятельство,—и, какъ оказывается, обстоятельство не маловажное. Мы видѣли выше, что г. Страховъ не одобряетъ моего способа изложенія и очень гордится своимъ; у него все— «въ связи, въ порядкѣ и даже подъ цифрами». Цифры-то есть несомнѣнно и замысловатые заголовки *овсѣмъ* какъ въ старинныхъ романахъ (теперь и въ романахъ ихъ что - то не встрѣчается), но, воля ваша, порядокъ странный: постоянно возвращаться къ точкѣ отправления, успокоить читателя, что догналъ противника, *овсѣмъ* покончилъ съ нимъ, и опять начинать сначала. По счастью, на этотъ разъ, дѣло такъ просто, что терпѣнію читателя не грозитъ слишкомъ долгое испытаніе. Мы опять возвращаемся къ старой аргументаціи. Каждая вновь появившаяся измѣненная форма будетъ имѣть противъ себя большее число неизмѣненныхъ, слѣдовательно, по словамъ Данилевскаго, можетъ сохраниться въ борьбѣ только подъ условіемъ, чтобы *превосходство было во столько разъ больше, во сколько меньше численность*. Г. Страховъ называетъ это *теоремой* и усматриваетъ въ ней, повидимому, второе «истинное открытіе» Данилевскаго. Доказываетъ свою «теорему» Данилевскій, главнымъ образомъ, военными притчами, такъ какъ для всякаго очевидно, что десять солдатъ могутъ успѣшно дать отпоръ ста солдатамъ только въ такомъ случаѣ, если могутъ выпускать въ десять разъ болѣе зарядовъ. Но на это я отвѣчаю: «Уже изъ одного постоянного сравненія съ арміями видно, что Данилевскій, въ самомъ существенномъ мѣстѣ своей книги, понимаетъ подъ борьбой только борьбу прямую, зубами, когтями, кулаками, гдѣ, очевидно, сила должна быть въ обратномъ отношеніи къ числу. Но всякому, кто прочелъ хоть самую жиденькую статейку о дарвинизмѣ, *известно*, что не таково дѣйствительное понятіе о борьбѣ за существованіе. Борьба за существованіе слагается изъ прямой борьбы съ врагами, изъ борьбы съ условіями и изъ конкуренціи, какъ результатъ несоответственности между безграничнымъ размноженіемъ и ограниченностью земной поверхности». Г. Страховъ, очевидно, ничего не въ состояніи мнѣ возразить. Что же онъ дѣлаетъ? Онъ прибѣгаетъ къ приему, которымъ уже пользовался не разъ и который, судя по тому, что я узналъ изъ статьи г. В. Соловьева въ *Вѣстникъ Европы*, грозитъ войти у него въ привычку. Онъ предъявляетъ читателю приведенную только что мою фразу, обрубивъ ее внезапно на запятой, между словами *известно* и *что*, и вслѣдъ затѣмъ, ничѣмъ не смущаясь, вразумляетъ своихъ читателей слѣдующимъ рѣзкимъ сужденіемъ: «мы желаемъ только обратить вниманіе читателей на то, что *въ борьбѣ за существованіе*, по мнѣнію г. Тимирязева, «численное превосходство не имѣетъ почти никакого значенія» (стр. 164). Къ сожалѣнію, онъ не приводитъ совер-

шенно никакихъ соображеній, изъ которыхъ можно бы было понять, почему численность не должна играть роли въ процессъ борьбы». Кажется, ясно; и вносные знаки, и ссылка на страницу,—все въ исправности. Очевидно, я сказалъ какую-то невозможную пелѣпость. Но такъ ли оно на дѣлѣ? Если всякій сообразительный читатель пойметъ, что первая цитата г. Страхова оборвана передъ словомъ *что*, то, конечно, никто не въ состояніи догадаться, что вторая начинается даже не съ запятой. Если у первой отрѣзанъ неудобный г. Страхову конецъ, то у второй обрублено еще менѣе удобное начало. Прошу позволенія у читателя повторить этотъ конецъ, прямо переходящій въ начало слѣдующей, искалѣченной г. Страховымъ, фразы: «Борьба за существованіе слагается изъ прямой борьбы съ врагами, изъ борьбы съ условіями и изъ конкуренціи, какъ результатъ несоотвѣтственности между безграничнымъ размноженіемъ и ограниченностью земной поверхности. Изъ этихъ трехъ сторонъ одного явленія, борьба съ условіями и конкуренціи должна быть приписана главная роль, а именно въ этихъ двухъ случаяхъ численное превосходство не имѣетъ почти никакого значенія». Эту мысль, очевидную въ себѣ самой, я вслѣдъ затѣмъ поясняю примѣрами.

Теперь, полагаю, читателю ясно, для чего г. Страхову понадобилось оборвать фразу на запятой, а вторую начать даже не съ запятой; этимъ разомъ достигались двѣ цѣли: отъ читателя тщательно скрывалась сущность вопроса, а мнѣ приписывалась нелѣпая мысль, будто я отрицаю значеніе численности *въ борьбѣ вообще*, т.-е. и въ борьбѣ *прямой*, чего я никогда не высказывалъ и не могъ высказывать. Я возражаю противъ «теоремы» Данилевскаго, что она примѣнима только къ частному и сравнительно не важному (въ растительномъ царствѣ, наприм., не существующему) случаю *прямой* борьбы *). Гораздо большее (а въ растительномъ царствѣ исключительное) значеніе играетъ *борьба съ условіями и конкуренціи*, а въ *этихъ случаяхъ* «численное превосходство не имѣетъ почти никакого значенія».

Но для достиженія своей цѣли г. Страховъ не остановился на одномъ калѣченьи мошхъ фразъ,—онъ изобрѣлъ еще новый діалектическій приемъ и это его «истинное открытіе», надѣюсь, никто не станетъ у него оспаривать. Въ началѣ слѣдующей же страницы ему пришлось привести еще цитату, въ которой встрѣчается та же мысль, которую онъ такъ старательно обрубилъ въ началѣ и въ концѣ предшествующихъ двухъ цитатъ, но здѣсь, какъ на зло, она занимаетъ средину фразы. Какъ тутъ быть? Какъ скрыть ее? А скрыть необходимо, иначе разоблачится вся продѣлка. Для благой цѣли всѣ средства хороши; и вотъ г. Страховъ вычеркиваетъ мои слова и *замѣняетъ ихъ своими*, да еще курсивомъ! Я говорю: «Значить, въ борьбѣ *съ условіями*, которая гораздо важнѣе прямой борьбы съ врагами, численное отношеніе не причемъ». А г. Страховъ заставляетъ меня

*) Т.-е. прямая борьба въ растительномъ царствѣ не бываетъ обоюдная.

говорить: «Значить, въ борьбѣ за существованіе, которая гораздо важнѣе прямой борьбы съ врагами, численное отношеніе не приче́мъ» (стр. 164). Такимъ образомъ, г. Страховъ ухитряется заставить меня въ трехъ строкахъ сказать три нелѣпости: 1) утверждать, что въ борьбѣ за существованіе вообще (слѣдовательно, со включеніемъ прямой борьбы съ врагами) численность не приче́мъ; 2) противопоставить цѣлое (борьбу за существованіе) его части (борьбѣ съ врагами); 3) высказать бессмысленный трионизмъ, что цѣлое (борьба за существованіе) важнѣе своей части (борьбы съ врагами). Но что до того г. Страхову?. Его цѣль достигнута: отъ читателя утаенъ настоящій смыслъ вопроса, мнѣ приписана нелѣпость и «теорема» Данилевскаго спасена *).

Предоставляю судить безпристрастному читателю, какою дозой терпѣнія и отвращенія къ полемикѣ нужно было обладать для того, чтобы спокойно сносить, какъ это я дѣлалъ до сихъ поръ, такія неслыханныя продѣлки надъ своими мыслями.

Рекомендую цѣнителямъ критическаго таланта г. Страхова (напримѣръ, его біографу, признавшему *Всегдашнюю ошибку* перломъ его научно-литературной дѣятельности) этотъ новый діалектическій прие́мъ. Вотъ его рецептъ: обрѣжь конецъ одной фразы; обрубь начало другой; выкинь, что тебѣ не нравится, въ третьей и замѣсти нелѣпостью; напиши эту нелѣпость курсивомъ... да не забудь сослаться на страницу. А затѣмъ поспеивайся втихомолку надъ довѣрчивымъ читателемъ.

Какъ я уже сказалъ, само въ себѣ очевидное положеніе, — независимость борьбы съ условіями существованія отъ относительнаго числа состязующихся, — я поясняю примѣрами. Я говорю: если какой-нибудь организмъ можетъ вынести такую высокую температуру, какой не вынесутъ его сосѣди, то, въ случаѣ повышенія температуры до этого предѣла, для него будетъ безразлично, окажется ли онъ одинъ, или въ сообществѣ миллионовъ менѣе счастливыхъ соперниковъ. Разсужденіе это очевидно и въ такой отвлеченной формѣ, но, какъ натуралистъ, я предпочитаю сослаться на конкретный фактъ, на наблюденіе одного микроскописта. Для всякого ясно, что подробности обстановки опыта тутъ не приче́мъ, такъ какъ, повторяю, аргументъ очевиденъ и въ его отвлеченной формѣ. Что же дѣлаетъ г. Страховъ? Обвиняя меня въ томъ, что я аргументирую примѣрами, самъ, вмѣсто того, чтобы возражать на логическую сущность примѣра, чего, конечно, не въ состояніи сдѣлать, онъ отвлекаетъ вниманіе читателя совершенно въ сторону, на подробности опыта, и съ тонкою, по его мнѣнію, ироніей изображаетъ ученаго, сидѣщаго за микроскопомъ и нагрѣвающего свои бактеріи, т.-е., по мнѣнію г. Страхова, изслѣдующаго явле-

*) На той же страницѣ г. Страховъ позволяетъ себѣ слѣдующую шутку. Обвиняя меня въ презрѣніи къ Данилевскому, онъ говоритъ въ особой выноскѣ: «Нельзя ли употребить извѣстную поговорку въ такомъ видѣ: „Скажи мнѣ, кого ты презираешь, и я скажу тебѣ кто ты такой“? Нельзя ли мнѣ теперь пародировать эту шутку въ такой формѣ: „Скажи, какъ назвать твой поступокъ, и всякій тебѣ скажетъ, кто ты такой“!»

ние, будто бы невозможное «въ природѣ». Этотъ приёмъ г. Страхова мнѣ невольно напоминаетъ старый анекдотъ изъ чиновничьяго міра. Начальникъ спрашиваетъ чиновника: «Понимаете ли вы, что намъ лишнуть изъ такого-то вѣдомства?»—а догадливый подчиненный отвѣчаетъ прямо на мысль своего начальника: «Понимать, ваше превосходительство, не понимаю, а отвѣчать могу». Г. Страховъ пошелъ еще далѣе этого чиновника: понимать-то онъ понимаетъ, въ чемъ дѣло, но можетъ отвѣчать такъ, какъ будто и не понялъ. Г. Страховъ не можетъ не понять, что дѣло не въ микроскопѣ, не въ нагревательномъ столѣикѣ или равномерной температурѣ, а въ общемъ логическомъ положеніи, что если въ данномъ случаѣ какой-нибудь организмъ погибаетъ или сохраняется, въ зависимости отъ какого-нибудь вѣшняго вліянія, то онъ умираетъ или сохраняется въ живыхъ независимо отъ того, много ли, мало ли умираетъ или сохраняется живыхъ существъ вокругъ. Въ томъ только и дѣло, что можно быть или живымъ, или мертвымъ, но нельзя быть во сто разъ живѣе или въ тысячу разъ мертвѣе, или быть живымъ пропорціонально числу мертвыхъ.

Впрочемъ, чтобы читатель и въ самомъ дѣлѣ не повѣрилъ, что въ природѣ ничего подобнаго приведенному мною примѣру невозможно, приведу примѣръ совершенно сходный. Цѣлый рядъ наблюдений заставляетъ предполагать, что солнечный свѣтъ (это уже природа, г. Страховъ?) убиваетъ нѣкоторые бактеріальные организмы. Что же, если между ними найдутся такіе, которыхъ свѣтъ не будетъ убивать,—ихъ сохраненіе въ живыхъ будетъ ли зависѣть отъ числа убиваемыхъ?

Для того, чтобы еще болѣе запутать дѣло, г. Страховъ рассуждаетъ такъ: пусть на первый разъ уцѣлѣютъ тѣ организмы, которые выносятъ высокую температуру, что же потомъ? Оригинальный способъ рассуждать не о томъ случаѣ, о которомъ идетъ рѣчь, а о томъ, что будетъ послѣ этого случая. Почему я знаю, г. Страховъ, что будетъ послѣ. Можетъ быть, въ другой разъ отборъ будетъ зависѣть отъ мороза и сохранятся, наоборотъ, формы самыя сносливыя къ холоду, а въ результатѣ получится форма вдвойнѣ совершенная, способная существовать въ самыхъ широкихъ предѣлахъ температуры и въ силу этого она получитъ и широкое распространеніе. Но г. Страховъ можетъ спросить: а послѣ этого послѣ что будетъ?—и такъ до безконечности отвлекать вниманіе отъ настоящаго вопроса.

Не удовольствовавшись тѣмъ, что, при помощи разговора о совершенно къ дѣлу не относящихся побочныхъ обстоятельствахъ, онъ увильнулъ отъ сущности вопроса, т. е. общаго положенія, что вліяніе среды не зависѣть отъ числа существъ, на которыя она дѣйствуетъ, г. Страховъ укоряетъ меня, зачѣмъ я не проникся какимъ-то сравненіемъ Данилевскаго съ игрою въ банкъ. Долженъ покаяться, что все, касающееся картъ, для меня та-раборская грамота, да и между знакомыми не нашлось свѣдущихъ людей по этой части, къ тому же еще Данилевскій сопровождаетъ свой примѣръ оговоркой: «допустимъ случай, обратный бывающему въ дѣйствительности». При всемъ томъ, полагаю, что игра въ банкъ также относится къ слу-

чаемъ прямой борьбы, а не къ «дѣйствию условій существованія», такъ какъ каждый изъ играющихъ посягаетъ на карманъ противника и выигрышъ одного неизбежно сопровождается соответственнымъ проигрышемъ другого. При дѣйствии же условій (наприм., температуры), судьба различныхъ существъ, имъ подвергающихся, ничѣмъ между собою не связана,—вѣдь, одному не становится теплѣе потому, что другому стало соответственно холоднѣе? *). Слѣдовательно, сравненіе съ игрой въ банкъ, въ основѣ, такъ же неудачно, какъ и военныя притчи Данилевскаго.

Показавъ, что численность не причемъ въ борьбѣ съ условіями существованія, я привожу примѣры въ подтвержденіе того, что она не играетъ почти никакой роли и въ конкуренціи. Я указываю, что торговецъ, продающій по *дешевой* цѣнѣ, продаетъ свой товаръ независимо отъ того, много или мало товару предлагаютъ рядомъ по *дорогой* цѣнѣ. Я указываю, что призовый рысакъ возьметъ призъ, все равно, будетъ ли съ нимъ бѣжать одна или десять извощичьихъ лошаденогъ. Указываю, наконецъ, что если въ учебномъ заведеніи была одна вакансія и тысяча конкурентовъ, то попавшій на вакансію не будетъ въ тысячу разъ умнѣе своихъ конкурентовъ. Наконецъ, предвидя (слишкомъ я хорошо знаю своихъ противниковъ) возраженіе, что все это не относится къ природѣ, я привожу примѣры, гдѣ ничтожныя признаки даютъ перевѣсъ въ борьбѣ (окраска цвѣтовъ душистаго горошка и клубней картофеля). Что же дѣлаетъ г. Страховъ? Онъ минуетъ первые два примѣра, какъ такіе, въ которыхъ неудобно прицѣпиться къ подробностямъ, и совершенно умалчиваетъ о примѣрахъ, взятыхъ изъ природы, такъ какъ одно упоминаніе о нихъ, какъ увидимъ, разстроило бы всю послѣдующую его аргументацію. Аргументацію эту онъ сосредоточиваетъ на примѣрѣ объ училищѣ, какъ такомъ, по поводу котораго можно опять наболтать къ дѣлу не относящагося и отвлечь вниманіе читателя отъ сущности дѣла. Онъ глубокомысленно замѣчаетъ, что примѣръ училища есть примѣръ отбора *искусственнаго*. Знаемъ и безъ объясненія г. Страхова, что школа—твореніе человѣческое, а не произведеніе природы; но, спрашивается, почему же это соображеніе, эта отговорка понадобилась г. Страхову, чтобы отдѣлаться отъ моихъ сравненій, *идущихъ къ дѣлу*, и не мѣшала ему, еще за нѣсколько строкъ, восхищаться сравненіями Данилевскаго, *къ дѣлу не идущими*? Или его *игра въ банкъ, арміи, козацкіе отряды, манежи и конюшни*,—все это произведенія природы? Но г. Страховъ, изрекши глубокую истину, что экзаменъ въ школѣ примѣръ искусственнаго отбора, полагаетъ, что слѣдала все, что требовалось, и торжественно восклицаетъ: «Но, вѣдь, весь вопросъ въ томъ, бываетъ ли что-нибудь подобное въ природѣ?» Еще бы не явиться вопросу, замѣчу я, когда г. Страховъ тщательно утаилъ отъ своихъ читателей то, что я говорю о природѣ! «Кто же въ природѣ игра-

*) Вѣдь, если игра въ банкъ не прямая борьба, а примѣръ дѣвствія условій существованія, то и драка съ завязанными глазами (есть, вѣдь, и такое препровожденіе времени),—не драка, а дѣвствіе вѣвшихъ условій; въ нее также входитъ элементъ случайности

етъ роль директора?—побѣдоносно продолжаетъ онъ.—Кто тщательно вы-
считываетъ баллы, сохраняетъ подъ своимъ кровомъ имѣющаго наибольшій
баллъ, а остальныхъ безопадно гонить отъ дверей?»

Что замѣняетъ въ природѣ искусственный отборъ?—спрашиваетъ г. Стра-
ховъ. «Кто исполняетъ въ природѣ роль директора?» Въ свою очередь такъ
и хочется спросить г. Страхова, шутить ли онъ, или говорить это совер-
шенно серьезно? Если онъ серьезно воображаетъ, что первый придумалъ
такое ядовитое возраженіе, то пусть разувѣрится: этому аргументу безъ
малаго тридцать лѣтъ и уже при первомъ появленіи онъ былъ оцѣненъ
по достоинству. Если же г. Страховъ дѣйствительно не понимаетъ, что
замѣняетъ въ природѣ искусственный отборъ, то на это можетъ быть толь-
ко одинъ отвѣтъ—совѣтъ прочесть книгу: *On the origin of species by
means of natural selection*; издана она въ Лондонѣ, въ 1859 году, а ав-
тора ея зовутъ Чарльзомъ Дарвиномъ.

Затѣмъ, поговоривъ еще на неопредѣленную тему—о погибели отъ слу-
чайностей,—тему, не имѣющую ничего общаго съ вполне опредѣленнымъ
вопросомъ, находится ли борьба со средой и конкуренція въ прямой за-
висимости отъ отношенія между числомъ сохраняющихся и погибающихъ
существъ, онъ голословно и еще курсивомъ утверждаетъ, что для того,
чтобъ сохраниться въ живыхъ, организмъ долженъ обладать *огромнымъ*
превосходствомъ надъ другими. При этомъ г. Страховъ, очевидно, забылъ
или еще не зналъ (въ томъ и бѣда, когда распределяешь свои мысли по
клеткамъ и «подъ цифрами»), что въ слѣдующей главѣ, черезъ страницу,
напишетъ такіа строки: «въ организмахъ жизнь отъ смерти отдѣляется од-
ною чертой, слѣдовательно, и то, что полезно, можетъ одною чертой от-
дѣляться отъ того, что вредно; такимъ образомъ, *огромное различіе вреда
и пользы* можетъ происходить отъ *безконечно малаго различія* въ самыхъ
организмахъ или въ *обстоятельствахъ*, среди которыхъ они живутъ». Но,
вѣдь, именно *это*, и ничто иное, утверждаю я — и именно *это*, и ничто
иное, упорно отрицаетъ Данилевскій, котораго всѣми правдами и неправ-
дами защищаетъ г. Страховъ. Данилевскій утверждаетъ, что малое разли-
чіе бесполезно, а большое различіе (пропорціональное числу конкурентовъ?)
не можетъ возникнуть вдругъ и не успѣетъ сложиться исподволь. Я же
говорю, что ничтожное различіе ($\frac{1}{20}$ балла въ моемъ школьномъ сравне-
ніи) опредѣляетъ судьбу существа.

Все это не мѣшаетъ г. Страхову заключить и эту главу голословнымъ, без-
доказательнымъ повтореніемъ положенія, которое требовалось и оказалось
невозможнымъ доказать, т.-е. пресловутой «теоремы» Данилевскаго: «*Пре-
восходство должно быть во столько больше, во сколько меньше численность
и наоборотъ*». А изъ этой теоремы слѣдуетъ, поясняетъ, ничѣмъ не сму-
щаясь, г. Страховъ, «что теорія Дарвина невозможна». На этотъ разъ, для уси-
ленія своего *petitio principii*, г. Страховъ, какъ видимъ, пишетъ его курси-
вомъ. Но курсивъ—не доводъ. По этому поводу припоминается мнѣ сходный
случай съ однимъ нѣмецкимъ ученымъ (Саксомъ). Высказалъ онъ также

«теорему», которая никого не убедила. Что-жь сдѣлалъ онъ? Во второмъ изданіи своей книги, велѣлъ набрать «теорему» даже не курсивомъ, а сплошь прописью. Представьте себѣ, и этимъ не убедилъ. Да, впрочемъ, г. Страховъ, вѣдь, и самъ говоритъ, что знаетъ правы ученыхъ, никакими типографскими украшениями ихъ не убедишь, твердятъ себѣ одно: предъявите намъ факты и логическіе доводы.

А что г. Страхову нечего предъявить, ясно до очевидности; сталъ ли бы человекъ, располагающій доводами, прибѣгать къ такимъ приемамъ, какъ тѣ, съ которыми намъ пришлось познакомиться въ этой главѣ?

Жестоко, жестоко мстить за себя логика!

Н. Тимирязевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Англійскіе историки.

II.

Лекки *).

I.

Въ одно февральское утро 1881 г. лондонскій поѣздъ остановился у маленькой станціи Ecclefechon, близъ шотландской границы, и высадилъ гробъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ одѣтыхъ въ трауръ людей. Ничего не было приготовлено для торжественной встрѣчи погребальной процессіи. Гробъ поставили подъ навѣсъ и скоро хлеставшій въ лицо снѣгъ покрылъ бѣлымъ саваномъ черное сукно, скрывавшее останки Томаса Карлейля. Затѣмъ маленький кортежъ двинулся къ могилѣ. Тамъ, безъ молитвъ и надгробныхъ рѣчей, въ глубокомъ молчаніи предали землѣ тѣло перваго религіознаго мыслителя нашего времени; старикъ крестьянинъ, товарищъ его дѣтства, стоялъ возлѣ и ворчалъ про себя, покачивая головою: «Жаль бѣднягу: большой былъ грѣшникъ». Изъ газетъ того времени извѣстно, что два джентльмена присутствовали на похоронахъ, какъ бы въ качествѣ представителей осиротѣвшей исторіи: Фроудъ и Лекки.

Въ предъидущемъ этюдѣ я изобразилъ личность Фроуда, теперь попробую познакомить васъ съ Лекки. Любители контрастовъ не могутъ желать бoльшей противоположности. Насколько первый изъ нихъ рѣзокъ, жестокъ, грубъ, настолько второй — мягокъ, спокоенъ, тихъ. Одинъ погружается въ прошлое, которое никогда не воскреснетъ; другой обращаетъ взоръ къ будущему, которое никогда не наступитъ. Фроудъ вѣритъ въ силу отдѣльной личности, допускаетъ періодическое вліяніе на исторію великихъ людей, воплощающихъ историческую миссію народа. Лекки вѣритъ въ силу идей, въ непрерывный прогрессъ учрежденій, медленный, но постоянный и неуклонный, неизбежный, какъ законы движенія ледниковъ. Взаимная противоположность ихъ мнѣній и пріемовъ изслѣдованія еще рѣзче подчеркивается противоположностью ихъ писательской карьеры. Фроудъ нѣсколько

*) Статя Augustin Filon изъ *Revue de Deux Mondes*; см. *Русскую Мысль* 1888 г., кн. VI.

разъ мѣнялъ учителей и взгляды; онъ чуть было не посвятилъ себя церкви, потомъ—профессурѣ; онъ пробовалъ свои силы въ романѣ, критикѣ, публицистикѣ. Лекки не переживалъ подобныхъ колебаній и волненій; онъ сразу вступилъ на тотъ путь, по которому идетъ и доннынъ; на старости лѣтъ онъ осуществляетъ свои юношескіе планы; его характеристическія черты—единство, простота и постоянство мысли, сдержанная сила ума, владѣющаго самимъ собою, движимаго собственною волей, знающаго, чего онъ хочетъ, и не потратившаго ни одного лишняго часа, ни одного лишняго усилія съ тѣхъ поръ, какъ началась его дѣятельность.

О личной жизни Лекки я знаю очень мало и не старался выйти изъ этой неизвѣстности. Изъ биографическихъ словарей я знаю, что онъ родился въ 1838 году и учился въ Дублинѣ въ Trinity-College. Этимъ и ограничиваются мои свѣдѣнія, и я не жалѣю объ этомъ. Нынче такъ рѣдко приходится прочесть книгу, не зная ея автора, судить о произведеніи по немъ самому, не будучи обязаннымъ копаться въ переплетающихся нитяхъ создавшей его органической ткани, не поясняя его физиологіей, этнографіей и климатологіей, не прибѣгая къ атавизму и наслѣдственнымъ предрасположеніямъ.

Не буду долго останавливаться на первой книгѣ Лекки, трактующей о великихъ ирландцахъ—Свифтѣ, Флудѣ, Граттанѣ, О'Коннелѣ, замѣчу только, что имя Флуда врядъ ли достойно чести фигурировать въ такомъ обществѣ. Авторъ самъ, повидимому, мало придаетъ значенія своему первенцу, потому что въ продолженіе уже столькихъ лѣтъ публика напрасно дожидается втораго изданія. Вѣроятно, онъ находитъ, и совершенно справедливо, что его историческіе взгляды на Ирландію изложены гораздо основательнѣе, точнѣе и полнѣе въ четвертомъ и шестомъ томѣ его *Исторіи XVIII столѣтія*.

Въ этихъ четырехъ біографіяхъ великихъ ирландцевъ только патристическія иллюзіи, юношески-благородныя, выдають двадцатитрехлѣтній возрастъ автора; слогъ уже отличается тою отчетливостію и мѣстами тѣмъ строгимъ и сдержаннымъ чувствомъ, которыя составляютъ отличительную прелесть серьезныхъ талантовъ. Сразу чувствовалось, что порядокъ, сильная способность классификаціи и обобщенія будутъ преобладающими качествами молодого писателя.

Я увѣренъ, что, занимаясь ирландскимъ вопросомъ, Лекки скорѣе выполнялъ обязанность, чѣмъ слѣдовалъ собственному влеченію. Его собственная склонность влекла его къ изученію социальныхъ вопросовъ и вопросовъ совѣсти въ ихъ тѣсной исторической связи. Огромный запасъ свѣдѣній дѣлалъ для него возможнымъ такое изученіе. Онъ хорошо зналъ классиковъ и въ особенности моралистовъ древности; отцовъ церкви и соборы онъ изучилъ превосходно. Онъ перечиталъ всѣхъ англійскихъ богослововъ XVII и XVIII вв. Наши философы, Вольтеръ, Руссо; Мабли, Рейналь, Кондильякъ, вѣроятно, постоянно читались имъ и перечитывались, потому что во всѣхъ его работахъ встрѣчаемъ обильныя изъ нихъ выписки. Еще силь-

нѣе вліяли на него, взаимно дополняя другъ друга, четыре глубокихъ мыслителя: Адамъ Смитъ, Эдмондъ Бёркъ, Іеремія Бентамъ, Оттольдъ Бонтъ. Между современниками, безъ сомнѣнія, онъ читалъ всего охотнѣе Мильмана и Боля.

Мильмана у насъ гораздо меньше знаютъ, чѣмъ онъ этого заслуживаетъ. Вотъ въ какихъ трогательныхъ выраженіяхъ Лекки характеризуетъ учителя своей юности: «Гармоничное сочетаніе способностей, отсутствіе всего, что заставляетъ сближать геній съ душевною болѣзью... жгучая любовь къ истинѣ, широкая терпимость, смѣлые и возвышенные взгляды на людей и вещи, презрѣніе къ шумнымъ триумфамъ и къ погонѣ за популярностью, уваженіе къ прошлому, вмѣстѣ съ живымъ и глубокимъ участіемъ въ современной жизни».

Приступая къ разбору двухъ произведеній, появившихся на разстояніи четырехъ лѣтъ: *Происхожденіе и вліяніе рационализма, Исторія европейской нравственности отъ Августа до Карла*, — такъ и хочется нарушить порядокъ, въ которомъ они изданы, и заговорить о второмъ, прежде чѣмъ приступить къ первому. Но, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи, мы найдемъ, что первая изъ этихъ книгъ дѣйствительно должна была быть задумана и писана раньше второй. Въ молодости мы смѣло бросаемся въ интеллектуальную жизнь; мы видимъ уже, какъ передъ торжествующимъ разумомъ открывается безконечная перспектива. Но вотъ насъ постигаетъ первое разочарованіе, — разочарованія существуютъ и въ области чистаго мышленія, — и чувство справедливости заставляетъ насъ обратить вниманіе на успѣхи, которыхъ прежде насъ добились поколѣнія, вѣрившія, вмѣсто того, чтобы разсуждать, и, тѣмъ не менѣе, не оставшіяся въ бездѣйствіи. Хочется помедлить въ этомъ прошломъ, хочется оживить его... Лекки такъ прекрасно понимаетъ и выражаетъ это чувство, что невольно спрашиваешь себя, не раздѣляетъ ли онъ его до известной степени самъ?

Первую изъ своихъ книгъ историкъ посвящаетъ разсказу о томъ, какъ постепенно одно за другимъ были секуляризованы искусство, право и власть, — короче сказать, о томъ, какъ гражданское общество отдѣлилось отъ выносившаго его у своей груди, выкормившаго своею сущностью и вдохновлявшаго его своею жизнью общества духовнаго. Это было медленное и таинственное превращеніе, видимое для насъ, разсматривающихъ его по истеченіи столѣтій, и незамѣтное для тѣхъ, кто были современниками этого событія. Какимъ образомъ случилось, наприм., что люди перестали вѣрить въ чудеса и колдовство? Явилось ли это слѣдствіемъ какого-нибудь внезапнаго переворота въ душевной жизни, или результатомъ ожесточенной борьбы мнѣній? Нѣтъ, превращеніе это совершалось незамѣтно и непрерывно и, въ концѣ-концовъ, создало новую атмосферу душевной жизни; этою атмосферой былъ рационализмъ.

Въ первой изъ своихъ книгъ Лекки писалъ слѣдующія слова: «До крестовыхъ походовъ христіанство было чистымъ благодѣяніемъ, безъ всякой примѣси, *an unmixed blessing*». Оба тома его *Исторіи европейской нрав-*

ственности отъ Августа до Карла Великаго заключаютъ въ себѣ развитіе и доказательство этихъ словъ. Рационализмъ далъ свѣту интеллектуальную свободу; христіанство принесло ему нравственный законъ: двойной трудъ историка сводится къ двумъ этимъ положеніямъ.

Прежде чѣмъ писать исторію нравственности, кажется, необходимо дать ей точное опредѣленіе и указать ея признаки. И вотъ Лекки набросалъ въ началѣ своей книги остроумный и полный разборъ различныхъ системъ, которыя всѣ онъ сводитъ къ двумъ: мораль самоотверженія и мораль выгоды, — другими словами, мораль христіанская и мораль утилитарная. Когда дѣло идетъ объ установленіи обязательнаго характера нравственнаго закона или объ отождествленіи идеи прекраснаго съ идеей добра, Лекки разсуждаетъ и заключаетъ вмѣстѣ съ спиритуалистами. Но вотъ въ чемъ его отличие. Отвергнувъ бентамизмъ, спиритуалисты представляютъ себѣ принципъ пользы разгромленнымъ въ прахъ и поверженнымъ въ ничтожество, какъ будто бы о немъ никогда не было и рѣчи и онъ не содержитъ въ себѣ ни малѣйшей доли истины. Лекки далекъ отъ повторенія этой ошибки. Теперь утилитаризмъ уже не доктрина, а фактъ. Общества наши — будемъ ли мы оплакивать, или радоваться этому — утилитарны. Слѣдовательно, отвергая доктрину, мы должны принять фактъ и примирить его съ христіанскимъ идеаломъ самоотверженія, добродѣтели и жертвы. Вотъ почему, отказавшись признать за утилитаризмомъ первое мѣсто, Лекки отдаетъ ему второе. Принципъ пользы онъ подчиняетъ нравственной идеѣ, также какъ разумъ и чувства подчиняются совѣсти. Этотъ уравновѣшенный умъ хочетъ видѣть въ человѣкѣ цѣлую іерархію потребностей, склонностей и обязанностей, нѣчто вродѣ пирамиды, на вершинѣ которой сіяетъ идея нравственной красоты.

За эту теоретическую частью, богатою оригинальными взглядами и тонкимъ анализомъ, слѣдуетъ исторія въ собственномъ смыслѣ этого слова. Тутъ выступаетъ на сцену то рѣдкое орудіе для классификаціи, та машина для размѣщенія фактовъ, о которой я далъ уже понятіе выше. Подобно Реау д'Апе, съ изумленіемъ смотрѣвшей на сами собою разматывавшіеся передъ нею клубки, читатель съ удивленіемъ видитъ, какъ соподчиняются и находятъ объясненіе сложные и несвязные элементы древней морали и, притомъ, такъ, что хронологическій порядокъ не можетъ быть поставленъ въ упрекъ логическому. Стоицизмъ дѣйствующій, исключительно римскій, принадлежащій Цицерону и Панецію, уступаетъ мѣсто стоицизму сентиментальному, вытекающему изъ эллинскаго вліянія и характеризующемуся именами Плутарха и Сенеки.

Эта эпоха достигаетъ высшей точки въ Маркѣ Авреліи и тутъ же вырождается въ казуистику и софистику риторовъ. И въ этой пустотѣ, которую оставило по себѣ исчезновеніе стоицизма, происходитъ религиозное пробужденіе, находящее пищу въ неоплатонизмѣ, осложненномъ египетскими догмами. Народная масса съ негодованіемъ отвергла мрачное и высокоумное ученіе Посидонія и Катона: страхъ предъ смертію, на которую

стонки смотрѣли какъ на освобожденіе, прорывается впервые съ неудержимомъ страстностью и энергіей: всѣми сердцами овладѣваетъ идея о другой жизни.

Одни увлекаются еврейскимъ шабашемъ, другіе преклоняются предъ Митрой, Изидой и Сераписомъ. Процесси поражаютъ своею пышностью, воображеніе увлекается заманчивостью ночныхъ обрядовъ. Зимой, едва успѣетъ заняться день, римскія женщины уже разбиваютъ ледъ на Тибрѣ для исполненія священныхъ омовеній или проходятъ на колѣняхъ поле Тарквинія. Старый Пизагоръ снова входитъ въ моду. Въ этотъ-то моментъ человѣчеству является христіанство съ мощью и чарующею силой, до тѣхъ поръ неизвѣстными. «Въ противоположность іудейской религіи, оно не носило въ себѣ мѣстной замкнутости и равно примѣнялось къ потребностямъ всѣхъ націй и классовъ. Въ отличіе отъ стоицизма, христіанство горячо взывало къ любви и представляло всѣ преимущества живаго культа передъ мертвою теоріей. Оно отличалось и отъ восточнаго культа тѣмъ, что къ таинственному очарованію своихъ догматовъ присоединяло моральную систему, исполненную чистоты и благородства, и готово было попытаться осуществить ее на дѣлѣ. Оно освящало смѣшеніе классовъ и братство расъ; оно провозглашало святость любви. Для раба христіанство являлось религіей страждущихъ и угнетенныхъ; философъ видѣлъ въ немъ сочетаніе великой морали послѣднихъ стоиковъ съ лучшими грезами платонической школы. Для міра, жаждущаго чуда, христіанство принесло съ собою исторію, полную чудесъ... Людямъ, чувствовавшимъ, какъ распалось въ обломки государственное тѣло, и тревожившимся за будущее, оно пророчествовало о близкой кончинѣ міра, о вѣчной славѣ своихъ приверженцевъ и безконечномъ страданіи для своихъ враговъ. Міру, утомленному созерцаніемъ того холоднаго идеала, который воплощали Катонъ и воспѣлъ Луканъ, христіанство противопоставило состраданіе и любовь. Наконецъ, міру, раздираемому столкновеніями философскихъ системъ, оно предложило свое ученіе, какъ плодъ божественнаго откровенія, авторитетъ котораго поддерживался уже не человѣческими разсужденіями, а вѣрой». Ко всѣмъ этимъ условіямъ, содѣйствовавшимъ успѣху, слѣдуетъ еще прибавить (вмѣстѣ съ историкомъ), что церковь была отлично организована и проникнута такимъ чувствомъ самоотверженія, которое превосходило даже самый патриотизмъ. «И такъ, — заключаетъ Лекки, — принятіе христіанства не только не чудо, но наилучше подготовленный, наиболѣе логическій и необходимый фактъ изъ всѣхъ великихъ событій исторіи».

Развѣ это открытіе? Развѣ тутъ есть что-нибудь новое? Разумѣется, нѣтъ. Можетъ быть, это было ново восемнадцать лѣтъ тому назадъ? Тоже нѣтъ. Въ такомъ случаѣ, въ чемъ же заслуга писателя? Если не ошибаюсь, въ искусствѣ краснорѣчиво подводитъ итогъ всему сказанному.

Когда, подобно Лекки, видишь ту пустоту, которую христіанство явилось заполнить въ человѣческой душѣ, то какъ не видѣть того пробѣла, которое оно оставило бы по себѣ въ случаѣ своего удаленія? Если вопросъ толь-

ко въ томъ, чтобы сдѣлать человѣчество счастливымъ, — восклицаетъ историкъ-философъ, — отдайте намъ наши старыя вѣрованія! «Создавая потребности, которыя они одни только могутъ удовлетворить, и страхи, которыя только они могутъ успокоить, они обнаруживаютъ присущую имъ силу утѣшенія въ часы унынія и тревоги, когда эта сила наиболѣе необходима. Мы гораздо болѣе обязаны нашимъ иллюзіямъ, нежели нашимъ знаніямъ. Воображеніе наше своимъ непрерывнымъ творчествомъ дѣлаетъ для нашего счастья больше, чѣмъ разумъ своимъ безпрестаннымъ разрушеніемъ. Амuletъ, прижимаемый дикаремъ къ груди, и фетишъ, считающійся покровителемъ бѣдной хижины, приносятъ душѣ болѣе дѣйствующее утѣшеніе въ часы печали и страданія, чѣмъ самыя грандіозныя философскія теоріи.

Сердце человеческое естественно ищетъ опоры, поддержки; первое условія счастья обыкновеннаго смертнаго — не мучиться сомнѣніями.

Было бы очень странно воображать, что «пріятныя вѣрованія могутъ пережить страшныя». Нѣтъ, все погибнетъ вмѣстѣ, и «тотъ, кто приводитъ насъ къ сознанію нашего невѣжества и вселяетъ въ душу сомнѣніе, тѣмъ самымъ осуждаетъ себя и другихъ на мученія, которыя надолго переживутъ моментъ душевнаго кризиса». «Отчего это, — говорила жена Лютера, — когда мы вѣрили по-старому, молитвы наши дышали такимъ усердіемъ и радостью, а съ тѣхъ поръ какъ мы приняли новую вѣру, мы молимся такъ рѣдко и холодно?» А Серапіонъ, этотъ наивный еретикъ, бѣдный старый монахъ, который создалъ себѣ вполне человѣчнаго Бога? Когда его разубѣдили, онъ смиренно преклонился передъ авторитетомъ церкви, потомъ опустился на колѣни у подножія алтаря, но молиться не могъ, и, залившись слезами, воскликнулъ: «Вы отняли у меня моего Бога!» И упрекъ этого старца раздается черезъ пространство вѣковъ, какъ будто вся человѣческая масса, возмущенная противъ высокоумныхъ мыслителей, наставляющихъ ее, восклицаетъ вмѣстѣ съ Серапіономъ: «Вы отняли у меня моего Бога!»

Не правда ли, что настроеніе, которымъ проникнута эта любопытная страница, напоминаетъ Ренана? И, однако же, сравненіе было бы неточно: заразъ и черезъ-чуръ лестно, и несправедливо по отношенію къ Лекки. Теперь въ модѣ задѣвать Ренана; молодые люди, которые начинаютъ карьеру, любятъ развѣнчивать его для собственнаго возвеличенія. Они насмѣхаются надъ его виртуозностью, какъ будто нельзя быть сразу мыслителемъ, выдающимся ученымъ и виртуозомъ. Я не присоединяюсь къ этому легкомыслию молодой критики по отношенію къ одному изъ нашихъ учителей, но относительно Лекки необходимо замѣтить, что умъ его не отрицательный. Это христіанскій позитивистъ: онъ позитивистъ, потому что исключаетъ метафизику и сверхъестественное, и онъ считаетъ себя христіаниномъ, потому что преклоняется передъ историческимъ величіемъ христіанства и его мораль предпочитаетъ всѣмъ другимъ. И если я говорю, что онъ на половину позитивистъ, на половину христіанинъ, то это не значитъ, что на самомъ дѣлѣ онъ ни то, ни другое, но что онъ рѣшительно и сознательно хочетъ быть вмѣстѣ и тѣмъ, и другимъ, и изъ соединенія этихъ двухъ по-

нѣтъ выводѣть идею прогресса. Намъ остается посмотрѣть, какое приложеніе изъ этой теоріи сдѣлалъ онъ для исторіи своей страны.

II.

Почвой, которую Лекки избралъ для своихъ историко-философскихъ экспериментовъ, былъ XVIII вѣкъ. Почва эта далеко не была дѣвственной и исследователь долженъ былъ постоянно наталкиваться на свѣжіе слѣды своихъ предшественниковъ. Но могли ли эти слѣды лишить его свѣлости, овладѣлъ ли уже кто-нибудь предметомъ до такой степени, чтобы навсегда устранить новыхъ завоевателей? Разсказъ Маголея, какъ извѣстно, останавливается на порогѣ XVIII столѣтія. Исторія Бокса представляетъ тяжелую и пошлую апологію Вальпола. *Парламентская исторія* добросовѣстно воспроизводитъ пренія въ палатахъ, но, какъ и слѣдуетъ ожидать, оставляетъ въ тѣни войны и дипломатическіе переговоры. Пятьдесятъ лѣтъ назадъ лордъ Стангопъ (тогда еще лордъ Магонъ) написалъ исторію Англіи XVIII вѣка, которая за немнѣишъ лучшаго осталась классической. Она открывается бѣглымъ обзоромъ царствованія Анны и продолжается безъ перерыва до версальскаго договора, оканчивающаго американскую войну. Въ этой исторіи недостаетъ двухъ вещей, которыя цѣнятся нынче больше всего, именно—эрудици и философскаго взгляда. Авторъ исторіи—знатный вельможа, внукъ, племянникъ или двоюродный братъ тѣхъ дѣятелей, о которыхъ онъ разсказываетъ, глубоко привязанный къ традиціи и въ высшей степени почтительный къ царственнымъ особамъ. Онъ судитъ о людяхъ по ихъ успѣхамъ, sequitur fortunam... et odit damnatos. Кто не имѣетъ успѣха, тотъ заблуждался, а кто заблуждался, тотъ виновенъ. Онъ на все глядитъ глазами своей партіи, точно онъ произноситъ рѣчь въ парламентѣ, а не пишетъ книгу объ историческихъ событіяхъ. Слогъ ясный, но однообразно-безжизненный и немного устарѣлый. Тамъ и сямъ нѣсколько невинныхъ сарказмовъ, какіе можно себѣ позволить въ хорошемъ обществѣ. Вотъ обращикъ: «Народъ требуетъ всего отъ своего идола, когда тотъ достигаетъ власти: онъ готовъ ждать увеличенія государственной казны посредствомъ сокращенія налоговъ». Или вотъ еще: «Свифтъ обвинялъ герцогиню Соммерсетъ въ томъ, что у нея рыжіе волосы и что она уморила своего перваго мужа. Второе изъ этихъ обвиненій было ложно, первое же было слишкомъ справедливо. Но женщина менѣе охотно проститъ истину неблагоприятную для ея личности, чѣмъ клевету относительно своего характера». Но господствующая черта всего сочиненія, проникающая и вдохновляющая его, это—наивная радость, что авторъ родился англичаниномъ и принадлежитъ, такимъ образомъ, къ первой націи въ свѣтѣ, тогда какъ другіе (бѣдняги!) рождаются французами или нѣмцами, испанцами или итальянцами, и еще свѣтлая увѣренность въ томъ, что Провидѣніе все устраиваетъ согласно съ британскими интересами и что рѣшительно все, включая сюда пороки королей, глупости министровъ и безтолковыя увлеченія толпы,—все, въ концѣ-концовъ, должно принести свой плодъ и способствовать прогрессу избраннаго народа.

Если я прибавлю къ этому, что въ ту эпоху, когда писалъ Стангопъ, ни *British-Museum*, ни *Record-office*, ни архивы знатныхъ фамилій, ни континентальные архивы не выдали еще и десятой части своихъ тайнъ, то будетъ понятно, что Лекки совершенно законно могъ счесть себя призваннымъ къ тому, чтобы написать новую исторію XVIII вѣка. Взявъ на свою долю подробный разсказъ о ничтожныхъ министерскихъ интригахъ, придворныхъ и парламентскихъ заговорахъ, продѣлкахъ дипломатическихъ агентовъ, движеніяхъ войскъ, текущемъ законодательствѣ и тысячѣ мелкихъ событій, лишенныхъ значенія и будущности, изъ которыхъ составляется національная жизнь, Стангопъ какъ бы заранѣе предоставилъ своему преемнику широкія историческія перспективы и изученіе тѣхъ великихъ теченій мысли, которыя преобразовываютъ учрежденія и нравы. Лѣтописецъ подготовилъ почву для истиннаго историка.

Не трудно указать причины, которыя насъ, французовъ, привлекаютъ къ изученію нашего XVIII столѣтія. Прежде всего, изъ эстетики, и эта жила дѣйствуетъ во многихъ, которые и сами объ этомъ не подозреваютъ; XVIII вѣкъ ихъ интересуется какъ всякое хорошо изложенное драматическое дѣйствіе: это—пьеса по нашему теперешнему вкусу, высокая комедія, переходящая въ драму. Для весьма многихъ, — и, признаюсь, для меня въ томъ числѣ, — этотъ магическій вѣкъ представляетъ еще другую прелесть: это былъ самый счастливый моментъ въ исторіи нашего общества, который уже больше не повторится; это—кульминаціонная точка нашего языка и нашей расы, моментъ, когда Франція была наиболѣе французской. Для большинства, наконецъ, величайшая заслуга XVIII вѣка состоитъ въ томъ, что онъ подготовилъ нынѣшній. Мы вышли изъ его чрева: въ опьяненіи мы были зачаты имъ и порождены среди страданій. Хороши ли мы, или дурны, но мы таковы, какими онъ насъ создалъ. Но гдѣ искать единства, смысла, прелести XVIII вѣка для англичанъ? Гдѣ выдающійся фактъ, характеризующій у нихъ этотъ вѣкъ? Побѣды Мальборо? Но ихъ послѣдствія были отчасти уничтожены битвою при Дененѣ. Основаніе Индійской имперіи? Но, вѣдь, это чистая случайность, результатъ личнаго труда двухъ гениальныхъ людей, Блейва и Варрена Гастингса. Расширеніе американскихъ колоній? Но почти тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ колоніи эти распались, и лучшая часть изъ нихъ безвозвратно потеряна теперь для метрополи. Открытіе Австраліи? Но кто же въ 1788 году предвидѣлъ громадное значеніе этого открытія? Поищемъ теперь внутри государства. Разумѣется, религиозное возбужденіе, вызванное Веслеемъ и Уайтфильдомъ, есть важный общественный фактъ, и я не хочу уменьшать его значенія; это возбужденіе снова открыло выходъ движеніямъ души, задавленнымъ и увядшимъ въ теченіе предъидущаго семидесятилѣтія. Но этотъ *revival* 1750 г. вовсе не есть прогрессъ въ духѣ Лекки: это—возобновленіе старой вѣры, шагъ назадъ, возвратъ къ прошлому. Быть можетъ, литература или искусство сообщаютъ оригинальность XVIII вѣку у англичанъ? Но искусство въ лицѣ Гогарта тяжелымъ и невязаннымъ карандашомъ копируетъ дѣйстви-

тельность и съ неумолимою точностью воспроизводитъ самыя вульгарныя сцены изъ жизни; или вмѣстѣ съ Рейнольдсомъ искусство изобрѣтаетъ секретъ особой краски для изображенія тѣла хорошенькой женщины; это та самая розовая съ отливомъ краска, которой мы еще любуемся на картинахъ художника и которая добыта столько звонкихъ гиней въ его карманѣ. Если искусство хочетъ подняться выше въ лицѣ Барри, къ нему поворачиваются спиною, и художникъ умираетъ съ голоду. А литература? Она вся—заимствованіе и отраженіе. Одинъ актеръ, Гарриксъ, осмѣливается воскресить Шекспира, но съ какими предосторожностями и переодѣваніями! Въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ Джонсонъ, старый, полусума-спешдшій педантъ, остается диктаторомъ англійской литературы. Чтобы найти оттѣнокъ оригинальности, надо отыскать въ книжныхъ лавкахъ Де-Фой и Ричардсона, въ которыхъ проявился талантъ моральной наблюдательности, или подстеречь Бернса, крестьянина изъ Эйрсакаго графства, за его сохой, когда онъ слагаетъ свои чудныя пѣсни, соразмѣряя ихъ съ шагомъ своихъ воловъ. Остальное едва ли заслуживаетъ даже упоминанія.

Можно ли ожидать отъ Англій XVIII вѣка той элегантности нравовъ, того раздвѣта свѣтскости, какими блистали наши французскіе салоны того времени? Конечно, мы не найдемъ тамъ ничего подобнаго. Но поднимемъ глаза вверхъ и посмотримъ на государей, которые были естественными *leaders* англійскаго общества. Были болѣе безчестныя, но не было болѣе вульгарныхъ и болѣе низменныхъ королей, какъ двое первыхъ ганноверовъ. Первый изъ нихъ ненавидитъ своихъ подданныхъ и не понимаетъ ни слова по-англійски; второй—съ большимъ трудомъ, кое-какъ коверкаетъ языкъ: оба—чужіе въ своемъ собственномъ государствѣ. «Георгъ I,—говоритъ Малкольмъ,—любилъ только двѣ вещи: пуншъ и толстыхъ женщинъ». Сынъ его, маленькій, краснолицый человѣчекъ съ бѣлыми бровями, воняетъ казармами еще болѣе, чѣмъ зять его Фридрихъ Вильгельмъ Пруссійскій. Ему даютъ прозвище капитана Джоржа: достаточно было бы и «капрала Джоржа». Жена его, Баролина Аншпахская, къ его ругательствамъ примѣшиваетъ свои... У нихъ, какъ при старинныхъ нѣмецкихъ дворахъ, чрезвычайный этикетъ чередуется съ необыкновенною грубостью. Одна изъ фрейлинь, видя приближающагося короля, который въ любовныхъ порывахъ обладаетъ только краснорѣчіемъ рукъ, не чувствуя себя въ достаточно хорошемъ расположеніи духа для того, чтобы уступить, скрепя сердце руки на груди и восклицаетъ: «Лапы прочь!» Другая, выведенная изъ терпѣнія тѣмъ, что, смотря на нее, онъ звонитъ гинейми, зажавъ ихъ въ рукѣ, выхватываетъ у него золото и бросаетъ ему въ физиономію. Третья въ ту минуту, когда король хочетъ сѣсть, отнимаетъ у него стулъ: его величество на полу и всѣ хохочутъ. За этими барышнями волочатся какъ за какою-нибудь трактирщицей въ деревенскомъ кабацкѣ; онѣ обмѣниваются сотнею непристойныхъ взглядовъ, въ которыхъ ясно повторяется одна и та же мысль. Скандалы въ ихъ средѣ очень часты. Когда одна изъ нихъ дѣлается беремен-

ной, трое мужчинъ, изъ которыхъ двое—принцы крови, оспариваютъ другъ у друга отцовскія права на ребенка.

Сравните любовницъ Людовика XV и двухъ первыхъ Георговъ. У Д'Вильонъ прекрасное сердце, у Помпадуръ много ума. Но гдѣ искать достоинства г-жи Шулембургъ, какъ бомба вылетѣвшей въ герцогини Бендаль, или Вильмансегтъ, сдѣланной герцогинею Дарлингтонъ,—этихъ двухъ хищныхъ и отвратительныхъ старухъ, обогащающихся на общественный счетъ въ моментъ краха 1720 года? И какую жалкую роль играетъ при дворѣ Георга II бѣдная леди Сѣффолькъ, будучи вмѣстѣ любовницею мужа и козломъ отпущенія его жены! Когда, наконецъ, разбитая, больная, немощная и истомленная этою двойною службой, этимъ двойнымъ униженіемъ, она со слезами упрашиваетъ, чтобы ее отпустили, королева безжалостно удерживаетъ ее на цѣпи. Надо, чтобы король вослинулъ: «Да избавятъ ли меня, наконецъ, отъ этой старой глухой тетери?»

Никакой религіи, никакого семейнаго чувства. Въ продолженіе 36 лѣтъ Георгъ I состоитъ тюремникомъ своей жены, Софіи-Доротей. Онъ смертельно ненавидитъ своего сына, который отмститъ за это тѣмъ же своему. Каролина желаетъ всякаго несчастья своему первенцу, Фридриху, принцу Вельскому: «Неужели смерть не освободитъ насъ отъ этой дрянн?» У той же Каролины былъ капелланъ, приходившій по утрамъ бормотать молитвы въ передней, передъ статуей Венеры: королева одѣвалась въ сосѣднемъ будуарѣ и слушала его черезъ полуотворенную дверь, а горничныя отвѣчали *amen*. Теккерей проситъ, чтобы ему указали при этомъ дворѣ хоть одного честнаго человѣка, будь то мужчина или женщина. И самъ себѣ отвѣчаетъ, что такого мужчину или такую женщину найти нельзя. И вотъ его окончательный приговоръ объ этомъ низменномъ обществѣ: «Ни достоинства, ни знанія, ни нравственности, ни ума».

Государственные люди являются къ совѣтскому столу или къ парламентскому совѣщанію совершенно пьяные. Приходится долгое время смачивать холодными компрессами виски вождя оппозиціи, который долженъ произнести большую рѣчь и не можетъ держаться на ногахъ. Глава кабинета говоритъ своему коллегѣ, сидящему рядомъ съ нимъ на министерской скамьѣ: «Буда, чортъ возьми, дѣвался *speaker*? Я его не вижу». А коллега, находясь въ такомъ же состояніи, отвѣчаетъ: «А я такъ вижу двухъ». Спросите Гиббона: онъ расскажетъ вамъ, какъ въ Оксфордскомъ университетѣ пьютъ денно и ношно. Профессора напиваются съ своими учениками, вельможи—съ своими ферьерами, доктора—съ своими пациентами, пастыри—вмѣстѣ съ пасомыми и отцы—вмѣстѣ съ дочерьми: къ полночи вся Англія сваливается подъ столъ. Говорить ли еще о забавахъ молодыхъ людей знатнѣйшихъ фамилій, которые по вечерамъ останавливали женщинъ въ удивленныхъ мѣстностяхъ, срывали съ нихъ одежду и вѣшали за ноги или засаживали ихъ въ бочки, чтобы потомъ скатить ихъ по крутому склону, или о святотатственныхъ и безстыдныхъ церемоніяхъ особаго братства, подъ предсѣдательствомъ Франциска Дашвуда, бывшего одно время канцле-

ромъ казначейства при Георгѣ III? Женщины плутуютъ въ игрѣ и виѣстѣ съ лондонскою чернью виѣшиваются въ пѣтушныя бѣи. Многія такъ низко падаютъ въ развратѣ, что моралистъ не можетъ уже слѣдить за ними: надобно бы было быть порнографомъ по ремеслу, чтобы описать любовныя похождения какой-нибудь лэди Вентъ, лэди Маккльсфильдъ или герцогини Бингстонъ.

Въ концѣ столѣтія, при королѣ, бывшемъ порядочнымъ человекомъ, приличіе и вѣжливость дѣлаютъ успѣхи, но все же можно замѣтить, по словамъ Честерфильда, что графини родились не въ Великобританіи. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно назвать разговоромъ тѣ сплетни, которыми обмѣниваются за столомъ у Рейнольдса или въ Батѣ—въ *Pumproom*'ѣ, въ сравненіи съ «la Pargoisse», съ салономъ дю-Деффанъ или даже съ комнаткой *m-lle de Lesrinasse*, гдѣ говорилось столько милыхъ вещей? Чтѣ такое представляютъ изъ себя тѣ собранія литераторовъ, куда вводитъ насъ *miss Bagney*, какъ не сборища провинціальныхъ лавочницъ? А когда я пытаюсь найти что-нибудь соответствующее тѣмъ неподражаемымъ ужинамъ, во время которыхъ потоками изливалось краснорѣчіе и умъ, а воспоминаніе о нихъ разогрѣвало даже холоднаго Талейрана,—я нахожу въ одной изъ залъ «Головы Турка», среди табачнаго облака, человекъ двѣнадцать съ трубками въ зубахъ, а вокругъ нихъ опороженныя кружки пива. Это избранная интеллигенція страны. Я поспѣшно затворяю дверь и удаляюсь, отказываясь отъ мысли найти между этими людьми то умѣнье жить, то искусство вести разговоры, тотъ геній общественности, который дѣлалъ такую оборожительную нашу старую Францію наканунѣ того дня, когда она исчезла.

III.

И такъ, невольно навязывается вопросъ: гдѣ же интересъ и величіе XVIII вѣка Англіи? Пора отвѣтить на него вмѣстѣ съ Лекки. XVIII вѣкъ Англіи интересенъ и великъ тѣмъ, что создалъ аристократическую и свободную Англію, такъ великолѣпно развѣтшую въ первой половинѣ XIX столѣтія, подобно тому, какъ французскій XVIII вѣкъ произвелъ демократическую и равноправную Францію, въ которой мы живемъ. Но Франція благодарна, а Англія забывчива. Франція продолжаетъ и часто преувеличиваетъ дѣло Руссо и энциклопедистовъ; Англія вотъ уже 30 лѣтъ идетъ наперекоръ идеямъ Бѣрка и обомъ Питтовъ. Мало того, она игнорируетъ то, чѣмъ обязана XVIII столѣтію, чтобы имѣть удовольствіе возводить свои вольности и славу къ революціи 1688 года. Лекки уничтожилъ легенду 1688 г., свѣдя это столь прославленное событіе къ его истиннымъ размѣрамъ. Многіе будутъ сожалѣть о заблужденіи, къ которому они привыкли съ дѣтства. Во Франціи въ особенности мы любимъ точныя числа, ясныя, хорошо выкроенные періоды. Они льстятъ нашему вкусу къ симметріи и облегчаютъ преподаваніе исторіи дѣтямъ: перевороты, оканчивающіеся въ одинъ день, конечно, лучше запечатлѣваются въ памяти, чѣмъ тѣ, которые продолжаютъся дѣло столѣтіе.

И такъ, революція 1688 г. не была порождена взрывомъ народнаго чувства противъ монархіи Божіею милостію, какъ насъ когда-то этому учили по Маколею и какъ то любили проповѣдывать французскіе доктринеры, увлекшись идеей провести лестную параллель между 1830 и 1688 годами. Нѣтъ, 1688 г. явился какъ плодъ ненависти къ католицизму и французскому вліянію: въ сущности, это одно и то же, такъ какъ важнѣйшее возраженіе англичанъ противъ католицизма—это то, что во главѣ римской церкви стоитъ итальянскій священникъ и что въ XVIII столѣтіи главнымъ защитникомъ ея былъ король Франціи. Іаковъ или Вильгельмъ, въ сущности, не все ли это равно? Перваго свергаютъ не потому, что это былъ неспособный и вздорный человекъ, а втораго набираютъ не потому, что это самый умный и просвѣщенный государь своего времени: дѣло въ томъ, чтобы католика замѣнить протестантомъ, пенсіонера Людовика XIV—врагомъ Франціи. Врядъ ли можно найти что-нибудь похожее на энтузіазмъ въ той торговлѣ, которая предшествуетъ вступленію на престолъ принца Оранскаго и о которой приходится разсказывать Бернегу. Новаго государя принимаютъ съ неудовольствіемъ и служатъ ему съ нескрываемою неохотою. Подобно принцу Альберту, Вильгельмъ до конца остается чужимъ и, сообразно духу тогдашняго времени, ему грубо даютъ это чувствовать. Въ его совѣтъ засѣдаютъ враги; его сторонники, немногочисленные и расѣянные, подобно бѣдному Де-Фоб, получаютъ въ награду позорный столбъ. Отсюда грустное настроеніе королевской четы, въ послѣднее время обнаруженное изданіемъ въ свѣтъ писемъ королевы Маріи,—настроеніе, осложненное у ней религіозными угрызеніями совѣсти и мучительными самообвиненіями дочери, лишившей престола своего отца.

Въ Англіи, какъ прекрасно замѣчаетъ Лекки, существуетъ только два рода внѣшней политики: или миръ, для развитія труда и благосостоянія, или война, для обезпеченія колониальныхъ выгодъ. Вильгельмъ не далъ своимъ новымъ подданнымъ ни этого мира, ни этой войны. Вовлеченная въ большую континентальную борьбу, Англія видѣла, какъ ея торговля свелась на ничто, какъ въ двадцать лѣтъ налоги увеличились съ 2 милліоновъ фунтовъ до 6, а общественный долгъ съ 1.600,000 ф. дошелъ до 52 милліоновъ. Она только перемѣнила свою зависимость: вмѣсто того, чтобы служить французскому властолюбію, она служила голландскимъ интересамъ*), и вотъ первые плоды этой прославленной революціи!

Она совершилась противъ желанія пяти шестыхъ всей націи; но во сколько разъ непопулярнѣе сдѣлалась она, когда пришлось дорого заплатить за ея послѣдствія! Ее закрѣпили тройною ложью, самою неглаголю и чудовищною. Духовенство и людей набожныхъ увѣряли, что претендентъ, будучи католикомъ, станетъ преслѣдовать протестантовъ. Правда, Іаковъ III отвѣчалъ: «Что я буду вѣрять присягѣ—соблюдать законы и религію своего

*) Въ Ирландіи разорили полотняную промышленность для выгоды голландцевъ. См. Molynoux et Swift.

народа, если дамъ эту присягу, за это ручается моя вѣрность моеѣ собственной религіи. Я требую отъ англичанъ того же, чего англичане требуютъ отъ меня: терпимости. Но правительство постаралось о томъ, чтобы эти обѣщанія не дошли по адресу. Купечеству и капиталистамъ повторяли, что, въ случаѣ вступленія на престолъ претендента, правительство не приметъ ответственности за англійскій банкъ и не признаетъ государственнаго долга, непомерно возросшаго при Вильгельмѣ и Аннѣ. Съ народомъ употребляли другія средства. Ему рассказывалось, что претендентъ былъ подкидышемъ, именно, что онъ былъ сыномъ мельника, и что будто бы духовникъ королевы подожигъ его самъ на постель своей августѣйшей исповѣдницы. Въ карриатурахъ того времени изображался ребенокъ съ маленькою вѣтряною мельницей въ рукахъ въ качествѣ погремушки, напоминавшей его происхожденіе. И что же? Несмотря на всѣ эти басни, въ 1710 г. королева, духовенство, *gentry*, народъ, — словомъ, вся нація, за исключеніемъ нѣсколькихъ аристократовъ и коммерсантовъ, сочувствовала возвращенію Стюартовъ. Если бы не ссора между Оксфордомъ и Болингброкомъ, не скоропостижная смерть Анны, не Ввинсбери, наконецъ, — одна изъ тѣхъ посредственностей, которымъ капризный случай отдастъ иногда рѣшающую роль въ критическія минуты, — неожиданно появившійся въ залѣ совѣта, таща за собою двухъ своихъ помощниковъ, порядокъ престолонаслѣдія былъ бы измѣненъ, и прославленная революція, уничтоженная другою, низошла бы въ рядъ простыхъ историческихъ случайностей.

Высокое личное достоинство Вильгельма III — вотъ что ввело, можетъ быть, въ заблужденіе исторію относительно событія, котораго онъ былъ героемъ. Обыкновенно бываетъ такъ, что о человѣкѣ судятъ по его дѣлу; на этотъ разъ по человѣку судили о дѣлѣ и, такимъ образомъ, ошиблись только на половину, такъ какъ Вильгельмъ дѣйствительно былъ въ состояніи задумать обширную политическую систему, понятіе о которой связываютъ съ революціей 1688 г. Но въ своемъ государствѣ онъ былъ единственнымъ, или почти что единственнымъ, человѣкомъ, который былъ на это способенъ. Тамъ были виги, стоявшіе за всемогущество парламента противъ королевской прерогативы, были торы, боровшіеся за землевладѣльческую аристократію и господствующую церковь, но либераль въ Англій былъ только одинъ: этотъ либераль былъ король. Онъ хотѣлъ дать свободу и провозгласить терпимость не только для возведшихъ его на тронъ диссидентовъ, но и для католиковъ, боровшихся противъ него; но его не слушали, его не понимали. Кое-что изъ этихъ конституціонныхъ утопій вошло въ глубокомысленные выводы Локка, въ страстную проповѣдь Бернета и высокія порою мечты Даниэля Де-Фоэ, — изъ всѣхъ этихъ элементовъ и сложилась легенда 1688 года. А билль о правахъ? А *Toleration Act*? А *Act of Settlement*? — спросятъ меня, — что вы о нихъ думаете? То же, что и современники: все это старій хламъ, мертвая буква. То небольшое, что оставилъ изъ этого торійскій парламентъ 1710 года, окончательно разрушилъ вигистскій парламентъ въ 1714 г. На католиковъ обрушились законы, болѣе чѣмъ

когда либо суровые; что же касается диссидентскихъ священниковъ, то, послѣ полувѣковаго религіознаго мира, они напрасно умоляли Вальполя смилостивиться для нихъ суровость тѣстъ-акта. «Еще не время»,—отвѣчалъ Вальполь самымъ ласковымъ голосомъ. Но священники настаивали: «Когда же оно придетъ, это время?»—«Вы непременно хотите знать?.. Ну, такъ... никогда!...» Чтобы встрѣтиться съ примѣненіемъ на дѣлѣ и съ практикой той терпимости, о которой мечталъ Вильгельмъ, знаете ли, до какого времени нужно дожить? Легки отвѣтитъ вамъ: до лорда Джона Росселя и до поколѣнія 1832 года.

Съ точки зрѣнія личнаго авторитета, между Вильгельмомъ III и королевою Викторіей, можетъ быть, больше разницы, чѣмъ между Людовикомъ XIV и Карно. Совѣтъ министровъ королевы Викторіи совѣщается въ отсутствіе королевы. Глава этого совѣта, воплощающій въ себѣ министерскую политику, поддерживаетъ единство взглядовъ кабинета, изгоняя постепенно тѣхъ изъ своихъ коллегъ, которые перестали раздѣлять его мнѣнія. Если не по праву, то на дѣлѣ, онъ имѣетъ власть распустить парламентъ, и въ свою очередь парламентъ можетъ свергнуть его. Повидимому, королева назначаетъ его преемника, но ея выборъ ничто иное, какъ смѣшная формальность, такъ какъ онъ долженъ остановиться на известномъ лицѣ и—таковъ новый обычай, существующій уже лѣтъ сорокъ или пятьдесятъ—этимъ выборомъ руководитъ лишающійся власти министръ. У королевы есть еще свой исключительный совѣтъ, который никогда не собирается. Званіе *Privy-Councillor*—совершенно платоническій санъ; тому, кто его носитъ, онъ доставляетъ титулъ «высокоуважаемаго», приятно ласкающій ухо во время парламентскихъ дебатовъ. Королева пользуется громаднымъ вліяніемъ,—вліяніемъ знатнѣйшей дамы страны на правительство, которое до сихъ поръ, несмотря на всѣ измѣненія, все еще остается аристократическимъ.

Вильгельмъ III выбиралъ своихъ министровъ, не дѣлая различія между партіями, но, тѣмъ не менѣе, принималъ въ соображеніе вліятельность нѣкоторыхъ выдающихся личностей. Министерства были обособлены одно отъ другаго, и каждый министръ несъ отвѣтственность за свои дѣйствія передъ парламентомъ и передъ королемъ. Министерство не составляло тогда политической единицы, организованнаго, живаго цѣлаго, имѣющаго одну душу, движимаго однимъ желаніемъ, повинующагося однимъ принципамъ и дѣйствующаго по одной программѣ. Одна только королевская мысль придавала ему единство и приводила его въ движеніе. Совѣтъ министровъ самъ по себѣ не существовалъ; онъ поглощался, тонулъ, если такъ можно выразиться, въ тайномъ совѣтѣ—этомъ постоянно органѣ аристократическаго правительства, довольно невыработанномъ, но до такой степени сильнымъ, что онъ обнаруживалъ свое вліяніе даже при Генрихѣ VIII и Елизаветѣ. И вотъ мы далеко отъ парламентскаго равновѣсія и отъ правильнаго чередованія партій, съ которыми мы уже сто лѣтъ, какъ соединяемъ совершен-

но основательно понятіе объ англійскомъ правительствѣ и совершенно неосновательно—воспоминаніе о революціи 1688 г.

Читатели наименѣе свѣдущіе, тѣ, которые изучали исторію королевы Анны только по *Verre d'eau* Скриба, знаютъ отлично, что причиною перемѣнъ въ министерствѣ въ это царствованіе были женскіе капризы и вліяніе фаворитовъ. Съ водвореніемъ ганноверской династіи министерство становится вполнѣ вигистскимъ. Это потому, что вигъ тогда означаетъ—ганноверецъ, другъ короля; подѣ торі должно подразумѣвать — бунтовщикъ, врагъ династіи. Виги рассчитывали удержать за собою власть навсегда. И дѣйствительно, они держались въ продолженіе сорока шести лѣтъ: въ политикѣ это больше, чѣмъ вѣчность.

Трудно услѣдить за исторіей партій при продолжительномъ министерствѣ Вальпола. Этотъ министръ примиряетъ съ ганноверскою династіей провинціальное *gentry*, такъ какъ, происходя изъ него, онъ хорошо знаетъ его чувства, практикуетъ его нравы и говоритъ съ нимъ на его языкѣ. Онъ возвращаетъ церковь правительству, потому что въ теченіе двадцати лѣтъ услѣдуетъ наполнить ее епископами-раціоналистами или, говоря языкомъ того времени, вольнодумцами. Въ продолженіе этого времени выразительнѣйшій торі, Вайндгамъ, требуетъ трехлѣтнихъ парламентовъ, протестуетъ противъ нетерпимости, противъ продажи должностей, и одинъ за другимъ выдвигаетъ всѣ либеральныя тезисы. Обѣ партіи обмѣнялись политикой, подобно тому, какъ въ одномъ извѣстномъ водевилѣ два медвѣдя мѣняются головами. Головами! Но дѣло въ томъ, что голова тутъ не причемъ. «Партиа,—говоритъ Пультеней *),—подобны змѣямъ: ихъ хвостъ приводитъ ихъ въ движеніе». Нельзя услѣдить, сколько глупыхъ предразсудковъ и гнусныхъ страстей копошится тамъ, въ этой тинѣ, откуда исходятъ импульсы къ дѣятельности. Подкупъ въ полномъ разгарѣ. Одно засѣданіе въ парламентѣ обходится въ 1,000 гиней. Изъ 550 человекъ, входящихъ въ составъ палаты, при Георгѣ I, 271—а при Георгѣ II-мъ—257 получаютъ пенсіи или синекюры. Когда скандалъ обнаруживается, и парламенту приходится судить случаи подкупа, будьте увѣрены, аристократія осудитъ невиннаго. Юридическій фарсъ разыгрывается передъ пустыми креслами, и члены стекаются только тогда, когда наступаетъ время произнесенія приговора. «Однажды,—говоритъ лордъ Гарвей,—было рѣшено, что сорокъ больше девяноста». Отчеты о дебатахъ въ парламентѣ запрещены; типографин, осмѣливающихся нарушить это запрещеніе, подвергаются строгому наказанію. «Если не положить конца такому злоупотребленію,—воскликаетъ по этому поводу одинъ изъ членовъ,—всѣ рѣчи, произносимыя нами, будутъ напечатаны, и наше собраніе окажется самымъ презрѣннымъ изъ всѣхъ, которыя существуютъ на земномъ шарѣ!» Порубка дровъ, покража угля, охота за кроликами, составляющими собственность какого-нибудь члена парламента, и т. п. пу-

*) Пультеней, козже лордъ Батъ, былъ однимъ изъ вождей партіи независимыхъ виговъ.

стыжки возводятся въ преступленія подъ именемъ «нарушенія привилегій». Члены палаты призываютъ на помощь привилегію противъ всякаго назойливаго саножинна, и дакен ихъ слѣдуютъ господскому примѣру. Пользуясь тѣмъ, что ихъ подписи на письмѣ замѣняетъ марка, они дѣлаютъ себѣ доходъ изъ этой чудовищной монополіи и преспокойно обворовываютъ казну. Поистинѣ, остается удивляться только одному, что въ то время парламентъ не упалъ еще ниже и что порой онъ обнаруживалъ нѣкоторое смутное представленіе о національномъ величій и народныхъ интересахъ!

Вальполь палъ, и его смѣнило цѣлое поколѣніе безнравственныхъ и вредныхъ посредственностей. Въ палатѣ общинъ группы различаются только по гербамъ знатныхъ фамилій: вмѣсто виговъ и торъ, теперь существуютъ только «интересы» Ньюкестля, «интересы» Гренвиллей или герцога Бедфордскаго. Горе талантливому человѣку, который, подобно первому Питту, попытается подать голосъ и произнести рѣчь согласно убѣжденію: его держатъ въ отдаленіи или употребляютъ на низшія должности. Публика перестаетъ интересоваться политикой. Избиратели не знаютъ, за кого подавать голосъ, и ждутъ, сидя дома, не придетъ ли кто купить ихъ голосъ. Въ это время лордъ Батъ, въ своей знаменитой брошюрѣ *) , заявляетъ, что партіи перестали существовать. Около семидесяти лѣтъ протекло со времени революціи 1688 г., а революція эта, — въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаютъ ее доктринеры, — еще не начиналась.

IV.

Вальполь былъ своимъ человѣкомъ короля; всемогущій любимецъ, — однимъ словомъ, министромъ стараго порядка. Чатамъ **) былъ министръ новаго времени, управляющій посредствомъ слова и опирающійся на общественное мнѣніе. Ньюкестль колебался начать войну, чтобы не разстаться съ своимъ поваромъ-французомъ; взрывъ народнаго негодованія заставляетъ его удалиться и навязать королю Чатама. Война имѣетъ свою хорошую сторону для націи: она заставляетъ усилениѣ биться пульсъ націи, разбиваетъ застоившуюся кровь, оживляетъ чувство чести, устраиваетъ посредственность и безсиліе. Въ такой моментъ Чатамъ сдѣлался душою, диктаторомъ Англіи: мы знаемъ, что онъ хорошо умѣлъ воспользоваться этою диктатурой. Товарищи, соперники, ненависть однихъ, гнѣбность другихъ, — все уступаетъ, все подчиняется, все приходитъ въ движеніе. Способность Чатама наводить страхъ, по рассказамъ, доходила до смѣшнаго: такъ и кажется, что видишь передъ собой школьнаго учителя, запугивающаго дѣтскую команду. Но современники не смѣлились; смѣяться начали много позже. Однако же, Чатамъ не удержалъ своего могущества до конца этой слав-

*) *Hints from an honest man.*

**) Лордомъ Чатамомъ онъ сдѣлался только много лѣтъ спустя. Я такъ называю его во изъясненіе смѣшенія его съ именемъ его, Вильямомъ Питтомъ, послѣднимъ то же имя и фамилію.

ной войны: новое царствованіе приблизило къ власти торіевъ. Георгъ III думалъ сдѣлаться самъ вождемъ этой партіи и съ ея помощью возстановить королевскую прерогативу, если не въ томъ видѣ, въ какомъ она была при Стюартахъ, то, по крайней мѣрѣ, въ такомъ, какъ при Вильгельмѣ III, набравшемъ себѣ министровъ, откуда заблагоразсудится. Прежде всего, нужно было уничтожить парламентскій феодализмъ, возникшій при Вальполѣ и отдававшій всѣхъ избирателей страны въ руки трехъ или четырехъ вигистскихъ вождей. Надъ этимъ король трудился въ продолженіе двадцати лѣтъ, пуская въ ходъ подкупъ, расточая перства, дѣйствуя противъ отвратительнаго явленія еще болѣе отвратительными средствами. А когда, наконецъ, онъ добился успѣха, явился молодой двадцатитрехлѣтній министръ и своимъ личнымъ вліяніемъ, своимъ ненасытнымъ честолюбіемъ, своею громадною гордостью отодвинулъ короля на задній планъ и навсегда закрѣпилъ независимость министерства. Когда именно это случилось? Не трудно опредѣлить точнѣе этотъ моментъ, блестящій и рѣшительный, въ карьерѣ младшаго Питта, также какъ и въ парламентской исторіи Англій. Это было въ 1788 г., когда сумасшествіе короля сдѣлало необходимымъ обсужденіе билля о регентствѣ. Для двора, для парламента, для всей публики, политическій вопросъ, какъ это часто случается, сдѣлался вопросомъ чувства. Съ одной стороны добродѣтельный, популярный и начинающійся уже старѣться король, пораженный недугомъ, которому, казалось, не было средствъ помочь; съ другой—молодой бездушный развратникъ, друзьями котораго сдѣлались всѣ недруги его отца. Регенство принца Вельскаго, которое при другихъ обстоятельствахъ показалось бы самымъ простымъ и естественнымъ исходомъ, теперь представлялось насльдственнымъ захватомъ: сынъ съ живаго еще отца собирался сорвать королевскій вѣнецъ. Питтъ, воспользовавшись раздраженіемъ, вызваннымъ этою странною точкой зрѣнія, вывелъ споръ изъ области личныхъ вопросовъ и такъ высоко поднявъ его въ область теорій, что въ эти памятные ночи получило начало новое конституціонное право. Составляетъ ли регенство абсолютное право?—спрашивалъ Питтъ у парламента.—Не есть ли это нѣкоторая передача права, нѣкоторый фидеикомиссъ? На это Фоксъ, апостолъ народовластиа, превратившійся на этотъ день въ защитника идеи торизма, спѣшилъ отвѣтить: «Регенство такое же право, какъ и самая королевская власть, изъ которой оно истекаетъ». Въ свою очередь Питтъ, защитникъ прерогативы, возражалъ, что королевская власть есть порученіе, а верховная власть, неотъемлемая и нераздѣлимая, пребываетъ у націи, представляемой парламентомъ. Это положеніе одержало верхъ, и регенство было ограничено столь тѣсными рамками, что власть его почти сводилась къ нулю. Впрочемъ, ему не пришлось вступить въ управленіе: король выздоровѣлъ и снова принялъ власть въ свои руки. Понятно ли ему было, что власть эта нравственно ослабла? И что подумалъ онъ о тѣхъ странныхъ средствахъ, какими молодой министръ защищалъ право своего государя? Никто не зналъ или не хотѣлъ сообщать этого, и потом-

ству остается только догадываться. Но общее настроеніе было таково, что Георгъ III вынужденъ былъ поздравить Питта по поводу выказанной имъ энергіи, и съ тѣхъ поръ воля министра не встрѣчала никакихъ препятствій.

Въ то время, какъ тори, вслѣдствіе политической необходимости, починаются вигистскимъ принципамъ, виги, съ своей стороны, съ бѣльшею энергіей, чѣмъ когда-либо, связываютъ наследственную монархію, къ которой они, казалось, уже охладѣли, съ аристократическимъ принципомъ. Отсюда вытекаетъ сближеніе и даже какъ бы смѣшеніе обѣихъ партій. Кто былъ виновникомъ этого чуда? Французская революція. Страхъ, внушенный ею, и то зловѣщее освѣщеніе, въ которомъ представились теперь Европѣ опасности демократіи, довершили выработку этой англійской конституціи, которая существуетъ больше въ идеяхъ и нравахъ, чѣмъ въ законѣ, и которая подходит на политическую туманность, за постепеннымъ сгущеніемъ которой мы слѣдимъ вѣстѣ съ Лекки среди круговорота XVIII столѣтія. Благодаря перу и краснорѣчію Эдмунда Борка, конституція кристаллизуется, наконецъ, окончательно, достигая своей блестящей ясности и неразрушимой твердости.

Я хорошо знаю, что Боркъ не былъ первымъ англичаниномъ своего времени, что онъ не былъ первымъ даже въ рядахъ своей партіи. Въ его рѣчахъ, также какъ и въ сочиненіяхъ его, современники находили напыщенность и присутствіе дурнаго вкуса; они ставили ему въ упрекъ его болѣзненную раздражительность, которая граничила порою съ сумасшествіемъ. Уступая Фоксу въ искусствѣ пренія, онъ не обладалъ также и тою практичностью, тою быстротой и рѣшительностью, которыя нужны для лидера. Но онъ ясно видѣлъ тамъ, гдѣ Фоксъ былъ слѣпъ. Въ чрезвычайный и торжественный моментъ онъ былъ совѣстью и голосомъ Англій,— счастье, которое никогда не выпадало на долю его блестящаго соперника. Тѣ, кто пожелалъ бы познакомиться съ сужденіями и съ поразительными порою пророчествами *) Борка о французской революціи, найдутъ ихъ въ его размышленіяхъ на эту великую тему, въ его *Воззваніи прежнихъ вѣговъ къ новымъ*, въ *Мысляхъ о французскихъ событіяхъ* и *О поведеніи союзниковъ*. Это не летучіе листки, уносимые вѣтромъ, поглощаемые однимъ поколѣніемъ и непонятные для другаго; эти творенія живутъ не только благодаря своей формѣ, какъ *Письма* Юніуса, но и по мыслямъ, которыя характеризуютъ самыя коренныя черты національнаго характера. Все, что происходитъ на свѣтѣ, не принося прямой пользы англичанину, должно служить ему косвенно, доставляя ему зрѣлище или урокъ. Такъ, выводя мораль изъ текущихъ событій французской революціи, Боркъ училъ Англій лучше понимать самое себя. Почему пала французская аристократія и почему англій-

*) Боркъ полагалъ, что революція надолго, а, можетъ быть, и навсегда, уничтожитъ военное могущество Франціи: время показало, правъ ли онъ былъ. Но онъ несомнѣнно былъ правъ, предсказывая крайности революціи и говоря, что изъ нея выйдетъ деспотъ. Только онъ одинъ видѣлъ это ясно и предсказалъ вѣрно съ Екатериною II, которая писала: „Когда явится Цезарь?... Безъ всякаго сомнѣнія, онъ явится“.

ская аристократія должна жить? Французская знать представляет собою закрытую касту, англійская знать есть слявки націи, постоянно подновляемыя. Во Франціи продають дворянскіе патенты какиѣ-нибудь разбогатѣвшимъ откупщикамъ. Правилентъ ли и хорошъ ли такой подборъ? Великій законъ жизни есть кровообращеніе, и общественные организмы подчинены ему такъ же, какъ и индивидуальныя. Недостаточно вводить новые элементы,—надобно еще удалять элементы истощившіяся. Французская аристократія считаетъ своимъ самага младшаго, исхудалаго члена семьи и дѣтей его правнуковъ до тѣхъ поръ, пока послѣдній отпрыскъ выродившейся линіи не утаснетъ отъ горя и бѣдности, сохранивъ свое дворянское достоинство. Совершенно иное у англійской знати: выйти оттуда еще легче, чѣмъ попасть въ нее. Понемногу обогащаясь талантами изъ низшихъ социальныхъ сферъ, она освобождается отъ переполненія, возвращая въ разночинцы всѣхъ своихъ членовъ, кромѣ одного лица, предназначеннаго для поддержки имени и титула. Даже старшій сынъ лорда, который въ свою очередь тоже будетъ когда-нибудь лордомъ, сначала только *commoner*, и это первичное его состояніе есть социальная и политическая школа, гдѣ онъ знакомится съ идеями, чувствами, интересами и нравами управляемаго класса. Такимъ образомъ, эта аристократія пускаетъ свои корни въ самое сердце націи и питается народнымъ сокомъ. Во всѣ историческія эпохи она отождествляетъ себя съ народомъ. Французская знать довольствуется тѣмъ, что жертвуетъ своею особою на полѣ сраженія. Англійская аристократія несетъ всѣ налоги: налогъ деньгами, налогъ кровью и, въ особенности, налогъ временемъ, самый тяжкій изъ всѣхъ. Она съумѣла убѣдить націю, что управление не есть право, а тяжелая обязанность, и сословіе, добровольно и даромъ возлагающее ее на себя, заслуживаетъ не зависти, а благодарности со стороны другихъ классовъ.

Таковы мысли Борка, нѣсколько подновленные Лекки; таковы также идеи, во всей чистотѣ исповѣдывавшіяся каждымъ англійскимъ джентльменомъ до реформы 1832 г.; такими же остались онѣ съ этой реформы до гладстоніанскаго движенія, только съ прибавкой нѣкоторой дозы континентальнаго либерализма. Возрастающій приливъ демократизма почти потопилъ ихъ.

Любопытно сравнить въ 1789 году чувства трехъ главныхъ политическихъ дѣятелей Англійи по отношенію къ нашей революціи: Боркъ, съ его враждой и зловѣщими предсказаніями; Фоксъ, съ его энтузіазмомъ и дилеммами, и Питтъ, съ его холоднымъ пренебреженіемъ, почти индифферентизмомъ. Дружба втораго по отношенію къ намъ была такъ же сильна, какъ и ненависть перваго, и только третьему суждено было нанести намъ самыя тяжелыя удары, самыя неизлечимыя раны. Вмѣстѣ съ Лекки остановимся на минуту на этомъ великомъ противникѣ Франціи. Прежде всего, былъ ли онъ такъ великъ? И какиѣмъ образомъ сдѣлался онъ противникомъ Франціи?

«Главнымъ недостаткомъ Питта, — пишетъ Лекки, — была гордость». Остается только перемѣнить одно слово: она была его главнымъ достоин-

ствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, именно она послужила ему рекомендаціей въ глазахъ англичанъ какъ того времени, такъ и нашего. Полагаемъ, надо обладать громадною гордостью, чтобы воплощать съ своимъ лицѣмъ и вести за собою пятнадцать милліоновъ гордецовъ. Но не смѣшивайте этого чувства съ тѣмъ громаднымъ министерскимъ тщеславіемъ, которое можно встрѣтить въ другихъ странахъ и въ другое время. Гордость Вилльяма Питта другаго сорта. Онъ не хочетъ ни почестей, ни денегъ, ни женщинъ: онъ хочетъ быть господиномъ, только и всего. Натура этого человѣка покрыта тайной; любопытно было бы ее изслѣдовать, но для этого не хватитъ матеріаловъ. У него есть внутренняя жизнь, но туда нельзя проникнуть: входъ туда закрытъ для исторіи. Единственная слабость, которая за нимъ извѣстна, это — его домашнія выпивки съ кумомъ и пріятелемъ Дундасомъ. Когда они напивались до пьяна, приходилъ лакей, почтительно подбиралъ обомъ министровъ и укладывалъ ихъ спать. На-завтра государственныя дѣла шли своимъ порядкомъ. Питтъ не понималъ любви ни въ какомъ смыслѣ этого слова: онъ думалъ жениться на m-lle Неккеръ, — этимъ, мнѣ кажется, все сказано. Странное явленіе представляетъ собою этотъ министръ-дѣвственникъ, который по своей странной стыдливости похожъ былъ болѣе на старую дѣву, чѣмъ на стараго холостяка. Мало было чертъ мужественности въ этой натурѣ, такой сильной, смѣлой и рѣшительной.

Какъ объяснить себѣ эту смѣсь необыкновенной рѣзвости, доходящей до мальчишества, съ необыкновеннымъ высокоуміемъ въ манерѣ держать себя, которое заставляло всѣхъ держаться на почтительномъ разстояніи? Меньше чѣмъ за три года до своего премьерства онъ, пріимѣшавшись къ толпѣ буйновъ, выбиваетъ камнями стекла у лорда Норта. Шатобрианъ (около 1795 г.) рисуетъ намъ хорошій портретъ съ него. Мы видимъ его выходящимъ изъ простенной кареты, остановившейся передъ дворцомъ. Онъ весь въ черномъ. Блѣдный, съ поднятымъ вверхъ носомъ и съ шляпой подъ мышкой, онъ перескакиваетъ черезъ четыре ступеньки по лѣстницѣ, которая ведетъ къ королю. Чарльзъ Нэпиръ въ своихъ воспоминаніяхъ знакомитъ насъ съ нимъ еще ближе. Онъ играетъ съ своими маленькими племянниками, Стангопами. Дѣти преслѣдуютъ Питта съ кускомъ жженой пробки, чтобы замазать ему лицо: онъ защищается съ помощью подушекъ. Вдругъ докладываютъ о двухъ членахъ кабинета. Питту стѣбитъ только провести мопроу губкой по фвізіономіи, чтобы виѣстѣ съ природнымъ цвѣтомъ лица возвратить себѣ и то самодержавное выраженіе, которое ему свойственно; сами дѣти поражены, видя превращеніе товарища ихъ игръ въ перваго министра.

Два раза въ своей парламентской жизни онъ волнуется и выказываетъ признаки нетерпѣнія и печали. Первый разъ это случилось въ бурное начало его министерства. Раздраженный могуществомъ оппозиціей, онъ вспылилъ, кровь бросилась къ его блѣднымъ щекамъ, въ глазахъ засверкалъ бѣшенный огонь. А Шериданъ подхватилъ тономъ нянюшки, которая бранитъ ребенка: «фи! гадкій мальчишка, онъ сердится». Второй случай

былъ двадцать лѣтъ спустя: когда обвиняли въ лихомствѣ стариннаго друга его Дундаса (сдѣлавшагося лордомъ Мельвиллемъ), онъ отвернулся, чтобы скрыть слезу. Единственную слезу, которая не имѣетъ себѣ подобной въ этой жизни, изсушенной политикой! Да и въ эту минуту онъ уже близокъ былъ къ смерти: эта слабость нервовъ выдала себя первымъ признакомъ. Но если отбросить въ сторону два эти проявленія слабости, онъ былъ безстрастенъ. Можно упрекнуть его въ томъ, — говоритъ Лекки, — что у него «какъ будто не хватало сердца». Но историкъ сейчасъ же снисходительно прибавляетъ: «можетъ быть, если бы у него было сердце, оно послужило бы помѣхой для отправления другихъ его способностей».

Естественное послѣдствіе этого, что краснорѣчіе его безжизненно и не сообщается съ душевными движеніями массы. «Никогда ни одной картины, ни одной оригинальной мысли». Еще въ университетѣ Вильямъ Питтъ подбираетъ коллекцію фразъ. Для него самый великій ораторъ тотъ, который обладаетъ наибольшимъ количествомъ словъ. Можетъ быть, онъ правъ; можетъ быть, этотъ жалкій рецептъ стоилъ всей древней и новѣйшей риторики. Онъ продолжаетъ свое образованіе на парламентскихъ хорахъ. Онъ слушаетъ каждого оратора и говоритъ себѣ: «Какъ бы я поступилъ, чтобы лучше расположить или сильнѣе выразить его аргументы? Какъ бы я взялся за ихъ опроверженіе?» Когда наступилъ его чередъ выступить на арену, онъ уже набилъ себѣ руку въ искусствѣ уничтожать своего противника простою подтасовкой его мыслей. Его многословіе то помогаетъ, то вредитъ ему: оно позволяетъ ему избѣгать компрометирующей точности, оно отдаетъ въ его распоряженіе тѣ двусмысленныя формулы, которыя выручаютъ министровъ въ политическихъ затрудненіяхъ; но оно часто утомляетъ аудиторію. Его монотонное произношеніе портитъ эффектъ, производимый музыкальностью его голоса; но у него есть великій талантъ, — талантъ неоцѣнимый въ парламентскомъ дѣятелѣ, — искусство съ точностью угадывать настроеніе палаты. Сколько ораторовъ, одаренныхъ лучшими способностями, нежели онъ, не могли приобрести вліяніе по недостатку этого умѣнья или этого инстинкта!

Боркъ окрестилъ его великолѣпною посредственностью, и если прилагательное черезъ-чуръ лестно, то существительное не слишкомъ жестоко. Да, онъ былъ посредственностью и, какъ всѣ посредственности, любилъ окружать себя ничтожными людьми. Онъ не выдвинулъ ни одного человѣка, не послужилъ ни одной великой идеѣ. Была минута, когда Вильберфорсъ думалъ, что можетъ рассчитывать на него въ своей благородной борьбѣ противъ рабства. Питтъ спрятался и оставилъ своего друга въ бѣдѣ: Вильберфорсъ, ославленный фантазеромъ и «помѣхой» парламента, встрѣтилъ глухую вражду, надолго отсрочившую осуществленіе его гуманной мечты.

По вопросу объ избирательной реформѣ Питтъ одно время питаетъ нелѣпую идею создать специальный капиталъ для выкупа избирательнаго права у гнилыхъ мѣстечекъ: какъ будто политическую монополію можно упо-

добить частной собственности. По вопросу о терпимости онъ общалъ ирландскимъ католикамъ гражданскую полноправность, а когда настало время исполнить обѣщаніе, онъ отдѣлался подъ предлогомъ упорства короля. Онъ былъ посредникомъ въ неравномъ бракѣ, называемомъ союзомъ между Англійей и Ирландіей, который въ наши дни окончится, если не *séparation de corps*, то, по крайней мѣрѣ, *séparation de biens*. А его финансовая политика? Ее очень хвалили; но Гамильтонъ въ Англии и Ж. Б. Сэй у насъ оцѣнили ее по достоинству и окончательно. Ее можно резюмировать такъ: десять лѣтъ ненужной и ошибочной экономіи по химерическому и дѣтскому плану *) и еще десять лѣтъ излишняго мотовства. Питтъ, говорятъ намъ, обладалъ особенною памятью, которую можно было бы назвать дѣловою; онъ съ удивительною быстротою справлялся съ цифрами. Это недурно для парламентской практики; но можно ли претендовать на званіе истиннаго финансиста только потому, что умѣешь замазать огромный дефицитъ тощими доходами съ двухъ-трехъ курьезныхъ налоговъ, вродѣ сбора съ собакъ или налога на пудру, результатомъ которыхъ было возвращеніе англичанамъ натурального цвѣта волосъ и обращеніе муки къ ея естественному употребленію? Настанетъ день, когда Шериданъ крикнетъ ему на весь парламентъ: «Ни одинъ министръ не употребилъ столько усилий, сколько вы, чтобы увеличить налоги страны и уменьшить ея вольности!» Вторая половина этой ораторской антитезы представляетъ банальное обвиненіе, которое все оппозиціи бросаютъ въ лицо всеѣмъ правительствамъ. Первая половина неопровержима.

Легки хвалить безъ оговорокъ внѣшнюю политику Питта, до того момента, когда Англія входитъ въ коалицію. Заслуженны ли эти похвалы? Чтобы судить о какой-нибудь политикѣ, надо сопоставить программу и ея исполненіе, сравнить намѣренія и результаты. И такъ, чего хотѣлъ Питтъ и что онъ сдѣлалъ? Онъ хотѣлъ стать во главѣ союза нейтральныхъ державъ, въ которомъ Пруссія должна была занять второе мѣсто послѣ Англіи, а Голландія вошла бы въ качествѣ помощницы. Эта лига ставила себѣ цѣлью поддерживать миръ на континентѣ и равновѣсіе въ Европѣ. Она волей-неволей должна была покровительствовать Австрійской монархіи—этой худо построенной державѣ, распатанной со всеѣхъ сторонъ, побѣдоносной на Дунаѣ, съ трудомъ защищавшейся въ Галиціи и Нидерландахъ. Англо-прусская лига должна была, ни съ кѣмъ не ссорясь, препятствовать намѣреніямъ двухъ великихъ державъ прошедшаго и будущаго: Франціи и Россіи. Чтобы уничтожить вліяніе первой въ Нидерландахъ, надобно было произвести реставрацію принца Оранскаго и уничтожить *patriotes*, из-

*) Этотъ планъ, принадлежащій д-ру Прайсу, состоялъ въ томъ, чтобы образовывать и увеличивать съ году на годъ капиталъ для погашенія государственныхъ долговъ, проценты котораго присоединялись бы къ капиталу до тѣхъ поръ, пока не составитъ сумма, достаточная для окончательнаго выкупа. Они не догадывались, что все эти деньги брались изъ кармана плательщиковъ податей, такъ какъ изъ сбора податей государство выплачивало само себѣ проценты *Sinking Fund'a*.

вѣстияхъ своими французскими симпатіями; въ особенности слѣдовало предупредить подчиненіе Бельгій французскому владычеству, — мысль, о которой въ политикѣ шелъ уже разговоръ еще за сорокъ пять лѣтъ до ея осуществленія. Наконецъ, чтобы держать въ рукахъ Россію, слѣдовало гарантировать неприкосновенность Оттоманской имперіи; возбудить претензіи Швеціи, во главѣ которой стоялъ смѣлый и пылкій государь; попробовать закрыть раны наувѣченной Польши и такъ или иначе оживить этотъ остатокъ націи. Намыная политика, чтобы не сказать хуже! Трудно было предписать *status quo* и неподвижность лихорадочной Европѣ 1789 г., которую заравъ терзали революціонныя идеи и монархическія претензіи. Было болѣе чѣмъ странно выбрать орудіемъ для этой миролюбивой политики самую безстыдную по своей прозорливости державу. Питтъ не понималъ своего времени и своего союзника. Скоро волкъ, переодѣтый въ овчарку, показавъ свои зубы, началъ на агнать и напугавъ пастуха: хорошая тема для басни во вкусѣ Лафонтена.

Первая половина программы была приведена въ исполненіе съ чисто-прусскою точностью. Нѣмецкіе штыки отдали принцу Оранскому его quasi-королевство, и Франція, уже парализованная внутренними смутами, не смѣла двинуться. Борьба нейтральныхъ державъ противъ русскаго вліянія дала менѣе блестящіе результаты. Густаву III, котораго вынудили противъ Россіи *), скоро надобно служить игрушкой англо-прусскихъ интригъ и онъ заключилъ верельскій миръ. Я не считаю также дѣломъ Питта систовскій договоръ, который залѣпилъ примиреніе Австріи съ Турціей; этотъ договоръ достаточно объясняется переменой государя въ Австріи и приближеніемъ французской революціи. Яскій миръ, продиктованный Портѣ Екатериною II, нанесъ прямой ударъ англійской политикѣ. Тогда, такъ же какъ и теперь, Турція предпочитала отдаться въ руки своей могущественной противницы, чѣмъ рассчитывать на отдаленное и сомнительное покровительство. Но вотъ что еще важнѣе: Англія уже почти поссорилась съ своею союзницей, Пруссіей. Это государство выдѣлялось уже своею территориальною прозорливостью, неприимѣрною со времени римлянъ. У всѣхъ она находила что-нибудь отнять для себя: Данцигъ и Торнъ—у Польши, верхнюю Силезію и Галицію—у Австріи; на западѣ она простирала свои воровскія руки къ Юлиху и Бергу; а, можетъ быть, даже и къ Эльзасу, въ

*) Общкновенно полагають вмѣстѣ съ Джеффри, что Густавъ III не кинулся бы въ эту опасную войну, если бы его не толкнули въ нее Англія и Пруссія; что особенно подтверждаетъ эту гипотезу, это та быстрота, съ которой созваніи вмѣшались въ дѣло, когда датская армія изъ Норвегіи нахлынула на Швецію и угрожала Гётеборгу. Легки думать иначе: онъ, ссылаясь на корреспонденцію Кина, англійскаго консула въ Стокгольмѣ, которая хранится въ Record-office, и на переписку между Фразеромъ и Кармартеномъ (въ августѣ 1788 г.). Такъ какъ онъ не приводитъ ни одной строчки изъ этихъ писемъ, то читатель не можетъ выбирать между двумя историками. Поэтому мы считаемъ себя вправе держаться стараго мнѣнія. См. *Geffroy: „Gustave III et la cour de France“* и *Sorel: „La Question d'Orient au XVIII siècle“*.

которомъ протестанты составляли противъ насъ заговоры и который принцы-эмигранты самымъ безстыднымъ образомъ предлагали тому, кто больше дастъ.

Все это не ново для насъ, но все это оспаривалось съ рѣзкостью и наглостью въ чисто-берлинскомъ вкусѣ. Если напишешь въ Европѣ такіа добрыя души, которымъ защита Зибеля внушила нѣкоторыя благоприятныя для Пруссіи сомнѣнія, то я приглашаю ихъ прочесть въ пятомъ томѣ у Лекки отрывки, приведенные имъ изъ переписки тогдашняго англійскаго посла въ Берлинѣ Эварта съ министромъ Гренвиллемъ и младшимъ статсъ-секретаремъ Вланд Бурге. Эта переписка очень поучительна. Досяда обоимъ союзникамъ, взаимно удивленнымъ тѣмъ, что не находятъ другъ въ другѣ тѣхъ безкорыстныхъ и рыцарскихъ доблестей, отсутствіе которыхъ нисколько не удивляло ихъ въ самихъ себѣ,—это черта такого высокаго комизма, который ожидаетъ еще своего Мольера. Въ каждомъ политическомъ союзѣ, такъ же какъ и въ каждой частной дружбѣ, всегда одинъ будетъ эгоистомъ, а другой простофилей. Англія съ незапамятныхъ временъ присвоила себѣ первую изъ этихъ двухъ ролей; Пруссія ни похъ какимъ видомъ не хотѣла второй: отсюда холодность и разладъ. Вотъ почему весной 1792 г., въ моментъ, когда завязывалась коалиція, правительство Георга III оставалось въ отдаленіи, изолированное, беспомощное, сопровождаемое недоброжелательствомъ и недоброжелательствуя само, въ ворчливой и выжидающей позѣ.

Министры Людовика XVI рассчитывали надѣлать чудесъ, воспользовавшись этимъ настроеніемъ: они отправили въ британское министерство Талейрана, только что воротившагося въ міръ епископа, въ сопровожденіи Бирона, несостоятельнаго вельможи, котораго поджидали должники на углу Пикадилли. Черезъ нѣсколько часовъ Биронъ былъ посаженъ въ тюрьму за долги, а Талейранъ, явившійся съ предложеніемъ оборонительнаго и наступательнаго союза, не могъ добиться даже объявленія нейтралитета. Такъ споткнулся великій интриганъ на своей первой интригѣ,—говоритъ это въ утѣшеніе начинающимъ. Съ наглостью, которая превосходила его талантъ, онъ объявилъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ министру Делессару, что онъ въ восторгѣ отъ оказаннаго ему приѣма. По указанію Талейрана, посланъ былъ въ Лондонъ Шовеленъ, неловкія выходки котораго сдѣлались легендарными. Не приближая Шовелена, англійское министерство, въ то же время, энергично поддерживало тотъ самый нейтралитетъ, который оно отказывалось провозгласить формально; оно удерживало въ нейтралитетѣ и Голландію, которая одна еще слушалась его внушеній. Въ это время Питтъ говорилъ Борку: «Такъ будетъ продолжаться до втораго пришествія!» И, общая въ парламентѣ безконечный миръ, удобный для исполненія его финансовыхъ плановъ, онъ удивлялся и почти негодовалъ на то, какъ можно было въ этомъ сомнѣваться. Послѣ 20 іюня лордъ Говеръ, англійскій посланникъ въ Парижѣ, просилъ свое правительство уполномочить его сдѣлать представленіе министрамъ Людовика XVI объ обезпеченіи личной

безопасности короля; въ этомъ полномочіи ему было рѣшительно отказано. Посланникъ былъ отозванъ нѣсколько дней спустя послѣ 10 августа, но безъ всякой поспѣшности, и такъ, чтобы избѣгнуть всякой видимости какого бы то ни было разрыва. Онъ долженъ былъ говорить, что его полномочія прекратились, потому что правительство, при которомъ онъ былъ акредитованъ, перестало существовать. Но, уѣзжая, онъ долженъ былъ утѣрять въ мирныхъ намѣреніяхъ сентъ-жемскаго кабинета. Шовелена, оставшагося въ Лондонѣ, продолжали принимать оффиціозно, хотя и перестали обращаться съ нимъ публично, какъ съ посланникомъ.

Франція, если только можно называть этимъ именемъ то якобинское меньшинство, которое захватило себѣ власть послѣ 10 августа, была представлена за границей очень странными агентами. Талейранъ продолжалъ свои интриги; Шовеленъ представлялъ собою французскую республику передъ лицомъ Фокса, за невозможностью дѣлать это передъ Георгомъ III. Ниже ихъ хлопочутъ нѣсколько второстепенныхъ личностей сомнительнаго достоинства: какой-то Ноэль, какой-то Мурзь, Бандонъ де-Люснаэ, этотъ franc-tireur дипломатин, дѣйствующій на свой страхъ и безъ полномочія. Вполовину дипломаты, вполовину наушники, они шпионятъ одинъ за другимъ, ссорятся, доносятъ другъ на друга и посылаютъ ошеломленному министру всякія донесенія и контръ-донесенія. Только въ одномъ они сходны: это въ совершенномъ незнаніи англійскаго характера и абсолютномъ непониманіи положенія. Въ Гагѣ еще лучше: два негодяя пользуются тамъ своимъ оффиціальнымъ положеніемъ для того, чтобы продавать лорду Окленду тайны французскаго правительства. Среди столькихъ глупостей и низостей лишь одна фізіономія выдѣляется и возвышается надъ всѣмъ этимъ; единственный человѣкъ своею честностью, умомъ, простотою и достоинствомъ произвелъ благоприятное впечатлѣніе на Питта и держалъ въ рукахъ послѣдній шансъ сохранить намъ нейтралитетъ, а, можетъ быть, и дружбу Англій. Это былъ Маре, будущій секретарь наполеоновскаго совѣта, герцогъ Бассано *). Въ несчастію, Маре опоздалъ на двѣ недѣли. Дюмурье завоевалъ Бельгію и угрожалъ Голландіи. 16 ноября французское правительство провозгласило свободу устьевъ Мааса и Шельды; 19 смѣшнымъ декретомъ конвента всѣ народы призывались къ возмущенію. 23 числа депеша Гренвилля къ лорду Окленду дала почувствовать въ первый разъ, что война неизбежна. Здѣсь числа говорятъ все; они точно указываютъ минуту, психологическій моментъ, когда Питтъ мѣняетъ свои виды и намѣренія и, оставивъ свои прежнія мечты о томъ, чтобы быть министромъ мира, рѣшается, или уступаетъ, и дѣлается министромъ войны. Я знаю, что послѣ новыхъ вызововъ со стороны Франціи было еще нѣсколько попытокъ къ сближенію; но съ обѣихъ сторонъ недоставало искренности, у каждой изъ нихъ было принято уже свое рѣшеніе, и даже смерть короля, при всемъ глубокомъ ужасѣ, внушенномъ ею, доставила англійскому кабинету только

*) См. *Vie de Maret, duc de Bassano*, par le baron Ernout.

сагитментальный предлогъ къ тому, чтобы скрасить его разрывъ. Здѣсь Лекки покидаетъ читателя. Мнѣ бы легко было продолжить это исследование дальше его книги. Я бы могъ показать, насколько Питтъ въ своей новой роли былъ ниже аристократа лорда Чатама, подготовившаго побѣду 1759 г., я бы выяснилъ, насколько онъ былъ неспособенъ выбирать планы и людей, и какъ онъ предоставлялъ случаю или генію Нельсона работу объ удовлетвореніи англійскаго самолюбія нѣсколькими блестящими подвигами за цѣлый рядъ дорого стоившихъ неудачъ. Я пошелъ бы дальше, до смертнаго одра Питта, когда въ бреду предсмертной агоніи онъ осудилъ себя самъ, говоря шепотомъ: «О, моя родина! въ какомъ положеніи я оставляю родину!» Но къ чему? Развѣ я не доказалъ уже, что онъ шелъ слѣдомъ за событіями, что онъ не былъ господиномъ своей жизни, а былъ совершенному противоположенъ тому, чѣмъ онъ хотѣлъ быть?

V.

Теперь мы знаемъ основную мысль книги; остается въ немногихъ словахъ пояснить методъ писателя. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы, придерживаясь хронологическаго порядка, группировать факты около великихъ политическихъ и социальныхъ вопросовъ и отыскивать причинную связь, моральную и философскую подкладку во всѣхъ историческихъ событіяхъ. Переходитъ ли власть къ вигамъ или тори,—авторъ прерываетъ свой рассказъ для того, чтобы вкратцѣ сообщить намъ ихъ воззрѣнія и исторію. Упоминается ли объ англійской церкви,—мы немедленно узнаемъ о ея достоинствахъ и недостаткахъ. Выступаетъ ли на сцену аристократія,—слѣдуетъ разсужденіе объ аристократіи вообще и объ англійской въ особенности, о благодѣяніяхъ и проступкахъ аристократическаго правленія. Подъ видомъ исторіи здѣсь нѣкій словарь политическихъ наукъ. Что касается подробностей въ изображеніи событій, то Лекки не гонится за ними, *de minimis non curat*: «Мой канцлеръ доскажетъ вамъ остальное». Здѣсь подъ «моя канцлеромъ» нужно разумѣть Бокса, лорда Стангопа, Адольфа Варда или кого хотите.

Дѣйствительно, это теперь въ модѣ, и разрывъ между двумя исторіями, одна изъ которыхъ рассказываетъ, а другая разсуждаетъ, совершился. Первая пользуется успѣхомъ у книгопродавцевъ, вторая пожинаетъ академическія лавры: читаютъ одну исторію, вѣчаютъ другую. Первая спускается все ниже, вторая продолжаетъ подниматься; одна не видитъ фактовъ, другая тонетъ въ нихъ. Исторія *ad narrandum* живетъ нескромностями, подслушиваетъ у дверей, выспрашиваетъ содержанокъ и дворниковъ, — словомъ, сплетничаетъ заднимъ числомъ. Исторія *ad probandum* часто умираетъ отъ истощенія среди своей важности и славы. Съ Лекки этого не случилось; но и онъ не сумѣлъ уберечься отъ недостатковъ, присущихъ тому роду исторіи, который онъ избралъ. Этотъ родъ, подобно всѣмъ тѣмъ, гдѣ только и употребляются отвлеченіе и обобщеніе, по

преимуществу дидактической и назидательный; все другие стороны ума отсутствуют. Есть, однако же, какая-то странная связь между малыми и великими событиями национальной жизни: какой-нибудь прищивъ, вынесенный изъ кофейни, можетъ такъ же способствовать жестокой войнѣ, какъ и великолѣпная книга. Между причинами, породившими французскую революцію, указываютъ на *Contrat social* и на водевиль, озаглавленный: *Jean-not, ou les battus paient l'amende*. Историкъ-философъ обреченъ на незнаніе такихъ вещей. Народъ—живое существо; чтобы изучить его и разобрать въ немъ, какъ въ анатомическомъ препаратѣ, всевозможныя части его организма, надо, прежде всего, его убить: это самое и дѣлаетъ историкъ-философъ. Такъ же поступаетъ онъ и съ личностями: онъ разбираетъ ихъ, анализируетъ, судитъ, но никогда не даетъ ихъ изображенія. Для примѣра я сошлюсь на страницы о Чатамѣ. Аддисонъ не писалъ ничего болѣе тонкаго, а Маколей—болѣе блестящаго, и будь они искусно переведены на нашъ языкъ, Лекки немедленно былъ бы у насъ признанъ однимъ изъ лучшихъ стилистовъ. Все тутъ есть,—недостаетъ только жизни.

Впрочемъ, Лекки не всегда вѣренъ своей системѣ, только его отклоненія отъ нея не всегда удачны. Онъ пренебрежительно относится къ сплетничанью мемуаровъ и къ болтовнѣ эпистолярнаго слога; рѣдко въ примѣчаніяхъ можно встрѣтиться у него съ именами Гервея, Вальпола, Сельвина, Раксоля и г-жи Арбле. Но зачѣмъ же тогда дѣлать исключеніе въ пользу Честерфильда и герцогини Мальборо? Лекки не отказывается и отъ анекдота, если у него есть основаніе думать, что онъ еще нигдѣ не напечатанъ; онъ удостоиваетъ снисходить до мельчайшихъ подробностей въ описаніи тѣхъ фактовъ, о которыхъ, какъ онъ думаетъ, его предшественники недостаточно распространялись и были не совсѣмъ точны. Отсюда въ трудѣ его попадаютъ несоразмѣрности и непослѣдовательности. Такимъ образомъ, мы довольно близко слѣдимъ за военными дѣйствіями 1702, 1703 и 1704 годовъ; потомъ одною строчкой онъ извѣщаетъ насъ о томъ, что произошло въ промежуткѣ отъ 1704 до 1710 года. Можно ли ожидать, что въ книгѣ, лишенной какого бы то ни было разсказа, встрѣтятся съ подробнѣйшимъ изображеніемъ того, какъ прежніе короли Франціи заболѣвали золотухой, съ воодушевленной картиной осады Барцелоны въ 1714 г. или съ обстоятельнымъ повѣствованіемъ о знаменитыхъ смутахъ 1782 г., извѣстныхъ подъ именемъ *Gordon riots*? Что еще болѣе должно удивить французскаго читателя и что шокировало даже англичанъ, которые не очень требовательны въ вопросахъ вкуса,—это одна странная глава, сосланная Лекки въ самый конецъ его произведенія; въ ней собраны въ большомъ безпорядкѣ мелочныя факты, которыхъ ему не удалось помѣстить въ рамкахъ своей философіи. Въ большихъ домахъ бывають чуланы, въ которые сваливають ненужныя сундуки, ржавыя заступы, беззубыя грабли, рваныя картины, а также иногда собранныя за лѣто яблоки. Последняя глава Лекки напоминаетъ такой чуланъ.

Лекки безстрастенъ. Онъ никогда не терлетъ хладнокровія и не позво-

леть юмору доводить себя до какого-нибудь преувеличенія въ выраженіи; онъ не упивается броженіемъ собственной мысли, какъ Карлейль, Мишле или Тэнъ. Только одинъ разъ онъ меня удивилъ, сказавъ приблизительно слѣдующее: «Умъ человѣческій обладаетъ двумя состояніями—туостью и безразсудствомъ; консерватизмъ служитъ прекраснымъ выраженіемъ перваго изъ нихъ, либерализмъ соответствуетъ второму». Эти удивительныя строки, вѣроятно, написаны имъ послѣ бесѣды съ Карлейлемъ или въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда желчь окрашиваетъ всѣ предметы въ свой цвѣтъ. Такіе дни бываютъ единственными, когда у нѣкоторыхъ людей является талантъ; но если, подобно Лекки, обладаешь талантомъ всегда, въ такомъ случаѣ, на это время надо отложить перо въ сторону и старательно запереть чернильницу. Въ концѣ-концовъ, въ десяти томахъ вотъ единственное отклоненіе этого спокойнаго, установившагося ума. Онъ всегда умѣренъ, благо-разуменъ и безпристрастенъ. Признаюсь, это безпристрастіе заставило меня пережить скверныя минуты; мнѣ кажется, что въ своей вѣчной кроткой снисходительности оно граничитъ съ безнравственностью. Нужно ли всегда устанавливать равновѣсіе между добродѣтелью и порокомъ? Развѣ нѣтъ такихъ недостатковъ, которыхъ ничто не въ состояніи извинить, и такихъ проявленій силы и величія духа, которыхъ ничто не можетъ изгладить? Развѣ не надо вѣрить, какъ въ жизни, такъ и въ исторіи, въ чувство симпатіи и антипатіи, которое заставляетъ насъ сочувствовать или не сочувствовать извѣстнымъ характерамъ? Къ чему полуоправданіе Георга II, этого эгоиста-солдата, или Каролины, этой безсердечной матери и циничной супруги, которая наставляетъ любовницъ своего мужа и дѣлаетъ ихъ воспитательницами своихъ дочерей, или Мальборо, продавшаго свою честь и жизнь своихъ солдатъ, существованіе котораго было рядомъ распутствъ и предательства? Осмѣлюсь сказать историкамъ: берегитесь этого пошлаго и льстиваго безпристрастія, которое подъ микроскопомъ ищетъ обстоятельство, уменьшающихъ преступленіе, и добродѣтелей, скрывающихся въ душѣ мошенника. Пускай говоритъ вашъ гнѣвъ, если онъ справедливъ. Будьте лучше партійными людьми, чѣмъ философами, если для того, чтобы сдѣлаться философомъ, нужно перестать быть человѣкомъ.

Въ Англіи ставятъ въ упрекъ Лекки, какъ излишнюю подробность, тѣ многочисленныя и превосходныя страницы, которыя въ двухъ послѣднихъ томахъ онъ посвятилъ французской революціи. На самомъ дѣлѣ, на него сердятся за то, что онъ призналъ человѣческій, всемірный характеръ этой революціи. Чтобы понять это чувство, надобно знать, — французы, живущіе за границей, знаютъ это слишкомъ хорошо, — какъ мало уважаютъ теперь французскую культуру въ Европѣ. На насъ уже не ссылаются, насъ не принимаютъ больше въ расчетъ; наши книги не переходятъ границы, и иностранные журналы доводятъ до своихъ читателей только закулисное эхо. Право, можно подумать, что при Седанѣ и Рейхсгоффенѣ потерпѣли пораженіе наши писатели, а не наши генералы. Теперь, не довольствуясь лицемерными сожалѣніями о нашемъ упадкѣ, стараются поза-

быть или совсѣмъ не знать о томъ, что было время, когда интеллектуальная гегемонія была въ нашихъ рукахъ и мы мыслили за цѣлый родъ человѣческой.

Можетъ быть, нигдѣ не проявляется такъ ярко это чувство, какъ въ Англии; это замѣтно во всѣхъ классахъ общества. Такъ будетъ продолжаться до того дня, когда на обширной, до сихъ поръ спокойной и неизвѣстной равнинѣ соберутся и построются въ рядъ съ той и съ другой стороны тысячь двѣсти человѣкъ, и вечеромъ нѣмецкія трубы протрубятъ отступленіе къ востоку. Въ ожиданіи этого докторъ Стѣббсъ измыслилъ теорію, которая льститъ національной гордости: онъ догадался, что англичане болѣе нѣмцы, чѣмъ сами нѣмцы. За берлинскимъ тевтонцемъ есть, конечно, свои заслуги, какъ артиллериста и филолога; но истинный тевтонецъ, тевтонецъ въ чистомъ видѣ—это англо-саксъ. Въ награду за это открытіе Стѣббсъ сдѣлался епископомъ честерскимъ.

Но Лекки, если и содержитъ въ себѣ нѣсколько тевтонскаго элемента, во всякомъ случаѣ, смѣшанный тевтонецъ. Знаетъ ли онъ нѣмецкій языкъ? Позволительно усомниться въ этомъ, потому что онъ дѣлаетъ ссылки на Ранке и Зибеля только въ переводѣ. Напротивъ, мы замѣчаемъ у него сходство съ нами по натурѣ и воспитанію. Не говоря уже о греко-латинской культурѣ, которая научила его понимать насъ, нашъ языкъ ему близко знакомъ, и изученіе нашихъ образцовыхъ произведеній повліяло на созданіе его литературнаго идеала. Еще въ ранней молодости онъ уже тѣсно сроднился съ Вольтеромъ, Руссо и энциклопедистами. Онъ перечелъ почти всѣ цѣнныя произведенія о французской революціи, выходяшія въ свѣтъ въ продолженіе пятнадцати лѣтъ (я не называю именъ, такъ какъ ихъ пришлось бы привести слишкомъ много), и громко воздалъ должную справедливость этому необыкновенному труду цѣлаго поколѣнія историковъ. Революція, такая, какою ее изобразилъ Карлейль, является чудовищною сарабандой, гдѣ разнуздываются дьявольскіе страсти и аппетиты; это котель макбетовскихъ вѣдьмъ, гдѣ кипятъ всякаго рода странныя и ужасныя снадобья: можно видѣть, какъ въ сѣрномъ туманѣ всплываютъ отрубленные головы и разбитые троны вмѣстѣ съ разорванными ассигнаціями и париками парламентскихъ совѣтниковъ. Лекки, признавая, что и волканическія изверженія имѣютъ свои законы, изучалъ революцію въ ея отдаленныхъ и непосредственныхъ причинахъ, не какъ ужасный сонъ, но какъ одинъ изъ великихъ логическихъ кризисовъ исторіи; тѣ, которые будутъ читать Лекки послѣ Карлейля, узнаютъ послѣ драмы—философію революціи.

И такъ, Лекки заслуживаетъ уваженіе и симпатію французскихъ читателей. Несмотря на то, что я свободно критиковалъ и часто не схожусь съ нимъ во мнѣніяхъ, я совѣтую вдуматься въ его прекрасныя историческія работы. Сдѣлается ли онъ однимъ изъ свѣтилъ будущаго? По правдѣ сказать, я не думаю, чтобы это случилось. У всякаго мыслителя свое время, и что касается его, то оно уже отошло. Только рѣдкіе умы, приближа-

ясь къ своему завету, внезапно, однимъ прыжкомъ, могутъ стать въ уровень и даже перегнать опередившее ихъ поколѣніе. Я сомнѣвался, чтобы Лехки доставилъ своимъ поклонникамъ и соперникамъ возможность видѣть подобное превращеніе. Онъ относится ко времени, уже удалившемуся отъ насъ,—времени доброжелательныхъ иллюзій и гнѣиваго равнодушія, когда въ философскомъ и религіозномъ мірѣ сонливость принималась за примиреніе. Теперь кончилось это вредное перемиріе. Снова война между двумя непримиримыми элементами, между разумомъ и его врагами. Горе носителямъ миротворныхъ посланій, если они отважатся пойти между двумя враждебными лагерями. Они будутъ разстрѣляны сразу обѣими арміями.

M. C.

Очерки французской жизни.

(Письмо изъ Парижа).

На всемирной выставкѣ.

Хотя до выборовъ осталось всего нѣсколько мѣсяцевъ и бюджетъ еще не вотированъ, а буланжизмъ все еще угрожаетъ своею диктатурой, тѣмъ не менѣе, жизнь Франціи въ настоящую минуту вся ушла въ выставку. Конечно, интересъ къ выставкѣ во многихъ случаяхъ вызывается коммерческими соображеніями. Рестораторы, содержатели гостиницъ, директоры театровъ и разные купцы несомнѣнно видятъ въ выставкѣ выгодный случай зашибить большой кушъ, но для всей націи выставка является грандіознымъ національнымъ праздникомъ, подобный которому можно найти лишь въ лѣтописяхъ древнихъ народовъ. Выставка эта чисто - французское созданіе, и ни въ какой другой странѣ подобное торжество не было бы возможно. Мы на все смотримъ какъ на національное произведеніе, которое намъ такъ же дорого, какъ произведенія нашихъ лучшихъ поэтовъ и художниковъ. Выставка имѣетъ еще то преимущество передъ этими произведеніями, что въ то время, какъ многія изъ нихъ еще недоступны массѣ, выставка понимается и оцѣнивается послѣднимъ крестьяниномъ, явившимся поглядѣть на нее изъ своей далекой глуши. И больше чѣмъ какое-либо изъ величайшихъ произведеній нашей литературы выставка говоритъ каждому изъ насъ: вотъ какъ Франція жила тысячи лѣтъ, вотъ какъ она постепенно росла, вотъ до чего мы дожили, и судите сами, что она еще въ состояніи будетъ сдѣлать.

Центромъ настоящей выставки является Эйфелева башня въ 300 метровъ. Еще года три тому назадъ, какъ только заговорили объ имѣющейся устроиться выставкѣ, явилась идея о новой вавилонской башнѣ. Среди артистовъ и нѣкоторыхъ политическихъ дѣятелей нашихъ возникли протесты противъ этой мысли, которую находили антихудожественной и даже антифранцузской.

— Мы не американцы, — кричали парижане, — мы за колоссальнымъ не гонимся, намъ, прежде всего, нужна красота.

Но инженеръ Эйфель, который уже создалъ не мало красивыхъ вещей, совершенно вѣрно замѣтилъ, что проселочная шоссеиная дорога, пролегающая по долинамъ, лѣсамъ, рѣкамъ, гораздо красивѣе прямой искусственной желѣзной дороги съ ея насыпями и туннелями; между тѣмъ, если бы мы пожелаали представить успѣхи инженернаго дѣла въ девятнадцатый вѣкъ, мы устроимъ модель желѣзной дороги, а не проселочнаго пути.

Пусть гигантская башня изъ длинныхъ красныхъ желѣзныхъ прутьевъ и некрасива, но какое другое произведеніе человѣческихъ рукъ могло бы такъ наглядно представить, въ одно и то же время, и вѣрность математическаго инженернаго разсчета, и успѣхи машиннаго дѣла, и умѣлость рабочаго?

Сто лѣтъ тому назадъ подобное предпріятіе было бы невысказимо, даже двадцать пять лѣтъ тому назадъ оно бы стоило жизни сотни рабочихъ, теперь же, благодаря послѣднимъ усовершенствованіямъ, новая вавилонская башня была воздвигнута безъ малѣйшаго усилія, какъ строится обыкновенный домъ, съ небольшою опасностью для жизни работавшихъ на ней людей.

Рабочіе, какъ парижскіе, такъ и провинціальныя, крестьяне, пріѣзжающіе на выставку, и вообще всѣ тѣ лица, которыя относятся къ выставкѣ искренно, безъ заднихъ мыслей, отдаваясь вполне своему энтузіазму, не могутъ скрыть своего удивленія передъ новою парижскою башней, и поражаетъ ихъ въ этой башнѣ не колоссальность предмета, а то знаніе, которое человечество должно было накопить для того, чтобы сооруженіе подобныхъ предметовъ стало возможно.

Наконецъ, Эйфелева башня вовсе не такъ безобразна, какъ она казалась на первыхъ порахъ, когда была выстроена только на половину, и еслибъ она не заканчивалась круглымъ фонаремъ, а высокимъ острымъ треугольникомъ, стремящимся еще выше, она даже не лишена была бы художественной красоты.

Вообще, впечатлѣніе, производимое башней, различно, смотря по мѣсту, съ котораго на нее смотрятъ. Помѣщается она на Марсовомъ полѣ, у Іенскаго моста, противъ Троядеро съ одной стороны, и Palais de Machines—съ другой. Здѣсь, на полѣ, среди всевозможныхъ построекъ выставки, башня вызываетъ у зрителя какое-то недовольство. Ожиданіе зрителя обмануто. Башня и некрасива, и ничего не говоритъ ни уму, ни сердцу. И происходитъ это оттого, что вы видите только отдѣльныя части, которыя не даютъ никакого понятія о массѣ знанія и труда, употребленной на сооруженіе всего памятника. Только когда вы подходите подъ самую башню и становитесь между ея четырьмя красными гигантскими ногами, изъ которыхъ каждая втрое выше и толще любого парижскаго дома, вамъ кажется, что передъ вами шевелится какое то легендарное животное, спустившееся на этотъ праздникъ, чтобы напомнить намъ, какъ всѣ наши творенія все еще мелки въ сравненіи съ тѣмъ, что создаетъ природа.

Лучше всего смотрѣть на башню изъ окрестностей Парижа или, по

крайней мѣрѣ, изъ Монматра. При этомъ хорошо выбрать солнечный день, когда вся башня отъ подножія до верхушки облита лучами. Благодаря разстоянію, грубое, неприятное желѣзо утончается, и башня во всю длину своихъ 300 метровъ представляется выдѣланной изъ тонкой стали.

Очень красива также башня ночью, когда, освѣщенная краснымъ бенгальскимъ огнемъ, она представляется какъ будто только что вышедшей изъ рукъ циклоповъ. Раскаленная до красна, она вызываетъ образы тысячъ рукъ, которыя ее ковали; такъ и видны всѣ эти горнила, въ которыхъ она зарождалась, такъ и слышится стукъ молотковъ, которые ее собирали, и вся она громко и торжественно звучитъ, какъ величественный гимнъ плодотворному труду.

Этотъ гимнъ труду поетъ теперь не одна башня, вся Франція поетъ его, и въ день открытія выставки никого не привѣтствовали такими радостными поздравленіями, какъ рабочихъ, сотворившихъ Эйфелевскую башню. Вполнѣ сознавая свои заслуги, ходили они большими группами въ этотъ день по выставкѣ, и вездѣ ихъ знамя, трехцвѣтный флагъ съ золотой надписью: *Les ouvriers de la tour Eiffel*, вызывало громкое «ура». Пройдетъ сто лѣтъ и сама башня, не рассчитывающая на долговѣчность, будетъ разобрана, но память этихъ людей, доказавшихъ всему міру, что трудъ и знаніе способны преодолѣть всѣ препятствія, запечатлѣтся навсегда въ исторіи человѣческой цивилизаци.

Такъ какъ я говорю о башнѣ, скажу еще нѣсколько словъ о декоративномъ фонтанѣ Сень-Видала, поставленномъ подъ башней, въ самомъ центрѣ, между ея четырьмя колоссальными устоями. Видалъ, ученикъ извѣстнаго Барро, и въ своихъ созданіяхъ остается классикомъ, и хотя въ отдѣльности каждая изъ фигуръ фонтана отличается красотой, въ общемъ онъ производитъ мало впечатлѣнія.

Изъ середины бассейна на высоту девяти метровъ выдвигается юноша, держащій въ рукахъ факелъ, тогда какъ женщина, въ лѣнливомъ, полуспящемъ состояніи, старается притянуть его къ себѣ. Это Ночь, Невѣжество въ борьбѣ со Свѣтомъ. Фигуры Истины, Исторіи и Милосердія стоятъ въ тѣни, которую бросаютъ на нихъ Меркурій и Сонъ.

Нужно много проникательности, чтобы сразу сообразить философскую идею, которую скульпторъ хотѣлъ изобразить, и потому, несмотря на прекрасныя детали, публика остается часто передъ фонтаномъ въ недоумѣніи.

Вторымъ чудомъ современной металлургіи на выставкѣ является галерея машинъ или, какъ ее называютъ здѣсь, *Le Palais des Machines*.

Представьте себѣ громадное зданіе въ 420 метровъ длины и 145 метровъ ширины, а высотой превышающее извѣстную *Arc de Triomphe*, и все это зданіе—желѣзо, разноцвѣтныя стекла и узорчатые фаянсовые изразцы, держится само собою, безъ малѣйшей подпорки, безъ малѣйшей колонки. Вы обнимаете взглядомъ все это громадное пространство, и глазъ вашъ свободно прогуливается отъ одного угла до другаго. Если математическій

разсчитать для постройки Эйфелевой башни вызывает удивление всѣхъ инженеровъ, то что же сказать о математической смѣлости инженеровъ, впервые показавшихъ намъ, какъ можно создать изъ желѣза и стекла постройку небывалой величины и, въ то же время, небывалой красоты?

Красота Palais des Machines—красота совершенно новаго рода. Здѣсь нѣтъ никакихъ слѣдовъ греческой, готической, византійской или другой какой-либо архитектуры, къ которой мы привыкли. Это совершенно новая архитектура—архитектура смѣлаго человѣческаго ума, не знающаго никакихъ препятствій и довѣряющагося съ гордою самоувѣренностью указаніямъ науки. Безъ этой вѣры въ добытые изслѣдованіями результаты, ни башня, ни галерея машинъ никогда не были бы воздвигнуты, и вся красота, которая исходитъ изъ этихъ гигантскихъ построекъ, есть красота торжества науки. Тутъ наука превратилась въ искусство.

Знаете ли вы, сколько эта металлическая постройка вѣситъ?—7.500,000 килограммовъ; а, между тѣмъ, вамъ кажется, что надъ вами тонкій прозрачный навѣсъ. Каждая изъ двадцати фермъ, на которыхъ покоится это колоссальное зданіе, вѣситъ 240 тоннъ, а глазамъ вашимъ представляется красивая колонна съ узорами, ничѣмъ не нарушающая гармонію всей этой необыкновенной постройки.

Я не специалистъ, а потому не могу указать вамъ, сколь великъ прогрессъ инженернаго дѣла, счумѣвшаго дойти до подобныхъ построекъ; я могу только передать впечатлѣніе, производимое этимъ зданіемъ на обыкновенныхъ смертныхъ. Во всякомъ случаѣ, архитектура девятнадцатаго вѣка нашла свою формулу; вмѣсто громадныхъ, безобразныхъ и неуклюжихъ построекъ послѣдняго времени, Palais des Machines научить насъ строить еще большія зданія, но отличающіяся, въ то же время, простотой, легкостью и оригинальною красотой.

По моему мнѣнію, галерея машинъ несравненно вышее чудо, чѣмъ Эйфелева башня; не говоря уже о томъ, что она ей ни въ чемъ не уступаетъ по отношенію смѣлости созиданія, она въ тысячу разъ красивѣе ея; тѣмъ не менѣе, имя Эйфеля уже извѣстно всему міру, тогда какъ имена гг. Дютера и Контамина, которымъ мы обязаны существованіемъ Palais des Machines, знакомы лишь тѣмъ, кто интересуется узнать эти имена.

Третьею архитектурною приманкой на выставкѣ является центральный куполь, le Dôme Central.

Куполь этотъ, вышиною въ 75 метровъ, украшенъ весьма красивою статуей, уносящею какъ бы всю выставку съ собою и представляющей Францію, раздающую вѣнки. Самый куполь представляетъ прекрасную мозаику изъ полихромическихъ изразцовъ. У основанія купола, съ каждой стороны, уставлено большое миеологическое животное.

По вечерамъ весь куполь освѣщается разноцвѣтными огнями, и невольно переносишься въ какой-то сказочный міръ.

Покоится этотъ куполь на четырехъ пилонахъ; два изъ нихъ со сто-

роны фасада украшены двумя большими головами, изображающими Востокъ и Западъ. На трехъугольномъ фронтонѣ между пилонами нарисованы гербы главнѣйшихъ городовъ Франціи; гербъ Республики, находящійся въ центрѣ, окруженъ двумя статуями, изображающими Науку и Прогрессъ.

Изнутри куполъ представляетъ большую трехцвѣтную кокарду, изъ которой исходятъ волнистые золотые лучи. Кокарда эта заканчивается большимъ стекляннымъ кругомъ, пропускающимъ золотистый теплый свѣтъ. Подъ куполомъ находится очень эффектная фреска, представляющая *народъ всего свѣта, идущіе на выставку*.

Подъ этимъ куполомъ произошла церемонія открытія выставки, и отсюда же мы начнемъ обзоръ отдѣловъ выставки на Марсовомъ полѣ.

Машинная галерея—это крайній пунктъ выставки; она занимаетъ весь конецъ Марсоваго поля во всю его ширину; къ этой галереѣ прилегаютъ съ правой стороны: Galerie des Produits industriels и Palais des Arts Libéraux; съ лѣвой—другая половина Galerie des Produits industriels и Palais des Beaux Arts.

Что касается галереи фабричныхъ произведеній, то она, какъ на всѣхъ вообще выставкахъ, распадается на столько отдѣловъ, сколько странъ приняли участіе на выставкѣ, и въ декоративномъ отношеніи не представляетъ ничего особеннаго. Многие отдѣлы еще не готовы; вездѣ и повсюду снуютъ еще рабочіе, и только французскій, бельгійскій и американскій отдѣлы могутъ уже быть разсматриваемы. Въ русскомъ отдѣлѣ еще кипитъ работа, а пока мы видѣли тамъ только бронзовые издѣлія Шопена и Верфеля да мѣха Грюнвальда.

Les Arts Libéraux—это книжное дѣло, типографія, музыкальные инструменты, хирургическіе инструменты; все это сосредоточено во дворцѣ либеральныхъ ремеслъ.

Но самое интересное въ этомъ зданіи, это—ретроспективная выставка труда. Нашему антропологическому обществу пришла въ голову счастливая мысль выразить добытыя наукой данныя наглядно, въ фигурахъ, и дать намъ понятіе о томъ, что такое было доисторическое производство и какую фигуру имѣли доисторическіе производители. Весьма возможно, что, многія изъ представленныхъ сценъ не совсѣмъ точны; быть можетъ, въ ближайшемъ будущемъ наука многое измѣнитъ, но для настоящаго момента эта выставка доисторическаго труда вполне удовлетворяетъ самаго строгаго антрополога.

Эта коллекція доисторическихъ произведеній состоитъ изъ пяти группъ. Въ первой группѣ человѣческая пара занята выдѣлываніемъ орудій изъ камня. Антропологъ докторъ Гами (Нашу) для возстановленія этой группы пользовался гравюрами, изображающими австралійскихъ дикарей, которые и теперь еще не знаютъ другихъ орудій.

Во второй группѣ мы видимъ уже первыхъ артистовъ, занимающихся, при помощи все еще каменнаго орудія, выдѣлываніемъ фигуръ на олень-

ихъ рогахъ. Тутъ же намъ представляютъ фигуры извѣстной самоѣдской семьи Ханьковыхъ, которая прїѣзжала въ Петербургъ, гдѣ съ нея были сняты фотографическія карточки, на основаніи которыхъ и изготовлены здѣшнія фигуры. Это, такъ сказать, настоящіе живые образы доисторическихъ производителей второй группы. Въ третьей группѣ мы видимъ уже постройку долмена, на которомъ замѣчаются зачатки скульптуры. Одинъ человекъ шлифуетъ каменный шпатель. Другой лѣпитъ горшокъ. Въ четвертой группѣ мы видимъ первые зачатки металлургіи. Мы видимъ, какъ работали люди такъ называемаго бронзоваго вѣка. Вотъ первыя формы, въ которыхъ они выливали всѣ свои инструменты; вотъ и первыя мѣхи, которые не особенно отличаются отъ примитивныхъ мѣховъ, употребляемыхъ еще нынѣ въ нашей глуши. Въ пятой группѣ мы видимъ первыхъ рабочихъ желѣзнаго вѣка. Докторъ Габи взялъ первообразомъ для своей группы двухъ кузнецовъ-негровъ изъ Судана.

Если я скажу, что около каждой группы находится коллекція предметовъ, относящихся къ представляемой эпохѣ, то вы легко поймете, какой интересъ не только для ученаго, но для всякаго любознательнаго человека представляетъ эта выставка антропологическаго общества. Никакія популярныя статьи или книги не могутъ дать такого нагляднаго понятія о нашей доисторической жизни, какъ эти такъ живо и строго-научно изготовленныя группы.

Когда вы хорошенько познакомились съ доисторическимъ производствомъ, вы тутъ же можете видѣть, какъ постепенно исторически развилось то или другое производство, можете видѣть, на какой степени совершенства оно теперь находится въ той или другой странѣ. Вотъ японцы, изготовляющіе свои знаменитыя фарфоровыя издѣлія, и тутъ же египтянки ткуть свои ковры. Вы можете тутъ видѣть, какъ постепенно развивались средства передвиженія людей. Вы видите, какъ первобытный человекъ пробивалъ первую тропинку въ непроходимыхъ лѣсахъ, какъ впоследствии онъ дошелъ до египетской большой дороги, какъ онъ началъ строить мосты и какъ дошелъ до С.-Готардскаго туннеля.

На ряду съ этимъ вы можете видѣть, сколько метаморфозъ произошло съ первою колесницей, прежде чѣмъ она стала тѣмъ экипажемъ, который и теперь постоянно подвергается новымъ перемѣнамъ. Какъ высшая точка развитія дорожнаго пути, намъ представляется полная и подробная исторія желѣзно-дорожнаго дѣла, начиная отъ самыхъ первыхъ шаговъ этого передвиженія до самыхъ послѣднихъ усовершенствованій. Не упущено изъ вида и развитіе мореходнаго дѣла. И что за разнообразіе лодокъ и судовъ! Нѣтъ того порта, того залива, который не имѣлъ бы здѣсь представителя своей флотиліи, и не только мелкія лодочки представлены тутъ, но и модели самыхъ большихъ пароходовъ, со всѣми различными способами отопленія, начиная съ волжскихъ пароходовъ, отопляемыхъ петролемъ, и кончая новѣйшими подводными электрическими барками.

Я уже говорилъ, что въ Palais des Arts Libéraux помѣщены отдѣлы ти-

пографскій и нижній. Вы можете прослѣдить, какъ постепенно отъ листа пергамента человѣчество дошло до новѣйшихъ, роскошныхъ, иллюстрированныхъ изданій. Все это распределено по вѣкамъ, по эпохамъ, отчасти по странамъ, и съ соблюденіемъ указаній, добытыхъ наукой.

Въ этомъ же Palais des Arts Libéraux, наконецъ, вы можете прослѣдить полную исторію химіи; вамъ наглядно показываютъ лабораторію алхиміи, лабораторію Лавуазье и нынѣшнюю лабораторію Бертело. Вы видите все различіе инструментовъ, всю разницу метода, и ясно понимаете, какъ сто лѣтъ тому назадъ наука не могла дать тѣхъ результатовъ, къ которымъ мы пришли теперь.

Прежде чѣмъ перейти къ Palais des Beaux Arts, я скажу нѣсколько словъ объ исторіи *человѣческихъ жилищъ*, помѣщенныхъ на quai d'Orsay и дополняющихъ ретроспективную выставку труда, которую я только что описалъ.

Къ сожалѣнію, устройство этой наглядной исторіи жилищъ было поручено архитектору Гарнье, полагающему, очевидно, что подобную исторію можно создать безъ документовъ и по своей собственной фантазіи. Конечно, большинству публики рядъ египетскихъ, ассирійскихъ и русскихъ домовъ, выстроенныхъ Гарнье, покажется вполне вѣрнымъ истинѣ, но спеціалисты, хотя немного знакомые съ архитектурой каждой страны, сейчасъ же увидятъ, что Гарнье фантазировалъ. Такъ, онъ выстроилъ московскую боярскую избу пятнадцатаго вѣка. Изба изъ дерева, но это, кажется, единственное сходство съ настоящею русскою избой; что касается самой архитектуры, то это такая смѣсь всевозможныхъ родовъ, что трудно даже отгадать, къ какой странѣ принадлежитъ архитекторъ, строившій эту избу. И не только одинъ русскій домъ отличается такою неточностью; древнія постройки тоже показываютъ незнаніе архитектора. Здѣсь, въ нѣкоторыхъ слояхъ, очень опечалены неудачнымъ выборомъ Гарнье для постройки этихъ жилищъ, такъ какъ иностранцы не преминутъ поднять на-смѣхъ эти фантастическія постройки, имѣющія претензію на точную исторію жилищъ.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на крупныя недостатки, ретроспективная выставка жилищъ, въ общемъ, даетъ довольно подробное понятіе о томъ рядѣ усилій, которыя нужны были человѣческимъ поколѣніямъ, чтобы подняться отъ ямы первобытнаго человѣка, черезъ свайныя постройки гельветовъ, до комфортабельныхъ квартиръ современнаго буржуа. Жаль, однако, что исторія жилищъ не была разбита по сословіямъ; крайне интересно было бы прослѣдить, какъ въ каждой эпохѣ жилище измѣнилось для каждаго отдѣльнаго сословія, и тогда яма первобытнаго человѣка очутится, пожалуй, недалеко отъ итальянскаго паловника.

Въ томъ же Palais des Arts Libéraux директоръ всѣхъ французскихъ тюремъ, г. Гербстъ, устроилъ ретроспективную выставку системъ наказаній, начиная съ самыхъ древнихъ временъ до настоящаго дня. Не стану придирается къ г. Гербсту, отчего онъ свою выставку помѣстилъ во дворцѣ либеральныхъ профессій, по той, будто бы, причинѣ, что профессія тю-

ремника—либеральная профессія. Я нахожу идею г. Гербста прекрасною, и мнѣ рѣшительно все равно, гдѣ онъ ее привелъ въ исполненіе.

Г. Гербстъ не довольствовался тѣмъ, что собралъ изъ всевозможныхъ музеевъ всё существовавшія когда бы то ни было орудія пытки, всевозможныя цѣпи, желѣзныя рубашки, кнуты, палки; онъ дополняетъ эту коллекцію многочисленными эстампами, подлинными судебными актами, ярко рисующими намъ картину тюремной жизни. Мы такъ упиваемся реформами послѣднихъ временъ, что забываемъ, что такое была тюрьма почти во всѣхъ странахъ Европы лѣтъ пятьдесятъ всего тому назадъ. Полчаса изученія выставки г. Гербста лучше всякихъ книгъ докажетъ намъ, что уже сдѣлано въ этомъ отношеніи и сколько работы предстоитъ еще на этомъ пути.

Мы советуемъ всѣмъ интересующимся пенитенціарнымъ дѣломъ почаще заглядывать въ Palais des Arts Libéraux. Врядъ ли въ другомъ мѣстѣ можно будетъ еще когда-либо найти такой удобный случай наглядно изучить состояніе тюремъ въ Европѣ. Г. Гербстъ передалъ мнѣ, что онъ потратилъ больше трехъ лѣтъ на составленіе своей выставки, и полученіе документовъ изъ архивовъ было далеко не легко.

Я перехожу теперь къ Palais des Beaux Arts. Какъ доказываетъ свое его названіе, это зданіе посвящено исключительно скульптурѣ и живописи. Какъ и въ другихъ отдѣлахъ, и здѣсь опять главное вниманіе обращаетъ на себя ретроспективная выставка живописи. Такихъ выставокъ здѣсь двѣ: одна столѣтняя, представляющая въ одной большой залѣ лучшія произведенія лучшихъ художниковъ вѣка; другая — десятилѣтняя, составленная изъ картинъ, написанныхъ французскими художниками въ послѣднія десять лѣтъ.

Столѣтній салонъ открывается знаменитою картиною Давида: *Коронація*. Какъ литература той эпохи, и живопись носятъ на себѣ отпечатокъ классицизма. Какъ Наполеонъ корчилъ изъ себя Цезаря, такъ и Давидъ, превратившись изъ революціонера въ куртизана, не рисовалъ ничего другаго, какъ походы новаго Цезаря, и всегда съ классическимъ ореоломъ.

Тутъ же неподалеку мы видимъ Жерико, но не его *Кораблекрушеніе Медузы*, въ которомъ уже проглядываетъ современный реализмъ, а батальную картину, которая совершенно въ духѣ эпохи и даже не даетъ предчувствовать, что Жерико въ состояніи будетъ написать свою *Медузу*.

Но вотъ наступаетъ эпоха романтизма, и Делакруа переноситъ въ живопись всѣ революціонныя стремленія и, въ то же время, всю ненатуральность школы. Къ сожалѣнію, мы здѣсь не имѣемъ лучшихъ его произведеній и должны довольствоваться его *Bataille de Poitiers*.

Эгръ, ученикъ Давида, все еще старается удержать первенство за классицизмомъ, но какъ колоритъ его *Symphorien*'а слабъ и сдержанъ въ сравненіи съ могучею фантазіей Делакруа! Такъ и видно торжество романтика, который въ свою очередь скоро уступитъ мѣсто реалистамъ.

Руссо, Дюпре, Коро и въ особенности Миллье уже подвигаются. Во всѣхъ

отраслях живописи начинается стремление къ простотѣ и правдѣ. Конечно, Горасъ Верне еще угощаетъ буржуа иллюстраціями сраженій, но новое теченіе выставляетъ все больше и больше сторонниковъ и, наконецъ съ *Concours de Pienes* Курбе празднуетъ свое торжество.

Миллье и Курбе—это Додэ и Золя въ живописи; около нихъ вертятся и импрессионисты, и *plein air*исты, но все это, какъ подражатели Золя и Додэ, только болѣе или менѣе талантливые пропагаторы натурализма, новаго же, самостоятельнаго фазиса искусства въ ихъ произведеніяхъ трудно усмотрѣть. Натурализмъ въ искусствѣ—вотъ послѣдній результатъ художественной жизни Франціи за это столѣтіе. Можно еще добавить, что натурализмъ въ живописи здѣсь болѣе здоровый и жизненный, чѣмъ въ литературѣ. Французская натуралистическая живопись не ограничивается одними *Hana*, и крестьяне Миллье живѣе и правдоподобнѣе крестьянъ изъ *La Vene*.

Во всякомъ случаѣ, столѣтній салонъ—лучшее доказательство живучести французскаго народа; нація, которая въ теченіе одного вѣка дала такихъ разнообразныхъ художниковъ, какъ Давидъ, Делакруа, Курбе, Мейсонье, несмыслимо заключаетъ въ себѣ еще много энергіи. Вѣдь, всѣ эти картины свидѣтельствуютъ о бурной исторической жизни, о неустанномъ прогрессѣ въ общественныхъ отношеніяхъ разныхъ классовъ и о высокомъ идеалѣ, къ которому нація стремилась, несмотря на всѣ свои временныя паденія. Если прибавить къ этому, что всѣ эти произведенія, къ какой бы школѣ они ни принадлежали, отличаются красотой и тѣмъ *le fini*, которое какъ бы врождено французскому художнику, то легко понять, почему столѣтнимъ салономъ мы гордимся больше, можетъ быть, чѣмъ всею выставкой.

Кромѣ французскаго отдѣла, въ *Palais des Beaux Arts* имѣются еще отдѣлы иностранные, но я могъ пока только поверхностно познакомиться съ ними и потому предпочитаю лучше ничего не говорить о нихъ. Замѣчу только, что русскій отдѣлъ очень бѣденъ и что весьма жаль, отчего и здѣсь не сдѣлали ретроспективной выставки. Если бы Европа могла увидѣть, въ какое короткое время Россія развилась отъ Брюллова до Верещагина, Крамского и Рѣпина, она бы поняла, какіе успѣхи Россія сдѣлала въ живописи, а то теперь по нѣкоторымъ картинамъ Маковского, Айвазовскаго и другихъ менѣе талантливыхъ художниковъ впечатлѣніе получается довольно низерное и, что всего хуже, невѣрное. При ретроспективной выставкѣ русская живопись могла бы выдержать сравненіе съ какою бы то ни было живописью, теперь же боюсь, что ей будетъ отведено чуть ли не послѣднее мѣсто.

Прежде чѣмъ распрощаться окончательно съ Марсовымъ полемъ, мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о древней Каирской улицѣ, находящейся позади *Palais des Arts Libéraux* и имѣющей большой успѣхъ какъ у парижанъ, такъ и у иностранцевъ. Надо замѣтить, что успѣхъ этотъ заслуженный, потому что здѣсь мы не имѣемъ дѣла съ фантастическимъ воссозданіемъ, какъ въ ретроспективной выставкѣ жилищъ Гарнье, а съ дѣйствительнымъ воспроизведеніемъ древней египетской улицы. Устройствомъ

этой улицы занялся известный археологъ, баронъ Деларъ, много путешествовавшій на Востокъ и собиравшій тамъ коллекцію древнихъ вазъ, тканей, деревянныхъ и желѣзныхъ издѣлій. Все это онъ предоставилъ теперь въ распоряженіе жильцовъ Каирской улицы, гдѣ всѣ посѣтители выставки могутъ ихъ видѣть.

Сама улица—настоящая наглядная этнографическая копія дѣйствительной египетской улицы. Нѣкоторые изъ домовъ этой улицы нарочно привезены сюда египетскими ремесленниками, которымъ посѣтители выставки не преминули дать много заказовъ. Народъ этотъ привезъ съ собою улему, шейха Махомеда, который два раза въ день взбирается на выстроенный для него минаретъ и призываетъ правовѣрныхъ на молитву. Вообще жизнь этой улицы, несмотря на то, что она въ центрѣ космополитической выставки, идетъ тѣмъ же путемъ, какъ будто бы она находилась въ самомъ Каирѣ. Съ этой точки зрѣнія устройство этой улицы весьма поучительно и успѣхъ ея у публики, идущей туда толпами, легко объясняется.

Отъ Каирской улицы вплоть до Сены идутъ павильоны государствъ Крайняго Востока и Южной Америки. Тутъ Японія, Китай, Мексика, Боливія, Гватемала... Всѣ эти отдѣлы еще не готовы, и пока можно только любоваться архитектурой домовъ. Это опять не фантастичная архитектура, а настоящая архитектура странъ, такъ какъ во многихъ случаяхъ павильоны были выстроены архитекторами соответственныхъ странъ. Тамъ, на дверяхъ японскаго отдѣла вы можете понять, что эти художественныя двери, на которыхъ искусною рукой вырѣзаны цвѣты, птицы и другія тонкія украшенія, сдѣланы гг. Кото и Шикала въ мастерской Ко-шо-каши. И не думайте, что это опереточныя имена,—нѣтъ, эти двери присланы изъ Японіи и дѣйствительно сдѣланы вышеназванными рабочими. Нужно ли добавлять, что для художниковъ, скульпторовъ и архитекторовъ этотъ восточный отдѣлъ содержитъ такіа сокровища, которыя можно видѣть только въ тѣхъ заморскихъ странахъ, откуда они сюда привезены? А такъ какъ выставка простоятъ мѣсяцевъ шесть, то желающимъ поучиться и вынести пользу изъ обзора этихъ отдѣловъ не мѣшаетъ поспѣшить.

Оставляю Марсово поле и по узко-колейной желѣзной дорогѣ Декавиля переѣзжаю на Esplanade des Invalides, гдѣ помѣщаются павильоны французскихъ колоній. Между Марсовымъ полемъ и колоніями имѣется еще много построекъ, но большинство изъ нихъ не будетъ готово раньше іюня. Такъ, тутъ помѣщается *Выставка пиши*, которая обѣщаетъ быть весьма интересной. Устроители настоящей выставки вездѣ преслѣдовали полезную педагогическую цѣль. Въ отдѣлѣ пиши не только будетъ собрано все, чѣмъ питается нынѣ человѣчество, но представлено будетъ, какъ и чѣмъ оно питалось въ различныя эпохи. Не нужно, кажется, настаивать на томъ, что отдѣлъ этотъ можетъ интересовать не только гигиенистовъ и экономистовъ, но вообще любознательныхъ людей.

Но переходу къ нашимъ колоніямъ. Всѣхъ дворцовъ тутъ пять: Комбоджъ, Кохинхина, Аннамъ и Тонкинъ, Тунисъ и Алжиръ. Я говорю дворцы потому, что архитекторы воспроизвели для каждаго отдѣла часть особенно выдающагося въ странѣ зданія.

Для Комбоджа архитекторы воспользовались развалинами старой пагоды Ангкаръ-Ватъ, исторія которой никому неизвѣстна и врядъ когда-либо станетъ извѣстна. Теперь эти руины, занимающія пространство около 1,500 метровъ, оставлены всѣми и на далекомъ разстояніи отъ нихъ нѣтъ живой души. Уцѣлѣвшія части доказываютъ о высокомъ состояніи искусства.

Комбоджскій залъ на выставкѣ имѣетъ сорокъ метровъ въ высоту и представляетъ семь крышъ, пирамидально поднимающихся къ центральному куполу, разукрашенному въ восточномъ вкусѣ. На фронтонѣ изваяны всевозможныя сцены изъ комбоджской мифологіи, но интереснѣе всего здѣсь безконечный фризъ, тянущійся вдоль внутреннихъ стѣнъ всѣхъ комнатъ, на которомъ тысячи баядерокъ въ самыхъ сладострастныхъ позахъ пляшутъ и поютъ.

Если теперь вы пожелаете знать, чѣмъ выказалась французская цивилизація въ этомъ краѣ, то отвѣтъ будетъ отрицательный. Я видѣлъ продукты туземцевъ, которые производились тамъ и до пришествія французовъ, но какихъ-либо осязательныхъ результатовъ вліянія нашей цивилизаціи на комбоджскую жизнь, при всемъ моемъ желаніи, я открыть не могъ.

Я не стану вамъ описывать архитектуру остальныхъ Palais, такъ какъ я далеко не специалистъ по этой части; могу только сказать, что всѣ эти зданія вполне вѣрно изображаютъ архитектуру мѣстности, которую они представляютъ, и въ этомъ отношеніи эти постройки кладъ для живописцевъ, архитекторовъ и людей, занимающихся искусствомъ.

Въ этомъ смыслѣ я постарался дать лишь общій обзоръ выставки и указать, главнымъ образомъ, на ея образовательное достоинство. Это послѣднее качество выставки обратило уже на себя вниманіе и другихъ странъ. Лондонскій муниципалитетъ рѣшилъ послать на выставку нѣскольکو сотъ рабочихъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ я уже видѣлъ тутъ и они не могутъ нахвалиться тому мастерству, которое они открываютъ почти во всѣхъ французскихъ продуктахъ. Во всѣхъ отрасляхъ замѣчается необыкновенный прогрессъ. Лондонскіе рабочіе осматриваютъ выставку небольшими группами, останавливаются надъ каждымъ предметомъ, спрашиваютъ, при помощи переводчика, о всѣхъ деталяхъ производства и срисовываютъ въ своихъ записныхъ книжкахъ предметы, наиболѣе понравившіеся имъ. Въ русскомъ отдѣлѣ ихъ очень заинтересовали бронзовыя издѣлія Лансера, и я видѣлъ, какъ они сняли копія съ нѣкоторыхъ статуэтокъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что и другія страны послѣдуютъ примѣру Англіи и пошлютъ на выставку, какъ въ лучшую школу искусства и промышленности, делегаціи рабочихъ. Германія и Австрія пока рѣшили послать офицеровъ, но именно въ военномъ отдѣлѣ менѣе всего можно будетъ видѣть

новаго; по понятному благоразумію, наше министерство рѣшило сохранить въ тайнѣ всѣ послѣднія усовершенствованія военнаго дѣла.

Скажу въ заключеніе нѣсколько словъ о томъ, во что обошлось устройство подобнаго колоссальнаго музея. Парижъ и Франція израсходовали 50 милліоновъ франковъ; экспоненты затратили 150 милліоновъ франковъ,— всего, стало быть, выставка обошлась въ 200 милліоновъ франковъ.

Такъ какъ выставка не простоятъ больше шести мѣсяцевъ, то каждый мѣсяць ея существованія обошелся въ 32 милліона, каждый день — въ милліонъ и каждый часъ—въ 100,000 франковъ.

И всѣ эти чудеса, стоившія такую сумму денегъ, вы можете обозрѣть, заплативъ за входъ на выставку *одинъ* франкъ!

Франко-Славъ.

Парижъ, 30 мая.

ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

XXXVI.

Мартовскіе *Очерки русской жизни* вызвали замѣчанія *Южнаго Края*. Я прочелъ внимательно эти замѣчанія и нахожу, что они не только не измѣняютъ ничего изъ того, что говорилось на ту же тему въ мартовскомъ и другихъ очеркахъ, а, напротивъ, еще подкрѣпляютъ все, что въ нихъ говорилось. Вотъ замѣчанія *Южнаго Края*, которыя я прослѣжу шагъ за шагомъ, потому что дѣло идетъ объ одномъ изъ существеннѣйшихъ вопросовъ теперешняго времени.

Авторъ замѣчаній (г. Г.) говоритъ, что я снова поднимаю старый вопросъ о значеніи учреждений и о значеніи личной нравственности, личнаго усовершенствованія, что все это я дѣлаю по поводу проповѣди гр. Л. Толстаго вообще и по поводу его статьи о Татьянининомъ днѣ въ частности, что я указываю на общее, будто бы теперь существующее стремленіе выдвинуть вопросъ о личной нравственности на первый планъ, что самъ я поклонникъ «учрежденій» и нахожу, что общественная нравственность создается учреждениями, а не выработкой въ обществѣ личной нравственности (здѣсь г. Г. говоритъ немножко за меня,—ну, да это ничего).

Учрежденія ли создаютъ общественные порядки, или ихъ создаютъ нравственные люди и проповѣдники личной морали и добродѣтельнаго житія, вопросъ дѣйствительно старый. Въ эпоху реформъ вопросъ этотъ былъ поставленъ и разрѣшенъ прямо и опредѣленно. Всѣ преобразованія того времени были вызваны фактами неустранимой дѣйствительности, которымъ было неизбежно подчиниться, ибо вопросъ шелъ о нашемъ международномъ и внутреннемъ самосохраненіи.

Но почему же этотъ «старый» и поконченный вопросъ выдвигается теперь снова? *Южный Край*, какъ кажется, въ этомъ сомнѣвается; по крайней мѣрѣ, онъ заставляетъ меня отвѣчать въ такомъ видѣ: «Г. Шелгуновъ,—говоритъ г. Г.,—указываетъ на общее, будто бы теперь существующее стремленіе выдвинуть вопросы о личной нравственности на первый планъ». А почему же не такъ? Если сосчитать всѣ «консервативныя» газеты (начиная съ *Гражданина*), которыя такъ горячо требуютъ нрав-

ственно-совершенныхъ людей (и чего не менѣе горячо требуетъ и *Южный Край*), и присоединить къ органамъ «консервативной» печати еще и органы печати «либеральной», требующей тоже личной нравственности и энергіи, да прибавить сюда проповѣдниковъ новой религіи любви, тоже достаточно поддерживаемыхъ печатью, то едва ли будетъ справедливо сказать объ этомъ умственномъ направленіи, что оно существуетъ «будто бы».

Допустимъ, однако, это «будто бы» и, все-таки, окажется непреложнымъ слѣдующій фактъ. И во время реформъ, и въ настоящее время существовало и существуетъ два движенія мысли: одно въ направленіи внѣшнихъ перемѣнъ (учрежденій), другое въ направленіи единоличнаго нравственнаго усовершенствованія. Эти два движенія исчезать и не думали; въ нихъ только свершилось и должно было свершиться перемѣщеніе центра тяжести, причина чего вполнѣ понятна.

Во время реформъ и консервативная печать, и люди, наиболѣе замоторѣные въ дореформенномъ складѣ мыслей, занимались обсужденіемъ предстоящихъ перемѣнъ. И еще бы надъ перемѣнами не задумываться, когда онѣ били по самому больному мѣсту. Гдѣ ужъ тутъ было думать о личной нравственности или предлагать ее для переустройства общества. Правда, и теперь свершаются очень энергичныя перемѣны. Вглядитесь хотя въ дѣятельность министерства финансовъ, министерства государственныхъ имуществъ, народнаго просвѣщенія, юстиціи—во всѣхъ нихъ свершается энергическая и многообразная работа. При всемъ своемъ многообразіи и энергіи, эта работа, все-таки, частичная, специальная, и потому она не тянетъ къ себѣ общественнаго вниманія.

Въ этомъ случаѣ и наши «консерваторы», и наши «неконсерваторы» одинаково смотрятъ въ сторону общаго, одинаково желаютъ отыскать такую двигающую силу, которая нашей жизни придала бы гармонію, согласіе, стройность, опредѣленность, цѣльность, красоту, благоустройство и для каждаго отдѣльнаго человѣка создала удовлетвореніе, довольство, успокоеніе. Это-то общее руководящее и искомое снова выступаетъ на свою очередь и его, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ считать самымъ серьезнымъ и главнымъ матеріаломъ въ работѣ современной общественной мысли.

Сдѣлавъ изъ моего мартовскаго *Очерка* выписку: «На другой же день освобожденія крестьянъ, суда присяжныхъ и земства открылись во всѣхъ концахъ Россіи живые ключи и совершилось невиданное чудо: внезапно, какъ бы изъ-подъ земли, явились новые люди, которые прежде, несмотря на всѣ обращенія къ совѣсти и чести, ни откуда не появлялись; судьи стали судить честно и неподкупно, воложита кончилась, помѣщики превратились въ земскаго человѣка и покрылъ Россію десятками тысячъ школъ, больницъ; въ народѣ пробудилась потребность знанія, возникло небывалое чувство личнаго достоинства. И все это создано лишь небольшимъ, сравнительно, числомъ перемѣнъ...»,—оппонентъ говоритъ: «Удивительно даже въ такомъ пожиломъ публицистѣ, какъ г. Шелгуновъ, такая странная наивность. Выходитъ, что все произошло какъ бы по щучьему ве-

лѣнію; что предстала сивка-бурка, вѣщая каурка, а Россія въ одно уху влѣзла, въ другое вылѣзла — и стала неузнаваема. Исчезли Чичиковы и Ноздревы, Хлестаковы и городничіе, а водворились «земскіе люди» (ковычки оппонента), праведные судьи, и настали «миръ, благораствореніе воздуховъ и изобиліе плодовъ земныхъ». Но если бы г. Шелгуновъ былъ молодой человѣкъ, такъ что объ эпохѣ послѣднихъ двадцати—двадцати пѣти лѣтъ судилъ по тѣмъ результатамъ, которые видитъ теперь, — и тогда его сужденіе являлось бы примѣромъ непростительнаго легкомыслія. Что же сказать объ этомъ сужденіи, принявши во вниманіе, что г. Шелгуновъ былъ очевидцемъ всего, что совершалось у всѣхъ на глазахъ въ продолженіе послѣднихъ двадцати — двадцати пяти лѣтъ, и, притомъ, очевидцемъ внимательнымъ, такъ какъ въ продолженіе всего этого времени г. Шелгуновъ занимался публицистическою дѣятельностью? Какіе это «новые люди» явились «внезапно, какъ бы изъ-подъ земли»? Кому не извѣстно, что произошло въ шестидесятыхъ годахъ? Произошла очень простая вещь. Всѣ Собакевичи, Хлестаковы, Ноздревы и т. д., подъ вліяніемъ «новыхъ вѣяній», явились въ качествѣ «новыхъ людей»; но не надо было имѣть особой проницательности, чтобы изъ-подъ маски и изъ-подъ костюма «новаго человѣка» замѣтить полы стараго, замасленнаго халата, — замѣтить, что и у обновленнаго Ноздрева тоже одна бабенбарда какъ будто рѣже другой, что обновленный Хлестаковъ такъ же вретъ, только уже на другія темы, что обновленный Собакевичъ такой же кулакъ, но уже съ либеральнымъ отгѣнкомъ, что чиновники остались тѣми же чиновниками, и если потеряли совершенно неудержимое стремленіе къ взяткѣ, то лишь благодаря тому, что приобрѣли столь же неудержимое стремленіе къ окладу, и что «правосудіе» какъ тогда было на послѣднемъ планѣ, такъ и теперь осталось тамъ же. Однимъ словомъ, люди остались тѣ же, общество осталось то же самое, какое было изображено Гоголемъ въ *Мертвыхъ душахъ*, а «реформы», наприимѣръ, судебная, сдѣлали лишь то, что, по крайней мѣрѣ, на время освободили людей честныхъ и порядочныхъ, дали имъ ходъ. Такъ, въ старыхъ судахъ было невозможно не брать взятокъ; надо было или брать взятки, или не служить. Люди порядочные и честные выходили изъ этой альтернативы тѣмъ, что предпочитали не служить. Судебная реформа дала возможность служить и такимъ людямъ, и вотъ они-то, эти люди, внесли въ суды нѣкоторую долю правосудія, которой прежде не было. Но эти люди были созданы не реформою, а именно тою проповѣдью личнаго усовершенствованія, противъ которой такъ возстаетъ г. Шелгуновъ; реформа же лишь дала возможность этимъ людямъ служить дѣлу, сохраняя свое человѣческое достоинство. Да и самыя реформы, въ томъ числѣ и судебная, возникли единственно благодаря проповѣди личной нравственности, личнаго усовершенствованія, а не явились, какъ думаетъ, повидимому, г. Шелгуновъ, «по моему прошенію, по шучьему велѣнію». Вѣдь, надо было, чтобы образовалось достаточное количество людей, сознающихъ безнравственность взяточничества и неправосудія, и тогда только могла явить-

ся мысль о выработкѣ мѣръ противъ взяточничества и неправосудія. Въ томъ-то и дѣло, что реформы, тѣ или другія учрежденія, могутъ лишь очистить мѣсто, создать возможность для дѣятельности людей честныхъ и порядочныхъ, но никакъ не создать подобныхъ людей. Если ихъ въ странѣ нѣтъ, или, лучше сказать, если ихъ нѣтъ въ образованномъ сословіи страны, то никакія реформы ни къ чему не поведутъ. Мы это испытали на собственномъ прижѣрѣ...»

«Почему,—спрашиваетъ г. Г.,—наши реформы — и какія реформы!—остались если не безплодными, то весьма мало плодотворными? Да именно потому, что общество наше и послѣ реформы осталось тоже гоголевское. Почему, напримѣръ, въ послѣднее время у насъ земствомъ, городскимъ самоуправленіемъ почти окончательно завладѣли «промышленники»? Потому, что *людей* (курсивъ г. Г.) нѣту, а которые и есть, тѣ извѣрились въ возможность дѣйствовать среди общества, оставшагося тѣмъ же... Значить,—говоритъ г. Г.,—центр тяжести вовсе не въ реформахъ, а именно въ проповѣди личной нравственности, личнаго усовершенствованія,—въ томъ, чтó встарину называли «образованіемъ ума и сердца», котораго у насъ очень мало. Но «образование ума и сердца» возможно лишь тогда, когда оно приспособлено къ особенностямъ національности, когда въ основу его положена *своя* (курсивъ г. Г.) культура, *свое* просвѣщеніе,—иначе выйдет не образование, а лишь дрессировка. А эти-то: *своя* культура, *свое* просвѣщеніе у насъ спрятаны подспудомъ, ихъ надо отыскивать. Общество само собою не можетъ разыскивать эту, гдѣ-то спрятанную, свою культуру, это, гдѣ-то спрятанное, свое просвѣщеніе; оно воспринимаетъ то, чему его учатъ, и остается выдрессированнымъ на европейскій ладъ, какъ его дрессируютъ въ гимназіяхъ и университетахъ». «Въ этомъ и причина,—заключаетъ г. Г. свою статью,—что у насъ «реформы» какъ-то не удаются, а проповѣдь личной нравственности, личнаго усовершенствованія какъ-то не прививается. Не съ того конца берутся—вотъ въ чемъ дѣло».

Вѣдь, это цѣлая программа, да еще какая радикальная, требующая самыхъ широкихъ общественныхъ преобразованій, кореннаго измѣненія гимназій и университетовъ, *своей* культуры, *своею* просвѣщенія и общественныхъ передѣлокъ съ другаго конца. Такъ далеко я за авторомъ не пойду, а возьму вопросъ ближе.

То, что г. Г. приписываетъ мнѣ сказку о сивѣ-буртѣ, вѣщей кауртѣ, больше ничего, какъ извѣстный полемическій приѣмъ, употребленный ради читателей *Южнаго Края* и въ нашемъ теперешнемъ разговорѣ не имѣющій никакого существеннаго значенія. Г. Г. писалъ для своихъ читателей, я пишу для своихъ—вотъ и все. Но поговорить подробнѣе о «чудѣ» внезапнаго появленія «новыхъ» людей можно.

Спорить о томъ, реформы ли создаютъ людей, или люди реформы, то же самое, что спорить о томъ, что было раньше—кураца или яйцо. Разсуждать о подобныхъ отвлеченностяхъ не дѣло публицистовъ. Публицисты живутъ въ своемъ времени и обязаны говорить лишь о ближайшемъ, на-

сущность, требующемъ непосредственнаго вниманія общества къ его текущимъ нуждамъ, потребностямъ и задачамъ. «Если бы Богъ, протянувъ объ руки, сказалъ мнѣ: въ этой рукѣ истина, а въ этой стремленіе къ ней, я палъ бы предъ Нимъ на колѣни и воскликнулъ: Господи! истина Тебѣ одному, дай мнѣ стремленіе къ ней». Вотъ завѣтъ великаго Лессинга всему, что живетъ и хочетъ жить настоящею жизнью.

А, вѣдь, погоня за накопленіемъ въ людяхъ моральныхъ совершенствъ—та же погоня за истиной. Этихъ совершенствъ намъ не создать ни сегодня, ни завтра, ни во всю нашу личную жизнь, ибо это цѣлая многовѣковая культура, создающаяся накопленіемъ самыхъ многообразныхъ измѣненій въ физическомъ организмѣ. Измѣненія эти свершаются съ такою геологическою медленностью, что въ короткую жизнь одного человѣка ихъ не замѣтить ни въ обществѣ, ни въ отдѣльныхъ лицахъ.

Перемены же, которыя создаются учреждениями, у всѣхъ налицо. И перемены эти наблюдаются не только въ сторону улучшеній, но и въ сторону ухудшеній. Когда въ послѣднее время у насъ усилились самоубійства и въ особенности среди молодежи, наши моралисты, не смущаясь, поставили всѣмъ жертвецамъ нули за поведеніе и сочли этимъ свой моральный долгъ вполне исполненнымъ (и Южнѣй Край поставилъ не мало нулей жертвецамъ).

Предположимъ, что «дрянность» играетъ здѣсь большую роль. Но, вѣдь, если, по утверженію моралистовъ, учрежденія создаются людьми, а не «вѣщею кауркой», то не «вѣщая каурка» создала и эту «дрянность». Вѣдь, 30—40 лѣтъ назадъ этой «дрянности» въ русской жизни не замѣчалось. Въ Пруссіи даже министерство народнаго просвѣщенія признало неудовлетворительность системы гимназическаго образованія и создаваемое ею мозговое переутомленіе. И въ нашемъ министерствѣ просвѣщенія это тоже начинаеть сознаваться.

Но чтобы явилось подобное сознаніе, требовались, конечно, факты. И они, дѣйствительно, давали себя знать изъ года въ годъ въ теченіе двадцати-пяти лѣтъ. Теперь спрашивается, насколько это повторявшееся изъ года въ годъ мозговое переутомленіе, вмѣстѣ съ неопредѣленностью матеріальнаго положенія, нуждою и разными другими трудностями новыхъ условий существованія, создавало нравственное переутомленіе и вліяло на молодѣя поколѣнія вырождающимъ образомъ? Этого, кажется, наши моралисты вычислить не изволили. Они поставили нули жертвецамъ, не замѣтили живыхъ причинъ, которыя эти преждевременныя смерти создали, я, конечно, свое поведеніе наши великодушнымъ, справедливымъ и умнымъ.

Возьму еще одинъ фактъ. При прежней рекрутской системѣ, съ ея двадцати-пятилѣтнимъ срокомъ службы, съ ея жестокими побоями и безпощаднымъ сѣченіемъ, воспитывались и люди жестокіе, вносившіе жестокость и грубость во всѣ жизненныя отношенія. Теперешній солдатъ, незнакомый съ зуботычинами, фухтелями и палками, вернувшись въ свою деревенскую семью, вносить уже иной режимъ, а не тотъ, съ какимъ возвращались такъ называемые николаевскіе солдаты.

Во всѣхъ подобныхъ общественныхъ плюсахъ и минусахъ «проповѣдь личной нравственности и личнаго усовершенствованія» была не причемъ. Воздѣйствіе оказывали совсѣмъ другія причины, и, притомъ, съ такою быстротой, какая совершенно немислима для измѣненій подѣ чисто-моральными воздѣйствіями.

Этотъ споръ, читатель, не о праздныхъ словахъ, а о сущности всего мышленія, о томъ или другомъ взглядѣ на жизнь и на людей. Не все равно, судить ли людей по *своей* совѣсти, какъ это дѣлають наши моралисты, или судить людей по *ихъ* совѣсти. Не все равно, обвинить ли неповинныхъ жертвцовъ и тѣхъ, кто страдалъ при жизни, или обвинить тѣхъ, кто, можетъ быть, этихъ жертвцовъ создалъ и самъ никогда въ жизни не страдалъ. Не все равно, видѣть ли во всѣхъ несчастіяхъ, неудачахъ и вообще во всякихъ минусахъ причину только внутри этихъ самыхъ минусовъ и приписывать все лишь одной личной нравственности, обвиняя слабыхъ, или же искать причины всѣхъ минусовъ внѣ ихъ, а въ минусахъ видѣть послѣдствія, созданныя извѣстными обстоятельствами и жизненными условіями. Это двѣ совершенно противоположныя точки зрѣнія, вырабатывающія двѣ совершенно различныя системы мышленія, два различныхъ отношенія къ явленіямъ жизни, два совершенно различныхъ вниманія и двѣ разныя справедливости.

Все это вопросы общественные и старыя, и, однако, объ этихъ вопросахъ приходится говорить какъ о неизвѣстныхъ и новыхъ. Такъ же, какъ о новости, приходится говорить и о томъ, что я называлъ «чудомъ», а г. Г. обозвалъ сказкой о «вѣщей науркѣ». Нѣтъ, «чудо» не есть «вѣщяя наурка». Напомню читателю такой фактъ.

Когда былъ составленъ проектъ судебной реформы, его разослали на разсмотрѣніе къ разнымъ лицамъ и затѣмъ въ министерство поступило 400 записокъ съ подробными замѣчаніями. Говорятъ, замѣчанія отличались серьезностью, глубиной, знаніемъ жизни и большими теоретическими и практическими юридическими познаніями. Не-ужели всѣ эти четыреста чловѣкъ, обнаружившіе внезапно свою дѣятельную силу, были и враздѣ нашими умственными капиталами? Конечно, нѣтъ. Въ экономическіе капиталы считается только дѣятельная сила, создающая новыя матеріальныя богатства. Миллиарды золота, лежащіе въ сундукѣ, только мертвыя золотыя пласты. То же самое и относительно умственныхъ и нравственныхъ силъ всякой страны. И въ настоящее время, несомнѣнно, въ Россіи есть масса талантливыхъ, честныхъ, благородныхъ и умныхъ людей, которые ничѣмъ не даютъ знать о своемъ существованіи (этого не отрицаетъ и г. Г.). Но можно ли ихъ считать нашими общественными умственными и нравственными капиталами, если они обнаруживаютъ такую же дѣятельность, какую обнаруживали и четыреста нашихъ юристовъ, пока они лежали подспудомъ? Теперь предположите, что всѣ эти хорошіе люди соединяются въ одну общую дѣятельную силу и Россія начинаетъ пользоваться факти-

ческими результатами их честности, ума и благородства. Развѣ это не будетъ «чудомъ»? Развѣ можно утверждать, что это «вѣщая наука»?

Совершенно справедливо (какъ это говоритъ г. Г.), что всѣхъ этихъ людей создало образованіе. Но развѣ школы, гимназій, университетовъ не были именно тѣми учрежденіями, которыя ихъ создали? Общественное образованіе есть только учрежденіе создающее, а чтобы созданныя имъ силы приняли вѣтъ въ общественно-дѣятельное состояніе, нужны опять учрежденія.

Г. Г. говоритъ, что Хлестаковы, Ноздревы и Чичиковы только надѣли на себя другое платье, а, въ сущности, остались все тѣми же Хлестаковыми, Ноздревыми и Чичиковыми. Но и нынѣшніе нѣмцы сохранили вполнѣ національныя черты, о которыхъ говорилъ еще Тацитъ, а развѣ теперешніе нѣмцы похожи на тогдашнихъ дикарей? И мы сохранили свои славянскія черты, но развѣ мы тѣ же, какими были при Рюрикѣ? Неужели было бы лучше, если бы мы такъ-таки и не снимали своего стараго кафтана, если бы Хлестаковы, Ноздревы и Чичиковы остались такими же, какими ихъ описывалъ Гоголь, а нашими дѣлами орудовали бы неизмѣнишіеся Куролесовы, Салтычихи и Затрапезные?

Не о вѣчномъ законѣ человѣческой души тутъ можетъ быть рѣчь, не о той искомой истинѣ, которая составляетъ идеалъ нашихъ нравственныхъ стремленій. Намъ, теперь живущимъ людямъ, этого идеала въ руки не взять, а потому и слѣдуетъ думать и говорить только о томъ, до чего наши руки могутъ достать. Совершенно справедливо, что у насъ много и личныхъ, и общественныхъ недостатковъ, недостатковъ иногда поистинѣ возмутительныхъ. И всѣ они настолько обнаруживаются теперь печатью (преимущественно провинціальною), что если ихъ собрать вмѣстѣ, то волосы встанутъ дыбомъ, вѣрить не захочется, что все это возможно. Но, вѣдь, именно поэтому-то публицисты и не должны закрывать глаза себѣ и другимъ на картины дѣйствительности или устремлять свои очи въ нравственную высь, а должны разъяснять себѣ и другимъ, что, какъ и почему, и будить въ читателяхъ общественныя чувства и возбуждать общественное сознаніе.

Недавно я получилъ отъ П. И. Добротворскаго книжку его «рассказовъ, очерковъ и набросковъ» *). Это наблюденія человѣка, внимательно присматривавшагося къ провинціальной, заводской (кажется, на Уралѣ) и деревенской жизни, и хорошо знакомаго съ тѣми ея темными сторонами, въ которыхъ г. Г. видитъ нѣчто такое дурное, съ чѣмъ будто бы уже невозможно бороться никакими общественными средствами, а остается прибѣгать только къ проповѣди личнаго усовершенствованія.

Я пока оставлю деревенскую среду, о которой не говоритъ и г. Г., а возьму изъ книжки г. Добротворскаго только картинки средняго интеллигентнаго круга, о нравственности котораго съ такою безнадежностью отзывается г. Г.

*) *Рассказы, очерки и наброски П. И. Добротворскаго (Петра Карманова). Сиб., 1888 г.*

Да, читатель, картины страшныя, нравы жестокия, чисто-животныя, зоологическія, не усмотрите вы въ нихъ ни малѣйшихъ зачатковъ общественности, ничего такого, что давало бы бѣдному и слабому возможность жить своею полною человѣческою жизнью.

Имѣете ли вы понятіе, что такое «фабричный быкъ»? «Фабричный быкъ», — говоритъ г. Добротворскій, — есть почти непремѣнная принадлежность всякой фабрики, на которой работаетъ женское населеніе. «Фабричный быкъ» есть такая язва, такое зло, къ которому не должны относиться равнодушно ни правительство, ни общество. Если бы въ нашемъ уголовномъ кодексѣ преступленія противъ женской чести, изнасилованіе и растлѣніе, не обусловливались непремѣнно вчинаніемъ дѣла потерпѣвшему, ея родителями или опекунами, а преслѣдовались помимо воли потерпѣвшихъ, то всѣ «фабричные быки» кончали бы свою жизнь на каторгѣ.

«Роль «фабричнаго быка» чаще всего выпадаетъ на долю одного изъ служащихъ на фабрикѣ: кого-нибудь изъ родственниковъ или близко стоящихъ къ фабричной администраціи. Я не слышалъ, — говоритъ г. Добротворскій, — чтобы въ этой роли фигурировалъ кто-нибудь изъ мужчинъ, работающихъ на фабрикѣ, да, полагаю, что это и невозможно, потому что сами рабочіе расправились бы съ негодяемъ. «Фабричный быкъ» обыкновенно пользуется своею авторитетностью, своимъ независимымъ положеніемъ, а также зависимостью, заботостью и глупостью своихъ жертвъ. Жертвами этого плотояднаго звѣря бываютъ молоденькія дѣвушки, работающія на фабрикѣ. Здѣсь нѣтъ и рѣчи ни о любви, ни о симпатіи. Хорошая, курная и красавица губятся подрядъ...»

Случайно г. Добротворскому удалось познакомиться съ однимъ такимъ «быкомъ», и вотъ какой его портретъ онъ рисуетъ. Потапъ Осиповичъ былъ видный, здоровый мужчина; одѣвался чисто, носилъ длинный черный сюртукъ, жилетъ сверху выпускной косоворотки, ходилъ тихо, мелкими шагами, говорилъ плавно и вообще изображалъ изъ себя кротость, смиреніе и полную благонадежность.

Потапъ Осиповичъ былъ женатъ, имѣлъ дѣтей, занималъ мѣсто конторщика на суконной фабрикѣ, зналъ хорошо грамоту, счетную часть, выписывалъ *Разсеченіе* и *Сынъ Отечества* и даже самъ писалъ обличительныя корреспонденціи, если былъ золъ на кого, и одинъ разъ въ годъ непременно посылалъ въ столицу хозяину какой-нибудь анонимный доносъ.

Это-то животное, давно уже потерявшее и счетъ своихъ жертвъ, заманивалъ ихъ въ свои сѣти разными посулами и денежными приманками. При расчетахъ рабочихъ Потапъ Осиповичъ, обыкновенно, обчитывалъ глухихъ дѣвокъ, не умѣвшихъ часто сосчитать полтины, но намѣченной жертвѣ давалъ больше, чѣмъ она заработала, или же манилъ обѣщаніемъ выхлопотать мѣсто пряхи. Это значить: вмѣсто 3 — 4 рублей въ мѣсяцъ на своихъ харчахъ, получать 5 и даже 7 рублей. Противъ такой приманки рѣдная изъ заводскихъ дѣвушекъ устоявала. Если же Потапу Осиповичу попадалась непокорная, неподдающаяся никакимъ посуламъ и денежнымъ при-

манкамъ, то онъ прибѣгалъ прямо къ насилию. И все это ему сходило, а, можетъ быть, и до сихъ поръ сходитъ съ рукъ.

Это—типъ человѣка чисто-зоологическаго, человѣка-борова; никакой проповѣдью личной морали этой толстой кожи не прошибешь, прошибетъ ее развѣ прокуроръ да уголовный судъ. Наша зоологическая формація въ разныхъ ея видоизмѣненіяхъ представляетъ пластъ очень почтенныхъ развѣровъ и живетъ этотъ пластъ своею внутреннею жизнью, своими бытовыми зоологическими привычками и понятіями, до которыхъ пока не достигъ еще никакой свѣтъ. Вотъ еще факты изъ этой же зоологіи.

Въ одномъ изъ трактировъ Забужья (въ Кавани) кутятъ два купчина. Бутлики они и безобразничали — и, наконецъ, заскучали. Тогда буфетчикъ предложилъ имъ пошутить надъ однимъ изъ пьяныхъ оборванцевъ, который изъ-за бутылки водки позволить сдѣлать надъ собою что угодно. И начали купчики изобрѣтать разные потѣхи. «Пролѣзь подъ столомъ десять разъ за стаканъ водки!» Пролѣзь. «Пройдись по улицѣ, по морозу, въ адамовомъ естествѣ». Это оказалось не совсѣмъ исполнимымъ: во-первыхъ—публика, а во-вторыхъ—полиція. «Нѣтъ, лучше вотъ что: поѣдемъ на Кабанъ и, значить, тамъ ты искупайся». Поѣхали. Три раза оборванецъ погружался въ прорубь съ головою и пока онъ одѣвался, его взерошенные волосы до того замерали, что нельзя было надѣть шапки. Получивъ два двургривенныхъ, оборванецъ побѣжалъ въ кабакъ. А купчики и толпа зѣвали хототали отъ души, такъ это было забавно.

Въ Ельцѣ компанія веселыхъ людей, взявъ ликеру, коньяку и мятныхъ лепешекъ на касторовомъ маслѣ, отправилась за кулисы передъ началомъ спектакля. Артисты приняли съ удовольствіемъ угощеніе, выпили коньяку, ликеру, закусили мятными лепешками, и спектакль начался. Какъ сообщаетъ корреспондентъ, спектакль кончился, однако, ранѣе обыкновеннаго и публика, узнавши секретъ, «гомерически хототала».

Въ Саратовѣ опереточная актриса кидаетъ своей соперницѣ на сцену куклу и два пятака, а въ бенефисъ этой же самой актрисы устраивается ей импровизованный дождь изъ соленыхъ огурцовъ.

Въ томъ же Саратовѣ, въ конгѣ, ѣдутъ два «туза» и нѣсколько дамъ. Увлечшись коммерческими разговорами, «тузы» такъ и пересыпаютъ свою рѣчь непечатными выраженіями. Какой-то господинъ проситъ кондуктора унять ораторевъ. «Я сдѣлать ничего не могу, а попросить ихъ вы и сами можете»,—отвѣчаетъ кондукторъ. }

Въ театальной конторѣ записей, въ Петербургѣ, служатъ дѣвушки. Рассчитывая на то, что дѣвушки должны прочитывать всѣ поступающія письма, петербургскіе «шутники» посылаютъ заявленія, написанныя въ самомъ непристойномъ тонѣ и съ самыми грязными двусмысленностями.

Фельдшерница Дубоссарской больницы посылается докторомъ въ участокъ, гдѣ была эпидемія. Вернувшись изъ командировки, она, съ разрѣшенія того же врача, распорядилась, чтобы ей приготовили ванну. Передъ ванной она завла въ своему сослуживцу—фельдшеру, чтобы попросить тазъ и гребенку.

погь. Смотритель больницы, сидѣвшій у фельдшера, отвѣчаетъ ей: «У меня есть старый ночной горшокъ, не угодно ли помыть свою рожу?» Фельдшерница возразила на эту выходку довольно рѣзко и обратилась къ фельдшеру съ вопросомъ: «А гдѣ ваша сидѣлка?» — «Одна публичная дѣвка ищетъ другую», — сказалъ смотритель. Фельдшерница назвала его мерзавцемъ и ушла брать ванну. Но только что она успѣла раздѣться, какъ ворвался къ ней смотритель, выругалъ ее, повалилъ, схватилъ за косы, выволокъ въ корридоръ и билъ палкой и топталъ ногами, пока фельдшерница не лишилась чувствъ.

Въ Елисаветградѣ свершается смертный приговоръ надъ двумя евреями. Лицо часового, приставленнаго къ ихъ намерѣ, покрыто мертвенною блѣдностью, глаза заволоклись слезой. Ничего звѣрскаго или злодѣйскаго не выражаютъ лица осужденныхъ. «За что, господа, за что?» — спрашиваетъ одинъ изъ нихъ съ укоризной. — «О, господинъ начальникъ, — говоритъ онъ, обращаясь къ начальнику тюрьмы, — помните, что я васъ просилъ». — «Будь спокоенъ, голубчикъ, я все исполню... я все сдѣлаю». — «Извините же меня, ваше благородіе... Кажется, я за все время ничего вамъ непріятнаго не сдѣлалъ». — «Нѣтъ, нѣтъ, грѣхъ сказать». — «Помните же, все отдайте моей несчастной матери... Жена не нуждается...» Осужденныхъ вывели на тюремный дворъ, тюремные надзиратели скрутили имъ назадъ руки и крѣпко перевязали бичевкой. Офицеръ скомандовалъ: «на плечо», секретарь началъ громко и внятно читать приговоръ. Сначала оба осужденные внимательно прислушивались къ чтенію, потомъ одинъ изъ нихъ впалъ въ апатичное состояніе, другой о чемъ-то задумался... Наконецъ, томительное чтеніе было окончено и одному изъ казнимыхъ, Зеліонеру, было позволено выйти на минутку, чтобы проститься съ братомъ... и дикій страшный вопль отчаянія раздался на дворѣ... Вернувшись къ мѣсту казни, Зеліонеръ громко и внятно произнесъ: «Прощайте, господа!» Труны еще качались и вздрагивали, а нѣкоторые изъ присутствовавшей публики закурили папиросы.

Несмотря на разрозненность всѣхъ этихъ отрывочныхъ фактовъ, въ нихъ можно усмотрѣть связь, постепенность, культурный ростъ, прогрессъ. Начинаясь человѣкомъ-боровомъ, зоологическая формація проходитъ цѣлый рядъ культурныхъ измѣненій и кончается своею зоологическою интеллигенціей. Общій признакъ формаціи, что въ ней нѣтъ ни чувствъ, ни понятій, ничего того, что принято называть человѣческимъ. Въмѣсто нервовъ, тутъ мѣдная проволока, вмѣсто чувствъ и мыслей — похоть, то вполне животная, какъ у человѣка-борова, то уже болѣе утонченная, доразвившаяся до нѣкоторой идеи, которую она вноситъ въ свои животно-похотливыя вожделѣнія, то уже и совсѣмъ животно-интеллигентная, возбуждающая свою мѣдную проволоку ощущеніями рафинированной жестокости.

На этомъ низшемъ пластѣ нашей зоологической формаціи лежитъ слой болѣе новаго образованія и дальнѣйшаго культурнаго развитія, гдѣ чистая зоологія возвышается уже до идеи первичной общественности, но тоже только

экономической. Этотъ пластъ широкъ, распространился онъ у насъ повсюду и прожилки его вы встрѣтите вездѣ. Мѣстомъ его первоначальнаго происхожденія нужно, кажется, считать наши восточныя привольныя мѣста, въ которыхъ пріютилась заводская промышленность и гдѣ обстоятельства особенно благоприятствовали развитію людей этого типа — умныхъ, ловкихъ, смѣтливыхъ, которые ко всему могутъ приноровиться, у которыхъ никакое дѣло изъ рукъ не вывалится. «Недаромъ, — говоритъ г. Добротворскій, — люди эти разбрелись по всей землѣ Русской, начиная съ далекой Сибири и кончая Питеромъ и Одессой, занимая повсюду мѣста управляющихъ, конторщиковъ, писмоводителей, дѣлопроизводителей, бухгалтеровъ — у частныхъ лицъ, въ обществахъ, даже на коронной службѣ».

Въ этой средѣ и созданныхъ ею условіяхъ и порядкахъ всякая способность и сила превращаются именно только въ искусство приноровленія. Безъ этого искусства или пропадешь, или будешь съѣденъ, или навсегда останешься на днѣ.

«Фабричный быкъ» по своей грубой животной природѣ живетъ исключительно инстинктами свинской похоти; но слѣдующая за нимъ, уже болѣе умственная форма ищетъ иныхъ удовлетвореній. У нея есть идеалъ въ той «цивилизаци», которая ей понятна лишь въ ея матеріальной, вещественной сущности, въ высшемъ положеніи на ступеняхъ общественной лѣстницы. Это уже начало человѣческаго честолюбія. Живую иллюстрацію типа даетъ г. Добротворскій въ характеристикѣ Тишки Кочергина.

Тишка былъ юркій, ловкій заводскій мальчишкѣ, четырнадцати лѣтъ, съ умнымъ личикомъ, съ черными бойкими глазенками. Онъ состоялъ на побѣгущахъ у управляющаго фабрикой и торчалъ постоянно въ передней. Здѣсь, сидя за столомъ у окна, онъ съ рѣдкимъ терпѣніемъ выводилъ буква за буквой съ прописей, и такъ изощрился въ искусствѣ копированія, что былъ замѣченъ главнымъ конторщикомъ. Конторщикъ доложилъ о своемъ открытіи управляющему, который и приказалъ взять Тишку въ контору.

Попавъ въ контору, Тишка старался угождать конторщику, и очень понравился ему своею смѣтливостью; потомъ онъ подслуживался писарямъ, въ особенности хорошо знающимъ канцелярское дѣло; сдружился съ мальчишками, занимавшимися въ конторѣ, которыхъ любилъ управляющій. Не прошло и мѣсяца, какъ Тишка сдѣлался общимъ любимцемъ.

Не забывалъ онъ и управляющаго, къ которому носилъ бумаги къ подписи, и докладывалъ ему обо всѣхъ беспорядкахъ въ канцеляріи, что дѣлалъ очень ловко. Управляющій, напримѣръ, приказываетъ ему принести изъ конторы книги, счета или справки.

— Слушаюсь! — отвѣчалъ бойко Тишка. — Какъ только Ефимъ Григорьевичъ (конторщикъ) придетъ, сейчасъ скажу ему.

— Какъ! Развѣ его нѣтъ? — спрашиваетъ управляющій.

— Нѣтъ-съ. Они сегодня только на одинъ часъ приходили.

— Кто же тамъ есть?

— Я-съ, Похваловъ, Бряжевъ, да мальчики,—отвѣчаетъ Тишка, исключая себя изъ мальчинокъ.

— А остальные гдѣ?

— Не могу знать-съ!—отвѣчаетъ Тишка и тотчасъ же объясняетъ:— Ефимъ Григорьевичъ, кажется, на охоту ушли. Петровъ и Сомигъ не приходили...

— Ахъ, подлецы! ахъ, мерзавцы!—ругается управляющій, не давая говорить Тишкѣ.

— Антонъ Антоновичъ!—начинаетъ робко Тишка.

— Что?

— Вы ужь, пожалуйста, не говорите, что я вамъ сказала. А то, вѣдь, мнѣ житья не будетъ.

— Хорошо, хорошо! Только смотри никогда не ври, всегда говори правду,—и управляющій суетъ въ руку Тишки двугривенный.

— Ну, Ефимъ Григорьевичъ, бѣда! — говоритъ Тишка, возвратившись въ контору.

— Что такое? Или за вихры тебя отгаскалъ управляющій?

— Нѣтъ-съ! Управляющему кто-то сказалъ, что васъ нѣтъ въ конторѣ. Спрашивалъ меня. Я увѣрялъ, что вы здѣсь,—не вѣрять.

— Сейчасъ пойду къ нему объясняться!—говоритъ, вскакивая, конторщикъ.

— Ефимъ Григорьевичъ, ради Бога не ходите, меня только выдадите...—и объясненіе съ управляющимъ откладывается.

Вотъ порядки, въ которыхъ Тишка началъ свое нравственное самовоспитаніе.

Прошли два года, которые для Тишки не пропали даромъ. Онъ умѣлъ занести бумаги во входящій и исходящій журналъ, могъ написать приказъ, составить «отпускъ», а, наконецъ, изучилъ и счетоводство.

Какъ-то разъ, разбирая книги, Тишка попалъ на какія-то невѣрности и ошибки, которыя и записалъ на бумажку. Сталъ онъ затѣмъ рыться въ книгахъ тщательно и произвелъ цѣлую ревизію канцелярскаго дѣлопроизводства. Всѣ свои замѣчанія онъ привелъ въ систему, переписалъ ихъ каллиграфически и явился съ ними къ управляющему.

— Я къ вамъ, Антонъ Антоновичъ... быть можетъ, это не мое дѣло, но я по моей преданности къ вамъ счелъ долгомъ довести до вашего свѣдѣнія. У насъ въ канцеляріи большіе безпорядки...—и Тишка подалъ управляющему свои замѣчанія.

— И это все вѣрно?—спросилъ Антонъ Антоновичъ, просмотрѣвъ замѣчанія.

— Всѣ эти выписки и замѣтки сдѣланы мною изъ книгъ самолично,—отвѣтилъ Тишка.

— Тобою?!

— Мною, Антонъ Антоновичъ.

Во время ревизіи конторы Тишка дѣлалъ указанія, давалъ объясненія

по всемъ представленнымъ имъ даннымъ и, несмотря на то, что все служащiе смотрѣли на него какъ на предателя, доносчика и шпиона, ни одинъ мускулъ ни разу не дрогнулъ въ его лицѣ и ни разу не измѣнилъ ему его голосъ.

Конторщикомъ былъ сдѣланъ Тишка.

Теперь ужъ онъ назывался Тихономъ Прохоровичемъ; одѣтъ былъ въ настоящiй пиджакъ, по праздникамъ надѣвалъ бѣлую крахмаленную манишку, галстукъ завязывалъ затѣйливымъ бантомъ, а сапоги носилъ съ каблуками и легкимъ скрипомъ. Обращенiе съ конторскими писарями онъ перемѣнилъ разомъ: сталъ требователенъ, говорилъ громко, повелительно и только съ управляющимъ оставался прежнимъ подобострастнымъ Тишкой.

Съ перемѣной положенiя въ iерархической лѣстницѣ и честолюбiе Тихона Прохоровича сдѣлало шагъ впередъ. Онъ началъ читать. Первыми его книгами были *Европейскiя мины и котръ-мины* Самарова да *Петербургскiя трущобы* Вс. Крестовскаго, а изъ газетъ выписывалъ какую-то маленькую. Тихонъ Прохоровичъ очень интересовался внутреннею политикой, но еще больше—биржевыми свѣдѣнiями. Интересовался онъ также описанiями всякихъ торжествъ, приемовъ, баловъ и гулянiй. Онъ сильно сочувствовалъ свободѣ прессы и всякое обличенiе, особенно крупныхъ злоупотребленiй, приводило его въ восторгъ. Если же ему приходилось прочесть о предостереженiи или приостановкѣ журнала или газеты, онъ казался весьма огорченнымъ. «Помигуйте! — говорилъ онъ,—правду, правду говорить запрещаютъ! Да откуда, отъ кого они узнаютъ истину, кто расскажетъ имъ скорбь-то народную, если прессъ-то, прессъ запрещаютъ говорить о ней?»

Прошло шесть лѣтъ и у Тихона Прохоровича назрѣлъ планъ спустить управляющаго. Способъ для этого онъ употребилъ старый: на управляющаго чуть не съ каждою почтой посылались въ Петербургъ безыменные доносы, наконецъ, Тихонъ Прохоровичъ, подъ предлогомъ поѣздки въ Казань, укатилъ въ Петербургъ и вернулся съ полною довѣренностью на управленiе имѣнiемъ...

Теперь Тихонъ Прохоровичъ одѣвается по-европейски, носитъ штюблеты, записки, журналъ выписываетъ, разсуждаетъ о внутренней политикѣ съ апломбомъ, женатъ на дочери купца 1-й гильдiи, за которой взялъ «капиталъ», пользуется почетомъ и уваженiемъ мѣстной и городской «интеллигенци». Но объ его управленiи заводомъ ходитъ дурная молва. Разсказываютъ, напримѣръ, что въ конторѣ обчитываютъ рабочихъ, налагаютъ на нихъ большiе штрафы, плату производятъ не деньгами, а хлѣбомъ и товаромъ; разницу дѣйствительныхъ цѣнъ съ цѣнами, выставленными въ контрактахъ, Тихонъ Прохоровичъ получаетъ въ свою пользу, существуютъ у него и другiе источники дохода и что вообще это мошенникъ и воръ.

Извѣстный Бунаковъ, убiйца Шершавиной, вышелъ въ люди, кажется, тоже изъ заводскихъ мальчиковъ, онъ тоже былъ «уважаемый» и, какъ «уважаемый», былъ избранъ въ предсѣдателя земской управы. Но нравствен-

ныя черты у него съ Тихономъ Прохоровичемъ общія; приемы у нихъ лишь разные. Тихонъ Прохоровичъ предпочиталъ средства мягкія, незамѣтныя, Бунаковъ же—рѣшительныя и отважныя, но ни тотъ, ни другой ни передъ чѣмъ бы не задумались, лишь бы подняться. Правственныхъ сомнѣній для нихъ не существовало, упрековъ совѣсти они не знали, да и взятыя имъ было не откуда.

Оставляя мелкія индивидуальныя различія, въ общемъ, главнымъ, у людей этой формации окажется полнѣйшая однородность въ задачахъ, средствахъ и въ прямолинейной, ни передъ чѣмъ не отступающей смѣлости, съ какой они достигаютъ своихъ цѣлей. У этой формации, какъ и у чисто-зоологической, есть и своя «интеллигенція». Начинаясь какимъ-нибудь Тихономъ Прохоровичемъ или Бунаковымъ, она въ верхнихъ слояхъ считаетъ развившихся на нашемъ просторѣ крупныхъ и мелкихъ расхитителей баширскихъ земель и другихъ «способныхъ» практическихъ дѣятелей, прокладывающихъ себѣ пути къ деньгамъ и къ «уважаемому» положенію.

Очерчена у г. Добротворскаго и еще одна формация,—та формация, которая образуетъ нашу провинцію и ея засасывающую «общественную» среду.

Въ большомъ торговомъ селѣ, въ одной изъ дореформенныхъ губерній, жилъ судебный слѣдователь Андрей Андреевичъ П. съ женою своею Лизаветою Александровною. Андрей Андреевичъ былъ простой, добродушный человекъ, а Лизавета Александровна—умная, милая и очень добрая женщина.

Въ своей службѣ и обязанностяхъ Андрей Андреевичъ относился добросовѣстно и сердечно. Заботы о службѣ были на первомъ планѣ не только у него, но и у его жены.

— Андрей Андреевичъ, да посидите съ нами: дѣло не волкъ, въ лѣсъ не убѣжить,—скажетъ, бывало, кто-нибудь изъ гостей, собравшихся провести у нихъ вечеръ.

— Что вы, развѣ можно? Арестантъ, вѣдь, сидитъ—каково ему?—скажетъ и уйдетъ.

Случалось иной разъ уговорять его остаться, а жена съ вопросомъ:

— Андрюша, смотри. Не будутъ ли ждать тебя люди?

— Нѣтъ, Лиза! Если бы ждали, развѣ бы я остался?

— Смотрите, Андрей Андреевичъ, какъ бы вамъ за это не досталось!—замѣтитъ, бывало, кто-нибудь, узнавши о какомъ-нибудь гуманномъ дѣйствіи или распоряженіи его, какъ судебного слѣдователя.

— Такъ не прикажете ли думать еще объ этомъ, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы погубить или спасти несчастнаго человека?—отвѣчаетъ за Андрея Андреевича Лизавета Александровна.

О добротѣ Андрея Андреевича и Лизаветы Александровны сохранилось въ селѣ много воспоминаній.

Разъ матушка-попадья прислала къ Подзаборкинымъ просить шубу, чтобы отвезти въ городъ больного брата. Жена вздумала было отказать, ссылаясь на то, что болѣзнь заразительная.

— Заразительная болѣзнь! Да если бы и заразительная, такъ не безъ

шубы же везти больного человека! Ты слышала, что батюшка-то шубу увезъ, слышала?—кипятился Андрей Андреевичъ. Шуба, конечно, была дана.

Въ другой разъ у Подзаборныхъ заболѣла кухарка. Ухаживаніе за ней доходило даже до комизма: для больной покупался виноградъ и конфеты.

Вотъ въ это-то время кто-то изъ бывшихъ у нихъ гостей къ слову и скажи: «Ну, какъ она умретъ, Лизавета Александровна? Будутъ, пожалуй, хлопоты, придется вамъ на свой счетъ хоронить...»

Лизавета Александровна поблѣднѣла и даже затряслась отъ негодованія. «Души, говорить, въ васъ нѣтъ! Человѣкъ болѣнь, а вы ужъ и убытки ведумали считать, какіе принести можетъ его смерть... Вамъ какое дѣло? Развѣ васъ заставить ее хоронить? Не васъ?... А мы, мы съ Андрюшей, за тягость для себя этого не сочтемъ...»

Подзаборныхъ всѣ любили; около нихъ группировались чуть ли не лучшіе люди цѣлаго уѣзда, изъ которыхъ многіе, вѣроятно, и теперь вспоминаютъ вечера въ Петровскомъ съ безконечными оживленными спорами о литературѣ, о призваніи нашей интеллигенціи, о нуждахъ народа и т. д., и гдѣ, бывало, въ своемъ кружкѣ одномыслящихъ людей беззаботно и пѣли, и плясали не разъ.

И вотъ послѣ многихъ лѣтъ Андрей Андреевичъ занялъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ губерніи и, оставивъ свое село, гдѣ жилось такъ и просто, и хорошо, переѣхалъ въ губернской городъ. Пренная внѣшняя простота смѣнилась теперь «обстановкой»: у Лизаветы Александровны явился «будуаръ» и у Андрея Андреевича «кабинетъ», а для приѣма «гостиная».

— Видите, какъ мы устроились-то здѣсь?—говорилъ Андрей Андреевичъ одному изъ старыхъ петровскихъ друзей, его посѣтившему. — Нельзя-съ, здѣсь мы, вѣдь, не въ деревнѣ живемъ, людей принимать приходится...

— А тамъ, въ Петровскомъ, ужъ будто бы вы не людей принимали?

— Конечно, людей... Ну, а здѣсь, здѣсь жизнь другаго сорта! Здѣсь распоясываться-то нельзя, здѣсь вѣчно въ крахмалахъ приходится ходить, да-съ!... Къ намъ частенько его превосходительство и запросто заходитъ.

Въ рѣдкія минуты задушевности, которая еще не оставила этихъ нѣкогда простыхъ и добрыхъ людей, Андрей Андреевичъ не безъ горечи говорилъ: «Чортъ знаетъ, что за жизнь! Приходится знаться и принимать людей, къ которымъ не чувствуешь ни любви, ни уваженія». А Лизавета Александровна въ подобныя же минуты откровенности жаловалась, что вѣчно приходится быть не самою собой, что она разучилась даже вѣрить людямъ. Но подобныя минуты бывали рѣдки. Среда, заставлявшая приспособляться къ себѣ, дѣлала свое дѣло. Андрей Андреевичъ даже читать пересталъ, а Лизавета Александровна хотя изрѣдка и читывала, но говорила, что «нынче нечего читать, нынче ни одного журнала порядочнаго нѣтъ». Андрей Андреевичъ былъ послѣдовательнѣе.

— Глухости тамъ только однѣ пишутъ,—говорилъ онъ.

— Какъ глухости?

— Конечно, глухости! Что же, вы думаете, что тамъ чѣмъ-нибудь по-

заимствоваться можно? Все, что они пишутъ въ этихъ книгахъ, только на бумагѣ хорошо, а къ жизни ихъ проповѣди непримѣнны... Да и когда намъ читать, — служба у насъ.

Однако же, и службу свою Андрей Андреевичъ отбывалъ теперь не прежнимъ жизненнымъ образомъ, а какъ школьникъ, который учится для балловъ и награды. Говоря о службѣ, Андрей Андреевичъ говорилъ только о жалованьи и наградахъ. «Слышали, Иванъ-то Иванычъ... председателемъ окружнаго суда назначенъ. Каково!... Следователемъ (тоже былъ, когда я въ Петровскомъ-то служилъ... Жаль, что я министерство юстиціи бросаю, а то бы и я, пожалуй, председателемъ былъ. Впрочемъ, жалѣть нечего: если я здѣсь управляющаго получу, я буду получать больше, квартира одна чего стоитъ». Или: «Слышали, Обезьянину какую денежную награду отвалили?—1,000 рублей! А, вѣдь, ничего, ровно ничего не дѣлаетъ. Ну, да и стоить—ушѣветъ себя показать». Даже Лизавета Александровна интересовалась наградами и повышеніями служащихъ.

Подзаборники давали теперь «вечера», это значитъ—у нихъ играли на нѣсколькихъ столахъ въ карты, а кто въ карты не играли, занимались пересудами, сплетнями, разговорами о нарядахъ. Когда другъ, посѣтившій Подзаборниковъ, напомнилъ имъ о вечерахъ въ Петровскомъ, когда въ карты не играли, а жили интересами мысли: «Съ волками жить, по-волчьи выть», — отвѣтила Лизавета Александровна. А Андрей Андреевичъ прибавилъ: «Молоды-съ были, зелены. Тогда можно было и канитель разводить, а теперь, мой батинька, глупостями-то заниматься некогда, теперь нужно подумать, какъ бы мѣсто управляющаго получить...»

— Неужели ужъ и нѣтъ другихъ интересовъ въ жизни, Андрей Андреевичъ? Да хоть бы то дѣло, которому вы служите... Вѣдь, тутъ интересы цѣлаго края, нужды населенія...

— Интересы населенія!... интересы населенія!... — перебилъ Андрей Андреевичъ.—Все это, мой батинька, мы давно по-боку, давно выкинули за бортъ, какъ никуда негодную утопію. Интересы населенія! ха, ха, ха!...

И Андрей Андреевичъ взглянулъ на своего собесѣдника, точно хотѣлъ сказать: «ничего, братъ, ты не понимаешь...»

Старая тетка, жившая у Подзаборниковъ, объясняла ихъ перемѣну просто: она говорила, что ихъ обошелъ лѣшій.

Г. Добротворскій даетъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ набросковъ, характеризующихъ среду, выработавшую нашъ дѣйствующій русскій законъ общественнаго приспособленія. Какъ Тишка закономъ этого приспособленія выработался въ «уважаемаго» человѣка, какъ Бунаковъ, закономъ того же приспособленія, достигъ тоже «уваженія» и кончалъ расхищеніемъ и убійствомъ, такъ въ средѣ, въ которой очутился Андрей Андреевичъ, законъ приспособленія или обходитъ человѣка, какъ лѣшій въ лѣсу, или человѣкъ, не найдя себѣ мѣста въ природѣ и не приспособившись къ ней, самъ себя выпускаетъ въ тиражъ.

Съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаю тотъ матеріалъ, который въ

разрѣшеніи этихъ вопросовъ представляетъ наша провинціальная печать. Искреннимъ и жизненнымъ словомъ провинціальной печати, которое все чаще и чаще теперь слышится, растутъ и развиваются не только новые умственные центры, распространяющіе свои просвѣтительные лучи все больше и больше, но и кладется начало того умственного коллективизма, въ объединенномъ единствѣ котораго создается новая умственно-нравственная среда, дѣлающая, наконецъ, невозможнымъ ни появленіе «Ивановыхъ», ни жировое перерожденіе Андреевъ Андреевичей.

Въ подкрѣпленіе этой мысли, и чтобы опереться на компетентный источникъ, я сдѣлаю выдержку изъ «Литературныхъ очерковъ» *Саратовскаго Дневника*, дающихъ вполне жизненное (а не литературное или книжное) объясненіе происхожденія людей одного типа съ «Ивановымъ». Это уже не Андрей Андреевичи, а опять форма болѣе высокая, поступательно приближающаяся къ тому активно-вліятельному типу, который, наконецъ, ее смѣнитъ.

«Иванову около 35 лѣтъ,—слѣдовательно, онъ принадлежитъ къ тому же поколѣнію, къ которому принадлежалъ покойный Гаршинъ, пѣвцомъ котораго былъ покойный Надсонъ. Широкія общественныя задачи, свѣтлые принципы правды и красоты, которые выработали себѣ Ивановы, и молодая увлеченія, которыми они жили въ стѣнахъ университетовъ и академій, они понесли въ глухіе закоулки нашего обширнаго отечества, одушевленные желаніемъ примѣнить ихъ къ жизни, облагодѣтельствовать ими своихъ несчастныхъ меньшихъ братьевъ. Дѣйствительная жизнь въ ея обратно-поступательномъ движеніи только разочаровала ихъ. Дирижорская палочка, въ рукахъ руководителей современнаго общественнаго настроенія — «столица отечества» Дерунова и «куроѣда-сердцевѣда» Граціанова—превратившаяся въ тяжелую дубину, больно начала прогуливаться по плечамъ наивныхъ мечтателей. Выразительница общества—текущая пресса, за немногими исключениями, поставила себѣ девизъ: «наше время — не время широкихъ задачъ», бросила, какъ негодную ветوشь, широкіе общественные идеалы и кинулась въ объятія представительницы народившагося «откровеннаго направленія»—газеты «Чего изволите».

«Съ другой стороны, — говоритъ *Саратовскій Дневникъ*, — русская жизнь не могла еще выработать изъ русскаго интеллигента энергичнаго и упорнаго общественнаго борца. Во время крѣпостнаго права заурядный интеллигентъ или фрондировалъ втихомолку, или выработывалъ себѣ по нѣмецкимъ книжкамъ отвлеченные идеалы истины, красоты, не примѣняя ихъ къ дѣйствительности. Освободительная эпоха 60-хъ годовъ промелькнула какъ метеоръ, и уже по своей непродолжительности не могла выдѣлать дѣятелей, за немногими исключениями, способныхъ къ систематической борьбѣ. Послѣдующая эпоха, — эпоха страстной и ожесточенной борьбы двухъ противоположныхъ теченій общественнаго настроенія, — окончилась жестокимъ пораженіемъ по всему фронту такъ называемыхъ прогрессивныхъ партій и выдѣляла массу русскихъ интеллигентныхъ людей, оскорбленныхъ въ

своей святынѣ, униженныхъ и доведенныхъ до отчаянія, переставшихъ вѣрить и въ свои силы, и въ торжество своихъ излюбленныхъ идеаловъ. Въмѣсто активныхъ борцовъ, русская дѣйствительность выработала людей, способныхъ лишь равнодушно гибнуть и безтрепетно умирать.

«Мудрено ли, что, при такихъ условіяхъ общественной дѣятельности, русскіе интеллигенты, отчаявшись въ возможности успѣшной борьбы, недопускающіе сдѣлокъ съ совѣстью, кончаютъ самоубійствомъ, какъ Ивановы, или, какъ другіе Ивановы, доводятъ себя до нравственнаго самоубійства, махнувши рукой на свои неудачныя попытки водверенія на землѣ правды. Какою злобною пропіей надъ самимъ собою и надъ себѣ подобными звучать слова Иванова, обращенныя имъ къ доктору Львову: «Выбирайте себѣ что-нибудь заурядное, сѣренькое, безъ яркихъ красокъ, безъ лишннихъ звуковъ. Вообще, всю жизнь стройте по шаблону. Чѣмъ сѣрѣе и монотоннѣе тонъ, тѣмъ лучше. Голубчикъ, не воите вы въ одиночку съ тысячами, не сражайтесь съ мельницами, не бейтесь лбомъ о стѣны... Запритесь себѣ въ раковину и дѣлайте свое маленькое, Богомъ данное дѣло».

«Много Ивановыхъ, но не всѣ... Да и сами Ивановы, въ своихъ отчаянныхъ исканіяхъ торжества правды, заронили глубоко сѣмена ея въ души молодыхъ, идущихъ на смѣну имъ силъ... Наконецъ, не надо забывать, что на арену общественной дѣятельности только еще начала выступать грядущая, непочатая сила—русская интеллигентная женщина. 10—15 лѣтъ тому назадъ молодыя женщины и дѣвушки широкою волной хлынули къ открытому имъ источнику знанія, твердо побѣждая препятствія въ виду семейныхъ и общественныхъ предрасудковъ. Теперь, какъ врачи, учительницы, фельдшерицы, онѣ несутъ свои знанія, освященные ихъ теплымъ, любящимъ сердцемъ, во всѣ глухіе уголки нашего отечества; облагораживающее вліяніе ихъ натуры смягчить жестока и грубыя проявленія современной дѣйствительности; воспитательницы грядущаго поколѣнія, онѣ сужаютъ вдохнуть въ него живую душу и сдѣлать изъ него честную общественную силу».

Весь этотъ рядъ фактовъ—не литературная или художественная «выдумка». Это—живые факты живой дѣйствительности, это—цѣлая геологія теперь существующихъ нравственныхъ понятій и жизни, на нихъ основанной, создающей ту или другую практику отношеній, въ которыхъ мы пу-таемся.

Да, это—именно геологическое напластованіе слоевъ различныхъ эпохъ. Внизу лежитъ глухой слой низшей культуры, едва вышедшей изъ своей чисто-животной стадіи. На этомъ слоѣ лежитъ второй пластъ, уже болѣе культурный, болѣе человѣческій, но тоже съ понятіями первобытныхъ эпохъ. И, поднимаясь по лѣстницѣ развитія все выше и выше, мы доходимъ, наконецъ, до наиболѣе совершенной формы общественнаго типа, народившейся въ послѣднее время.

Эта форма есть высшій продуктъ нашего умственнаго и нравственнаго развитія, созданный многовѣковой работой мысли, упорно, хотя и медлен-

но прокладывавшей себѣ пути и творившей возможности для болѣе и болѣе совершеннаго осуществленія идеаловъ справедливости, равенства и свободного развитія.

Если все это такъ, т.-е. что русская жизнь представляетъ собою цѣлый рядъ культурныхъ напластованій, то разбираться между ними и устанавливать для нихъ общій законъ и порядокъ ихъ взаимнаго вѣдѣйствія едва ли представить какія-либо затрудненія.

Именно для того, чтобы показать, какъ самъ собою, естественною логическою послѣдовательностью этотъ законъ устанавливается и насколько эта логическая послѣдовательность неустраима (и изъ нея не можетъ выскочить никто), я сошлюсь на г. Г., т.-е. буду подтверждать этотъ законъ тѣми самыми словами моего оппонента, которыми онъ старается доказать, что я ошибочно ставлю на первомъ мѣстѣ учрежденія.

Г. Г. отрицаетъ появленіе «новыхъ людей», а тѣмъ болѣе «внезапно, какъ бы изъ-подъ земли (мое «какъ бы» г. Г. совершенно основательно обходитъ молчаніемъ). Онъ говоритъ, что въ 60-хъ годахъ всѣ Собакевичи, Хлестаковы, Ноздревы и т. д. явились бы самозванными «новыми людьми» только подъ вліяніемъ «новыхъ вѣяній», но что не требовалось особенной проницательности, чтобы увидѣть изъ-подъ новаго костюма полы стараго кафтана, что и люди, и общество остались прежніе, что реформы, «по крайней мѣрѣ, на время освободили людей честныхъ и порядочныхъ, дали имъ ходъ», что судебная реформа дала возможность служить этимъ порядочнымъ людямъ, и они-то и «внесли въ суды нѣкоторую долю правосудія, которой прежде не было», что «реформы, тѣ или другія учрежденія могутъ лишь очистить мѣсто, создать возможность для дѣятельности людей честныхъ и порядочныхъ».

И затѣмъ, въ видѣ антитезы, г. Г. говоритъ, что если въ странѣ нѣтъ порядочныхъ людей, «или, лучше сказать, если ихъ нѣтъ въ образованномъ сословіи страны, то никакія реформы ни къ чему не поведутъ». Но, вѣдь, эти порядочные люди только что сейчасъ были; они освободили крестьянъ, ввели новый судъ, надѣли на всѣхъ Чичиковыхъ и Ноздревыхъ новое платье,—такъ что эти люди обнаружили даже стыдливость, которой прежде въ нихъ не замѣчалось,—и вдругъ, внезапно, тоже чудомъ, куда-то исчезли. Если у меня эти люди чудомъ являются, то и у г. Г. она, устроивъ всѣ хорошія дѣла, такимъ же чудомъ исчезаютъ. Въ чемъ же секретъ этихъ чудесъ?

Одинъ именно главный секретъ признаетъ и г. Г. Онъ признаетъ, что учрежденія—такая сила, которая даже самыхъ закоренѣлыхъ Чичиковыхъ, Ноздревыхъ и Хлестаковыхъ подчиняетъ себѣ. И еще бы въ этомъ сомнѣваться послѣ такой массы очевидныхъ фактовъ!

И пока г. Г. смотритъ на Божій міръ какъ публицистъ, онъ является и энергическимъ защитникомъ реформъ противъ нападокъ на нихъ нашихъ такъ называемыхъ консервативныхъ органовъ—*Московскихъ Вѣдомостей*, *Гражданина* и т. д. Но когда публицистъ въ немъ на время прячется и

на мѣсто его становится моралистъ, г. Г., только что выразившій свое удовольствіе, что Чичиковъ и Ноздревъ надѣли новое платье и подчинились «новымъ вѣяніямъ» (больше чего отъ нихъ и не требовалось, да и требовать было невозможно), начинаетъ сердиться, что они сдѣлали лишь вѣншию уступку, а въ душѣ остались все тѣми же Чичиковыми и Ноздревыми. Отъ этой - то двойственности и не поймешь, хочетъ ли г. Г. вести насъ впередъ, или предлагаетъ сидѣть у моря и ждать погоды.

Онъ обвиняетъ общество въ томъ, что объ него «разбились усилія отдѣльныхъ личностей, получившихъ возможность дѣйствовать благодаря реформамъ», что лучшіе люди «извѣрились въ возможность дѣйствовать среди такого общества» и что поэтому нашимъ городскимъ и земскимъ самоуправленіемъ завладѣли «промышленники».

Но о какомъ «обществѣ» говоритъ г. Г.? Обществѣ у насъ столько же, сколько существуетъ умственно-нравственныхъ формацій. Развѣ зоологическая группа Потаповъ Осиповичей не составляетъ своего общества? Развѣ Тихоны Прохоровичи, Бунаковы и расхитители башкирскихъ земель не общество? Развѣ не въ обществѣ жилъ Андрей Андреевичъ, пока онъ чувствовалъ и думалъ по-человѣчески, и развѣ не общество заставило его найти потомъ, что все это были однѣ глупости молодости? Развѣ не общество, какъ выражается *Саратовскій Дневникъ*, нанесло «пораженіе по всему фронту» такъ называемой прогрессивной партіи, и развѣ сама эта партія не общество?

Очевидно, что если разъ оказались вліятельною силою тѣ, кто создавалъ реформы, а затѣмъ эти люди куда-то попрыгали, а на ихъ мѣсто выступили бывшіе Тишки, то для публициста можетъ быть только одинъ вопросъ—какія возможности помогаютъ появленію создателей новыхъ учрежденій и когда выльзаетъ Тишки? Разрѣшать вопросы въ одного порядка мышленія другимъ порядкомъ мышленія нельзя. Въ этомъ случаѣ непремѣнно получится то, что, напримѣръ, и случилось недавно, когда профессоръ О. Миллеръ вздумалъ поправить Н. Б. Михайловскаго. Дѣлая характеристику Г. И. Успенскаго, Н. Б. Михайловскій говоритъ, между прочимъ, о «работѣ чести», поднимающей достоинство личности, а профессоръ О. Миллеръ, желая опровергнуть эту мысль, доказываетъ, что надо жить свято и избѣгать грѣха. Конечно, жить свято хорошо и необходимо, и если бы подобное назиданіе сдѣлалъ иишкѣ на духу священникъ, это было бы и уместно, и, вѣроятно, шевельнуло бы Тишкину совѣсть. Но, вѣдь, публицисты имѣютъ дѣло не съ личною совѣстью. Они не могутъ заниматься ни проповѣдью личной нравственности, ни «образованіемъ ума и сердца», которымъ г. Г. желаетъ прошибить разныхъ Антошекъ - хриstopродавцевъ, Тишекъ, Бунаковыхъ и проч. Пускай, кому это подлежитъ, занимаются образованіемъ ума и сердца Тишекъ, а мы будемъ думать о томъ, какими средствами создаются лучшія возможности для успѣшности этого образованія. Еще когда воспитываются въ Тишкѣ умъ и сердце, когда еще чувства общественнаго долга и общественной чести проникнуть въ помыслы всѣхъ тѣхъ, кто

ничего въ нихъ теперь не понимаетъ, а до тѣхъ поръ намъ пужно бороться противъ общественныхъ золъ общественными средствами и направлять общественное вниманіе именно въ эту сторону, а не отвлекать его въ сторону созерцанія вѣчныхъ истинъ или, подобно «метафизику», вмѣсто того, чтобы выкарабкиваться изъ ямы по веревкѣ, которую ему кинули, сидѣть на днѣ и разсуждать, что, вѣроятно, есть для этого какое-нибудь лучшее средство.

Насколько трудно прививается къ намъ гражданское мышленіе, какъ трудно бываетъ иногда сдѣлать себя понятнымъ и какъ, сидя на днѣ ямы, даже люди печати, въ органахъ, повидимому, предназначенныхъ для распространенія публицистскихъ идей, отдаются размышленію о «вервн», а публицистику забываютъ, я представляю слѣдующее доказательство.

Елисаветградскій Вѣстникъ, очевидно, пользуясь только статьею г. Г., дѣлаетъ ту самую выписку, которая приведена изъ моего «очерка» въ *Южномъ Краѣ*, потомъ выписываетъ, что говоритъ г. Г. о Собакевичкахъ, Новодревыхъ и т. д., оставшихся такими, какими они были, и затѣмъ въ видѣ примиряющаго вывода, для этой тезы и антитезы, ссылается на Кавелина. Кончается ссылка на примиряющее мнѣніе Кавелина такъ: «Живой человѣкъ не можетъ стать (т.-е. встать) въ разрѣзъ съ *внѣшней* дѣйствительностью, не можетъ игнорировать окружающія его явленія, но онъ, съ другой стороны, никогда не можетъ удовлетвориться однимъ только внѣшнимъ благоустройствомъ и созиданіемъ рациональныхъ учреждений. Правильное и естественное развитіе человѣка пойдетъ только тогда по желательному пути, когда оба эти теченія не будутъ одинъ другаго исключать, а пойдутъ параллельно другъ другу,—когда человѣкъ будетъ съ одинаковою заботливостью и ревностью думать какъ о внѣшнемъ, такъ и о внутреннемъ своемъ благоустройствѣ и когда обѣ эти его законныя и одинаково важныя потребности будутъ строго согласованы между собою и объединены однимъ общимъ разумнымъ началомъ».

Если бы эта статья была напечатана въ видѣ научно-теоретическаго фельетона, я не возразилъ бы на нее ни однимъ словомъ. Но если она является надъ чертой, въ отдѣлѣ политическомъ, она получаетъ уже иной смыслъ и иной руководящій характеръ. Кавелинъ былъ, несомнѣнно, почтенный ученый и искренній и честный человѣкъ, отдавшійся отысканію «истины». Но публицистомъ онъ никогда не былъ и опираться на него въ политическихъ спорахъ ужъ совсѣмъ нельзя. Это во-первыхъ.

Во-вторыхъ, сущность разнорѣчія между г. Г. (и многими другими подобными ему моралистами) и мною заключается въ томъ, что намъ нужно въ сей текущій моментъ: «внѣшнее ли благоустройство и созиданіе рациональныхъ учреждений», какъ выражается Кавелинъ, т.-е. умственное воспитаніе общества въ понятіяхъ гражданского благоустройства и созиданіе практическихъ привычекъ гражданского общежитія, или же моральная проповѣдь гр. Л. Толстаго и его газетныхъ и журнальныхъ послѣдователей, рекомендующихъ, какъ профессоръ О. Миллеръ, жить свято и избѣгать грѣ-

ха? Неужели хоть тѣнь отвѣта на этотъ вопросъ заключается въ словахъ Бавелина, что «правильное и естественное развитіе человѣка пойдетъ только тогда по желательному пути, когда обѣ законныя и одинаково важныя его потребности будутъ строго согласованы между собою и объединены однимъ общимъ разумнымъ началомъ?»

Это таковой же отвѣтъ, какъ если бы на вопросъ: «Какъ устроить наши внутреннія отношенія, чтобы вѣрнѣе спастись отъ всякихъ Тишекъ и Бунаковыхъ?» — *Емисаветрадскій Вѣстникъ* отвѣтилъ: «Подождите, когда люди станутъ умнѣе, а Тишки добродѣтельнѣе».

Впрочемъ, все это такъ и должно быть и, какъ видно, къ самимъ органамъ, проповѣдующимъ это мудрое начало, нужно примѣнить ихъ собственную мудрость. Въ самихъ нашихъ такъ называемыхъ политическихъ органахъ (обыкновенно выставляющихъ у себя въ заголовкѣ: «газета политическая и общественная») нѣтъ еще сознанія своего политическаго значенія. Потому-то на каждомъ шагу и приходится видѣть, что публицистъ то вздумаетъ да и надѣнетъ на себя хламиду мудреца и понесетъ мудрыя рѣчи, а то преобразится въ пустынника и начнетъ совѣтовать всѣмъ жить свято и избѣгать грѣха. Это просто путаница неразмежеванныхъ понятій.

Кромѣ путаницы неразмежеванныхъ понятій, тутъ есть еще и нѣчто такое, что называется общественною безнравственностью. Г. Г. утверждаетъ, что *въ нашемъ образованномъ сословіи нѣтъ порядочныхъ людей*. Этого утвержденія я опровергать не стану, потому что не знаю, въ какомъ образованномъ обществѣ живетъ г. Г. Каждому, конечно, виднѣе, какими онъ людьми окруженъ. Но я замѣчу, что такъ какъ наши геологическія формации представляютъ массу культурныхъ и нравственныхъ разнообразій и каждое такое разнообразіе образуетъ свой собственный слой, то для публициста обязательно считать умственно-нравственнымъ общественнымъ представительствомъ страны только ея умственные верхи.

Если же публицистъ этого не понимаетъ и самъ стоитъ не на этихъ верхахъ, то, конечно, у него не можетъ быть ни вѣрной общественной точки опоры, ни вѣрнаго общественного сужденія, ни точнаго общественного идеала, ни ясной цѣли, къ которой онъ шелъ бы самъ и которую онъ могъ бы указывать другимъ. Тутъ возможны ужъ всякіе выводы и заключенія и даже такія, что «въ нашемъ образованномъ сословіи нѣтъ порядочныхъ людей»; а если нѣтъ въ обществѣ (и даже не въ обществѣ, а въ цѣломъ образованномъ сословіи) порядочныхъ людей, то... дальше слѣдуетъ уже программа кн. Мещерскаго.

Н. Ш.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Тостъ, провозглашенный Государемъ Императоромъ за князя Николая Черногорскаго, какъ за единственнаго вѣрнаго друга Россіи, вызвалъ необыкновенно оживленныя разсужденія въ нашей и иностранной политической печати. Наши газеты усматриваютъ въ этомъ знаменательномъ тостѣ торжественное признаніе полного освобожденія Россіи отъ *дружеской* зависимости, отъ политичекой гогенцоллернскон имперіи. Россія никому не угрожаетъ и желаетъ мира. Она знаетъ своихъ дѣйствительныхъ друзей и не нуждается ни въ какихъ оборонительныхъ, а тѣмъ болѣе наступательныхъ союзахъ. Изъ всѣхъ коронованныхъ властителей Европы Государь Императоръ только одного князя Черногорскаго призналъ вѣрнымъ другомъ нашего отечества. И для насъ этого вполне достаточно. За сильную и миролюбивую Россію, которая,—мы въ этомъ глубоко убѣждены,—скоро вновь вступитъ на путь внутреннихъ преобразованій, имѣющихъ въ виду развитіе общественной самодѣятельности,—за такую Россію дружно стануть славянскія племена, къ такой Россіи естественно тяготѣетъ великій французскій народъ, и враговъ она можетъ встрѣтить только во врагахъ свободнаго роста каждой націи.

Князь Николай Черногорскій не только мудрый правитель,—онъ даровитый писатель. Въ его сочиненіяхъ звучитъ горячая любовь къ родинѣ, которая особенно умиляетъ, когда ее исповѣдуетъ владыка страны. Отрадно читать такія, напримѣръ, прочувствованныя слова, съ которыми князь обратился къ княжнѣ Зорнѣ:

Дитя, дитя! Ты знаешь счастье?—
Оно въ тиши родной,—въ отчизнѣ,
Въ трудѣ достойномъ, въ правдѣ свѣтлой,
Въ святой борьбѣ на погѣ жизни *).

Когда сердце народа бьется въ тактъ съ сердцемъ государя, когда всѣ лучшія стремленія гражданъ, когда ихъ мужественная самодѣятельность находитъ сочувственный откликъ въ душѣ ихъ князя,—можно быть увѣренными, что этой странѣ выпалъ счастливый удѣлъ. Тостъ русскаго Импера-

*) *Славянскія Известія*, № 21.

тора громко разнесся по Балканскому полуострову и по всей Европѣ. Ондасть князю Николаю твердую опору для дальнѣйшей работы на пользу и честь горячо любимой родины.

Толики иностранной печати по поводу словъ Государя Императора весьма разнообразны. Само собою разумѣется, что эти слова въ томъ лагерѣ, въ которомъ разсчитывали воспользоваться Россіей, какъ орудіемъ для достиженія собственныхъ цѣлей, вызвали неудовольствіе и раздраженіе. Дружественно звучать для насъ лишь отзывы французскихъ газетъ. И поучительно сопоставить съ торжественнымъ и миролюбивымъ заявленіемъ Государя Императора крикливые тосты, которые были произнесены въ Берлинѣ во время поклоннаго посѣщенія столицы Германіи королемою Гумбертою и главою итальянскаго правительства. Пили тамъ все за войско, за грядущее пролитіе крови, восхвалялись взаимно двѣ союзницы, изъ которыхъ на долю Италіи выпала роль тщеславной и недалководидной служанки. Что, въ самомъ дѣлѣ, пріобрѣтаетъ Италія, подчиняясь въ международномъ и военномъ отношеніи руководительству Германіи? Не обѣщано ли ей княземъ Бисмаркомъ возвращеніе Ниццы и Савойи, въ случаѣ войны съ Франціей? Но, вѣдь, далеко не рѣшенъ вопросъ, кто побѣдитъ теперь въ этой войнѣ, и мудрено предположить, чтобы Франція осталась на этотъ разъ безъ могущественнаго союзника. Бромъ того, итальянцамъ гораздо дороже Триестъ и Трентино, чѣмъ области, отошедшія къ Франціи на основаніи всеобщаго народнаго голосованія. Не думаетъ ли канцлеръ Германской имперіи предать въ удобную минуту Австро-Венгрію и помочь Италіи отнять у нея *неискупенныя* области? Трудно предположить, чтобы такая мысль дѣйствительно гнѣздилась въ головѣ князя Бисмарка, хотя въ печать и проникли толики о новой комбинаціи тройственнаго союза: Германія, Италія и, вмѣсто Австро-Венгріи, Великобританія. Существуетъ еще одно итальянское вождѣліе: албанское побережье Адриатическаго моря. Но всѣ разсчеты на чужую собственность, всѣ стремленія покорить и присоединить къ себѣ то или другое племя, ту или другую страну,—не говоря уже объ ихъ несправедливости,—становятся въ наше время все болѣе и болѣе непрактичными. Растетъ народное самосознаніе, развивается и — къ сожалѣнію, доходитъ до прискорбныхъ крайностей — чувство племенной самостоятельности. Государство при такихъ условіяхъ не крѣпнеть, а слабѣетъ отъ новыхъ завоеваній. Намъ думается, что положеніе Германской имперіи было бы, напримѣръ, во многихъ отношеніяхъ неизмѣримо лучше, если бы она не отторгнула насильственно отъ Франціи Эльзасъ и Лотарингію. Сила общественнаго мнѣнія въ Италіи и признаніе нравственной мощи возрождающейся послѣ наполеоновской имперіи Франціи сказались въ томъ, что пришлось отмѣнить поѣздку короля Гумберта вмѣстѣ съ Вельгельмомъ II въ Страсбургъ. Эта поѣздка должна была служить торжественнымъ признаніемъ со стороны Италіи безповоротности присоединенія къ Германіи Эльзаса и Лотарингіи. Въ ней заключался бы мало достойный вызовъ французской республикѣ. Но поѣздку, повторяемъ, пришлось отмѣнить: итальянское обще-

ство не допустило, чтобы правительство совершило этотъ угодническій князю Бисмарку шагъ, на который Франція могла отвѣтить какою-нибудь соотвѣтственною мѣрой, напримѣръ, низведеніемъ посольства въ Римъ на второразрядное.

У Германіи находится еще усердный союзникъ, султанъ турецкій. Въ Германію пріѣзжало блистательное, какъ это для Порты полагается, чрезвычайное посольство. Дѣло идетъ будто бы о переговорахъ относительно поѣздки въ Константинополь императора Вильгельма II. Турецкіе посланцы навезли много дорогихъ подарковъ: *Московскія Вѣдомости* сообщали, что одно кольцо, врученное императрицѣ германской, стоитъ 8 милліоновъ франковъ. Отдаривать султана для германскаго двора будетъ довольно затруднительно, не говоря уже о томъ, что потребные для этого милліоны было бы лучше употребить на усиленіе средствъ инвалидной кассы для рабочихъ, на учрежденіе которой получено согласіе парламента. Нельзя не отнестись сочувственно къ попыткѣ обезпечить на старости рабочаго, трудомъ рукъ котораго растетъ и крѣпнеть государство; но, въ то же время, несомнѣнна опасность отъ усиленія и безъ того чрезмѣрной власти, которая находится въ рукахъ правительства Германской имперіи. Страхование рабочихъ, будучи поставлено на бюрократическую ногу, не дастъ тѣхъ благотворныхъ послѣдствій, которыя оно несомнѣнно принесло бы при достаточно развитомъ самоуправленіи. Одинъ изъ консервативныхъ ораторовъ парламента, Хельдорфъ, высказываясь въ пользу законопроекта, заявилъ, что Германіи удалось въ настоящее время создать сильное государство, высоко поднять авторитетъ власти и соединить это съ большою долей гражданской свободы. Микель (національ-либераль) выступилъ также за правительственное предложеніе (видоизмѣненное въ рейхстагѣ) и выразилъ увѣренность, что рента, создаваемая новымъ закономъ, облегчатъ бѣдствія многихъ и многихъ рабочихъ. Микель полагаетъ, что рабочихъ не интересуетъ организація инвалидной кассы, что они спрашиваютъ только о величинѣ пенсіи, которая можетъ выпасть тому или другому изъ нихъ. Въ этихъ словахъ одного изъ видныхъ депутатовъ національ-либеральной партіи заключается крайне прискорбное заблужденіе: не слѣдуетъ такъ низко оцѣнивать духовныхъ потребностей рабочихъ классовъ, не должно отдѣлять заботъ объ обезпеченіи куска хлѣба престарѣлому или больному работнику и его семьѣ отъ заботъ о справедливомъ общественномъ устройствѣ. Князь Бисмаркъ заявилъ во время преній въ рейхстагѣ, что считаетъ партію социаль-демократовъ непримиримымъ врагомъ, съ которымъ имперское правительство никогда не можетъ вступить ни въ какіе переговоры, ни въ какія соглашенія. На это Рикертъ, свободномыслящій, вполне основательно замѣтилъ, что признавать такимъ врагомъ партію, въ которой считается 700,000 сторонниковъ (т.-е. взрослыхъ мужчинъ-избирателей) не составляетъ признака государственной мудрости.

Но, повторяемъ, какими бы недостатками ни отличался законъ, проведенный съ большимъ трудомъ имперскимъ канцлеромъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ Бѣттихеромъ, — законъ этотъ является весьма знаменатель-

нымъ актомъ. Нельзя отнестись безъ сочувствія къ серьезной попыткѣ обезпечить за рабочимъ классомъ элементарныхъ условій физическаго существованія. Такія попытки являются естественнымъ и необходимымъ спутникомъ преобразованія современнаго государства въ правовое общество свободныхъ гражданъ, и слѣдуетъ вооружаться только противъ стремленія возвратиться къ отжившему свой вѣкъ патриархальному, полицейскому государству. Безспорно, что на томъ пути, на который вступило германское законодательство, встрѣтятся и впредь, какъ теперь встрѣчаются, разнообразныя и весьма значительныя препятствія. Ясно также, что политическая борьба вносить въ дѣло экономическаго обезпеченія народныхъ массъ очень острыя осложненія. Князь Бисмаркъ, какъ носитель идеи правительственнаго всемогущества, старается извлечь изъ своихъ народно-хозяйственныхъ мѣропріятій все, что можетъ укрѣпить нынѣшніе устои Германской имперіи. Клерикальная партія стремится къ тому, чтобы заботами (иногда искренними, иной разъ лицемерными) о народномъ благѣ закрѣпить за собою рабочія массы, поддержать и укрѣпить усидія римско-католической церкви въ борьбѣ съ современными теченіями европейской мысли. Перекрещивающееся влияніе всѣхъ этихъ направленій не можетъ не вызывать тревоги у всякаго, для котораго справедливость, мирный трудъ, успѣхи просвѣщенія—не пустыя слова, а жизненные интересы. Несмотря на глубокое наше отвращеніе къ политикѣ захвата, крови и желѣза, которую преслѣдуетъ поглощенная Пруссіей Германія, мы не можемъ поэтому не слѣдить съ постояннымъ вниманіемъ и искреннимъ сочувствіемъ за развитіемъ въ ней фабричнаго законодательства, такъ неожиданно приостановившагося у насъ. Князь Бисмаркъ, при всей его дроницательности и изворотливости, вѣроятно, не предвидитъ всѣхъ тѣхъ послѣдствій, которыя будутъ вызваны совокупностью проведенныхъ имъ мѣръ. Можно только пожелать, чтобы Германія избавлена была отъ ужасовъ войны, неизбежность которой проповѣдуютъ оффиціозы и рептиліи, доказывая необходимость непрерывныхъ увеличеній военныхъ расходовъ. И слѣдуетъ надѣяться, что сохраненію мира будетъ въ значительной мѣрѣ содѣйствовать политика, которая усвоена въ послѣднее время нашимъ отечествомъ. Эта политика, чуждая вмѣшательства во внутреннія дѣла другихъ государствъ, доброжелательная по отношенію къ каждому изъ нихъ, въ особенности по отношенію къ государствамъ славянскимъ,—уже начинаетъ приносить свои плоды. Возвращеніе въ Сербію митрополита Михаила и торжественное возстановленіе его въ санъ составляетъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія, фактъ весьма важный и утѣшительный съ русской точки зрѣнія. Митрополитъ Михаилъ, изгнанный изъ Сербіи бывшимъ королемъ Миланомъ, нашелъ именно у насъ убѣжище и радушный приемъ. Онъ не можетъ не питать къ русскому народу теплаго дружественнаго чувства. Но не слѣдуетъ преувеличивать или искажать значенія возстановленія митрополита Михаила на его бѣлградской кафедрѣ. Было бы странно и недобросовѣстно требовать отъ руководителей политической жизни сербскаго народа, чтобы они на первый планъ ставили не сербскіе, а

русскіе интересы. Правда, у насъ находятся публицисты, которые полагаютъ, что русскіе и славянскіе интересы вполне тождественны. Не трудно замѣтить, въ чемъ ошибка. Отдѣльные славянскіе народы имѣютъ *общіе* интересы, нужды и потребности; ихъ-то и слѣдуетъ называть *славянскими*. Кромѣ того, у русскихъ, поляковъ, сербовъ и другихъ племенъ существуютъ (и не могутъ не существовать) *свои* интересы. Желательно и съ нравственно-политической точки зрѣнія необходимо, чтобы національные интересы въ тѣсномъ смыслѣ всегда согласовались съ общеславянскими, чтобы славянскій міръ не противопоставляли, какъ нѣчто чуждое и даже враждебное, міру германо-романскому. Но нѣтъ ни теоретическихъ основаній, ни разумныхъ практическихъ побужденій требовать отъ серба, напримѣръ, чтобы онъ русскіе интересы ставилъ впереди и выше насущныхъ интересовъ своей родины. Дѣйствительныя потребности нашего народа ни въ какомъ случаѣ и не могутъ сталкиваться съ дѣйствительными потребностями сербскаго народа, да и вообще какого-либо другаго племени. Временно, подъ вліяніемъ случайныхъ причинъ или недоразумѣній, можетъ выступить наружу и даже принять довольно острый характеръ эта мнимая противоположность одного національнаго другому національному. Но если, на самомъ дѣлѣ, ни съ той, ни съ другой стороны нѣтъ стремленія притѣснить, обезличить и обратить другое племя въ орудіе собственныхъ интересовъ, то при добрыхъ усиліяхъ и достаточномъ хладнокровіи правда возьметъ свое. Несомнѣнный приливъ въ Сербіи симпатій къ Россіи обусловливается именно увѣренностью, что наше отечество честно и дружелюбно относится къ свободному внутреннему развитію Сербскаго королевства.

15 іюня это королевство будетъ вспоминать («праздновать», какъ пишутъ въ газетахъ) пятисотлѣтіе коссовской битвы. Въ этотъ роковой день передъ натискомъ турокъ пало Сербское царство. Вѣка прощали, прежде чѣмъ народу сербскому, путемъ горькихъ страданій и тяжелой борьбы, удалось возвратитъ себѣ политическую свободу. Въ числѣ всемірныхъ заслугъ нашего отечества, одно изъ почетныхъ мѣстъ занимаетъ то содѣйствіе, та братская помощь, которую долгіе годы оказывала Россія возрожденію сербскаго народа, укрѣпленію и развитію его государственной самостоятельности. Главное торжество предполагается въ древней столицѣ царя Лазаря—въ Крушевцѣ. Тамъ произойдетъ миропомазаніе молодого короля. Для присутствованія на этой церемоніи пріѣдутъ депутаты отъ городовъ и сель Сербіи. Несомнѣнно, что всѣ эти торжества найдутъ живой откликъ и внѣ королевства, въ населенныхъ сербами областяхъ. Въ Босніи и Герцеговинѣ съ этою цѣлью шли уже нѣкоторые приготовленія. Австро-венгерское правительство, по всей вѣроятности, озабочено возможными велико-сербскими манифестациями въ этихъ областяхъ и провозгласило въ нихъ осадное положеніе. Примутъ участіе въ сербскихъ празднествахъ и другіе славянскіе народы. Многія чешскія общества собираются послать депутаціи, вѣнки и адресы. Весь славянскій міръ переживаетъ въ настоящее время многозначительный кризисъ, и національный успѣхъ каждаго изъ славянскихъ

племень не может, не усиливать политическаго самосознанія всѣхъ остальныхъ. Въ то время, какъ Улиссъ чешскаго народа, престарѣлый Ригерь, торжественно заявляетъ въ парламентѣ о необходимости и благотворности союза съ Германіей, общественное мнѣніе Богеміи весьма опредѣленно высказываетъ свои симпатіи къ Франціи. Такъ, при отъѣздѣ въ Парижъ членовъ пражскаго гимнастическаго общества *Соколы*, несмотря на то, что власти запретили имъ отправляться иначе, какъ въ качествѣ частныхъ лицъ, происходили шумныя оваціи въ честь Французской республики. Въ Парижѣ члены *Сокола* были встрѣчены съ особеннымъ радушіемъ. Такимъ образомъ, подлинныя народныя симпатіи пролагаютъ себѣ дорогу сквозь официальные препятствія и затрудняютъ работу черезъ-чуръ тонкихъ политиковъ, каковы многіе изъ вождей старо-чеховъ. Намъ поражаетъ въ одномъ изъ главныхъ органовъ этой партіи та малая доля вниманія, которая отведена русскому обществу, его надеждамъ и успѣхамъ въ области просвѣщенія и самоуправленія. Недавно намъ пришлось прочесть въ *Politik* статью, посвященную этою газетою опѣнкѣ дѣятельности графа Толстаго, преимущественно какъ министра народнаго просвѣщенія, и не мало подивились мы тѣмъ взглядамъ, которые высказываются въ органѣ доктора Ригера. Вождямъ старо-чеховъ слѣдовало бы помнить, что всякій историческій народъ, всякое живое общество растетъ и крѣпнетъ, что особенно трудны и медленны бываютъ у него первые шаги,—Богемія еще такъ недавно испытала это на себѣ. Официальный союзъ съ Германіей никогда не можетъ быть достаточнымъ обезпеченіемъ самостоятельности чешскаго народа. Да, теперь, какъ мы уже упоминали, германское императорское правительство особенную нѣжность чувствуетъ не къ Австро-Венгріи, а къ ея невольной союзницѣ и естественной противницѣ—Италіи. *Kölnische Zeitung* недавно патетически восклицала: «Между домами властителей Германіи и Италіи и между нѣмцами и итальянскимъ народомъ заключенъ сердечный союзъ». Императоръ Вильгельмъ II въ рескриптѣ, которымъ онъ благодарилъ берлинскій магистратъ за организацію торжественной встрѣчи короля Гумберта, пишетъ, что симпатіи германскаго народа къ его *могущественному* союзнику глубоко гнѣздятся въ сердцѣ германскаго народа. Очевидно, что такъ глубоко нѣжная страсть къ Италіи могла запасть въ сердце нѣмецкаго народа лишь въ очень недавнее время. Сомнительно, чтобы въ странѣ Макиавелли и Борджіа такое чувство горѣло и въ настоящее время. Итальянскій народъ не можетъ не тяготиться бременемъ военныхъ расходовъ, которые налагаетъ на него лестное, быть можетъ, для національнаго тщеславія званіе *могущественнаго союзника* гогенцоллернской военной имперіи. Правда, военные бюджеты всѣхъ европейскихъ державъ сильно возрастаютъ, но для Италіи ихъ тяжесть значительнѣе, чѣмъ для Франціи, напримѣръ. Поразительны тѣ успѣхи, которыхъ достигаетъ промышленность Франціи, несмотря на всевозможныя препятствія. Враги республики стараются представить въ крайне мрачномъ видѣ финансовое положеніе страны, но вотъ цифры, которыя краснорѣчиво оровер-

гаютъ всё эти злостныя обвиненія (беремъ ихъ изъ рѣчи Пелльтана, произнесенной въ палатѣ депутатовъ и цѣликомъ напечатанной въ *Justice*). Когда началась законодательная дѣятельность нынѣшней палаты, возрастаніе бюджета (главнымъ образомъ, вслѣдствіе непоумѣрнаго, но вызваннаго вооруженіями Германіи, подъема военныхъ издержекъ) возбуждало тревогу общественнаго мнѣнія. Обыкновенный бюджетъ 1883 года равнялся 3.100.000,000 франковъ; въ 1885 году — 3.400.000,000 фр. Ежегодный дефицитъ колебался между 100—150 милліонами. На займы уходило 600—700 милліоновъ. Обыкновенный бюджетъ 1888 года спустился до 3 милліардовъ $\frac{1}{2}$ 65 милліоновъ. Если присоединить нѣкоторыя неизбѣжныя погашенія, по самому слабому расчету, сумма расходовъ республики уменьшится еще на сорокъ милліоновъ.

При оцѣнкѣ французскаго бюджета необходимо еще имѣть въ виду, что возросли во Франціи (оставляя въ сторонѣ военныя) всё производительныя расходы. Республика имѣетъ полное основаніе гордиться колоссальными успѣхами, достигнутыми ею въ дѣлѣ народнаго образованія. Вторая имперія, естественно, не могла быть другомъ общественнаго просвѣщенія. Число университетскихъ кафедръ, равнявшееся въ 1875 г. 625, достигло теперь 1,200. Число слушателей на медицинскихъ факультетахъ поднялось съ 3,864 (1876 годъ) до 6,455. За то же время на словесныхъ факультетахъ было 138 человекъ, теперь 2,358, на естественномъ—121, въ настоящее время 1,335. Сильный толчокъ получило и женское образованіе: еще въ 1880 году ученицъ въ среднееучебныхъ заведеніяхъ было только 2,000, теперь ихъ 11,000. Въ начальныхъ училищахъ въ 1876 г. числилось 3.823,000 ученика, въ прошломъ году—4.743,000. Въ 1850 г. число общинъ, не имѣвшихъ школъ, равнялось 3,213, теперь такихъ общинъ только 80 *).

Естественно, что страна, которая такъ много и плодотворно трудится, возбуждаетъ все большія и большія симпатіи со стороны другихъ народовъ. Болѣе двухсотъ членовъ англійской палаты общинъ прислали президенту Французской республики торжественное выраженіе сочувствія англійскаго общественнаго мнѣнія просвѣтительнымъ праздникамъ, которые происходятъ теперь въ Парижѣ. Комитетъ международной ассоціаціи третейскаго суда и мира (*International arbitration and peace association*) привѣтствовалъ Карно и директора всемірной выставки съ неслыханнымъ успѣхомъ этой послѣдней. Шлютъ привѣтствія Франціи болгары, греки; живое участіе въ ея мирномъ торжествѣ принимаютъ американскія республики. И нельзя не пожелать—въ интересахъ не французскаго только народа, а всего міра, чтобы происки буланжистовъ, бонапартистовъ и клерикаловъ не омрачали ближайшаго будущаго великой страны. Эта страна, по мѣрѣ своего умственного роста, относится все съ большимъ и большимъ благоговѣніемъ къ тѣмъ людямъ, которые создавали ея политиче-

* Цифры взяты изъ рѣчи Жюль Ферри (*Русскія Вѣдомости*, № 148).

скую свободу и нравственное богатство. Такъ, 20 мая была торжественно открыта статуя Этьена Доле. Памятникъ сооруженъ парижскимъ муниципальнымъ совѣтомъ. Онъ поставленъ на той площади (place Maubert), на которой былъ соженъ Доле (въ 1546 году). Вся жизнь этого человѣка была непрерывною и опасною борьбой за свободу человѣческаго духа, противъ тяжелаго гнета, который налагался римско-католическою церковью и покорнымъ ей тогда государствомъ на умъ и на совѣсть каждаго мыслителя, каждаго честнаго человѣка *).

Почти въ одно время съ открытiемъ въ Парижѣ памятника Доле въ Римѣ былъ открытъ монументъ другаго мученика за религиозную и философскую свободу, имя котораго извѣстно всему образованному міру, — Джордано Бруно. Характерно для нынѣшняго положенія итальянскаго правительства, что ни король Гумбертъ, ни Криспи — свободный мыслитель — не присутствовали при торжествѣ, на которое парламентъ официально послалъ депутацію. Дѣйствиельно, дѣло свободнаго изслѣдованія, жизнь, отданная на служеніе истинѣ, справедливости и человѣчности, не гармонируютъ съ милитаризмомъ и маніей политическаго величія, которою пораженъ нынѣшній итальянскій кабинетъ.

В. Г.

*) Интересныя свидѣнія о Доле находятся въ книгѣ *Joseph Boullmier: „Etienne Dolet, sa vie, ses oeuvres, son martyre“*.

ВНУТРЕННЕЕ ОБЗРѢНІЕ.

Докладъ финляндскаго генераль-губернатора.—Полемика о „русской партіи“.—Чрезвычайное земское собраніе.—Прекращеніе судебного дѣла на курско-азовской дорогѣ.—Нормированіе военнаго бюджета.—Данная внешней торговли.—Снабженіе Юга рабочими.—Новые взгляды педагоговъ на преподаваніе древнихъ языковъ.—Наши общеобразовательныя училища.—Тарифное совѣщаніе.—О. Ө. Миллеръ †.—В. Крестовскій-псевдонимъ †.

Въ прошломъ мѣсяцѣ появилось въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* официальное опроверженіе на нѣкоторыя сообщенія *Московскихъ Вѣдомостей*, и опроверженіе это носило названіе «всеподробнѣйшей докладной записки генераль-губернатора Финляндіи». Въ передовой статьѣ по данному поводу, упомянутая газета называетъ этотъ документъ «необычнымъ по формѣ и содержанію, представляющимъ какъ бы полемическую отвѣдь», и находитъ «немалое утѣшеніе» въ томъ, что ея «статьи не прошли незамѣченными». Затѣмъ *Московскія Вѣдомости* замѣчаютъ, что онѣ не претендуютъ на непогрѣшимость своихъ сужденій и заявленій, какъ, безъ сомнѣнія, не претендуютъ на нее и самъ генераль-губернаторъ Финляндіи, что и генераль-губернаторамъ не разъ приходилось ошибаться и т. д. Въ заключеніе газета выражаетъ, что въ данномъ случаѣ, несмотря на несходство взглядовъ, ея корреспондентъ, какъ и генераль-губернаторъ Финляндіи, исполнили свой долгъ: «одинъ—въ качествѣ русскаго публициста, другой—какъ сказано въ документѣ—въ качествѣ предсѣдателя Императорскаго финляндскаго сената».

Передъ долгомъ, дѣйствительно, всѣ равны, но въ томъ обстоятельствѣ, что «полемическая отвѣдь» газетъ послѣдовала въ столь необычной формѣ, мы еще не видимъ достаточнаго повода для той вычлвности, какая сквозитъ изъ приведенныхъ дальнѣйшихъ, ея собственныхъ полемическихъ строкъ. «Необычность формы и содержанія» опроверженія могла оказаться въ дѣлѣ мѣстномъ, такъ сказать, инородческомъ и не оказаться въ иномъ дѣлѣ, болѣе общаго характера. Безъ сомнѣнія, мы, какъ и всѣ другіе органы русско-й печати, могли бы только радоваться всякому доказательству приобретеннаго ею фактическаго вліянія, не говоря уже о значеніи нравственномъ. И, конечно, доказательства нѣкотораго, хотя и небольшого вліянія печать

въ первомъ смыслѣ можно видѣть въ любомъ официальномъ опроверженіи, какова бы ни была его форма. Вліяніе печати, какъ органа общественнаго, насколько его можно себѣ представить теоретически, не ограничивалось бы, разумѣется, какою-либо исключительною категоріей вопросовъ или направлений. Когда же газетѣ случилось, по ошибочности полученныхъ отъ корреспондента свѣдѣній или по преувеличенной зоркости редакціи, взвести напраслину на дѣйствія правительственнаго органа, такъ что органъ этотъ, вслѣдствіе препровожденія къ нему обвиненій, представляетъ докладъ, въ которомъ доказываетъ ихъ неосновательность, то въ такомъ фактѣ мы видимъ лишь послѣдствіе сущности самыхъ обвиненій. Они могли произвести одинаковое дѣйствіе, если бы были сдѣланы частными лицами, съ тою лишь разницей, что объясненія въ такомъ случаѣ не были бы напечатаны, хотя и могли бы быть представлены даже въ той самой формѣ, какъ докладъ финляндскаго сената.

Обратимся къ самому содержанию опровергаемыхъ сенатомъ обвиненій. *Московскія Вѣдомости* утверждали, «что финляндскій сенатъ злоупотребляетъ формой высочайшаго манифеста при издаваемыхъ второстепенныхъ объявленіяхъ, подписываемыхъ членами сената, и что сенатъ самовольно присвоилъ собственнымъ своимъ дѣйствіямъ внѣшнія прерогативы верховной власти (выписки изъ сенатскаго доклада)». Сенатъ, въ надлежащей справкѣ съ установленными формами и бывшими примѣрами, докладываетъ, что «управленіе краемъ ведется въ установленномъ законѣ порядкѣ». Далѣе сенатъ удостовѣряетъ невѣрность такихъ положеній *Московскихъ Вѣдомостей*, будто «сенатъ высасываетъ изъ простаго народа послѣдніе соки», будто «лишь немногіе чиновники на государственной службѣ въ Финляндіи получили университетское образованіе» и будто «сравнительно незначительные вопросы были предметами сеймовыхъ предложеній».

Впрочемъ, опроверженія съ ссылкой на факты не всегда убѣждаютъ тѣхъ, кто самымъ фактамъ придаетъ лишь второстепенное значеніе. Предубѣжденный полемистъ, если его сбили съ почвы однихъ фактовъ, ограничится общимъ выраженіемъ сомнѣнія, что по его мнѣнію вполне равносильно съ фактами, или, вмѣсто дѣйствій мѣстныхъ властей, которыхъ онъ обвинялъ прежде, подставить сужденія мѣстныхъ газетъ, какъ будто это одно и то же. Такъ и въ настоящемъ случаѣ, *Московскія Вѣдомости*, замѣтивъ въ передовой статьѣ, что и генераль-губернаторамъ не разъ приводилось ошибаться, въ корреспонденціи изъ Гельсингфорса, помѣщенной вслѣдъ за опроверженіемъ, утверждаютъ, что въ Финляндіи «несомнѣнно проявляются всѣ признаки революціи». «Значеніе нашей финляндской революціи, — объясняетъ корреспондентъ, — нисколько не измѣняется отъ того, что мѣстные дѣльцы не бунтуютъ (!) открытою силой и не строятъ баррикадъ. Такой бунтъ всегда рискованъ и за него можно поплатиться. Здѣсь предпочитаютъ безопасные пути толкованій, канцелярскихъ крючковъ и изворотовъ. Но фактъ революціонныхъ дѣйствій оттого не меньше (?) и весь налицо». Что же затѣмъ выводится налицо? Конечно, раз-

сужденія финляндскихъ газетъ. И вотъ, хотя приписанныя московскою газетою финляндскому сенату неправильныя дѣйствія оказались вполнѣ правильными, но въ результатѣ, при помощи указаннаго приѣма, кто оказывается правымъ? Конечно, *Московскія Вѣдомости*. Ужь если «управленіе граемъ»,—какъ доказано въ докладѣ,—ведется въ установленномъ законѣмъ порядкѣ», то самые эти порядки оказываются лишь крючками, изворотами и даже «революціею», и если разсужденія финляндскихъ газетъ могутъ быть уликами для сената, наравнѣ съ его дѣйствіями, то не слѣдуетъ ли признать, что въ вѣстномъ направленіи не только факты, но и самые слова русскаго языка утратили свой первобытный смыслъ, а человѣческая логика всякую обязательность?

Образованіе сдѣлало у насъ въ теченіе 25 лѣтъ несомнѣнные успѣхи. Но, судя по качествамъ разсужденія нѣкоторыхъ газетъ, можно было бы предположить нѣчто совсѣмъ противоположное. Въ самомъ дѣлѣ, нынѣ ежедневно подносятся читателямъ такія мыслительныя несообразности, съ какими лѣтъ 25 тому никто не посмѣлъ бы выступать. Сплошь да рядомъ приходится читать такія разсужденія, въ которыхъ нѣчто доказываемое приводится какъ аргументъ для доказательства, гдѣ главное положеніе опровергается второстепеннымъ, и революціею называется не испроверженіе существовавшаго положительнаго права, но несогласіе совершеннаго 80 лѣтъ тому назадъ съ тѣмъ взглядомъ, который высказывается нынѣ частнымъ періодическимъ изданіемъ. Если авторы подобныхъ статей сами убѣждены, что они разсуждаютъ умно, то это несомнѣнно неблагоприятный культурный признакъ. Если же авторы подобныхъ статей и руководители изданій, въ которыхъ онѣ помѣщаются, смотрятъ при этомъ другъ на друга съ улыбкою авгуровъ, но разсужденіями такого достоинства думаютъ убѣдить читателей, то каково же мнѣніе этихъ дѣятелей о современномъ умственномъ уровнѣ общества?

Въ такому именно разряду относятся курьезныя разсужденія гельсингфорскаго корреспондента *Московскихъ Вѣдомостей* о финляндской конституціи. Основа этихъ разсужденій заключается въ томъ, что верховная власть съ самаго начала не могла связывать себя какими-нибудь условіями съ Финляндіею, такъ какъ это противорѣчило бы государственному строю, существующему въ Россіи, и было бы даже въ правовомъ смыслѣ, опять-таки, «революціею». Но гдѣ же могъ бы оказаться этотъ фактъ революціи хотя бы въ юридическомъ только смыслѣ? Очевидно, въ Финляндіи, такъ какъ упомянутыя условія относятся къ ней. Какимъ же образомъ они явились бы «революціею», если они тамъ составили первоначальную основу права? Ранѣе этой юридической основы въ Финляндіи не было ничего, что бы обязывало русскую власть, а потому установленіе этой основы и не могло быть революціею. Россіи же это дѣло въ правовомъ отношеніи вовсе и не касается. Когда Иванъ IV хотѣлъ быть избраннымъ польскимъ королемъ на основаніи существовавшаго въ то время въ Польшѣ государственнаго права, значило ли это, что онъ хотѣлъ совершить «революцію» въ Россіи?

Рядомъ съ текстомъ манифеста 1816 г. изложенъ на страницахъ газеты слѣдующій историческій взглядъ: «допустивъ финляндцевъ собраться въ 1809 году на сеймъ въ Борго въ качествѣ только совѣщательнаго земскаго собранія, Императоръ Александръ I увидѣлъ потомъ, что этой, второ-степенной, въ сущности, мѣрѣ (!) пытаются дать распространительное значеніе въ ущербъ полноты его власти», а затѣмъ не созывалъ болѣе сейма. Между тѣмъ, черезъ 7 лѣтъ послѣ сейма 1809 года, въ самомъ манифестѣ 1816 года, тутъ же рядомъ напечатанномъ, о правовыхъ отношеніяхъ Финляндіи упоминалось слѣдующимъ образомъ: «Таковыми мѣрами оказавъ наше доброе расположеніе, которое имѣли и впредь будемъ имѣть къ финляндскимъ вѣрноподаннымъ нашимъ, надѣмся мы, что довольно утвердили на всегдѣшнія времена данное нами обѣщаніе о святомъ сохраненіи особенной конституціи края сего, подъ державою нашею и наследниковъ нашихъ». Можетъ ли установленіе такихъ отношеній быть названо «второстепенномъ, въ сущности, мѣрой»?

Искаженія фактовъ во взглядахъ нѣкоторыхъ нашихъ газетъ на финляндскую законность не могутъ, конечно, поколебать ея, такъ какъ она была вновь подтверждена весьма недавно и сеймы избирались при настоящемъ царствованіи столь же непрерывно, какъ и при предшествовавшемъ. Но, въ такомъ случаѣ, спрашивается, съ какою же цѣлью пишутся статьи такого рода? Все, чего онѣ могутъ достигнуть, это—создать нѣкоторое искусственное раздраженіе среди русскихъ читателей, которымъ дѣло излагается неправильно, и вызвать вполнѣ естественное раздраженіе въ обществѣ финляндскомъ. Мы бы назвали подобныя выходы просто школьничествомъ, если бы при этомъ не практиковались приемы довольно противнаго свойства. Такимъ газетамъ, вѣдь, дѣла нѣтъ, правду или неправду онѣ говорятъ, отрицая или игнорируя составленную первоначально по соглашенію съ сеймомъ финляндскую конституцію. Имъ она служила только поводомъ для враждебныхъ финляндцамъ выходовъ, совершенно наравнѣ съ любыми, другими, даже самымъ пустыннымъ поводомъ.

Такъ, тѣ же газеты до сихъ поръ не упускаютъ ни одного случая прекратить финляндцевъ, что они «ѣли русскій хлѣбъ» (была подписка въ Россіи во время неурожая въ Финляндіи), а теперь отплачиваютъ черною неблагодарностью. Въ чемъ же она проявляется? Въ томъ, что финляндцы продолжаютъ пользоваться своею законностью, которой русское правительство и не думало отмѣнять? Сверхъ того, газеты теперь опять выгоняли въ свое время уже достаточно истасканный *Московскими Ведомостями* случай—открытіе памятника финскимъ солдатамъ, павшимъ въ стычкѣ съ русскими войсками при Виртѣ, во время войны между Швеціею и Россіею. Въ доказательство, что такой памятникъ дѣйствительно былъ поставленъ и что при открытіи его участвовала рота куопіоскаго батальона, *Новое Время* вновь перепечатало извлеченіе изъ *Helsingfors Dagblad*, которое уже четыре года тому назадъ фигурировало въ нашихъ газетахъ, произвело все то дѣйствіе, какое могло (т.-е. на благоразумныхъ людей равно

никакого) и достаточно надоѣло. Понятно, что все это обставлено соответствующими катилинаріями по поводу дерзости и наглости финляндскаго глумленія надъ долготерпѣніемъ Россіи, и участіе войска въ церемоніи выставляется въ видѣ чего-то ужь совсѣмъ возмутительнаго. Между тѣмъ, изъ самаго же разсказа видно, что какъ на открытіе памятника, такъ и на присутствіе солдатъ имѣлось разрѣшеніе генераль-губернатора, и что ротный командиръ отказался произвести салютационныя выстрѣлы, такъ какъ на это не было испрошено отдѣльное разрѣшеніе, которое, впрочемъ, также послѣдовало, но ужь слишкомъ поздно. Не нелѣпо ли представлять въ видѣ какого-то надруганія надъ Россіей церемонію, происходившую тому четыре года съ разрѣшенія командующаго русскими войсками въ Финляндіи? Русская газета оказывается болѣе щепетильною относительно соблюденія воинскаго артикула, чѣмъ начальство военнаго округа, которое, очевидно, не придавало никакого значенія постановкѣ памятника финскимъ солдатамъ, убитымъ три четверти столѣтія назадъ.

Не иначе, какъ съ величайшимъ глумленіемъ упоминають о «государствѣ» Финляндіи, соединенномъ съ Россіей, тѣ самыя газеты, которыя постоянно доказываютъ Болгаріи выгоду связи съ Россією, при сохраненіи полной автономіи. Есть ли тутъ хотя тѣнь такта?... Нѣтъ, это просто разнузданное, но не невинное, къ сожалѣнію, школьничество.

Записка финляндскаго генераль-губернатора вызвала въ петербургскихъ газетахъ обильнѣе мнѣній и любезностей по вопросу, имѣетъ ли причину быть въ Россіи въ настоящее время «русская партія». Поставили этотъ вопросъ *Новости* именно по поводу тѣхъ заподозрѣваній, съ какими нѣкоторыя газеты постоянно относятся къ Финляндіи, раздувая мелочи до размѣровъ измѣны, а чаще всего придумывая небылицы, вродѣ тѣхъ, какія на этотъ разъ опровергалъ финляндскій сенатъ въ лицѣ своего президента. «Въ послѣдніе годы, — сказали *Новости*, — расплодилось, какъ мухоморы осенью, такъ называемая «патріотическая» или, вѣрнѣе, «патріотствующая» печать». Газета считаетъ смѣшнымъ для какой-либо партіи въ Россіи объявлять себя привилегированно-русскою. На это откликнулось *Новое Время*, доказывая, что хотя и «былъ такой періодъ въ недавнемъ прошломъ, когда могло казаться, что русская партія потеряла всякую силу, но за послѣдніе годы произошла большая перемѣна». Газета утверждаетъ, что существуетъ русская партія не со вчерашняго дня; она возникла съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ стали появляться у насъ политическія теченія, неблагопріятныя или даже враждебныя развитію Россіи въ національномъ направленіи и угрожающія ея національной самостоятельности. Такъ, по словамъ *Новаго Времени*, въ началѣ XVII в. противъ польскаго «вліянія» боролась именно русская партія, какъ въ теченіе XVIII в. та же партія боролась противъ нѣмецкаго вліянія. «Въ настоящее время, — соглашается газета, — разумѣется, общее направленіе нашей политики не представляетъ повода для русской партіи вести серьезную борьбу». Но существованіе такой

спеціальной «русской партіи» и необходимость ея дѣйствія вполнѣ оправдываются существованіемъ въ Россіи партій: «польской, хохломанской, финляндской, кавказской и жидовской». О нѣмецкой «партіи» *Новое Время* не упомянуло, хотя занесло въ свой списокъ какую-то кавказскую. Какова же задача русской партіи? Вотъ какъ опредѣляетъ газета эту задачу: «стоять на стражѣ русскихъ національныхъ интересовъ, служа дѣлу собиранія Русской земли—тому дѣлу, которому сложилась и создалась нынѣшняя Россія».

Такъ какъ русская земля собиралась, то-есть расширялось русское государство, усиліями всего населенія, входившаго въ составъ этого государства, причѣмъ видныя роли нерѣдко принадлежали и такимъ дѣятелямъ, которыхъ *Новое Время*, въ ихъ качествѣ инородцевъ, должно было бы занести въ ряды хохломанской, кавказской и нѣмецкой «партій», то приведенное опредѣленіе представляется недостаточно точнымъ, а потому поищемъ еще дальнѣйшихъ объясненій. *С.-Петербургскія Вѣдомости* попытались сдѣлать нѣсколько болѣе положительное разграниченіе, отводя «русской партіи» особое и исключительное мѣсто не среди инородцевъ только, но среди самой русской же интеллигенціи. «Россія,— такъ разсуждаетъ газета,—набравшая въ себя десятки милліоновъ инородцевъ, дала имъ правильныя условія существованія и полную возможность плодиться (!) и множиться. Тѣмъ не менѣе, русская народность осталась господствующею и обязана охранять свое господствующее положеніе». Эта задача была бы легка, если бы образованный классъ въ Россіи былъ весь проникнутъ національнымъ чувствомъ и національною мыслью. Но, по отзыву газетъ, этого нѣтъ. Народъ у насъ — таковъ, какимъ онъ показалъ себя и въ смутное время, и въ 1812 году; такимъ онъ продолжаетъ себя показывать «при всѣхъ захватывающихъ его событіяхъ государственной жизни». Но интеллигенція—не то; въ образованномъ классѣ національное чувство и національный складъ ума ослабѣли, и «проявляются съ неудержимою силой только въ тѣ историческіе моменты, когда связь этого класса съ народомъ ощущается неотразимо (значить, только въ «захватывающіе» интеллигенцію моменты, когда и народъ показываетъ себя такимъ, какимъ былъ въ смутное время и въ 1812 г.). Далѣе *С.-Петерб. Вѣдомости* объясняютъ, что вотъ среди безнародной (на половину) интеллигенціи «люди съ глубокимъ русскимъ чувствомъ и русскимъ складомъ ума составляютъ партію и занимаютъ до нѣкоторой степени боевое положеніе», борясь не только съ наглостью или интригою инородцевъ, но и «съ истертою безличностью, съ политическимъ растлѣніемъ пустоцвѣтовъ русскаго происхожденія».

Вотъ этотъ послѣдній отзывъ нѣсколько поспеціальнѣе первыхъ и на немъ можно остановиться долѣе. Но мы начнемъ съ *Новостей*. Прежде всего, возраженіе, такъ сказать, количественное. Если рѣчь идетъ собственно о печати и, притомъ, о печати, не подлежащей предварительной цензурѣ, то мы вовсе не знаемъ, можно ли насчитать органовъ «спеціально-патриотствующей» и привилегированной въ Россіи русской «партіи» столько, сколько бываетъ осенью мухоморовъ. Нѣтъ ли тутъ нѣкотораго преувели-

ченія? *Московскія* и *С.-Петербургскія Вѣдомости*, *Новое Время*, *Гражданинъ*, *Лучъ*—вотъ, кажется, и все ядро «русской партіи» въ печати. Въ отношеніи количественномъ—это еще далеко отъ мухоморовъ осенью. Но изъ существованія и «дѣйствія» этихъ газетъ, которыя постоянно твердятъ о русской партіи и сами выдаютъ себя за ея органы, слѣдуетъ ли, что вся остальная русская печать, свободная отъ предварительной цензуры, состоитъ изъ органовъ партій нерусскихъ или антирусскихъ? Кто повѣритъ, наприм., что *Русскія Вѣдомости*—газета нерусская или антирусская по сравненію съ *Лучомъ*? Положимъ, расписывать «партіи» по происхожденію нѣкоторыхъ изъ относимыхъ къ нимъ дѣятелей, еще нельзя. Поляки Булгаринъ и Сенковскій и нѣмецъ Гречъ были, по своему направленію и приемамъ, очень похожи на нынѣшнихъ монополистовъ патріотства, но дѣло не въ происхожденіи лицъ, а въ томъ, каковы идеямъ служить тѣ или другія изданія и каковы тѣ нравственныя особенности, которыя составляютъ ихъ характеръ.

Обратимся же къ провѣркѣ приведенныхъ характеристикъ положенія и направленія той партіи въ печати, которая такъ безцеремонно претендуетъ на привилегію быть болѣе русской, чѣмъ огромное большинство русской интеллигенціи, открыто выдѣляетъ себя изъ этой «интеллигенціи пустоцвѣтовъ» и хочетъ оборонять русскіе національные интересы не только отъ наглости и интриги инородцевъ, но и отъ «истертой безличности» и «политическаго растлѣнія» русскаго общества. «Русская партія» имѣетъ именно эту претензію, такъ какъ прямо заявляетъ, что среди интеллигенціи нашлись люди, которые составили партію, занимающую боевое положеніе по отношенію не къ инородцамъ только, но ко всему остальному образованному классу въ Россіи, ко всей ея интеллигенціи, ставшей на половину безнародной, подъ вліяніемъ заимствованной цивилизаціи.

Что такая «партія» существуетъ не со вчерашняго дня, какъ напоминаетъ *Новое Время*, совершенно вѣрно. Мы сами только что наномнили о нѣкоторыхъ изъ ея представителей въ періодъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Замѣтимъ, что «русская партія», которая нынѣ любитъ рядиться въ перья славянофильства, и въ тогдашнее время была не прочь вырвать изъ него то или другое перышко, по надобности, и принарядиться въ нихъ. Но прежніе славянофилы нисколько къ этой партіи не принадлежали. Изъ людей съ нѣкоторымъ значеніемъ къ ней приближались Шевыревъ и Погодинъ, но никакъ не славянофилы, которымъ было чуждо начало бюрократизма, составлявшее и составляющее доселѣ единственную реальную основу взглядовъ названной партіи. *Новое Время*, однако, возводитъ возникновеніе «русской партіи» къ эпохѣ гораздо болѣе отдаленной, чѣмъ періодъ 30-хъ и 40-хъ годовъ, а именно къ началу XVII вѣка, когда русская партія боролась будто бы противъ польскаго «вліянія». Сколько извѣстно, въ началѣ XVII вѣка происходила борьба не противъ польскаго «вліянія», а противъ польскаго нашествія на Москву и Смоленскъ. Если къ русской партіи, «имѣющей свой *raison d'être*», какъ говоритъ *Новое Время*, отнести Гермогена, Минина и Пожарскаго, то почему же не за-

чидать въ нее Дмитрія Донскаго и Ивана Ш, свергнушаго его татарское, какъ въ смутное время русскимъ народомъ, а не русскою партіей дѣтъ былъ отпоръ нашествію польскому? Такой доводъ газеты, что русская партія имѣетъ основаніе существовать по той причинѣ и до тѣхъ норъ, пока у насъ существуютъ партіи польская, финляндская, кавказская и т. д., доказываетъ какъ разъ противоположное тому, что хочетъ *Новое Время*. Точно такъ какъ въ Россіи вовсе нѣтъ партій польской, финляндской, кавказской, еврейской, татарской, а есть только живущіе въ русскомъ государствѣ иноплеменные народы, то нѣтъ резона, чтобы и изъ русскаго народа выдѣлялась какая-то особая «русская партія».

Высказываемыя въ *С.-Петербургскихъ Выдомостяхъ* претензіи этой партіи быть болѣе національной, чѣмъ большинство русскаго общества, и занимать даже по отношенію къ нему «боевое положеніе» ровно ничѣмъ не оправдываются, кромѣ тѣхъ нѣсколькихъ павлиньихъ перьевъ, которыя «русская партія», по своему выбору и произволу, вырвала у славянофиловъ. Но программа славянофиловъ была вся основана на дѣйствіи органическихъ народныхъ силъ и на просторѣ для гражданскаго развитія. Между тѣмъ, всѣмъ хорошо извѣстно, каково отношеніе *Московскихъ* и *С.-Петербургскихъ Выдомостей*, *Гражданина* и *Луча*, а въ значительной степени и *Новаго Времени*, ко всему, что представляетъ наличность русскихъ общественныхъ силъ, дѣйствительные наши успѣхи на полѣ гражданственности и дальнѣйшую судьбу нашего развитія. Отношеніе это весьма близко съ отношеніемъ той же «партіи» къ нравственнымъ интересамъ инородцевъ. Въ примѣненіи къ инородцамъ партія требуетъ возможно большаго механическаго стѣсненія, а въ примѣненіи къ русскому развитію она провозглашаетъ необходимость механическаго его задержанія и даже возвращенія его вспять, именно къ тѣмъ временамъ, когда торжествовавшими представителями русской партіи были Булгаринъ, Сенковскій и Греть. Конечно, всякая партія можетъ писать себѣ какую угодно вывѣску, напримѣръ, хотя бы «русская», «истинно-русская», «національная» или «народная»; но какъ эту надпись читаетъ русское общество и какъ ее прочтеть исторія, это еще—вопросъ.

Если свести воедино практическія стремленія, какія заявила доселѣ «русская партія», и тѣ средства, какія ею предлагались, то вся ея программа исчерпывается однимъ словомъ «бюрократизмъ». Это нерусское слово означаетъ и начало нерусское, въ значительной степени принятое нами изъ подражанія чужимъ образцамъ, не согласное не только съ древне-русскими преданіями, но и съ земскими традиціями московскаго государства. А, между тѣмъ, въ этомъ принципѣ и соответствующихъ ему приемахъ заключаются альфа и омега программы «русской партіи». Съ другой стороны, все, что представители ея, — опять се словъ славянофиловъ, — повторяютъ о «безнародности» и «безличности» большинства русскаго общества, или представляется совершенно неосновательнымъ, или исходитъ вовсе не изъ какой-то намѣны національнымъ идеаламъ. Говорятъ, русское общество

безнародно и безлично по той причинѣ, что оно получило «заимствованное» образованіе. Но какое же общество въ Европѣ могло бы похвалиться совершенно самобытно-выработанною культурой? Развѣ Франція не была умственной данницей Италіи, а Германія—Франціи? И почему же чехи и поляки, заимствовавшіе цивилизацію съ Запада, не считаются «партіей», а общества «безнародныя» и «безличныя»?

Та самая газета, которая противуполагаетъ безнародное русское общество—народу, принуждена, однако, согласиться, что образованное общество, какъ и народъ, одушевляется духомъ энергіи и самопожертвованія въ новые «захватывающіе» моменты. А неситься вѣчно съ патриотизмомъ на поварѣ—это не въ русскомъ характерѣ, не во глѣвъ будь сказано монополюбно-русской и привилегированно-патріотствующей партіи. Мы согласимся, что въ массѣ русскаго общества недостаточно развилась та мирная, но живая и постоянная привязанность къ своему, какую можно наблюдать у другихъ націй. Если бы критики наши ограничились только этимъ положеніемъ, то они были бы правы. Но за это обвинять русское общество нельзя. Няньки могутъ ставить дѣтямъ въ примѣръ другихъ дѣтей и твердить имъ, что тѣ—«пай», а они—«не пай». Но этотъ педагогическій приемъ смѣшонъ въ примѣненіи къ національнымъ обществамъ. Если въ насъ не воспиталось достаточно живой и постоянно сознаваемой привязанности къ своему, то на это были причины, и, притомъ, такия, которыя менѣе всего могло бы устранить примѣненіе программы «русской партіи».

Во-первыхъ, многія изъ формъ и въ особенности условій быта у насъ были, въ самомъ дѣлѣ, не вполне человѣчны, такъ что и любить-то ихъ было не за что. Во-вторыхъ, если рѣчь идетъ о живомъ памятованіи прошлаго, о любви къ своимъ языку, литературѣ и искусству,—короче, ко всему, что составляетъ умственное національное достояніе,—наконецъ, о нѣкоторой справедливой гордости въ виду осуществившихся въ нашей общественной жизни улучшеній, то нѣкоторая (сравнительно съ иными народами) вялость этихъ чувствъ находится въ связи съ общею вялостью нашей умственной жизни. Къ чему собственно, въ сферѣ умственныхъ интересовъ, русскій человѣкъ относится страстно и постоянно? Есть ли въ немъ живой, неостывающій въ сердцѣ культъ, *pietas* къ умственнымъ побѣдамъ и жертвамъ прошлаго, достаточно ли онъ думаетъ и хотя бы мечтаетъ объ общественной перспективѣ въ будущемъ? Все это слабо, какъ слаба у насъ вообще умственная жизнь, слишкомъ еще заслоняемая однѣми практическими личными заботами и забавами. Это просто—вопросъ наслѣдственности развитія или, если угодно, степеней его давности.

Но не «русская» ли партія пособить тому, чтобы умственная жизнь приобрѣла въ насъ болѣе живости и силы? Не эта ли партія, которая ставитъ идеаломъ будущаго возвращеніе ко временамъ тѣлесныхъ наказаній, муштровки и «подтягиванія», научить насъ любить свое и возбудить въ насъ свѣтлыя надежды? Или не отношеніе ли *Гржданина*, *Московскихъ* и *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* и отчасти и *Новою Вре-*

мени къ достигнутымъ нами общественнымъ успѣхамъ усилить въ насъ ту единственную гордость, которая не глупа? Не тѣ ли же привилегированно-русскіе органы учать насъ теплѣе и чаще вспоминать Тургенева и Салтыкова? Прочтите, что «русскіе» органы пишутъ, дабы привить обществу большее уваженіе къ литературнымъ дѣятелямъ, болѣе живую и постоянную память о заслугахъ...

Нѣтъ, какъ «русская партія» не признаетъ въ русскомъ обществѣ ни зрѣлости, которая бы оправдывала условія дальнѣйшаго развитія, ни личности, не истертой тяжкими условіями прошлаго, такъ и русское общество едва ли признаетъ пользу для себя въ самомъ существованіи «русской партіи». Въ дѣлѣ русскаго развитія «заслуги» ея отрицательны, «заслуги» же на одномъ полѣ травли инородцевъ противны. Все-то она всѣхъ обуздываетъ; да не только поляковъ, нѣмцевъ, финляндцевъ, «кавказцевъ», но еще сербовъ, болгаръ, а порою и чеховъ привлечетъ. Какъ будто нарочно старается она создать намъ среди славянъ репутацію нетерпимости, неуживчивости, любви къ скандаламъ и заушеніямъ. А съ этимъ далеко не уйдешь.

Мы глубоко убѣждены, что будущность русскаго благоустройства находится въ рукахъ земства. Какія бы измѣненія ни происходили въ составѣ земскихъ учреждений, но главныя культурныя задачи, все-таки, могутъ быть исполнены только руками выборнаго, всесословнаго земскаго управленія. Однако, изъ такого убѣжденія вовсе не слѣдуетъ, чтобы мы умалчивали о недостаткахъ, проявляющихся въ земской работѣ, или о встрѣчающихся случаяхъ злоупотребленій. Чрезвычайное собраніе московскаго губернскаго собранія, происходившее 23 и 24 мая, было исключительно посвящено разсмотрѣнію фактовъ неблагопріятныхъ: ходатайства четырехъ уѣздныхъ земствъ о разсрочкѣ имъ долговъ по позаймствованіямъ изъ продовольственнаго и страховаго капиталовъ, частныхъ жалобъ и протокола двухъ членовъ губернской управы о неправильныхъ дѣйствіяхъ московской уѣздной управы по оцѣнкѣ имущества и веденію избирательныхъ списковъ, наконецъ, доклада губернской управы о поврежденіи весеннимъ ледоходомъ 11 мостовъ на трехъ рѣкахъ.

Оказывается, что за 13 уѣздными земствами состоятъ долги губернскаму земству по означеннымъ капиталамъ 140 тыс. руб. Позаймствованія изъ капиталовъ на удовлетвореніе текущихъ расходовъ представляютъ чрезвычайное средство, прибѣгать къ которому можно только въ случаяхъ крайней нужды. Такія позаймствованія, по принципу, не вполне правильны даже и тогда, если они дѣлаются съ разрѣшенія губернской управы, такъ какъ упомянутые капиталы не составляютъ собственности земства, но принадлежатъ продовольственному и страховому дѣламъ, т.-е. самому населенію, которое дѣлаетъ спеціальныя взносы на эти цѣли. Но совсѣмъ уже неправильными представляются позаймствованія земскихъ уѣздовъ изъ этихъ капиталовъ, дѣлаемые безъ разрѣшенія губернскаго земства, которое при-

звано имѣть за капиталами надзоръ. Зная, однако, что такія позаймствованія уѣздами дѣлались, и желая упорядочить дѣло, губернское собраніе въ прошлую сессію постановило, чтобы уѣздныя управы не позже 1 марта внесли въ мѣстныя казначейства, въ депозитъ губернской управы, всю числящуюся за уѣздами наличность по продовольственному и страховому капиталамъ. При этомъ собраніе указало, что, въ случаѣ, если въ уѣздныхъ управахъ не окажется средствъ для исполненія этого постановленія, то должны быть созваны экстренныя уѣздныя собранія для присканія средствъ.

И вотъ теперь уѣзды Бронницкій, Блинскій, Подольскій и Рузскій, ссылаясь на недостатокъ средствъ, ходатайствовали передъ губернскимъ земствомъ о разсрочкѣ имъ этой уплаты на 10 лѣтъ и на 7 лѣтъ (Рузскій). Разумѣется, это—тѣ уѣзды, въ которыхъ позаймствованія накопились наиболѣе, а въ сложности они составляютъ по этимъ уѣздамъ $106\frac{3}{4}$ тыс. руб., такъ что изъ общаго итога $140\frac{1}{2}$ тыс. руб. всего $33\frac{1}{4}$ т. р. приходились (къ 1 января) на счетъ остальныхъ уѣздовъ.

Такъ какъ январское постановленіе губернскаго земства о пополненіи капиталовъ по 1 марта имѣло именно цѣлью приступить къ регулированію дѣла нѣсколько запущеннаго, то, очевидно, слѣдовало оказать уѣздамъ снисхожденіе, если только губернская управа, внесшая докладъ въ этомъ смыслѣ, а затѣмъ и собраніе убѣдились, что уѣздныя земства приняли всѣ мѣры и дѣйствительно не могли пополнить теперь же хотя бы часть лежащаго на нихъ долга. Вѣдь, покрывъ же свои долги обоимъ капиталамъ Верейскій уѣздъ; затѣмъ, на Рузскомъ уѣздѣ лежало долга всего $4\frac{3}{4}$ тыс. р. и то лишь по новымъ поступленіямъ послѣ 1 октября, между тѣмъ какъ на Подольскомъ уѣздѣ остается свыше 60 тыс. р., а за Бронницкимъ $25\frac{1}{3}$ тыс. руб. Нѣсколько странно было только со стороны рузскаго земства просить о разсрочкѣ менѣе 5 тыс. р.—на цѣлыхъ 7 лѣтъ. Такъ какъ это долгъ по новымъ поступленіямъ, то губернская управа и не включила его въ свой докладъ о разсрочкѣ и вопросъ былъ предложенъ только о трехъ уѣздахъ.

Были возраженія противъ допущенія разсрочки, основанныя на томъ, что упомянутые капиталы составляютъ собственность третьихъ лицъ; но, говоря практически, что же оставалось дѣлать, какъ не допустить разсрочки, чтобы привести дѣло въ порядокъ? Вѣдь, дѣлали же уѣздныя земства позаймствованія, хотя капиталы и принадлежать не имъ, лучше же пусть уѣзды будутъ обязаны пополнить капиталы хоть въ 10 лѣтъ, съ ручательствомъ губернскаго земства. Было также внесено предложеніе въ такомъ смыслѣ, чтобы губернское земство теперь же пополнило продовольственный и страховой капиталы изъ запаснаго, съ тѣмъ, чтобы разсроченныя уѣздомъ долги поступали уже въ запасный капиталъ. Собраніе утвердило разсрочку на 10 лѣтъ, а послѣднее предложеніе (г. Шинова) рѣшило отложить до осенней сессіи, поручивъ управѣ и ревизіонной комиссіи составить о немъ докладъ. Намъ предложеніе это представляется одновременно и правильнымъ по принципу, и излишнимъ на практикѣ. Несом-

инѣнно, что, не наставляя на немедленное пополненіи уѣздами всей наличности и давая имъ неизбежную разсрочку, губернское земство, обязанное заботиться о дѣлности капиталовъ, дѣлаетъ это на свою ответственность и что, въ случаѣ наступленія настоятельной нужды, ему пришлось бы самому пополнить капиталы изъ запасныхъ средствъ, а потомъ попомять эти средства изъ уѣздныхъ поступленій въ теченіе 10-ти лѣтняго срока. Но, въ виду этого же обстоятельства и отсутствія настоятельности подобнаго перечисленія въ настоящее время, мы и не видимъ, какая практическая цѣль достиглась бы предложеніемъ г. Шипова, и отсылка этого предложенія къ осени оправдывается только тѣмъ, что осенью «видѣть будетъ», что сдѣлаютъ пожары, и вѣроятный, къ сожалѣнію, неурожай.

Относительно восстановления и поправки поврежденныхъ мостовъ достаточно сказать, что изъ требуемыхъ управою 45³/₄ тыс. р., собраніе назначило только 15 тыс. р., а относительно издержки въ 30 тыс. р. на желѣзный Пахорскій мостъ (въ Подольскомъ у.) отложило обсужденіе до осени. Затѣмъ собраніе разсматривало крайне непріятное дѣло по жалобамъ на московскую уѣздную управу гг. Лопуцкаго и Рихтера относительно неправильной оцѣнки имуществъ и составленія избирательныхъ списковъ въ 1886 году, а также протоколъ по этому дѣлу членовъ губернской управы Духовскаго и Сазонова. По дѣлу г. Лопуцкаго оказалось, что въ 1883 г. онъ былъ внесенъ уѣздною управою въ избирательный списокъ, а въ 1886 году не былъ, и что управа исчислила доходность его трехъ дачъ въ 650 до 950 руб., между тѣмъ какъ статистическимъ отдѣленіемъ ихъ доходность была исчислена гораздо ниже, а именно въ 217 до 264 р. Сверхъ того, оказалось, что въ списки избирателей 1886 г. были внесены еще пятеро лицъ, не владѣющихъ никакимъ имуществомъ въ Московскомъ уѣздѣ, и что изъ ихъ числа одинъ даже состоитъ и по сейчасъ членомъ московской уѣздной управы.

Подобныя неправильности и сами по себѣ неутѣшительны, но въ еще худшемъ свѣтѣ онѣ представляются тѣми обстоятельствами, при которыхъ онѣ были удостовѣрены членомъ губернской управы. Дѣло въ томъ, что когда гг. Духовской и Сазоновъ, которымъ губернская управа поручила дознаніе, вслѣдствіе жалобъ, обратились къ уѣздной управѣ, то председатель послѣдней, г. Пфейферъ, въ присутствіи своихъ товарищей, отказался допустить ихъ къ производству дознанія, въ чемъ и выдалъ имъ копію съ постановленія уѣздной управы. Правда, затѣмъ онъ предлагалъ г. Духовскому осмотрѣть бумаги и книги частнымъ образомъ, но тотъ на это не согласился.

Теперь, во время преній въ губернскомъ собраніи по вопросу о преданіи уѣздной управы суду за неправильныя дѣйствія и за неисполненія законнаго требованія управы губернской, г. Пфейферъ утверждалъ, что губернское собраніе не имѣло права входить въ разсмотрѣніе вопроса о правильности оцѣнки данныхъ имуществъ и составленія избирательнаго списка, такъ какъ дѣйствія уѣздной управы въ этомъ отношеніи «получили

санкцію высшей административной власти, на разсмотрѣніи которой находились эти дѣла». Все это—весьма странно, чтобы не сказать иначе. Гласность должна быть душою выборныхъ учреждений, въ которыхъ вся власть основана на довѣріи избирателей. Какъ только появляются жалобы и заподозриванія, которыя высшее, земское же представительство признаетъ необходимымъ разъяснить, кто же болѣе самого г. Пфейфера и его товарищей можетъ быть заинтересованъ—вовсе не въ томъ, чтобы отписаться отъ губернской управы, но чтобы оправдаться передъ своими избирателями, разъяснить имъ, что избранныя ими лица, попрежнему, заслуживаютъ ихъ довѣрія? Между тѣмъ, московская уѣздная управа, съ г. Пфейферомъ во главѣ, возстаетъ противъ производства дознанія, такъ что приведенныя выше свѣдѣнія пришлось добывать помимо ея, а теперь г. Пфейферъ прикрывается противъ земства административнымъ утвержденіемъ. Сдѣлавъ это замѣчаніе, мы относимъ именно къ этимъ обстоятельствамъ высказанный гласнымъ Оленнымъ отзывъ, что «грустное и странное поведеніе московской уѣздной управы представляетъ единственный въ этомъ родѣ примѣръ среди всѣхъ земствъ Россіи».

Возраженіе, что не дѣло губернской управы слѣдить за правильностью оцѣнокъ и списковъ, что сами заинтересованные могли требовать ихъ исправленія до истеченія сроковъ и что поэтому уѣздная управа стояла «на законной почвѣ», не допуская уполномоченныхъ губернской управой для дознанія лицъ, падаетъ само собою, такъ какъ гг. Духовскому и Сазонову губернская управа поручала не исправленіе оцѣнокъ и списковъ, но производство дознанія по обвиненію въ злоупотребленіяхъ. Вѣдь, если бы прокурорскій надзоръ по собственному почину взялся за это дѣло, г. Пфейферъ не могъ бы ему возразить, что проверка правильности оцѣнокъ и списковъ не входитъ въ полномочіе прокурорской власти.

Впрочемъ, имѣлось налицо не только дѣло по жалобамъ гг. Лопуцкаго и Рихтера, но еще дѣло наслѣдниковъ земскаго подрядчика Горшкова по постройкѣ мостовой, по которому открылось, что уѣздною управой было выдано удостовѣреніе о передачѣ подряда одному изъ компаньоновъ Горшкова по собственному отказу вдовы прежняго подрядчика. На основаніи этого удостовѣренія, судебная палата отказала наслѣдникамъ Горшкова въ ихъ искѣ, а, между тѣмъ, когда истцы потребовали отъ управы справку, имѣется ли въ дѣлахъ заявленіе Горшковой, то управа отказалась выдать такую справку и только по требованію уѣзднаго собранія принуждена была представить справку, изъ которой и оказалось, что заявленія Горшковой въ дѣлахъ нѣтъ; теперь наслѣдники обвиняютъ г. Пфейфера въ выдачѣ невоmu подрядчику завѣдомо ложнаго удостовѣренія. Губернское собраніе постановило передать судебной власти дѣйствія московской уѣздной управы по обоимъ упомянутымъ дѣламъ. Рѣшеніе это было принято по первому дѣлу большинствомъ 30 голосовъ противъ 5, а по второму—19 противъ 12. Теперь дѣло суда рѣшить, въ какой мѣрѣ дѣйствія эти могутъ быть сопряжены съ отвѣтственностью. Но для приговора общественнаго мнѣнія

и избирателей достаточно уже одного уклонения привлекаемыхъ отъ земскаго дознанія въ первомъ случаѣ и отъ выдачи справки — во второмъ. Мы нисколько не думаемъ предрѣшать вопроса, будетъ ли судомъ возложена на членовъ управы отвѣтственность по тѣмъ обвиненіямъ, отъ которыхъ они сами не хотѣли тотчасъ же очиститься открыто, а, напротивъ, пытались защититься «крючками». Но земское дѣло не таково, чтобы въ немъ можно было оправдаться «крючками», даже если бы они и оказывались достаточною защитой при какой-либо формальной процедурѣ.

Противники земства пока еще не ухватились за дѣло по обвиненію московской уѣздной управы. Что, впрочемъ, дѣло это значить, по своимъ размѣрамъ, въ сравненіи съ тѣми беспорядками, какіе обнаружались на курско-азовской дорогѣ, и съ тѣми, вполне удостовереннымъ послабленіемъ со стороны надзиравшихъ административныхъ органовъ, которое повело къ слухамъ о раскисрованіи цѣлаго вѣдомства? Въ мѣсячную хронику мы должны занести послѣдовавшее прекращеніе верховною волей судебного производства по дѣлу о крушеніи императорскаго поѣзда на означенной дорогѣ. Въ высочайшемъ рескриптѣ по этому поводу упоминается, между прочимъ, что предварительнымъ слѣдствіемъ обнаружены «нерадѣніе и неосторожность должностныхъ лицъ не только частной, но и государственной службы, и ослабленіе у послѣднихъ сознанія своего служебнаго долга, обязывающаго ихъ къ неуклонной бдительности при употребленіи ввѣренной имъ власти». Съ прекращеніемъ судебного производства по этому дѣлу, повелѣно министру путей сообщенія войти въ разсмотрѣніе неправильныхъ дѣйствій и упущеній по службѣ лицъ, обвинявшихся по слѣдствію, для наложенія на нихъ взысканій въ порядкѣ дисциплинарномъ.

Между тѣмъ, распространился слухъ, что правительство намѣрено приступить къ выкупу курско-харьково-азовской дороги. По уставу ея, срокъ для возможности ея выкупа въ казну наступаетъ въ концѣ декабря нынѣшняго года. Для общества, нынѣ владѣющаго дорогой, если произойдетъ при этомъ потеря, то развѣ какихъ-либо хозяйственныхъ выгодъ, которыхъ опредѣлить нельзя. Съ акцій же дохода сверхъ гарантіи не получалось и доселѣ, несмотря на возростающее съ году на годъ поступленіе сборовъ. Чистый доходъ дороги въ 1887 г. составилъ 5½ милл. р., а сумма платежей процентовъ и погашенія по акціямъ, облигаціямъ и ссудамъ составляла почти 5 милл. 600 т. р., такъ что въ конечномъ результатѣ дорога давала дефицитъ. Съ выкупомъ дороги, акціи замѣнятся новыми правительственными облигаціями, по которымъ прежніе акціонеры будутъ получать доходъ, а казнѣ достанется дорога съ хозяйствомъ, не оплачивающимся, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время. Правда, если бы курсъ рубля поднялся, то казна могла бы, при выкупѣ дороги, воспользоваться выгодно отъ уменьшенія металлическихъ платежей. Но это — вопросъ еще сомнительный. Другое дѣло, если дорога находится, въ самомъ дѣлѣ, въ такомъ состояніи, что требуетъ кореннаго ремонта. Но, въ такомъ случаѣ, прави-

тельство имѣло бы право обязать компанію привести ее въ порядокъ, хотя бы для этого и пришлось отложить выкупъ на годъ.

Въ области финансовой мы должны, прежде всего, отмѣтить новое узаконеніе, въ силу котораго годовая смѣта военного министерства нормально опредѣляется на ближайшее пятилѣтіе въ суммѣ 211²/₃ милл. р., т. е. въ размѣрѣ послѣдняго ассигнованія. При этомъ, однако, допускаются прибавки къ нормальной смѣтѣ, въ случаѣ вздорожанія продовольственныхъ припасовъ. Нормированіе это, означая, съ одной стороны, что военное вѣдомство должно оборачиваться назначенными ему средствами, въ опредѣленныхъ предѣлахъ, предполагаетъ, разумѣется, что и какія-либо сбереженія въ производствѣ расходовъ останутся въ распоряженіи министерства. Это имѣетъ какъ бы смыслъ страхованія государственнаго казначейства отъ перетребованій на военныя цѣли. Напомнимъ, что такой порядокъ однажды уже былъ установленъ, а потомъ отмѣненъ вслѣдствіе того, что норма всегда становится минимумомъ издержекъ, но не отвращаетъ возможности какого-либо превосходящаго ее максимума.

Новый 4°/о заемъ нарицательнаго капитала въ 310¹/₂ милл. руб. золотомъ, выпущенный въ прошломъ мѣсяцѣ, представилъ продолженіе громадной операціи конверсіи, для завершенія выкупа полностью всѣхъ еще оставшихся въ обращеніи 5°/о консолидированныхъ облигацій желѣзныхъ дорогъ I, III, IV и VII выпусковъ и составлявшихъ въ общей суммѣ 43¹/₂ милл. фунтовъ стерл. Облигаціи новаго займа называются желѣзно-дорожными облигаціями 2-й серіи, а облигаціи предшествующихъ 4°/о же займовъ, сдѣланныхъ съ цѣлью конверсіи, относятся къ 1-й серіи. Подписная цѣна была опредѣлена въ 91¹/₂°/о нарицательной стоимости, то-есть за 114 руб. 37¹/₂ коп. зол. въ прежнихъ 5°/о облигаціяхъ, обмѣниваемыхъ на новыя или въ наличныхъ деньгахъ съ разсрочкою—выдается новая 4°/о облигація въ 125 руб. зол.; при досрочной же оплатѣ наличными деньгами дается учетъ по 2°/о годовыхъ, сообразно установленнымъ цѣнамъ и размѣрамъ взносовъ. Предъявляющіе прежнія облигаціи въ обмѣнъ на новыя получаютъ послѣднія безъ разверстия. Облигаціи 2-й, какъ и 1-й серіи подлежатъ погашенію въ теченіе 81 года и освобождаются навсегда отъ всякихъ налоговъ.

Мы не можемъ знать, остановится ли, хотя бы на нѣкоторое время, операція по конверсіи высоко-процентныхъ фондовъ, но признаемся, не желали бы въ этомъ дѣлѣ дальнѣйшей послѣдственности. Миллиардная операція, уже совершенная доселѣ, заключается вовсе не въ одномъ пониженіи суммы платимыхъ процентовъ съ 5 до 4,4 (если принять возвышеніе нарицательнаго капитала по цѣнѣ обмѣна, всего въ 10°/о), но еще продленіи наиболѣе значительной части долга на десятки лѣтъ, съ лишнимъ платежомъ за те же время процентовъ. Выгодною подобную операцію можно признать лишь въ весьма относительномъ смыслѣ, какъ, напримеръ, была бы выгодно продолжительная отсрочка векселей, которымъ

срокъ еще не наступилъ, на гораздо болѣе продолжительное время и, притомъ, со скидкой $\frac{3}{8}$ съ прежняго размѣра интереса. На ближайшее время представляется при этомъ нѣкоторое облегченіе, но въ конечномъ результатѣ придется заплатить гораздо больше, чѣмъ при погашеніи въ первоначальные сроки.

Послѣдняя срочная вѣдомость о поступленіи государственныхъ доходовъ въ текущемъ году представляетъ вновь результаты весьма благоприятныя, въ которыхъ все еще отражаются послѣдствія огромнаго вывоза хлѣба. Но, къ сожалѣнію, требованія на нашъ хлѣбъ уже въ настоящее время значительно ослабѣли, и извѣстія о предстоящемъ урожаѣ насколько неблагоприятны у насъ, настолько же благоприятны изъ-за границы. Это не общаетъ и продолженія тѣхъ блестящихъ финансовыхъ результатовъ, какими мы были обязаны урожаемъ двухъ минувшихъ годовъ. Учитывая впередъ это обстоятельство, а также основываясь на преисшедшемъ уже ослабленіи вывоза, курсъ нашего рубля пошелъ на пониженіе. Вмѣсто 217 и выше на Берлинъ, онъ упалъ до 214, причемъ въ сдѣлкахъ на срокъ съ иностранными векселями дается курсъ тѣмъ менѣе благоприятный, чѣмъ продолжительнѣе срокъ сдѣлки,—иными словами, биржа предвидитъ прогрессивное пониженіе курса.

Такая крайняя нетвердость курса особенно замѣчательна въ виду послѣдовавшаго уже уравновѣшенія доходовъ съ расходами по предположеніямъ росписи на текущій годъ и еще въ виду громаднаго перевѣса отпуска нашихъ продуктовъ за границу передъ ввозомъ въ Россію иностранныхъ товаровъ. Нашъ отпускъ въ 1888 году дошелъ до суммы 428 милл. руб., а ввозъ, несмотря на нѣкоторое увеличеніе противъ 1887 года (на 11 м. р. мет.), составилъ всего 197 милл. руб. мет. И такъ, торговый балансъ, въ благоприятности котораго протекціонисты видятъ залогъ поднятія валюты и процвѣтанія внутренней производительности, оказался такъ для насъ благоприятенъ, что излишекъ отпуска передъ ввозомъ значительно превысилъ всю сумму послѣдняго. Подобный результатъ въ связи съ достигнутымъ равновѣсіемъ въ финансахъ, казался бы, долженъ былъ придать нашему курсу болѣшую устойчивость, чѣмъ та, какая оказывается. Что касается внутренней производительности, то, какъ извѣстно, главная отрасль ея—хлѣбная—находится въ критическомъ положеніи вслѣдствіе паденія цѣнъ. Спрашивается, кто же, въ сущности, выигралъ отъ тѣхъ огромныхъ перепадовъ по ввознымъ предметамъ и по возвышенію цѣнъ на замѣнявшіе ихъ внутренніе, какія легли на русскихъ потребителей? Не казна, которой таможенный доходъ уменьшился, несмотря на возвышеніе пошлинъ, не производители хлѣба, не желѣзныя дороги, которыя только лишились значительной части ввоза,—стало быть, лишь тѣ крупнѣйшіе мануфактуристы, которые получаютъ по 16 и 18% съ капитала, какъ о томъ свидѣтельствуютъ цифры дивидендовъ, показанныя по отчетамъ нѣкоторыхъ акціонерно-мануфактурныхъ компаній.

Виды на урожай, въ самомъ дѣлѣ, неутѣшительны. Не только на югѣ,

гдѣ озимые посѣвы пришлось запахать, но и въ центральномъ районѣ, гдѣ озимые не пострадали отъ безснѣжья, но за то долго стоитъ засуха, опасаются неудовлетворительныхъ результатовъ. Массы работниковъ, ежегодно отправляющихся на югъ, начинаютъ уже возвращаться, чтобы искать заработковъ въ иныхъ полосахъ. А, между тѣмъ, въ прошломъ году, при огромномъ урожаѣ, на югѣ оказывался такой недостатокъ въ рабочихъ, что платили по 3 и даже по 5 руб. человѣку въ сутки, и, все-таки, много хлѣба осталось необраннымъ и травы можно было скосить только меньшую часть. Такой чрезмѣрный наплывъ рабочихъ въ неурожайные годы и недостатокъ въ рабочихъ при урожаяхъ повторяется съ году на годъ—не потому, чтобы на югъ приходило примѣрно одинаковое число рабочихъ, которыми, затѣмъ, при неурожаѣ недоставало бы работы, но и потому еще, что слухи объ усиленныхъ заработкахъ прошлаго года привлекаютъ усиленное движеніе рабочихъ. Если при этомъ въ цѣлой полосѣ окажется неурожай, то массы рабочихъ должны возвращаться домой или ѣхать куда-нибудь далеко, на-удачу, отыскивая работу, причемъ они, разумѣется, понадеются въ крайнюю нужду.

Въ запискѣ управляющаго лозово-севастопольскою желѣзною дорогой г. Баталина излагается проектъ организациі этого дѣла при помощи желѣзныхъ дорогъ, то-есть въ снабженіи юга рабочими и доставленіи крестьянамъ на станціяхъ, ближайшихъ къ мѣстамъ ихъ жительства, положительныхъ свѣдѣній о томъ, гдѣ спрашиваются рабочіе и какія даются цѣны. Мысль г. Баталина заслуживаетъ вниманія, хотя полное исполненіе его проекта и соединено съ неудобствами. Проектъ заключается въ слѣдующемъ: въ Москвѣ учреждается «центральное рабочее бюро», куда желѣзно-дорожныя станціи стали бы телеграфировать по 2 или 3 раза въ недѣлю свѣдѣнія о мѣстахъ и цѣнахъ спроса на рабочихъ. Чтобы не обременить правительственный телеграфъ, предполагаются сношенія станцій съ центральнымъ бюро чрезъ управленія каждой дороги, то-есть посредствомъ желѣзно-дорожнаго телеграфа. Бюро печатало бы «рабочіе бюллетени» и рассылало бы ихъ по станціямъ, а также земскимъ управлѣніямъ и волостнымъ правленіямъ. Сдѣлки по найму совершались бы чрезъ начальника ближайшей къ крестьянамъ станціи. Получивъ заказную телеграмму съ увѣдомленіемъ съ мѣста отправленія, что тамъ въ кассу внесена такая-то сумма на задатки и т. д., начальникъ станціи нанималъ бы рабочихъ, удерживая ихъ паспорта, вмѣсто послѣднихъ выдавая договорные листы, подписанные имъ и крестьянами, засвидѣтельствованные телеграфистомъ и жандармомъ, и листы эти считались бы безспорными, какъ бы нотаріальными актами договора. За посредничество по найму начальникъ станціи получалъ бы съ нанимателя примѣрно по 50 к. за нанятаго человѣка. Авторъ проекта хочетъ, чтобы разрѣшался нашъ не менѣе 10 человѣкъ и не иначе, какъ артелями, съ круговою порукой, конечно, для устраненія спекулянтовъ.

Важную черту въ проектѣ г. Баталина составляетъ расчетъ на при-

влеченіе рабочихъ изъ отдаленныхъ мѣстностей, причесть желѣзныя дороги могли бы, въ прямомъ сообщеніи, понизить цѣну перевозки до $\frac{1}{2}$ и даже $\frac{1}{3}$ коп. съ версты, т.-е. почти на 75 процентовъ противъ нынѣшнихъ проѣздныхъ платъ. Желѣзныя дороги при этомъ не только бы не потеряли, но выиграли бы, получивъ новый источникъ дохода — въ перевозкѣ рабочихъ на дальнія разстоянія. Соображенія, какими авторъ сопровождаетъ свой проектъ, таковы. Недостаточное при урежаяхъ число рабочихъ на югѣ производить то, что работникъ получаетъ заработка по 3—4 р. въ день, а за нѣсколько сотъ, хотя бы и тысячу верстъ, цѣлыя мѣстности голодаютъ отъ безработицы. Преувеличенные заработки не идутъ въ прокъ, такъ какъ легкая нажива развиваетъ разгулъ, а, между тѣмъ, сельскихъ хозяевъ такая плата рабочимъ при нынѣшнемъ паденіи цѣнъ разоряетъ. Наемъ рабочихъ, при существованіи центрального бюро, былъ бы всегда обезпеченъ, а при помощи телеграфа каждое требованіе можетъ быть быстро исполнено; при расширеніи рынка труда получатся болѣе нормальныя среднія на него цѣны, посредничество по найму возлагалось бы на людей, знающихъ желѣзно-дорожные порядки и могущихъ отправлять рабочихъ скорѣе и удобнѣе, чѣмъ они дѣлаютъ сами; наемъ производился бы при помощи лицъ отвѣтственныхъ, а не какихъ-либо спекулянтовъ; крестьяне, имѣя дѣло съ ближайшею или недалекою станціей, не пускались бы въ путь на-авось, что всегда отнимаетъ много времени и часто ведетъ ихъ къ полному разоренію. Наконецъ, самый наемъ совершался бы съ правильнымъ удостовѣреніемъ, вмѣсто словесныхъ уговоровъ, которые потомъ не сдерживаются.

Во всемъ этомъ не мало дѣльнаго и возражать противъ такого участія желѣзныхъ дорогъ нельзя уже потому, что разрѣшено же имъ посредничество въ выдачахъ ссудъ на хлѣбъ и даже непосредственное производство такихъ ссудъ самими дорогами, что также не входитъ въ кругъ прямого назначенія дорогъ. Неудобства представляются лишь въ томъ, возможно ли всѣмъ начальникамъ станцій предоставить право выдавать договорные листы, обязательные передъ судомъ, и не окажутся ли на нѣкоторыхъ станціяхъ начальники столь обремененными комиссіонерскою операціей, за которую они будутъ получать плату, что у нихъ явится недостатокъ времени или вниманія къ исполненію прямыхъ обязанностей, которыя столь важны для безопасности движенія?

Мы полагаемъ, однако, что первое неудобство можетъ быть обойдено, если договорнымъ листамъ, которые выдавали бы начальники, дать значеніе лишь частныхъ свидѣтельствъ о сдѣлкахъ, совершенныхъ по телеграфу между заинтересованными сторонами, освободивъ, притомъ же, служащихъ отъ вызова къ подтвержденію этихъ письменныхъ свидѣтельствъ устными показаніемъ, въ случаѣ обращенія дѣла къ суду. Что касается обремененія занятіями, то этотъ вопросъ могъ бы разъясниться только практикою. Не на всѣхъ же двухъ тысячахъ нашихъ желѣзно-дорожныхъ станцій посредничество по найму рабочихъ можетъ отяготить начальниковъ. На та-

кія же станціи, гдѣ это окажется нужнымъ, по указанію опыта, центральное бюро можетъ посылать своихъ агентовъ, которымъ и предоставится вознагражденіе, рассчитанное за наемъ. Какъ бы то ни было, мысль г. Баталлина заслуживаетъ серьезнаго разсмотрѣнія желѣзно-дорожныхъ и казенныхъ управленій.

Съ истеченіемъ нынѣшняго учебнаго года минуло 17-лѣтіе безусловнаго господства древнихъ языковъ въ курсѣ нашихъ гимназій. Періодъ этотъ уже достаточно продолжителенъ, чтобы судить о результатахъ системы. У насъ все скоро забывается. Многие уже не помнятъ, а иные не знаютъ, съ какою, можно сказать, фанатическою вѣрой въ его всеспасаемость ввѣдился у насъ классицизмъ. Ему принесли въ жертву все, даже русскій языкъ, даже исторію, хотя живое знаніе исторіи и отечественной литературы, а также умѣнье владѣть роднымъ литературнымъ языкомъ составляютъ самыя важныя основы образованія. Учебный фанатизмъ того времени былъ необузданъ и неразборчивъ, какъ то, впрочемъ, чаще всего встрѣчается у новообращенныхъ, у прозелитовъ.

Въ настоящее время настроеніе въ учебныхъ сферахъ уже значительно измѣнилось, конечно, въ виду достигнутыхъ за 17 лѣтъ или, лучше сказать, недостигнутыхъ результатовъ. Въ учебномъ вѣдомствѣ, по меньшей мѣрѣ, нѣтъ уже фанатическаго отношенія къ классицизму. На это имѣется нѣсколько признаковъ. Такъ, министерство народнаго просвѣщенія прямо признало неудовлетворительною нынѣшнюю постановку въ гимназіяхъ изученія греческаго языка и предложило педагогическимъ совѣтамъ представить мнѣнія о возможныхъ измѣненіяхъ. Такъ, въ *Журналѣ* того же министерства недавно появились, одна за другою, статьи специалистовъ-преподавателей, которые высказываютъ, что нынѣшніе способы и размѣры изученія не только греческаго, но и латинскаго языка неудовлетворительны сами по себѣ, не достигаютъ главной цѣли, а, между тѣмъ, примѣненіе ихъ въ курсѣ поглощаетъ столько времени, что положительно страдаютъ другіе предметы, которые сами весьма важны и не должны быть приносимы въ жертву однимъ древнимъ языкамъ.

Съ точки зрѣнія реформаторовъ 1871 года, все это представляетъ уже чистую ересь. Когда въ одной изъ названныхъ статей г. Дмитревскій, подробно разбирая тѣ упражненія, какія предлагаются гимназистамъ, входить таковыя въ значительной степени неосмысленными и обременительными для ученическихъ умовъ, то онъ провозглашаетъ именно великую ересь противъ одного изъ основныхъ догматовъ классическаго катихизиса 1871 года. Догматъ гласилъ, что изученіе древнихъ языковъ въ томъ и представляетъ неопѣненное педагогическое средство для развитія ума и сформированія характера учениковъ, что методы его требуютъ механическаго, труднаго усвоенія формы и матеріала, не допуская поспѣшныхъ выводовъ, устраняя кичливость сужденія. Съ этой точки зрѣнія, тѣ бессмысленныя фразы греко-латинскихъ упражненій, составленныхъ г. Сягомъ и другими ратоборцами

нашего классического обновления, вполне соответствуют цели. Въ другой статьѣ, помѣщенной въ томъ же *Журналѣ*, г. Вейсманъ даетъ такой отзывъ: «Богѣе 10 лѣтъ мнѣ приходится испытывать учениковъ, окончившихъ курсъ гимназій, или для поступления ихъ въ историко-филологическій институтъ, или тотчасъ же послѣ поступления, въ переводѣ съ русскаго языка на греческій, и я могу сказать только одно, что тѣ переводы, какіе мнѣ приходилось видѣть, за рѣдкими исключеніями, были крайне посредственны. Не говоря уже о складѣ языка, большинство изъ нихъ представляли грубыя ошибки въ этимологій и обыкновенныхъ правилахъ синтаксиса... Спрашивается, стоило ли, и стоитъ ли, и дальше еще хлопотать о подобныхъ жалкихъ результатахъ по греческому языку?»

Оба автора указываютъ на необходимость упрощенія и сокращенія подготовительнаго курса, совершенно, повидимому, забывая о той «пассивной гимнастикѣ ума», которая рекомендовалась какъ одна изъ главныхъ цѣлей, и требуютъ, чтобы усилія были направлены къ ознакомленію съ древними авторами, — иными словами, признають, что такого ознакомленія нынѣ совсѣмъ не достигается. Г. Дмитревскій допускаетъ даже—*horribile dictu*, что въ прежнихъ духовныхъ семинаріяхъ получались по древнимъ языкамъ лучшіе результаты, чѣмъ въ нашихъ преобразованныхъ гимназіяхъ, съ ихъ гораздо болѣе всесторонне-развитымъ педагогическимъ персоналомъ. А, между тѣмъ, семинаристамъ былъ прегражденъ доступъ въ университеты! Оба автора утверждаютъ, что необходимо обратить болѣе вниманія на изученіе русскаго литературнаго языка, такъ какъ и въ этомъ отношеніи достигнутые доселѣ результаты оказываются неудовлетворительными, именно потому, что изученіе древнихъ языковъ (повторимъ, недостигающее и своей цѣли) не оставляетъ достаточнаго времени на остальное.

Самое появленіе такихъ отзывовъ въ *Журналѣ* министерства представляетъ нѣчто совершенно необычное для каждаго, кто живо помнитъ классическій фанатизмъ въ началѣ 70-хъ годовъ, и все то притязаніе на безусловную непогрѣшимость, съ какими авторы программъ, учебныхъ плановъ и методовъ обрушивались на малѣйшее возраженіе. Въ то время утверждалось, что древнимъ языкамъ отведено было и въ новомъ учебномъ планѣ еще слишкомъ недостаточно времени; высчитывалось, что въ германскихъ гимназіяхъ приходится на нихъ столько-то лишнихъ, противъ нашего, годовыхъ часовъ. А, между тѣмъ, несмотря на непосильное обремененіе учениковъ урраженіями чисто-механическаго свойства, учебные планы, вѣдь, имѣли еще притязаніе дѣйствительно ознакомлять учениковъ съ древними литературами. Стоитъ только взглянуть на эти планы и измѣрить, по точно опредѣленнымъ въ нихъ тысячамъ стиховъ Гомера, Вергилія и т. д., а также по названіямъ труднѣйшихъ произведеній Платона, Сенеки и проч., то обширное практическое ознакомленіе учениковъ съ древними литературами—въ самой еще школѣ, какое въ то время обѣщалось обществу, а гимназическимъ начальствомъ поставлялось въ обязанность къ неуноснительному исполненію.

Несомнѣнно, что германскія гимназіи не выпускаютъ такихъ абитуриентовъ, которые писали бы по-нѣмецки такъ безграмотно, какъ силошь да рядомъ пишутъ у насъ обладатели аттестата зрѣлости,—особенно отличаются въ этомъ отношеніи воспитанники гимназій провинціальныхъ. Изъ приведенныхъ выше отзывовъ мы видимъ, что и въ древнихъ языкахъ они слабы даже въ ѣтимологическомъ отношеніи, а о дѣйствительномъ прочтеніи главныхъ классиковъ нечего и думать. Не говоря о Платонѣ или хотя бы Гораціи, но изъ 10 воспитанниковъ, получающихъ аттестатъ, едва ли одинъ въ состояніи перевести безъ ошибки любую страницу Цицерона, даже изъ числа тѣхъ, которыя онъ переводилъ въ гимназіи. Притомъ, надо замѣтить, что почва у насъ, повидимому, совсѣмъ неблагоприятна для классическаго посѣва, такъ какъ по выходѣ изъ гимназій наши молодые люди приобрѣтаютъ въ изумительной степени способность забывать древніе языки, но забывать ихъ такъ основательно, что иной врывается, еще не кончивъ университетскаго курса, уже не переведетъ никакой латинской надписи на монументѣ, за исключеніемъ *Petro primo, Catharina secunda*. Намъ случилось предложить недавнему абитуриенту перевести надпись на одномъ протестантскомъ храмѣ: *Deo et Servatori sacrum* *); онъ перевелъ такъ: «Богу и служителю (Его) священно».

Вотъ каковы результаты того предпріятія, которымъ намѣревались посредствомъ полнаго преобладанія древнихъ языковъ изгнать изъ нашихъ гимназій «призрачное знаніе», поверхностность, умственный хаосъ и другія подобныя явленія, замѣнивъ ихъ систематическимъ и основательнымъ приближеніемъ къ самымъ источникамъ всей европейской цивилизаціи и правильнымъ умственнымъ развитіемъ. Любое изъ оснований, провозглашавшихся въ то время, въ качествѣ недопускающихъ даже и сужденія аксіомъ, звучитъ какъ-то странно нынѣ, когда его сопоставить съ результатами 17-ти лѣтняго опыта. Таково и «самое основное» изъ этихъ оснований — «сосредоточеніе» всего общаго образованія на классическихъ языкахъ и математикѣ. Опредѣленіе это, хотя оно и заимствовано отъ велемудрыхъ нѣмецкихъ педагоговъ, не однимъ намъ, конечно, казалось страннымъ и въ то время, когда оно поставлено было просто внѣ, выше всякаго обсужденія. Общеобразовательный курсъ, въ этомъ опредѣленіи, представлялся какъ бы въ видѣ эллипса, имѣющаго два и, притомъ, совершенно разнородныхъ центра, для «сосредоточенія». Произвольности такихъ «основъ» соотвѣтствовала полная антипедагогичность въ ихъ примѣненіи. Все было основано на системѣ полнѣйшаго недовѣрія не только къ ученикамъ, но и къ преподавателямъ, даже къ директорамъ гимназій. Учениковъ во время экзаменовъ запирали, темы для письменныхъ работъ заготовлялись въ Петербургѣ и разсылались по всей странѣ къ экзаменамъ въ запечатанныхъ конвертахъ, совершенно какъ «секретныя цѣны» къ торгамъ на поставкѣ и подряды. И, однакожъ, несмотря на всѣ эти предосто-

*) „Посвященъ Богу Вседержителю“.

рожности, дѣло какъ-то сходило съ рукъ, потому что оказались же въ теченіе 17 лѣтъ многія тысячи достойныхъ аттестата зрѣлости, то-есть, повидимому, способныхъ читать въ подлинникѣ *Разговоры* Платона, трагедія Софокла и Эсхила, прозу Тацита и Тита Ливія, сатиры Ювенала и отрывки Теренція.

А, между тѣмъ... какъ объяснить это? Стало быть, спасеніе, все-таки, не въ сложности предписаній и всеобъемлемости предосторожностей, не въ непреклонности формъ. Недаромъ сказано, что буква жертвуетъ, а только духъ оживляетъ. Учились, что называется, въ «зубрѣжъ», переводили только зазубренное, до остальнаго никому не было дѣла, а на экзаменахъ приходилось же выпускать кого-нибудь; чтó бы сказало начальство о такой гимназій, которая хоть въ одномъ году не выпустила бы ни одного воспитанника съ аттестатомъ зрѣлости? И вотъ поневогѣ приходилось сообщаться съ дѣйствительною возможностью. Одно лицо у Мольера говоритъ: *il est avec le ciel des accommodements* (съ небомъ возможны компромиссы); подставьте слово *grec*, вмѣсто *ciel*, и получите то, что приходилось дѣлать въ дѣйствительности. Это и будетъ достаточнымъ объясненіемъ всѣхъ нажимающихся противорѣчій.

Вопросъ поставленъ пока не о перемѣнѣ системы, но о нѣкоторомъ ея умѣреніи, упрощеніи, съ одной стороны (со стороны присловутой «гимнастике ума») и дополненіи—съ другой (всѣ приносимые въ жертву предметы, особенно же русскій языкъ). Откликаясь на этотъ собственно вопросъ, мы, разумѣется, не можемъ предлагать въ нашемъ обзорѣ чего-либо похожего на новый учебный планъ для гимназій. Съ насъ довольно будетъ коснуться тѣхъ направленій преобразования, какія уже указываются специалистами-педагогами въ *Журналѣ* самого министерства. Съ полнымъ сочувствіемъ встрѣчаемъ мы ихъ предположенія о дополненіи гимназическаго курса и объ упрощеніи въ немъ преподаванія собственно древнихъ языковъ. Необходимость перваго слишкомъ очевидна и о ней напрасно говорить.

Мимоходомъ мы выскажемъ принципиальный взглядъ на общее устройство среднеобразовательныхъ училищъ. Взглядъ этотъ сводится къ тому, что именно элементъ общеобразовательный долженъ быть усилень какъ въ гимназіяхъ, такъ и въ реальныхъ училищахъ. Съ учрежденіемъ особыхъ практическо-техническихъ школъ, реальныхъ училища должны бы были вновь признаны общеобразовательными, причемъ въ нихъ можно бы было ввести преподаваніе латинскаго языка, и абитуриентамъ реальныхъ училищъ могъ бы быть открытъ доступъ въ математическое и естественно-научное отдѣленія университетовъ (какъ въ Пруссіи) и на медицинскій факультетъ. Въ гимназіяхъ же, съ сохраненіемъ преобладанія обоихъ древнихъ языковъ, но съ значительнымъ сокращеніемъ отведенныхъ для нихъ часовъ и упрощеніемъ плана преподаванія, должно быть поднято изученіе исторіи, русскаго и иностранныхъ языковъ. Такимъ образомъ, мы получили бы среднеобразовательныя, равноправныя, училища двухъ типовъ: историко-филологическаго и «научнаго» въ тѣсномъ смыслѣ, соответственно дѣленію суще-

ствующихъ у насъ высшихъ, университетскихъ и техническихъ курсовъ. Необходимость же такого соответствія обуславливается тѣмъ, что какъ гимназіи, такъ и реальныя училища всегда были и останутся подготовительными школами для высшихъ училищъ, а сами въ себѣ законченными нѣкъмъ въ дѣйствительности никогда не считались и считаться не могутъ, именно потому, что не дають специально-прикладнаго знанія, какъ высшія техническія училища и университетскіе факультеты.

Желѣзно-дорожно-тарифныя учрежденія, недавно призванныя къ жизни, весьма быстро и энергично взялись за дѣло. Въ прошломъ мѣсяцѣ засѣдало въ Петербургѣ особое совѣщаніе о хлѣбныхъ тарифахъ, составленное изъ представителей администраціи, сельскаго хозяйства и желѣзныхъ дорогъ, и окончило трудное свое дѣло въ нѣсколько дней. При этомъ въ первыхъ засѣданіяхъ по необходимости выяснялись еще только самыя первоначальныя основанія, причемъ представители сельскаго хозяйства даже еще не успѣли сговориться между собою, а желѣзно-дорожные представители, какъ всегда, выступали съ вполне готовыми формулами. Но прошло нѣсколько дней и совѣщаніе уже выработало общія основанія для установленія хлѣбныхъ тарифовъ,—основанія, которыя затѣмъ были пересмотрѣны тарифнымъ комитетомъ, одобрены г. министромъ финансовъ и сообщены къ руководству общему съѣзду представителей желѣзныхъ дорогъ, который затѣмъ открылся въ Петербургѣ же.

Помѣщавшіяся въ газетахъ извѣстія о преніяхъ и рѣшеніяхъ совѣщанія были такъ отрывочны, что какое-либо сужденіе наде отложить до болѣе удовлетворительныхъ свѣдѣній, какія не замедлитъ представить *Вѣстникъ Финансовъ*. Пока мы должны ограничиться замѣчаніями столь же отрывочными, какъ и опубликованныя доселѣ свѣдѣнія. Совѣщаніе уже открылось подъ вліяніемъ предрѣшеннаго тарифнымъ комитетомъ общаго вопроса—въ смыслѣ принципа равной пропорціональности платъ проходимымъ разстояніямъ. Принципъ этотъ, впрочемъ, кажется столь естественнымъ, что для пришедшихъ со стороны представителей сельскаго хозяйства онъ, конечно, не представлялъ сперва ничего сомнительнаго даже въ безусловномъ примѣненіи. Но предсѣдатель тарифнаго комитета, въ своемъ сочиненіи о тарифахъ, весьма убѣдительно доказывалъ условность упомянутого принципа. Хотя, затѣмъ, начало это и легло въ основаніе постановленій совѣщанія, однако, одно мы узнаемъ съ достаточною точностью, именно, что, въ концѣ-концовъ, законъ пропорціональности будетъ вообще дѣйствовать только съ полдороги. И именно рѣшено, что для разстояній до 360 верстъ будетъ оставленъ нормальный тарифъ, съ прямою цѣлью повысить провозную плату на малыхъ разстояніяхъ, чтобы избѣгнуть значительнаго пониженія сборовъ желѣзныхъ дорогъ по внутренней перевозкѣ хлѣба.

Отлагая пока, повторяемъ, всякіе выводы, замѣтимъ только, что мы съ недоумѣніемъ видѣли стремленія нѣкоторыхъ участниковъ совѣща-

нія (по вопросу о сравнительномъ пониженіи провозныхъ платъ для сѣрыхъ хлѣбовъ), и въ числѣ другихъ ораторовъ—представителя самого министерства государственныхъ имуществъ — вліять посредствомъ желѣзнодорожныхъ тарифныхъ нормъ на самое веденіе сельскаго хозяйства въ Россіи. Рожь, моль, малохододная статья въ вывозѣ, поэтому не слѣдуетъ благоприятствовать развитію ея посѣва, какое обнаруживается на югѣ. Къ счастью, одержавъ верхъ доводъ представителей центрального района, что есть мѣстности, гдѣ, кромѣ «сѣрыхъ» хлѣбовъ, другихъ воздѣлывать нельзя, и постановленіе состоялось въ смыслѣ дифференціальной разницы его только для этого пояса, а не для юга. Мы полагали, что желѣзно-дорожно-тарифныя учрежденія имѣютъ цѣлью лишь упорядоченіе, систематизированіе и уравненіе тарифовъ, а не установленіе привилегій на обработку тѣхъ или другихъ хлѣбовъ въ разныхъ мѣстностяхъ. Выборъ между хлѣбами, это—дѣло самихъ хозяевъ.

Изъ указаній, данныхъ затѣмъ министерствомъ финансовъ открывшемуся сѣзду желѣзно-дорожниковъ, имѣетъ особое значеніе совѣтъ—«имѣть въ виду возможность наступленія неблагоприятныхъ условій для хлѣбной торговли». Другое указаніе министерства на необходимость, чтобы какъ вывозные, такъ и внутренніе тарифы содѣйствовали самымъ энергическимъ образомъ передвиженію хлѣба, не подлежитъ, очевидно, никакому возраженію. Но нѣсколько иначе представляется высказанное при этомъ общее положеніе, что «правильно поняты» интересы желѣзныхъ дорогъ совпадаютъ съ интересами земледѣлія и торговли. Въ общей совокупности всѣ экономическіе интересы государства, конечно, совпадаютъ. Если бы желѣзныя дороги принадлежали земледѣлію и промышленности или если бы земледѣліе и промышленность составляли собственность желѣзныхъ дорогъ, или, наконецъ, если бы все перешло въ руки государства, тогда трудно бы различать интересы. Но когда, какъ оказывается изъ свѣдѣній самого же тарифнаго комитета, козлово-тамбовская дорога при раздѣлѣ долей съ тамбово-саратовскою (казенною) беретъ себѣ за 68 верстъ больше, чѣмъ сколько послѣдней остается за 367 верстъ пробѣга грузовъ, пользуясь тѣмъ, что грузы съ послѣдней дороги необходимо должны идти на первую; то едва ли вполне точно говорить о солидарности дорогъ съ интересами земледѣлія, промышленности и государства. Козлово-тамбовская дорога несомнѣнно «правильно» понимала свой интересъ, только интересъ ея не былъ солидаренъ ни съ интересомъ отправителя, ни съ интересомъ примыкающей дороги.

2 іюня неожиданно скончался профессоръ О. Ѳ. Миллеръ. Рѣдѣющая группа русскихъ славянофиловъ потеряла въ немъ одного изъ наиболѣе видныхъ представителей. Ученые труды покойнаго Ореста Ѳедоровича Миллера, его горячая преданность русской литературѣ, его любовное отношеніе къ учащейся молодежи давно уже создали ему обширную извѣстность и укрѣпили за нимъ самыя теплыя симпатіи. Орестъ Ѳедоровичъ живо от-

вникался на всѣ общественные интересы, всегда и энергически стоялъ за свободное развитіе нашего самоуправленія, за честную, независимую печать, за высшее женское образованіе. Трудился онъ всю жизнь и оставилъ по себѣ почетную страницу въ исторіи нашей общественности и добрую память во всѣхъ, лично знавшихъ такъ рано скончавшагося профессора.

Когда были написаны эти строки, телеграфъ принесъ извѣстіе о кончинѣ Надежды Дмитриевны Зайончковской (В. Крестовской - псевдонимъ). Новая тяжелая утрата для русской литературы. «Бѣлый свѣтъ,—говорила высокодаровитая писательница,—полонъ забывшихъ. Люди, должно быть, разочли и боятся, что въ ихъ сердцахъ будетъ тѣсно, если тамъ, рядомъ съ насущнымъ, останется память тѣхъ, что отошли». В. Крестовскому-псевдониму не предстоитъ подобной участи. Кто читалъ ея произведенія, тотъ никогда не забудетъ ихъ. Многие и многие будутъ наслаждаться повѣстями и рассказами этой едва ли не даровитѣйшей изъ русскихъ романистокъ, и всякій, въ комъ не погасли идеальныя стремленія, будетъ находить въ сочиненіяхъ В. Крестовскаго-псевдонима то *насущное*, безъ котораго отъ жизни отлетаетъ ея высшій смыслъ.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Жизнь и сочиненія Бахофена.

Настоящая статья была задумана подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ смерти Бахофена. Мнѣ очень жаль, что обстоятельства, лежавшія не въ моей волѣ, не позволили мнѣ раньше выступить съ этюдомъ объ этомъ замѣчательномъ ученомъ. Судьба Бахофена довольно странная. Его не только мало знаетъ большая публика, его игнорируютъ и послѣднее (9-е) изданіе *Encyclopaedia Britannica*, и *Conversations-Lexicon* Брокхауса, и недавно начавшая выходить *Grande Encyclopédie*. О самой смерти его было сообщено, если не ошибаюсь, лишь въ одной изъ базельскихъ газетъ. Правда, его знаютъ специалисты по наукѣ о «древнѣйшихъ учрежденіяхъ». Но специалистамъ не до очерковъ и не до журнальныхъ статей.

Биографія Бахофена составлена мною по неизданнымъ матеріаламъ. Въ ея основаніе положены: во-первыхъ, свѣдѣнія, сообщенныя мнѣ о покойномъ его другомъ, Жиро-Тѣлономъ, авторомъ извѣстной книги о происхожденіи брака и семьи; во-вторыхъ, коротенькая замѣтка, составленная для меня сыномъ Бахофена; въ-третьихъ, воспоминанія Эли Реглю, французскаго этнографа, довольно хорошо знавшаго покойнаго. Я приношу мою искреннюю благодарность всѣмъ этимъ лицамъ.

I.

Иоганнъ Якобъ Бахофенъ родился 22 декабря 1815 года въ Базелѣ. Его отецъ, старинный швейцарскій патрицій, былъ очень крупнымъ шелковымъ фабрикантомъ и оставилъ своимъ шести сыновьямъ громадное состояніе, изъ котораго на долю нашего автора пришлось около 10 милліоновъ франковъ. Повидимому, это былъ человѣкъ не совсѣмъ заурядный: приумножая капиталы, онъ не забывалъ «духовныхъ интересовъ», и его галерея картинъ, его коллекція античныхъ вазъ и статуй пользовались громкою извѣстностью въ Швейцаріи. Мать Бахофена, урожденная Валерія Меріанъ, была женщина, одаренная живымъ умомъ и очень образованная. Ея памяти посвятилъ авторъ свой большой трудъ о *Материнскомъ прагъ*, и въ граціозномъ греческомъ эпиграфѣ: «въ предѣлахъ всей нашей жизни

мы не перестанемъ воспѣвать твоей любви, твоей вѣрности»*)—можно видѣть не только ключъ къ общей идеѣ книги, но и проявленіе нѣжнаго сыновняго чувства. И такъ, мальчикъ росъ, окруженный рѣдкими книгами, изящными статуями, старыми вазами и медалями, на глазахъ интеллигентной и любимой матери. И кто знаетъ, не въ раннемъ ли дѣтствѣ были уже положены задатки того глубокаго пониманія античной цивилизаціи, того тонкаго чутья, которое приведетъ автора впоследствии къ столь неожиданнымъ выводамъ о древнемъ мірѣ?

Окончивъ блестящимъ образомъ курсъ въ Базельскомъ Педагогическомъ Институтѣ (Paedagogium), 18-ти лѣтній Бахофенъ слушалъ лекціи по юриспруденціи, сначала въ университетѣ роднаго города, но черезъ годъ отправился въ Германію. Здѣсь четыре семестра онъ продолжалъ занятія въ Берлинскомъ университетѣ и два семестра въ Геттингенскомъ. Его интересовала при этомъ не столько практическая юриспруденція, сколько историческая и философская сторона предмета. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и представленная имъ въ 1838 году Базельскому университету диссертация на степень доктора о римскомъ залоговомъ правѣ, блестяще защищенная и скрывающая уже въ зародышѣ его послѣдующіе взгляды на особенности римскаго права. Въ 1839—1840 годахъ мы встрѣчаемъ Бахофена въ Парижѣ и Лондонѣ изучающими законодательства Франціи и Англій. Особенно онъ интересовался англійскимъ правомъ, и это обстоятельство я истолковываю себѣ такъ. Для человѣка, мысль котораго, главнымъ образомъ, направлена на историческое развитіе юридическихъ нормъ, большую привлекательность представляетъ право, подобное англійскому, въ которомъ можно наблюдать, такъ сказать, послѣдовательное наслоеніе правовыхъ формаций, покрывающихъ одна другую, но не уничтожающихся взаимно. Франція же,—эта страна переворотовъ, гдѣ первою заботой законодателя-реформатора является стереть старый законъ вплоть до воспоминанія, гдѣ историческая преемственность законовъ проявляется слабо,—не могла быть особенно пригодной Бахофену для изученія исторической стороны вопроса.

По возвращеніи на родину въ 1841 году, Бахофенъ былъ назначенъ доцентомъ римскаго права при Базельскомъ университетѣ, но читалъ лекціи не болѣе двухъ лѣтъ, что, впрочемъ, понятно. Профессоръ долженъ, прежде всего, резюмировать общепринятые положенія науки; онъ имѣетъ въ виду аудиторію; онъ по необходимости догматиченъ. Оригинальный же и, притомъ, несложившійся мыслитель инстинктивно тяготеетъ къ неразработаннымъ вопросамъ; онъ подвергаетъ критическому пересмотру обращающіяся догмы; онъ начинаетъ съ неизбежнаго скептицизма по многимъ и многимъ вопросамъ, и ужь, конечно, не въ этомъ настроеніи ему всходить на профессорскую кафедру. Отнынѣ Бахофенъ рѣшается посвятить себя всецѣло изученію древняго міра, познакомиться съ нимъ изъ первыхъ рукъ, не

*) Въ теченіе всей этой статьи я даю по возможности точный переводъ греческихъ и латинскихъ цитатъ, которыми испещрены сочиненія Бахофена и которыя онъ очень часто оставляетъ непереведенными.

только понять его мыслью, но «проникнуть въ него чувствомъ». Съ дѣтства еще выработавши значительный эстетическій вкусъ, онъ ищетъ проявленій античной цивилизаціи не въ одной литературѣ, но и въ пластическихъ искусствахъ. Его милліоны позволяютъ ему совершать долги путешествія съ археологическою цѣлью въ Италиі, въ Испаніи, въ Греціи.

Въ послѣдней странѣ онъ производилъ на свой счетъ раскопки и цѣлые часы проводилъ надъ изученіемъ какой-нибудь маленькой статуэтки, стараясь проникнуть въ смыслъ древней символистки. Во время этихъ-то занятій, какъ мнѣ сообщилъ Жиро-Телонъ, его другъ впервые напалъ на мысль о «материнскомъ правѣ» (см. ниже). Толчокъ былъ данъ какою-то похоронною урной. Упомянутыя путешествія были единственными вѣшними событіями жизни ученаго, жизни мирной, спокойной и однообразной. Движеніе, разнообразіе, прогрессъ цѣликомъ совершались въ мозгу мыслителя, и вѣхами этого богатаго внутреннимъ содержаніемъ существованія могутъ являться лишь его произведенія. Уже въ 1851 г. онъ издалъ, въ сотрудничествѣ съ профессоромъ Герлахомъ, одинъ томъ *Римской исторіи* (*Die Geschichte der Römer von d-r Gerlach u. I. I. Bachofen*; Basel, 1851, I), которая, впрочемъ, не продолжалась далѣе, но на которую косвенно обрушилась критика Моммзена въ его большомъ трудѣ, посвященномъ тому же предмету. Написанная въ духъ страшнаго идеализма, эта попытка Бахофена заключаетъ, однако, уже въ себѣ оригинальные приемы изслѣдованія миѳовъ. Въ 1859 году онъ издалъ свой *Опытъ символистки надгробныхъ памятниковъ у древнихъ* (*Versuch über die Gräbersymbolik der Alten*; Basel), продолженіемъ котораго явилось *Ученіе о безсмертіи въ орфической теологіи на надгробныхъ памятникахъ древности* (*Die Unsterblichkeitslehre der Orphischen Theologie auf den Grabdenkmälern des Alterthums*; Basel, 1867). Въ промежутокъ между этими двумя вещами онъ напечаталъ свой капитальный трудъ: *Материнское право, Изслѣдованіе о инократіи древняго міра въ ея религіозной и правовой сущности* (*Das Mutterrecht. Eine Untersuchung über die Gynaikokratie der alten Welt nach ihrer religiösen und rechtlichen Natur*; Stuttgart, 1861) и специальный этюдъ о ликійцахъ (*Das Lykische Volk*; Freiburg, 1862). Въ 1870 г. онъ возвратился къ легендарной исторіи Рима въ своемъ *Сказаніи о царицѣ Танаquilъ* (*Die Sage von Tanaquil*; Heidelberg), приложеніемъ къ которому онъ выпустилъ въ томъ же году полемическій этюдъ противъ Моммзена о Коріоланѣ (*Mommsen's Kritik der Erzählung von Cn. Marcins Coriolanus etc.*; Heidelberg, 1870), переведенный съ сокращеніями на французскій языкъ Жиро-Телономъ (*Coriolan devant M. Mommsen*; Genève, 1870). Наконецъ, въ 1880 г. появился первый томъ его чрезвычайно интересныхъ *Антикварскихъ писемъ* (*Antiquarische Briefe, vornehmlich zur Kenntniss der ältesten Verwandtschaftsbegriffe*, I—XXX; Strassburg), а въ 1886 г. и второй (*Письма XXXI—LXI*). Я не привожу для краткости многочисленныхъ статей Бахофена въ нѣмецкихъ, французскихъ, итальянскихъ и другихъ археологическихъ изданіяхъ.

Бахофенъ женился поздно, когда уже ему было за 50 лѣтъ, на молоденькой дѣвицѣ, Луизѣ Буркхардтѣ, отдаленной родственницѣ, и оставилъ послѣ себя семнадцатилѣтняго сына, носящаго, какъ всѣ старшіе сыновья въ родѣ Бахофеновъ, имя Іоганна Якоба. Умеръ Бахофенъ отъ апоплексіи 28 ноября 1887 г., на 73 году своей жизни.

Я лично не зналъ покойнаго, но, объединяя и продумывая свѣдѣнія, сообщенныя мнѣ людьми, близко знавшими его, я какъ живаго вижу передъ собою этого страннаго по нынѣшнимъ временамъ миллионера-ученаго, этого патриція-философа въ античномъ вкусѣ, для котораго «истина» въ наукѣ и «идеаль» въ искусствѣ были единственною цѣлью жизни. Въ положеніи Баховена было нѣчто аналогичное съ судьбой образованнаго и богатаго грека время Перикла, который могъ свободно философствовать, потому что гдѣ-то тамъ, за кулисами, не покладая рукъ, трудилась на господина армія рабовъ. Пролетаріи, работавшіе на шелковыхъ фабрикахъ отца и братьевъ Бахофена, давали нашему мудрецу, незамѣтно для него самого, возможность

Усовершенствовать плоды любимыхъ думъ,
Не требуя награды за подвигъ благородный...

Вдвиньте въ эти условія чловѣка отъ природы мягкаго, деликатнаго, находящаго наслажденіе въ умственномъ процессѣ и эстетическомъ созерцаніи, и вы поймете аттическую ясность міровоззрѣнія, душевный миръ, дѣтское незлобіе, безконечную доброту, неистощимый филантропизмъ, — словомъ, всѣ качества, которыя, по словамъ друзей, характеризовали Бахофена. Онъ не зналъ современной жизни съ ея ожесточенною конкуренціей, его мысль не отравляли заботы о кускѣ хлѣба, и, конечно, ему былъ понятнѣе древній міръ, республика *καλῶν καὶ ἀγαθῶν* («добрыхъ и лучшихъ» гражданъ), чѣмъ раздираемая социальными противорѣчіями Европа XIX в. Какъ въ этомъ смыслѣ типиченъ крошечный эпизодикъ съ надписью на одномъ кубкѣ (см. о немъ въ XII «антикварскомъ письмѣ» Бахофена), которую разбирала въ 1877 г. французская академія надписей. *Si plus miseris, minus bibes, si minus miseris, plus bibes*, — гласила эта надпись, и, конечно, французскій буржуа, жизнь котораго отравлена имъ же самимъ насажденнымъ пролетаріатомъ и нищею братіей, сейчасъ же увидѣлъ въ *miseris* дательный падежъ отъ *miser*, бѣдный, и инстинктивно сталъ разсуждать не головой, а кошелькомъ. Да, мысль о докучныхъ нищихъ должна была осаждать, по его мнѣнію, и римлянина на веселыхъ попойкахъ, и кубокъ долженъ былъ, конечно, носить зловѣщій афоризмъ: «если больше дашь бѣднымъ, то тебѣ самому придется выпить меньше—съэкономить на винѣ, а меньше дашь, можешь и больше выпить». Какъ смѣется жизнерадостный Бахофенъ надъ этимъ, такъ сказать, *to drink or to give* (пить или дать) буржуазнаго Гамлета, вложеннымъ въ сердце античному міру, и, ссылаясь на *Настольная рѣчи* Плутарха и свои собственные «опыты», даетъ совершенно иной смыслъ надписи на кубкѣ: «чѣмъ больше ты нальешь сразу (*miseris*, второе лицо отъ *mittere*, посы-

лать, здѣсь наливать), тѣмъ меньше ты будешь въ состояніи выпить и наоборотъ», т.-е. пей вино небольшими глотками и ты перепьешь всѣхъ.

Природная доброта, хорошее здоровье, обеспеченное матеріальное положеніе не дали отразиться на характерѣ Бахофена тому скучно-холодному педантизму, той филистерской игрѣ въ добродѣтели, которые такъ распространены среди протестантовъ; а колоссальная эрудиція, оригинальный умъ и тонкое эстетическое чутье сдѣлали изъ него чрезвычайно интереснаго собесѣдника и прекраснаго разскащика въ обществѣ. «Поэтъ, мыслитель и ученый», по выраженію Жиро-Телона, въ своихъ сочиненіяхъ, онъ соединялъ эти качества и въ живой бесѣдѣ. Модная пьеса, имѣвшая успѣхъ картина, поддѣлка античной вазы, отчетъ путешественника, скандальный процессъ дня,—все давало ему поводъ къ самымъ неожиданнымъ сближеніямъ, служило прологомъ къ интереснѣйшимъ сообщеніямъ, будило мысль собесѣдниковъ.

Онъ превосходно зналъ древніе языки и большинство европейскихъ, писалъ свободно по-англійски и по-итальянски (мы не говоримъ, конечно, о его родномъ нѣмецкомъ), а его письма на французскомъ—образецъ элегантнаго стиля, по словамъ Жиро-Телона. Незадолго до смерти онъ сталъ живо интересоваться русскою научною литературою по этнографіи (особенно объ инородцахъ) и по социальнымъ отношеніямъ. Шутя, жаловался онъ своимъ друзьямъ, что уже слишкомъ старъ, чтобы быть хорошимъ ученикомъ по русскому языку.

Въ извѣстномъ смыслѣ это былъ человѣкъ не отъ міра сего, и, несмотря на свой открытый умъ, свою смѣлость идти наперекоръ общему мнѣнію въ средѣ его специальности, онъ чуждался и не понималъ современности съ ея политическими и социальными задачами. Разъ одинъ изъ его поклонниковъ, крайній прогрессистъ, заговорилъ съ нимъ о грядущей демократіи всего человѣчества. «Демократія всѣхъ вызываетъ неизбежно тиранію одного; мой идеаль—республика, управляемая не многими, но лучшими гражданами»,—сказалъ Бахофенъ и круто повернулъ разговоръ. Онъ устранился всегда отъ политики. Помимо его темперамента, это, можетъ быть, объясняется самымъ строемъ Швейцаріи, гдѣ вся политика вертится, въ сущности, около такихъ чисто-жителейскихъ, мелкихъ, хотя и насущныхъ, вопросовъ, что не у всякаго хватитъ терпѣнія серьезно предаваться этой дѣятельности. Интересно, что Бахофенъ, игнорируя ради науки окружающую его среду, самъ игнорировался этою послѣдней какъ бы въ отместку. Его знали, какъ богача-фиантропа, пожалуй, какъ судью при базельскомъ трибуналѣ (онъ 25 лѣтъ провелъ въ этой должности), но Бахофенъ, извѣстный ученый, вовсе не существовалъ для почтенныхъ базельцевъ. Вотъ анекдотъ по этому поводу. Одинъ изъ его почитателей, пораженный новизною взглядовъ *Материнскаго права*, прибылъ изъ Парижа въ Базель настоящимъ пилигримомъ, чтобы только увидѣть воочию любимаго автора. Онъ обращается къ первому прохожему съ просьбой указать ему мѣстожительство «знаменитаго Бахофена». Обыватель, нисколько не смущаясь, ведетъ его къ одному

изъ многочисленныхъ Бахофеновъ. «Вы, конечно, хотите видѣть шелкового фабриканта?—Нѣтъ, нѣтъ, автора того-то и того-то.—«Такого не знаемъ». Блужданіе. Затѣмъ новый прохожій—новый вопросъ: «Знаете знаменитаго Бахофена?»—Еще бы не знать! Онъ капитанъ милиціи.—«Ну, а книгу онъ не писалъ?» Швейцарецъ вытаращиваетъ глаза: «Нѣтъ такого!» Снова блужданіе по [улицамъ, снова повтореніе исторіи съ Канниферштаномъ. Всякій знаетъ «знаменитаго Бахофена», всякій ведетъ васъ къ своей знаменитости,—все нѣтъ настоящаго. Наконецъ, истомленный пилигримъ, вспомнивъ титулъ автора на обложкѣ, говоритъ: «Мнѣ нужно судью Бахофена, понимаете ли, судью?»—«Der Herr Appellationsrath? Да чего-жь вы раньше мнѣ этого не сказали?» Такимъ образомъ, авторъ *Материнскаго права* былъ, наконецъ, найденъ какъ «господинъ судья».

Въ заключеніе нѣсколько словъ о внѣшности. Это былъ плотный, но стройный человѣкъ, крѣпкаго здоровья. Передо мною лежитъ его фотографія. Васъ поражаетъ этотъ большой, замѣчательно красивый лобъ, лобъ безъ малѣйшей морщинки, словно у юноши. Очертанія носа безукоризненны. Короткіе бакенбарды обрамляютъ гладко-выбритое, довольно широкое лицо. Задумчиво смотрятъ хорошіе, умные глаза. Но Жиро-Телонъ сообщаетъ мнѣ, что эта карточка не схватываетъ обычнаго выраженія покойнаго: она дѣлаетъ его слишкомъ серьезнымъ. Въ дѣйствительности добродушная улыбка почти никогда не покидала этого лица, свѣжаго, розоваго, придавая Бахофену видъ ребенка, *d'un roupon frais et rose*.

II.

Къ какой же собственно области относились научныя изслѣдованія Бахофена и что новаго внесъ онъ сюда? Упорно называя себя археологомъ, Бахофенъ, въ сущности, работалъ на полѣ сравнительной социологіи. Дѣйствительно, если оставить въ сторонѣ его раннія сочиненія исключительно по религіозной символистикѣ, то зрѣлые труды Бахофена—*Материнское право*, *Сказаніе о Танаквилъ*, *Антикварскія письма*,—посвящены такъ или иначе разработкѣ «древнѣйшихъ учрежденій», *early institutions*, какъ сказалъ бы Мэнъ. Здѣсь онъ впервые *систематически* и *сознательно* развилъ вопросы о существованіи среди первобытнаго человѣка: 1) такой формы половыхъ отношеній, которая прямо противорѣчатъ современной моногаміи: это такъ называемый имъ «гетеризмъ»; 2) такой организаціи семьи и родственныхъ узъ, которая идетъ въ разрѣзъ съ обычнымъ для насъ преобладаніемъ здѣсь мужчины: это «материнское право»; и, наконецъ, 3) такого социально-политическаго и имущественнаго значенія женщины, которое опять-таки въ нашемъ строѣ принадлежитъ лишь мужчинамъ: это «гинекократія».

Сначала вопросъ о «гетеризмѣ». Этимъ терминомъ Бахофенъ обозначаетъ половыя отношенія внѣ брака, какъ этотъ послѣдній сложился у историческихъ народовъ, причѣмъ имъ подчеркивается элементъ минутности и

многочисленности,—однимъ словомъ, «безпорядочности» связей между мужчинами и женщинами. Конечно, и до Бахофена въ литературѣ путешествій встрѣчались свѣдѣнія о такихъ «безпорядочныхъ» половыхъ отношеніяхъ среди отдѣльныхъ племенъ. Но на подобныя вещи сами авторы свѣдѣній смотрѣли какъ на нѣчто чудовищное, изъ ряда вонъ выходящее. Бахофену принадлежитъ неоспоримая заслуга стать на точку зрѣнія, съ которой эти явленія представляются, наоборотъ, нормальнымъ и даже необходимымъ признакомъ низшей культуры. И что въ особенности интересно, къ этому выводу онъ пришелъ первоначально путемъ изученія не современнаго этнологическаго матеріала, а античной мнѳологій и древнихъ авторовъ. Бахофенъ показалъ, что греко-римскій міръ сталкивался съ племенами, среди которыхъ безпорядочныя половыя связи были правиломъ. Изъ изученія мнѳовъ онъ заключилъ о такихъ же явленіяхъ у самихъ предковъ грековъ и римлянъ. Такимъ образомъ, онъ перекинулъ мостикъ между доисторическимъ человѣкомъ и современнымъ дикаремъ и показалъ законосообразность того, что до этого времени считалось случайностью. Перейдемъ къ нѣкоторымъ изъ безчисленныхъ примѣровъ, собранныхъ Бахофеномъ въ его главномъ трудѣ *Материнское право*.

Геродотъ (IV, 180) говоритъ объ эеіонскомъ племени авзовъ или авсіевъ, что «они пользуются женщинами сообща: они не живутъ съ ними вмѣстѣ, но вступаютъ въ половыя сношенія на подобіе скота» (*Das Mutterrecht*, стр. 11). Секстъ-Эмпірикъ (*Pyrrhi Hypotyp.*, стр. 3, 618), со словъ Кратеса, замѣчаетъ, что у нѣкоторыхъ племенъ Индіи половыя сношенія происходятъ съ кѣмъ попало и публично. Солинъ, 30, сообщаетъ, что «гарамантійскіе эеіоны не знаютъ индивидуальнаго брака, но всякій можетъ предаваться физической любви публично (*ibid.*) Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Солинъ говоритъ: «Среди насъ позорно и постыдно женщинамъ заниматься проституціей, среди многихъ египтянъ это считается почетнымъ» (*ibid.*, p. 92).

У древнихъ же авторовъ Бахофенъ нашелъ массу обычаевъ, которыми инныя племена начинали въ извѣстной степени регулировать безпорядочность половыхъ отношеній, и, притомъ, замѣчу я, совершенно на тотъ ладъ, какъ это дѣлается среди многихъ современныхъ дикарей и варварскихъ народовъ. Вотъ, на примѣръ, жители Гиберніи (Ирландіи), по словамъ Страбона (IV, 201), еще «публично сообщаются со всѣми женщинами и съ матерями и сестрами» (*Mutterrecht*, стр. 198), а у персовъ есть уже настоящій бракъ, хотя жениться можно на сестрѣ, дочери и матери (*ibid.*, стр. 112 и 204). Въ Ирландіи же Цезарь (*De bello Gallico*, 5, 14) уже находитъ извѣстныя ограниченія первоначальной общности женъ, которыя Бахофенъ совершенно справедливо сближаетъ (стр. 198) съ «семейною полиандріей» (братевъ) въ Тибетѣ: гибернійцы именно «имѣли по десяти и двѣнадцати общихъ женъ, и по преимуществу братья съ братьями и родители съ дѣтьми». Подобное же общеніе женъ, основанное на родственномъ союзѣ, находитъ Помпоній Мела (1, 8), хотя и въ болѣе неопредѣлен-

ной формѣ, среди номадовъ Киренаики (*Muttarr.*, стр. 12), а Страбонъ (16, 783) рисуетъ намъ группу родственниковъ среди арабовъ, владѣющую вмѣстѣ имуществомъ и *одною* женой (*ibid.*, стр. 13).

Любопытно, что уже въ своемъ *Материнскомъ правѣ* (стр. 196—197) Бахофенъ указываетъ на отраженіе въ Магабгаратѣ борьбы между полиандріей и послѣдующимъ ведическимъ воззрѣніемъ на бракъ. Развивая эту мысль въ *Антикварскихъ письмахъ* (т. I, стр. 16 и слѣд.), авторъ подвергаетъ интересному анализу діалогъ между отцомъ прекрасной Драаупади и Юдгштирой, представителемъ рода Панду, который уговариваетъ отца выдать дочь сразу за пять братьевъ — Пандуидовъ. «Ни одна женщина, — говоритъ отецъ Драаупади, — не можетъ быть женой нѣсколькихъ мужьевъ». И тяжелыя его сомнѣнія разсѣяны лишь анахоретомъ Віасой, который разсказываетъ, какъ богъ Сива даровалъ пять мужьевъ одной красавицѣ, пятикратно взмолившейся къ нему, прося дать ей одного супруга, но такого, чтобъ онъ соединялъ въ себѣ качества всѣхъ людей.

Въ *Материнскомъ правѣ* Бахофенъ касается и много ограниченія «гетеризма». Право мужчины и женщины вступать въ исключительный бракъ между собою болѣе не оспаривается, но должно быть куплено цѣною первой ночи, въ теченіе которой молодая отдается всякому, кто только пожелаетъ, изъ мужчинъ племени. Такъ, Мела (1, 8) говоритъ слѣдующее объ эіопскомъ племени авгидовъ: «У нихъ существуетъ обычай, чтобы женщина въ ночь брака постыдно предавалась каждому, кто только приходилъ съ даромъ; и чѣмъ съ большимъ числомъ онѣ имѣли дѣло, тѣмъ большая была имъ честь; все же послѣдующее время брака скромность ихъ замѣчательна». А у Діодора Сицилійскаго (5, 18) мы читаемъ о жителяхъ Балеарскихъ острововъ, что у нихъ «при совершеніи брака существуетъ странное обыкновеніе. Именно на брачномъ пиршествѣ вступаетъ, прежде всего, въ связь съ невѣстой старшій изъ друзей и знакомыхъ, и прочіе по порядку, поскольку одинъ моложе другаго, а жениху уже послѣднему достается эта честь на долю». Бахофенъ неоднократно замѣчаетъ, что въ этомъ обычѣ сказывается несомнѣнно первобытное воззрѣніе на право мужчинъ племени вступать въ сношеніе съ любой единоплеменницей. Онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ (по поводу Бефаленскаго короля), очень убѣдительно и умѣло доказываетъ цитатами изъ авторовъ, какъ на этой переходной ступени гетеризмъ незамужнихъ женщинъ идетъ рука объ руку со строгою вѣрностью жены мужу; онъ даетъ пораазительные примѣры освященнаго религіей однократнаго гетеризма (вавилонская Милетта, Анагитисъ древней Арменіи, см. стр. 188, 321), а порою (стр. 12 и 18) онъ приближается къ замѣчательной для своего времени мысли, что первоначальная общность женъ, вырождаясь съ теченіемъ времени, преобразуется въ *ius primae noctis*, принадлежащее лишь представителю племени, королю, тирану и проч.

Явленія вѣтробрачныхъ отношеній между полами Бахофенъ открываетъ не только у варваровъ, но и у предковъ грековъ и римлянъ. Вотъ, на-

примѣръ, слѣды ихъ въ легендарныхъ сказаніяхъ Греціи. Атеней (13, 2) говорить, что «въ Афинахъ Бекропсъ первый соединилъ мужчину и женщину единобрачіемъ, тогда какъ прежде были совершенно свободны связи и общность женъ» (*Mutterr.*, стр. 20). Съ другой стороны, о спартацахъ есть уже чисто-историческое свидѣтельство Полибія: «У лакедемонянъ былъ старинный обычай имѣть одну жену тремъ, четыремъ и даже большому числу мужевъ, если они братья, и дѣти ихъ были общими; а когда женщина родила достаточное число дѣтей, то считалось дѣломъ обычнымъ и прекраснымъ отдавать ее кому-нибудь изъ друзей (*ibid.*, стр. 198; сравн. Николая Дамаскина на стр. 18). О македонянахъ сохранилось знаменательное замѣчаніе Тертуліана, изъ котораго видно, что у нихъ даже связь съ матерью врядъ ли порицалась: «когда они впервые услышали трагедію *Эдипъ*, они стали смѣяться надъ мученіями кровосмѣсителя, говоря: «*ἦλαυνε εἰς τὴν μητέρα*» (*ibid.*, стр. 204), т.-е. «побѣждалъ къ матери». Что касается Италіи, то здѣсь бросается въ глаза старинный обычай этрусскихъ дѣвицъ добывать себѣ приданое продажей своего тѣла, о чемъ упоминаетъ, между прочимъ, Плавтъ: *ex tusco modo tute dotem quaeris conroge*. Но всего характернѣе для самихъ римлянъ то мѣсто Страбона, гдѣ (11, 514) онъ, упомянувши объ обычаяхъ тапировъ передавать своихъ женъ, отъ которыхъ они прижили двухъ или трехъ дѣтей, другимъ, поясняетъ это читателю ссылкой на фактъ ему современный: Катонъ передалъ свою жену другу, «согласно старому обычаю римлянъ» (*ibid.*, стр. 19). И такъ, Римъ, строгій Римъ, съ его идеей исключительнаго брака, зналъ когда-то иныя «обычныя» отношенія между полами.

Остановливаясь до сихъ поръ преимущественно на *Материнскомъ правѣ*, я это дѣлалъ съ цѣлью показать, что уже болѣе четверти вѣка тому назадъ Бахофенъ открылъ и осмыслилъ, на основаніи древнихъ авторовъ, тѣ явленія, которыя современная этнологія считаетъ за обычные признаки нашей культуры. Но если обратиться хотя бы къ его *Антикварскимъ письмамъ*, которыя вышли послѣ, и отчасти подъ вліяніемъ появившихся въ этотъ промежутокъ времени трудовъ Макъ-Леннана, Моргана, Лѣббока, Бастіана и друг., то здѣсь уже мы найдемъ прекрасную систематическую разработку этнографическихъ данныхъ новаго времени. Особенно интересна въ этомъ отношеніи вся вторая половина I тома (начиная съ нисъма XXVI), въ которой, между прочимъ, сгруппированы свѣдѣнія о жителяхъ Малабарскаго берега, особенно о военной кастѣ наировъ. О послѣдней еще Джіованни ди Барросъ, португальскій путешественникъ XVI вѣка, говоритъ: «Наиры... приписываютъ себѣ самое благородное происхожденіе, а въ сущности являются дѣтьми цѣлаго племени. Они не знаютъ опредѣленнаго отца, ибо жены наировъ общи всѣмъ мужчинамъ одного сословія» (*Antiqu. Briefe*, I, стр. 239).

III.

Перехожу къ вопросу о «материнскомъ правѣ». При мимолетныхъ и переплетающихся связяхъ, мужчинъ и женщинъ не могло быть и рѣчи о какомъ-нибудь отношеніи отца къ дѣтямъ. Болѣе или менѣе прочны и естественны могли быть лишь узы, соединяющія ребенка съ матерью, приурочивающія его къ роду ея по женской линіи. Но затѣмъ матриархатъ, какъ и все въ мірѣ, удерживался въ теченіе долгаго періода и при измѣнившихся условіяхъ: строгомъ единобрачій. Обратимся снова къ самому Бахофену. Вотъ, наприимѣръ, первая ступень материнскаго права. Мы уже слышали раньше отъ Солина, что гараманты не знаютъ индивидуальнаго брака. Далѣе авторъ продолжаетъ: «Отсюда проистекаетъ, что лишь матери признають дѣтей; а къ имени отца нѣтъ никакого почтенія. Ибо кто могъ бы узнать своего настоящаго отца среди такой распущенности и разврата?» (*Muttern.*, II). Съ другой стороны, ливійцы, которые уже вышли изъ состоянія «гетеризма», ведутъ, по словамъ Геродота, тѣмъ не менѣе, родословную по матери: «Если спросятъ ливійца, кто онъ таковъ, онъ назоветъ свой родъ съ матерней стороны и перечислитъ матерей матери; и если гражданка сочетается съ рабомъ, то дѣти считаются за благородныхъ; но если гражданинъ, будь онъ самый знатный между ними, возьметъ чужестранку или наложницу, то дѣти ихъ безправны» (*ibid.*, стр. 1).

Параллельно съ этимъ Бахофенъ отмѣчаетъ слѣдующій интересный рядъ явленій, вытекающихъ изъ матриархата. Эеіопы, какъ пишетъ Николай Дамаскинъ, «держатъ въ особенной чести своихъ сестеръ. Власть свою короли ихъ оставляютъ не собственнымъ дѣтямъ, а дѣтямъ своей сестры». А по Плутарху, въ Римѣ, гдѣ идея о бракѣ и объ основанной на немъ семьѣ была строго развита, было, однако, божество, Ино-Матута, которому женщины возсылали мольбы не о своихъ дѣтяхъ, а о дѣтяхъ своихъ сестеръ (*ibid.*, стр. 12). У германцевъ, читаемъ мы у Тацита (*Germania*, 20), «сыновья сестеръ на такомъ же счету у дядей, какъ у своихъ собственныхъ отцовъ. Нѣкоторые же считаютъ эти родственныя узы даже болѣе священными и болѣе тѣсными и требуютъ въ заложники по преимуществу племянниковъ, полагая, что они и въ сердцѣ занимаютъ болѣе прочное мѣсто, и въ домѣ интересуютъ болѣе большой кругъ родственниковъ» (стр. 78).

Современная этнологія показываетъ всю необходимость среди низшихъ племенъ болѣе тѣсной связи между сестрой и братомъ, племянникомъ (или племянницей) и дядей по матери, чѣмъ между мужемъ и женой, отцомъ и сыномъ (или дочерью). Сестра и братъ, мать и дитя принадлежать къ одному роду; мужъ и жена, отецъ и сынъ — члены двухъ разныхъ, часто враждебныхъ родовъ. Бахофенъ въ своихъ *Антикварскихъ письмахъ* даетъ богатый, уже чисто-современный матеріалъ для первобытной семьи, которая заключаетъ подъ одною кровлей мать, ея брата и ея ребенка, въ то время какъ отецъ принадлежитъ къ своему материнскому роду. Роль

старшаго брата матери, или *мамана* у малайцевъ (см. *Antiqu. Briefe*, I, стр. 55 и слѣд.), всемогущество Васу или племянниковъ по сестрѣ у вождей на островахъ Фиджи (*ibid.*, II, стр. 97—112) и множество аналогичныхъ явленій представлены Бахофеномъ съ ясностью и, такъ сказать, настойчивостью, которыя бы сдѣлали честь записному этнологу. Особенно оригиналенъ въ этомъ вопросѣ Бахофенъ тамъ, гдѣ онъ слѣдуетъ любимому имъ методу сравнительнаго объясненія различныхъ легендъ, мифовъ и вообще эпоса. Лѣтопись Кашмира, цейлонская хроника Магавансо, сама знаменитая Магабгарата заключаютъ въ себѣ цѣлые куски старинныхъ воззрѣній на семейныя узы. «Во всѣхъ нихъ мы находимъ брата матери тамъ, куда позднѣйшее время подставляетъ отца, и сына сестры тамъ, гдѣ мы привыкли видѣть собственнаго сына» (*Antiqu. Briefe*, I, стр. 54). Особенно поучительна въ этомъ отношеніи вторая половинка мало оцѣненнаго до сихъ поръ втораго тома *Антикварскихъ писемъ* (начиная съ письма LV), посвященная разбору отношеній между дядей и племянникомъ по матери въ Магабгаратѣ. Эпическая борьба между родами Панду и Куру полна примѣрами самопожертвованія дядей въ пользу племянниковъ, полна образцами удивительной привязанности племянника къ дядѣ, въ то время какъ отецъ отступаетъ сравнительно на задній планъ. «Не обстоятельства въ рукахъ человѣка, человѣкъ въ рукахъ обстоятельствъ», — часто звучитъ эта зловѣщая нота въ великой поэмѣ, и братъ матери и сынъ сестры могутъ быть обречены судьбой на борьбу другъ противъ друга въ двухъ враждебныхъ лагеряхъ. Но даже и на полѣ битвы, передъ началомъ сраженія, Юдшигтира, племянникъ короля Мадри, набожно идетъ къ своему врагу—дядѣ—просить благословенія на предстоящій бой. Что трагичнѣе въ поучительнѣе и необыкновеннѣе на нашъ взглядъ этого зрѣлища!

Въ томъ же духѣ Бахофенъ (отчасти, по моему мнѣнію, подъ вліяніемъ Моргана (*Systems of Consanguinity*, стр. 40, и *Ancient Society*, стр. 485) подвергаетъ интересному анализу систему римскаго родства и приходитъ къ выводу, что, напримѣръ, термины *avus*, уменьшительное *avunculus*, и перос обозначали раньше не дѣда и не внука, а дядю по матери и племянника по сестрѣ. Это позволяетъ, такимъ образомъ, заключить о материнскомъ строѣ давнишней семьи даже и у римлянъ, классическихъ представителей патріархата (см. *Antiqu. Briefe*, II, стр. 91—188). Въ *Антикварскихъ же письмахъ* (I, стр. 169—188) Бахофенъ даетъ тонкій сравнительный анализъ исландской Эдды (VII вѣка) и готской пѣсни о Нибелунгахъ (XIII вѣкъ). Онъ показываетъ, какъ Гудруна болѣе древней Эдды, кроваво мстящая своему мужу за смерть дорогаго брата, превращается въ Кримгильду Нибелунговъ, обрушивающую, наоборотъ, страшную месть на братьевъ за убійство горячо любимаго супруга. Съ большою убѣдительностью и остроуміемъ авторъ показываетъ, что это превращеніе означаетъ цѣлый переворотъ въ нравственныхъ воззрѣніяхъ прежней эпохи. Мужъ - чужеплеменникъ, занимавшій въ сердцѣ женщины незначительное мѣсто по сравненію съ ея братомъ, теперь становится для нея дороже,

чѣмъ сынъ ея матери и членъ ея рода. Но этотъ поворотъ представляетъ собою, конечно, не частное, а всемірно-историческое явленіе и, очевидно, тѣсно связанъ съ разложениемъ материнскаго рода и перевѣсомъ мужскаго элемента въ семьѣ.

Опять-таки и въ этомъ вопросѣ, переходѣ отъ родства исключительно по матери къ противоположному взгляду, родству лишь по отцу, Бахофенъ сдѣлалъ одно изъ интереснѣйшихъ открытій въ области античной культуры. Геніальное чутье подсказало ему, что въ своей трагедіи *Эмениды* Эсхилъ, можетъ быть, безсознательно для самого себя, облекъ въ поэтическую форму то столкновеніе матриархата и отцовской власти въ семьѣ, которое произошло и въ доисторической Греціи. Клитемнестра убиваетъ своего мужа Агамемнона. Орестъ, сынъ убитаго, мститъ за смерть отца и умерщвляетъ мать. Преслѣдуемый Эриніями, матереубійца предстаетъ на судъ боговъ, и вотъ какой діалогъ завязывается между хоромъ Эринній, обвиняющимъ Ореста, и этимъ послѣднимъ (*Mutterr.*, стр. 45; *Эсхила* стихъ 565 и слѣд.) *):

Хоръ.

Тебѣ велѣлъ пророкъ убить родную мать?

Орестъ.

Такъ рокъ рѣшилъ: судьбы не порицаю я.

Хоръ.

Что скажешь ты потомъ, услышавъ приговоръ?

Орестъ.

Я не боюсь: отецъ свою мнѣ помощь шлетъ.

Хоръ.

О, да, вѣрь мертвымъ ты, убившій мать свою!

Орестъ.

Въ двухъ преступленіяхъ виновна мать моя.

Хоръ.

Въ какихъ? О нихъ сейчасъ повѣдай судьямъ ты.

Орестъ.

Паль отъ руки ея супругъ, а мой отецъ.

Хоръ.

Грѣха на мертвой нѣтъ, а ты еще въ живыхъ.

Орестъ.

Чего-жъ при жизни вы не гнали мать мою?

Хоръ.

Она въ родствѣ крови съ убитымъ не была.

Орестъ.

Но развѣ съ матерью одной крови и я?

Хоръ.

Но кто во чревѣ, кто носилъ тебя, злодѣй?

Отъ крови матери готовъ отречься ты.

*) Переводъ сдѣланъ мною раздѣломъ подлинника, съ греческаго текста Эсхила изд. Таухница, 1888 г., въ которомъ нѣсколько иная нумерація стиховъ, чѣмъ въ прежнихъ изданіяхъ. Переведенное мѣсто относится къ ст. 595—609 этого изданія.

Эринии, хтоническія божества, являются хранительницами древняго міровозрѣнія. Нѣтъ ничего священнѣе узъ, соединяющихъ ребенка съ матерью. Съ другой стороны,—и этому учить насъ жизнь дикарей,— мужъ и жена могутъ быть враждебны другъ другу, могутъ взаимно жаждать смерти, потому что они не «одной крови» (*δραμιος*). Аполлонъ, въ защиту Ореста, становится, наоборотъ, на точку зрѣнія исключительнаго патриархата, который по закону реакціи совершенно игнорируетъ родство матери:

Аполлонъ.

Не мать родитъ дитя, родитъ его отецъ,

Она-жъ питаетъ лишь посѣянную жизнь,

Она хранитъ въ себѣ ей вѣренный ростокъ,—

Подруга мужу,—коль на то согласенъ богъ (ст. 557—561, изд. Таукинца).

Орестъ, при помощи Аиины, оправданъ, и это оправданіе выражаетъ тотъ всемірно-историческій переломъ, который совершился въ возрѣніяхъ челоувѣчества на роль мужчины и женщины въ семьѣ, сопровождаясь громадными измѣненіями въ социальномъ, политическомъ и экономическомъ значеніяхъ обоихъ половъ. Теперь отецъ признаетъ ребенка плотью отъ плоти своей и символически выражаетъ это, подражая акту материнства. Здѣсь какъ разъ будетъ кстати указать на блестящее объясненіе Бахофеномъ *кувады*, страннаго, но распространеннаго почти по всему свѣту—«world-wide», по словамъ Тейлора,—обычая дикарей играть роль роженицъ въ то время, какъ ихъ женамъ приходитъ время родовъ. Бахофенъ изслѣдуетъ именно мнѣя о двойномъ рожденіи Бахуса, объ усыновленіи Геркулеса Герою, сопоставляетъ ихъ съ разсказами Страбона, Геродота и др. *) о корсиканскихъ, иберійскихъ, кипрскихъ племенахъ и сближаетъ ихъ съ обычаями современныхъ карабовъ и племенъ Бразиліи (см. *Mutterr.*, стр. 254 и сл.). На основаніи всего этого онъ приходитъ къ заключенію; что *кувада* (онъ самъ не употребляетъ этого термина) вырастаетъ изъ потребности показать вѣшнимъ образомъ, подражая потугамъ матери, родственную связь между отцомъ и ребенкомъ, признаніе ребенка своимъ со стороны отца.

IV.

Я подхожу къ еще новой серіи вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ отиѣченнымъ выше «материнскимъ правомъ» и въ область которой Бахофенъ внесъ немало оригинальнаго и, порою, преувеличеннаго. Дѣло идетъ о «гинекократіи», господствѣ женщинъ. Очевидно, что тамъ, гдѣ болѣе или ме-

*) Ср. греческую цитату изъ Аполлонія о тибаренахъ (тйверцахъ?), скискомъ племени, *Arg.*, 2, 1011—1015, въ *Mutterr.*, стр. 255:

Время настало ли женамъ родить отъ мужей зачатое,

Падаютъ мужи на ложе, главу повязавши, стонають,

Словно отъ боли, а жены пекутся о нихъ и готовятъ

Имъ, какъ родильницамъ, нищу, и ванны для нихъ припасаютъ.

нѣе обширныя группы людей соединялись узамъ родства по матери и вообще по женской линіи, тамъ женщина должна была играть важную роль въ обществѣ, и ея вліяніе должно было отразиться на имущественныхъ и политическихъ отношеніяхъ.

Слѣдующими замѣчательными словами Страбонъ (3, 165), цитируемый въ *Матер. прашъ* (стр. 26), описываетъ имущественныя отношенія кантабровъ, одного изъ племенъ Испаніи: «А вотъ слѣдующіе обычаи, можетъ быть, и не совсѣмъ принадлежать къ явленіямъ политическимъ, но и далеко не звѣрскіе, какъ, наприм., то, что у кантабровъ мужья даютъ женамъ приданое, наследницами остаются дочери, и братья выдаются (сестрами) въ бракъ женщинамъ». Съ другой стороны, разбросанныя у Геродота свѣдѣнія о скинскихъ кочевникахъ рисуютъ намъ экономическую организацію общества, при которой мужчины добываютъ себѣ средства къ жизни вѣчными войнами и охотой и пользуются, какъ своеобразными орудіями производства, копьемъ и мечомъ; а женщинамъ принадлежать вѣбитии, стада, рабы. Николай Дамаскинъ (*Отрывки изъ греческой исторіи*, 5, 461) говоритъ о ликійцахъ: «Ликійцы почитаютъ женщинъ болѣе, чѣмъ мужчинъ, и называются по матери, а наследство оставляютъ дочерямъ, но не сыновьямъ» (*Бахофенъ*, *ibid.*, стр. 1). Это подтверждается, между прочимъ, разборомъ ликійскихъ надгробныхъ надписей (*ibid.*, стр. 391). Что эти обычаи не составляютъ принадлежности какого-нибудь племени, а характеризуютъ собою извѣстную ступень культуры, видно изъ чрезвычайно интересныхъ фактовъ, взятыхъ Бахофеномъ изъ жизни современныхъ народовъ. Такъ, Мауреръ свидѣтельствуетъ о существованіи въ наше время на нѣкоторыхъ островахъ Греціи обычая передавать имущество, пріобрѣтенное по женской линіи, исключительно женщинамъ же» (*Mutterr.*, стр. 151—152). Замѣчательный этюдъ Кордье (*Cordier: «Coutumes anciennes et nouvelles de Varèges» etc.* 1836) указываетъ на тотъ фактъ, что между басками, на границѣ Испаніи и Франціи, родовое имущество переходитъ къ старшему изъ дѣтей, къ которому прочія становятся въ зависимое отношеніе, и поэтому легко можетъ попасть въ руки старшей дочери умершаго (*ibid.*, стр. 417). Въ *Антикварскихъ письмахъ* Бахофенъ развертываетъ цѣлый рядъ данныхъ объ имущественномъ и социальномъ значеніи женщины на почвѣ материнскаго рода, исключающаго изъ себя отца дѣтей жены, у нѣкоторыхъ племенъ Индіи и у малайцевъ. У послѣднихъ, наприм., по словамъ голландца Писторіуса, «Са - мандей, или тѣсный семейный союзъ, состоитъ изъ матери съ дѣтьми; отецъ не принадлежитъ сюда. Родство, которое соединяетъ послѣдняго съ братьями и сестрами, ближе родства его съ женой и своими собственными дѣтьми... Будь малаецъ женатъ или нѣтъ, его имущество переходитъ къ его братьямъ и сестрамъ, затѣмъ къ дѣтямъ сестеръ, но никогда къ его женѣ и дѣтямъ, которыхъ онъ прижилъ съ ней». Деньги въ материнскомъ родѣ, членомъ котораго является малаецъ, «сохраняются въ спальнѣ старшей сестры» (*Antiqu. Briefe*, I, стр. 55—56, *passim.*). Среди жителей Бананура (западный берегъ южной Индіи) англичанинъ Бу-

хананъ былъ пораженъ жадкою роллю отца и супруга, принцессы на балу, данномъ ею: «оба они не имѣли ни малѣйшаго авторитета и даже не сдѣлились за столъ» (ibid., стр. 250). У наировъ, по словамъ того же Бахофана, «имуществомъ мужчины распоряжается мать, а по ея смерти старшая сестра»... «Никто не знаетъ отца, и всякій видитъ своихъ наследниковъ въ дѣтяхъ сестеръ» (ibid., стр. 248).

Интересно, что уже давно Бахофенъ считалъ однимъ изъ существенныхъ признаковъ этой гинеократической культуры тотъ первобытный коммунизмъ, который современная наука находитъ повсемѣстно на дорогѣ человѣческой исторіи. Общественные столы, упоминаемые обыкновенно въ исторіи Спарты, были распространены между критянами, мегарянами, у аргивлянъ, у аркадянъ, въ южной Итали и пр. и пр. и всё связано съ культомъ материнскихъ божествъ, особенно Земли — общей матери (*Mutter*, стр. 82) «Всѣ люди, — говоритъ Бахофенъ, ставоваясь на точку зрѣнія этого періода, — произошли отъ матери-земли, и всѣхъ питаетъ она» (ibid., стр. 251). Изъ такого взгляда логически вытекаетъ предпочтеніе владѣнія передъ неограниченною собственностью. Такъ, Бахофенъ упоминаетъ, со словъ Аристотеля, въ *Политикѣ* (6, 2), о такъ называемомъ законѣ Оксиды, по которому въ Элидѣ воспрещалось брать ссуду подъ залогъ земли (ibid., стр. 273) *), т. е., знаятъ, ограничивалось право собственности на недвижность. У докровъ всѣ договоры, въ томъ числѣ и имущественные, не могли имѣть никакого значенія для наследниковъ (стр. 326), т. е., значить, ограничивалось право передачи собственности. У афинянъ остатки первобытнаго коммунизма сохранились въ праздникъ панегирій (стр. 369). Уленіе карпократаицевъ, гдѣ играли такую роль женщины, и какъ прозекитки, и какъ руководительницы, старалось реставрировать черты материнскаго коммунистическаго періода культуры и заявляло, что «общность всѣхъ имуществъ и женъ есть начало божественной справедливости» (ibid., греческая цитата на стр. 384). Какъ поучительно перенестись отсюда съ Бахофеномъ въ эпоху великой французской революціи и узнать, что въ Лаведанѣ, на югѣ Франціи, вопросъ о раздѣленіи общинъ между частными лицами, на основаніи закона 1793 г., востировался всеми басками безъ различія половъ, и что при этомъ очень значительное меньшинство, 45 противъ 56, состоящее главнымъ образомъ, изъ женщинъ, высказалось въ пользу стариннаго общиннаго владѣнія.

Если не ошибаюсь, Бахофенъ указалъ впервые и на другой признакъ первобытной культуры: уголовныя преступленія разсматриваются, подобно гражданскимъ, лишь съ точки зрѣнія нанесенія извѣстнаго вреда. Моментъ преступной воли вовсе не принимается въ расчетъ, и потому неуспѣшныя вещи наказываются наравнѣ съ сознательною человѣческою дѣ-

*) Вальтеръ отъ себя, черезъ непосредственнаго передъ историкъ, гатингемъ Бахофенъ, выводитъ еще болѣе выразительныя слова: «Но мыслятъ, государственныя существа валь въ справедливости законъ, не дозволитъ предавать попомоченіямъ, надъ нимъ съ строгимъ хлѣбомъ; см. *Aristotelis politica et economica*, изд. Таухница, 1884 г., стр. 202—3.

носье. Тамъ, аимы, но, алавагъ Назавкя, подтверди мѣдную статуу бже навашию, за убийство» (*Mutter*, стр. 273; и *Antiqu. Briefe*, II, стр. 87). Тенерь, эта мысль получила полное право гражданства въ науцѣ. Съ закъ чарельномъ убийствельностиа она развита, и наиримъ въ прижвоненіи въ общедному праву г. Колумесинимъ. Въ Овтин печальный выстрѣль, убивающій дедовна, даетъ поводъ къ проващій жести противъ владѣльца рунъ (*М. М. Колумесиній*) «Современный обычай и древній законъ» (Москва, 1886 г., см. т. II, стр. 190—94; особенно стр. 91 ?).

Переходу къ политической сторонѣ винокоратя. Что греческія женщины Авфода принимали участіе въ подачѣ голосовъ, лежитъ въ основаніи одной старинной легенды, которую св. Августинъ (*De civitate Dei*, 18, 9) сообщаетъ со словъ Варрона. Во времена Рекроиса жители Авинны дождны были, еднатцы рѣшеть, назвать ли нмъ городъ въ честь Авинны, или Нептуна. Женщины, имѣявъ рѣшающій голосъ мравнѣ съ мужчинами, и подавиль, послѣднихъ большинствомъ, вотоувъ, назвади городъ именемъ богини. Но тогда разгѣванный Нептунъ двинулъ на городъ волны моря, и для его умиостивленія было рѣшено, жавду прочимъ, чтобы стыннѣ авиннаныи потеряли право голоса и чтобы ничто изъ рождѣвшихся дѣтей не носиль имени матери (*Mutter*, стр. 41). О подобномъ же участіи боотійскиахъ женщинъ въ общественныахъ дѣлахъ и съ подобнымъ же финаломъ рассказываютъ Страбонъ (9, 402), Плутархъ и прочіе авторы, цитируемыа Бахофеномъ. Съ другой стороны, китайскіе дѣтшицы (не Кланроту, *Magasin Asiatique*, Paris, 1825, т. 1, стр. 230—235) повътовуютъ о пограничныхъ съ Индией государствехъ, гдѣ власть принадлежитъ женщинамъ и гдѣ, однѣ женщины въ повагъ, тааъ что мужчины огранивають фамилію своей матери (*Mutter*, стр. 208). Существуетъ вообще цѣльи цѣльи

189. Это возрѣвѣ распространено, впрочеаъ, повсемѣстно среди дикихъ и варварскихъ народовъ. Тамъ, среди голландро-Нолундѣской рѣспублики, у которыхъ существуетъ общааь налагааъ дѣльная родомъ штрафъ за самоубійство, орудіе самоубійства конфискуется, какъ виновное въ преступлѣнн. The instrument that caused the accident is appropriated, — читавъ я у недавняго англійскаго путешественника *Simons*, An Exploration of the Goadjiro Peninsula, въ *Proceed. of Royal Geogr. Soc.*, Лондонъ, 1885 г., № 12, стр. 790). Мнѣ кажется, странно, что до сихъ поръ не было обращено вниманія на сущность и дѣйствительность этого возрѣвѣ у Луизиана, одного изъ авидѣвшихся миссіонеровъ. Ц. вѣдъ до Р. Х. Въ своемъ *Трудноубійствѣ* (вранда, однокъ, какъ рашоннеловъ автора онъ рѣсуетъ гражданина, который проситъ у слонъ сопрядааа, наладъ въ убійство тирана и говоритъ при этомъ, что если и не самъ онъ убилъ тирана, а лишь далъ послѣдному возможность заколотъ его, гражданинъ, мечомъ, то, все-таки, онъ долженъ получить вознагражденіе, какъ владѣлецъ столъ демократической вещи» (объо дидитеръ итиситас), а слоному вѣду доавяаъ быть воеднво почтѣаіеъ варагъ съ бомааъ (*Трудноубійствѣ*, § 19). По словамъ Элиана (*Adriani imperatoris historia*, VIII, 42, изд. Таулинда, 1882 г., стр. 115), на одномъ изъ острововъ въ Атлнкѣ существовалъ ужасный обычай, который, по моему мнѣнію, представляетъ подобное же, переиздааіеъ, лиаъ, участвоавшій въ закланн жертвеннаго быаа, обвинялись оаиъ за другааъ въ убійствѣ и, въ коняъ-концовъ, оправдывались, потому, молъ, что дѣствительныи убійцаъ былъ мотъ.

азиатских мифовъ о царицахъ, возводящихъ (и низводящихъ) своихъ любимцевъ на престолъ. Въ своемъ *Сказаніи о царицѣ Танакиль*, Бахофенъ, выводящій этрусковъ изъ Азіи, разсматриваетъ одинъ изъ такихъ величавыхъ женскихъ образовъ на частномъ эпизодѣ, возникновеніи Римской имперіи. Танакиль (или Танакилла) является во всеоружіи ума и энергіи въ исторіи восшествія на престолъ Тарквинія Приска и, сдѣлавъ своего мужа царемъ, внезапно исчезаетъ на время. Она снова появляется на сцену рядомъ съ другимъ королемъ, Сервіемъ Туллиемъ, который «обязанъ своимъ восхожденіемъ на римскій тронъ уму, совѣту и помощи той самой женщины, которая открыла и первому королю путь къ лучшей участи» (*Die Sage von Tanaquil*, стр. 2). Тонкій анализъ сервіанской легенды, въ подробности котораго я не могу входить, позволяетъ Бахофену открыть здѣсь типичныя черты мифа, выросшаго изъ отдаленной «гинекократической» эпохи. Съ рукою и вообще симпатіями женщины связано возвышеніе простыхъ лицъ въ санъ короля, какъ это видно въ индійскомъ сказаніи о прекрасной Тидо и во множествѣ другихъ азиатскихъ легендъ (*ibid.*, стр. 9). Повсюду женщина является здѣсь вѣнценосною гетерой, и ея гетеризмъ освященъ давнишнею религіей. Ея любимецъ, часто рабъ или рожденный рабыней, какъ это заключено въ самомъ имени Сервія (*servus*), является истиннымъ сыномъ материнской культуры, происходящимъ, опять-таки какъ Сервій, отъ неизвѣстнаго отца...

Собственно критика Бахофена будетъ ниже. Но здѣсь я вынужденъ забѣжать впередъ и сказать, что въ этомъ вопросѣ приходится считаться съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ со стороны Бахофена роли женщины, какъ царицы, законодательницы и пр. Сказанія объ ихъ могуществѣ объясняются отчасти (о чемъ говоритъ и самъ Бахофенъ) переходомъ власти отъ вождя-мужчины къ сыну его сестры, которую можно было принять, такимъ образомъ, за настоящую «царицу». Однако, дѣло идетъ, по моему мнѣнію, лишь объ ограниченіи, а не о голомъ отрицаніи того, что Бахофенъ называетъ «гинекократіей», какъ это дѣлають порой. И до сихъ поръ, наприм., въ Африкѣ встрѣчаются племена, управляемыя королевами, или же удержавшія ихъ, наравнѣ съ властью короля-мужчины, въ формѣ «вѣнценосныхъ гетеръ», если держаться терминологіи Бахофена. Я приведу читателю два-три наиболѣе характерныхъ факта, взятыхъ мною непосредственно у путешественниковъ послѣднихъ лѣтъ. Максъ Бюхнеръ, изслѣдовавшій западную часть южной Африки, говоритъ въ своей интересной статьѣ о *Лунокессѣ, гинекократической королевы царства Лунда* (*Globus* 1887, II, № 9, стр. 135—137), что въ началѣ XVII вѣка это государство было чисто гинекократическимъ. Въ настоящее же время политическая власть представлена въ немъ, съ одной стороны, королемъ, но; съ другой стороны, совершенно независимо отъ него, стоитъ своеобразная королева, имѣющая безпрекословно повинующагося ей мужа (*шамоана*) и цѣлый гаремъ рабовъ-наложниковъ, которыхъ въ случаѣ ея смерти убиваютъ. «Рядомъ съ достоинствомъ Муато-Яиво (короля),—говоритъ Бюхнеръ,—возникло, какъ

противовѣсъ и дополненіе, достоинство Лукожессы. Оба имѣютъ независимыя іерархіи, соприкасающіяся лишь въ вершинахъ. Оба имѣютъ свои лены и деревни, которые пестро лежатъ другъ возлѣ друга, но платятъ подати лишь кому-нибудь одному изъ нихъ. Такимъ образомъ, въ царствѣ Лунда дѣло идетъ о двухъ государствахъ, которыя пространственно переплетены между собою, но по своей сущности остались самостоятельны» (стр. 135). А вотъ что говоритъ одинъ довольно извѣстный во Франціи миссіонеръ о странѣ Марутсе или Баротсе (южная Африка): «Издrevле существуетъ у королей Баротсе обычай раздѣлять управление націей съ одной изъ своихъ сестеръ, иногда съ матерью. Эта королева имѣетъ свой дворъ, свои барабаны, свои *серимба* и окружаетъ себя церемоналомъ, который въ употребленіи при дворѣ короля. Она засѣдаетъ въ *лехотла* (родъ дворца), обсуждаетъ дѣла, разрѣшаетъ тяжбы. Ее привѣтствуютъ какъ короля: *Тау-мона!* Ее окружаютъ криками: *Лоше* (родъ привѣтствія королямъ *rag excellence*). Передъ ней простираются ницъ, и никто въ ея присутствіи не имѣетъ права сидѣть, ни даже ея мужъ, *Мокуе-Тума* («зять націи»), который, въ сущности, лишь ея служитель, прогоняемый ею по желанію» (*F. Coillard: «Expédition du Zambèze» въ Journal des Missions Évangéliques; Paris, 1886, octobre, стр. 397*). Навивный миссіонеръ прибавляетъ: «Можетъ быть, было бы слишкомъ сказать, что она предается полиандріи» (*ibid.*). Я прошу читателя обратить особенное вниманіе на названіе «зять націи», данное мужу королевы, потому что въ немъ какъ нельзя яснѣе проглядываетъ политическое значеніе королевы, какъ представительницы цѣлой націи. Въ концѣ XVII вѣка болѣе половины краснокожихъ племенъ, населявшихъ Южную Каролину, управлялись женщинами-вождями, «*women captains*» (см. извѣстіе изъ *American Antiquarian* въ *Globus* 1887 III, № 17, стр. 272). Самая чистая гинекократія (переходъ власти отъ принцессы - матери къ принцессѣ-дочери) была очень распространена среди дравидійскихъ племенъ Индіи (наприм., въ Траванкорѣ) еще въ прошломъ вѣкѣ.

Въ связи съ вопросомъ о гинекократіи находится вопросъ объ амазонкахъ, которому Бахофенъ тоже придаетъ очень широкое значеніе. Но и здѣсь вовсе нельзя отрицать возможности этихъ явленій. «Бранная забава» вовсе не противорѣчатъ женской природѣ въ такой степени, какъ это часто принимается по отношенію даже и къ дикимъ племенамъ. Мѣстами въ той же Африкѣ, наприм., въ Дагомеѣ, тысячи женщинъ, наравнѣ съ мужчинами и ничѣмъ не уступая, если еще не превосходя послѣднихъ въ храбрости, составляютъ хорошо организованное войско короля (см. *Skertchley: «Dagomey as itis»; Hugo Zöller: «Kamegun»* и проч.). Такой замѣчательный географъ, какъ Элизе Реклю, относится къ этому факту безъ недовѣрія (*Géographie Universelle, t. XIII, Paris, 1887, стр. 473*), а Ратцель (*Die Völkerkunde, I, Leipzig, 1885, стр. 582*) признаетъ существованіе подобной же военной организаціи у ашантиевъ. У географа Риттера есть немало фактовъ амазонствующихъ женщинъ въ Курдистанѣ, въ задней Индіи (*Muttern., стр. 207*). Жиро-Телонъ указываетъ на воинственныя геронче-

свои черты женщины (у) раджастани (по Руссе), а не Южная Америка (по Бакофелю) и три (Бервешиния) надоразумишь со стороны (Бакофеля) как представляется, лишь его мысль, а не вещь, а именно о том, что государство, стоящая, следовательно, жем. женщины! Но хижина, говори: «Дипломат» в главе, посвященной дипломатурь вопроса, я укажу три факторы (вспомогательных), которые могли довести до этой мысли, а именно: «...»

До сих пор я старался передать читателю, по возможности близко держась самого Бакофеля, те новые выводы, к которым пришел автор. Теперь я попытаюсь охарактеризовать в эпитетическом смысле метод исследования, при помощи которого Бакофель дошел до этих результатов, и к общему его мировоззрению. Вгляды автора на этот предмет выражены во введении в *Мастерском труду*, присвяты во многих местах этого сочинения, подробно развиты в предисловии к *Сказанию о Тамарилье* и ряде охарактеризованы эпитетом *Антикварский метод*. «Истинная критика лежит в понимании, а не в фетишизации, следовательно, образом. При исследовании древнейшего периода человеческой истории мы должны отбрасывать от попыток фальшивого приматизма, выяснять чистое историческое событие этого периода путем критического исследования мифов и легенд. Это будет чинно субъективной критикой в отношении к возможностям от личной точки зрения историка. Стараясь выдвинуть историческое явление из мифологической оболочки, как в сущности, радиemy саведомо, ложными вещами (тубесими и т.п.) чинно бросить за бортъ вид, составлявшее культурную особенность данной эпохи, и только потому, что это противоречит воззрениям нашей эпохи. Этой субъективной интерпретирующей крики». Бакофель представляет «объективно-историческое исследование». Для него самым мифом, в его особенности составляет объективный материал исследования, то есть божество, вавилонский, чинно дружина исторических событий, вавилонский миф. Миф есть, в сущности, отражение культурно-исторического чувства народовозражения данного периода со всеми его характерными чертами. Отсюда требование для исследователя беречь, благополучно (по Руссе) относить к легендарному материалу, выдвигать однородные, наиболее распространенные и наиболее рельефные черты животного мира мифом, чинно, принимая эти особенности за историческое отражение реальных условий той эпохи, приложить их, как критерий, при дальнейшем исследовании божественных элементов легенды. Внутреннее согласие между этими элементами должно считаться доказательством более высокого, чинно «ахотство или противоречие их с воззрениями нашей эпохи. Дальнейшая и интереснейшая задача заключается в сравнении однородных между собой черт в мифах различных народов и различных эпох. Обособление родственных элементов приводит к ярким событиям и элементам про...

всѣмъ и взаимно обиденіе ихъ. Эта послѣдняя часть задачи съ теченіемъ времени все больше и больше подчеркивается Бахофеномъ. Въ послѣднихъ его сочиненіяхъ она выразилась въ широкихъ всемірно-культурныхъ аналогіяхъ и сближеніяхъ (наприм., Ореста съ Августомъ и Астикой, однимъ изъ героев Магабгараты), которыя составляютъ одно изъ удачнѣйшихъ приженій того, что называютъ теперь «сравнительнымъ методомъ въ социологіи».

Здѣсь, можетъ быть, будетъ кстати устранить одно недоразумѣніе. Въ сущности, хочеть или не хочеть этого социологъ и историкъ, онъ вноситъ свое субъективное пониманіе въ смыслъ явленій, составляющихъ человѣческій прогрессъ, и ниже читатель увидитъ, что и у Бахофена есть свое общее міровоззрѣніе. Но иная вещь—этотъ необходимый субъективизмъ социологическаго пониманія, и иная вещь—ничѣмъ не оправдываемый субъективизмъ въ приемахъ обработки чисто-объективнаго матеріала. Отвергать явленія прошлаго, потому только, что они «чуждовидны», «противны здравому человѣческому смыслу» современности, именно и значить вводить незаконный субъективизмъ въ исторію. Въ этомъ случаѣ я рѣшительно становлюсь на сторону Бахофена противъ хотя бы Моммзена, съ которымъ первому нерѣдко приходилось сталкиваться. Моммзенъ—типъ буржуазнаго историка, хотя типъ замѣчательно крупный и блестящій. Онъ рассматриваетъ явленія прошлаго лишь въ свѣтѣ современности. Напримѣръ: монагамическая семья есть одна изъ основъ настоящаго строя, и глава ея отъ мужчины. Буржуазный историкъ и въ прошломъ не допустить поэтому ни одной формы половыхъ отношеній, ни иной болѣе значительной роли женщины-матери. Просмотрите главы *Римской исторіи* Моммзена, трактующія о «первоначальныхъ учрежденіяхъ Рима» (книга I, глава 5)*. Авторъ въ такой степени ослѣпленъ римскимъ патриархатомъ, отодъ понятнымъ уму и сердцу нѣмецкаго профессора, что для него исчезаютъ разбросанные, но характерные слѣды предшествовавшаго періода материнскаго права. Онъ держится при этомъ совершенно ненаучной аналогіи между политическимъ строемъ государства и патриархальною семьей и даже выводитъ первый изъ послѣдняго. «Какъ государство покоится на основѣ семьи, такъ точно, въ цѣломъ и въ деталяхъ, оно приняло ея форму»,—говоритъ нашъ историкъ (т. I, стр. 87), и, чтобы объяснить, наприимѣръ, происхождение сената при царѣ (стр. 90), онъ прииближаетъ къ дешавому уподобленію царя отцу семейства, который въ важныхъ случаяхъ совѣтуется съ своими сопѣлками.

Точно также нѣмецкій профессоръ, не видящій вокругъ себя чертъ гнѣбнаго неокриатическаго періода, скептически относится къ этому вопросу и въ прошломъ. Объ этрускахъ онъ не находитъ ничего сказать болѣе, какъ то, что «организация сама была у нихъ та же самая, что и въ Римѣ», и что лишь тамъ «нѣсколько болѣе обращалось вниманіе на родство и мате-

* Я имѣю подъ рукою французское изданіе 1863 г., см. въ особенности стр. 87 и слѣдующ. томъ I.

ри» (стр. 171). А на одномъ изъ засѣданій берлинской академіи наукъ (25 февраля 1869 г.) Моммзенъ, по поводу легенды о Коріоланѣ, относитъ прямо на счетъ богатой фантазіи «неизвѣстнаго римскаго Шекспира» величавые образы Волумнія, Ветурии, Валеріи и даже, какъ типы, разсматриваетъ ихъ совершенно противорѣчащими римской дѣйствительности. Здѣсь снова приходится становиться на сторону Бахофена, который въ остроумномъ и ироническомъ отвѣтѣ Моммзену указываетъ наоборотъ многочисленные и неоспоримые слѣды матриархата не только у этрусковъ, сабинянъ, но и у самихъ римлянъ *).

Какъ бы ни были, впрочемъ, вѣрны и оригинальны взгляды Бахофена на методъ изслѣдованія, они не могли бы еще объяснить тѣхъ важныхъ результатовъ, къ каимъ пришелъ этотъ авторъ. Нужно еще принять во вниманіе согрѣвающее вліяніе аффекта; и его источникъ лежалъ у Бахофена въ глубокомъ поэтическомъ чувствѣ, которое помогло ему погрузиться въ тотъ странный и чуждый намъ міръ матриархальной культуры, когда, по словамъ Гезіода (ор. 130), человекъ

Росъ и рѣзвился сто глѣзъ на глазахъ своей матери нѣжной
Лаунымъ и малымъ ребенкомъ, подъ кровлей жилища роднаго.

Я склоненъ думать, что именно этотъ поэтическій инстинктъ позволилъ Бахофену съ любовью выискивать слѣды «тинекократической» эпохи, такъ какъ съ чисто-логической точки зрѣнія его общее міросозерцаніе было, наоборотъ, враждебно этой культурѣ. Его двигатели прогресса, его «солнечные герои» (Sonnenhelde)—всѣ «женоненавистники» (Weiberhässer). Общее мировоззрѣніе Бахофена—самый крайній идеализмъ или, если хотите, идеологізмъ. Въ основаніи явленій, которыя онъ изобразилъ намъ во всей ихъ грубой реальности, лежатъ, тѣмъ не менѣе, по его мнѣнію, религіозныя идеи **). «Представленія, связанныя съ культомъ, есть первичная причина; гражданскія формы жизни—слѣдствіе и выраженіе» (*Muttern.*, стр. XV). Порою (см. тамъ же, стр. XXI) онъ какъ будто говоритъ обратное; и, въ сущности, его фактическое отношеніе къ міре, какъ къ отраженію жизни, вытекаетъ изъ этого обратнаго взгляда. Но какъ бы на практикѣ онъ ни отклонялся порою отъ своего теоретическаго идеализма, въ принципѣ онъ считаетъ его единственно вѣрнымъ. Даже въ его *Антикварскихъ письмахъ*, гдѣ онъ держится исключительно на реальной почвѣ, можно найти фразы вродѣ слѣдующей: «Въ мірѣ боговъ должно свершиться

*) См. брошюру *Mommsen's Kritik der Ersählung von Coriolanus*, напримѣръ, латинскую цитату на стр. 29 (Бахофенъ даетъ ее безъ указанія источника; она взята изъ Тита Ливія, XXXIV, 5), начинающуюся чрезвычайно интересными словами, обращенными Валеріемъ къ Катону, который порицалъ манифестацію женщинъ: „И такъ, что же такого невиданнаго совершили матроны, что въ большомъ числѣ и публично выступили въ интересующемъ ихъ дѣлѣ?...“ Слѣдуетъ перечисленіе случаевъ плодотворнаго вліянія женщинъ въ политическую жизнь Рима.

**) Во избѣжаніе недоразумѣнія, замѣчу, что и у Бахофена, и въ этой статьѣ рѣчь идетъ исключительно о религіозныхъ воззрѣніяхъ язычества.

раньше то, что позже достигнеть соответствующаго выраженія въ отношеніяхъ земной жизни» (*Antiqu. Briefe*, I, стр. 68).

Каковы же были измѣненія въ «мірѣ боговъ», которыя обусловливали измѣненія соціальной, политической и семейной жизни? Человѣчество начинаетъ съ самой низменной религіи, «теллурической», культа земли,—въ гражданской жизни этому соответствуетъ ничѣмъ не стѣсняемая свобода отношеній между полами. Мужской элементъ играетъ лишь роль оплодотворителя всѣмъ отдающей женщины: дѣти, символизируемыя «роскошною болотною растительностью», не принадлежать никому. Но вотъ человѣчество поднимается до «луннаго» культа—и въ гражданской жизни возникаетъ бракъ. Семья группируется около матери, общество—гинекократично. Наконецъ, человѣчество достигаетъ «солнечнаго, аполлиническаго» культа,—мужчина вырываетъ скипетръ изъ рукъ женщины и въ семьѣ, и въ обществѣ. «Ваххическій» же культъ есть посредствующая стадія между вторымъ и третьимъ и, съ одной стороны, представляетъ побѣду надъ ненавидящею мужчину женщиной-амазонкой, а съ другой—влечетъ реакцію половой разнузданности.

Въ сущности, довольно небольшого усилія мысли, чтобы разрушить эту непрочную, какъ карточный домикъ, схему. Допустимъ, что религіозныя воззрѣнія—первая причина. Но что же заправляетъ ихъ смѣной, и почему культу земли соответствуетъ непременно гетеризмъ, культу луны—матріархатъ, а культу солнца—патріархатъ? Если обратиться за объясненіями къ Бахофену, то нельзя получить иного отвѣта, кромѣ слѣдующаго. Человѣкъ, которому врождено стремленіе къ лучшему, начинаетъ съ необузданнаго удовлетворенія «низменнаго», «теллурическаго» инстинкта, чтобы перейти къ регулярованію его путемъ брака. Самый бракъ имѣетъ мѣсто сначала при выдающейся роли женщины, поклонницы «цѣломудренной» луны, затѣмъ при господствѣ мужчины, представителя «чистаго», «аполлиническаго, солнечнаго свѣта». Но, вѣдь, это, въ сущности, значитъ, что авторъ представляетъ просто-на-просто къ землѣ, лунѣ и солнцу различные эпитеты, взятые изъ области нравственности, но ничуть не вытекающіе изъ физической природы данныхъ предметовъ культа. Понятно, что здѣсь приходится какъ разъ наоборотъ изслѣдовать, прежде всего, условія общественной жизни, которыя создаютъ различныя нравственныя категоріи. А затѣмъ уже можно будетъ понять, съ какими физическими свойствами предметовъ культа человѣкъ связалъ эти категоріи. Бахофенъ говоритъ, напримѣръ: человѣкъ стремится къ чистому солнечному свѣту патріархальной власти. По моему же мнѣнію, человѣкъ могъ переходить къ культу солнца, какъ онъ могъ переходить къ патріархату, но онъ не стремился къ послѣднему, потому что солнце есть символъ «чистаго», нравственнаго свѣта. Для этого человѣку нужно бы было сначала еще признать патріархатъ за болѣе чистый, болѣе нравственный; но для выработки нравственныхъ понятій никакія солнца не помогутъ, а нужна жизнь въ обществѣ. Конечно, нѣкоторая связь между переходомъ отъ луны къ солнцу и переходомъ отъ патріархата къ патріархату есть, но она лишь слѣдующая. Болѣе дикія

племена обожают луну, потому что периодичность ее фазъ легче замѣчается первобытнымъ человекомъ, и эти же болѣе дикія племена основываютъ систему родства по матери, потому что отца трудно узнать при такихъ условіяхъ, о которыхъ говорилось выше, да и принадлежать-то онъ часто къ другому роду. Переходъ отъ матриархата къ патриархату и переходъ отъ луннаго культа къ солнечному, въ сущности, вовсе не находятся между собою въ причинной связи, но представляютъ лишь явленія, параллельно отражающія третье, болѣе общее явленіе—общій прогрессъ культуры.

Совершенно въ духъ этого крайняго идеализма Бахофенъ разсматриваетъ и имущественныя отношенія, которыя играли важную роль въ преобразованіи и семьи, и правъ наследованія. Укажу хотя бы на то, что развитіе производительныхъ силъ, начавшееся накопленіе богатствъ, количественное и качественное увеличеніе предметовъ, которые можно было оставлять въ наследствѣ, должно было вызвать у отца стремленіе передавать имущество не въ свой материнскій родъ, а женѣ и собственнымъ дѣтямъ. Для этого нужно было лишь болѣе строгое сожительство паръ, которое сдѣлало вѣроятнымъ происхожденіе дѣтей отъ даннаго мужчины. Бахофенъ, сдѣлаю эту оговорку, собралъ много данныхъ по экономической жизни народовъ и порою подходитъ близко къ сути дѣла, напр., подчеркивая уже въ *Материнскомъ правѣ* первобытный коммунизмъ матриархальнаго строя. Въ *Антикварскихъ письмахъ* онъ рисуетъ даже очень ясно процессъ перехода отъ наследованія имущества мужчины материнскимъ родомъ къ наследованію этого имущества его собственными дѣтьми (см. т. I, особенно стр. 55—57 и слѣд.). Но вообще онъ отодвигаетъ эти явленія на задній планъ и ищетъ побуждающей причины культурнаго прогресса въ «хтоническихъ», «лунныхъ» и т. п. идеяхъ. Само по себѣ, экономическое явленіе интересуетъ его мало. Меня поразило, наприм., что, цитируя въ *Mutterrecht* Страбона (XV, I, 66) по вопросу о браминахъ при дворѣ королей Индіи, онъ обрываетъ цитату какъ разъ тамъ, гдѣ географъ сообщаетъ объ очень интересной формѣ земельной общины у индусовъ—обработкѣ земли сообща родовыми группами. Точно также онъ передаетъ очень характерный для первобытнаго коммунизма рассказъ Атеней (3, 3) о дикихъ бобахъ, переставшихъ расти, о прекрасномъ ключѣ, переставшемъ бить, лишь только люди захотѣли обратить эти предметы въ личную собственность (*Antiqu. Briefe*, I, стр. 13). Но пользуется онъ этимъ рассказомъ лишь для того, чтобы показать, въ какой степени «великимъ материнскимъ божествомъ природы, которыя вызываютъ изъ болотистой почвы роскошную чащу тростника, противно ограниченію гетерической жизни» и проч. (*ibid.*, стр. 14).

Въ связи съ черезъ-чуръ большимъ значеніемъ, какое Бахофенъ приписываетъ абстрактнымъ воззрѣніямъ людей, находится иной недостатокъ автора. Обращаясь къ изученію «мира боговъ» часто въ ущербъ изслѣдованію конкретныхъ условій жизни, онъ набрасываетъ черезъ-чуръ схематично историческое развитіе отношеній между племенами и семейной организаціей.

Въ его исторіи брава Еллингъ мало *байсели*. Переходъ отъ одной формы въ другую опредѣляется у него гораздо болѣе однимъ какимъ-нибудь исключительнымъ моментомъ, чѣмъ совокупностью реальныхъ условий, и потому подчасъ не лишены фрагментарности. Такъ, переходомъ ступеней отъ гетерогеннаго къ индивидуальному браку является у Бахофена періодъ амазонства, когда женщина, утѣмленная безпорядочною половую жизнью, съ оружіемъ въ рукахъ добивается, такъ сказать, коллективнаго развода съ мужскимъ населеніемъ Клеменіи.

Исследование частностей символическаго характера, часто разрознанное до небываемо широкихъ границъ, является новымъ недостаткомъ Бахофена. И этотъ недостатокъ опять таки зависитъ отъ того черезъ чуръ большаго влияния, которое авторъ приписываетъ абстрактнымъ понятіямъ. Такъ, двѣя третья втораго тома *Антикарскихъ писемъ* занята несколькоими доказательствами въ пользу значенія цифры 8, какъ основнаго числа, господствующаго надъ всеми проявленіями жизни материнскихъ, телургическихъ и вообще первобытныхъ народовъ. И уже не говорю о томъ, что само это число слишкомъ сложно, чтобы представляться непосредственно воображенію первобытнаго человека. Но и всѣ эти разсужденія о какомъ-то почти мистическомъ типотвнн людей въ известной цифрѣ подлежатъ проверкѣ. Во первыхъ, при некоторомъ трудолюбіи можно бы было подыскать частое повтореніе въ мифахъ и обычаяхъ любого изъ не особенно дальнихъ, наприм., хотя бы первыхъ 10 чиселъ. Во вторыхъ, это подысканіе имѣеть, въ сущности, тѣ же малое значенія, какъ игра въ цифровыя тороковны. Это не слышалъ о роковыхъ числахъ, управляющихъ жизнью великихъ людей? Но получаютъ-то лишь они, къ сожалѣнію, манипуляціями надъ цифрами въ виду достиженія уже заранее предполагаемаго результата.

Оканчивая эту главу, я останавлиюсь еще на чисто-внѣшнемъ недостаткѣ сочиненій Бахофена: нестройности общаго плана. Дѣйствительно, если включить *Сказаніе о Титандилѣ*, то труды Бахофена съ формальной стороны можно охарактеризовать такъ. *Критика Моисея* есть небольшая брошюра, трагическая обѣ одна изъ эпизодовъ римской исторіи. *Антикарскія письма* представляютъ рядъ интересныхъ, но по большей части несвязанныхъ этюдовъ, связанныхъ лишь единствомъ мировоззрѣнія автора и общаго предмета исследования. Что касается *Материнскаго права*, то это, въ сущности, не книга, а родъ хаотической энциклопедіи античнаго міра, гдѣ масса интереснѣйшихъ фактовъ обвѣщена съ крайне оригинальною точкою зрѣнія, но расположена безъ всякаго порядка, безъ подраздѣленій, съ безконечными отступленіями, возвращеніями, повтореніями.

Закончу эту статью, самымъ общимъ указаніемъ на предметныя работы Бахофена и его послѣдователей, на его критиковъ и вообще людей, писавшихъ о немъ.

Вопросъ о литературномъ первенствѣ—вопросъ и трудный, и сравнительно неблагоприятный. Самой оригинальной, повидимому, мысли почти всегда предшествуютъ аналогичныя попытки въ прошломъ. Все дѣло въ томъ, кому удалось наиболѣе удачно формулировать назрѣвающую идею. Вотъ, наприм., еще у Платона, несмотря на весь его идеализмъ, встрѣчается слѣдующая фраза: «И войны, и возстанія, и битвы вызываются не инымъ чѣмъ, какъ тѣломъ и его желаніями; ибо всѣ войны рождаются среди насъ изъ-за пріобрѣтенія имущества» (см. *Phaedo*, § 66, D: διὰ γὰρ τὴν τῶν κτημάτων κτήσιν πάντες οἱ πόλεμοι ἡμῖν γίνονται). И, однако, на основаніи этой отдѣльной мысли моралиста, нельзя отказать въ оригинальности хотя бы *соціологической формулы* Маркса: «Способъ производства матеріальной жизни обуславливаетъ общій процессъ соціальной, политической и умственной жизни» (*Zur Kritik der Politischen Oeconomie*; Berlin, 1859, Vorwort).

Были, конечно, и у Бахофена предшественники, особенно между путешественниками среди дикарей. Такъ, Лафито, ученый іезуитъ прошлаго вѣка, говоритъ, напримѣръ, о краснокожихъ, что у нихъ «какъ разъ въ женщинахъ сосредоточены національность, знатность, генеалогическое дерево, порядокъ поколѣній и сохраненія семей» (цитир. у *A. Girard-Teulon*: «Les origines du mariage et de la famille»; Genève—Paris, 1884, стр. 189). Но какъ далеко отсюда до всемірно-культурнаго обобщенія Бахофена: «Материнское право отнюдь не принадлежитъ какому-нибудь опредѣленному народу, но извѣстной степени культуры... Вслѣдствіе одинаковости и законосообразности человѣческой природы, оно не можетъ быть поэтому обусловлено или ограничено какою бы то ни было этническою близостью» (*Muttern.*, стр. VI).

Съ другой стороны, и вопросъ о плагиаторахъ Бахофена, не представляя самъ по себѣ большаго научнаго интереса, въ то же время, не можетъ быть рѣшенъ, что называется, съ плеча. Многие авторы берутъ у Бахофена факты, — правда, часто безъ указанія источника, — но дѣлають изъ нихъ свои выводы.

Я, какъ было уже сказано, ограничусь лишь самымъ общимъ указаніемъ на литературу вопроса, вовсе не думая исчерпать ее.

Вопросъ о давнишнемъ первенствѣ женщины въ семьѣ, въ связи съ гинеократіей, былъ впервые поставленъ на научную почву въ концѣ прошлаго вѣка англичаниномъ Миллеромъ (Millar), другомъ Адама Смита и Юма. Въ своей книгѣ о *Происхожденіи сословій и ихъ разницы*, авторъ, по словамъ Макъ-Леннана, даетъ «превосходный очеркъ» интересующихъ насъ явленій и «почти совершенно предвосхищаетъ Бахофена» *).

*) Книга эта, появившаяся въ 1771 г. подъ заглавіемъ *The Origin of the Distinction of Ranks* и вышедшая четвертымъ изданіемъ еще въ 1806 г., стала библиографическою рѣдкостью. Несмотря на всѣ усилія, я не могъ достать ее и принужденъ говорить о ней, опираясь на авторитетъ Макъ-Леннана (см. *Studies in Ancient History*, примѣч. къ стр. 420).

Въ началѣ 50-хъ годовъ этого столѣтія въ Америкѣ появилась замѣчательная книга Льюиса Моргана, прошедшая почти совершенно незамѣченной. Это — сочиненіе о *Литъ ирокезовъ* *), основанное на глубокомъ непосредственномъ изученіи жизни пяти сконфедерированныхъ племенъ. Уже въ немъ авторъ говоритъ о родовой организаціи ирокезовъ, что «племя... никогда не слагалось изъ потомковъ, происходящихъ отъ одного общаго отца, такъ какъ отецъ и дитя никогда не были одного и того же рода», и что эта организація «отличалась отъ всѣхъ другихъ учреждений Стараго Свѣта тѣмъ, что родословная велась во всѣхъ случаяхъ по женской линіи» (стр. 79). О собственности же мы читаемъ, что имущество мужа переходило обыкновенно не къ его дѣтямъ, а къ членамъ его рода, т.-е., значить, къ его родственникамъ по женской линіи; ему лишь *позволялось* «при жизни и въ присутствіи свидѣтелей» передавать вещи жёнъ и дѣтямъ (стр. 327). Въ послѣдующихъ своихъ сочиненіяхъ: *Состемъ родства и свойства* и *Древнее общество* **) Морганъ разсматриваетъ происхожденіе по женской линіи уже какъ всеобщее культурное явленіе и даетъ цѣлый рядъ таблицъ родства и богатѣйшій матеріалъ по исторіи развитія семьи и перехода отъ матриархата къ патриархату въ цѣломъ мірѣ. Морганъ, какъ видно изъ его цитатъ, внимательно изучалъ *Материнское право* Бахофена, вышедшее въ промежутокъ между первымъ и послѣдующими сочиненіями Моргана, и отзывается о немъ, какъ о «трудѣ, основанномъ на обширныхъ изысканіяхъ» (*Аnc. Soc.*, стр. 349). Онъ считаетъ вполне доказанными явленія материнскаго права и гинеократіи, которыя Бахофенъ открылъ и прослѣдилъ съ помощью отрывковъ исторіи и традицій» (*ibid.*, стр. 350). Морганъ лишь принимаетъ «съ измѣненіями» взглядъ Бахофена о «беззаконномъ» сожителствѣ между мужчиной и женщиной, какъ бросающій невѣрный свѣтъ на явленія ранней семьи. Въ свою очередь Бахофенъ часто пользовался Морганомъ въ своихъ *Антикварскихъ письмахъ*, которыя онъ посвятилъ даже ему на ряду съ лютихскимъ ученымъ Либрехтомъ и русскимъ археологомъ Стефани.

На англійскомъ же языкѣ появилось въ 1865 г. сочиненіе Макъ-Леннана о *Первобытномъ бракѣ* ***) , гдѣ, между прочимъ, цѣлая глава (VIII) посвящена «стариннымъ системамъ родства исключительно черезъ женщинъ». Въ своемъ этюдѣ о *Материнскомъ правѣ Бахофена* ****) Макъ-Леннанъ откровенно заявляетъ, что въ этомъ «открытіи» материнства онъ былъ предвосхищенъ Бахофеномъ, о сочиненіи котораго онъ узналъ лишь весною 1866 г. Соглашаясь съ критикой Макъ-Леннана относительно «мисти-

*) *Lewis H. Morgan: „League of the Ho-dé-no-sau-nee, or Iroquois“; Rochester, 1851.*

**) *Systems of Consanguinity and Affinity of the Human Family, 1871, и Ancient Society, or researches in the lines of Human progress etc.; London, 1877.*

***) *Mac Lennan: „Primitive Marriage“; Londres, 1865.*

****) Напечатано въ числѣ прочихъ этюдовъ, появившихся вѣстѣ съ перепечаткой *Первобытнаго брака* подъ общимъ заглавіемъ: *Studies in Ancient History; London, 1876.*

честного характера» обихъ взглядовъ Бахофена, я не ихъ, однако, до сихъ, конца онъ говоритъ, что авторъ *Материнскаго права* «лишь видитъ фактъ первоначальнаго, родства исключительно черезъ женщины», но не признаетъ этого факта» (*Studies*, стр. 418), и что будто Бахофенъ совершенно не обратилъ вниманія на одну изъ такихъ причинъ, заключающуюся въ отсутствіи моногаміи и въ трудности отыскать дѣйствительнаго отца. Другъ читатель припомнитъ хоть цитату Бахофена о гарантахъ, у которыхъ вслѣдствіе отсутствія индивидуальнаго брака «лишь матери признають дѣтей, а къ имени отца нѣтъ никакого почтенія». Замѣчу мимоходомъ, что въ своемъ вступлѣ о *Родствѣ въ древней Греціи* *) Мать (Ланганъ цитируетъ Бахофена лишь вскользь, а между тѣмъ, большинство фактовъ матриархата въ Греціи ваяты безъ указанія источника изъ *Материнскаго права*. Сравните, наприм., параллельно стр. 244, 249 въ *Anc. History* съ стр. 9—10 Бахофена, стр. 290—291 со стр. 1, стр. 294 со стр. 41—42, стр. 296 съ 28, стр. 297 съ 31, стр. 298 съ 38 и проч., не говоря уже о томъ, что блестящій анализъ мифа объ Орестѣ дѣдиномъ, заимствованъ у Бахофена.

Лѣббокъ часто цитируетъ Бахофена въ своихъ *Началахъ цивилизаціи* (см., наприм., стр. 75, 106—107, 121, 125—126 и, безъ указанія источника, о мифѣ Ореста, стр. 129—130 **). Онъ соглашается съ Бахофеномъ въ существованіи первоначальнаго детеризма, социалъ пактаже по его терминологіи, но, по моему мнѣнію, черезчуръ отрицательно относится къ бахофеновской гинеократіи (стр. 78). Примѣръ австралийцевъ, гдѣ положеніе женщины очень низко, не можетъ служить доказательствомъ, уже потому, что тамъ паритъ полигамія. Въ другомъ мѣстѣ Лѣббокъ критикуетъ, и на этотъ разъ справедливо, презрѣнный идеализмъ Бахофена, который видитъ въ переходѣ отъ матриархата къ патриархату стремленіе волево-вѣческаго духа «разбить оковы теллуризма и поднять взоры къ высшимъ сферамъ космоса».

Въ послѣднемъ своемъ трудѣ *Мифъ, обрядъ и религія* ***) Андрію Лангу касается Бахофена по вопросу о кулацѣ и присоединяется совершенно къ взгляду автора *Материнскаго права*, указанному нами выше. Къ Бахофену онъ относится какъ къ «ученому, который употребляетъ неистинный широкій сравнительный методъ, но лишь видитъ все съвоемъ собственныя мистическія спекуляціи» (т. II, стр. 224).

Перейду къ Франціи. Я не буду останавливаться на нѣкоторыхъ сочиненіяхъ XVI и XVII вѣка, устанавливающихъ равенство и даже превосход-

*) Этимъ *Kinship in Ancient Greece* впервые подало въ апрѣльской и маіской книжкахъ *Fortnightly Review* 1866, какъ отвѣтъ на вызовъ Гладстона пригласить да-ниэ Дюверна съ теоріей матриархата, и былъ перепечатанъ въ *Studies in Anc. History*, стр. 286—309.

**) *Sir John Lubbock: „The origin of civilisation and the primitive condition of Man“*, London, 1870, 2-е изданіе.

***) *Andrew Lang: „Myth, Ritual and Religion“*, London, 1887, въ двухъ томахъ.

ство женщины надъ мужчиною — все это, по большей части, моральныя разсужденія. Но нельзя пройти молчаніемъ одного труда XVIII вѣка, имѣющаго уже нѣкоторое научно-философское значеніе. Я говорю объ изслѣдованіи нѣкоего Роллана, члена Амьенской академіи, о *Прерогативахъ дамъ и малозъ* и проч. и проч. *) Въ немъ, несмотря на недостатки общаго плана и критической оцѣнки доказательствъ, встрѣчаются мысли вродѣ слѣдующей: «напомяная женщинамъ ихъ *прежнес величье*, и выводу у нихъ желаніе сравниться съ предками», приводятся «историческія свидѣтельства» о женскомъ парламентѣ у древнихъ галловъ, у элейцевъ (по Плутарху), о двойномъ парламентѣ, мужскомъ и женскомъ, у старинныхъ ирландцевъ; указывается на обычай, передававшій право дворянства по женской линіи еще во времена автора во многихъ мѣстностяхъ Франціи и т. п.

Если исключить Лафито и въ нашемъ вѣкѣ Борлье, писавшаго о баскахъ, и барона Экштейна, писавшаго о карійцахъ, «материнское право» было впервые подвергнуто изученію во Франціи Жиро-Тедономъ, однимъ изъ лучшихъ ученыхъ Бахофена. Жиро-Тедонъ дебютировалъ въ 1868 г. своею книжечкой *La mere chez certaines peuples de l'antiquité*, Paris et Leipsig, очень удачнымъ резюме на 60 страничкахъ громаднаго *Mutterrecht'a*. Порою здѣсь проскальзываютъ еще у автора приемы до извѣстной степени мистической психологіи, свойственныя Бахофену, наприм., тамъ, гдѣ возникновеніе родства по отцу признается дѣломъ гениальнаго и великодушнаго пионера цивилизаціи, который хочетъ «идти въ высшей дѣли» путемъ признанія ребенка. Въ 1870 г. Жиро-Тедонъ перевелъ брошюру Бахофена противъ Момзена, предпославъ ей юридически остроумное предисловіе. Въ 1874 г. появилось его сочиненіе о *Происхожденіи семьи*, второе изданіе котораго, совершенно переработанное, вышло въ 1884 г. подъ заглавіемъ *Les origines du mariage et de la famille*. Нѣсколько аллегоричная по своему характеру, эта книга, по моему мнѣнію, является, тѣмъ не менѣе, одною изъ лучшихъ попытокъ критически резюмировать взгляды главнѣйшихъ изслѣдователей по исторіи семьи и брака. Авторъ, несмотря на свое глубокое почтеніе къ Бахофену, которому онъ посвящаетъ свою книгу, дѣлаетъ въ двухъ-трехъ мѣстахъ косвенную критикъ «нѣсколько мистической формы» *Mutterrecht'a* (стр. 147). Но въ примѣчаніи къ этой же страницѣ авторъ высказываетъ на мистицизмъ Бахофена взглядъ, съ которымъ вполне согласиться я не могу. «Мало умовъ лучше поняли и передали мистицизмъ и религиозную символическу античнаго міра. Предисловіе *Mutterrecht'a* въ особенности широты удивительной; въ немъ дышитъ странною и мистическою атмосферою героическаго періода» и проч. Впечатленіе отъ чтенія бахофеновскаго предисловія передано вѣрно: действительно, эти страницы полны таинственной поэзіи. Но именно въ данномъ случаѣ Бахофенъ не ограни-

*) *Domana*: „Recherches sur les prerogatives des dames chez les Gaulois etc.“; Paris, 1787. Я пользуюсь перепечаткой этого этюда въ XI томѣ малоизданной, но очень любопытной *Collection de piéces relatives à l'histoire de France*; Paris, 1826—1838, въ 20 томахъ, подъ редакціей Лабера и др.

чился ролью изслѣдователя, «понявшаго и передавшаго религиозный мистицизмъ», а самъ явился религиознымъ мистикомъ до мозга костей, наивнымъ сыномъ героическаго періода. Иллюзія реальности мистическаго міра произведена, но произведена не сознательно, а невольно, въ ущербъ критическому пониманію дѣйствительныхъ причинъ развитія «материнскаго права».

Этнографъ Эли Реклю, братъ знаменитаго географа, еще въ шестидесятыхъ годахъ, по его собственнымъ словамъ, изучалъ Бахофена, но далъ лишь въ половинѣ 70-хъ годовъ рядъ статей въ *Republique française* по поводу «хтонической, теллурической религіи» въ духѣ Бахофена. Но скоро онъ освободился отъ излишняго символизма послѣдняго и, отдавъ должное *Matriarхату Бахофена* (см. его *Le matriarcat d'après Bachofen* въ *Revue internationale des Sciences* 1881, VIII, № 9), тѣмъ съ большимъ жаромъ посвятилъ себя изученію социальной и семейной жизни дикарей. Плодомъ этого изученія явился его живо написанный сборникъ этюдовъ по сравнительной этиологіи «первобытныхъ племенъ» *); этюдъ этого сборника о материнской фамиліи наировъ (напечатанный раньше въ *Nouvelle Revue* г-жи Аданъ) составленъ Эли Реклю, главнымъ образомъ, по Бахофену.

Вопроса же о «матріархатѣ» касался Поль Лафаргъ (въ книжкѣ *Nouvelle Revue* отъ 15 марта 1886 г.), подробно разсмотрѣвъ, между прочимъ, столь извѣстный со временъ Бахофена мифъ объ Орестѣ.

Въ Германіи труды Бахофена медленно проникали въ ученую публику; ихъ отчасти замалчивали, отчасти подвергали мелочной критикѣ. Читатель видѣлъ уже раньше взаимное отношеніе взглядовъ Моммзена и Бахофена. На вопросъ о родствѣ по жепской линіи въ древней Греціи былъ данъ утвердительный отвѣтъ ученымъ Курціусомъ, который въ своей *Исторіи Греціи* прямо отсылаетъ къ Бахофену за фактами, касающимися матріархата у аегианъ.

Значительною долей выводовъ Бахофена воспользовался Юлій Липпертъ въ двухъ своихъ послѣднихъ сочиненіяхъ: *Исторія семьи* и *Исторія культуры* **). Онъ указываетъ на то обстоятельство, что до Бахофена «материнскій періодъ не имѣлъ вовсе мѣста въ историческомъ изложеніи» (*Ист. сем.*, стр. 5) и слѣдуетъ ему во многихъ мѣстахъ этой книги, наприм., особенно въ объясненіи мифа Ореста (*ibid.*, стр. 80—81), порою безъ указанія источниковъ, наприм., тамъ, гдѣ (стр. 73—74) онъ говоритъ о культѣ Деметры, матери-земли. Въ *Исторіи культуры* онъ отдаетъ должное «громадной начитанности» Бахофена въ классической литературѣ, — начитанности, которая помогла ему «напасть на пробивающую совершенно новые пути мысль о прежнемъ строѣ семьи». Но онъ критически относится къ «мифически-символическому» элементу, въ чемъ онъ, однако, видитъ дань Бахофена своему времени (т. I, стр. 88). Далѣе, онъ прини-

*) *Elie Reclus*: „Les Primitifs“; Paris, 1885.

***) *Julius Lippert*: „Die Geschichte der Familie“; Stuttgart, 1884; и его же: *Die Kulturgeschichte der Menschheit* etc.; Stuttgart, 1886—1887, въ двухъ томахъ.

масть «гинекократию» Бахофена, но старается ограничить это понятие, указывая на то обстоятельство, что материнское право принадлежит первобытнымъ народамъ, у которыхъ не можетъ быть рѣчи о собственно *политическомъ владычествѣ* женщинъ, а лишь о выдающейся роли женщинъ внутри мелкихъ *родовыхъ группъ* (см. т. II, стр. 23 и слѣд.). Онъ, со словъ Нахтигала, указываетъ на сравнительную распространенность «королевъ-матерей въ оазисахъ Сахары и въ Суданѣ» (см. т. II, стр. 41) и не видитъ ничего невозможнаго въ существованіи воинственныхъ женщинъ, подавшемъ поводъ къ мнѣнію объ амазонскихъ государствахъ. Онъ, сверхъ того, указываетъ на довольно распространенный этнологическій фактъ, что среди многихъ племенъ мужчины и женщины обыкновенно живутъ отдѣльно и ведутъ независимое хозяйство (замѣчу, что эти факты нашелъ Бахофенъ и у народовъ древности). Немудрено, если существованіе этническихъ группъ, основанныхъ на такою обособленіи половъ, могло вызвать у Бахофена представленіе о цѣлыхъ государствахъ амазонокъ, вѣчно враждующихъ съ мужчинами.

Касается Бахофена и Энгельсъ, въ своей брошюрѣ о *Происхожденіи семьи, частной собственности и государства* *), представляющей искусно написанное резюме Моргановскаго *Древняго общества* и освѣщенное лишь съ точки зрѣнія эконоическаго материализма Маркса. Говоря о первобытной свободѣ половыхъ отношеній, Энгельсъ разсматриваетъ «открытіе этого первобытнаго состоянія» какъ «великую заслугу Бахофена» (стр. 17). Но въ примѣчаніи къ этой страницѣ читаешь, что «Бахофенъ мало понималъ самъ, что онъ открылъ или, вѣрнѣе, отгадалъ», и въ доказательство Энгельсъ обращаетъ вниманіе на неумѣстность термина «гетеризмъ» въ приложеніи къ той эпохѣ, когда брака вовсе не существовало. Но это замѣчаніе, какъ мнѣ кажется, нисколько не говоритъ за или противъ пониманія Бахофеномъ открытаго имъ. Оно можетъ касаться лишь общаго міровоззрѣнія автора, который, отрицательно относясь къ «тедмурческой» формѣ свободныхъ половыхъ отношеній, выбираетъ съ своей точки зрѣнія такой терминъ, чтобы уже въ немъ самомъ выразился извѣстный отгѣнокъ порицанія.

Въ недавнемъ сочиненіи Гельвальда о *человѣческой семьѣ* **) Бахофену дается эпитетъ «заслуженнаго изслѣдователя», но ставится въ ошибку, что онъ смѣнялъ власть женщины въ домѣ съ политической властью въ государствѣ (стр. 214), которая врядъ ли была когда-нибудь гинекократіей. Однако, самъ Гельвальдъ приводитъ дальше нѣсколько прихвѣровъ (см. стр. 215), которые заставляютъ, по моему мнѣнію, относиться довольно скептически къ голому отрицанію возможности гинекократіи.

Теорія первобытнаго патриархата и рѣзкая критика противоположной теоріи материнства встрѣчаются на страницахъ новаго труда датчанина

*) *Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staats*; Zurich, 1884.

**) *Fr. von Hellwald*: „Die menschliche Familie nach ihrer Entstehung und natürlichen Entwicklung“; Leipzig, 1889.

Старке *). Суть взглядовъ автора заключается въ томъ, что семья и родъ возникаютъ не изъ представленій о родствѣ и, стало быть, въ первое время, родствѣ по матери, а изъ *права* (sic!) отца распоряжаться группою окружающихъ его лицъ по своему произволу независимо отъ того, его ли это фактическія дѣти, или нѣтъ и пр. Въ одномъ мѣстѣ авторъ считаетъ «совершенно безсознательными мечтаніями» (стр. 69) взгляды Бахофена на высоекое положеніе женщины, вытекающее изъ первоначальнаго родства по женской линіи. Въ другомъ *Материнское право* Бахофена названо критикомъ ни больше, ни меньше какъ «рапсодіей многознающаго поэта (стр. 259). Въ третьемъ мѣстѣ объ Орестѣ разсмотрѣнъ лишь какъ доказательство уваженія къ женщинамъ (стр. 125). Далѣе (стр. 123—124, прим.), сравненіе Гудруны съ Вримгильдой ничего не доказываетъ, по мнѣнію Старке: и теперь, молъ, однѣ женщины убиваютъ мужей изъ-за братьевъ, другія—братьевъ изъ-за мужьевъ и пр., и пр. Вообще книжка Старке показываетъ въ достаточной степени, что старинная теорія патриархата принуждена для своей защиты прибѣгать къ аргументамъ, слабость которыхъ нельзя замаскировать ни эрудиціей, ни болѣе или менѣе остроумными натяжками.

У меня нѣтъ подъ рукою достаточнаго числа русскихъ книгъ, чтобы съ надлежащею точностью прослѣдить въ нашей литературѣ вліяніе идей Бахофена. Я могу, наприм., лишь по памяти сослаться на нѣкоторыя статьи прежняго *Дѣла* по поводу первой книги Жиро-Тёлена или на затронутые г. Михайловскимъ нѣкоторые вопросы, касающіеся Бахофена. Я останавливаюсь болѣе точнымъ образомъ на отношеніяхъ къ Бахофену покойнаго Зиберера и М. М. Ковалевскаго, одного изъ лучшихъ социологовъ-юристовъ нашего времени.

Зибера въ своихъ *Очеркахъ первобытной экономической культуры* (Москва, 1883) дѣлаетъ порою (особенно въ главѣ VIII) довольно длинныя цитаты изъ *Материнскаго права*, которое онъ считаетъ «сочиненіемъ, основаннымъ на обширномъ изслѣдованіи» (стр. 294), и приписываетъ къ Бахофену не только въ его взглядахъ на матриархатъ, но въ значительной степени и на гинекократію (стр. 285 и слѣд.). Такъ, ссылками на Маринера, Земпера, Брауфорда и друг. онъ показываетъ распространенность женскихъ полуполитическихъ ассоціацій на ряду съ мужскими на островахъ Тонга, Палау; передачу власти черезъ женщинъ и частое правленіе самихъ женщинъ на Сандвичевыхъ островахъ; достиженіе правительственныхъ должностей и даже верховной власти женщинами на Целебесѣ и многихъ другихъ островахъ Архипелага.

М. М. Ковалевскій упоминаетъ порою Бахофена въ своемъ замѣчательномъ интересномъ и сжатомъ этюдѣ о *Первобытномъ правѣ* (Москва, 1886 г., выпускъ I: «Родъ»; выпускъ II: «Семья»): на стр. 136-й I выпуска по во-

*) C. N. Starcke: „Die primitive Familie in ihrer Entstehung und Entwicklung“; Leipzig, 1888. Книжка эта, составляющая одну изъ томовъ международной библиотеки, появилась недавно въ англійскомъ переводѣ: *The primitive Family in its Origin and Development*; London, 1889.

просу объ отношеніяхъ брата къ сестрѣ въ сербскихъ пѣсняхъ (соглашаясь со взглядомъ Бахофена); на стр. 158 того же выпуска о формахъ усыновленія у древнихъ (указывая на свидѣтельства Плинія и Діодора по Бахофену). Отрицательно относится г. Ковалевскій къ «гинекократіи». «Предположеніе, что во главѣ рода, основаннаго на материнствѣ, должна непремѣнно стоять женщина... и что, такимъ образомъ, съ материнствомъ неразрывно связана гинекократія, не поддерживается этнографическими данными» (вып. I, стр. 108), «должно быть окончательно оставлено» и составляетъ, по мнѣнію г. Ковалевскаго, «слабое мѣсто» Бахофена. Представителемъ материнскаго рода бываетъ или братъ, или дядя женщины-матери (ibid.). Мнѣ кажется, здѣсь есть извѣстная доля недоразумѣнія, въ которомъ виновата, можетъ быть, неясная порою мысль самого Бахофена. Что Бахофенъ не разсматривалъ неизбѣжнымъ главенство матери въ родѣ, видно уже изъ того, что въ *Антикварскихъ письмахъ* онъ даетъ массу фактовъ о братѣ матери или вообще старшемъ мужчинѣ материнскаго рода, заправляющемъ родомъ. Съ другой стороны, уже въ *Материнскомъ правѣ* (стр. 17) Бахофенъ прямо говоритъ о господствѣ тирановъ у эоіоповъ, троглодитовъ и проч. Онъ указываетъ лишь, что «тиранъ получаетъ свое право отъ женщины» и «передаетъ королевское достоинство не своимъ дѣтямъ, а дѣтямъ сестры», и что, такимъ образомъ, «въ признаніи владычества мужчины не заключается никакого отклоненія отъ *jus naturale* (материнства), которое господствуетъ надъ этимъ строемъ». Что касается собственно гинекократіи, то я уже нѣсколько разъ высказывалъ мнѣніе, что нужно не столько «окончательно оставить», сколько ограничить это явленіе, и именно «этнографическія данныя» послѣднихъ лѣтъ (см., наприм., выше конецъ IV главы) показываютъ сравнительную распространенность явленій гинекократіи. Почти то же самое можно сказать и объ «амазонкахъ», въ чемъ г. Ковалевскій видитъ лишь «легенду» (ibid., стр. 120). За то критика г. Ковалевскаго бьетъ какъ разъ въ точку по отношенію къ тому фальшивому всемірно-культурному значенію, которое придаетъ Бахофенъ амазонству, особенно въ своихъ представленіяхъ о государствахъ амазонокъ, жившихъ изолированно отъ мужчинъ и воевавшихъ съ ними.

Задача этой статьи кончена. Въ ней я хотѣлъ обрисовать по мѣрѣ силъ и пониманія и самую личность Бахофена, и особенно его взгляды, поскольку они вносили новое въ науку о человѣческихъ учрежденіяхъ. Я не считалъ себя вправѣ уклониться и отъ критики его возрѣній. Конечно, истинная оцѣнка Бахофена можетъ быть сдѣлана лишь человекомъ, приближающимся по эрудиціи и оригинальности къ самому Бахофену. Но пока важно дать хоть что-нибудь. Представляя мою попытку на судъ читателя, я счелъ бы себя удовлетвореннымъ, если бы сумѣлъ возбудить въ немъ интересъ къ автору, извѣстность котораго, по странной судьбѣ, далеко уступаетъ его несомнѣннымъ и крупнымъ достоинствамъ.

Н. Русановъ.

Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ *).

III.

И на старуху бываетъ проруха. Много лѣтъ работаю я на журнальномъ поприщѣ и, казалось бы, долженъ хорошо знать, кто чего стоить въ наличномъ составѣ журналистики, чего отъ кого ждать можно и какъ къ кому относиться слѣдуетъ. И однако вотъ ошибся: предсказывалъ, что г. Слонимскій устыдится, а онъ ни мало не устыдился, — только встряхнулся и, какъ ни въ чемъ не бывало, побѣжалъ... Не знаю, конечно, куда онъ побѣжалъ, но, во всякомъ случаѣ, тамъ ему дали посмотреть пятый томъ моихъ сочиненій, книгу г. Лесевича *Опытъ критическаго изслѣдованія основначалъ позитивной философіи* и первый томъ *Systeme de politique positive* Конта. Все это — чтеніе довольно обременительное, въ особенности для человѣка, столь неподготовленнаго, какъ г. Слонимскій, а времени у него было мало. Притомъ же, читалъ онъ не для того, чтобы поучиться тому, чего онъ не знаетъ, а, напротивъ, для того, чтобы другихъ научить тому, чего онъ, все-таки, не знаетъ. Такимъ образомъ возникла статья *Мнимая социологія*, появившаяся въ майской книжкѣ *Вѣстника Европы* и переполненная вещами, еще болѣе удивительными, чѣмъ тѣ, которыя г. Слонимскій показывалъ публикѣ до сихъ поръ. Этого я не ожидалъ. Но, все-таки, исполнилось другое мое предсказаніе, а именно, что въ майской книжкѣ *Вѣстника Европы* мнѣ опять будетъ оказано вниманіе, хотя въ первой своей статьѣ г. Слонимскій и утверждалъ, что прикончить меня съ одного взмаха... Нѣтъ, видно, въ самомъ дѣлѣ страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ.

Г. Слонимскій съ большою серьезностью поучалъ меня, что принципъ наибольшей пользы наибольшаго числа нигдѣмъ теперь не отрицается, что «эвиденціальскій» есть синонимъ только «чуждаческаго» или «оригинальнаго», что «дифференцированіе» пустили въ ходъ нервные переводчики Спенсера и т. п. Я имѣлъ честь объяснить ему, что по всѣмъ этимъ пунктамъ онъ заблуждается, и объ этомъ онъ теперь ни гу-гу. Я

*) *Русская Мысль*, кн. V.

понимаю, что сознаться въ столь элементарномъ невѣжествѣ тяжело. Но можно бы было ожидать, что г. Слонимскій, по крайней мѣрѣ, на будущее время воздержится отъ великоблдія въ тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ, когда онъ сталкивается съ вещами ему незнакомыми. Однако, урокъ пошелъ ему не въ прокъ. Онъ именно только встряхнулся и, продолжая стоять въ великоблдіи позѣ, съ грозно поднятымъ перстомъ, то и дѣло попадаетъ этимъ перстомъ въ небо. Мы сейчасъ это увидимъ.

Въ промахѣ своемъ насчетъ моего незнакомства съ *Соціальною статистикою* Спенсера г. Слонимскій сознается. Ему, видите ли, «напомнили мою статью, специально посвященную изложенію и разбору» этой книги; но, — прибавляетъ ничѣмъ не смущающійся критикъ, — «объ этой статьѣ забылъ, повидимому, и самъ авторъ при изданіи своихъ сочиненій». Хорошо, пусть забылъ, но, вѣдь, дѣло-то не въ этомъ, а въ томъ, что г. Слонимскій надменнымъ тономъ поучалъ меня тому, что я зналъ гораздо раньше его и чего онъ до сихъ поръ хорошенько не знаетъ. Это послѣднее тоже сейчасъ увидимъ.

Г. Слонимскій подвелъ убійственный итогъ моей «соціологіи», не справившись съ единственнымъ (пятымъ) томомъ моихъ сочиненій, сплошь соціологическаго содержанія. Теперь онъ его прочиталъ, — вѣрнѣе, не прочиталъ, а имѣлъ въ рукахъ. Очевидно, онъ его перелистывалъ съ тою единственною цѣлью, чтобы подтвердить свой первый отзывъ, а потому какого-нибудь безпристрастія тутъ и испать нечего. Но если бы даже мой критикъ былъ на этотъ разъ вполне правъ, такъ этимъ нисколько не уменьшаются легкомысліе и недобросовѣстность его первоначальнаго отзыва, сдѣланнаго безъ малѣйшаго знакомства съ критикуемымъ предметомъ.

Всѣ эти пятна г. Слонимскій могъ бы смыть только откровеннымъ признаніемъ: виноватъ, молъ, брякалъ, не зная дѣла. Но г. Слонимскій слишкомъ мелокъ, чтобы сознаться въ своихъ ошибкахъ, да и ошибки-то ужъ слишкомъ элементарны. Какъ бы то ни было, онъ продолжаетъ брякать, не зная дѣла, хотя имѣетъ при этомъ все тотъ же комически побѣдительный видъ чрезвычайно ученаго человѣка.

Въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 133) я привелъ одинъ образецъ надменнаго невѣжества г. Слонимскаго, заимствованный изъ его статьи *Минимая соціологія*. Приведу его и здѣсь, потому что онъ очень забавенъ, да и въ другихъ отношеніяхъ любопытенъ. Г. Слонимскій утверждаетъ, что Блунчли занимался «психологическими, а не біологическими аналогіями». Въ дѣйствительности же смѣхотворныя параллели и аналогіи Блунчли имѣли, главнымъ образомъ, какъ разъ наоборотъ, біологическій, а не психологическій характеръ. Достаточно сказать, что постепенное дифференцированіе права и религіи онъ аналогировалъ съ постепеннымъ дифференцированіемъ половыхъ признаковъ, мужскихъ и женскихъ, министерство иностранныхъ дѣлъ — съ носомъ, уголовное правосудіе — съ пупкомъ и т. д. Усмотрѣть во всемъ этомъ психологію — значитъ расписаться въ незнаніи или того, что значитъ психологія, или, на худой конецъ, того, что именно писалъ

Блунчли. И тогда возникнет все тотъ же, фатально преслѣдующій г. Сло- нимскаго, вопросъ: зачѣмъ говорить о томъ, чего не знаешь? Что, въ са- момъ дѣлѣ, за странная судьба г. Слонимскаго, по крайней мѣрѣ, въ затѣ- янной имъ полемикѣ со мной, что какъ ни возьмется онъ чему-нибудь по- учать, такъ непремѣнно именно тому, чего онъ не знаетъ? Должно быть, онъ что-нибудь да знаетъ, если работаетъ въ такомъ солидномъ журналѣ, какъ *Вѣстникъ Европы*. Ну, и писалъ бы о томъ, что ему извѣстно...

Г. Слонимскому стало теперь извѣстно содержаніе предисловія къ пер- вому тому *Système de politique positive* Конта. Но съ этого малаго, толь- ко что пріобрѣтеннаго имъ капитала, онъ беретъ совершенно незаконный процентъ. Онъ не только со свойственною ему свободною манерой раз- суждаетъ о всей *Системѣ позитивной политики*, но и, съ чрезвычайною любезностью, другихъ (въ томъ числѣ и меня) поучаетъ насчетъ необхо- димости ознакомиться съ этимъ трудомъ. Онъ говорить: «Контъ поставилъ себѣ и исполнилъ по-своему двѣ грандіозныя задачи: во-первыхъ, онъ вы- работалъ основанія социологіи, какъ теоретической науки, въ своемъ *Курсѣ позитивной философіи*, и, во-вторыхъ, онъ пытался примѣнить полученные имъ выводы къ практическому устройству человѣческихъ обществъ и пред- ложилъ планъ новой организаціи человечества въ своей *Системѣ пози- тивной политики*. Въ первомъ трудѣ онъ имѣлъ цѣлью объективное изу- ченіе и анализъ, при помощи строгихъ пріемовъ научной логики; во вто- ромъ—онъ переходитъ на почву практической науки—политики, гдѣ разви- ваетъ уже съ полнымъ правомъ свои субъективные взгляды и идеалы. На- сколько ясно и точно разграничены обѣ задачи у Конта, въ этомъ могъ убѣдиться всякій, кто читалъ когда-нибудь его четырехтомную *Système de politique positive*. Контъ съ своей стороны сдѣлалъ все, что нужно бы- ло, чтобы не подавать повода смѣшивать его «позитивную политику» съ «соціальною физикою или социологіей».

Далѣе, г. Слонимскій говорить о томъ, что *Система позитивной по- литики* «извѣстна у насъ только изъ вторыхъ рукъ, въ изложеніяхъ Ми- ля и другихъ», и что я не имѣю «точныхъ свѣдѣній о содержаніи» этого труда. Г. Слонимскій очень скорбитъ объ этомъ... «О, успокойся, страж- дущая тѣнь!» — какъ говорить Гамлетъ укоряющей тѣни отца: я знаю *Систему позитивной политики* изъ первыхъ рукъ, изъ нея самой. Я не могу этого доказать тѣмъ способомъ, которымъ парировалъ столь же рѣ- шительное обличеніе меня г. Слонимскимъ въ незнаніи *Соціальной ста- тистики* Спенсера, потому что хотя и многократно поминалъ *Позитивную политику*, но никогда о ней спеціально не писалъ. Но за то я могу раз- сказать, отчего я объ ней никогда не писалъ и никогда не буду писать.

Пусть читатели, незнакомые съ *Позитивною политикою* Конта, не сму- щаются гордымъ возгласомъ о «всякомъ, кто читалъ когда-нибудь четырех- томную *Système*». Во-первыхъ, самъ г. Слонимскій прочиталъ изъ нея толь- ко предисловіе, а, во-вторыхъ, особенной надобности читать ее и нѣтъ (дру- гое дѣло—*Курсъ положительной философіи*, который и г. Слонимскому не

иѣшаетъ почитать). За исключеніемъ тѣхъ, у кого много досуга или кто по обстоятельствамъ долженъ прочитать *Систему позитивной политики*, обыкновенные, даже очень любознательные читатели смѣло могутъ ознакомиться съ *Системой* изъ вторыхъ рукъ. Это—произведеніе когда-то великаго, но совершенно разстроеннаго ума, въ которомъ проблески генія только мерцаютъ среди разнаго рода печальныхъ странностей. По этой именно причинѣ, за исключеніемъ немногочисленныхъ членовъ основанной Контанъ «церкви человечества», даже ближайшіе и почтительнѣйшіе ученики Контанъ, съ Литтре во главѣ, по возможности избѣгаютъ говорить о *Системѣ позитивной политики*. Не будучи ученикомъ Контанъ, но прелоняясь передъ его заслугами, я тоже никогда не видѣлъ надобности развѣртывать передъ читателями картину странныхъ и болѣзненныхъ заблужденій и выходовъ великаго ума. Другое дѣло—г. Слонимскій. Ему ничего не стоитъ выхватить изъ предисловія къ *Позитивной политикѣ* какую-нибудь компрометирующую выходку, собственно для обнаруженія своего знакомства съ ней. Но, конечно, онъ можетъ ввести этимъ въ соблазнъ только развѣ очень наивныхъ людей и, разумѣется, дѣйствительно незнакомыхъ съ *Позитивною политикой*.

Какой-то добрый человѣкъ указалъ г. Слонимскому, что объективный и субъективный методъ я не выдумалъ, а взялъ эти термины у Контанъ. Г. Слонимскій обратился къ *Позитивной политикѣ* и въ самомъ предисловіи къ ея первому тому, дѣйствительно, нашелъ эти слова. Какъ тутъ быть? Человѣкъ сколько-нибудь самостоятельной мысли не побоялся бы, конечно, сказать, что и Контанъ говорить вздоръ, и даже, можетъ быть, этимъ самымъ мотивировалъ бы свою умѣренность по части ознакомленія съ «четыреугольною *Système de politique positive*». Но г. Слонимскій этого не смѣетъ. Поэтому онъ выворачивается при помощи разныхъ курьезныхъ переделкекъ.

«Контанъ,—говоритъ онъ,—употреблялъ выраженія «la méthode objective» и «la méthode subjective» въ смыслѣ способовъ дѣйствія, а никакъ не въ смыслѣ методовъ». И болѣе ничего г. Слонимскій по этому поводу не говоритъ. Далѣе онъ уже употребляетъ, якобы отъ имени Контанъ, и по-русски выраженіе «субъективная метода» и, признавая законность «субъективной методы», продолжаетъ отрицать «субъективный методъ». Когда страусъ чуетъ опасность, онъ прячетъ голову и, не видя опасности, думаетъ, что и онъ невидимъ. Конечно, по-русски говорятъ и «методъ», и «метода», но отъ перечисленія метода въ женскій родъ ни мало не измѣняется его сущность: и въ мужскомъ, и въ женскомъ родѣ оно именно «способъ дѣйствія» и значитъ. Это ужъ будьте спокойны, г. Слонимскій. Все равно какъ будете ли вы называть страуса по-нѣмецки въ мужскомъ родѣ—der Strausz, или по-французски въ женскомъ—une autruche, онъ остается все тою же неумною птицей...

Разъ ухватившись за мужское и женское окончанія, за буквы *a* и *z*, какъ за якорь спасенія, г. Слонимскій былъ фатально вовлеченъ и въ дру-

гге курьезы. Ему понадобилось доказывать, что Контъ былъ нормальный человекъ. Увы! это, къ несчастію, несправедливо. Утомленный громаднымъ умственнымъ трудомъ, Контъ заболѣлъ психически и выдержалъ продолжительный курсъ психіатрическаго леченія, о чемъ г. Слонимскій можетъ прочитать въ любой биографіи Конта, да и самъ Контъ гдѣ-то объ этомъ упоминаетъ. Г. Слонимскому понадобилось отрицать этотъ несомнѣнный и общезвѣстный фактъ потому, что въ предисловіи къ первому тому *Позитивной политики* онъ нашелъ строгое разграниченіе теоретической науки и практической, вслѣдствіе чего, дескать, Контъ законно употреблялъ объективный методъ (или методу, право, ужь не знаю) въ социологической части *Курса позитивной философіи* и субъективный въ *Системѣ позитивной политики*. «Контъ, — видите ли, — съ своей стороны сдѣлалъ все, что нужно было, чтобы не давать повода смѣшивать его позитивную политику съ социальною физикою или *соціологіей*».

Достойно вниманія, что, цитируя *Позитивную политику*, г. Слонимскій пишетъ заглавіе ея такъ: *Système de politique positive etc.* Это *etc.* представляетъ собою одну изъ обычныхъ передержекъ г. Слонимскаго. Полное заглавіе книги гласитъ: *Système de politique positive ou traité de sociologie, instituant la religion de l'humanité.* Такимъ образомъ, въ противность увѣренію г. Слонимскаго, что въ *Позитивной политикѣ* социологіи нѣтъ, самъ Контъ назвалъ ее прямо *Трактатомъ социологіи*. Г. Слонимскій намѣренно скрылъ это заглавіе подъ неопредѣленнымъ *etc.* Мнѣ истинно стыдно возиться съ этими маленькими дрянностями моего критика, — стыдно за него, за себя, за читателей. Но что-жь вы будете дѣлать? Я могъ бы, конечно, совершенно презрѣть г. Слонимскаго, какъ многихъ другихъ, и глубоко сожалѣю, что не сдѣлалъ этого съ самаго начала. Но теперь *le vin est tiré, il faut le boire.* Разъ начавъ, надо и кончить; надо, чтобы слово «Слонимскій» получило соответственное своему содержанію значеніе. Я и безъ того многое обхожу въ статьяхъ г. Слонимскаго.

Въ оправданіе своего перехода отъ объективнаго метода въ социологіи къ субъективному, Контъ дѣйствительно говоритъ иногда о коренномъ различіи самыхъ задачъ двухъ его большихъ произведеній. Различіе это, безъ сомнѣнія, и существуетъ, такъ какъ въ *Системѣ* онъ основываетъ новую религію, о чемъ и помину нѣтъ въ *Курсѣ* (который, мимоходомъ сказать, Контъ впоследствии всегда называлъ тоже *Системой*). Но ежели бы г. Слонимскій въ своемъ знакомствѣ съ *Позитивною политикой* нѣсколько переступилъ предѣлы предисловія къ первому тому, онъ убѣдился бы, что это дѣйствительно, какъ его называлъ и самъ авторъ, *Трактатъ социологіи*, хотя и осложненный работой больного духа. Въ самомъ раздѣленіи этого трактата Контъ держится тѣхъ рубрикъ, которыя установилъ въ *Курсѣ*: второй томъ посвященъ *соціальной статикѣ*, третій — *соціальной динамикѣ*. Четвертый томъ, занятый *будущимъ человечества*, построенъ (по мнѣнію Конта, конечно) на *соціологическихъ законахъ*, частью указанныхъ еще въ *Курсѣ*, но окончательно развитыхъ во второмъ и третьемъ

томахъ *Системъ*. Увѣреніе г. Слонимскаго, будто Контъ «сдѣлалъ все» для отдѣленія политики отъ соціологіи,—увѣреніе это рѣшительно ни на чемъ не основано и показываетъ только, что этотъ развязный человѣкъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о томъ, о чемъ разсуждаетъ. Смѣлость, съ которою онъ при этомъ говоритъ о знакомствѣ или незнакомствѣ съ «четырёхтомною *Système*», повстинѣ поразительна: онъ до такой степени испугался внушительнаго вида четырехъ толстыхъ томовъ *Позитивной политики*, что и представить себѣ не можетъ, чтобы кто-нибудь могъ одолѣть такую уйму тяжелаго чтенія, а потому, дескать, можно что угодно говорить про *Позитивную политику*,—никого не удичить.

Боюсь ошибиться, но, сколько помнится, Контъ рѣшительно нигдѣ не противопоставляетъ «теоретическую науку» наукѣ «практической» или «прикладной». Если же это противопоставленіе гдѣ-нибудь случайно и проскальзываетъ, въ качествѣ просто оборота рѣчи, то это именно только оборотъ рѣчи и случайность, совершенно не соответствующая общему духу философіи Конта. Контъ различалъ науки абстрактныя и конкретныя, а затѣмъ всю область науки противопоставляетъ области искусства, въ смыслѣ технического прирѣненія научныхъ истинъ. Выработку личныхъ и общественныхъ идеаловъ, а также субъективную оцѣнку соціологическихъ явленій съ точки зрѣнія этихъ идеаловъ,—Контъ въ первую половину своей дѣятельности, въ *Курсъ*, изгонялъ изъ области науки, а въ *Системъ* вводитъ эти вещи въ область науки. Такова главная разница между *Системою* и *Курсомъ*, поскольку послѣдній занимается соціологіей *). Надо замѣтить, что, кромѣ развитія нѣкоторыхъ общихъ соціологическихъ законовъ, установленныхъ еще въ *Курсъ*, Контъ пытается въ *Системъ* установить еще многіе частныя законы, которые не имѣютъ ничего общаго съ «политикою» въ условномъ, общепринятомъ смыслѣ этого слова. Такъ, если г. Слонимскій удосужится когда-нибудь заглянуть... ну, хоть только во второй томъ *Системъ*, онъ найдетъ тамъ законы экономическіе, законы развитія человѣческаго языка и т. п. Все это, какъ уже сказано, носитъ на себѣ печать умственнаго разстройства, но не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что политика и соціологія для Конта одно и то же. А затѣмъ, искусству онъ предоставляетъ руководиться въ практикѣ найденными имъ научными истинами. О прикладной же или практической наукѣ у него нѣтъ рѣчи и въ *Системъ*. Наука имѣетъ для него всегда теоретическій характеръ, и въ *этомъ отношеніи* «политика», какъ наука, ничѣмъ не отличается въ его глазахъ отъ другихъ научныхъ дисциплинъ.

Г. Слонимскій не можетъ въ этомъ разобраться не только потому, что

*) Г. Слонимскій, кажется, думаетъ, что *Курсъ* сплошь посвященъ соціологіи. Онъ говоритъ, что Контъ „поставилъ себѣ и исполнилъ по-своему *дѣя grandioses задачи: во-первыхъ, онъ выработалъ основанія соціологіи, какъ теоретической науки, съ своимъ „Курсъ позитивной философіи“*, и, во-вторыхъ, пытался прирѣнить эти основанія въ практикѣ въ *Системъ* позитивной политики. На самомъ дѣлѣ задачи Контова *Курса* гораздо шире, и я боюсь, что г. Слонимскій его даже въ рукахъ не держалъ.

не пошелъ дальше предисловія къ первому тому *Системы*, а еще и потому, что его собственныя понятія о «теоретической» и «практической» или «прикладной» наукѣ крайне смутны. Правда, въ своей первой статьѣ онъ меня обвинялъ въ этой смутности, но такая ужь, видно, его доля, чтобы всегда валить съ собственной большой головы на чужую здоровую. Онъ поучалъ меня такъ: «Отъ изслѣдователя физики никто еще не требовалъ, чтобы онъ одновременно занимался механикою; также точно отъ социолога, занятаго анализомъ явленій, мы не можемъ ждать разработки нашихъ практическихъ идеаловъ и общественныхъ или индивидуальныхъ цѣлей. За этими послѣдними предметами социологія вправѣ отослать насъ къ другимъ наукамъ—къ политикѣ, политической экономіи и юриспруденціи, гдѣ практическіе социальныя вопросы имѣютъ свое законное мѣсто» (*Вѣстникъ Европы*, мартъ, стр. 278). Г. Слонимскій, очевидно, не подзрѣваетъ существованія теоретической механики, знаніе которой весьма и весьма важно для физики, но это Богъ съ нимъ: Возьмемъ только его разговоры о социальныхъ наукахъ. И такъ, социологія занимается исключительно «анализомъ явленій», ея задача—объективное изученіе. Другое дѣло—политика, политическая экономія, наука права. Это говорится на 278 страницѣ, а на 292—293 читатель найдетъ размышленія о томъ, что политика и политическая экономія только тогда становятся достойными званія наукъ, когда занимаются исключительно «объективнымъ анализомъ явленій» безъ всякаго отношенія къ нашимъ практическимъ идеаламъ и цѣлямъ. Куда же этимъ бѣднымъ идеаламъ и цѣлямъ дѣваться? Выслалъ ихъ г. Слонимскій изъ социологіи въ политику, политическую экономію и юриспруденцію, а потомъ и оттуда прогналъ... А, между тѣмъ, идеалы и цѣли, это, вѣдь, такіе же факты, какъ и всякіе другіе, и требуютъ разработки. Въ дѣйствительности, дѣло стоитъ довольно просто. Социологія по характеру своему ничѣмъ не отличается, напримѣръ, отъ политической экономіи. Политическая экономія и социологія относятся другъ къ другу отнюдь не какъ прикладная или практическая наука къ наукѣ теоретической (какъ думаетъ г. Слонимскій на стр. 278). Политическая экономія есть теоретическій, а не какой-нибудь другой отпрыскъ социологіи, сравнительно рано принявшій, благодаря извѣстнымъ условіямъ, научный обликъ, тогда какъ физиономія социологіи и до сихъ поръ еще не вполне опредѣлилась. И тамъ, и тутъ, и въ политической экономіи, и въ социологіи, есть мѣсто объективному анализу, есть мѣсто и «разработкѣ нашихъ практическихъ идеаловъ и общественныхъ или индивидуальныхъ цѣлей». Въмѣсто того, чтобы говорить глупости о теоретическихъ и практическихъ наукахъ, г. Слонимскій долженъ бы былъ сосредоточиться на одномъ вопросѣ: надо ли разработку идеаловъ и цѣлей ввести въ сферу компетенціи науки, или надо предоставить ее на волю вѣтровъ, какъ сказала бы Контъ, теологіи и метафизикѣ?

Подержавъ, наконецъ, въ рукахъ пятый томъ моихъ сочиненій, г. Слонимскій непріятно поразился обиліемъ заключающихся въ немъ, какъ онъ,

претендуя на остроуміе, выражается, «ихтиозавровъ и медузъ», т.-е. біологическаго матеріала. Это совершенно лишнее, по компетентному мнѣнію моего ученаго критика. Это, вдобавокъ, запоздалый отголосокъ европейскихъ теорій, давно уже потерявшихъ кредитъ у себя на родинѣ. «Заграничныя теоріи,—говоритъ притворяющійся ученымъ критикъ,—устарѣлыя и отвергнутыя на родинѣ, появляются у насъ иногда и успѣшно пускаются въ ходъ въ видѣ самобытныхъ открытій и теоремъ, но съ прибавкою къ тому отъ себя какого-нибудь абсурда. Взглядъ на общество, какъ на своеобразный организмъ, господствовалъ въ нѣмецкой ученой литературѣ въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ... Времена эти прошли... «Органическій» взглядъ на государство не пользуется уже кредитомъ; отдѣльные проповѣдники подобныхъ ученій, какъ Шеффле и Лилиенфельдъ, придаютъ уже имъ другой смыслъ и, все-таки, стоятъ одиноко среди новыхъ идей и теорій... Когда въ европейской литературѣ органическая теорія не играла уже никакой роли и почти исчезла въ общемъ научномъ движеніи, она принималась у насъ за какое-то грозное страшилище».

Въ двадцатыхъ-тридцатыхъ годахъ органическою теоріей увлекались метафизики и философствующіе юристы, и г. Слонимскій справедливо говорить, что Шеффле и Лилиенфельдъ «придаютъ уже ей другой смыслъ». Только этотъ «другой смыслъ» меня и интересовалъ. Но такъ какъ онъ меня, дѣйствительно, интересовалъ, и я слѣдилъ за соответствующею литературой, то беру на себя смѣлость утверждать, что г. Слонимскій только по незнанію дѣла говорить, будто Шеффле и Лилиенфельдъ «стоятъ одиноко среди новыхъ идей и теорій».

Вернемся на минуту къ Блунчли. Та его книга, гдѣ онъ проводитъ свои забавныя параллели и аналогіи, называется *Psychologische Studien über Stat und Kirche*. Книгу эту г. Слонимскій знаетъ по наслышкѣ, притомъ, по наслышкѣ отъ самого Блунчли, который въ своей *Исторіи государственнаго права и политики* дѣлаетъ очень, впрочемъ, легкую попытку оправдать свои забавности сороковыхъ годовъ. Г. Слонимскій цитируетъ эту *Исторію государственнаго права* по первому изданію (1864 г.). Если бы онъ обратился къ третьему изданію, 1881 г., то нашелъ бы тамъ нѣсколько замѣчаній о книгѣ Шеффле *Bau und Leben des socialen Körpers*. Въ качествѣ спеціалиста-юриста, Блунчли интересуется преимущественно четвертымъ томомъ книги Шеффле, а объ остальномъ замѣчаетъ, что эта «соціологія», очевидно, навѣянная трудами Дарвина и Геккеля, отличается такими-то и такими-то достоинствами и недостатками. Онъ замѣчаетъ далѣе, что «эта соціологія соответствуетъ духу нашего времени, стремящемуся объяснить міръ взаимодѣйствіемъ атомовъ, животный организмъ—взаимодѣйствіемъ кліточекъ и высшія общественныя единицы—взаимодѣйствіемъ индивидовъ». Такимъ образомъ, Блунчли, нѣсколько болѣе г. Слонимскаго знакомый съ современною литературой соціальныхъ наукъ, не только не ставитъ Шеффле особнякомъ, а, напротивъ, приводитъ его въ прямую связь съ «духомъ нашего времени». И онъ правъ.

Г. Слонимскій пишетъ свои статьи не для разъясненія затронутыхъ вопросовъ, а въ пику мнѣ. Большая честь для меня, конечно, но, къ сожалѣнiю, отъ этого страдаютъ интересы тѣхъ изъ читателей *Вѣстника Европы*, которые, въ самомъ дѣлѣ, повѣрятъ г. Слонимскому.

Первая моя статья, касающаяся органической теорiи, *Что такое прогрессъ*, напечатана въ 1869 году, по поводу *Опытовъ* Спенсера. Хотя Спенсеръ въ послѣдствiи нѣсколько смягчилъ свои взгляды, однако, и его *Основанiя социологiи* построены на той же органической теорiи. Кто знаетъ значенiе, которымъ пользуется въ европейской литературѣ Спенсеръ, тотъ подивится смѣлости увѣренiя г. Слонимскаго, будто органическая теорiя потеряла кредитъ. Но дѣло не только въ одномъ Спенсерѣ, о которомъ г. Слонимскій теперь умалчиваетъ, и даже не въ Шеффле и Лилленфельдѣ, о которыхъ онъ упоминаетъ. Съ конца шестидесятыхъ годовъ органическая теорiя осложнилась приложенiями теорiи Дарвина къ явленiямъ общественной жизни, и изъ этихъ двухъ теченiй сложилась огромная литература, переполненная огорчающими г. Слонимскаго «иктиозаврами и медузами». Если г. Слонимскій пропустилъ мимо ушей весь шумъ, который надѣлало это вторженiе биологiи въ социологию, если онъ думаетъ, что все это не теперь происходило и происходитъ, а въ двадцатыхъ-тридцатыхъ годахъ, такъ это не резонъ, чтобы и читатели *Вѣстника Европы* получали столь превратныя понятiя. Я, съ своей стороны, всегда съ живѣйшимъ интересомъ прислушивался къ этому теченiю въ европейской литературѣ и старался разобратъся въ поднятыхъ имъ сложныхъ вопросахъ. Если бы г. Слонимскій не въ рукахъ подержалъ мой пятый томъ, а въ самомъ дѣлѣ прочиталъ его, то нашелъ бы тамъ статьи о книгахъ Легера (*Die Darwin'sche Theorie und ihre Stellung zu Moral und Religion*) и Клемансо Роёе (*Origine de l'homme et des sociétés*). Статьи эти писались по горячимъ слѣдамъ, тотчасъ послѣ появленiя самыхъ книгъ, и если этимъ обуславливается извѣстная, можетъ быть, чрезмѣрная страстность тона статей, то въ запоздалости-то ихъ никакъ ужъ нельзя обличать. И пусть г. Слонимскій не успокаивается: обязательность для социолога знакомства съ миромъ «иктиозавровъ и медузъ» продолжается и доселѣ, какъ онъ можетъ убѣдиться хоть изъ достойной всякаго вниманiя книги Фулье *La science sociale contemporaine* и Эспинаса *Les sociétés animales*. Выразителемъ также тотъ фактъ, что, напримѣръ, Ванъ-Енде (*Histoire naturelle de la croyance* 1887 г.) или Летурно (*L'évolution de la morale*, 1887; *L'évolution du mariage et de la famille*, 1888; *L'évolution de la propriété*, 1889) или Гельвальдъ (*Die menschliche Familie*, 1889),—посвящаютъ первыя главы своихъ специальныхъ изслѣдованiй розысканiямъ мнѳовъ, семьи, собственности, морали въ мирѣ животныхъ. Упомянутая книга Гельвальда входитъ въ составъ цѣлой серiи изданiй, имѣющихъ общее заглавiе *Darwinistische Studien*, а книги Летурно—въ составъ серiи *Bibliothèque anthropologique*, и въ объявленiи объ этой антропологической библиотекѣ, между прочимъ, читаемъ, что 1859

годъ, годъ появленія *Происхожденія видовъ* Дарвина, былъ годомъ возрожденія антропологическихъ наукъ, въ томъ числѣ социологій.

Г. Слонимскій можетъ одобрять или не одобрять это всеобщее признаніе тѣснѣйшей зависимости социологій отъ биологическаго матеріала, можетъ въ мѣру своего остроумія смѣяться надъ «ихтиозаврами и медузами», но сказать, что такого теченія въ современной европейской литературѣ нѣтъ—значитъ насмѣшить людей знающихъ и ввести въ обманъ незнающихъ.

Еще въ первой своей статьѣ, утѣшая себя мыслью, что я не знаю *Соціальной статистики* Спенсера, г. Слонимскій иронизировалъ такъ: «Предположеніе г. Михайловскаго, что человѣческая личность нуждается въ защитѣ отъ теорій Спенсера, производитъ отчасти комическое впечатлѣніе». Вотъ, если бы я зналъ *Соціальную статистику* такъ же хорошо, какъ ее знаетъ г. Слонимскій, тогда другое дѣло... Оказалось, однако, что я знаю *Соціальную статистику* лучше г. Слонимскаго. Могу рекомендовать его вниманію, напримѣръ, XXVIII главу, трактующую о санитарной полиціи. Спенсеръ требуетъ въ этой главѣ уничтоженія всякой опеки и предлагаетъ, во имя свободы, предоставить невѣжественный народъ его невѣжеству и всякимъ шарлатанамъ и знахарямъ. Онъ доказываетъ, что страданіе есть совершенно естественное и заслуженное наказаніе для невѣжества, но что здѣсь же лежитъ и путь къ исправленію: наименѣ развитые истребятся, а остальные, будучи подчинены дисциплинѣ опыта, обезпечать развитіе расы, способной сообразоваться съ условіями существованія. «Становиться между невѣжествомъ и его естественными послѣдствіями значитъ, — говоритъ Спенсеръ, — изъяслять слишкомъ большія претензіи и мечтать провозвѣсти благостью самого Бога».

Я не имѣю претензіи становиться между невѣжествомъ г. Слонимскаго и его естественнымъ послѣдствіемъ—стыдомъ. Нѣтъ, пусть онъ пьетъ эту чашу стыда, потому что *tu l'a voulu, George Dandin!* Но если бы г. Слонимскій былъ просто невѣжественный человѣкъ, не поучающій другихъ тому, чего онъ самъ не знаетъ, и если бы къ нему была приложена безчеловѣчная теорія «естественнаго наказанія», я постарался бы заступиться за него, и не думаю, чтобы я тѣмъ самымъ «производилъ отчасти комическое впечатлѣніе»...

Въ новой (третьей) своей статьѣ г. Слонимскій иронизируетъ насчетъ того, что органическая теорія представляется мнѣ «какимъ-то грознымъ страшилищемъ», тогда какъ на самомъ дѣлѣ ея вовсе и нѣтъ въ обиходѣ современной литературы; нѣтъ и не было и въ то время, когда я возился съ «ихтиозаврами и медузами». Въ какой мѣрѣ это послѣднее справедливо, читатель частью можетъ увидѣть изъ пятого (да и изъ другихъ) тома моихъ сочиненій. Тамъ найдутся образцы истинно чудовищныхъ выводовъ и положеній, до которыхъ доходила органическая теорія въ то самое время, когда я старался разъяснять читателямъ *Отечественныхъ Записокъ* ея смыслъ и значеніе. Здѣсь я приведу образцы, не вошедшія въ собраніе моихъ сочиненій.

Въ 1876 г. появилась книга Ренана *Dialogues et fragments philosophiques*, книга, замѣчательная во многихъ отношеніяхъ, хотя и обратившая на себя мало вниманія у насъ. Какъ видно изъ первой части книги, *Dialogues*, и многихъ мѣстъ второй части, *Fragments*, Ренанъ не только не раздѣляетъ или, по крайней мѣрѣ, тогда не раздѣлялъ просвѣщенного мнѣнія г. Слонимскаго насчетъ непадобности біологическаго матеріала для соціологіи, но, напротивъ, былъ увлеченъ тѣмъ самымъ «духомъ нашего времени», который, по справедливому замѣчанію Блунчли, овладѣлъ Шеффле и многими другими. Намъ здѣсь интересуютъ только *Dialogues*.

Нѣсколько философовъ, Филаретъ, Теофрастъ и т. д., бесѣдуютъ о судьбахъ человѣчества и вселенной. Основные принципы этихъ философовъ состоятъ «въ культѣ идеала, отрицаніи всего супранатуральнаго и опытномъ изслѣдованіи реальнаго міра», то-есть философы стоятъ на той самой точкѣ зрѣнія, которой держится и Ренанъ. Философы говорятъ сначала о достовѣрностяхъ (*certitudes*), потомъ о вѣроятностяхъ и, наконецъ, о мечтахъ (*rêves*). Говорятъ они, между прочимъ, вотъ что. Сознаніе требуетъ себѣ почвы въ видѣ индивидуальнаго единства, единаго *sensorium'a*, состоящаго изъ нервной массы, управляющей опредѣленнымъ организмомъ. Есть, однако, живыя единицы не до такой степени индивидуализированныя. Націи, какъ Франція, Германія, Англія, города, какъ Аены, Венеція, Флоренція, Парижъ, дѣйствуютъ подобно личностямъ, имѣющимъ опредѣленный характеръ и интересы. На нихъ, точно также какъ на церковь и нѣкоторыя ассоціаціи, можно смотрѣть какъ на индивидуальные организмы, болѣе или менѣе искусно борящіеся за свое личное существованіе и за поддержаніе своего вида. Физиологія показала, что жизнь растенія или животнаго есть равнодѣйствующая другимъ жизней, гармонически соподчиненныхъ нѣкоторому конкретному единству. Сознаніе есть тоже равнодѣйствующая миллионѣмъ другимъ сознаній, подчиненныхъ одной цѣли. Клеточка представляетъ уже нѣкоторую индивидуальную канцентрацію; нѣсколько клеточекъ, связанныхъ въ одно цѣлое, образуютъ сознаніе втораго порядка (человѣкъ или животное). Сознаніе втораго порядка, группируясь, образуетъ сознаніе третьяго порядка—сознаніе городовъ, церквей, націй, состоящихъ изъ миллионѣмъ личностей, проникнутыхъ одною идеей, одушевленныхъ одинаковыми чувствами...

Я перебиваю на минуту Ренановыхъ философовъ, чтобы сдѣлать слѣдующее замѣчаніе. Въ статьѣ *Минимая соціологія* г. Слонимскій, говоря о моеи теоріи борьбы за индивидуальность, находитъ, что приравниваніе «фабрики, національности, сословія, государства» къ индивидуальности есть лично мнѣ принадлежащая бессмыслица, личный «результатъ яснаго бѣдственнаго воображенія, подавленнаго міромъ ихтиозавровъ и медузъ». Какъ видитъ читатель, до сихъ поръ Ренановы философы, исповѣдующіе «культъ идеала, отрицаніе всего супранатуральнаго и опытное изслѣдованіе реальнаго міра», повинны въ томъ самомъ грѣхѣ, который вывалъ убійственную иронию моего критика. На людяхъ и смерть красна, даже отъ

могучей руки г. Слонимскаго... Дѣлаю это замѣчаніе теперь же, потому что съ дальнѣйшими размышленіями Ренановыхъ философовъ не имѣю уже ничего общаго.

Философы продолжаютъ: Съ матеріалистической точки зрѣнія существуютъ, собственно говоря, только атомы, но для истиннаго философа, для идеалиста, клѣточка существуетъ болѣе, чѣмъ атомъ (*existe plus que l'atome*); недѣлимое существуетъ болѣе, чѣмъ клѣточка; нація, церковь, городъ—болѣе, чѣмъ индивидъ, потому что индивидъ жертвуетъ собою ради этихъ цѣлыхъ, въ которыхъ грубый реализмъ видитъ чистые абстракты. Отправляясь отсюда, можно представить себѣ будущее сознаніе человечества, какъ нѣчто единое и всеобщее. Тысячи почекъ входятъ въ составъ одного дерева. Такъ, въ будущемъ всѣ отдѣльныя сознанія сольются въ одно цѣлое. «Государство уже и теперь представляетъ нѣчто аналогичное, потому что оно производитъ идеальное (искусство, науку, благо) на деньги плательщиковъ податей, которые болѣею частью суть матеріалисты (перезою съ величайшею точностью). Тотъ принципъ, что общество существуетъ только для благополучія и свободы составляющихъ его недѣлимыхъ, повидимому, несогласенъ съ планами природы, въ которыхъ недѣлимое приносится въ жертву виду и роду. Цѣли природы состоятъ въ созданіи боговъ (*dieux*); высшихъ существъ, которымъ остальные существа будутъ служить, находя въ этомъ служеніи свое счастье. Важны не столько просвѣщенные массы, сколько великіе гении и публика, способная ихъ понять. Если невѣжество массъ есть необходимое условіе для этого, — что же дѣлать! Природа не останавливается передъ такими пренятствіями, она уничтожаетъ цѣлые виды для предоставленія другимъ необходимыхъ условій развитія. Надо замѣтить, что при этихъ порядкахъ вовсе нѣтъ жертвъ: всѣ служатъ высшимъ цѣлямъ, и личнаго счастья, пожалуй, болѣе на сторонѣ непросвѣщенной толпы. Въ будущемъ надо себѣ представить сливки интеллигенціи вооруженными такими могучими тайнами, которыя позволяютъ ихъ обладателямъ повелѣвать всѣмъ міромъ. Силы человечества будутъ сосредоточены въ очень маломъ количествѣ рукъ и сдѣлаются собственностью лиги, способной располагать даже существованіемъ планеты и терроризировать весь міръ. Разъ будутъ изобрѣтены средства для уничтоженія нашей планеты, носители высшаго сознанія будутъ всемогущи, потому что отъ нихъ будетъ зависетьъ существованіе всѣхъ. Кроме того, широкое примѣненіе открытій физиологій и принципа подбора можетъ повести къ созданію расы, почерпающей право повелѣвать не только изъ обширности и глубины своихъ знаній, но и изъ превосходства крови, мозга и нервовъ. Какъ садоводы производятъ махровые цвѣты, какъ пчелы и муравьи умѣютъ выращивать плодовые и бесполое экземпляры своихъ братьевъ, такъ и человѣческая наука изобрѣтетъ способы искусственной атрофіи однихъ органовъ и гипертрофіи другихъ. Она именно изобрѣтетъ способъ сосредоточивать всю нервную силу въ мозгу, превращать ее всю въ мозгъ, если можно такъ выразиться, атрофируя другой полюсъ. Само

собою разужьется, что мы говоримъ не о тѣхъ позорныхъ операціяхъ, которыя создаютъ только неполныхъ людей. Мы говоримъ о внутреннемъ измѣненіи, благодаря которому силы, направленные природою на различныя функціи, соединятся въ одной цѣли. Возможно, наконецъ, въ дальнѣйшемъ процессѣ развитія такое устройство міра, при которомъ все тяготѣло бы къ единому центру сознанія и міръ сосредоточивался бы въ одномъ лицѣ. Въ его безконечности резюмируются миллиарды миллиардовъ жизней, образуя одну центральную жизнь. Такъ, миллиарды клѣточекъ сливаются въ одинъ организмъ, множество отдѣльныхъ голосовъ — въ одинъ гармоническій хоръ. Разужьется, образование такого колоссальнаго существа, которое соединило бы въ себѣ всѣ нынѣ разрозненные жизни и наслаждалось бы одно за всѣхъ,—образование такой «божественной массы» должно быть куплено цѣною существующихъ жизней и наслажденій. Но всегда и вездѣ «единственная забота природы состоитъ въ полученіи вышшаго результата на счетъ низшихъ индивидуальностей. Развѣ генералъ считаетъ бѣдняковъ, которыхъ убиваетъ? Единое существо, наслаждающееся всѣми наслажденіями вселенной, и безчисленное множество частныхъ существъ, способствующихъ ему наслаждаться,—здѣсь только нашъ поверхностный матеріализмъ можетъ находить противорѣчіе. Исторія есть рядъ человѣческихъ жертвоприношеній: радость и покорность смягчили бы этотъ процессъ. Есть же положенія общества, когда народъ радуется радостямъ своихъ господъ и видитъ свою славу въ ихъ славѣ. Животныя, которыми питается гениальный или добродѣтельный человѣкъ, были бы счастливы, если бы понимали, чему они служатъ. Все зависитъ отъ цѣли, и въ будущемъ, если вивисекціи въ обширныхъ размѣрахъ станутъ необходимы для уразумѣнія великихъ тайнъ природы, живыя существа будутъ ложиться подъ ножъ въ экстазѣ добровольнаго мученичества, увѣнчанныя цвѣтами».

Братности ради, я пропустилъ многія удивительныя подробности удивительной «мечты» Ренановыхъ философовъ, но привелъ ихъ, все-таки, полагаю, достаточно, чтобы читатель спросилъ себя, что это такое: бредъ безумнаго или злая сатира? Ни то, ни другое. Это дѣйствительно мечта, и, притомъ, самого Ренана. Правда, онъ оговаривается въ предисловіи къ *Dialogues*, что ему не слѣдуетъ приписывать какия-либо мнѣнія бесѣдующихъ въ его книгѣ философовъ. Но, во-первыхъ, въ томъ же предисловіи можно найти нѣчто совсѣмъ иное. Во-вторыхъ, какъ мы видѣли, Ренанъ надѣлялъ своихъ философовъ тѣми самыми основными чертами міросозерцанія, которыя присущи и ему. Въ-третьихъ, наконецъ, зародыши чудовищной «мечты» есть и въ прежнихъ сочиненіяхъ Ренана—*Essais de morale et de critique* (1859), *Questions contemporaines* (1868), *La réformation intellectuelle et morale* (1872). Въ этомъ послѣднемъ сборникѣ политическихъ статей, почтительно встрѣченномъ у насъ *Московскими Вѣдомостями*, *Русскимъ Вѣстникомъ* и *Гражданиномъ*, развивались слѣдующія мысли: «Общество есть іерархія. Всѣ недѣлимые священны и благородны, всѣ существа (даже животныя) имѣютъ права. Но не всѣ существа

равны, они суть члены обширнаго тѣла, части безжѣрнаго организма, совершающаго божественную работу... Человѣчество есть таинственная дѣстница, рядъ равнодѣйствующихъ силъ, протекающихъ одна изъ другой. Трудолюбивыя поколѣнія крестьянъ создаютъ существованіе честнаго и экономнаго буржуа, который въ свою очередь создаетъ дворянина, человѣка, освобожденнаго отъ вещественнаго труда, всецѣло преданнаго предметамъ безкорыстнымъ... Мы уничтожили бы человѣчество, если бы не допустили, что цѣлыя массы должны жить славой и наслажденіемъ другихъ... Грубость многихъ есть условіе воспитанія одного, потъ многихъ позволяетъ немногимъ вести благородную жизнь... Если имѣть въ виду только право недѣлимыхъ, то несправедливо, чтобы одинъ человѣкъ былъ пожертвованъ другому; но нѣтъ ничего несправедливаго въ томъ, чтобы всѣ были подчинены высшему дѣлу, совершаемому человѣчествомъ».

Ясно, что это даже больше, чѣмъ зародышъ мечты, развиваемой философами въ *Dialogues*. Но тамъ она развивается съ почтительными поклонами по адресу органической теоріи и приложеній теоріи Дарвина къ общественнымъ явленіямъ. Теперь примите въ соображеніе, во-первыхъ, нашу именобязнь. Вотъ, наприм., г. Слонимскій вырвалъ изъ monkъ *Записокъ профана* фразу: «Книга Спенсера (*Объ изученіи социологіи*) не стоитъ мѣднаго гроша», и тѣмъ воспламенилъ негодованіемъ сердца журнальных обозрѣвателей въ разныхъ провинціальныхъ и столичныхъ изданіяхъ. Ужь это, дескать, Богъ знаетъ что! Какъ можно такъ о Спенсерѣ говорить?! Но, не говоря о томъ, что книга *Объ изученіи социологіи*, дѣйствительно, плоха и осталась безъ всякаго вліянія на изученіе социологіи, хотя, въ качествѣ одного изъ томовъ *Международной научной бібліотеки*, была переведена на разные языки, — не говоря объ этомъ, господа журнальные обозрѣватели до такой степени придавлены авторитетомъ имени Спенсера и ошеломлены моею дерзостью, что не потрудились даже справиться, въ чемъ дѣло. Я бы не усомнился сказать, что книга Спенсера не стоитъ мѣднаго гроша, если бы таково было мое мнѣніе. Но дѣло-то въ томъ, что эта фраза сказана не отъ моего, Н. К. Михайловскаго, имени, а отъ условнаго лица, которое тутъ же называетъ себя «темнымъ профаномъ» и тутъ же объясняетъ тѣ спеціальныя причины, по которымъ оно «осмѣливается выражаться такъ рѣзко». Цитаты г. Слонимскаго вообще слѣдуетъ провѣрять, потому что это человѣкъ безцеремонный, какъ мы уже видѣли и какъ еще увидимъ. Но я не его теперь имѣю въ виду, а тѣхъ господъ, которые приходятъ въ благородное негодованіе по поводу непочтительной фразы о Спенсерѣ, вырванной изъ тѣхъ условій, при которыхъ она была сказана пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Непочтительно — и шабашъ! Такъ и съ Ренаномъ. Въ сущности, онъ у насъ очень мало извѣстенъ, но имя его окружено нѣкоторымъ ореоломъ, а потому и чудовищная «мечта» его могла бы быть встрѣчена отнюдь не такъ, какъ она того заслуживаетъ. И, дѣйствительно, въ одномъ очень почтенномъ журналѣ аргументація *Dialogues* была пущена въ ходъ, правда, случайно, съ полемическими цѣлями

и по очевидному недоразумѣнью. Далѣе, въ противность увѣренію г. Слонимскаго, Ренанъ не одинъ стоитъ на томъ пути, который ведетъ къ «мечтѣ» *Диалоговъ*. Правда, не всѣ приверженцы органической теоріи, а тѣмъ болѣе не всѣ, пытающіеся приложить къ общественной жизни принципы Дарвиновой теоріи, приходятъ къ чудовищнымъ выводамъ Ренановыхъ философовъ. Но тѣмъ болѣе интереса и резона разобраться во всемъ этомъ.

Разобраться на манеръ г. Слонимскаго я не могъ. Рѣшить, что движенія, представляемаго философами-систематиками, какъ Спенсеръ, философами-критиками, какъ Штраусъ, историками, какъ Дреперъ, Ренанъ, Кинне, экономистами, какъ Шеффле, не говоря уже о биологахъ и о множествѣ дѣятелей общественной науки и публицистики, менѣе извѣстныхъ, — рѣшить, говорю, что такого движенія просто-таки нѣтъ, было бы, конечно, не трудно. Но это едва ли было бы умно и добросовѣстно. Въ лучшемъ случаѣ, это былъ бы тотъ же страусъ, прячущій голову и полагающій, что тѣмъ самымъ устранена опасность. А опасность была несомнѣнно, а судя по нѣкоторымъ признакамъ, и по сейчасъ не миновала. Повторяю, далеко не всѣ приспособленные къ «міру ихтиозавровъ и медузъ» повинны въ выводахъ, подобныхъ мечтѣ Ренановыхъ философовъ. Но изъ этого источника хлынула, все-таки, масса «скотоподобія», какъ выразился нѣкто, и это въ такое время, когда у насъ еще далеко не остыло характерное для нашихъ шестидесятихъ годовъ увлеченіе естественными науками. Избравъ одною изъ своихъ специальныхъ задачъ послѣднее противодѣйствіе этому скотоподобию, я дѣлалъ, — смѣло говорю, — разумное и честное дѣло, какъ бы ни ломался надъ нимъ г. Слонимскій...

Разумное и честное дѣло должно быть и ведено разумно и честно. Надо было добросовѣстно доскаться, есть ли правда или неправда въ разнообразныхъ социологическихъ приложеніяхъ и обобщеніяхъ биологическаго матеріала, и въ чемъ правда, и въ чемъ неправда. А для этого нужно было самому отправиться въ міръ «ихтиозавровъ и медузъ» или, какъ иногда варьируетъ г. Слонимскій, «полипняковъ и муравейниковъ». Я такъ и сдѣлалъ. Сдѣлалъ не только потому, что къ этому меня обязывало современное теченіе европейской мысли, которое г. Слонимскій съ развязностью относитъ къ 20-мъ, 30-мъ годамъ, а и потому, что самъ убѣжденъ въ необходимости биологическаго матеріала для построенія социологій. И въ этомъ г. Слонимскій не разубѣдилъ меня ни своими празднословіемъ, ни своими претензіями на остроуміе. Надо еще замѣтить, что значительная часть того, что обыкновенно называется биологическомъ матеріаломъ, съ гораздо большимъ правомъ должна быть отнесена прямо къ социологій. Г. Слонимскій справедливо замѣчаетъ, что «социологія, какъ и всякая другая наука, имѣетъ свою самостоятельную область изученія», но онъ не уяснилъ себѣ, въ чемъ эта область состоитъ. Какъ, напримеръ, механика вѣдаетъ законы равновѣсія и движенія, гдѣ бы и въ какихъ бы простыхъ или сложныхъ комбинаціяхъ съ другими законами они ни проявлялись, такъ и социологія вѣдаетъ законы общественности, опять-таки

гдѣ бы они ни проявлялись, въ томъ числѣ и въ огорчающихъ г. Слонимскаго полипникахъ и муравейникахъ, и даже въ отдѣльныхъ организмахъ, поскольку послѣдніе представляютъ собою сообщества еще болѣе прѣстныхъ организмовъ. Въ виду того, что эти простѣйшія сообщества, именно по своей простотѣ, особенно удобны для наиболѣе общихъ выводовъ, исключать ихъ изъ социологии просто невыгодно.

Я уже говорилъ, что такъ именно и смотреть на дѣло современная наука. Между прочимъ, Летурио, въ своей послѣдней книгѣ: *Эволюція собственности*, содержаніе которой онъ самъ опредѣляетъ «изученіемъ различныхъ видовъ и превращеній собственности, какъ въ человѣческихъ обществахъ, такъ и въ обществахъ животныхъ», — говорить слѣдующее о муравьяхъ: «Безспорно, что существованіе обычая рабовладѣльчества въ муравьиномъ мірѣ надо считать вѣками; но онъ существовалъ не всегда, какъ это доказываютъ нѣкоторые остатки старины... Такіе аномальные факты указываютъ на то, что муравьи развивались, какъ и люди, что нѣкогда, при возникновеніи муравьиныхъ общинъ, у нихъ не существовало ни іерархіи, ни кастъ, и что въ эти отдаленныя времена трудъ былъ одинаково обязателенъ для всѣхъ гражданъ муравьиной республики. Съ теченіемъ вѣковъ устройство муравьиныхъ общинъ усложнилось, и въ нѣкоторыхъ изъ муравьиныхъ городовъ занятія, считавшіяся низкими, перешли къ невольникамъ черной расы. Любопытно прослѣдить, какъ отразился результатъ этой аристократической организаціи рабовладѣльцевъ муравейника. Результатъ этотъ былъ до такой степени плачевенъ, что позволилъ даже физическую организацію рабовладѣльцевъ» (цитирую по переводу *Русскаго Богатства*).

Приглядѣвшись къ этимъ общезвѣстнымъ фактамъ нѣсколько ближе, мы получимъ возможность разъяснить г. Слонимскому нѣкоторые его недоумѣнія по части теорій прогресса и борьбы за индивидуальность.

Что слѣдуетъ считать «прогрессомъ» въ исторіи муравьиной общины, постепенно вырабатывавшей сравнительно высокую культуру, — скотоводство, архитектуру, общественные запасы пищи, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже замедѣліе, — а также іерархію и общественное раздѣленіе труда, каковыя отразились на отдѣльныхъ муравьяхъ пониженіемъ организаціи? Намъ говорятъ, что теорія прогресса должна быть построена безъ всякой зависимости отъ какихъ бы то ни было идеаловъ или «субъективныхъ фантазій», а единственно при помощи объективнаго изученія фактовъ. Ну, вотъ, благодаря немногосложности фактовъ исторіи муравьиной общины, они давно констатированы, описаны, вообще объективно изучены. Что же дальше? Опять-таки, что считать прогрессомъ въ данномъ случаѣ: всю ли исторію общины со всѣми ея подробностями, или только извѣстныя ея стороны, и если не всю, то почему именно такія-то стороны, а не дныя? Слово «прогрессъ» уже само по себѣ отдаетъ субъективизмомъ, а потому строгіе объективисты, натурально, желаютъ его устранить: прогрессъ, вѣдь, это

значить, по установившейся ассоциации идей, улучшение, движение вперед, къ дѣлу, признаваемой лучшею, вышею, достойнѣйшею, а это предполагаетъ субъективную раздѣлку фактовъ. «Наша задача, — говоритъ Спенсеръ, — состоитъ въ томъ, чтобы проанализировать различные классы измѣненій, обыкновенно называемые прогрессомъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и другіе классы, которые сходны съ ними, но прогрессомъ не считаются; при этомъ мы хотимъ рассмотреть, въ чемъ состоитъ ихъ существенная природа, независимо отъ отношеній къ нашему благоденствію». Въ виду этого, Спенсеръ въ послѣдствіи совсѣмъ устранилъ слово «прогрессъ», замѣнивъ его словомъ «развитіе», какъ болѣе безразличнымъ. Эту оговорку Спенсера берутъ нынѣ подъ свою защиту мои критики (не только г. Слонимскій, а и гораздо болѣе свѣдущій и понимающій авторъ статьи *Позитивизмъ въ русской литературѣ*, въ №№ 3 и 4 *Русскаго Богатства*). Но, не говоря уже о томъ, что критики приводятъ эту оговорку съ моихъ же словъ, она, эта оговорка, лишена всякаго философскаго значенія. Почему, спрашивается, мыслитель, желающій совершенно эмансипироваться отъ ходячаго смысла слова «прогрессъ», хочетъ изучать и тѣ измѣненія, которыя «считаются» (гѣмъ?) прогрессивными, и тѣ, которыя таковыми не считаются, но, все-таки, «сходны съ ними»? Если ужъ эмансипироваться, такъ надо бы прихватить и тѣ измѣненія, которыя совсѣмъ несходны, совсѣмъ не укладываются въ устранимое понятіе. А то выходитъ ни два, ни полтора. Далѣе, слово «развитіе», подставленное вмѣсто слова «прогрессъ», въ сущности, весьма мало помогаетъ дѣлу. Одно изъ двухъ: или теорія развитія и теорія прогресса не одно и то же, и тогда любая теорія развитія не отвѣтитъ на нашъ вопросъ: что считать въ такомъ-то случаѣ прогрессомъ? Или же замѣна слова «прогрессъ» словомъ «развитіе» ничего не измѣняетъ. Любопытно, что у насъ, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, слово «развитіе» утратило свой кажущійся безразличный характеръ, а потому входятъ въ употребленіе еще слово «эволюція», хотя въ европейскихъ языкахъ оно именно «развитіе» и значитъ. Что касается требуемой Спенсеромъ «независимости отъ отношеній къ нашему благоденствію», то исторія муравьиной общины, кажется, въ этомъ смыслѣ довольно безразлична и, слѣдовательно, кромѣ немногосложности фактовъ, представляетъ и еще одно удобство для объективнаго изученія. Что же она намъ дастъ, даже при замѣнѣ слова «прогрессъ» словомъ «развитіе»?

Какъ извѣстно, Спенсеръ предложилъ общую формулу закона развитія, вѣрнѣе, распространилъ приложеніе давно извѣстнаго закона органическаго развитія. Г. Слонимскій, въ первой (мартовской) статьѣ, усиленно приставлялъ ко мнѣ съ своими смѣшными вопросительными знаками въ скобкахъ, перебивая ими мою рѣчь, въ которой только для незнающаго чловѣка и могло быть что-нибудь вопросительное. Напримѣръ, онъ цитируетъ меня такъ: «Типъ нормальнаго органическаго развитія есть, какъ мы видѣли (у Спенсера?), постоянное усложненіе путемъ дифференцированія, т.-е. специализации частей недѣлимаго, органовъ и тканей». Тутъ же кри-

тѣмъ дѣлаетъ предположеніе, что Спенсеръ «ужаснулся бы» тѣхъ выводовъ, какіе я дѣлаю «изъ принципа эволюціи». Не знаю, можетъ быть, и ужаснулся бы, но, все-таки, навѣрное, призналъ бы, что я знаю, о чемъ говорю. А насчетъ вопросительныхъ приставацій со Спенсеромъ могу успокоить г. Слонимскаго (опять, «о, успокойся, страдающая тѣнь!»). Почтенный критикъ, испугавшись четырехъ томовъ *Позитивной политики* Бонта, думаетъ, что и для другихъ эти четыре тома столь же непреодолимы. Точно также, узнавъ о законѣ органическаго развитія отъ Спенсера, онъ думаетъ, что и другимъ не откуда больше получить это элементарное знаніе. Я его получилъ обыкновеннымъ путемъ, тѣмъ самымъ, которымъ получилъ его и Спенсеръ. Г. Слонимскій думаетъ, что только и свѣту, что въ томъ окошкѣ, къ которому онъ случайно присѣлъ. Онъ думаетъ, что законъ органическаго развитія открытъ или изобрѣтенъ Спенсеромъ. Въ дѣйствительности онъ открытъ и формулированъ очень давно въ биологій (главнымъ образомъ, въ эмбриологій) и очень часто даже называется просто «закономъ Бэра». Самъ Спенсеръ, помнится, иногда его такъ называетъ. Во всякомъ случаѣ, англійскій мыслитель получилъ законъ органическаго развитія готовымъ и только распространилъ его на тѣ «классы измѣненій, которые сходны съ органическимъ развитіемъ, но таковыми не считаются». Отсюда теорія соціального организма или органическая теорія общества.

Первобытная община муравьевъ, постепенно усложняясь путемъ дифференцированія, специализаціи составляющихъ ее недѣлимыхъ, путемъ установленія все большаго раздѣленія труда и все большей разнородности между ними, развивается по типу органическаго развитія. Каждый отдѣльно взятый муравей развивается изъ яйца по тому же типу постепеннаго обнаруженія разнородности и раздѣленія труда между составляющими его органами, тканями и системами органовъ. И, однако, если мы возьмемъ исторію муравья не онтогенетически, а филогенетически, то - есть будемъ сравнивать нынѣшняго муравья не съ начальными фазами его собственнаго развитія, а съ его предками, то получимъ, какъ мы видѣли, пониженіе организаціи. Этотъ фактъ органическая теорія не то что отрицаетъ, а большею частью игнорируетъ его, — вы не найдете даже простаго упоминанія о немъ ни въ опытахъ Спенсера, посвященныхъ *Прогрессу* и *Соціальному организму*, ни въ *Основаніяхъ соціологій*. У другихъ органистовъ фактъ поминается и нѣкоторыми даже очень отчетливо формулируется, но не оказываетъ никакого вліянія на ихъ выводы. Между тѣмъ, это фактъ огромной важности. Муравьиная община развивается усиленіемъ раздѣленія труда между недѣлимыми, и этотъ же самый процессъ понижаетъ уровень развитія недѣлимыхъ, ослабляя раздѣленіе труда между ихъ органами, атрофируя нѣкоторые изъ нихъ совсѣмъ или частью. Въ сущности, это единственное значительное обобщеніе, которое можетъ быть сдѣлано чисто-объективнымъ изученіемъ исторіи муравьиной общины, но за то оно очень важно. А будучи поддержано наблюденіемъ самыхъ разнообразныхъ формъ обществъ

ности въ мірѣ животныхъ и въ человѣчествѣ, оно приводитъ къ закону, который я формулирую такъ: физиологическое и общественное раздѣленіе труда обратно пропорціональны, — чѣмъ выше одно, тѣмъ другое ниже, и наоборотъ. Этотъ социологическій законъ, кажется, и г. Слонимскій склоненъ не включать въ число «абсурдовъ» и «слоннаго недоумѣнія». По крайней мѣрѣ, онъ говоритъ: «Можно согласиться съ мнѣніемъ, что раздѣленіе труда между недѣлимыми способно при извѣстныхъ условіяхъ вредить правильному развитію личностей или, выражаясь языкомъ автора (то-есть моимъ), находится «въ вѣчномъ и необходимомъ антагонизмѣ съ раздѣленіемъ труда между органами».

Ну, и за то спасибо. Это снисходительное признаніе избавляетъ меня отъ дальнѣйшей аргументаціи въ пользу приведеннаго социологическаго закона. Я попробую только устранить одно недоразумѣніе, къ которому, по видимому, причастенъ г. Слонимскій, и не онъ одинъ. Писатели, удѣляющіе нѣкоторое вниманіе моему критикѣ принципа раздѣленія труда, часто смѣшиваютъ общественное раздѣленіе труда съ техническимъ, въ смыслѣ знаменитаго со временъ Адама Смита примѣра булавочнаго производства. Это напрасно. Техническое раздѣленіе труда есть собственно распаденіе процесса какого-нибудь производства на отдѣльныя мелкія операціи. Оно становится, вмѣстѣ съ тѣмъ, и общественнымъ раздѣленіемъ труда, когда дробныя операціи, на которыя распадается процессъ производства, составляютъ единственную общественную функцію и вѣчный удѣлъ того или другаго рабочаго, а иногда и его потомства. Въ кастовомъ строѣ Индіи или въ цеховомъ строѣ средне-вѣковой Европы, при первобытныхъ способахъ производства, техническое раздѣленіе труда было очень незначительно, а раздѣленіе труда общественное достигало, напротивъ, колоссальнаго напряженія.

И такъ, развитіе муравьиной общины покушается цѣною деградациі составляющихъ ее недѣлимыхъ. Но имѣемъ ли мы какое-нибудь право употреблять даже слово «деградациа» или какое-нибудь равносильное ему, когда устранено слово «прогрессъ»? Деградациа, это, вѣдь, синонимъ регресса. Надо бы выдумать какого-нибудь вполне безразлично словеснаго антипода слову «развитіе», а такого антипода не выдумано. Съ точки зрѣнія Спенсера, въ этомъ большой бѣды нѣтъ. Для него все развивается, все на свѣтъ и непрестанно: и общество, и дерево, и человѣкъ, и солнечная система, и развивается на одинъ и тотъ же манеръ, переходя отъ простаго къ сложному, отъ однороднаго къ разнородному, путемъ послѣдовательныхъ дифференцированій. Въ *Основныхъ началахъ* Спенсеръ ищетъ исключеній изъ этого единообразнаго торжественнаго марша вселенной и всѣхъ ея подробностей и находитъ ихъ въ «болѣзненныхъ наростахъ», въ разложеніи трупа и въ революціонныхъ движеніяхъ, въ чемъ бы послѣднія ни состояли и во имя чего бы ни происходили... Впрочемъ, въ тѣхъ же *Основныхъ началахъ* можно найти и другое, а въ *Основаніяхъ біологіи* и совсѣмъ другое. Объ этихъ компрометирующихъ силу мысли Спенсера разсужденіяхъ читатель можетъ узнать изъ моего IV тома (второго изданія

стр. 136—139, 178—181). Здѣсь для насъ важно только то обстоятельство, что Спенсеръ нигдѣ не говоритъ о томъ упрощеніи или деградации, которой подвергается индивидъ самымъ процессомъ усложненія или развитія общества. Для него общество есть высшій организмъ, развивающійся по тому же закону Бара, по которому развиваются и входящіе въ его составъ индивидуальныя организмы, и никакого конфликта между этими двумя процессами не существуетъ.

Другіе органисты поступаютъ иначе. Самый замѣчательный изъ нихъ—Геккель, блестящій, хотя и увлекающійся биологъ-мыслитель. Признавъ, вмѣстѣ со всеми мыслящими биологами, что органическая индивидуальность есть понятіе относительное и что существуютъ извѣстныя ступени индивидуальности, Геккель далъ классификацію ихъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, опредѣлилъ ихъ взаимныя отношенія. Сдѣлавъ онъ это въ «тектологическихъ тезисахъ», которые я въ свое время приводилъ (въ *Запискахъ профана*, въ *Борьбѣ за индивидуальность*), и потому здѣсь приведу только ихъ резюме: всякое органическое цѣлое (въ томъ числѣ и колонія или общество) тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ несовершеннѣе его части, чѣмъ онѣ слабѣе, чѣмъ онѣ болѣе закрѣплены цѣлому и подавлены въ своемъ индивидуальномъ значеніи, что не мѣшаетъ имъ быть весьма совершенными въ смыслѣ приспособленія къ извѣстной специальной функціи. Это замѣчательное обобщеніе, сдѣланное, въ специальномъ трудѣ — *Generelle Morphologie der Organismen* — весьма выгодно отличается отъ Спенсеровой теоріи соціальнаго организма какъ своею научною солидностью, такъ и своею опредѣленностью и смѣлостью. Геккель не только не лавируетъ около словъ, ница по возможности безразличныхъ выраженій для своей мысли, а прямо ставитъ свой критерій относительнаго «совершенства» (степень сложности и цѣлостности организма); но и не прячетъ того факта, что во всякомъ организмѣ эта степень сложности и цѣлостности покупается цѣною соответственнаго несовершенства его частей. Замѣтимъ, что здѣсь дѣло идетъ уже не объ аналогіяхъ, какъ у Спенсера, Шеффле, Лиденфельда и другихъ, а о законѣ отношеній между органическимъ цѣлымъ и его частями, причѣмъ всякій организмъ оказывается сообществомъ подчиненныхъ частей. О попыткахъ Геккеля приложить этотъ принципъ къ жизни человѣческихъ обществъ говорить здѣсь не стоитъ, потому что попытки эти случайны, крайне поверхностны и подчасъ противорѣчивы.

О собственной своей теоріи борьбы за индивидуальность я распространяться тоже не буду. Все, что говорить по этому пункту г. Слонимскій, проникнуто такимъ элементарнымъ невѣжествомъ и такою младенческою беспомощностью мысли, что даже наивнѣйшихъ изъ читателей едва ли можетъ ввести въ соблазнъ. Я скажу лишь нѣсколько словъ собственно въ поясненіе теоріи прогресса, по поводу которой г. Слонимскій говоритъ слова, можетъ быть, кое для кого и соблазнительныя.

Всякое живое цѣлое стремится подавить входяція въ его составъ низшія индивидуальности, обращая ихъ въ служебныя части и побуждая ихъ

къ высокому, но одностороннему развитію въ этомъ специальномъ служебномъ направле́ніи. При этомъ само оно становится разностороннѣе и цѣлостнѣе. Низшія индивидуальности, продѣлывая то же самое по отношенію къ индивидуальностямъ, еще ниже стоящимъ, въ то же время, отстаиваютъ свою самостоятельность и цѣлостность отъ посягательствъ высшей. Въ частности, человѣческое общество, самымъ процессомъ своего развитія, стремится подавить, обратитъ въ свой служебный органъ человѣка, а человѣкъ въ свою очередь все болѣе и болѣе подчиняетъ себѣ, какъ цѣлому, свои органы и системы органовъ и тѣмъ самымъ противоборствуетъ враждебной ему тенденціи общественнаго развитія. Борьба эта велась, ведется и можетъ вестись съ перемежнымъ счастьемъ, глядя по обстоятельствамъ. Все это—чисто-объективныя положенія, не заключающія въ себѣ ни единой крупинки «субъективной фантазіи» или какихъ-нибудь идеаловъ. Но вотъ мы хотимъ построить теорію прогресса, каковая должна обнимать единымъ принципомъ прошедшее, настоящее и будущее. Мы не можемъ для этого ограничиться простымъ положеніемъ, что идетъ какая-то борьба, исходъ которой зависитъ отъ обстоятельствъ,—не можемъ, хотя бы уже потому, что въ числѣ этихъ обстоятельствъ, влияющихъ на исходъ борьбы, находимся мы сами, наши собственные, человѣческія усилія, нашъ собственный, человѣческій трудъ, способный, какъ мы (ошибочно или вѣрно) сознаемъ, до известной степени наклонить чашки вѣсовъ въ ту или другую сторону. Поэтому теорія прогресса должна разобратъ въ пестрой массѣ историческихъ фактовъ, расположивъ ихъ въ известной перспективѣ, въ концѣ которой, хотя бы и очень отдаленномъ, долженъ сіять известный идеалъ, нѣчто желательное съ точки зрѣнія изслѣдователя и руководящее въ практической дѣятельности. Иною, то-есть иною склада, иной архитектуры, теорія прогресса быть не можетъ, что бы ни говорили люди, болящія или другихъ пугающіе «жупелами» вродѣ «субъективной фантазіи» или «идеаловъ философствующихъ писателей». Отсюда же, изъ того же обстоятельства, что нашъ собственный трудъ, наши собственные усилія суть факторы исторіи, проистекаетъ и гонимая г. Слонимскимъ «вѣра въ будущее». Спора нѣтъ, что бываетъ и безумная вѣра въ будущее, безумная и нелѣпая, но сдѣлать изъ самой «вѣры въ будущее» нѣчто укормленное—это возможно только въ такіа печальныя времена, какъ наше.

Не въ первый разъ русская мысль переживаетъ тяжелыя времена, когда у нея крылья связаны и пути ей заказаны. И, къ величайшему прискорбію, всякій разъ, когда случается подобная напасть, изъ среды частныхъ русскихъ людей являются добровольцы, стремящіеся теоретически обосновать заказъ путей и связанность крыльевъ. Когда послѣ 1848 года надъ Русскою землею спустились свинцовыя тучи мрака и, между прочимъ, была заподозрена польза и надобность науки, одинъ, тогда еще молодой русскій ученый, встрѣтилъ диссертацию Грановскаго *Аббатъ Суверій* неприязненною журнальною статьей. Критикъ доказывалъ, что «если наука и должна быть занимательна, то только для немногихъ, какъ и всѣ другіе

предметы имѣютъ каждый свою занимательность. Ученый, заботящійся о всеобщей занимательности своихъ ученыхъ трудовъ, подвергается опасности измѣнить наукѣ и впасть въ беллетристику. Еще менѣе должна наука заботиться о пользѣ или, какъ выразился нашъ ученый авторъ (т.-е. Грановскій), о приложимости своего знанія къ пользамъ общества». Гордый молодой ученый, въ своемъ опасеніи, какъ бы наука не «впала въ беллетристику» (точно «въ пьянство» или «въ преступленіе»!), не понималъ, что его обереганія совсѣмъ напрасны, что инныя, гораздо болѣе могущественныя, чѣмъ его вѣское слово, силы позаботились о томъ, чтобы наука не была занимательна и не прилагалась къ «пользамъ общества». Въ періоды реакціи подобныя добровольцы составляютъ очень обыкновенное явленіе. Однако, страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ: Грановскій остался Грановскимъ, а его молодой критикъ, хотя уже давно состарился, никакого слѣда въ русской наукѣ не оставилъ.

Такъ и теперь. Вы видите, напримѣръ, людей, которые изъ себя выходятъ, стараясь изгнать разные «гражданскіе мотивы» изъ области искусства. Зачѣмъ они такъ стараются, когда и безъ нихъ дѣло обстоитъ вполне благополучно, и всякіе «гражданскіе мотивы», сорванные съ житейскихъ корней, лежатъ гдѣ-то подспудомъ? Или вотъ г. Слонимскій. Слишкомъ двадцать лѣтъ тому назадъ я началъ «впадать» въ субъективныя фантазіи (мимоходомъ сказать, объективныхъ-то, вѣдь, и не бываетъ) и идеалы и въ «вѣру въ будущее». За эти два десятка лѣтъ разное переживалось русскимъ обществомъ; бывали и такіе моменты, когда фантазія, идеалы, вѣра въ будущее получали нѣкоторое окрыленіе. Тогда бы г. Слонимскому и сказать свое трезвенное, умѣренное и аккуратное слово. Однако, за всѣ эти двадцать лѣтъ даже имя мое едва ли хоть разъ встрѣчалось на страницахъ *Вѣстника Европы*, а вотъ теперь что ни номеръ, то градъ картечи г. Слонимскаго по застарѣлымъ грѣхамъ моей фантазіи, идеаловъ и вѣры въ будущее. Теперь, когда и безъ того у всякой фантазіи обрѣзаны крылья, когда идеалы меркнутъ, какъ лучи заходящаго солнца, когда оторопѣлые люди и безъ того утратили сознаніе, что они тоже факторы исторіи, что будущее до извѣстной степени отъ нихъ самихъ зависитъ... умно ли это?

Это, впрочемъ, мимоходомъ.

И такъ, идеалы философствующихъ писателей или субъективныя фантазіи правомѣрно завершаютъ собою перспективу прогресса и раздѣиваютъ объективныя данныя исторіи въ качества прогрессивныхъ, безразличныхъ или регрессивныхъ. Съ этой точки зрѣнія, какъ ни чудовищна вышеприведенная «мечта» Ренана, какъ ни возмущается противъ нея неизвращенное непосредственное чувство, она содержитъ въ себѣ кое-что вѣрное. Вѣрны, во-первыхъ, ея объективныя основанія. Въ сущности, они очень близки и къ текстологическимъ тезисамъ Геккеля, и къ теоріи развитія Спенсера, если дополнить послѣднюю подкладкой развитія, то-есть расче-

томъ жертвъ, которыми оно покупается. Вѣренъ, затѣмъ, пріемъ построенія «мечты», какъ отдаленнаго идеала, можетъ быть, и недостижимаго, но указывающаго и освѣщающаго путь прогресса, и, притомъ, логически вытекающаго изъ основныхъ посылокъ теоріи. Вѣренъ, говорю, пріемъ, что вовсе не оправдываетъ самой «мечты». По крайней мѣрѣ, моя мечта диаметрально противоположна.

Церковь, государство, нація, городъ и другія высшія индивидуальности (извините, г. Слонимскій, этотъ «абсурдъ» — теперь не я говорю, а Ренанъ), вообще всякое общество развивается по общему закону органическаго развитія. Какъ человѣкъ, развиваясь, постепенно приспособляется входящія въ его составъ кѣтки и агрегаты кѣтокъ къ определеннымъ специальнымъ, служебнымъ цѣлямъ, лишая ихъ самостоятельности и цѣлостности, такъ общество, развиваясь, приспособляетъ одну группу людей къ такой-то служебной цѣли, другую — къ другой и т. д. Такъ дѣйствительно идутъ дѣла на землѣ, и отворачиваться отъ этихъ объективных фактовъ или стараться какъ-нибудь маскировать ихъ было бы недостойно человѣка, ищущаго правды. Затѣмъ, строго-логически развивая свое объективно-вѣрное положеніе, Ренанъ приходитъ къ заключенію, что въ будущемъ этотъ процессъ обозначится еще ярче и определеннѣе. Такъ, во-первыхъ, будетъ; такъ, во-вторыхъ, и должно быть, т.-е. Ренанъ и самъ обязуется, и другихъ приглашаетъ дѣйствовать въ направленіи историческаго процесса, несомнѣнно существующаго и одобряемаго имъ. И, въ концѣ-концовъ, всѣмъ будетъ хорошо. Невѣжественная масса, столь же деспотически управляемая «тиранами-позитивистами» (выраженіе Ренана), какъ управляются, наприимѣръ, наши органы движенія мозгомъ, будетъ поставлять на все общество продукты своего чернаго труда, а тираны-позитивисты будутъ служить тому же высшему цѣлому выработкой идей, наукой, искусствомъ. Въ этомъ служеніи высшему цѣлому будетъ заключаться и наслажденіе. Въ числѣ пропущенныхъ мною, краткости ради, подробностей мечты, есть такая: тираны-позитивисты не будутъ знать любви, женскія ласки всецѣло предоставлятся невѣжественной массѣ. За то, какъ мы видѣли, если понадобятся вивисекціи въ обширныхъ размѣрахъ, невѣжественная масса выставитъ добровольцевъ, которые съ восторгомъ лягутъ подъ ножъ тирановъ-позитивистовъ.

Конечно, рисуя подробности своей мечты, Ренанъ «впадаетъ въ беллетристику» (и въ прескверную беллетристику). Но здѣсь важны не тѣ или другія подробности будущаго, которыхъ и вообще предвидѣть нельзя. Важенъ общій идеалъ самодовлѣющаго общества и преданныхъ ему, до немнѣнія никакихъ собственныхъ интересовъ, личностей; каждая изъ нихъ отказывается отъ своей цѣлостности и автономіи и отдается исключительно служебнымъ, специальнымъ цѣлямъ, какъ лишенные автономіи глазъ, рука, нога, желудокъ. При этомъ общество становится все разнороднѣе, потому что обособленность профессій растетъ количественно и качественно; раздѣленіе труда между недѣлимыми становится все глубже, а раздѣ-

леніе труда между ихъ органами все убываетъ, ибо въ невѣжественной массѣ, напримѣръ, не работаетъ нервно-мозговой аппаратъ, въ «тиранахъ-позитивистахъ» — половой аппаратъ. Руководствуясь этимъ идеаломъ, Ренанъ можетъ не только объективно изучать факты прошедшаго и настоящаго, а и сортировать ихъ, располагать въ перспективѣ прогресса и, вмѣстѣ съ тѣмъ, давать практическія указанія для дѣятельности сей минуты. Это Ренанъ и дѣлаетъ въ другихъ своихъ сочиненіяхъ. Словоиъ, его «мечта» есть настоящая, законченная теорія прогресса, хотя и облеченная въ капризные формы. Если бы не эти капризные и вмѣстѣ рѣзкія, опредѣленные формы, такъ подѣ «мечтой» могли бы подниматься весьма и весьма многіе социологи-органисты и социологи-дарвинисты.

Однако, изъ тѣхъ же объективныхъ данныхъ, которые, повидимому, послужили отправнымъ пунктомъ для Ренана, можно сдѣлать совершенно противоположные выводы. Если сдѣлать самоудовлѣющимъ центромъ изслѣдованія не общество, а индивида, человѣка, человѣческую личность, — а въ качествѣ людей, личностей, мы именно на эту точку зрѣнія и должны стать, — если полноту жизни мы хотимъ усвоить себѣ и себѣ подобнымъ, а не чему-то, на нашъ счетъ развивающемуся, то очевидно, что вся теорія Ренана должна опрокинуться вверхъ дномъ. А опрокинутая она совершенно совпадетъ съ предложенною мною формулой прогресса: «Прогрессъ есть постепенное приближеніе къ цѣлостности недѣлимыхъ, къ возможно полному и всестороннему раздѣленію труда между органами и возможно меньшему раздѣленію труда между людьми. Безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно все, что задерживаетъ это движеніе. Нравственно, справедливо, разумно и полезно только то, что уменьшаетъ разнородность общества, усиливая тѣмъ самымъ разнородность его отдѣльныхъ членовъ».

Г. Слонимскій недоволенъ этою формулой прогресса. Я радъ бы у него, какъ и у всякаго другаго, поучиться, но, къ сожалѣнію, онъ не дѣлаетъ ни одного путнаго возраженія, а говорить «слова, слова, слова». Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ, что приведенная формула «непримѣнима къ современнымъ культурнымъ обществамъ; здѣсь недѣлимые упражняются въ извѣстныхъ специальныхъ сферахъ дѣятельности и не только не обнаруживаютъ постепеннаго приближенія къ цѣлостности, но все болѣе удаляются отъ нея, такъ что никакого прогресса нѣтъ въ европейскомъ чловѣчествѣ съ первобытныхъ временъ, а есть только непрерывное, грандіозное обратное движеніе, соединенное со всеобщимъ патологическимъ состояніемъ людей». Остроуміе увлекаетъ г. Слонимскаго въ этомъ направленіи и еще дальше. Во второй, апрѣльской, статьѣ онъ еще болѣе ядовитъ: «До сихъ поръ, — говоритъ онъ, — чловѣческія общества развивались путемъ раздѣленія труда и шли неизмѣнно по одной протоптанной исторической дорогѣ... Періодъ идеальной «цѣлостности» людей, послѣ многихъ тысячелѣтій преобладанія неравенства, раздѣленія труда и специализаціи, падаетъ какъ будто съ неба... Писатель, рисующій себѣ будущее въ видѣ фан-

тасмагорін «цѣлостныхъ» личностей, которыя явятся неизвѣстно откуда и какиимъ способомъ, долженъ бы былъ, прежде всего, поставить себѣ вопросъ: основательно ли примѣшивать свои личныя мечтанія къ предполагаемому ходу историческаго развитія человѣчества?... Иначе ожиданіе вопаренія какой-то всеобщей идилліи въ будущемъ остается столь же безцѣльною фантазіей, какъ и мечта о появленіи крыльевъ у человѣка. Выдавать подобную фантазію за формулу того прогресса, которому дѣйствительно слѣдуетъ или должно слѣдовать человѣчество, по меньшей мѣрѣ странно».

Мнѣ, напротивъ, кажется страннымъ, что г. Слонимскій рѣшился написать эти дикія слова. Я знаю, что въ исторіи существуетъ теченіе, противоположное тому, что я называю прогрессомъ, знаю и не отрицаю его, какъ фактъ. Но я знаю также, что существовали въ теченіе вѣковъ рабы, и, однако, ихъ теперь въ цивилизованныхъ странахъ нѣтъ. Знаю, что было время, когда евреевъ въ Россію не пускали, въ качествѣ презрѣнной расы, а вотъ теперь я, русскій, имѣю удовольствіе бесѣдовать съ евреемъ г. Слонимскимъ. Знаю, что было время рѣзкаго раздѣленія труда между податными и неподатными сословіями, между призванными и непризванными защищать отечество оружіемъ, и проч., и проч., и проч., а теперь эти специализаціи, съ Божіею помощію, сглаживаются. Знаю, что въ теченіе вѣковъ женщина была затворницей въ теремѣ или гаремѣ и имѣла свою специальную область труда, рѣзко отдѣленную отъ мужскихъ профессій, а теперь я имѣю честь быть знакомымъ съ женщинами - писательницами, женщинами-врачами и т. д. Знаю, что въ средніе вѣка сапожникъ не только не смѣлъ ни въ какомъ смыслѣ равняться съ рыцаремъ, а въ силу господствовавшего раздѣленія труда не смѣлъ даже починить сапога, то была отдѣльная профессія, а сапожникъ шилъ только новые сапоги; а теперь сапожникъ можетъ мнѣ и починить сапоги, и сидѣть со мной рядомъ въ качествѣ присяжнаго засѣдателя въ судѣ. Знаю, что когда-то наука была доступна лишь нѣкоторымъ сословіямъ, а другія къ ней, въ силу принципа раздѣленія труда, не допускались, а теперь хотя объ этомъ и мечтаютъ кое-какіе русскіе публицисты, но еще неизвѣстно, осуществится ли ихъ мечта. Ну, а сколько страницъ я могъ бы исписать подобными примѣрами,—этого я не знаю. И неужели же думать о дальнѣйшемъ развитіи этого историческаго теченія значить очень ужъ высоко заноситься въ область фантазій? До чего мы, однако, дошли въ своемъ трезвенномъ стремленіи къ умѣренности и аккуратности!

Г. Слонимскій дѣлаетъ и еще одно возраженіе противъ моей теоріи прогресса. Онъ побѣдоносно указываетъ на существующее у нѣкоторыхъ дикарей равенство и отсутствіе раздѣленія труда и спрашиваетъ: что же, по-вашему, этотъ общественный строй выше теперешняго европейскаго? На это я отвѣчу: и выше, и ниже,—выше по типу развитія и ниже по степени развитія. Съ разницей между типами и степенями развитія г. Слонимскій рѣшился, наконецъ, познакомиться, но ничего не понялъ, хотя, по обыкновенію, ничего не понимая, все-таки, имѣетъ чрезвычайно гордый

видъ. Онъ говоритъ: «Въ прежнее время, при господствѣ исторической школы въ нѣмецкой социальнo-научной литературѣ, принято было устанавливать извѣстныя ступени развитія въ ходѣ общественной жизни. Гегель различалъ три ступени: семейство, гражданское общество и государство. Робертъ фонъ-Моля принималъ шесть концентрическихъ сферъ: личности, семьи, племени, общества, государства, союза государствъ. Нашъ авторъ, о сочиненіяхъ котораго мы говорили выше (т.-е. я грѣшный: г. Слонимскій бываетъ иногда zu vorgehen, чтобы сказать просто «Михайловскій», и тогда пишетъ вмѣсто одного слова восемь), считаетъ, повидимому, своею собственностью эту старую идею о типахъ и степеняхъ развитія».

Во-первыхъ, идея о степеняхъ развитія общественной жизни хотя и стара, но отнюдь не устарѣла, да и устарѣть не можетъ; но понятно, что въ новѣйшихъ социальнo-научныхъ сочиненіяхъ классификаціи Гегеля и фонъ-Моля не найдется. Во-вторыхъ, ни эти и ни какія другія подобныя классификаціи не имѣютъ никакого отношенія къ мысли о необходимости отличать типы развитія отъ степеней развитія. Въ-третьихъ, насколько я признаю своею собственностью теорію типовъ и степеней развитія, это г. Слонимскій могъ бы усмотрѣть изъ моихъ сочиненій, гдѣ прямо сказано, что термины «типъ развитія» и «степень развитія» взяты мною у Бэра и только приложены къ явленіямъ общественной жизни. Если г. Слонимскому угодно будетъ обратиться къ подлиннику и постараться понять, что тамъ написано, то для него разъяснится отвѣтъ: общественный бытъ нѣкоторыхъ дикарей выше быта цивилизованныхъ людей по типу развитія и ниже—по степени развитія.

Когда бессильный, но озлобленный человекъ не можетъ справиться съ противникомъ, онъ начинаетъ царапаться и щипаться, самъ понимая, что существеннаго вреда этимъ нанести не можетъ, а просто такъ, со зла. Г. Слонимскій щиплется.

Въ мартѣ онъ признавалъ за мной «вѣрное пониманіе социальныхъ вопросовъ». Въ маѣ («и башмаковъ еще не наносила!») онъ на одной и той же страницѣ пишетъ, что я «слѣдую чисто-консервативной и даже реакціонной точкѣ зрѣнія» и что я «являюсь теоретикомъ либерализма въ самомъ узкомъ смыслѣ слова». Я не стану доискиваться, какое изъ этихъ двухъ довольно-таки противоположныхъ пониманій г. Слонимскій считаетъ «вѣрнымъ пониманіемъ социальныхъ вопросовъ»,—не стану, потому что это просто щипокъ.

«Разсуждая объ опасностяхъ побѣды общества надъ личностью, авторъ не дѣлаетъ различія между классами и элементами населенія; онъ говоритъ объ индивидуальности вообще, какъ будто люди среднихъ и высшихъ классовъ такъ же терпятъ ущербъ отъ преобладанія общества или государства. Гораздо проще было бы говорить прямо объ обездоленныхъ, трудящихся классахъ». Это опять щипокъ: обездоленныхъ, трудящихся, дескать, забыли! Нѣтъ, не забылъ. Не говоря объ общемъ характерѣ моихъ сочиненій,

достаточно извѣстномъ, я приведу предложенный мною социологическій законъ (извините, г. Слонимскій, опять законъ): «Въ обществѣ, имѣющемъ пирамидальное устройство, всевозможныя улучшения, если они направлены не непосредственно ко благу трудящихся классовъ, а ко благу цѣлаго, ведутъ исключительно къ усиленію верхнихъ слоевъ пирамиды» (*Сочиненія*, II, 259). Съ другой стороны, однако, г. Слонимскій напрасно полагаетъ, что люди среднихъ и высшихъ классовъ не терпятъ при этомъ ущерба въ своемъ человѣческомъ достоинствѣ. Очень терпятъ, хотя ущербъ ихъ и иной.

И еще щипокъ: «Какъ защитникъ правъ индивидуальности, авторъ *долженъ* возставать противъ артели и общины, ибо эти организаціи несомнѣнно «захватываютъ» личность и могутъ «поглотить» ее... Соціализмъ считается вообще противоположнымъ индивидуализму, и теорія «борьбы за индивидуальность» *должна* быть признана самымъ крайнимъ либеральнымъ протестомъ противъ основныхъ принциповъ социализма». Но дѣло-то въ томъ, что я никогда не возставалъ и вовсе не долженъ возставать противъ общины и артели (соціализмъ - то ужъ пока оставимъ въ покоѣ). Не возставалъ, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ мои сочиненія, и не долженъ возставать, какъ свидѣлствуютъ они же. Община и артель въ принципѣ (къ сожалѣнію, не всегда въ дѣйствительности) представляютъ собою общественныя формы съ преобладаніемъ простаго сотрудничества, а не раздѣленія труда, а потому могутъ только охранять личность отъ того историческаго процесса, который обособляетъ, дифференцируетъ трудъ отъ капитала. Это писалось много, много разъ, и г. Слонимскій это знаетъ, а просто ему щипаться хочется.

Кромѣ щипковъ, г. Слонимскій занимается еще передержками и фальсификаціей цитатъ. Между прочимъ, онъ касается моей теоріи народныхъ движеній, выражающихся неизмѣнно въ двухъ формахъ—вольницы и подвижниковъ (томъ V). Что онъ по этому поводу говоритъ, это даже и передать трудно, и да отпустится ему сіе: не вѣдаетъ бо, что творить. Я приведу только обращеніе того, какъ онъ цитируетъ:

У меня:

„Вольница и подвижники одинаково неспособны протестовать прямо отъ лица поруганной и раздавленной историческимъ процессомъ личности“.

У г. Слонимскаго:

„Вольница и подвижники возстаютъ во имя поруганной и раздавленной историческимъ процессомъ личности“.

Г. Слонимскій столь развязенъ, что ставитъ свою цитату въ кавычки и съ большою точностью указываетъ страницу, откуда онъ ее взялъ (V, 384), а затѣмъ предается празднословію на ту тему, что вольница и подвижники возстаютъ не во имя личности. Зачѣмъ онъ этому празднословію предается, когда у меня именно такъ и сказано, что вольница и подвижники *неспособны* протестовать во имя личности? А, главное, зачѣмъ онъ передаетъ якобы мои слова, въ кавычкахъ и съ указаніемъ страницъ, вы-

воротивъ ихъ какъ разъ на-изнанку? Какъ называется такой полемическій или критическій приемъ? Очень сѣвернымъ словомъ называется, и пусть г. Слонимскій самъ себѣ это слово скажетъ.

Читатель, пробѣгая статьи г. Слонимскаго, не вѣрте на слово ни одной его цитатѣ, кажимъ бы признакомъ точности и обстоятельности она ни была снабжена. Если онъ приводитъ заглавіе мало извѣстнаго сочиненія и оканчиваетъ его таинственнымъ *etc.*, то посмотрите сами, что замѣняютъ собою эти три буквы: можетъ быть, такое подъ ними скрывается, что все соответственное показаніе г. Слонимскаго надо понимать какъ разъ наоборотъ. Если онъ приводитъ чужую мысль даже въ кавычкахъ и съ точнымъ указаніемъ страницъ, опять-таки посмотрите сами въ подлинникъ: можетъ быть, г. Слонимскій *ошибся* и пропустилъ или прибавилъ маленькій пустякъ, вродѣ, напримѣръ, частицы *ne*. Наконецъ, если г. Слонимскій вообще ссылается на какую-нибудь книгу, то не впадайте въ увѣренность, что онъ въ самомъ дѣлѣ ее знаетъ.

Прибавивъ къ этому подвиги вродѣ перечисленія «метода» въ женскій родъ и разное другое вышеприведенное, я спрашиваю: можно ли серьезно разговаривать съ такимъ человекомъ? Думается мнѣ, что нельзя, и такъ на этомъ раздумьи я теперь и останавливаюсь...

Ник. Михайловскій.

Контора журнала „Русская Мысль“ (Москва, Леонтьевскій переулокъ, 21) принимаетъ объявленія, для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ, на слѣдующихъ условіяхъ:

1) За страницу, занимаемую объявленіемъ, взимается 15 рублей за одинъ разъ. Разсчетъ производится за полную страницу, хотя бы объявленіе занимало мѣсто менѣе страницы.

2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстной книгѣ, таковое должно быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) За каждую тысячу листовъ прикладываемыхъ къ журналу объявленій взимается 10 рублей. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы между собой или вброшюровываться въ журналъ.

4) Объявленія помѣщаются въ журналъ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдуемой за это платы.

БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

І ю н ъ

1889 года.

Содержаніе. I. Книги: Исторія.—Путешествія.—Статистика.—Юридическія книги.—Медицина.—Сельское хозяйство.—Языкознаніе.—Учебники.—Справочныя книги. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», май.—«Русскій Вѣстникъ», апрѣль—май.—«Русская Старина», ноябрь 1888 г.—май 1889 г.—«Трудъ», кн. I—VI.—«Этнографическое Обзорѣніе», кн. I.—«Вѣстникъ археологій и исторіи», выпускъ VII.—«Летописъ Матице Српске», выпускъ I.

И С Т О Р І Я.

„Учебникъ исторіи“. А. Трачевскаго.—„В. О. Якоби“. А. А. Ильина.

Учебникъ исторіи. А. Трачевскаго. Новая Исторія. Часть первая (1500—1750). Профессоръ Трачевскій быстро подвигается съ своимъ учебникомъ: вслѣдъ за томами по древней, средней и русской появляется теперь первый томъ *Новой исторіи*. Самъ авторъ оговаривается въ предисловіи, что вышедшую только что книгу нельзя разсматривать какъ обыкновенный учебникъ, предназначенный для гимназистовъ. Она слишкомъ велика для этого: на 600 слишкомъ страницахъ излагаются событія всего за 250 лѣтъ. Книга имѣетъ болѣе въ виду служить „подспорьемъ для университетскаго преподаванія, для учителей и для самообразованія“. Такая постановка дѣла развязываетъ руки составителю относительно выбора матеріала. Онъ не привязанъ къ гимназическимъ программамъ и можетъ ограничиться необходимымъ въ области внѣшней исторіи, чтобы перенести центръ тяжести въ изложеніе культурнаго развитія. Онъ несомнѣнно обязанъ обращать вниманіе на стороны, которыя всегда останутся мало затронутыми гимназическимъ преподаваніемъ: на хозяйственныя основы политическаго и духовнаго быта, на процессъ развитія социальныхъ наслоеній и организацій, на теоретическія задачи различныхъ періодовъ. Проф. Трачевскій признаетъ эти требованія и удѣляетъ много мѣста въ своемъ учебникѣ на эту „внутреннюю“ сторону историческаго процесса. Послѣ наложенія событий XVI в., у него идутъ главы о государствѣ, обществѣ, церкви, понятіяхъ, нравахъ, просвѣщеніи, литературѣ, наукѣ, философіи, искусствѣ, внѣшнемъ бытѣ. Подобный же обзоръ слѣдуетъ за рассказомъ о XVII и первой половинѣ XVIII вѣка. Вопросъ въ томъ, какъ справился авторъ съ правильно-поставленною задачей.

Мы такъ не избалованы въ Россіи относительно точности и фактической вѣрности данныхъ, сообщаемыхъ въ „научной“ и особенно въ „научно-педагогической“ литературѣ, что приходится отмѣтить, какъ заслугу г. Трачевскаго, что его учебникъ свободенъ отъ очень грубыхъ оши-

бокъ. Невѣрности въ немъ, все-таки, найдутся. На стр. 41, наприм., говорится, что Серветъ былъ казнень безъ разбирательства, тогда какъ процессъ его велся довольно долго передъ совѣтомъ въ 1553 году и опубликованы акты этого процесса. О редакціи французскихъ кутюмъ въ XVI вѣкѣ на стр. 130 замѣчено, что она представляетъ памятникъ римскаго, а не общаго права, между тѣмъ какъ содержаніе кутюмъ, независимо отъ вѣкотораго вліянія римскихъ доктринъ, несомнѣнно опредѣляется провинціальными обычаями. Сближеніе между интендантами Ришелье и *missi dominici* Карла Великаго (стр. 323) можетъ только дать превратное понятіе о должности интендантовъ. Вообще въ подробностяхъ не мало неточностей.

Но все это не особенно значительные промахи сравнительно съ тѣмъ, что часто преподается съ кафедръ и распространяется путемъ печати (см. курсы проф. Осокина). Если бы приходилось возражать только противъ этихъ недосмотровъ и недоразумѣній, то книгу г. Трачевскаго можно было бы смѣло рекомендовать читающей публикѣ. У ней есть достоинства, уравнивающія такого рода недосмотры: она заключаетъ въ себѣ очень много фактическаго матеріала и написана бойко, образнымъ, пожалуй, слишкомъ образнымъ языкомъ. Бѣда въ томъ, что, помимо частностей, учебникъ проф. Трачевскаго мало удовлетворяетъ своими общими приѣмами и результатами.

Всякій, кто прочтетъ предисловіе или даже любую отдѣльную страницу книги, увидитъ, что составитель принадлежитъ къ самому новому и прогрессивному направленію; какъ бы на-показъ выставляется свободомысліе автора, интересъ къ социальнымъ проблемамъ, обращеніе къ „пережиткамъ“ въ религіи и философіи, непримиримое отношеніе къ реакціоннымъ силамъ въ политикѣ. Главное, въ самой исторіографіи авторъ исповѣдуетъ новѣйшія доктрины, ищетъ, прежде всего, культурнаго содержанія, общается выдвинуть экономической элементъ. Присматриваясь ближе, читатель, знакомый съ историческою литературой, скоро убѣдится, что за современными взглядами и общаніями въ новѣйшемъ вкусѣ скрывается очень устарѣвшее отношеніе къ историческому матеріалу и приѣмамъ обработки: точно читаешь *Исторію XVIII вѣка* Шлоссера, книгу полезную въ свое время и сильно повліявшую на образованную публику, но несомнѣнно отставшую отъ теперешняго положенія науки. Тѣ же изобличенія правительственныхъ махинацій, придворной роскоши, аристократической дерзости, церковнаго лицемерія; тѣ же шаблонныя симпатіи по адресу филантроповъ, пионеровъ „свѣтскаго реализма“, низшихъ классовъ; тотъ же морализирующій тонъ, обращающій историческое изложеніе въ постоянную проповѣдь двухъ-трехъ излюбленныхъ темъ. Имѣть убѣжденія необходимо и, конечно, лучше имѣть убѣжденія либеральныя, чѣмъ реакціонныя, но это демократическое прекраснородіе, надолблѣвающее свои завѣтныя слова подъ видомъ ученія исторіи, можетъ, намъ кажется, только подорвать жизнность убѣжденій, взятыхъ подъ неумѣльную защиту. Надолблѣвая до приторности тенденція вызоветъ, пожалуй, сомнѣнія въ томъ, выдержать ли извѣстныя политическіе и философскіе взгляды пробу безпристрастной и дѣйствительно научной провѣрки. Давно сказано, что настоящая исторія объясняетъ, а не обвиняетъ, и только такая исторія достойна того, чтобы съ ней считаться въ политикѣ и философіи. Студенты, для которыхъ написанъ учебникъ г. Трачевскаго, можетъ быть, прочтутъ на первый разъ съ большимъ восторгомъ книгу, которая дастъ имъ якобы историческое подтвержденіе дорогихъ имъ идей, но, вѣдь, авторъ едва

ли удовлетворится этимъ дешевымъ успѣхомъ. А всякій, кто обратится къ книгѣ за отвѣтомъ о *смыслѣ* великихъ фактовъ новой исторіи — реформаціи, рационализма, просвѣщеннаго абсолютизма, національной монархіи, католической реакціи, кто захочетъ отдать себѣ отчетъ въ *причинахъ*, вызвавшихъ преобладаніе той или другой идеи или формы, останется, навѣрное, весьма мало удовлетвореннымъ постоянною переработкой г. Трачевскаго съ реакціонерами и фанатиками. Исторія должна быть субъективна, говорить нѣкоторые: разбираемая книга служитъ только къ опроверженію этого взгляда, потому что доводитъ его до явной несправедливости.

Возьмемъ, наприимѣръ, такое явленіе, какъ лютеранство. Оно антипатично г. Трачевскому, который такъ противопоставляетъ его кальвинизму: „Всѣ эти секты ступеньваются передъ основнымъ расколомъ въ протестантизмѣ: *лютеранство и реформатство* были непримиримы. расходясь между собою не столько въ догмѣ, гдѣ было только два спорныхъ пункта — пресуществленіе и предопредѣленіе, сколько во взглядѣ на задачи религіи, на ея отношеніе къ жизни. Реформатство — реформація по преимуществу, какъ видно изъ самаго его имени, — это — реальное, нравственное, демократическое и прогрессивное начало: у Цвингли сохранилась въ чистотѣ основа протестантизма, гуманизмъ съ свободой мысли, нѣсколько искаженной Кальвиномъ. Лютеранство же — средневѣковой идеализмъ, догматизмъ, абсолютизмъ и реакція“. Дѣйствительно ли даютъ ключъ эти слова къ пониманію религіознаго направленія, отрывшаго путь реформаціонному движенію, сдѣлавшагося духовнымъ центромъ Германіи и Скандинавскаго сѣвера, выдержавшаго самый страшный напоръ католической реакціи въ Тридцатилѣтней войнѣ? Положимъ, лютеранство вступило въ союзъ съ властью князей, а не съ республиканскими формами, но на какую другую политическую силу могло опереться оно? И слѣдуетъ ли судить о роли самой этой политической силы съ точки зрѣнія враговъ партикуляризма или монархизма въ XIX вѣкѣ? Слишкомъ легко и дешево разрѣшались бы историческія задачи, еслибъ можно было дать разгадку великаго культурнаго вліянія словами: „лютеранство — средневѣковой идеализмъ, догматизмъ, абсолютизмъ и реакція“. Можно усомниться также, чтобы читатели учебника вынесли правильное предствленіе о такой эпохѣ, какъ министерство Ришелье: подробная характеристика кардинала со стороны его личныхъ недостатковъ совершенно затемняетъ его политическія заслуги и остается только удивляться, что единогласное мнѣніе современниковъ и потомства считало гениальнымъ правителемъ человѣка, разорившаго Францію и преслѣдовавшаго въ ней все хорошее. Вообще неясно, въ чемъ тайна того вліянія, которое имѣла монархія въ XVI вѣкѣ, почему „народы прильнули къ абсолютизму“, какъ выражается проф. Трачевскій. Подъемъ монархическаго принципа въ Англіи, наприим., является въ его изложеніи результатомъ какихъ-то совершенно непонятныхъ случайностей, возней и насилій. Свирѣпствуетъ Генрихъ VIII, свирѣпствуетъ Марія Кровавая, владычествуетъ почти безконтрольно Елизавета, затѣмъ воцаряется „слизливый уродъ“ Іаковъ I и „волагавшійся“ Карлъ I, и, несмотря на всѣ злодѣянія, народъ медленно, нехотя становится въ противорѣчіе съ монархическою властью и самое революціонное теченіе не имѣетъ силы уничтожить ее совершенно. За всѣмъ этимъ есть нѣчто большее, чѣмъ людская глупость или пережитки стараго. Чтобы понять борьбу, надо было признать, что европейская монархія являлась главнымъ проводникомъ двухъ великихъ началъ и не мало содѣйствовала

проведенію третьяго: она всего сильнѣе представляла принципы національности и государства и въ исторіи своей принуждена была часто становиться на сторону демократіи. Въ этомъ ея сила, несмотря на всѣ личныя слабости ея представителей, а какъ разъ эта сторона остается наименѣе освѣщенной въ разбираемомъ учебникѣ. Оттого и въ дѣятельности Ришелье положительная заслуга резюмируется словами: „кардиналъ рѣшился сломить „частную“ тиранію посредствомъ общей, которую онъ называлъ государствомъ“. Намъ кажется, что нѣтъ надобности быть въ настоящее время приверженцемъ абсолютизма, чтобы понимать, что монархической власти принадлежала крупная роль въ исторіи политическаго развитія.

Вслѣдствіе того, что все, въ сущности, измѣняется по шаблону личныхъ убѣжденій автора, изложеніе его совершенно теряетъ перспективу и пропорциональность: если притѣсняютъ народъ, то ужъ такъ, что „доканчиваютъ“ его; фанатики или тираны совершаютъ свои ужасы вездѣ съ одинаковымъ maximum'омъ энергіи и разрушительности. Остается только удивляться, что опять нарождаются новыя поколѣнія, чтобы вновь быть доконченными. Съ чрезвычайнымъ однообразіемъ чередуются кровопролитія и сумасбродства, изрѣдка прерываемыя благородными подвигами героевъ „свѣтскаго реализма“. Несмотря на резюмирующія замѣчанія со ссылками на предъидущія страницы, органическая связь событій ускользаетъ отъ читателя. И мудро ли: ни одно явленіе не разсматривается въ себѣ самомъ, въ своеобразности своихъ цѣлей, строенія, движенія, а все разбирается по категоріямъ абсолютизма, демократизма, церковнаго идеализма, свѣтскаго реализма и т. п. И вотъ, несмотря на обѣщанія автора, внѣшніе факты выдвигаются впередъ сами собою, заслоняя и затемняя внутреннюю исторію. Личныя характеристики наполняютъ не мало страницъ, гораздо больше, чѣмъ слѣдовало бы въ культурной исторіи, а въ этихъ личныхъ характеристикахъ главное вниманіе слишкомъ часто обращается не на то, насколько извѣстный дѣятель выражаетъ собою ту или другую тенденцію эпохи, а на его чисто-индивидуальныя свойства, на совершенно безразличныя въ историческомъ отношеніи слабости, на наружность и успѣхи у дамъ, на манеру браниться. За то политическая и юридическая сторона остаются въ совершенномъ туманѣ: учрежденія, партіи мелькаютъ своими именами, безъ опредѣленнаго содержанія и очертаній. Особенно характерна въ этомъ отношеніи исторія Англій, гдѣ всѣ конституціонныя столкновенія остаются непонятными, вслѣдствіе того, что авторъ не даетъ себѣ труда передать сколько-нибудь точно даже содержаніе такихъ актовъ, какъ петиція о правѣ или билль о правахъ (стр. 281 и 315). О послѣднемъ сказано буквально: „Но Вильгельмъ долженъ былъ подписать билль о правахъ, эту новую великую хартію, которая подтвердила всѣ старыя обезпеченія народной свободы противъ произвола короны. Билль былъ распространенъ и на Шотландію; гдѣ, сверхъ того, было восстановлено пресвитеріанство, между тѣмъ какъ въ Англій была утверждена религіозная свобода „Актомъ вѣротерпимости“ (Toleration Act)“. „Какая религіозная свобода,— спроситъ читатель,— полная, по отношенію ко всѣмъ исповѣданіямъ?“ Хорошо еще, если спроситъ, потому что многіе изъ тѣхъ, для кого написанъ учебникъ, поймутъ мѣсто въ его прямомъ смыслѣ и безъ оговорокъ, и поймутъ неправильно, такъ какъ полная религіозная свобода установилась въ Англій развѣ въ XIX вѣкѣ, послѣ отмены Test-act и Corporation-act, послѣ „эмансипаціи“ католиковъ и евреевъ. Процессъ Страффорда пе-

реданъ такъ, что остается совершенно непонятнымъ, гдѣ и какимъ путемъ онъ шелъ, при чемъ въ немъ были земцы и почему король долженъ былъ подписать „смертный приговоръ“ (стр. 287). Нельзя также назвать удачной слѣдующую характеристику распределенія партій въ Англии послѣ Карла II: „Тогда возникли политическія партіи, эти спутники свободнаго государства, причѣмъ торіи *всегда* состояли изъ знати и епископовъ, а виги изъ джентри и горожанъ. Но не исключительно: партіи дѣлили Англію не столько горизонтально, сколько вертикально“. Не говоря о довольно замѣтномъ противорѣчій и о неясности послѣдняго опредѣленія, такая характеристика совершенно игнорируетъ организацию „вигистской аристократіи“ въ XVIII вѣкѣ и торійскія симпатіи мелкихъ сквайровъ.

По программѣ, поставленной авторомъ, учебникъ долженъ обратить особенное вниманіе на роль экономическихъ факторовъ и на социальное движеніе. Дѣйствительно, не одинъ разъ мы найдемъ упоминанія о томъ и о другомъ. Однако, всѣ эти упоминанія являются какъ то случайно, безъ опредѣленной связи, больше въ формѣ сантиментальныхъ характеристикъ того, какъ дурно жило мелкому люду. Трудно удовлетвориться характеристиками послѣдствій секуляризаціи (стр. 50), меркантилизма (стр. 343); даже такіе коренные факты, какъ противоположность между судьбой земледѣльческаго класса въ Англии и во Франціи, исчезновеніе мелкой собственности въ одномъ случаѣ, закрѣпленіе и распространеніе ея въ другомъ—искажаются подъ влияніемъ односторонней тенденціи: по стр. 575 выходитъ, что вся выгода въ этомъ случаѣ была на сторонѣ Англии.

Надо прибавить, что самый способъ изложенія по меньшей мѣрѣ странный и мало пригодный для учебника. Ради сжатости, должно быть, рассказъ обращается въ рядъ отрывочныхъ набросковъ, смыслъ которыхъ съ трудомъ разберутъ даже люди, хорошо знакомые съ предметомъ. Что вынесетъ читатель изъ слѣдующаго „опредѣленія“ пробабиллизма: здѣсь (у иезуитовъ) съ особенною любовью развивался *пробабиллизмъ* или теорія нравственныхъ вѣроятностей? Можно дѣлать то, что *впрямую*, позволительно, хотя бы вопреки голосу совѣсти“ (стр. 69). Мозаическія картины быта слѣдуетъ составлять съ нѣкоторою осторожностью, какъ показываетъ стр. 150: „Реакція XVI вѣка объясняется сохраненіемъ средневѣковыхъ пережитковъ въ массахъ. Протестантъ истреблялъ святыхъ лишь потому, что онъ былъ символомъ папскаго гнета, въ его душѣ жили старыя суевѣрія, которыя даже усиливались, занимая мѣсто разрушенныхъ кумировъ. Сохранялись ордалии (С. И. § 4), хотя въ смягченной формѣ „святаго куска“, и „право погребальныхъ носилокъ“; вѣрили, что виновный не проглотитъ облатки, а трупъ испуститъ кровь при прикосновеніи убійцы. Сюда же относится развившаяся тогда дуэль. Возникла „стигматизація“—отпечатокъ на тѣлѣ 5-ти ранъ Христа“. Относительно послѣдней черты, надо замѣтить, что это единственное мѣсто книги, въ которомъ говорится о стигматизаціи. О появленіи Іакова I въ Англии разсказывается такъ: „Яковъ, съ своей стороны, больше всего ненавидѣлъ пуританъ, смѣшивая ихъ съ пресвитеріанами (§ 20), отъ которыхъ онъ пострадалъ въ юности. *Отъ того* (!) уже на пути въ Лондонъ онъ получилъ петицію пуританъ объ исправленіи англиканства въ ихъ духъ и сказалъ своимъ наперсникамъ: „они будутъ у меня сообразоваться (§ 34), не то—разнесу ихъ“ (стр. 279). Не мало комическихъ эффектовъ въ характеристикѣ произведеній Шекспира; она слишкомъ длинна, чтобы приво-

дать ее здѣсь, и мы отсылаемъ читателя въ стр. 188 и слѣдующей подлинника.

Въ предисловіи авторъ заявляетъ, что онъ „оставался вѣренъ своей задачѣ быть лишь передатчикомъ современныхъ выводовъ науки, въ лицѣ ея признанныхъ представителей“. Онъ трактуетъ въ четвертомъ томѣ объ исторіи Европы преимущественно въ XVI и XVII вѣкахъ, и всѣмъ образованнымъ людямъ, конечно, извѣстно, что въ этой области есть одно имя, которое затмило всѣ остальные, одинъ ученый, положившій основы изученію, слѣлавшій его какъ бы своимъ. Если сознательно стараться написать эту исторію во всѣхъ отношеніяхъ наперекоръ Ранке, то выйдетъ, вѣроятно, учебникъ проф. Трачевскаго.

Борисъ Семеновичъ Якоби. Историческій очеркъ изобрѣтенія гальванопластики. Составилъ А. А. Ильинъ. Съ портретомъ и 8 чертежами. Спб., 1889 г. 4 октября 1888 г. исполнилось ровно 50 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ нашъ академикъ В. С. Якоби официально заявилъ письмомъ на имя непрехѣннаго секретаря академіи наукъ Фуса объ открытіи имъ гальванопластики. „Позволю себѣ,—писать Якоби,—передать вамъ при этомъ гальваническое произведеніе искусства (вполнѣ удавшаяся точная копія съ гравированной дощечки), съ покорнѣйшею просьбой представить его высокочтимой академіи, какъ доказательство, что гальванизмъ способенъ не только приводить въ движеніе машины, но обладаетъ эстетическими или, скорѣе, артистическими свойствами. Что до сихъ поръ не удавалось граверному искусству на мѣди—гравированіе рельефныхъ изображеній, то удастся въ полномъ совершенствѣ спокойному дѣйствію природы“ *). Способъ Якоби скоро получилъ самое широкое распространеніе. Лучшіе ученые того времени признали за Якоби честь открытія гальванопластики. Въ его бумагахъ много писемъ (отъ Фарадея, А. Гумбольдта, Беккереля, Берцелиуса, Эрштеда и др.), преисполненныхъ самыхъ горячихъ похвалъ по поводу новаго открытія. Тѣмъ не менѣе, въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ на ряду съ Якоби поставлено и имя англичанина Спенсера, одновременно съ первымъ будто бы трудившагося надъ рѣшеніемъ одной и той же задачи.

Въ 1840 г., по повелѣнію Императора Николая I, привилегія на изобрѣтеніе Якоби была куплена на государственныя средства за 25,000 руб., „для всеобщаго обнародованія на пользу всей имперіи, а если угодно, то и для пользы всего свѣта“.

Морицъ-Германъ Якоби родился 9 сентября 1801 года въ Потсдамѣ въ высокообразованной купеческой семьѣ. Отецъ былъ личнымъ банкиромъ прусскаго короля Фридриха-Вильгельма. Первоначальное образованіе получилъ въ мѣстной гимназіи и затѣмъ поступилъ сначала въ Берлинскій, а затѣмъ въ Геттингенскій университетъ, гдѣ и окончилъ курсъ съ званіемъ доктора философіи. Въ 1835 году, по рекомендаціи Вера, Якоби былъ приглашенъ въ Дерптскій университетъ на кафедру гражданскихъ построекъ. Здѣсь онъ вполнѣ отдался давно занимавшему его вопросу о примѣненіи къ двигателямъ электрической силы

*) Вотъ подлинный текстъ письма: „Erlaube mir anbei ein galvanisches Kunstproduct zu überreichen mit der ganz ergebensten Bitte, es hochgeneigtest der Academie praesentiren zu wollen, als Beweis, dass der Galvanismus nicht nur im Stande ist Maschinen in Bewegung zu setzen, sondern dass er auch seine ästhetische oder vielmehr artistische Seite hat. Was den vielfachsten Bemühungen der Kupferstecher-Kunst nicht gelungen ist, Metallplatten en relief zu graviren, das hat das stille Walten der Natur in höchster Vollendung zu vollbringen gewünscht“.

и въ 1837 г. устроилъ электро-магнитный двигатель. Объ этомъ было доложено Государю. Онъ весьма заинтересовался новымъ изобрѣтеніемъ и велѣлъ образовать комиссію для разсмотрѣнія вопроса, не можетъ ли новый двигатель быть примѣненъ къ потребностямъ флота. Переѣхавъ въ Петербургъ, гдѣ ему было предложено мѣсто адъюнкта по прикладной механикѣ и теоріи машинъ при академіи наукъ, онъ съ академикомъ Ленцемъ построилъ въ 1839 г. первый судовой двигатель. Опытъ былъ произведенъ на Невѣ съ лодкой, вмѣщавшей 14 пассажировъ. Другой подобный же двигатель былъ приспособленъ для движенія по рельсамъ. Вмѣстѣ съ этимъ Якоби и Ленцъ открыли законы электромагнитовъ—установили общую теорію подобнаго рода машинъ, показавшую, что всѣ извѣстные въ то время гальваническіе элементы обходились слишкомъ дорого, чтобы можно было возлагать на нихъ какія-либо серьезныя надежды. Затѣмъ Якоби много занимался электро-телеграфіей, измѣреніемъ сопротивленій, при помощи имъ самимъ устроеннаго прибора (ртутный анометръ), и рѣшеніемъ многихъ практическихъ вопросовъ, болѣею частью по высочайшему повелѣнію. Императоръ Николай Павловичъ оказывалъ Якоби особое вниманіе и лично посѣщалъ даже его публичныя лекціи, читанныя имъ у себя на квартирѣ для офицеровъ миноваго и гальванернаго дѣла.

Въ 1840 г. Якоби издалъ на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ свое сочиненіе по гальванопластикѣ, составляющее въ настоящее время библиографическую рѣдкость. Первоначально это сочиненіе было напечатано въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* въ видѣ приложенія. Разныя модели и гальванопластическіе снимки самого Якоби хранятся въ петербургскихъ музеяхъ. Довольно полная коллекція этихъ издѣлій находится въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

Умеръ Якоби 27 февраля 1874 г. Послѣ него осталось много неизданныхъ рукописей, писемъ и т. п. дѣльныхъ для исторіи гальванопластики матеріаловъ.

Считая открытіе гальванопластики однимъ изъ важнѣйшихъ событій въ области прикладныхъ знаній, русское техническое общество устроило въ мартѣ текущаго года гальванопластическую выставку, на которой, конечно, видное мѣсто заняли сохранившіяся издѣлія самого Якоби, неизданныя рукописи, относящіяся до гальванопластики, и его обширная переписка со многими выдающимися дѣятелями въ области науки и литературы. Очеркъ г. Ильина составленъ на основаніи этихъ матеріаловъ, представленнхъ въ его распоряженіе сыномъ изобрѣтателя гальванопластики, оберъ-прокуроромъ правительствующаго сената Николаемъ Борисовичемъ Якоби. Книжка г. Ильина составлена очень обстоятельно. Она заключаетъ въ себѣ біографію, исторію открытія гальванопластики, извлеченіе изъ руководства Якоби и списокъ его печатныхъ трудовъ и личныхъ издѣлій.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

„По Крыму“. С. Филиппова. — „По блгу свѣту“. Гр. Мачета. — „Путешествіе на Алтай и за Саяны“. А. П. Адрианова.

По Крыму. С. Филиппова. Москва, 1889 г. Цѣна 1 р. 50 к. Въ живыхъ очеркахъ г. Филиппова читатель найдетъ не мало интересныхъ свѣдѣній, а путешественникъ по Крыму встрѣтитъ много полезныхъ указаній. Авторъ начинаетъ свой разсказъ съ Одессы. Всѣ за-

мѣстительныя мѣста Крыма описаны имъ болѣе или менѣе подробно, не въ смыслѣ путеводаителя, необходимость въ которомъ книгою г. Филиппова не устраняется: Ярко рисуется въ этой книгѣ наша небрежность, отсутствіе энергіи и почина, воспитанныя вѣками административныхъ впечатлѣній о лишенномъ своей воли обывателѣ. Только хищники широко раскинулись по богатому краю, красота котораго вдохновляла лучшихъ нашихъ поэтовъ. Поучительна въ этомъ отношеніи, напримеръ, глава о Сакскихъ грязяхъ. Г. Филипповъ передаетъ нѣкоторые изъ характерныхъ случаевъ во время Севастопольской осады. Такъ, онъ передаетъ, что Георгіевскій монастырь строго оберегался французскими солдатами. И въ это время духовенство молилось въ немъ о покореніи врага и супостата. Когда турецкій главнокомандующій прѣхалъ въ монастырь съ своею свитой и хотѣлъ войти въ храмъ въ фескѣ, французскіе часовые скрестили передъ нимъ ружья, и Омеръ-паша долженъ былъ снять феску.

По бѣлу свѣту. Григорія Мачтета. Москва, 1889 г. Ц. 1 р. 50 к. Авторъ собралъ въ этой красиво-изданной книжкѣ очерки и рассказы, которые были имъ напечатаны еще въ семидесятыхъ годахъ (только рассказъ *Два міра* появился первоначально въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* въ недавнее время). Г. Мачтетъ назвалъ свой сборникъ очерками американской жизни; но въ немъ есть сценъ и цѣлыя главы (*Германія* и *Съ эмигрантами*), не входящія въ эту раму. Впрочемъ, главное содержаніе книги составляетъ изображеніе любопытныхъ и поучительныхъ для русскаго читателя особенностей жизни въ разныхъ мѣстностяхъ великой заатлантической республики. Рассказъ автора сохранилъ достоинство и недостатки юношескаго изложенія. Можно указать на неровности и преувеличенія на нѣкоторыхъ страницахъ сборника, но нельзя не отмѣтить горячей гуманности, которою пронизана книга. Авторъ увлекается самъ, описывая демократическій судъ въ небольшомъ американскомъ городкѣ, гдѣ, въ качествѣ подсудимаго, явился русскій, нечаянно убившій своего товарища. Простота, съ которой происходилъ этотъ судъ, гласный и открытый, рельефно отмѣняетъ значеніе правосудія въ странѣ самоуправленія (*Два міра*). Любопытны свѣдѣнія объ американскихъ спиритахъ, сообщаемыя г. Мачтетомъ. Это глупое и модное болѣзненное нервное разстройство довольно широко распространено на Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и искусно эксплуатируется ловкими людьми.

Путешествіе на Алтай и за Саяны, совершенное лѣтомъ 1883 г. по порученію Императорскаго географическаго общества и его западно-сибирскаго отдѣла членомъ-сотрудникомъ А. П. Адриановымъ. Предварительный отчетъ. Омскъ, 1888 г. При изслѣдованіи мало извѣстныхъ мѣстностей, къ которымъ несомнѣнно слѣдуетъ причислить Алтайскій край, могутъ быть полезными публикаціи совершенно сырыхъ записей, сдѣланныхъ во время путешествія; къ такимъ сырымъ, неразработаннымъ записямъ приходится отнести и „предварительный отчетъ“ г. Адрианова. Въ отчетѣ найдутся любопытныя мѣста для геолога, ботаника, зоолога, этнографа и для лицъ, занимающихся хозяйственною статистикою. Большая часть собраннаго г. Адриановымъ матеріала должна поступить въ распоряженіе географическаго общества, а 19 почвенныхъ образцовъ пересланы г. Докучаеву. Сравнительно наиболѣе обстоятельно описаны въ отчетѣ курганныя раскопки, произведенныя г. Адриановымъ близъ Минусинска.

СТАТИСТИКА.

„Опытъ разработки статистическихъ данныхъ о смертности въ Россіи“. Н. Эйка. —
„Евгеневская волость, Тираспольскаго уѣзда, Херсонской губ.“.

Опытъ разработки статистическихъ данныхъ о смертности въ Россіи. Николая Эйка. Спб., 1888 г. Года три тому назадъ докторъ Эйка представилъ одному изъ нашихъ медицинскихъ обществъ докладъ, въ которомъ указывалъ на громадную смертность русскаго народа, и, какъ перваго условія благоустроеннаго существованія въ настоящемъ и возможнаго прогресса въ будущемъ, требовалъ немедленнаго очищенія Россіи отъ той грязи, какую она копала въ теченіи столѣтій и которая считалась авторомъ главнымъ условіемъ ненормальной смертности населенія. Предложенія г. Эйка не отличались особенною практичностью, — въ нихъ было слишкомъ много наивной вѣры въ современное значеніе разума, въ большую практическую силу интеллигенціи и даже во всемогущество чиновничьихъ воздѣйствій, — но докладъ былъ написанъ горячо, поднятый вопросъ крайне важенъ и явравъ разсчитывать на постоянное вниманіе общества, требуетъ разработки и выясненія, а потому неудивительно, если мысль автора встрѣтила въ обществѣ сочувствіе и даже если при медицинскомъ департаментѣ официально образована коммиссія по вопросу объ уменьшеніи смертности въ Россіи. Настоящій трудъ автора тѣсно связанъ какъ съ упомянутымъ его докладомъ, такъ и съ существованіемъ коммиссіи: для того, чтобы проектировать какое-либо мѣропріятіе, тѣмъ болѣе, если нужно начинать дѣло съ мѣстностей, выдающихся по развитію смертности, необходимо основательно ознакомиться съ размѣрами и формами зла, подлежащаго устраненію, для чего, прежде всего, требуется разработка ижѣющагося матеріала. Такую разработку взялъ на себя д-ръ Эйка и названный его трудъ, представляющій на соисканіе степени доктора медицины, составляетъ лишь первый выпускъ обширнаго изслѣдованія.

Задачей автора на первый разъ было представить общую картину смертности въ Россіи сравнительно со смертностью другихъ европейскихъ государствъ. Но, чтобы судить о смертности, нужно имѣть цифру населенія страны, которая всюду добывается переписями; у насъ переписи не было уже 30 лѣтъ, да и въ прежнія времена перепись преслѣдовала исключительно фискальныя цѣли. Данные о населеніи въ настоящее время собираются разнообразными путями, и первый вопросъ, подлежащій рѣшенію автора, это — насколько цѣлесообразны эти пути, насколько вѣрны наши официальные цифры о населеніи Россіи, считаемыя самимъ правительствомъ за сомнительныя? Авторъ и задается этимъ вопросомъ, но, къ сожалѣнію, разрѣшаетъ его, главнымъ образомъ, на основаніи апріорныхъ разсужденій и очень недостаточныхъ сопоставленій практикуемыхъ цифръ съ данными, собранными завѣдомо надежными путями. Такое сопоставленіе для новѣйшаго времени онъ дѣлаетъ, наприм., лишь для 4-хъ волостей и совершенно игнорируетъ земскія подворныя переписи, охватившія около 100 уѣздовъ различныхъ полосъ Россіи и представляющія поэтому прекрасный способъ проверки официальныхъ данныхъ. Впрочемъ, д-ръ Эйка не игнорируетъ этихъ переписей, а просто не знаетъ ихъ, не подозреваетъ, какой кладъ заключенъ для него въ земско-статистическихъ изданіяхъ, важныхъ не только для того вопроса, о которомъ у насъ идетъ сейчасъ рѣчь, но и для многихъ другихъ, составляющихъ предметъ изслѣдованія автора.

Что авторъ незнакомъ съ названными матеріалами, видно изъ слѣдующаго, замѣченнаго на стр. 33 его труда. Воспользовавшись данными гг. Ершова и Бычкова, относящимися къ 4 волостямъ, г. Эгкъ замѣчаетъ: „Я не привожу здѣсь результатовъ *нѣкоторыхъ другихъ* переписей, уже исполненныхъ, наприм., въ уѣздахъ Елисаветградскомъ и Александрійскомъ, Херсонской губерніи, и *нѣкоторыхъ другихъ*, потому что не успѣлъ еще добыть изданія, гдѣ отпечатаны результаты этихъ переписей“. Еслибъ онъ зналъ, что эти *нѣкоторыя другія* значатъ больше 100 переписей, относящихся къ уѣздамъ 20 губерній сѣвера, юга, запада и востока, центровъ и окраинъ Россіи, мѣстностей черноземныхъ и нечерноземныхъ, населенія земледѣльческаго и промышленнаго, русскаго, татарскаго, чувашскаго, нѣмецкаго и т. д., и т. д.!

Мы сказали, что земскія подворныя переписи важны для работы д-ра Экка не только тѣмъ, что могутъ служить для провѣрки официальной цифры населенія, но и значеніемъ, какое онѣ имѣютъ для провѣрки работы самого автора. Дѣйствительно, за неизмѣнимъ многихъ, весьма важныхъ, данныхъ относительно населенія Россіи, г. Эгкъ долженъ былъ замѣнять ихъ вычисленными, исходя изъ другихъ данныхъ или пользуясь формулами вычисленія, предложенными различными авторами. Въ томъ и другомъ случаѣ весьма важно провѣрить полученные гипотетическіе результаты съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла, и земскія подворныя переписи представляютъ случай такой провѣрки, — случай тѣмъ болѣе интересный, что и земскія статистики задаются вопросами, интересующими автора, и въ свою очередь производятъ различные вычисленія и сопоставленія. Г. Эгкъ, напримѣръ, желая знать процентъ смертности по возрастамъ и не имѣя дѣйствительнаго распредѣленія населенія Россіи по возрастамъ, обратился къ даннымъ о возрастномъ составѣ населенія, вычисленномъ математиками, и на такомъ основаніи построилъ сравненіе смертности различныхъ возрастовъ Россіи и Англіи. Еслибъ авторъ обратился къ земскимъ переписямъ, онъ нашелъ бы въ нихъ распредѣленіе населенія по возрастамъ, въ большинствѣ случаевъ, правда, очень крупными группами, но въ нѣкоторыхъ изданіяхъ довольно детальное и, во всякомъ случаѣ, способное служить для провѣрки вычисленныхъ цифръ. Познакомившись съ названными изданіями, авторъ, можетъ быть, совершенно иначе отнесся бы къ самымъ приемамъ, принятымъ имъ для опредѣленія возрастнаго состава населенія, — приемамъ, основаннымъ на предположеніи, что „отношеніе числа женщинъ къ числу мужчинъ въ составѣ даннаго населенія есть явленіе крайне устойчивое“ (стр. 62). Сравненіе полового состава населенія нѣкоторыхъ уѣздовъ (наприм., Хвалынскаго, Саратовской губ.) показываетъ, что за 30 лѣтъ, прошедшихъ со времени послѣдней ревизіи, мѣстами въ этомъ отношеніи произошли значительныя измѣненія, въ особенности среди инородцевъ, гдѣ преобладаніе въ численности со стороны женщинъ перешло на сторону мужчинъ.

Несмотря на критическія замѣчанія, сдѣланныя нами на трудъ г. Экка, мы не можемъ, однако, иначе, какъ сочувственно, отнестись къ намѣреніямъ автора изучить вопросъ о смертности русскаго населенія. Каковы бы ни были цифры, надъ которыми оперируетъ авторъ, онѣ, все-таки, принадлежатъ къ числу наиболѣе надежныхъ данныхъ нашей официальной статистики, и въ крупныхъ итогахъ, конечно, способны дать общее освѣщеніе вопроса. Поэтому мы съ большимъ интересомъ будемъ ждать втораго выпуска труда г. Экка, въ которомъ онъ обѣщаетъ сопоставить поуѣдно коэффициентъ смертности съ 22 бытовыми

условіями: съ величиною надѣла, плотностью населенія, его приростомъ, родомъ занятій и т. д. Будемъ надѣяться, что попытка г. Эека составляетъ только начало работъ подобнаго рода, что наши молодые врачидиссертанты обратятся, наконецъ, къ богатому матеріалу правительственной и земской статистики и разработаютъ его съ цѣлью выяснитъ отношеніе между различными условіями быта населенія и состояніемъ его здоровья. Мы увѣрены, что такое выясненіе послужитъ къ значительному измѣненію взглядовъ врачей на задачи санитарной дѣятельности въ массѣ русскаго народа и, во всякомъ случаѣ, оно способно только двинуть впередъ дѣло оздоровленія нашей страны.

Евгеньевская волость, Тираспольскаго уѣзда, Херсонской губерніи. Херсонъ, 1888 г. Статистическое бюро при херсонской губернской земской управѣ организовано губернскимъ земствомъ для оцѣночнаго описанія губерніи, т.-е. для характеристики всѣхъ земельныхъ имуществъ области въ отношеніи сельско-хозяйственнаго производства и его доходности, какъ основанія для обложенія земли налогомъ. Такое описаніе обыкновенно совершается безъ помощи подворной переписи, и если, несмотря на это, изъ трехъ уже изслѣдованныхъ уѣздовъ Херсонской губерніи два были изучены не только въ оцѣночномъ отношеніи, а и съ примѣненіемъ подворной переписи, то это потому, что послѣдняя была взята на счетъ уѣзднаго земства, хотя производилась губернскимъ земско-статистическимъ бюро. Тираспольскій уѣздъ подвергнется исключительно оцѣночному описанію, но для „болѣе точнаго установленія хозяйственно-экономическихъ отношеній населенія“ бюро произвело подворное изслѣдованіе двухъ волостей уѣзда, а разработка собраннаго такимъ образомъ матеріала дала трудъ, названный въ заголовкѣ рецензіи. Мы не считаемъ удобнымъ производить оцѣнку работы херсонскаго земско-статистическаго бюро на такомъ небольшомъ изданіи, а подождемъ съ нею до тѣхъ поръ, пока въ наши руки попадетъ изслѣдованіе цѣлаго Александрійскаго уѣзда. Скажемъ только, что Евгеньевская волость, Тираспольскаго уѣзда, представляетъ то отличіе отъ другихъ мѣстностей уѣзда и, пожалуй, губерніи, что въ ней значительно развита эксплуатація земли такъ называемыми десятишницами—кочующимъ, безземельнымъ населеніемъ. Въ виду сказаннаго, а также потому, что въ изслѣдуемой мѣстности находятся три товарищества, купившія землю при помощи крестьянскаго банка, названный нами трудъ представляетъ значительный интересъ, несмотря на то, что это—только отрывокъ изъ обширнаго изслѣдованія, имѣющаго появиться впоследствии.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи“. — „Военно-юридическая академія“. Изд. *пр. Валюева*. — „Уставъ строительный“. — „Полный Сводъ Законовъ строительныхъ“.

Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи (обычное право, обряды, вѣрованія и проч.). Выпускъ I. Подъ редакціей Николая Харузина. Новое изданіе, предпринятое этнографическимъ отдѣломъ общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи, обращаетъ на себя, прежде всего, вниманіе *широкою* задачи, поставленной при изученіи быта крестьянскаго населенія Россіи. Въ *Сборникѣ* жизнь народная разсматривается не съ одной

какой-либо точки зрѣнія, но, наоборотъ, дѣлается нѣкоторая попытка представить эту жизнь во всѣхъ ея *многообразныхъ* проявленіяхъ — въ правѣ, вѣрованіяхъ, внѣшней обстановкѣ, обрядахъ и пр. Если это — цѣлая программа, а не случайность, то нельзя не пожелать ея укрѣпленія и развитія въ слѣдующихъ выпускахъ *Сборника*. Народная жизнь, по существу своему, отличается цѣльностью и полною почти *нераздельностью* элементовъ міросозерцанія. Отсюда и происходитъ, что все представляющееся въ развитомъ обществѣ расчлененнымъ, — какъ внѣшнее, такъ и внутреннее, — въ простомъ организмѣ народной жизни почти сливается воедино. Поэтому-то право здѣсь такъ близко къ морали, религиозныя вѣрованія — къ общему представленію о мірѣ и его законахъ, пѣсни и игры — къ особенностямъ быта и т. д., и т. д. Конечно, ученый, въ своихъ специальныхъ цѣляхъ, долженъ умѣть расчленять разнородное и слитое здѣсь близко въ слѣдствіе простоты отношеній. Онъ долженъ умѣть дѣлать отвлеченія, познавая элементы, наприм., юридической мысли въ данныхъ народной религіи и т. д. Но изученіе, особенно изученіе на мѣстѣ, должно касаться всего склада народной жизни, въ чемъ бы послѣдній ни выражался. Приятно, далѣе, особенно видѣть, какое вниманіе удѣлено *Сборникомъ* юридическимъ обычаямъ. Этнографія, широко и научно поставленная, никакъ не должна игнорировать этихъ обычаевъ, какъ матеріала, весьма важнаго для глубокаго, внутренняго пониманія основаній народнаго быта; безъ этихъ обычаевъ не только не будетъ полно научное познаніе религиозныхъ, экономическихъ и иныхъ особенностей народнаго міросозерцанія, но и бытовья свѣдѣнія получатъ слишкомъ описательный и внѣшній колоритъ.

Обращаясь къ помѣщеннымъ статьямъ, надо сказать, что наиболѣе обширною и обстоятельно является статья Н. Янчука: *По Минской губернии*, гдѣ передаются наблюденія автора и сообщаются пѣсни (нѣкоторыя — съ нотами) бѣлоруссовъ. Тепло написанная, статья эта, на нашъ взглядъ, имѣетъ одинъ недостатокъ: авторъ проявляетъ въ ней нѣкоторый, едва ли желательный въ ученомъ изслѣдованіи субъективизмъ, стремленіе морализировать и обобщать случайныя и едва ли особенно глубоко изслѣдованныя имъ явленія. Такъ, наприм., намъ не показались особенно убѣдительными выводы автора объ отношеніяхъ между различными народностями Бѣлоруссіи (стр. 201 сл.); излишними далѣе кажутся рассказы о разныхъ встрѣчахъ (стр. 210 сл. и др.) и впечатлѣніяхъ. Все это можно бы, безъ вреда для цѣнности матеріала, смѣло выпустить изъ статьи почтеннаго этнографа.

Изъ статей, касающихся народнаго юридическаго быта, въ *Сборникъ* помѣщены: ст. П. Богаевского — *О семьѣ сарапульскихъ крестьянъ*, В. Кандинскаго — *О наказаніяхъ по ршненіямъ волостныхъ судовъ Московской губ.*, А. Паппе — *О доказательствахъ на волостныхъ судахъ*, П. Астрова — *Объ участіи сверхъестественной силы въ народномъ судопроизводствѣ крестьянъ Елатомскаго уѣзда*. Если къ этимъ статьямъ мы присоединимъ статью редактора *Сборника*, Н. Харузина, посвященную различнымъ вѣрованіямъ крестьянъ Пудожскаго уѣзда, то у насъ получится цѣлый циклъ статей, если не одинаковыхъ вполнѣ по внутреннему своему достоинству, то равно интересныхъ по содержанию. Въ этихъ статьяхъ есть, однако, *нѣчто* имъ всѣмъ *общее*: это все работы студентовъ-юристовъ Московскаго университета. Горячо привѣтствуемъ первые шаги молодыхъ работниковъ и искренно радуемся, что у нихъ отъ научныхъ занятій нашелся досугъ, чтобы придти въ непосредственное соприкосновеніе съ народною жизнью и мыслью. Отраднѣе

видѣть, что среди молодежи великой нашей *almae matris* живетъ и крѣпнетъ интересъ къ сѣрой крестьянской Россіи. Нельзя не сказать добраго слова и о почтенномъ обществѣ любителей ест., антр. и этн., которое уже давно поставило одною изъ своихъ высокихъ задачъ—привлечь къ работѣ молодая русскія силы. Ихъ, несомнѣнно, много у насъ. Надо желать, чтобы больше и больше было у насъ учреждений, имѣющихъ возможность соединять эти силы вмѣстѣ для разумной работы...

Изъ остальныхъ статей *Сборника* интересна, несмотря на избитость темы, статья А. П. Звонкова—*Современный бракъ и свадьба крестьянъ Елатомскаго уѣзда*. Новы по содержанію статьи: покойнаго В. И. Кельсиева—*Петербургскія балаганныя прибаутки* и В. И. Аршинова—*О народномъ леченіи въ Казанскомъ уѣздѣ*. Очень бы было желательно появленіе другихъ матеріаловъ по тѣмъ же вопросамъ. Изъ остальныхъ статей уважемъ: С. Я. Дерунова—*Изъ русской народной космогоніи* и В. Тиханова—*Описание оптическихъ игрушки и игры Саратумскаго уѣзда*.

Желаемъ искренно новому изданію наибольшаго распространенія и дальнѣйшаго быстрого роста.

Военно-юридическая академія. Особенная часть русскаго уголовного права. Выпускъ первый. Посягательства на личность. Изд. поручика гр. Валуева. Нельзя не привѣтствовать настоящаго изданія: оно пополняетъ собою замѣтный пробѣлъ въ литературѣ по особенной части русскаго уголовного права. Это изданіе представляетъ собою обзорнѣе нынѣ дѣйствующаго законодательства и извлечено изъ объясненій къ проекту новаго уголовного уложенія, составленному редакціонною комиссіей, состоящею, какъ извѣстно, изъ гг. Фриша, Неклюдова, Розина, Таганцева, Случевского, Фойницкаго и бар. Нольде.

Происхожденіе разбираемой нами книги уже указываетъ на ея высокій интересъ: она есть плодъ коллективной работы извѣстныхъ русскіхъ юристовъ и часть, такъ сказать, законодательной. Къ сожалѣнію, надо признаться, что изданія разныхъ правительственныхъ комиссій и учреждений у насъ обыкновенно остаются для общества непроницаемою тайной и о подобныхъ дѣльныхъ трудахъ приходится узнавать лишь случайно, изъ какой-нибудь коротенькой статейки счастливица, въ руки котораго попалась такая работа; въ продажѣ же эти труды не появляются. Между тѣмъ, они чрезвычайно полезны и дѣльны. Отсюда выходитъ такой курьезъ: русскій ученый болѣе знаетъ о всѣхъ стадіяхъ законодательныхъ работъ другихъ странъ, чѣмъ своего отечества; а профессоръ тюремовѣдѣнія, напримѣръ, въ состояніи дать самыя точныя и полныя указанія о положеніи западноевропейскихъ тюремъ, о русскихъ же можетъ сообщить слушателямъ лишь общія мѣста (отчеты по тюремному вѣдомству также не пускаются въ продажу).

Весь I-й выпускъ разбитъ на восемь главъ, охватывающихъ собою всѣ постановленія о посягательствахъ на личность. Вотъ о чемъ въ этихъ главахъ идетъ рѣчь. Въ первой говорится о лишеніи жизни—умышленномъ и неосторожномъ—и объ умерщвленіи плода, причемъ довольно подробно излагается объ умышленномъ убійствѣ простомъ, съ отягчающими и уменьшающими вину обстоятельствами, и объ особыхъ видахъ убійства. Затѣмъ идетъ обзорнѣе постановленій о тѣлесныхъ поврежденіяхъ—умышленныхъ (простыхъ, квалифицированныхъ и привилегированныхъ) и неосторожныхъ. Третья и четвертая главы отведены поединку и оставленію безъ помощи. Далѣе разсматриваются пре-

ступленія противъ личной свободы, т. е. лишенія свободы, пренаужденіе, угроза и вторженіе. Въ шестой главѣ трактуется о разнаго рода непотребствѣ, седьмая посвящена оскорбленіямъ (обида и опозореніе, подрывъ довѣрія) и, наконецъ, послѣдняя—оглашенію тайнъ Дѣленіе на главы вполнѣ соответствуетъ рубрикамъ проекта, а такъ какъ этотъ проектъ несравненно систематичнѣе и проще нынѣ дѣйствующаго *Уложения*, то и обзорнѣе постановленій *Уложения*, относящихся къ однороднымъ посягательствамъ, но разбросанныхъ въ немъ по разнымъ „раздѣламъ“ и „главамъ“, значительно облегчено.

Объяснительная записка редакціонной комиссіи вошла въ изданіе не цѣликомъ, а черепечатаны изъ нея лишь тѣ мѣста, которыя имѣютъ цѣлью ознакомить читателя съ содержаніемъ и критикою *Уложения* и *Устава о наказаніяхъ*; впрочемъ, это критическое изложеніе нерѣдко дополняется данными изъ исторіи русскаго уголовного положительнаго права, что въ сильной степени является полезнымъ при толкованіи той или другой статьи закона. Кромѣ того, въ изданіи содержатся указанія какъ на литературу, такъ и на иностранныя законодательства, а равно приводятся и кассационныя рѣшенія.

Такимъ образомъ, опубликованіе работъ комиссіи можетъ сослужить большую службу и юристамъ-практикамъ, и теорикамъ, въ особенности студентамъ, которые въ настоящее время поставлены въ довольно затруднительное положеніе: экзамены въ государственной комиссіи приближаются, а подходящаго руководства къ изученію особенной части уголовного права—нѣтъ. Остается пожелать поэтому дальнѣйшихъ выпусковъ настоящаго изданія, которое имѣетъ еще и то достоинство, что въ немъ приняты въ расчетъ всѣ новѣйшія измѣненія статей закона, именно измѣненія, происшедшія по 12 іюня 1886 года включительно.

Уставъ строительный Св. Зак. т. XII, ч. I, изд. 1857 г. Измѣненный и дополненный по продолженіямъ 1886 г. (свободному) и 1887 г. (очередному), со включеніемъ разъясненій, извлеченныхъ изъ циркуляровъ и др. правительственныхъ распоряженій, изъ рѣшеній кас. деп. правительствующаго сената и изъ статей другихъ томовъ Свода Законовъ, относящихся къ Уставу строительному. Издадіе книжн. магазина Бирюковыхъ. Харьковъ, 1888 г. Ц. 2 р. Цѣль этого изданія—сгруппировать дѣйствующія законоположенія и распоряженія правительства по строительной части и тѣмъ доставить возможность учрежденіямъ административнымъ, городскимъ, земскимъ и сельскимъ, а также и частнымъ лицамъ имѣть подъ руками полно, въ систематическомъ порядкѣ расположенное руководство къ примѣненію правилъ строительныхъ, которыя, какъ по существу своему, такъ и вслѣдствіе постепеннаго усовершенствованія строительнаго искусства, подвергаются весьма частымъ измѣненіямъ. Для облегченія справокъ, *Уставъ строительный* снабженъ подробнымъ оглавленіемъ и двумя указателями: хронологическимъ—узаконеній, рѣшеній и разъясненій правительствующаго сената, циркуляровъ и другихъ распоряженій правительства, и алфавитнымъ—предметовъ и содержанія. Изъ тяжеловѣснаго предисловія и не менѣе тяжеловѣснаго заглавія видно, что издатели не забылись особенно о формѣ изложенія, считая, вѣроятно, неуклюжій языкъ необходимою принадлежностью всякаго изданія, трактующаго о какихъ-либо законахъ. Тѣмъ не менѣе, книжна въ смыслѣ полноты и новизны содержанія обработана старательно и съ вѣрной стороны изданіе вполнѣ опротно.

Полный Сводъ Законовъ строительныхъ Россійской имперіи. Законы и правила Строительнаго устава, съ приложеніемъ Устава о наказаніяхъ и отвѣтственности за нарушение строительныхъ правилъ, какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ. Составленъ по правительственному изданію со всѣми новѣйшими послѣдними измѣненіями и дополненіями подъ редакціей Е. Краснопѣвцева. Москва, 1888 г. Ц. 1 р. 35 к. Книжка г. Краснопѣвцева во всѣхъ отношеніяхъ хуже изданія гг. Бирюковыхъ. Г. Краснопѣвцевъ не пользовался новѣйшими источниками и потому перепечаталъ много статей уже отмѣненныхъ, какъ это ясно видно изъ сличенія обонхъ этихъ изданій. Уже на первыхъ страницахъ происходитъ существенное разнорѣчіе между этими двумя изданіями. Такъ, наприм., въ примѣчаніи къ статьѣ I (стр. 1, изданіе гг. Бирюковыхъ) приложена статья 1197, а у г. Краснопѣвцева указана лишь статья 1200, прим. 2 по прод. (учрежденіе мипистерствъ). Статьи 2 и 3 (стр. 3) у гг. Бирюковыхъ замѣнены правилами, изложенными въ ст. I, а у г. Краснопѣвцева онѣ вошли въ статью первую. У гг. Бирюковыхъ статьи 13 (стр. 4) и 57 (стр. 9) отмѣнены, а у г. Краснопѣвцева обѣ онѣ воспроизведены дословно. Полагаемъ, что существенное различіе и не въ пользу г. Краснопѣвцева, который совершенно напрасно увѣряетъ, что изданный подъ его редакціей *Полный Сводъ Законовъ Россійской имперіи* составленъ якобы „со всѣми новѣйшими послѣдними измѣненіями и дополненіями“. Изданіе гг. Бирюковыхъ краснорѣчиво опровергаетъ всѣ похвалбы г. Краснопѣвцева, оказавшагося не на высотѣ принятой на себя задачи.

М Е Д И Ц И Н А.

„Гигіена“. А. Доброславина.

Гигіена. Курсъ общественнаго здравоохраненія. А. Доброславинъ. Часть I. Изд. 2-е. Спб., 1889 г. Первое изданіе курса общественной гигиены А. П. Доброславина, ординарнаго профессора Императорской военно-медицинской академіи, вышедшее въ 1882 году, имѣло большой успѣхъ и возбудило сочувствіе къ ознакомленію съ разнообразными вопросами общественнаго здравоохраненія, какъ принято, не со всѣмъ удачно, называть гигиену въ настоящее время. Новое изданіе является значительно исправленнымъ и дополненнымъ множествомъ новѣйшихъ изслѣдованій, а равно снабжено массою отчетливо выполненныхъ рисунковъ. Съ ви́шней стороны, какъ всѣ изданія петербургской фирмы К. Риккера, книга (болѣе 34 печатныхъ листовъ) не оставляетъ желать ничего лучшаго: прекрасная бумага, четкій шрифтъ и сравнительно недорогая цѣна (3 руб.).

Содержаніе перваго тома, не считая введенія и вступительной лекціи, читанной 19 ноября 1871 года, распадается на 22 главы. Въ первыхъ 16 главахъ излагаются свойства воздуха, условия распространенія воздухомъ заразныхъ болѣзней, способы изслѣдованія, основы отопленія и вентиляціи жилыхъ помѣщеній и т. д. Слѣдующія три главы посвящены одеждѣ, гигиеническимъ условіямъ городской жизни, вопросамъ школьной гигиены, а въ остальныхъ трехъ главахъ разсматриваются санитарныя и общественныя требованія устройства госпиталей, домовъ для рабочихъ и казармъ для войскъ, а также гигиеническія условія лагернаго расположенія войскъ.

Нѣкоторые взгляды уважаемаго гигиениста, излагаемые въ вступительной части и въ введеніи, представляютъ весьма рѣзкую противоположность съ выводами, наприм., проф. Эрисмана и во многихъ отношеніяхъ съ ними едва ли можно согласиться. Проф. Доброславинъ и во второмъ изданіи своего учебника, попрежнему, настойчиво указываетъ, что въ ближайшемъ будущемъ едва ли возможнымъ окажется поддерживать „несовмѣстную связь изученія гигиены съ медициною и считать первую медицинскимъ отдѣломъ знаній“. Для идеально-полнаго образованія специалиста по гигиенѣ необходимо изученіе такого количества предметовъ, что совмѣстить все это съ изученіемъ не меньшей массы предметовъ медицинской области знаній, по словамъ проф. Доброславина, нѣтъ никакой возможности. Помимо общихъ основныхъ наукъ (анатомія, физиологія, физиологическая химія, общая патологія), для изученія здороваго человѣка и внѣшней среды, его окружающей, требуется множество другихъ отраслей знаній: антропологія и антропометрія, животная механика, медицинская географія, климатологія и т. д., знакомство съ архитектурой и инженернымъ искусствомъ, технология пищевыхъ веществъ, отчасти сельское хозяйство. Кромѣ того, знакомство съ условиями наиболѣе цѣлесообразнаго скопленія запасовъ не можетъ быть приобретено безъ достаточнаго знакомства съ основами политической экономіи, ибо „ни одна гигиеническая мѣра не будетъ приносить пользы, если она встанетъ въ противорѣчіе съ законами политической экономіи“. Наконецъ, охраненіе какъ цѣлости, такъ и доброкачественности этихъ запасовъ обуславливаетъ изученіе тѣхъ *юридическихъ* основаній общественнаго строя, которыми слѣдуетъ руководствоваться для достиженія того, что вызываетъ необходимость существованія медицинской полиціи. „Здравоохранный персоналъ, — заключаетъ отсюда проф. Доброславинъ, — долженъ быть строго отдѣленъ отъ врачебнаго и нѣтъ безусловной надобности для прочнаго гигиеническаго образованія быть медикомъ“. Съ этимъ выводомъ мы лично никакъ не можемъ согласиться, да и самъ авторъ замѣчаетъ тутъ же, что „лучшимъ гигиенистомъ могъ бы быть, соотвѣтственно пополнивъ свое образованіе, врачъ“. Что же касается оговорки, что *могутъ быть* гигиенистами лица, не получившія предварительной медицинской подготовки, то она, по нашему мнѣнію, не служитъ подтвержденіемъ принципиальнаго взгляда относительно „несовременности и непрактичности“ включенія гигиены въ курсъ медицинскихъ наукъ. Дѣйствительно, насколько всякому врачу необходима гигиена, настолько же для серьезныхъ научныхъ гигиеническихъ изслѣдованій крайне важно подготовительное медицинское образованіе. Въ сущности, все дѣло сводится къ недоразумѣнію и спору изъ-за условнаго толкованія житейскихъ понятій: иное дѣло гигиеническая подготовка санитарнаго агента для практической дѣятельности, иное дѣло широкое медицинское образованіе научнаго дѣятеля въ области теоретической гигиены. Это недоразумѣніе подтверждается ссылкой проф. Доброславина на Англію, гдѣ „хотя за специалистами по гигиенѣ сохранены медицинскія названія — *medical officer*, однако, строй врачебный въ странѣ строго отдѣленъ отъ строя здравоохранительнаго“. Безъ медицинскаго образованія можно, разумѣется, быть санитарнымъ агентомъ и даже гигиенистомъ, но нельзя уловить въ гигиенѣ того, какъ выразился проф. Эрисманъ въ своей вступительной лекціи къ курсу гигиены, что „называется философійю предмета и что составляетъ ея суть“. Въ названной лекціи, въ свое время помѣщенной на страницахъ *Русской Мысли*, подробно указывается неправильность вывода о мнимой

„несовѣстности“ связи изученія гигиены съ медициною, а потому мы считаемъ излишнимъ распространяться на ту же тему.

Впрочемъ, указанное разногласіе во взглядахъ на задачи, предѣлы и положеніе гигиены среди другихъ отраслей знаній ничуть не умаляетъ достоинствъ учебника проф. Доброславина. Къ числу этихъ достоинствъ, въ особенности, слѣдуетъ отнести то, что, на ряду съ изложеніемъ общихъ гигиеническихъ положеній и экспериментальныхъ изслѣдованій, указываемыхъ и во всѣхъ другихъ учебникахъ, всюду обращается вниманіе на мелкія детальныя подробности практическаго примѣненія въ жизни тѣхъ или другихъ научныхъ данныхъ, какъ, наприм., по дезинфекціи и т. п. Замѣтимъ, однако, что изложеніе сильно затемняется громаднымъ числомъ собственныхъ именъ различныхъ русскихъ и заграничныхъ ученыхъ, цитируемыхъ въ текстѣ почти на каждой строчкѣ. Запоминаніе всѣхъ такихъ именъ, нерѣдко созвучныхъ (Павловскій, Шабловскій и т. п.), само собою ни для кого не обязательно, но, во всякомъ случаѣ, эта пестрота, которую можно было бы вполне избѣгнуть указаніемъ такой подавляющей массы второстепенныхъ ученыхъ въ скобкахъ или въ выноскахъ, служить въ ущербъ болѣе стойкому и легкому удержанію въ памяти самой сущности наблюдавшагося факта, часто имѣющаго лишь отдаленное практическое значеніе. Какъ бы то ни было, учебникъ петербургскаго гигиениста является весьма цѣннымъ приобрѣтеніемъ русской научной литературы, отличающагося отъ извѣстнаго, болѣе обширнаго курса проф. Эрисмана какъ по плану и характеру изложенія, такъ и по тому, что текстъ снабженъ массою рисунковъ, которыхъ вовсе не имѣется въ учебникѣ проф. Эрисмана. Въ настоящее время, слѣдовательно, не приходится уже, какъ было года три тому назадъ, жаловаться на отсутствіе въ Россіи хорошихъ, *цѣльныхъ*, умѣло систематизированныхъ учебниковъ по гигиенѣ. Относительно же вопроса, какой изъ двухъ названныхъ курсовъ наиболѣе пригоденъ для практическихъ цѣлей, трудно дать категорическій отвѣтъ, ибо и тотъ, и другой обладаютъ несоизмѣрными преимуществами, такъ что взаимно дополняютъ другъ друга, а потому оба должны были бы стать настоящими справочными книгами всякаго врача и каждаго общественнаго дѣятеля. Для массы же обычнаго уровня образованія читателей желательнѣе было бы имѣть болѣе сжатый и общедоступный курсъ общественной гигиены, какимъ является извѣстное нѣмецкое изданіе популярной гигиены г. Эрисмана, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не переведенной на русскій языкъ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Историческій обзоръ правительственныхъ мѣропріятій къ развитію сельскаго хозяйства въ Россіи“. Н. Пономарева. — „Бесѣды объ огородахъ“. Изд. И. О. Жиркова. — „Воздушное садоводство“. Н. Жуковскаго. — „Популярное наставленіе къ русскому плодоводству“. Э. Регеля. — „Протоколы Петровскаго общества изслѣдователей Астраханскаго края“. — „Двадцать лекцій агрономической химіи“. Г. Г. Густавсона. — „Садовый словарь“. П. Л. Волкешитейна.

Историческій обзоръ правительственныхъ мѣропріятій къ развитію сельскаго хозяйства въ Россіи отъ начала государства до настоящаго времени. Н. Пономарева. Спб., 1888 г. Сочиненіе г. Пономарева заслуживаетъ, прежде всего, вниманія по тому громаднѣйшему матеріалу правительственныхъ распоряженій о сельскомъ хозяйствѣ, какой у него собранъ, и, притомъ, собранъ по большей части изъ пер-

выхъ рукъ. Затѣмъ, широко понимаемая задача улучшенія сельскаго хозяйства дѣлаетъ книгу интересною и по внутреннему содержанию. Авторъ разсматриваетъ въ своемъ сочиненіи не только тѣ частныя вопросы о земледѣліи, скотоводствѣ, дѣсоводствѣ, огородничествѣ и т. п., какіе представляются особенно важными въ глазахъ узкаго спеціалиста—сельскаго хозяина, но и рядъ другихъ, болѣе широкихъ и общихъ (наприм., вопросъ о кредитѣ, техническихъ производствахъ и т. п.). Исходя изъ мысли, что усиленная опека надъ сельскимъ хозяйствомъ, господствовавшая какъ у насъ, такъ и на Западѣ до нынѣшняго столѣтія и регламентировавшая малѣйшее проявленіе народной дѣятельности, весьма стѣснила правильное развитіе этого сельскаго хозяйства, авторъ доказываетъ, что время такой опеки проходитъ безвозвратно и все болѣе и болѣе утверждается у насъ общая мысль, что сельское хозяйство не можетъ быть предметомъ управленія. Поэтому дѣятельность правительства по отношенію къ сельскому хозяйству должна ограничиваться лишь косвеннымъ участіемъ и заключаться, во-первыхъ, въ устраненіи причинъ, тормозящихъ развитіе сельскаго хозяйства, во-вторыхъ, въ распространеніи нужныхъ знаній и, въ-третьихъ, въ поддержаніи частной предпримчивости, проявляемой на поприщѣ сельско-хозяйственной дѣятельности. Въ виду, однако, громаднаго значенія въ Россіи сельскаго хозяйства, авторъ, повидимому, склоненъ на предоставленіе правительственной дѣятельности большаго простора, чѣмъ это признается доктриною, явившеюся, какъ реакція, на смѣну прежней, слишкомъ ужъ усердно настаивавшей на оупекѣ.

По самому свойству своей задачи, книга г. Пономарева имѣетъ справочный характеръ, — характеръ свода правительственныхъ мѣропріятій по сельскому хозяйству. Но такъ какъ сводъ этотъ сдѣланъ по большей части очень старательно и по первоисточникамъ, то его значеніе представляется важнымъ не только для сельскаго хозяина, но и для историка нашей культуры вообще. Наиболѣе блѣднымъ и неяснымъ является очеркъ, посвященный сельскому хозяйству до Петра Великаго. Мѣропріятія правительства въ XVIII в. и первой половинѣ XIX в. разсмотрѣны достаточно подробно и представляютъ не мало новаго матеріала, впервые вмѣстѣ сгруппированнаго. Послѣдняя треть книги посвящена правительственной дѣятельности отъ 19 февраля 1861 г. до настоящаго времени. Авторъ весьма основательно отдѣляетъ время съ момента великой крестьянской реформы отъ предшествующаго, такъ какъ 19 февраля положило рѣзкую грань между прежнимъ подневольнымъ хозяйствомъ крестьянина и теперешнимъ свободнымъ. Недостатокъ всей книги—отсутствие необходимыхъ обобщеній громаднаго собраннаго матеріала, недостатокъ особенно замѣтный, когда мы отъ давноминувшихъ временъ подходимъ къ живой современной дѣйствительности, гдѣ каждая мѣра въ ту или другую сторону тотчасъ даетъ себя ясно и опредѣленно чувствовать. Здѣсь мало поэтому свода однихъ только фактовъ, а нужно и обсужденіе ихъ внутренняго смысла.

Бесѣды объ огородѣ, для учащихся въ сельскихъ школахъ и грамотнаго народа. Съ 26 рисунками въ текстѣ, исполненными Е. Г. Аверкіевой. Изданіе И. Ѳ. Жиркова. Москва, 1889 г. Цѣна 25 коп. *Бесѣды объ огородѣ*, изданныя г. Жирковымъ, можно рекомендовать особому вниманію тѣхъ педагоговъ, которые мало знакомы съ огородничествомъ и не имѣютъ времени для систематическаго изученія основаній огородничества. Книжка написана ясно, толково и хотя не можетъ (по самой своей задачѣ) удовлетворить практическаго огород-

ника, но, во всякомъ случаѣ, можетъ натолкнуть вниманіе многихъ на крайне полезное, пріятное и здоровое занятіе. Нѣкоторыя замѣчанія, наприм., о сѣвооборотѣ въ огородахъ (стр. 10—12), о заготовкѣ огородныхъ работъ (стр. 98—104), окажутся несомнѣнно полезными и для опытныхъ хозяевъ. На нашъ взглядъ, есть въ книжкѣ кое-что и лишнее, наприм., попытки объяснить на двухъ страницахъ (8 и 9) процессы питанія растений, но и эти мѣста отнюдь не вредятъ общему пріятному впечатлѣнію, оставляемому книгой.

Низкая цѣна *Бестъдъ* (въ нихъ 108 страничекъ и 25 рисунковъ), конечно, будетъ выгоднымъ условіемъ для распространенія полезной книжки.

4. Воздушное садоводство. Практическіе совѣты о разведеніи фруктовыхъ деревьевъ и ягодныхъ кустарниковъ. Н. Жуковского. Изданіе Ф. Павленкова. Спб., 1889 г. Цѣна 60 коп. Первое заглавіе книжки г. Жуковского можетъ ввести публику въ недоумѣніе: многіе подумаютъ, что книжка трактуетъ о какихъ-нибудь хитрыхъ фокусахъ, а, между тѣмъ, въ ней содержится элементарное изложеніе правилъ простаго садоводства. Подобно *Бестдамъ* изданія г. Жиркова, *Садоводство* г. Жуковского окажется наиболѣе полезнымъ для сельскихъ учителей. Изложеніе сжатое и, въ то же время, совершенно общедоступное. Болѣе 70 рисунковъ служатъ важнымъ подспорьемъ къ тексту. Книжка не дорога, хотя относительно и не столь дешева, какъ *Бестды объ огородъ*.

Популярное наставленіе къ русскому плодоводству. Сочиненіе д-ра Э. Регеля. Изданіе второе, съ 31 политипажемъ. Спб., 1889 г. Изд. Риккера. Ц. 60 к. Г. Регель заслужилъ себѣ давно почетную извѣстность въ кругу русскихъ садоводовъ. *Наставленіе* является извлеченіемъ изъ *Русской помологи*, болѣе подробнаго сочиненія того же автора. Компетентность составителя, конечно, будетъ важною рекомендаціей и для популярнаго руководства; но жаль, что цѣна брошюры не соотвѣтствуетъ объему. Краткое руководство г. Регеля приспособлено къ климату сѣверной и средней Россіи и описываетъ только культуру яблони, груши, вишни и сливы.

Протоколы Петровскаго общества изслѣдователей Астраханскаго края. Астрахань, 1888 г. Нѣсколько поздно отмѣчаемъ мы выходъ въ свѣтъ этого изданія, которое заслуживаетъ вниманія, какъ попытка поднять интересъ къ разработкѣ мѣстнаго знанія въ нашемъ отечествѣ. И естественныя, и общественныя науки несомнѣнно нуждаются въ разнообразныхъ мѣстныхъ изслѣдованіяхъ, а систематизированію такихъ изслѣдованій должно помогать учрежденіе обществъ, подобныхъ Петровскому обществу изслѣдователей Астраханскаго края.

Петровское общество основалось еще въ 1874 г., но фактически дѣятельность его началась лишь съ 1886 года. Общество имѣетъ два отдѣленія: историко-этнографическое и естественно-историческое. Къ сожалѣнію, не всѣ подлинныя сообщенія напечатаны въ приложеніи къ протоколамъ засѣданій.

Двадцать лекцій агрономической химіи. Г. Г. Густавсона. Второе изданіе. М., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к. Прошелъ только годъ со времени выхода въ свѣтъ перваго изданія лекцій проф. Густавсона, и уже свазалась надобность во второмъ изданіи этой же книги; отсюда, кажется, можно заключить, что у насъ, наконецъ, укрьпился спросъ на серьезную агрономическую литературу. Приходится пожалѣть лишь о

томъ, что такъ рѣдко появляются у насъ учебныя книги, написанныя съ такимъ мастерствомъ, съ такою строгою обдуманностью.

Во второмъ изданіи исправлены немногочисленныя погрѣшности перваго изданія; затѣмъ приняты во вниманіе эксперименты и наблюденія послѣдняго времени (наприм., на стр. 43, 49, 54, 120, 173 и другихъ); наконецъ, въ видѣ приложенія, помѣщена не напечатанная при первомъ изданіи статья *О химической роли минеральныхъ солей въ органической природѣ* (рѣчь на актѣ въ Петровской академіи въ 1881 году).

Пониманіе химической стороны процессовъ, происходящихъ въ почвѣ, является существеннѣйшимъ результатомъ изученія курса, написаннаго проф. Густавсономъ.

Садовый словарь. Объясненіе словъ, употребляемыхъ въ садоводствѣ, и описаніе встрѣчаемыхъ въ садахъ растений, съ указаніемъ ухода за ними. Составилъ П. Л. Волкенштейнъ. Спб., 1889 г. Изд. Риккера. Цѣна 4 р. За отсутствіемъ на русскомъ языкѣ справочныхъ книгъ по садоводству, словарь г. Волкенштейна долженъ сдѣлаться настольною книгой для многихъ хозяевъ, интересующихся садоводствомъ. Можетъ быть, словарь слишкомъ обширенъ для русскаго практическаго садоводства, ибо содержитъ свѣдѣнія о весьма многихъ растеніяхъ, въ томъ числѣ о такихъ, которыя весьма рѣдко попадаютъ въ русскіе сады; съ другой стороны, отдѣлу, наиболѣе интересному для практиковъ, именно свѣдѣніямъ объ уходѣ, отведено слишкомъ мало мѣста по сравненію съ филологическими указаніями о происхожденіи названій. Но, во всякомъ случаѣ, *Словарь* г. Волкенштейна, какъ первый опытъ русскаго садоваго словаря, является капитальнымъ пріобрѣтеніемъ русской литературы; желательно, чтобы и полевому хозяйству Россіи посчастливилось поскорѣе найти своего г. Волкенштейна.

Всѣ иностранныя названія въ словарь г. Волкенштейна, кромѣ подлиннаго вида, приведены въ русской транскрипціи съ разстановкою удареній. Объемъ, тщательность и изящество изданія позволяютъ назвать его сравнительно недорогимъ.

ЯЗЫКОЗНАНІЕ.

„Демосеенъ“. Перев. Н. Виноградова. — „Рѣчи Цицерона противъ Катилины“. Перев. Д. И. Шрейдера. — „Эпиктетъ“. Перев. В. Алексеева.

Демосеенъ. Третья рѣчь противъ Филиппа Македонскаго. Переводъ со введеніемъ и примѣчаніями Николая Виноградова. М., 1889 г. Ц. 30 к. Г. Виноградовъ, преподаватель Виѳанской духовной семинаріи, извѣстный своими богословскими сочиненіями, пожелалъ послужить и классицизму. Но первый опытъ его въ этой области крайне неудаченъ. Книжка его принадлежитъ къ разряду обыкновенныхъ подстрочниковъ; переводъ сдѣланъ, по обычаю, безобразнымъ языкомъ, только еще съ прибавленіемъ кое-гдѣ церковныхъ выраженій (наприм., „стану говорить объ истинѣ съ дерзновеніемъ“, стр. 7). Въ греческомъ языкѣ г. Виноградовъ оказался очень не силенъ: грамматики онъ, по видимому, не знаетъ, такъ что, напримѣръ, ирреальную форму условія переводитъ вездѣ черезъ „если“, а отъ этого переводъ его, и безъ того мало понятный, становится въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно бессмысленнымъ; наприм., въ § 44: „Такимъ образомъ, они (аеніане) думали, что должно имъ заботиться о спасеніи всѣхъ эллиновъ; ибо у нихъ не было заботы о тѣхъ, кто буде въ Пелопоннесѣ, кого купили

или обезчестить, если только они не брали этого на себя". Очевидно, переводчикъ самъ не понималъ здѣсь подлинника, какъ не понималъ онъ его еще, наприм., въ § 33: „Смотрять на градъ, молясь, чтобы каждому не быть самому по себѣ отдѣльно (т.-е. быть защищеннымъ)“; здѣсь надо было сказать: „причемъ каждый молится, чтобы это (т.-е. вышеупомянутыя бѣдствія) не случилось“. Вотъ еще одно интересное мѣсто (§ 13): „Потомъ полагаете ли вы, что онъ предпочитаетъ скорѣе обманываетъ тѣхъ, которые не сдѣлали ему никакого зла, а остерегались, по всей вѣроятности, чтобы не потерпѣть отъ него—предпочтетъ скорѣе обманывать свхъ, чѣмъ сдавливать въ открытой борьбѣ, съ вами же будетъ воевать послѣ предварительнаго объявленія, и это до тѣхъ поръ, пока вы завѣдомо обманываетесь?“ Кажется, трудно понять смыслъ, не посмотрѣвши въ подлинникъ.

Что касается примѣчаній, то, по собственнымъ словамъ переводчика, они „составлены при помощи *Freund's Schüler - Bibliothek*. Но и въ нѣмецкомъ языкѣ онъ не особенно свѣдущъ, какъ видно изъ нѣвнаго перевода нѣкоторыхъ примѣчаній (наприм., въ § 33 онъ не понималъ объясненія къ вышеприведенному мѣсту или, по крайней мѣрѣ, не принималъ его во вниманіе при переводѣ).

Если такъ переводить преподаватель, вообразите, какъ же переводить его ученики!

Рѣчи Цицерона противъ Катилины. Подстрочный переводъ и слова. Пособіе для воспитанниковъ классическихъ гимназій и прогимназій. Переводъ Д. И. Шрейдера. Екатеринославъ, 1889 г. Ц. 40 коп. Имя г. Шрейдера уже извѣстно нашимъ читателямъ по нашему разбору его другаго труда—перевода *Антонины (Русск. Мысль 1888 г., кн. XII)*. Разбираемая нами книжка принадлежитъ къ разряду такъ называемыхъ „подстрочниковъ“. На какой языкѣ переводилъ г. Шрейдеръ Цицерона, трудно сказать: на русскій онъ мало похоже; это какой-то тарабарскій языкъ, который мѣстами даже трудно понять. Происходить это, между прочимъ, отъ того, что переводчикъ самъ во многихъ случаяхъ не понималъ текста. Такъ, наприм., совершенно бессмысленно передано мѣсто въ первой рѣчи, гл. 1, § 4: *An vero vir amplissimus etc.*, гдѣ полатыни стоятъ два независимыхъ предложенія, изъ которыхъ первое по-русски должно быть переведено придаточнымъ: „Или благороднѣйшій мужъ П. Сципіонъ, верховный жрецъ, какъ частный человекъ, убилъ Т. Гракха, посредственно (едва замѣтно) потрясшаго состояніе республики? Катилину же, помогающагося опустошить убійствомъ и пожарами весь земной шаръ, мы, консулы, терпимъ?“ Въ началѣ 3-й главы онъ не умѣлъ правильно перевести самаго простаго и обычнаго выраженія: *quid est, quod iam amplius exspectes*, передавая его такъ: „Что же это (значить), что ты еще болѣе ждешь“. Въ 4 гл. слова: *inter falsarios*, равняющіяся нашему „на Кузнецкой улицѣ“, онъ переводитъ буквально: „пришелъ между кузнецами“; что онъ разумѣлъ подъ этимъ—неизвѣстно.

Слова, выписанныя послѣ каждой главы, также представляютъ нѣчто удивительное. Многимъ изъ нихъ приданы такія формы и значенія, которыхъ они никогда не имѣли въ латинскомъ языкѣ: такъ, на стр. 5 мы находимъ: „*machino*—1=злоупотребляю“, тогда какъ существуетъ только форма *machinor*, и значить это слово—„замышляю“; на стр. 70: „*segrivix*=голова“ и т. д.

Какъ вознегодовалъ бы Цицеронъ, если бы увидѣлъ такое поруганіе своего произведенія!

Эпиктетъ. Основанія стоицизма. Съ греческаго перевелъ В. Алексѣевъ. Спб., 1888 г. Ц. 25 к. Г. Алексѣевъ уже извѣстенъ нашей публикѣ своими переводами Овидія, Циперона, Теофраста, Оукидида и Кебета. Небольшое сочиненіе, занимающее насъ теперь и содержащее въ себѣ ученіе Эпиктета, переведено имъ правильнымъ и легкимъ языкомъ, хотя и встрѣчается нѣсколько темныхъ мыслей и непонятныхъ для неспеціалистовъ словъ (наприм., пентатль, стр. 9), которыя переводчикъ долженъ бы былъ объяснить въ примѣчаніяхъ. Заглавіе книжки—*Основанія стоицизма*—не совсемъ точно: по-гречески она называется *egcheridion* (руководство); правильнѣе было бы ее озаглавить *Руководство стоической морали*, такъ какъ въ ней вовсе не содержится изложенія всего ученія стоиковъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ словами „основанія стоицизма“, а только нравственныя наставленія и правила житейской мудрости, изложенныя въ видѣ афоризмовъ. Ученіе Эпиктета, стоическаго философа I—II вѣка по Р. Х., замѣчательно по своей возвышенности, приближающей его къ христіанству; покорность судьбѣ и воздержаніе—основныя формулы его ученія. Вотъ, наприм., нѣсколько его наставленій: „Какъ во время плаванія, когда корабль кинетъ якорь, и ты, сойдя съ него запастись водою, поднимешь мимоходомъ раковину или морскую луковницу,—тебѣ слѣдуетъ думать о кораблѣ и поминутно прислушиваться, не зоветъ ли тебя шкиперъ, и, если онъ позоветъ, брось всю свою ношу или тебя свяжутъ и, какъ овцу, кинутъ въ трюмъ: такъ и въ жизни, если мѣсто луковницы и раковины замѣняютъ жена или ребенокъ,—не тронь ихъ, но если тебя позоветъ шкиперъ, брось все и безъ оглядки бѣги къ кораблю. Если же ты старъ, не уходи далеко отъ корабля, или, если тебя позовутъ, ты выбѣшься изъ силъ“ (стр. 4). „Повниуйся богамъ, мирись со всѣмъ происходящимъ, безъ ропота слѣлуй волѣ Провидѣнія“ (стр. 10).

Кромѣ наставленій, касающихся нравственности, есть и другія чисто-житейскаго свойства, есть даже такія, въ которыхъ говорится о томъ, какъ вести себя въ обществѣ. Вообще, книжку стоитъ прочесть, тѣмъ болѣе, что цѣна ея такъ невысока.

У Ч Е Б Н И К И.

„Послѣ азбуки“. Н. Я. Некрасова.—„Русская практическая грамматика въ вопросахъ и отвѣтахъ“. Н. М. Ерощенко.—„Зрительный диктантъ“. В. Зелинскаго.—„Уроки геометріи“. Н. В. Зурскаго.

Послѣ азбуки. Первая книжка для класснаго чтенія и письменныхъ упражненій. Н. Я. Некрасова. Первый годъ обученія. Спб., 1889 г. Ц. 15 коп. Книжка г. Некрасова *Послѣ азбуки* должна считаться полезной. Многія изъ статей, помѣщенныхъ въ ней, не только занимательны по содержанію, но и способны вызвать какъ живую бесѣду учителя съ учениками, такъ и размышленія самихъ учениковъ; подобраны статьи эти довольно систематично, такъ что юный читатель переходитъ въ нихъ, дѣйствительно, отъ легкаго къ трудному и отъ простаго къ сложному. Что касается письменныхъ упражненій, то и они подъ умѣлымъ руководствомъ могутъ принести пользу, а въ отдѣлѣ церковно-славянскомъ собрано все наиболѣе необходимое. Наконецъ, книжка отпечатана крупнымъ и разборчивымъ шрифтомъ, что весьма важно для пользованія ею. Правда, всѣ эти достоинства не новы и не составляютъ изобрѣтенія г. Некрасова, но за то книжка и

стоить всего 15 коп. Нѣсколько страннымъ представляется только тотъ мотивъ, по которому предлагаемая книга издана отдѣльною отъ азбуки брошюрой: „Такъ какъ, — говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи, — изученіе алфавита по азбукѣ продолжается не менѣ двухъ-трехъ мѣсяцевъ, то за такое продолжительное время приложенная къ азбукѣ книга для чтенія обыкновенно приходитъ въ очень неприглядную ветхость“. Очевидно, что должна существовать и иная причина, такъ какъ, если книга растреплется, ее можно переплести.

Русская практическая грамматика въ вопросахъ и отвѣтахъ съ примѣрами. Части 1-я и 2-я. Этимологія и синтаксисъ. Составилъ Н. М. Ерошенко. Изд. Ф. В. Грузинцева. Кишиневъ, 1888 г. Ц. 1-й ч. 50 к., 2-й—40 к. Если „практическая“ грамматика должна вести къ скорѣйшему усвоенію со стороны учащихся тѣхъ грамматическихъ правилъ, съ которыми ежеминутно приходится сталкиваться на урокахъ русскаго языка, то грамматика г. Ерошенко не можетъ быть названа такою: для этого она изобилуетъ слишкомъ многими недостатками. Прежде всего, безграмотна этимологія г. Ерошенко, безграмотенъ и синтаксисъ. Въ самомъ дѣлѣ, на вопросъ: „что называется *соподчиненіемъ* придаточныхъ предложений?“—г. Ерошенко отвѣчаетъ: „Если нѣсколько придаточныхъ предложений относится къ главному, то это отношеніе и называется *соподчиненіемъ*“ (часть 2-я, стр. 38), а *относное* предложеніе онъ опредѣляетъ какъ „предложеніе, заключающее въ себѣ то, что говорятъ или думаютъ другіе“ (часть 1-я, стр. 20). Такихъ образчиковъ въ грамматикѣ г. Ерошенко очень много, но по временамъ здѣсь встрѣчается и пренебреженіе смысломъ. Вотъ, на примѣръ, передъ нами „диктантъ на правописаніе словъ“ и въ этомъ диктантѣ слѣдующія высоко-поучительныя предложенія: „На возѣ сложилъ навозъ“ (часть 1-я, стр. 8). „Былъ ли олень сметану—увѣрять не стану“. „Въ саду есть аллея, а въ бакалейной лавкѣ продаютъ алифу“. „Въ сложеніи бываетъ сума, а у нищаго сума“ (часть 1-я, стр. 11). Кромѣ указаннаго, и длинный рядъ вопросовъ съ отвѣтами на нихъ вызываетъ возраженіе въ разбираемой грамматикѣ. По мнѣнію г. Ерошенко, при повтореніи такой приѣмъ необходимъ, такъ какъ „отысканіе въ учебникѣ желаемаго правила составляетъ для ученика задачу трудноватую“, и „неудивительно, если ученикъ наивно отвѣтитъ вамъ, что онъ не знаетъ, что изъ книги учить“. Далѣе г. Ерошенко кажется яснымъ, „что не ученикъ долженъ быть *подготовленъ* (?) къ учебнику, а учебникъ (тоже подготовленъ) къ ученику“. Все это слова и больше ничего. Ученика нужно учить грамматикѣ такъ, чтобы онъ ее понималъ, а при пониманіи онъ не затруднится отыскать любое правило. Между тѣмъ, въ какомъ отношеніи ученику легче отыскать правило по вопросу? Пусть вопросы замуерованы, но, вѣдь, самое запоминаніе порядка вопросовъ и ихъ мѣста требуетъ труда, а у г. Ерошенко они поставлены иной разъ и сбивчиво, и безпорядочно.

Зрительный диктантъ. (Самодиктованіе и самоисправленіе). Новая система для практическаго самоизученія русскаго правописанія. Составилъ по „Руководству академіи наукъ“ В. Зелинскій. Изд. второе. М., 1888 г. Ц. 40 к. Первое изданіе *Зрительнаго диктанта*, по словамъ автора въ предисловіи ко второму изданію, разошлось въ продолженіе 4-хъ мѣсяцевъ, и таковой успѣхъ книги вполне допускался отзывомъ, сдѣланнымъ въ свое время въ „Библиогр. отдѣлъ“ *Русской Мысли* (1888 г., кн. V). Что касается второго изданія, то самъ авторъ сознается, что онъ спѣшилъ съ нимъ, такъ что

въ немъ, какъ кажется, сдѣлано одно существенное измѣненіе: къ статьѣ о сомнительныхъ гласныхъ прибавлена группа словъ, которыя не подходятъ подъ правило, что *при сомнительномъ гласномъ звукѣ нужно измѣнить слово такъ, чтобы удареніе пришлось на этотъ звукъ* (стр. 3). Издана книга съ прежнею тщательностью, хотя во второмъ изданіи, какъ и въ первомъ, отъ большаго количества цифръ, помѣщенныхъ рядомъ съ буквами, нѣсколько рабѣтъ въ глазахъ и утомляется зрѣніе. Этотъ недостатокъ легко можетъ быть устраненъ въ слѣдующихъ изданіяхъ удаленіемъ другъ отъ друга строчекъ и болѣе крупнымъ шрифтомъ.

Уроки геометріи. Прогимназическій курсъ. Составилъ Н. В. Згурскій. Кутаисъ, 1888 г. Ц. 50 коп. На обложкѣ цитата изъ Бэна: „Геометрія представляетъ собою чистѣйшій типъ дедуктивной науки. Это дѣлаетъ ее и теперь, какъ во времена Платона, главнымъ входомъ въ область отвлеченнаго знанія“.

Приступая къ изученію геометріи, ученикъ знакомится съ особыми, совершенно новыми для него приѣмами мышленія. Обнаруженіе справедливости тѣхъ или другихъ геометрическихъ истинъ на основаніи немногихъ общихъ положеній всегда затрудняетъ учениковъ вначалѣ, тѣмъ болѣе, что уже въ первыхъ урокахъ встрѣчаются теоремы съ длинными и довольно запутанными доказательствами. Авторъ рекомендуетъ пользоваться при доказательствахъ, кромѣ синтетическаго метода (прямой дедукціи), еще и аналитическимъ (обратно дедуктивнымъ), лучше позволяющимъ будто бы понять связь междусылками и слѣдствіемъ, а также и то, почему доказательства ведутся именно такъ, а не иначе. По мнѣнію автора, лучше теоремы со сложными доказательствами совершенно исключить изъ первой половины курса и проходить ихъ только при повтореніи. Изъ предисловія же узнаемъ далѣе, что г. Згурскій обратилъ особое вниманіе на порядокъ теоремъ, на строгость и ясность доказательствъ; послѣднія изложены съ надлежащею полнотою, что особенно важно въ начальномъ курсѣ геометріи, когда ученики еще недостаточно освоились съ языкомъ и логическими приѣмами этой науки; наконецъ, при доказательствахъ нѣкоторыхъ теоремъ авторъ воспользовался такъ называемыми непосредственными умозаключеніями. Но ему не пришлось осуществить столь прекрасныя намѣренія. На первыхъ же страницахъ авторъ опредѣляетъ геометрію, какъ таковой предметъ, о которомъ *трудно дать понятіе* начинающимъ (довольно оригинальное опредѣленіе), а точкою называетъ *всякое мѣсто*, которое мы представляемъ себѣ, какъ *неимѣющее никакихъ размѣровъ* (?). Не угодно ли представить себѣ мѣсто безъ всякихъ размѣровъ! Далѣе встрѣчаются и другія, не менѣе неудачныя опредѣленія. Въ книгѣ очень много лишняго. Таковы, наприм., общія отвлеченныя разсужденія о способахъ открытія истинъ, о выводахъ и доказательствахъ, о противоположныхъ и обратныхъ предложеніяхъ, о противоположномъ обращеніи и т. п. Все это изложено очень пространно, но нельзя сказать, чтобы очень понятно. Распространяясь мѣстами о самыхъ простыхъ вещахъ, авторъ лишь только затемняетъ ихъ смыслъ (наприм., на стр. 31); приложенные къ нѣкоторымъ параграфамъ вопросы иногда черезъ-чуръ наивны и могутъ показаться смѣшными даже ученикамъ.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

„Парижъ и его окрестности“.

Парижъ и его окрестности. Полный русскій путеводитель для ѣдущихъ на всемірную выставку 1889 г. Москва, 1889 г. Цѣна 1 р. 60 к. Составитель этой книжки ввелъ въ нее много необходимыхъ для путешественника свѣдѣній изъ лучшихъ иностранныхъ путеводителей. Для лицъ, незнакомыхъ съ чужими языками, это представляетъ, конечно, большое удобство. Во введеніи помѣщены краткіе русско-французскіе разговоры и полезныя указанія о паспортахъ, таможенныхъ и т. п. Къ книжкѣ, очень удобной по небольшому формату, приложено краткое описаніе всемірной выставки и недурной планъ Парижа.

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Вѣстникъ Европы“, май.—„Русскій Вѣстникъ“, апрѣль—май.—„Русская Старина“, ноябрь 1888 г.—май 1889 г.—„Трудъ“, кн. I—VI.—„Этнографическое Обзорѣніе“, кн. I.—„Вѣстникъ археологіи и исторіи“, выпускъ VII.—„Летописи Матіце Сръпске“, выпускъ I.

Вѣстникъ Европы, май. Кромѣ продолженія уже знакомаго намъ романа г-жи Шапиръ *Миражи*, въ беллетристическомъ отдѣлѣ настоящей книги встрѣчается лишь небольшой „эскизъ“ г. Дѣдлова подъ названіемъ *Куколка*.

За границей, особенно въ англійской литературѣ, существуетъ обыкновеніе ставить подъ заглавіемъ новаго произведенія не имя, или не одно только имя писателя, а перечисленіе его прежнихъ сочиненій, т. е. обозначать писателя какъ „автора такого-то романа или повѣсти“. Приемъ этотъ особенно выгоденъ для молодыхъ, начинающихъ писателей, не успѣвшихъ составить себѣ громкаго имени или просто сдѣлаться извѣстными. Въ самомъ дѣлѣ, если первое произведеніе литературнаго дебютанта оказалось достаточно занимательнымъ или талантливымъ, чтобы обратить на себя вниманіе читающей публики, то одно напоминаніе о немъ уже обезпечиваетъ интересъ и къ послѣдующему его произведенію, хотя бы само по себѣ оно не представляло бы ровно ничего выдающагося. Нѣчто подобное случилось и съ нами по отношенію къ новому беллетристическому очерку г. Дѣдлова, даже при отсутствіи у насъ указаннаго заграничнаго обычая. Г. Дѣдловъ — писатель молодой, начинающій, и пока извѣстенъ намъ, главнымъ образомъ, какъ авторъ разсказа *Чудаки*, напечатаннаго въ прошломъ году на страницахъ *Вѣстника Европы*. Независимо отъ внутренняго содержанія и отношенія автора къ изображаемому міру, о чемъ мы подробно говорили въ свое время, въ разсказѣ *Чудаки* выказалось весьма недюжинное дарованіе, своеобразный стиль, а порою чрезвычайная мѣткость языка и пластичность описаній. Словомъ, несмотря на то, что это произведеніе носило многочисленныя и явные слѣды невыработанности таланта и міросозерцанія автора, его нельзя было не замѣтить, не выдѣлать изъ массы мелкихъ очерковъ, эссеизовъ, этюдовъ и т. под., наводняющихъ страницы нашихъ газетъ и журналовъ. Вслѣдствіе этого, и *Куколка*, какъ новый очеркъ автора *Чудаковъ*, долженъ былъ остановить на себѣ вниманіе читателя; но, къ сожалѣнію, на этотъ разъ онъ остановилъ его совершенно напрасно. Въ по-

вомъ „эскизъ“ г. Дѣдова нѣтъ ни искусства, ни плана, ни содержанія, и читатель тщетно доискивается смысла всей работы; смыслъ этотъ не раскрывается для него даже и въ пояснительныхъ строкахъ, на которыя читатель неожиданно натывается въ самомъ концѣ очерка, но которыя только вызываютъ въ немъ воспоминаніе о знаменитомъ комментаріи: „се левъ, а не собака“. Въ общемъ, *Куколка* г. Дѣдова производитъ просто впечатлѣніе разрозненныхъ обломковъ отъ какого-то затѣйливаго орнамента къ ненаписанной еще картинѣ; да и небрежная лѣпка этихъ завитушекъ не носитъ слѣдовъ той смѣлой руки, какою набросанъ вышеупомянутый прошлогодній рассказъ г. Дѣдова. Такимъ образомъ, приходится поневолѣ жалѣть, что новый „эскизъ“ г. Дѣдова не отвѣчаетъ ожиданіямъ, какія вызвалъ было въ читателѣ авторъ *Чудаконъ*.

Неизясняемая тема о спасительности реформы Петра Великаго разрабатывается нынѣ въ статьѣ г. В. Соловьева *Очерки изъ исторіи русскаго сознанія*. На этотъ разъ Петровская реформа разсматривается съ особенной, исключительной точки зрѣнія — со стороны согласія ея съ основами христіанской морали. Цѣль статьи г. Соловьева—доказать, что реформа Петра Великаго „имѣла, въ сущности, глубоко-христіанскій характеръ, ибо была основана на нравственно-религіозномъ актѣ національнаго самоосужденія“. Приобщившись при Владимірѣ св. къ „христіанскому универсализму“ и воспринявъ, такимъ образомъ, зачатки общевропейской христіанской культуры, Россія послѣ татарскаго погрома должна была силою обстоятельствъ обособиться отъ христіанскаго міра и въ борьбѣ за существованіе направить всѣ свои силы на одну цѣль—созданіе единаго національнаго государства. Вслѣдствіе этого, московская Русь упустила изъ вида преслѣдованіе нравственныхъ задачъ христіанства, такъ что, говоритъ авторъ, „главное условіе для дѣйствительнаго совершенствованія, — именно дѣятельная религія, идеаль общественнои правды, — отсутствовало въ ней вполне“. Задачи церкви въ допетровской Руси сводились къ той же цѣли политическаго устроенія государства, ибо роль церкви въ эту эпоху заключалась въ утвержденіи на русской почвѣ идеи византійскаго единовластительства. Церковь „выпѣствовала“ государственную власть въ лицѣ единодержавнаго московскаго царя, и затѣмъ, послѣ бесплодной попытки Никона, сама подчинилась созданной ею силѣ. Обособившись отъ Европы и въ духовномъ отношеніи, московская Русь, особенно подъ вліяніемъ византійскихъ выходцевъ, искавшихъ въ ней покровительства и подачекъ, развила въ себѣ языческую исключительность и самовѣніе, задержавшія ея дальнѣйшее духовное развитіе. „Для всякаго народа есть только два историческія пути: языческій путь самодовольства, коснѣнія и смерти—и христіанскій путь самосознанія, совершенствованія и жизни“. Петръ Великій разорвалъ прежнія узы національной исключительности и высокомернаго самодовольства, въ которыхъ коснѣло Московское государство. Этимъ онъ снова приобщилъ Россію къ христіанскому универсализму, такъ что дѣятельность Петра должна быть разсматриваема какъ продолженіе того духовнаго прогресса, который начался у насъ въ кievскій періодъ.

Изъ объясненій г. Соловьева неполнѣ ясно, чтѣ подразумѣвается имъ подѣ „христіанскимъ универсализмомъ“, отъ котораго обособилась московская Русь, и въ какой мѣрѣ Петровской реформѣ должно быть приписываемо исключительное значеніе въ указываемомъ авторомъ религіозно-нравственномъ смыслѣ. „Самосознаніе,—объясня-

еть г. Соловьевъ,—есть необходимо *самоосужденіе*, и жизнь есть измѣненіе. Поэтому истинная религія начинается съ проповѣди *покаянія* и внутренней *перемѣны* (курсивъ автора). Такъ вступило христіанство во всемірную исторію; такъ же начинается христіанскій путь самосознанія для всякаго человѣка и народа“. Съ этой религіозно-мистической точки зрѣнія Петръ въ своей реформаторской дѣятельности характеризуется авторомъ какъ стихійная сила, которая, подъ влияніемъ какихъ-то неясныхъ импульсовъ, *безсознательно* стремилась къ невѣдомой ей исторической цѣли созданія христіанскаго государства въ его высшемъ назначеніи. Здѣсь невольно поражаетъ то обстоятельство, что первый же актъ *Изъ исторіи русскаго сознанія*, которому посвящается названный очеркъ г. Соловьева, рисуется авторомъ какъ продуктъ одного чувства, лишенный всякаго участія „сознанія“ и критической мысли. Но это—не единственное противорѣчіе въ догматической схемѣ г. Соловьева. „Христіанскій универсализмъ“, въ смыслѣ постоянного преслѣдованія идеала общественной правды, въ смыслѣ религіозно-нравственнаго, примиряющаго и объединяющаго начала, основаннаго на „покаяніи“ и „внутренней перемѣнѣ“,—вовсе не существовалъ и въ Западной Европѣ, которой авторъ противопоставляетъ въ этомъ отношеніи допетровскую Русь. Въ указанную эпоху Европа много разъ обливалась кровью именно изъ-за религіозныхъ несогласій, вслѣдствіе отсутствія у ней на практикѣ общехристіанскаго идеала; и напрасно было бы искать слѣдовъ „самоосужденія“, „покаянія“ и „общественной правды“ въ такихъ фактахъ, какъ Тридцатилѣтняя война, Варооломеевская ночь, инквизиціонные суды и т. под. страницахъ изъ исторіи католицизма, принявшаго на себя роль истинной универсальной религіи. Рѣшающаго значенія идея „христіанскаго универсализма“ не имѣетъ и до сихъ поръ въ средѣ вооруженныхъ съ головы до ногъ европейскихъ націй; это доказываетъ, что одно религіозно-нравственное начало оазывается бессмысленнымъ—какъ прежде, такъ и теперь—объединить и сплотить враждующія и соперничающія европейскія національности. Съ другой стороны, критическая мысль, какъ слѣдствіе интеллектуальнаго развитія, играла, во всякомъ случаѣ, не меньшую роль въ дѣлѣ человѣческаго прогресса, нежели нравственное усовершенствованіе христіанской личности. Именно критическая мысль и пробудившееся сознаніе Россіи, нашедшія себѣ выраженіе въ гениальныхъ способностяхъ Петра, воплотились въ его дѣятельности. Въ силу критическаго самосознанія онъ воплѣлъ ясно намѣтилъ ближайшій практическій путь для приобщенія Россіи къ умственной и культурной жизни Западной Европы, имѣя въ виду создать государство, сильное не только физическою мощью, но также наукой и просвѣщеніемъ. Кромѣ указанныхъ противорѣчій и односторонности основныхъ положеній г. Соловьева, многія замѣчанія его представляются совершенно вѣрными; въ нѣсколько иныхъ выраженій они были уже много разъ высказываемы въ аналогичныхъ трудахъ русскихъ и иностранныхъ писателей.

Въ обозрѣваемой книгѣ помѣщено также начало, повидимому, весьма пространнаго историческаго изслѣдованія г. Карѣва *Польскія реформы XVIII вѣка*. Предметъ изслѣдованія—одинъ изъ самыхъ интересныхъ періодовъ исторіи Рѣчи Посполитой, обнимающій собою послѣднія три десятилѣтія самостоятельнаго существованія польскаго государства и дѣятельность знаменитаго четырехлѣтнаго сейма. Хотя Польша не принадлежала къ числу абсолютныхъ монархій Европы, исторія которыхъ во второй половинѣ прошлаго вѣка отмѣчена реформаторскими стрем-

леніями, извѣстными подъ именемъ „просвѣщеннаго деспотизма“, тѣмъ не менѣе, авторъ видитъ и въ исторіи Польши того времени дѣйствіе тѣхъ же реформаторскихъ теченій, а также отраженіе на ней великаго историческаго акта—французской революціи. Въ послѣдней трети XVIII вѣка Польша имѣла и своего короля-реформатора, и свою революцію. Послѣ бѣглаго обзора главнѣйшихъ трудовъ польскихъ, русскихъ и иностранныхъ историковъ названнаго періода, г. Карѣвъ устанавливаетъ собственный взглядъ на смыслъ и значеніе польскихъ реформъ, на задачи своего изслѣдованія, предполагая внести въ оцѣнку совершавшихся въ Рѣчи Посполитой преобразованій „нѣсколько иной критерій, нежели тотъ, который заставляетъ историковъ эпохи обращать главное вниманіе на отношеніе этихъ реформъ къ падежію Польши, будто послѣднее обусловливалось *только* одними внутренними причинами, какъ склонны думать историки-пессимисты, или одними причинами внѣшними, какъ стремятся представить историки-оптимисты, исходящіе изъ болѣе или менѣе апріорной увѣренности, что сами по себѣ совершенныя преобразованія были способны установить внутри государства наилучшія политическія и социальныя отношенія... Между тѣмъ, лишь сравненіе польскихъ реформъ съ тѣмъ, что предпринималось, дѣлалось и было совершено въ другихъ государствахъ, могло бы дать наиболѣе точный отвѣтъ на вопросъ о томъ, насколько въ этихъ преобразованіяхъ проявлялись культурныя идеи прошлаго столѣтія“.

Въ майской книгѣ *Вѣстника Европы* продолжаютъ странныя рѣчи г. Слонимскаго по поводу соціологическихъ трудовъ нѣкоторыхъ русскихъ писателей. Мы не станемъ входить въ подробное разсмотрѣніе трехъ напечатанныхъ донинѣ статей г. Слонимскаго и сдѣлаемъ лишь нѣсколько отмѣтокъ литературнаго свойства, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ интересамъ читателя.

Изъ послѣдней книги журнала становится очевиднымъ, что г. Слонимскій не задавался серьезно цѣлью познакомить читателей съ главнѣйшими „теоріями прогресса“ въ русской и иностранной литературѣ и представить ихъ сравнительную оцѣнку на основаніи выработанныхъ имъ самимъ научныхъ положеній и взглядовъ. Между тѣмъ, на существованіе подобнаго плана давало право разсчитывать заглавіе его очерковъ, напечатанныхъ въ двухъ предыдущихъ книгахъ *Вѣстника Европы*, и первая глава ихъ. Къ недоумѣнію читателя, ожидавшаго обширнаго, научно-безпристрастнаго и всесторонняго изслѣдованія крайне интереснаго вопроса, вышло нѣчто совершенно иное. Безцѣльно сразившись съ нѣсколькими отдѣльными положеніями, выраженіями и словами, выхваченными изъ сочиненій гг. Михайловскаго, Карѣва и др. русскихъ авторовъ, и остановившись на минуту на соціологической теоріи австрійскаго профессора Гумпловича, г. Слонимскій сразу оборвалъ свое предполагаемое изслѣдованіе *Теорій прогресса*, не только почти не начавъ его, но даже не установивъ сколько-нибудь систематической точки зрѣнія въ обсужденіи работъ инкриминируемыхъ авторовъ, ни разу не подчинивъ цѣлей своей полемики задачамъ истинной добросовѣстной критики, какой долженъ держаться основательный изслѣдователь, тѣмъ болѣе въ данномъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о самыхъ серьезныхъ, самыхъ основныхъ вопросахъ знанія и общественной морали. Даже въ наиболѣе интереснахъ пунктахъ полемики г. Слонимскаго, какъ, наприм., о субъективномъ и объективномъ методѣ въ соціологіи, читатель остается въ полномъ недоумѣніи, какого же собственно метода, или, если угодно, какой точки зрѣнія слѣдуетъ держаться,

по мнѣнію г. Слонимскаго, въ обсужденіи соціологическихъ данныхъ, ибо мнѣніе автора на этотъ счетъ оказывается двойное или, лучше сказать, совершенно неопредѣленное?

Тѣ же софистическіе приемы, то же пристрастіе, не останавливающееся передъ... передъ самозакланіемъ, отличаютъ и настоящую статью г. Слонимскаго, являющуюся подъ новымъ, весьма ядовитымъ заглавіемъ *Мнимой социологии*. Здѣсь авторъ уже цѣликомъ и безъ всякихъ подходовъ приступаетъ къ борьбѣ съ г. Михайловскимъ. Но и здѣсь соціологическая теорія послѣднаго не ставится передъ читателемъ въ ея основныхъ положеніяхъ и въ ихъ логическомъ развитіи, съ цѣлью систематическаго анализа теоріи и ея частичнаго или полнаго опроверженія. Основныя положенія теоріи „борьбы за индивидуальность“ г. Михайловскаго затрогиваются вскользь или оставляются въ тѣни; многочисленныя же ироническія нападки г. Слонимскаго направлены, главнымъ образомъ, на способы доказательствъ г. Михайловскаго, на отдѣльныя погрѣшности теоріи. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи большинство этихъ погрѣшностей и смыслъ, придаваемый имъ г. Слонимскимъ, оказываются мнимыми,—не въ глазахъ г. критика, конечно, а въ дѣйствительности. Тѣмъ не менѣе, исходя изъ такихъ мнимыхъ утвержденій противника и основываясь на мнимомъ смыслѣ его положеній, г. Слонимскому удается наскоро возвести легкое зданіе своей *Мнимой социологии*. Грустная картина!... Въ концѣ-концовъ, читатель, объ интересахъ котораго, кажется, совершенно позабылъ г. Слонимскій, остается въ сильномъ проигрышѣ.

Впрочемъ, не совсѣмъ: за полемикой г. Слонимскаго можно признать извѣстную пользу. Послѣдняя статья его еще болѣе, нежели первая, убѣждаетъ, что, читая разсужденія г. Слонимскаго, обязательно хоть нѣкоторое знакомство съ сочиненіями г. Михайловскаго. Такъ, авторъ *Мнимой социологии* посвящаетъ, наприм., цѣлую главу доказательствамъ, что г. Михайловскій *строитъ* свою соціологическую теорію исключительно на матеріалѣ чисто-біологическомъ и ставитъ біологію въ тѣсный смыслъ въ руководство и въ образецъ теоретикамъ соціологии. Сличая слова обвинителя со словами обвиняемаго, выходитъ слѣдующее: г. Михайловскій говоритъ о необходимости, для пониманія сложныхъ явленій общественной жизни, изучать біологію и пользоваться добытыми ею фактами (наприм., о раздѣленіи труда), проявляющимися въ развитіи органической жизни вообще, съ цѣлью уясненія нѣкоторыхъ явленій въ общественной жизни человѣка; онъ упрекаетъ біологовъ за то, что они, часто заботясь о менѣе существенныхъ данныхъ въ области своей науки, мало занимаются именно такими изъ нихъ, которые имѣютъ особенно важное значеніе для человѣка, что они „забываютъ человѣка среди роскошнаго пира науки“. Г. Слонимскій выводитъ изъ этого, что г. Михайловскій низводитъ соціологию на степень подчиненной науки, что онъ требуетъ созданія соціологии исключительно специалистами по біологіи и на основаніи однихъ біологическихъ данныхъ, игнорируя громадный собственно-соціологическій матеріалъ; при этомъ критикъ самъ совершенно игнорируетъ массу такого матеріала, собраннаго въ обсуждаемыхъ имъ трудахъ.

Для вѣщаго доказательства своего обвиненія, г. Слонимскій выхватываетъ изъ другой статьи г. Михайловскаго вѣсколко строкъ объ иктіозаврахъ и рыбахъ и затѣмъ побѣдоносно утверждаетъ, что „вся соціология г. Михайловскаго построена на иктіозаврахъ и полипнякахъ“. Между тѣмъ, оказывается, что приведенныя г. Слонимскимъ строки—

только лоскутъ мысли, не имѣющей самостоятельнаго смысла,—лоскутъ, вырванный изъ пространнаго разсужденія, представляющаго собою логическое развитіе одного изъ положеній г. Михайловскаго: иллюстрація „идеальнаго типа“ ихтиозавра и „практическаго типа“ рыбы служить г. Михайловскому для объясненія читателю, въ чемъ заключается *типъ* развитія и *степень* развитія, съ цѣлью указать на встрѣчающійся между ними въ органической и въ соціальной жизни антагонизмъ. Далѣе: г. Михайловскій часто прибѣгаетъ къ общепринятому и вполнѣ научному приему критики—идти въ станъ противника и, добросовѣстно изучивъ его силы и средства, убѣдившись въ логической несостоятельности его доводовъ, побивать противника собственнымъ его оружіемъ; поэтому г. Михайловскій нерѣдко пользуется нѣкоторыми параллелями и аналогіями органистовъ и иными, чтобы, вскрывая ихъ внутреннее противорѣчіе, разрушить органическую теорію. Г. Слонимскій этотъ отрицательный приемъ выдаетъ за положительный и объявляетъ, что г. Михайловскій доводитъ въ своихъ сочиненіяхъ аналогическій методъ органистовъ до „небывалаго и совершенно невѣроятнаго развитія“. Основательное ознакомленіе русской публики съ теоріей органистовъ и упорная борьба съ нею и съ аналогичнымъ методомъ въ общественной наукѣ, т.-е. то, что составляетъ, между прочимъ, одну изъ важнѣйшихъ заслугъ русскаго соціолога, хотя и не замалчиваются совершенно его критикомъ, но вызываютъ въ послѣднемъ лишь нѣсколько саркастическихъ замѣчаній, какъ якобы запоздалый турниръ съ заглохшими будто бы съ 40-хъ гг. теоріями, и т. д., и т. д., вплоть до заключенія *Мнимой соціологій*, гдѣ г. Слонимскій подводитъ общій итогъ соціологической теоріи г. Михайловскаго. Здѣсь, переводя свои нападки на политическую почву, авторъ двумя-тремя словами категорически объявляетъ г. Михайловскаго безсознательнымъ консерваторомъ и даже реакціонеромъ, а теорію его, вмѣстѣ съ тѣмъ, „не содержащую ничего другаго, кромѣ односторонняго либерализма“. Очевидно, что, выставляя г. Михайловскаго „теоретикомъ либерализма въ самомъ узкомъ смыслѣ этого слова“, авторъ *Мнимой соціологій* считаетъ для себя дозволеннымъ придать соціологическому понятію „борьбы за индивидуальность“ совершенно неправильный смыслъ.

Подъ чисто-демократическую въ практическомъ смыслѣ теорію борьбы за справедливость и равенство всѣхъ членовъ кооперативнаго обществія въ дѣлѣ пользованія благами соціальной жизни, причемъ свободное и многостороннее развитіе личности ставится во главѣ угла, какъ непремѣнное условіе такого соціальнаго равенства и справедливости,—подъ такую теорію г. Слонимскій считаетъ возможнымъ подставить политико-экономическій терминъ буржуазно-либеральнаго „индивидуализма“, имѣющій специальное значеніе, какъ преслѣдованіе со стороны отдѣльной общественной группы узко-эгоистическихъ цѣлей въ ущербъ свободному человѣческому развитію и благосостоянію другихъ многочисленныхъ членовъ обществія. Но кто же повѣритъ игрѣ словъ или мыслей г. Слонимскаго? Повѣритъ только тотъ, кто никогда не слыхалъ о теоріи прогресса г. Михайловскаго, не читалъ его соціологическихъ работъ.

Читатель, интересующійся сущностью затронутыхъ въ послѣднихъ статьяхъ г. Слонимскаго вопросовъ, желающій уяснить себѣ смыслъ затѣянной имъ шумной полемики, станетъ читать или перечитывать сочиненія г. Михайловскаго. Въ этой ненамѣренной пропагандѣ цѣнныхъ

работъ русскаго социолога и заключается въ данномъ случаѣ заслуга г. Слонимскаго.

Русскій Вѣстникъ, апрѣль—май. Въ послѣдней книгѣ журнала помѣщено нѣсколько очерковъ *Современной усадебной жизни* г. Н. Успенскаго, если не ошибаемся, извѣстнаго нѣкогда автора многочисленныхъ разсказовъ изъ народнаго быта, нынѣ почти совершенно забытыхъ. Предметъ очерковъ—описаніе усадебной жизни „новыхъ помѣщиковъ“ изъ разряда мѣрцовъ и купцовъ, смѣнившихъ въ деревнѣ нѣкоторую часть дворянъ-землевладѣльцевъ. Эти новые помѣщики составляютъ особый привилегированный классъ сельской аристократіи, вытѣсняющей захудалыя дворянскія гнѣзда. „Теперь,—говоритъ авторъ въ предисловіи,— не рѣдкость встрѣтить въ любомъ „заведеніи“ купца или сельскаго дворянина, разсуждающихъ о „порядкѣ въ государствѣ“, повальномъ пьянствѣ мужиковъ, о неблагонадежности народныхъ учителей и появившихся „сицилистахъ...“ Къ сожалѣнію, содержаніе очерковъ не отвѣчаетъ намѣреніямъ автора обрисовать этотъ современный, весьма характерный типъ новаго помѣщика. Очерки г. Н. Успенскаго носятъ черезъ-чуръ эскизный характеръ и касаются лишь одной внѣшней, бытовой стороны предмета, да и то какъ-то отрывочно, безпорядочно. Въ нихъ совершенно отсутствуетъ и тотъ колоритный языкъ, которымъ говорятъ наши мѣщане и купцы: передавая ихъ рѣчь обыкновеннымъ литературнымъ языкомъ, авторъ совершенно напрасно прибѣгаетъ иногда къ помощи такихъ куплетныхъ выраженій, какъ „пуртуфляны“, „пралетарій“ и т. п. Впрочемъ, все-таки, по своей темѣ и легкости изложенія, *Очерки усадебной жизни* выгодно выдѣляются изъ монотонной, окаменѣлой беллетристики *Русскаго Вѣстника*.

Среди монументальныхъ, тяжеловѣсныхъ статей археологическаго, древне-историческаго и узко-спеціальнаго содержанія, которыми изобилуетъ *Русскій Вѣстникъ*, лишь изрѣдка встрѣчается болѣе удобоваримый историческій матеріалъ, касающійся дѣлъ и людей ближайшаго къ намъ времени. Въ такихъ очеркахъ, кромѣ болѣе живой окраски, попадаются иногда дѣйствительно любопытныя свѣдѣнія въ видѣ отрывковъ изъ малоизвѣстныхъ или ненапечатанныхъ документовъ, неподкупно свидѣтельствующихъ о мысляхъ и поступкахъ видныхъ дѣятелей недавняго прошлаго.

Къ числу подобныхъ статей относится до извѣстной степени очеркъ г. М—скаго *Герценъ и его корреспонденты*, напечатанный въ апрѣльской и майской книгахъ. Выступая на страницахъ *Рус. Вѣстн.* съ подобною исключительною темой, авторъ, какъ это обыкновенно здѣсь дѣлается, съ самого же начала считаетъ нужнымъ заявить о своемъ безпристрастіи, объ отсутствіи у него задней мысли и раздраженія къ „агитаторамъ“, къ явнымъ и тайнымъ двигателямъ въ работѣ переустройства государственнаго механизма на новыхъ началахъ. Однако, отрывочность и неполнота при передачѣ наиболѣе яркихъ и дѣльных показаній самихъ дѣятелей, умолчаніе многихъ фактовъ и противорѣчія въ собственной оцѣнкѣ дѣятельности „агитатора“,—все это въ нѣсколько иномъ свѣтѣ рисуетъ „безпристрастіе и спокойствіе“, о которыхъ напередъ объявляетъ самъ г. М—скій. Авторъ не отказывается даже отъ приведенія пикантныхъ анекдотовъ, неизвѣстно откуда почерпнутыхъ и никакими иными свидѣтельствами не подтвержденныхъ, вродѣ того, на примѣръ, что нѣкій публицистъ П., крупный чиновникъ, торговалъ въ Петербургѣ въ свою пользу книжною контрабандой, полученной имъ даромъ отъ Герцена, и не столько боялся компрометировать себя пе-

редь начальствомъ, какъ того, чтобы о его торговлѣ не узнали въ Лондонѣ.

Что касается общественно-литературной дѣятельности Герцена, то г. М—скій смотритъ на нее не какъ на спорадическое явленіе, искусственно созданное усиліями единичныхъ личностей, а признаетъ за нею значеніе историческаго преемственнаго факта, ведущаго свое начало отъ эпохи Александра I. Авторъ видитъ слѣды освободительнаго теченія въ политическихъ и соціальныхъ взглядахъ западниковъ и славянофиловъ и находитъ тѣсную связь идей Герцена съ стремленіями передовой интеллигенціи конца 40-хъ и начала 50-хъ гг.,—стремленіями, выразившимися и въ русской литературѣ того времени, не смотря ни на какія цензурныя стѣсненія. „Всѣ усилія „передовыхъ“ людей того времени были направлены ко „всеобщему освобожденію“, началомъ котораго должно было служить освобожденіе крестьянъ. Эта руководящая мысль, недосказываемая въ подцензурныхъ изданіяхъ, откровенно выражалась въ *Полярной Звздѣ*“. Вообще, авторъ признаетъ за лондонскимъ станкомъ дѣйствительное значеніе „безцензурной русской рѣчи“, какъ характеризовалъ свою дѣятельность самъ Герценъ. Съ другой же стороны, г. М—скій не хочетъ видѣть въ этой русской рѣчи серьезнаго содержанія, выработанныхъ, стойкихъ взглядовъ и пониманія Россіи; онъ выставляетъ Герцена орудіемъ и игрушкой въ рукахъ западно-европейскихъ и особенно польскихъ выходцевъ, вліяніе которыхъ усугублялось все возростающею туманностью представленій Герцена о русской дѣйствительности. „Герценъ, — говоритъ г. М—скій, —постоянно испытывалъ на себѣ его (анархическаго сброда) стадное давленіе и дѣйствовалъ въ его духъ и цѣляхъ, вслѣдствіе своей впечатлительности, своей полной оторванности отъ родной почвы, вслѣдствіе своего нравственнаго одиночества и безмѣрнаго самолюбія, которое побуждало его выбраться изъ неизвѣстности „во что бы то ни стало“, становиться на ходули мнимаго средоточія въ своей особѣ представителя и выразителя „юной Россіи“, „народа будущаго“. Однако, на протяженіи всего очерка г. М—скій, кажется, только и дѣлаетъ, что старается доказать существованіе не въ воображеніи Герцена, а въ дѣйствительности огромнаго вліянія, какимъ пользовались его личность и дѣятельность у всѣхъ мыслящихъ русскихъ людей того времени. Не говоря уже о корреспондентахъ Герцена, которые видѣли въ немъ „надежду Россіи“, „русскаго Гарибальди“ и т. п., вліяніе Герцена отражалось на мнѣніяхъ и взглядахъ людей самыхъ различныхъ положеній, отъ низшихъ до высшихъ. „Русскій станокъ въ Лондонѣ, — говоритъ самъ авторъ, —производилъ давленіе не только на незрѣлые умы учащейся молодежи, не только на извѣстные кружки литераторовъ, но и на офицеровъ корпуса жандармовъ, на ихъ шефа и выше. *Колоколъ* доставлялся въ редакціонныя комиссіи по освобожденію крестьянъ, и Я. И. Ростовцевъ говорилъ своимъ сотрудникамъ: „Я буду васъ просить, чтобы вы и изъ *Колокола* заимствовали и приняли въ соображеніе все, что только можетъ быть полезно и примѣнно къ исправленію и усовершенствованію проекта положеній“. *Колоколъ*, — еще разъ подтверждаетъ г. М—скій, —являлся безапелляционнымъ, верховнымъ судилищемъ. Б. Н. Чичеринъ нисколько не преувеличивалъ его значенія, говоря, что онъ „власть въ государствѣ“. Личность Герцена пользовалась какимъ-то мистическимъ обаяніемъ, даже превосходящимъ авторитетъ власти“. Вліяніе „агитатора“ признается авторомъ даже по отношенію къ Каткову въ первый періодъ его журнальной дѣятельности.

Г. М—скій видитъ, напр., явное присутствіе этого вліянія въ извѣстныхъ *Письмахъ Байбороды* въ *Русскомъ Вѣстникѣ* противъ *Русской Беседы* и профес. Крылова, которыя, по его мнѣнію, явились отраженіемъ статьи Искандера *Лобное мѣсто*, напечатанной въ I-мъ листѣ *Колокола*. Впрочемъ, наиболѣе интереснымъ, хотя, въ то же время, и наиболѣе сбивчивымъ въ статьѣ г. М—скаго является характеристика Герцена какъ участника въ постановкѣ и разработкѣ крестьянскаго вопроса. Извѣстно, что Герценъ видѣлъ существенное значеніе и успѣхъ своей дѣятельности именно въ области крестьянской реформы. Г. М—скій также приводитъ отрывокъ изъ неизданнаго письма Герцена, въ которомъ послѣдній говоритъ, что мысль о выкупѣ взята правительствомъ изъ V книги *Колокола* и *Голосовъ изъ Россіи*. Но извѣстно также, что покойный Катковъ отрицалъ всякую заслугу Герцена въ разработкѣ крестьянскаго вопроса. Что касается нашего автора, то онъ старается занять въ этомъ отношеніи особую, должно быть, по его мнѣнію, „безпристрастную“ позицію. Г. М—скій вполне присоединяется къ мнѣнію Каткова, заявляя, что „Михаилъ Никифоровичъ былъ правъ“ относительно писаній Герцена и Огарева по крестьянскому вопросу, гдѣ „дѣйствительно было мало дѣльнаго“. Въ то же время, несмотря на свое обѣщаніе читателю разсматривать „дѣла“ участниковъ преобразовательной работы, г. М—скій не входитъ въ разсмотрѣніе упомянутыхъ „писаній“ и ни единымъ словомъ не проговаривается о содержащихся въ нихъ совѣтахъ и требованіяхъ по крестьянскому вопросу. Тѣмъ не менѣе, авторъ рискнулъ нѣсколько разойтись съ мнѣніемъ „Михаила Никифоровича“ и признать сильное вліяніе на выработку взглядовъ при разрѣшеніи крестьянскаго вопроса лондонской печати вообще, ссылаясь нѣсколько разъ на то, что лондонскія изданія читались не только Ростовцевымъ и членами редакціонной комиссіи, но и самимъ Государемъ. Особенное значеніе въ этомъ случаѣ придается г. М—скимъ *Голосамъ*, гдѣ печатались мнѣнія жившихъ въ Россіи дѣятелей, напримѣръ, Кавелина, напечатавшаго въ *Голосахъ* отрывки изъ своей записки объ уничтоженіи крѣпостнаго права,—записка, появившейся цѣлкомъ въ *Современникѣ* только въ 1858 г.

Между тѣмъ, мнѣнія, которыя высказывались по поводу освобожденія крестьянъ на страницахъ *Колокола* и *Голосовъ*, были, въ сущности, только развитіемъ тѣхъ началъ, которыя выставлены были въ цѣломъ рядѣ писемъ и сочиненій самого Герцена еще въ 1851, 53, 55 гг.,—началъ, большая часть которыхъ вошла впоследствии въ правительственную программу по крестьянскому вопросу въ концѣ 50-хъ годовъ. Такъ, извѣстно, что еще въ открытомъ письмѣ въ Мишле 1851 г. Герценъ выставляетъ все громадное значеніе сохраненія русской общины и указываетъ на важную роль въ будущемъ Россіи свободнаго мужика; въ брошюрѣ *Крестьянскія собственности*, написанной въ 1853 г., онъ требуетъ надѣленія крестьянъ землею съ сохраненіемъ общиннаго земледѣлія и указываетъ нѣкоторыя финансовыя мѣры, необходимыя для мирнаго осуществленія крестьянской реформы, какъ, напримѣръ, выкупъ, переводъ задолженныхъ дворянскихъ имѣній въ казну съ взиманіемъ тѣхъ же 5% въ видѣ оброка и т. п. Что касается записки Кавелина, появившейся частью въ *Голосахъ* (что даетъ поводъ г. М—скому указывать на отсталость Герцена сравнительно съ его корреспондентами), то высказанное въ запискѣ требованіе о надѣленіи крестьянъ всею тою землею, которою они пользуются при помѣщичахъ, было выражено также и Герценомъ еще годомъ раньше, въ одной лондонской рѣчи, произне-

сенной 24 февраля 1854 г. Здѣсь прямо заявлялось о необходимости „дать мужику мирскую землю, которую онъ приобрѣлъ святымъ правомъ работы“. Между тѣмъ, г. М.—скій не упоминаетъ объ этой мысли, хотя и пользуется въ своей статьѣ названною рѣчью по другому поводу. Точно также авторомъ оставляются въ тѣни подвѣдѣнія заявления Герцена по крестьянскому вопросу при наступленіи новаго царствования, хотя г. М.—скій приводитъ изъ нихъ нѣсколько отрывочныхъ, но вполне определенныхъ выраженій, напримѣръ, изъ открытаго письма Герцена къ Государю въ 1855 г. объ освобожденіи крестьянъ, изъ такого же письма Герцена и Огарева, заклинавшихъ царя не подписывать проекта главнаго комитета, въ которомъ высказывалось предположеніе предоставить помѣщикамъ права вотчинной полиціи.

Проходя, такимъ образомъ, полнымъ молчаніемъ дѣйствительныя заявления и мысли самого Герцена по крестьянскому вопросу, печатно и публично имъ высказанныя, г. М.—скій хочетъ видѣть его непосредственное вліяніе на Государя въ одномъ единственномъ случаѣ, не вполне, однако, имъ выясненномъ. Авторъ говоритъ о печатномъ проектѣ освобожденія крестьянъ, приложенномъ къ одному изъ номеровъ *Колокола* и присланномъ отдѣльно изъ-за границы Государю; послѣдній, по свидѣтельству Ростовцева, высказалъ предположеніе, что проектъ присланъ ему, „должно быть, отъ Герцена“. Въ проектѣ предлагается произвести полное освобожденіе съ огражденіемъ общиннаго землевладѣнія и оставить освобожденныхъ крестьянъ въ тѣ же условія, въ какихъ находятся государственные. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ проектѣ поставляется обязательнымъ для правительства выкупить не только землю, но и крѣпостное право, иначе чрезмѣрно пострадаютъ интересы помѣщиковъ. Вслѣдъ за этимъ проектомъ г. М.—скій приводитъ большую выдержку изъ известной замѣчательной записки гр. Ланскаго, поданной Государю въ августѣ 1859 г. и составленной въ Земскомъ отдѣлѣ. Въ этой запискѣ характеризуются мнѣнія различныхъ партій по крестьянскому вопросу, причемъ одна изъ мыслей заграничнаго проекта, т.-е. внеуны личности крестьянина и разложеніе этого выкупа и на государственныя крестьянъ, и на всѣ сословія, представлена какъ домогательство партій, несочувствующей реформѣ и стремящейся только сдѣлать ее какъ можно болѣе выгодной для себя. Сопоставленіе этого заявленія записки съ заграничнымъ проектомъ, совершенно гадательно приписываемымъ перу Герцена, даетъ опять поводъ г. М.—скому предполагать объ отсталости его мнѣній сравнительно съ радикализмомъ главныхъ дѣятелей редакціонныхъ комиссій, и даже выставить министерскую записку какъ „уловку“ съ цѣлью повліять на Государя, чтобы ослабить въ немъ то сильное впечатлѣніе, которое „могло быть на него произведено лондонскимъ проектомъ“, полученнымъ двумя мѣсяцами ранѣе.

Подобныя совершенно голословныя разсужденія автора объ „уловкахъ“, противорѣчивыя показанія относительно значенія дѣятельности Герцена въ крестьянской реформѣ, умолчаніе о собственныхъ „писаніяхъ“ Герцена по данному вопросу,—все это вполне оправдываетъ слова самого г. М.—скаго, что „крестьянская реформа еще ждетъ своего безпристрастнаго историка, но“... и т. д.

Говоря о корреспондентахъ *Колокола* и *Голосовъ*, г. М.—скій останавливается подробно на личности и письмахъ С. С. Громеки, бывшаго въ началѣ 60-хъ гг. начальникомъ отдѣленія министерства внутреннихъ дѣлъ, а впоследствии губернаторомъ. Изъ переписки и доку-

ментовъ, которые сообщалъ Громека Герцену, авторъ въ заключеніе своего очерка приводитъ, говоря его собственными словами, „одинъ довольно характерный эпизодъ“. Онъ касается назначенія въ 1861 г. покойнаго гр. П. А. Шувалова на мѣсто начальника штаба корпуса жандармовъ, соединеннаго тогда съ управленіемъ III отдѣленіемъ. Это назначеніе, по свидѣтельству Громеки, было для графа „ударомъ“, потому что III отдѣленіе считалось тогда проклятымъ мѣстомъ, пятнающимъ человѣческое достоинство служащихъ въ немъ. Повинуясь волѣ Государя, гр. Шуваловъ, тѣмъ не менѣе, счелъ долгомъ снятъ съ себя подозрѣніе въ томъ, что онъ добивался назначенія и принимается его безъ колебаній. Поэтому онъ обратился съ письмомъ къ шефу жандармовъ кн. В. А. Долгорукову и высказалъ въ немъ откровенно свой взглядъ на дѣятельность III отдѣленія. Письмо доложено было кн. Долгоруковымъ Государю. Г. М.—скій перепечатываетъ въ своей статьѣ большую часть этого любопытнаго документа. Вотъ что, между прочимъ, писалъ тогда будущій глава реакціи:

„Всякая полиція, въ сущности, тайная, и не она страшна для честныхъ людей,—страшенъ тайный судъ, право слѣдствія и право ареста, находящіяся въ рукахъ тайной полиціи. Люди, обязанные охранять спокойствіе государства, всегда склонны видѣть во всемъ опасность и преувеличивать значеніе каждаго факта. Такова уже человѣческая натура; и если подобная склонность ничѣмъ не будетъ умѣряема и отрезвляема, если люди, обязанные подозрѣвать всѣхъ и каждаго, не только не обязаны поддерживать свои подозрѣнія судебными доказательствами, но, напротивъ, имѣютъ право при первомъ подозрѣніи подвергнуть каждаго аресту, то весьма естественно, что они легче другихъ людей могутъ впадать въ ошибки и несправедливость. Если же отъ этихъ самыхъ людей будутъ зависѣть допросы подозрѣваемыхъ и представленіе заключеній по допросамъ, то уже нѣтъ никакой надежды къ исправленію ихъ ошибокъ и увлеченій, и для невинно осужденнаго исчезаетъ всякая возможность правильной защиты. Вотъ почему при имени III отдѣленія всякій чувствуетъ невольный трепеть и смущеніе. Страшно въ немъ не то, что оно дѣлаетъ, а то, что оно можетъ сдѣлать. А можетъ оно во всякую минуту вторгнуться въ каждый домъ и семейство, схватить оттуда какую угодно жертву и заключить въ казематъ, извлечь изъ этой жертвы какое угодно признаніе, не прибѣгая къ пыткѣ, и потомъ можетъ представить Государю все дѣло въ такомъ видѣ, въ какомъ пожелаетъ...“

„Въ прошломъ году Государь повелѣлъ отдѣлить судебную власть отъ земскихъ и градскихъ полицій. Если эта власть оказалась вредною въ рукахъ обыкновенной полиціи, то оставлять ее долѣе въ рукахъ тайной полиціи было бы совершенно несправедливо, особенно теперь, когда крестьянскій вопросъ рѣшенъ...“

Русская Старина, ноябрь 1888 г.—май 1889 г. Эти книжки *Русской Старины* особенно богаты матеріалами о дѣятеляхъ русской науки и просвѣщенія. Дневникъ проф. А. В. Никитенко доведенъ до 1827 года и становится все интереснѣе. Очень характеренъ подробный разсказъ о томъ, какихъ трудовъ стоило автору добиться освобожденія своего отъ вѣрностной зависимости, несмотря на помощь самыхъ высокопоставленныхъ лицъ. Любопытны свѣдѣнія объ Аннѣ Петровнѣ Кернѣ, пріятельницѣ Пушкина, съ которой Никитенко имѣлъ небольшой романъ. Благодаря близости къ полечителю Бородину, авторъ знаетъ много интереснаго объ отношеніи администраціи къ университетамъ, пре-

имущественно Петербургскому. Въ запискахъ Мурзакевича, которые оканчиваются въ февральской книжкѣ, находимъ свѣдѣнія о Рихельевскомъ лицѣ въ Одессѣ и объ обстоятельствахъ литературной жизни автора. Записки Ал. Мих. Тургенева, продолжавшіяся въ этихъ книжкахъ, принадлежать къ самому дурному роду исторической литературы: это—собрание историческихъ сплетенъ самаго сомнительнаго происхожденія; при бойкомъ изложеніи мемуары Тургенева, конечно, могутъ расчитывать на значительное количество читателей, привыкшихъ принимать сплетни за исторію. Очень интересны письма О. И. Сенковского къ Е. И. Ахматовой въ майской книжкѣ *Русской Старины*. Эгого великій скептикъ тоже имѣлъ свой романъ,—романъ, въ которомъ дѣятельность сердца была возбуждена окольнымъ путемъ—черезъ воображеніе. Провинціальная барышня, умная и образованная, обратилась къ нему изъ Астрахани съ просьбой о напечатаніи перевода; Сенковского поразило соединеніе наивности и свѣжести чувства въ письмѣ барышни съ душевною зрѣдостью и развитостью; онъ отвѣчалъ, вступилъ въ переписку и скоро сдѣлалъ барышню повѣренной своихъ интимнѣйшихъ изліяній. Дѣйствительно, мы никогда еще не проникли такъ глубоко въ душевную жизнь этого писателя, пратавагагося отъ всѣхъ, любившаго озадачивать своихъ современниковъ противорѣчіями и чудачествами. „Если бы мы были лично знакомы съ вами, я, вѣроятно, даже навѣрное, не былъ бы вполонину такъ откровененъ. Но вы—мечта; вы—невидимый ангель-хранитель. Отъ невидимыхъ духовъ ничего нельзя скрывать! И какъ сладостно хоть разъ въ жизни ничего не спрятать!“ Онъ, повидимому, самъ былъ удивленъ и обрадованъ открытіемъ, что гдѣ-то въ глубинѣ души у него еще таятся потребности и способность чувства и идеализаціи: съ наслажденіемъ знатока онъ вдыхалъ въ себя и старался удержатъ специфическій ароматъ этихъ столь рѣдкихъ для него ощущеній. „Не пережѣняйтесь,—пишетъ онъ корреспондентѣ,—вы жестоко огорчите меня и, можетъ быть, сдѣлаете меня злымъ, потому что это уже будетъ *la dernière de mes illusions*: и послѣ того я не стану вѣрить никому и ничему“. Подъ покровомъ полной тайны, обѣщанной ему, онъ судитъ и осуждаетъ свою писательскую дѣятельность, вынужденный на вопросъ корреспондентки отвѣчать, что онъ „не любитъ“ ни одного изъ своихъ сочиненій; онъ рассказываетъ о своихъ литературныхъ врагахъ и о приемахъ борьбы съ ними *Библіотеки для Читанія*.

Интересенъ отрывокъ изъ дневника Бодянского (ноябрь), относящійся къ 1849—50 г., когда Бодянский былъ восстановленъ въ званіи ординарнаго профессора Московскаго университета послѣ исторіи съ Флетчеромъ: здѣсь есть отзывы о докторскомъ диспутѣ Грановскаго, о встрѣчахъ съ Гоголемъ.

В. Е. Якушкинъ сообщилъ подъ заглавіемъ *Къ литературной и общественной исторіи 1820—30 годовъ* рядъ писемъ разныхъ лицъ къ декабристамъ: А. Вестулеву, Рылѣву, Якубовичу, Кюхельбекеру; между этими письмами есть письма кн. П. Вяземскаго, Баратынскаго, два письма Грибоѣдова. Очень важно сообщенное Л. Поливановымъ письмо 17-ти лѣтняго Лермонтова (1831—2) къ теткѣ М. А. Шанъ-Гирей (четвертое изъ извѣстныхъ писемъ къ ней). Въ письмѣ Лермонтовъ защищаетъ отъ какихъ-то замѣчаній тети Шекспировскаго Гамлета. Характерна слабая ореографія студента Лермонтова.

Изъ напечатанной въ томъ же январскомъ номерѣ новой переписки съ Гоголемъ особенно интересно письмо Бѣлинскаго къ Гоголю 1842 года: просто и откровенно заявляетъ критикъ свое сожа-

лѣнне, что Гоголь даетъ свои произведенія въ *Москвитяинъ* и ничего не имѣетъ для *Отечественныхъ Записокъ*, „теперь единственнаго журнала на Руси, въ которомъ находить себѣ мѣсто и убѣжище честное, благородное и, смѣю думать, умное мнѣнне“; кается въ своихъ нападкахъ на *Арабески*: „онѣ были тогда для меня слишкомъ просты, а потому и неприступно высоки; притомъ же, на мутномъ днѣ самолюбія безсознательно слышалось желаніе блеснуть и безпристрастіемъ“. Изъ письма видно, что Бѣлинскій очень переѣбнилъ свои взгляды „съ тѣхъ поръ, какъ въ 1840 году въ послѣдній разъ вѣдалъ о вашихъ повѣстанъ и *Ревизорѣ*“. Припомнимъ, что это былъ періодъ увлеченія гегелианствомъ, который прошелъ съ переселеніемъ въ Петербургъ; теперь Бѣлинскій выражаетъ желаніе вновь писать о Гоголѣ: „Величайшею наградою за трудъ для меня можетъ быть только ваше вниманіе и ваше доброе, пріятливое слово“. Какимъ-то предчувствіемъ будущаго, знаменитаго письма 1847 года звучитъ окончаніе этого письма: „Дай вамъ Богъ здоровья, душевныхъ силъ и душевной ясности. Горячо желаю вамъ этого, какъ писателю и какъ человѣку, ибо одно съ другимъ тѣсно связано. Вы у насъ теперь *одинъ*—и мое нравственное существованіе, моя любовь къ творчеству тѣсно связаны съ вашей судьбой; не будь васъ—и прощай для меня настоящее и будущее въ художественной жизни нашего отечества“. Даже прямой, какъ будто, намекъ на возможность разрыва сдѣланъ въ заключительныхъ словахъ письма: „Не знаю, понравится ли вамъ тонъ моего письма,—даже боюсь, чтобъ онъ не показался вамъ болѣе откровеннымъ, нежели сколько допускаютъ то наши съ вами свѣтскія отношенія; но не могу переѣбнить ни слова въ письмѣ моемъ, ибо въ случаѣ, противномъ моему ожиданію, легко утѣпущу, сложивъ всю вину на судьбу, издавна уже неблагоприятствующую русской литературѣ“.

Въ той же богатой содержаніемъ книжкѣ помѣщены новые матеріалы о Герценѣ и переписка его и Огарева съ Кельсиевымъ. Особенно любопытны здѣсь сообщенія Е. С. Некрасовой отрывочныя замѣтки Герцена, относящіяся къ очень раннему времени (1836—вятская ссылка): интересны попытки Герцена осмыслить значеніе тѣсныхъ историческихъ явленій проведеніемъ параллелей между ними;—въ параллеляхъ этихъ проходитъ одна основная идея: контрастъ между людьми мысли и людьми дѣла, — „апостолами“ и разрушителями, „маяками“ и „брандерами“. *Отдѣльная замѣтка о русскомъ законодательствѣ* представляетъ попытку уяснить себѣ дѣйствующій строй Россіи, его историческое происхожденіе и его значеніе въ будущемъ. Существенное содержаніе взглядовъ Герцена слѣдующее. Что въ нашемъ дѣйствующемъ правѣ *національнаго* („перешло изъ *Судебника*, *Уложенія*, черезъ все царствованіе дома Романовыхъ до *Свода*“), могутъ рѣшить „только глубокія изысканія“; но уже „при самыхъ начальныхъ трудахъ“— „въ *европейскую* эпоху нашего законодательства — является два элемента, блестящимъ образомъ развитые *Наказомъ* Екатерины II“, именно—коллегіальное начало и выборы. Сдѣлавъ бѣглую оцѣнку этихъ элементовъ въ дѣйствующемъ устройствѣ, Герценъ приходитъ къ выводу, что „основанія муниципальнаго права, выборовъ, коллегіальнаго учрежденія такъ обширны, что другія страны не достигли ихъ“: именно, у насъ нѣтъ ценза, и право, данное сословію, принадлежитъ ему во всей совокупности; съ другой стороны, не только судебная, но отчасти и исполнительная власть поручена лицамъ выбраннымъ, а не назначеннымъ. Этотъ выводъ открываетъ Герцену обширную перспективу: „Взгляните, какая обширная база лежитъ подъ „сво-

домъ". Россія и Америка—двѣ страны, которыя поведутъ дальше юридическую жизнь человечества. Россія, какъ высшее развитіе самодержавія на народныхъ основаніяхъ, и Америка — какъ высшее развитіе демократіи на монархическихъ основаніяхъ". Но правильному и полному развитію законодательства на этихъ началахъ препятствуютъ обстоятельства, которыя Герценъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ: 1) „Доселѣ массы не умѣютъ понять своихъ правъ“ — по недостатку просвѣщенія и по недостатку гражданственности (т.-е. не пользуются въ полной мѣрѣ своимъ правомъ коллегіальности и самоуправленія). 2) „Нѣкоторые учрежденія основаны совсѣмъ на другихъ началахъ и часто противоположныхъ,—они останавливаютъ другъ друга“ (вѣроятно, имѣется въ виду столкновение выборныхъ и правительственныхъ властей въ екатерининскомъ устройствѣ администраціи и суда). 3) Переѣздъ, данный дворянству. 4) Помѣщичье право, исключющее изъ общаго круга людей извѣстныхъ. Герценъ указываетъ, однако, на то, что элементъ выбора и большинства голосовъ, также какъ и значительная доля самоуправления, „уже есть въ волостномъ правленіи“ казенныхъ крестьянъ; введеніе этого управленія министерствомъ государственныхъ имуществъ (тогда только что совершенное), по мнѣнію Герцена, „показываетъ планы правительства (т.-е. относительно крестьянъ помѣщичьихъ)“; кстати Герценъ дѣлаетъ характерную замѣтку: „наше законодательство принимаетъ владѣніе за фактъ и только въ этомъ смыслѣ охраняетъ его; лучшее доказательство, это—десятилѣтняя давность, беспорное межеваніе“. Онъ хочетъ сказать этимъ, повидимому, что вопросъ о *правѣ* собственности не можетъ помѣшать крестьянской реформѣ. „Впрочемъ,—оговаривается Герценъ,—крестьяне въ другихъ странахъ точно также hors la loi, какъ выходящіе изъ электоральнаго ценза (кроме Швеціи)“.

Какъ видимъ, это цѣлая система; мы только сообщили мыслямъ Герцена ихъ естественный порядокъ.

Очень интересны новыя „стихотворенія Н. П. Огарева“ (ноябрь и passim), тоже относящіяся къ ранней порѣ 1830—40 годовъ и сообщенныя второю женой Огарева, Н. А. Тучковой; ей же принадлежатъ напечатанныя въ февральской книжкѣ воспоминанія объ И. С. Тургеневѣ (1848—70).

Мы все еще не выходимъ изъ области исторіи русскаго просвѣщенія, переходя къ *Материаламъ для исторіи русской цензуры 1809—15*. Въ 1809 г. на Петровскомъ театрѣ была представлена комическая опера *Дидона на-изнанку*; мѣстный цензоръ поднялъ шумъ и дѣло дошло до Петербургскаго цензурнаго комитета, который пришелъ къ заключенію, что опера не можетъ быть одобрена ни къ печатанію, ни къ представленію на театрѣ: 1) потому, что „не содержитъ въ себѣ никакой нравственной цѣли, необходимо нужной для всѣхъ театральныхъ пьесъ“; 2) потому, что она „преисполнена выраженной слишкомъ подлыхъ и для тонкаго слуха оскорбительныхъ, а особливо, если ихъ произнести Эней или Дидона“, наприм., „вся глотка пересохла“ и т. п.; 3) неприлично „выводить на сцену лица царственныя въ столь подломъ и непристойномъ видѣ“; 4) „непочтительность Энея къ своему дядѣ, выраженная самыми грубыми словами, предосудительна и противна нравственности“, наприм.: „эхъ дядюшка, нелегкая тебя суеть“ и т. д.

Исторія студенчества особенно посчастливилось въ разбираемыхъ книжкахъ *Русской Старины*. Въ *Воспоминаніяхъ стараго студента В. М. Сорокина* ярко рисуется студенческая жизнь въ Петербургскомъ универ-

сителѣ въ 1858—61, во время общаго одушевленія и подъема, наканунѣ реформы, когда „старики молодѣли около насъ и вмѣстѣ съ нами горячо, неустанно работали и служили для всѣхъ и каждаго милому и дорогому дѣлу всеобщаго возрожденія, волновались радужными надеждами и изъ всѣхъ силъ стремились къ осуществленію высокихъ задачъ того времени“. Изъ разсказа автора видно, какъ тогдашніе студенты переносили и въ жизнь эти идеальныя стремленія.

Послѣ *Воспоминаній стараго студента*, какъ холодною водою обливають читателя воспоминанія П. Д. Шестакова о студенческихъ волненіяхъ въ Москвѣ 1861 г. (въ качествѣ инспектора) и въ Казани въ 1882 г. (въ качествѣ попечителя). Читая и сочувствуя г. Сорокину, читатель невольно смущенъ своимъ соучастіемъ и укривательствомъ передъ строгимъ попечительскимъ взглядомъ г. Шестакова. Кажется, тамъ тѣ же сходки, студенческое самоуправленіе, даже студенческой самосудъ подъ предсѣдательствомъ г. Спасовича, даже есть и полякъ-конспираторъ, пытавшійся эксплуатировать молодежь въ своихъ видахъ, — однимъ словомъ, все тѣ же явленія, которыя предстали и на официальной судъ г. Шестакова, — и, однако, изъ тѣхъ же фигуры и краски — какія разныя вышли картины подъ рукой бывшаго студента и бывшаго попечителя: въ одной мы видимъ лучшую надежду Россіи, залогъ ея грядущаго обновленія; въ другой изображается глубокая язва, отнимающая всякую надежду на лучшее будущее родины! Совершенно объективно, безъ всякаго освѣщенія съ той или съ другой стороны, прямо по официальнымъ документамъ изложены *Студенческія исторіи въ Казанскомъ университетѣ 1855 — 63* и. проф. Н. А. Ойрсовымъ. Пока (мартъ и апрѣль) изложеніе доведено только до 1861 года.

Перехода къ военной и дипломатической исторіи, отмѣтимъ, прежде всего, *Воспоминанія художника В. В. Верещагина*, который на этотъ разъ описалъ переходъ черезъ Балканы (мартъ) и набѣгъ на Адрианополь въ 1877 г. Тамъ и здѣсь авторъ ихъ впереди со Скобелевымъ и Струковымъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ знаменитый художникъ обнаружилъ большой литературный талантъ, хотя и увлекающій его иногда за предѣлы истинъ (см. возраженія дѣйствующихъ лицъ его воспоминаній: въ январѣ — г. Панютина; въ май — ген.-майора Соболева въ статьѣ: *Послѣдній бой за Шипку*); въ печати неоднократно говорили уже, что вмѣстѣ съ этимъ онъ обнаружилъ также и дурное сердце; мы не хотимъ читать въ сердцѣ г. Верещагина, а приведемъ его собственный отвѣтъ на часть предъявленныхъ ему обвиненій: „Въ жарѣ, въ лихорадку бросило меня, когда я смотрѣлъ на все это и когда писалъ потомъ мои картины; слезы набѣгаютъ и теперь, когда вспоминаю эти сцены, а умные люди убѣждаютъ, что я „холоднымъ умомъ сочиняю небылицы...“

Изъ другихъ статей отмѣтимъ продолженіе изслѣдованія г. Шильдера: *Россія въ ея отношеніяхъ къ Европѣ въ царствованіе Александра I*. Мы уже говорили о парадоксальномъ взглядѣ автора, что союзъ съ Наполеономъ всего лучше отвѣчалъ интересамъ русской политики. И послѣдняя статья не убѣдила насъ, что не Наполеонъ, а самъ Александръ есть „истинный творецъ Варшавскаго герцогства“, какъ, повидимому, и слѣдующія не убѣдятъ, что отказъ отъ континентальной системы былъ величайшею ошибкой русскаго правительства. Назовемъ затѣмъ біографіи Лорисъ-Меликова, гр. Евдокимова, М. К. Вобровскаго, автобіографію Н. М. Пржевальскаго; біблиографическія статьи о дѣятельности ученыхъ архивныхъ комиссій, этихъ новыхъ учрежденій съ богатою будущностью, въ 1887 г. (составл. И. Е. Андреевскимъ) и о журналѣ *Виблі-*

ографъ, за послѣднее время собравшемъ около себя тѣсныя кружокъ петербургскихъ молодыхъ историковъ и дающемъ, кромѣ рецензій, написанныхъ специалистами, рядъ самостоятельныхъ ученыхъ изслѣдованій. Среди массы заслуживающихъ упоминанія статей мы забыли еще упомянуть въ своемъ мѣстѣ биографическій очеркъ *Леонтія Васильевича Дуббельта* и его письма, бросающія любопытный свѣтъ на эту очень извѣстную личность.

Трудъ. Намъ доставлены шесть первыхъ книжекъ новаго журнала *Трудъ*, выходящаго съ начала нынѣшняго года въ качествѣ литературно-научнаго приложения къ журналу *Всемирная Иллюстрація*. *Трудъ* выходитъ два раза въ мѣсяцъ небольшими книжками, около семи листовъ каждая.

Мысль дать здоровое и полезное чтеніе той массѣ среднихъ, преимущественно провинціальныхъ читателей, которая группируется у насъ около изданій „съ картинками“, — мысль очень хорошая, и починъ *Всемирной Иллюстраціи* заслуживаетъ вниманія и привѣта. Въ настоящее время, конечно, еще рано судить, насколько полно и опредѣленно новый журналъ будетъ отвѣчать своему назначенію, которое отчасти уже опредѣляется составомъ и потребностями читателей иллюстрированныхъ изданій, опредѣляется самымъ мѣстомъ *Труда* въ журналистикѣ. Пока въ новомъ журналѣ незамѣтно присутствія ни какихъ-либо опредѣленныхъ задачъ, ни выдающагося содержания. Если судить по первымъ шести книжкамъ, то это—сборникъ небольшихъ статей, болѣею частью совершенно случайнаго характера. Такъ, по вопросамъ русской жизни встрѣчаемъ здѣсь всего двѣ статьи: *Избраніе мировыхъ судей* г. Дружинина и *Телефонная речалія* его же; да и тѣ имѣютъ слишкомъ специальное значеніе, чтобы быть пригодными для средняго читателя и вообще для маленькаго обще-литературнаго изданія. Если не оригинальностью, то большою живостью и несомнѣнною полезностью отличаются: очеркъ *Чарльзъ Дарвинъ*, составленный по его перепискѣ и автобіографіи, статья г. Корочевского: *Рабство въ древнемъ мѣрѣ* и *Литература и общество* г. Чуйко. Послѣдняя статья представляетъ собою довольно живо написанный этюдъ по исторіи всеобщей литературы, въ которомъ рисуется связь литературныхъ теченій съ настроеніемъ и идеалами разныхъ историческихъ эпохъ, отмѣчается постоянная органическая связь произведеній искусства съ живою дѣйствительностью. Однако, на самыхъ послѣднихъ страницахъ этюда г. Чуйко неожиданно опрокидываетъ свою предъидущую литературную теорію, обвинивъ огульно всю русскую литературу въ фальши, въ невѣрномъ изображеніи русской дѣйствительности. Категорически заявивъ, что связь между литературой и жизнью у насъ порвалась, что „литература говоритъ одно, а жизнь другое“, г. Чуйко не подкрѣпляетъ, однако, своего положенія никакими ссылками и примѣрами изъ области современной литературы. Самымъ слабымъ и шаблоннымъ характеромъ въ новомъ журналѣ отличается отдѣлъ художественный. Кромѣ неизбѣжныхъ стихосложеній гг. Ясинскаго, Случевского, Фофанова и мн. др., кромѣ столь же неизбѣжныхъ *Картины Италии* г. Маркова, въ *Трудѣ* помѣщенъ романъ г. Ясинскаго *Трашки*. Банальный сюжетъ изъ жизни провинціальныхъ актеровъ, характеризова гастролирующихъ „звѣздъ“—набросаны чрезвычайно небрежно рукой.

Но, несмотря на свою относительную блѣдность и неопредѣленность, новый журналъ не носитъ и слѣда спекулятивнаго характера многихъ

мелкихъ изданій, рассчитанныхъ на дешевый эффектъ, на непривлекательные вкусы наивныхъ провинціальныхъ читателей. *Трудъ*, судя по его общей физиономіи, очевидно, руководится серьезнымъ намѣреніемъ принести посильную пользу этимъ читателямъ; отъ него можно ожидать въ будущемъ усовершенствованія. Внѣшность изданія чистенькая, даже изящная.

Этнографическое Обзорѣніе. Периодическое изданіе этнографическаго отдѣла Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи. Книга I (подъ редакціей Н. А. Янчука). Москва, 1889 г. Необходимость серьезнаго изученія народа, громадное научное и практическое значеніе этого изученія принадлежать уже, къ счастью, къ числу такихъ положеній, которыя едва ли кому-нибудь нужно доказывать. Всѣ это признаютъ, всѣ объ этомъ говорятъ; но если подвести итоги сдѣланному по народоизученію, то получится очень печальный результатъ. Много собрано матеріаловъ, но еще болѣе гибнетъ на нашихъ глазахъ, подъ стихійнымъ напоромъ „городской и фабричной“ культуры, — гибнетъ много неизвѣстнаго и цѣннаго. Какой-нибудь старикъ расскажетъ вамъ что-нибудь очень любопытное; въ силу какой-нибудь случайности вы не запишете этого, явитесь черезъ годъ, два и найдете много переимѣнъ: старое померло, молодое поколѣніе все забыло изъ того, что еще такъ недавно рассказывали ему и вамъ старики. Много еще работы на этнографической нивѣ, очень много, а, между тѣмъ, „дѣлателей“ очень мало: особенно рѣзко этотъ недостатокъ чувствуется теперь, когда иногда нужно такъ спѣшить съ собираніемъ. Въ еще болѣе печальномъ положеніи находится разработка собраннаго матеріала, разбросаннаго по тысячамъ періодическихъ и отдѣльныхъ изданій, самая незначительная доля котораго приведена въ извѣстность. Въ этнографическомъ матеріалѣ, собранномъ въ Россіи, находится масса очень важныхъ данныхъ для реконструкціи примитивнаго быта, для сравнительной исторіи всеобщей литературы. Разработка данныхъ съ этой точки зрѣнія почти еще не начата: это зависитъ и отъ малочисленности наличныхъ литературныхъ силъ, и отъ недостатка подготовительной, очень тяжелой работы—болѣе или менѣе полнаго библиографическаго свода.

Такииъ образомъ, всякій этнографическій органъ, по нашему мнѣнію, долженъ служить тремъ слѣдующимъ цѣлямъ: собиранію фактовъ по „фольклору“, тщательному анализу и систематизаціи ихъ въ интересахъ сравнительной исторіи примитивной культуры и всеобщей литературы, приведенію въ извѣстность уже напечатаннаго матеріала и, самое главное, *популяризаціи* выводовъ по фольклору: Специальныя изданія очень немногочисленныхъ русскихъ этнографическихъ обществъ мало сдѣлали въ этомъ отношеніи и вслѣдствіе скудости средствъ, недостатка силъ, и вслѣдствіе ограниченной распространенности ихъ изданій.

Нельзя не привѣтствовать, въ виду этого, проявленіе всякаго новаго этнографическаго органа, концентрирующаго около себя новыя и свѣжія силы, въ особенности, если этотъ органъ беретъ на себя посильное удовлетвореніе всѣмъ этимъ цѣлямъ, какъ это дѣлаетъ *Этнографическое Обзорѣніе*, первая книжка котораго недавно вышла.

Книжка открывается статьей проф. Апучина *О задачахъ русской этнографіи*, который сжато, но обстоятельно намѣчаетъ исторію русской этнографіи, отношеній къ народоизученію общества и печати,—цѣли, къ которымъ она должна стремиться, средства, которыми она можетъ пользоваться.

Вмѣстѣ съ заявленіемъ „отъ редакціи“ она какъ бы выражаетъ profession de foi только что начинающагося этнографическаго органа.

Исслѣдованіе г. Харузіна *О пойдажъ у древнихъ и современныхъ лопарей* посвящено очень интересному вопросу о шаманахъ и колдунахъ русскихъ и скандинавскихъ, древнихъ и современныхъ лопарей; составлено оно на основаніи личныхъ наблюденій и записей автора и обстоятельнаго знакомства съ литературой предмета. Третье исслѣдованіе общаго характера посвящено вопросу о положеніи неспособныхъ въ труду стариковъ въ первобытномъ обществѣ (Вл. Баллаша); пока напечатана только вступительная глава его.

Остальныя статьи (г. Акимова—*Свадебные обычаи акамитскихъ армянъ*, г-жи Свѣтъ—*О черничкахъ* Харьков. губ., г. Богаевского—*Замѣтка о народной медицинѣ*, г. Куликовскаго—*Бесподня складчины и ссытчины Оболенскія*) трактуютъ объ отдѣльныхъ сторонахъ быта инородцевъ и крестьянъ Россіи. Книга заключается обстоятельною этнографическою библиографіей, „извѣстіями и замѣтками“.

Желаемъ полнаго успѣха начинающему изданію. Характеръ первой книжки служитъ задаткомъ того, что новый органъ можетъ и хочетъ удовлетворять разнообразнымъ и настоятельнымъ потребностямъ русской этнографіи.

Книжка издана хорошо и стоитъ недорого (1 р. 50 к.).

Вѣстникъ археологій и исторій. Издаваемый археологическимъ институтомъ. Выпускъ VII. Спб., 1888 г. Самая объемистая статья этого выпуска принадлежитъ г. Н. П. Черневу: *Замѣтки о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ*. Авторъ, на основаніи самаго тщательнаго изученія надписей на монетахъ великаго княжества Кіевскаго, разбираетъ ту классификацію и хронологическую преемственность типовъ этихъ монетъ, которую установилъ графъ И. Толстой въ своемъ прекрасномъ исслѣдованіи (*Древнѣйшія русскія монеты великаго княжества Кіевскаго*. Спб., 1882 г.). Основная мысль г. Чернева та, что монеты нѣжинскаго клада 1852 г. и кіевскаго клада 1876 г. представляютъ два различные типа: первый чеканился въ Черниговскомъ, второй въ Кіевскомъ княжествѣ. Сообразно съ этимъ взглядомъ, онъ предлагаетъ во „Владимірѣ“ нѣжинскихъ монетъ видѣть Владиміра Давидовича (по Толстому, это монеты Владиміра Святаго 2, 3 и 4 типа); вмѣсто „Георгія“ (т.-е. Ярослава, 1-й и 2-й типы по Толстому), читаетъ „Петръ“, хотя и отказывается найти этого Петра; а имя „Святополка“ совсѣмъ отказывается прочесть и самыя монеты пока относитъ къ разряду неопредѣленныхъ. Изъ монетъ же кіевскаго клада, онъ монеты „Владиміра“ относитъ не къ Владиміру Святому (1-й типъ по Толстому), а къ Владиміру Мономаху, и не сомнѣвается только относительно монетъ Ярослава Мудраго (3-й типъ Толстаго). Такимъ образомъ, взглядъ г. Чернева совершенно разрушаетъ классификацію гр. Толстаго, не замѣняя ее никакою другою и считая всякую классификацію преждевременной. Намъ положеніе дѣла представляется, однако, не столь печальнымъ. Монеты Владиміра Святаго 2, 3 и 4 типа и послѣ исслѣдованія г. Чернева, какъ намъ кажется, остаются на томъ же мѣстѣ, какое опредѣлялъ для нихъ гр. Толстой; легенды на 2-мъ типѣ Владиміра и на монетахъ такъ называемаго Святополка, дѣйствительно, очень неудобочитаемы; вѣроятно, это указываетъ на иностранныхъ мастеровъ; но все же имя Владиміра можетъ быть разобрано на первыхъ и даже имя Святополка, всего вѣроятнѣе, на вторыхъ. Но, вмѣсто „Георгія“, повидимому, дѣйствительно, стоитъ „Петръ“; если, благодаря

этому обстоятельству, придется монеты, такъ называемая Ярослава 1-го и 2-го типа, выкинуть изъ классификаціи гр. Толстаго, то вѣстѣ надо будетъ выкинуть и монеты, такъ называемыя Святополна, потому что онѣ связаны неразрывно съ 1-мъ типомъ Ярослава тождествомъ рисунка на оборотной сторонѣ. Мысль о мѣстномъ происхожденіи различныхъ типовъ, во всякомъ случаѣ, очень интересна, хотя авторъ и преувеличиваетъ важность мѣстонахожденія разныхъ типовъ. Любопытно указаніе на связь монетъ Ярослава (3-го типа по Толстому) съ новгородскимъ сѣверомъ; можетъ быть, не случайно и то, что древнѣйшій типъ монетъ Владиміра Святаго не попалъ въ Черниговскую область (если только это подтвердится дальнѣйшими находками); но ненахождение остальныхъ типовъ въ Кіевской землѣ представляется намъ совершенно случайностью.

Изъ другихъ статей отмѣтимъ небольшую статью Д. И. Прозоровскаго о *Псаломникѣ*. Подъ этимъ заглавіемъ авторъ разбираетъ извѣстную пасхальную таблицу Синодальной бібліотеки съ историческими отмѣтками, которымъ уже воспользовался Сухомлиновъ. Теперь оказывается, что эта рукопись есть та самая „владычня Василиева книга“, которой пользовался арх. новгородскій Геннадій при составленіи пасхалии. Въ виду принадлежности ея владыкѣ Василю, возникаетъ теперь очень интересный вопросъ, не имѣетъ ли эта пасхальная таблица непосредственнаго отношенія къ составленію 1-й новгородской лѣтописи, героемъ которой владыка Василій остается въ теченіе 20 лѣтъ (6841—60)?

Съ VII выпуска при журналѣ начался новый отдѣлъ—*Библіографія по исторіи и археологіи*. Нельзя не сочувствовать такому расширенію изданія; правда, въ этомъ выпускѣ библіографія составлена нѣсколько случайно, но объ этомъ предупреждаетъ и сама редакція, обѣщая въ будущемъ болѣе правильное веденіе отдѣла. Въ дополненіе къ этому отдѣлу съ VIII выпуска вводится *Обзорніе дѣятельности историческихъ и археологическихъ обществъ*. Въ разбираемомъ выпускѣ сообщаются свѣдѣнія объ обществѣ археологіи, исторіи и этнографіи въ Казани, объ обществѣ любителей древней письменности, объ Императорской археологической комиссіи, объ одесскомъ обществѣ исторіи и древностей (за 1839—88 годы), о московскомъ обществѣ древне-русскаго искусства, о псковскомъ археологическомъ обществѣ; здѣсь же назовемъ очень интересную статью И. Е. Андреевскаго: *О дѣятельности ученыхъ архивныхъ комиссій въ 1885 году*, которой начинается VII выпускъ.

Летопис Матице Српске. Книга 157, первая связка (выпускъ). У Новоме Саду, 1889. *Летопис Матице Српске*, органъ сербскаго общества *Матица*, въ которомъ помѣщаются протоколы его засѣданій и премиранныя имъ художественныя и научныя произведенія. Настоящій выпускъ открывается некрологомъ безвременно скончавшагося эрцгерцога Рудольфа, производящимъ очень непріятное впечатлѣніе своею искусственностью и семинарскою риторичностью; за нимъ слѣдуетъ біографія священника Іована Витковича, извѣстнаго сербскаго патріота и знатока греческой литературы и языка, написанная его сыномъ Гавр. Витковичемъ. Біографія эта написана по поводу столѣтія со дня рожденія этого дѣятеля, которое праздновалось въ 1885 году, и была напечатана сначала въ бѣградскомъ *Дневникѣ*; теперь она является въ исправленномъ и дополненномъ видѣ. Доведена она пока до 30-хъ годовъ и содержитъ въ себѣ нѣкоторыя небезынтересныя черты жизни сербскаго общества въ это время. Нельзя, впрочемъ, считать удач-

ною мыслью *Матицы* поручить подведение итоговъ дѣятельности Витковича его сыну.

Статья г. Петровича посвящена вопросу о производствѣ „ракин“ у сербовъ. Популярно рассказываетъ онъ, что такое алкоголь, откуда онъ добывается и т. д.; по его опредѣленію, „ракин“—разнообразные спиртные напитки изъ плодовъ. Онъ говоритъ о способахъ ея приготовления и различныхъ видахъ ея (моньяк, каповица, киселица, шльвовица и т. д.).

Длинная эпическая поэма Іосипа Берсы *Данѣла* немного наивно и напыщенно описываетъ страданія и житейскія невзгоды Даниїла, рано посѣдѣвшаго подъ напоромъ бурныхъ страстей. Г. Берсъ, видно, поэтъ очень молодой и еще очень неопытный. Красивыя мѣста въ поэмѣ есть; къ нимъ, наприм., принадлежитъ пѣсня „младог мрнара“, которой открывается поэма и которую трагически прерываетъ Даниїлъ:

„Кажи мени, родно село,
Живи ли ми стара мати?
Кажи мени, чекају л'ме
На до ласку китни свати?—
Уморанъ самъ, мати моја,
Польуби ме, љубо моја!“ и т. д.

Владиміръ Красичъ помѣстилъ замѣтку о сербской тайнописи, вопросомъ о которой уже занимались извѣстные сербскіе филологи Даничичъ и Новаковичъ въ *Гласникъ српског ученог друштва*. Ему удалось совершенно выяснить вопросъ о тайнописи и возстановить всю тайную азбуку, которой были написаны многія старыя сербскія рукописи.

Въ отдѣлѣ библіографіи помѣщенъ обстоятельный (въ 50 стран.) разборъ сочиненія Гавр. Витковича (*Прошлост, установа и споменници угарскихъ краљевихъ шајкаша од 1000 до 1872*), написанный Джукичемъ*). Въ этомъ отчетѣ отмѣчены многіе грубые промахи этого труда и слишкомъ большая близость къ нецитированному г. Витковичемъ произведенію мадыарскаго ученаго Szentkláray (*A dunai hajóhadak története*).

Въ *Гласникъ из српског и словенског света* помѣщенъ отчетъ объ устройствѣ памятника бывшему секретарю *Матицы* и редактору *Летописа* Годору Павловичу. Въ концѣ—протоколы засѣданій.

Книга издана очень изящно.

*) Такъ онъ называлъ въ оглавленіи; статья подписана: „Чукчичъ“.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„БИБЛЮГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА“.

I. Книги.

	<i>Стр.</i>
Исторія: „Учебникъ исторіи“. <i>А. Травескаго.</i> — „Б. О. Яковлѣ“. <i>А. А. Ильина.</i>	227
Путешествія: „По Крыму“. <i>С. Филитова.</i> — „По былу свѣту“. <i>Гр. Мачета.</i> — „Путешествіе на Алтай и за Саяны“. <i>А. П. Адрианова.</i>	23
Статистика: „Опытъ разработки статистическихъ данныхъ о смертности въ Россіи“. <i>Н. Экка.</i> — „Евгеньевская волость, Тираспольскаго уѣзда, Херсонской губ.“.	235
Юридическія книги: „Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи“. — „Военно-юридическая академія“. <i>Изд. гр. Валюева.</i> — „Уставъ строительный“. — „Полный Сводъ Законовъ строительныхъ“	237
Медицина: „Гигіена“. <i>А. Доброслава.</i>	241
Сельское хозяйство: „Историческій обзоръ правительственныхъ мѣропріятій въ развитіи сельскаго хозяйства въ Россіи“. <i>Н. Пономарева.</i> — „Всѣгда обогородъ“. <i>Изд. И. О. Биржова.</i> — „Воздушное садоводство“. <i>Н. Жуковскаго.</i> — „Популярное наставленіе къ русскому плодоводству“. <i>Э. Ризелъ.</i> — „Протоколы Петровскаго общества изобрѣдителей Астраханскаго края“. — „Двадцать лекцій агрономической химіи“. <i>Г. Г. Густавсона.</i> — „Садовый словарь“. <i>П. Л. Волкешителю.</i>	243
Языковѣдѣніе: „Демосевъ“. <i>Перев. Н. Виноградова.</i> — „Рѣчь Цицерона противъ Катилины“. <i>Перев. Д. И. Шрейдера.</i> — „Эпикетъ“. <i>Перев. В. Алексеева.</i>	246
Учебники: „Послѣ азбуки“. <i>Н. Я. Некрасова.</i> — „Русская нравственная грамматика въ вопросахъ и отвѣтахъ“. <i>Н. Е. Ерощенко.</i> — „Зрительный диктантъ“. <i>В. Земляскаго.</i> — „Уроки геометріи“. <i>Н. В. Зуревскаго.</i>	248
Справочныя книги: „Парижъ и его окрестности“.	251

II. Периодическія изданія.

„Вѣстникъ Европы“, май. — „Русскій Вѣстникъ“, апрѣль — май. — „Русская Старина“, ноябрь 1888 г. — май 1889 г. — „Трудъ“, кн. I — VI. — „Этнографическое Обзорѣніе“, кн. I. — „Вѣстникъ археологіи и исторіи“, выпускъ VII. — „Летописъ Матіце Сриске“, выпускъ I.	251
---	-----

Во веѣхъ извѣстныхъ книжныхъ ма-
газинахъ и въ складѣ Товарищества
И. Н. Бушнеревъ и К°. (Москва, Ни-
кольская, д. бр. Чижовыхъ)

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЙ

ТРЕТІЙ ТОМЪ

СОЧИНЕНІЙ Н. ЗЛАТОВРАТСКАГО.

Содержаніе: Скиталець. (Эпизоды изъ жизни
Русанова: Израильская жизнь. — Семья Кремлё-
выхъ. — Конецъ Русанова). — Караваевы. — Надо
торопиться. — Лѣсъ. — Труженики. — Городъ рабо-
чихъ. — Гетманъ. Цѣна 1 р. 50 коп. безъ пере-
сылки.

Въ складѣ при книжномъ магазинѣ Вольфа
(Москва, Петровка, д. Рожнова) можно получать
оставшіеся экземпляры:

Томъ первый (изданіе второе): Крестьяне-
присяжные. — Въ артели. — Деревенскій король
Лиръ и др. Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ второй: Устон (исторія одной деревни),
повѣсть въ 4-хъ ч. Цѣна 2 р. безъ пересылки.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ
НОВАЯ КНИГА:
НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ
О СЦЕНИЧЕСКОМЪ ИСКУССТВѢ.

С. А. Юрьева.

Цѣна 60 коп. съ пересылкою.

Складъ изданія въ конторѣ журнала *Русская Мысль*
(Москва, Леонтьевскій, 21).

КРИТИКО-БИОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ
РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ И УЧЕНЫХЪ

(отъ начала русской образованности до нашихъ дней).

В. А. Венгерова.

Словарь состоитъ изъ краткихъ записокъ о писателяхъ, отъ которыхъ лишь ради полноты, или (если они наши современники) недостаточно еще опредѣлившись, и изъ болѣе или менѣе пространныхъ этюдовъ и монографій о писателяхъ, имѣющихъ литературное значеніе.

Кромѣ С. А. Венгерова, которому принадлежатъ статьи критическаго и историко-литературнаго характера, въ Словарѣ принимаютъ участіе специалисты по разнымъ отраслямъ знанія.

По критію иностранныхъ объемистыхъ изданій и въ видахъ удобства приобрѣтенія, „Критико-биографическій словарь“ выходитъ періодическими выпусками въ 3 печатныхъ листа (48 страницъ). Вышло до 15 ноября 14 выпусковъ.

Цѣна каждаго выпуска 85 коп., съ пересылкою 45 коп. При подпискѣ же на 10 выпусковъ цѣна понижается до 2 р. 50 к. безъ пересылки и 3 р. съ пересылкою или доставкой.

Для подписывающихся на 10 или болѣе выпусковъ допускается разсрочка платежа, но не менѣе какъ по 1 р. въ мѣсяцъ, причѣмъ служащій, представляющій ручательство казначея, высылается разомъ всѣ вышедшіе выпуски, не представляющій же такового ручательства—по мѣрѣ вносковъ.

Иногородные обращаются исключительно по адресу: *С.-Петербургъ, Думская, 47. Семени Аванасевичу Венгерову.*

Цѣна 85 коп.

Въ конторѣ редакціи журнала „Русская Мысль“ находятся
въ продажѣ слѣдующія новыя книги:

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ.

Владимира Короленко.

(Третье изданіе).

Цѣна 1 руб. 50 коп. съ пересылкою.

СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ.

(Этюды).

Владимира Короленко.

Цѣна 75 коп. съ пересылкою.

ПОТОПЪ.

Историческій романъ Генрика Сенкевича.

Перев. съ польскаго В. М. Лаврова.

Цѣна 3 рубля съ пересылкою.

ТАРТАРЕНЪ ИЗЪ ТАРАСКОНА

и

ТАРТАРЕНЪ НА АЛЬПАХЪ.

Альфонса Додэ.

Переводъ М. Н. Ремезова.

Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

БЕЗСМЕРТНЫЙ.

Романъ Альфонса Додэ.

Переводъ М. Н. Ремезова.

Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

СИЛУЭТЫ.

(Новыя повѣсти и рассказы).

Григорія Мачтета.

Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

ВОСПИТАНІЕ, ПРАВСТВЕННОСТЬ, ПРАВО.

(Сборникъ статей).

В А Гольцева.

Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

XV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Докладъ финляндскаго генералъ-губернатора.—Полемика о «русской партіи».—Чрезвычайное земское собраніе. — Прекращеніе судебнаго дѣла на курско-азовской дорогѣ.—Нормированіе военнаго бюджета.—Данныя виѣшней торговли.—Снабженіе юга рабочими.—Новые взгляды педагоговъ на преподаваніе древнихъ языковъ. — Наши общеобразовательныя училища.—Тарифное совѣщаніе.—О. Ѳ. Миллеръ †.—В. Крестовскій-псевдонимъ †.	155
XVI. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: Жизнь и сочиненія Вахофена. — Н. С. Русанова	180
XVII. СТРАШЕНЪ СОНЪ, ДА МИЛОСТИВЪ БОГЪ. — Н. К. Михайловскаго.	212
XVIII. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книжки: Исторія. — Путешествія. — Статистика. — Юридическія книги.— Медицина.— Сельское хозяйство.— Языкознаніе.— Учебники.— Справочныя книги. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», май.— «Русскій Вѣстникъ», апрѣль—май. — «Русская Старина», ноябрь 1888 г.—май 1889 г. — «Трудъ», кн. I—VI.— «Этнографическое Обозрѣніе», кн. I.—«Вѣстникъ археологіи и исторіи», выпускъ VII. — «Летописъ Матице Српске», выпускъ I.	227

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Условія подписки на 1889 годъ

(десятый годъ изданія).

	Годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи	12 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу	14 »	7 »	3 » 50 к.	—

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, въ 1 апрѣля, 1 юля и 1 октября по 3 рубля.

Книгопродавцамъ дѣляется уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ каждаго годоваго экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставляемымъ ими подпискамъ не допускается.

За перемѣну адреса взимается слѣдующая плата: при переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе, а равно иногороднихъ въ городскіе уплачивается по 50 коп. За перемѣну адреса на адресъ той же категоріи уплачивается 25 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала — Леонтьевскій пер., 21.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала — при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°, Невскій Просп., домъ Армянской церкви.

Редакторъ-издатель В. М. ЛАВРОВЪ.

**14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED
LOAN DEPT.**

This book is due on the last date stamped below,
or on the date to which renewed. Renewals only:
Tel. No. 642-3405
Renewals may be made 4 days prior to last date.
Renewed books are subject to immediate recall.

REC'D LD OCT 4 12 5 28 7

INTERLIBRARY LOAN

OCT 10 1979

UNIV. OF CALIF., BERK.

LIBRARY 7 1980

LIBRARY USE MAR 20 '86

LIBRARY USE MAY 8 '86

LD21A-40m-8-'72
(Q1178:10)476-A-82

General Library
University of California
Berkeley

U.C. BERKELEY LIBRARY

C008318687

9

